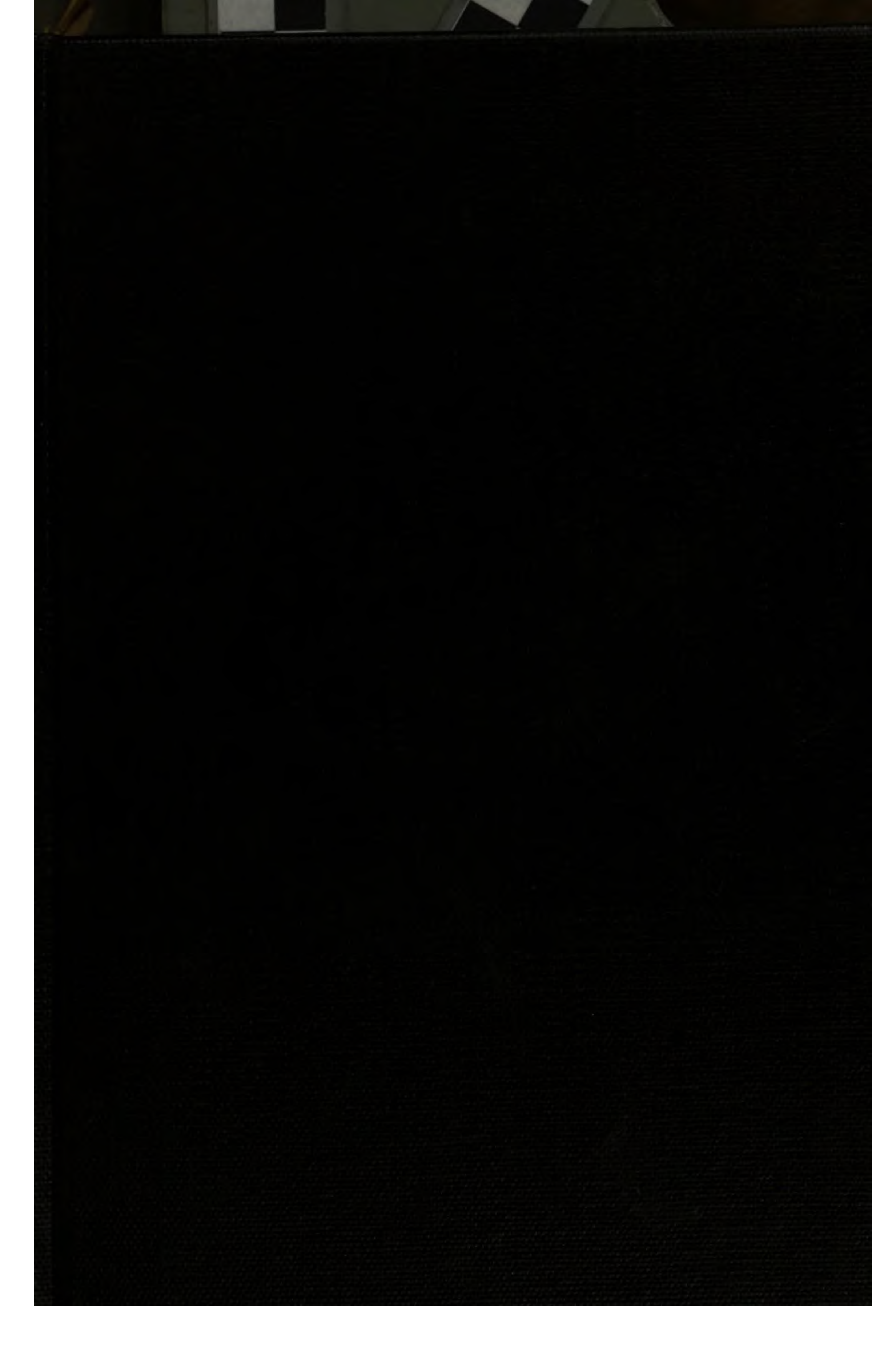

THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

Годъ XI-й. № 7-й.

3558-29В

139

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ІЮЛЬ
1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1902

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

СТР

1. ЭВОЛЮЦІОННЫЙ И КРИТИЧЕСКІЙ МЕТОДЪ ВЪ ТЕОРІИ ПОЗНАНІЯ. Проф. Г. Челпанова. 1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ ЮЖНЫХЪ НАБРОСКОВЪ. О. Чюминой 23
3. ИТА ГАЙНЕ. Повѣсть. (Окончаніе). Семена Юшкевича. . . . 25
4. О ВРАЧАХЪ. (По поводу «Записокъ врача» *В. Вересаева*) Врача Д. Жбанкова.. 55
5. СОЦІОЛОГІЯ, СОЦІАЛЬНАЯ ФИЛОСОФІЯ И СОЦІАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА. (Соціологическій этюдъ). Проф. Н. Райхесберга. 85
6. ПО АМУРУ И ПРИАМУРЬЮ. (Изъ путевыхъ замѣтокъ 1901 года). (Окончаніе). Александра Кауфмана. 100
7. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ МАРІИ КОНОПНИЦКОЙ. (Переводъ съ польскаго). А. Калин—скаго 120
8. МЫСЛЬ. Разсказъ. (Посвящаю женѣ моей А. М. Андреевой). Леонида Андреева 122
9. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. Очеркъ VIII. Марксъ. (Продолженіе). М. Туганъ-Барановскаго. 160
10. МОННА ВАННА. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Мориса Метерлинка. Переводъ съ французскаго. Т. Богдановичъ.. 191
11. СТИХОТВОРЕНІЕ. ПѢВЦЫ. (Сонетъ). О. Чюминой. 236
12. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ. П. Милюкова . 237
13. ДОЧЬ ЛЕДИ РОЗЫ. Ром. м-рсъ Гёмпфри Уордъ. Перев. съ англійскаго З. Журавской (Продолженіе). 259

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

14. ВИКТОРЪ ПЕТРОВИЧЪ ОСТРОГОРСКІЙ, КАКЪ УЧИТЕЛЬ. (Набросокъ воспоминаній ученика). Ив. Гревса. 1
15. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Воспоминанія Вл. Короленко «О Глѣбѣ Успенскомъ».—Цѣльность личности Успенскаго какъ писателя и человѣка.—Его творчество.—Громадное значеніе Успенскаго какъ художника и бытописателя русской жизни.—Его законченность какъ писателя. А. Б. 15

Годъ XI-й. № 7-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ІЮЛЬ

1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43)
1902.

AP 50
.M67
v. 11
no. 7

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 27-го іюня 1902 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

1. ЭВОЛЮЦІОННЫЙ И КРИТИЧЕСКІЙ МЕТОДЪ ВЪ ТЕОРІИ ПОЗНАНІЯ. Проф. Г. Челпанова 1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ ЮЖНЫХЪ НАБРОСКОВЪ. О. Чюминой 23
3. ИТА ГАЙНЕ. Повѣсть. (Окончаніе). Семена Юшкевича. . . 25
4. О ВРАЧАХЪ. (По поводу «Записокъ врача» *В. Вересаева*). Врача Д. Жбанкова 55
5. СОЦІОЛОГІЯ, СОЦІАЛЬНАЯ ФИЛОСОФІЯ И СОЦІАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА. (Соціологическій этюдъ). Проф. Н. Райхесберга. 85
6. ПО АМУРУ И ПРИАМУРЬЮ. (Изъ путевыхъ замѣтокъ 1901 года). (Окончаніе). Александра Кауфмана 100
7. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ МАРІИ КОНОПНИЦКОЙ. (Переводъ съ польскаго). А. Калин—скаго 120
8. МЫСЛЬ. Разсказъ. (Посвящаю женѣ моей А. М. Андреевой). Леонида Андреева 122
9. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. Очеркъ VIII. Марксъ. (Продолженіе). М. Туганъ-Барановскаго. 160
10. МОННА ВАННА. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Мориса Метерлинка. Переводъ съ французскаго. Т. Богдановичъ 191
11. СТИХОТВОРЕНІЕ. ПѢВЦЫ. (Сонетъ). О. Чюминой 236
12. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ. П. Милюкова. 237
13. ДОЧЬ ЛЕДИ РОЗЫ. Ром. м-рсъ Гёмпфри Уордъ. Перев. съ англійскаго З. Журавской (Продолженіе) 259

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

14. ВИКТОРЪ ПЕТРОВИЧЪ ОСТРОГОРСКІЙ, КАКЪ УЧИТЕЛЬ. (Набросокъ воспоминаній ученика). Ив. Гревса. 1
15. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Воспоминанія Вл. Короленко «О Глѣбѣ Успенскомъ».—Цѣльность личности Успенскаго какъ писателя и человѣка.—Его творчество.—Громадное значеніе Успенскаго какъ художника и бытописателя русской жизни.—Его законченность какъ писателя. А. Б. 15

стр.
16. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Харьковскіе кобзари.—Предѣлы крестьянскаго самоуправленія. — «Тавричане». — Изъ школьныхъ воспоминаній.— Изверженія грязнаго вулкана на Кавказѣ.—Русскіе рабочіе въ Пруссіи.—За мѣсяцъ. . . . 25
17. Изъ русскихъ журналовъ. («Русская Мысль»—май; «Историческій Вѣстникъ»—май; «Новое Дѣло»—май). 38
18. За границей. Миръ и домашнія дѣла въ Англіи.—Музей мира и войны.—Изъ доброй Испаніи.—Общественная жизнь въ Германіи.—Изъ области женскаго движенія во Франціи.—Китайская періодическая печать. 44
19. Изъ иностранныхъ журналовъ. Л. Н. Толстой о воспитаніи и обученіи. — Женское движеніе въ европейскихъ государствахъ.—Образованіе негровъ и роль ихъ въ Соединенныхъ Штатахъ.—Эпизоды изъ бурской войны 56
20. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ. За мамонтомъ. П. Ю. Шмидта. 63
21. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Отклоненіе маятника въ Индіи.—Сейсмографъ, какъ барометръ.—Жидкіе кристаллы.—Еще о цвѣтной фотографіи.—Клещи на корняхъ винограда.—Глазъ крота.—Чума у птицъ.—Движеніе кишекъ, видимое благодаря лучамъ Рентгена.—Общество для изученія психологіи животныхъ.—Отравленіе пивомъ. В. А. 72
22. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика.—Критика и исторія литературы.—Исторія русская.—Философія.—Географія и этнографія.—Естествознаніе.—Медицина.—Новыя книги, поступившія въ редакцію 81
23. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 108

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

24. ДОСТОПОЧТЕННЫЙ ПИТЕРЪ СТЕРЛИНГЪ. Романъ П. Л. Форда. (Продолженіе). Переводъ съ англійскаго Л. Я. Сердечной. 161
25. ИЗЪ ГЛУБИНЪ ОКЕАНА. Описаніе путешествія первой германской глубоководной экспедиціи Карла Куна.(Продолженіе). Переводъ съ нѣмецкаго П. Ю. Шмидта. Съ многочисл. рисунками. 175

«Міръ Божій», № 7. 1902 г.

ВРЕМЕННЫЯ ПРАВИЛА

Общины сестеръ милосердія Краснаго Креста имени Ген.-Ад. М. П. Фонъ-Кауфманъ.

Верейская, 8.

1. Въ Общину принимаются дѣвицы и женщины всѣхъ сословій христіанскихъ вѣроисповѣданій, окончившія курсъ гимназіи, епархіальнаго училища или другого среднеучебнаго заведенія, либо выдержавшія испытаніе соотвѣтствующаго курса, не моложе 18 и не старше 40 лѣтъ.

2. Способность ихъ къ труду опредѣляется врачомъ Общины, который, при поступленіи, свидѣтельствуетъ состояніе ихъ здоровья.

3. Желающія поступить въ Общину должны прислать, на имя Предсѣдательницы Комитета Общины, слѣдующіе документы: 1) Прошеніе о принятіи въ Общину. 2) Метрическое свидѣтельство. 3) Видъ на жительство. 4) Свидѣтельство о политической благонадежности. 5) Свидѣтельство объ окончаніи курса ученія. 6) Фотографическую карточку.

4. Пріемъ въ Общину начинается съ 1-го Сентября.

5. Курсъ обученія практическаго и теоретическаго длится два года, не считая первыхъ четырехъ мѣсяцевъ, когда поступившая числится испытуемой ученицей *), а по истеченіи этого срока, по представленію старшей сестры и главнаго врача Общины и съ утвержденія Предсѣдательницы, принимается въ сестры-ученицы.

6. Испытуемыя и сестры-ученицы обязаны подчиняться всѣмъ правиламъ, изложеннымъ въ инструкціи Общины.

7. Сестры-ученицы обязаны носить форменное платье при исполненіи своихъ обязанностей, а въ отпуску свое платье. Въ случаѣ крайней необходимости онѣ могутъ носить и форменное, но безъ знаковъ, присвоенныхъ ихъ званію **).

8. Сестра-ученица, желающая оставить Общину, безъ уважительной на то причины, какъ напримѣръ, семейныя обстоятельства или болѣзнь, должна заявить о своемъ намѣреніи старшей сестрѣ за недѣлю до дня своего выхода.

9. Испытуемая ученица или сестра ученица, оказавшаяся непригодной, немедленно удаляется изъ Общины по соглашенію старшей сестры съ главнымъ врачомъ и съ утвержденія Предсѣдательницы.

---

*) Испытуемая ученица можетъ отказаться по желанію, но отказавшись немедленно оставляетъ Общину.

**) Передникъ и косынка.

10. Сестра-ученица пользуется ежегодно свободнымъ мѣсяцемъ въ теченіе лѣта.

11. Больная сестра-ученица пользуется безплатнымъ леченіемъ.

12. Сестры-ученицы, поступающія въ Общину, принимаются въ нее въ качествѣ: а) платныхъ ученицъ, б) стипендіатокъ Комитета и в) полустипендіатокъ.

а) Платная испытуемая ученица и сестра-ученица вносятъ ежегодно 250 руб., изъ коихъ 200 р. при поступленіи, а 50 р. по окончаніи перваго полугодія. На второй годъ, плата распредѣляется поровну на оба полугодія (по 125 р. за каждое). Если матеріальное положеніе сестры-ученицы не позволяетъ ей сразу внести 200 р., то плата распредѣляется слѣдующимъ образомъ: 75 р. при поступленіи, 75 р. по истеченіи 3-хъ мѣсяцевъ и 100 р. въ теченіе второго полугодія. Кромѣ того, сестрѣ-ученицѣ, пробывшей годъ въ Общинѣ и не имѣющей возможности уплатить за второй годъ своего обученія, предоставляется право обращаться къ Предсѣдательницѣ съ просьбой исходатайствовать у Правленія Комитета внести за нее установленную плату.

б) Стипендіатки ничего не платятъ но, по окончаніи обученія, обязаны оставаться въ распоряженіи Комитета въ теченіе 5 лѣтъ.

в) Полустипендіатки вносятъ ежегодно 100 р. и, по окончаніи обученія, обязаны пробыть въ распоряженіи Комитета 3 года.

13. По окончаніи курса обученія, сестра ученица, выдержавшая выпускной экзаменъ, удостаивается званія сестры Краснаго Креста и получаетъ право носить знакъ Краснаго Креста на передникѣ (пока она находится въ Общинѣ).

Поступивъ въ распоряженіе Комитета, она либо остается въ Общинѣ, либо командируется въ другія учрежденія, или къ частнымъ лицамъ по усмотрѣнію Правленія. Къ экзамену ей выдается форменное платье. На обмундированіе и личные свои расходы она получаетъ 20 р. въ мѣсяцъ, при пищевомъ довольствіи и квартирѣ. По истеченіи 10-лѣтней службы, эта сумма доходитъ до 25 р. въ мѣсяцъ.

Примѣчаніе. Свидѣтельство объ успѣшной подготовкѣ дается не ранѣе, какъ по истеченіи одного года практической работы въ Общинѣ или въ качествѣ сестры милосердія.

14. Въ случаѣ болѣзни сестра пользуется даровымъ леченіемъ, но лишается обмундированія, если болѣзнь длится болѣе мѣсяца.

15. Права на пенсію выслужившихся сестеръ будутъ распредѣлены по общимъ правиламъ Россійскаго Общества Краснаго Креста и Вѣдомства Императрицы Маріи.

16. Денежныя пожертвованія, получаемыя сестрами сверхъ назначеннаго имъ содержанія отъ Общины, поступаютъ въ Общину и служатъ для улучшенія матеріальнаго положенія сестеръ и облегченія ихъ будущности.

ЭВОЛЮЦІОННЫЙ И КРИТИЧЕСКІЙ МЕТОДЪ ВЪ ТЕОРІИ ПОЗНАНІЯ.

Проф. Г. Челпанова.

Несмотря на то, что всѣ философскія системы новѣйшаго времени должны были считаться съ кантовской философіей, его теорія апріорности, составляющая основную часть его философіи, не пользуется достаточнымъ признаніемъ, что происходитъ оттого, что сущность этой теоріи для очень многихъ остается неизвѣстной.

Многимъ кажется, что признать существованіе каких бы то ни было элементовъ познанія, которые не зависятъ отъ опыта или которые получаютъ начало не изъ чувственнаго опыта, невозможно, потому что въ дѣйствительности, по современнымъ научнымъ воззрѣніямъ, всѣ наши познанія получаютъ начало изъ опыта.

Допущеніе такого ученія, которое признаетъ «формы» познанія, не зависящія отъ опыта, является совершеннымъ противорѣчіемъ со всѣмъ тѣмъ, что признано въ современной наукѣ.

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что обыкновенная эмпирическая теорія, по которой высшія понятія получаются изъ индивидуальнаго опыта, далеко не всѣмъ казалась удовлетворительной, а потому въ недавнее время возникла попытка примиренія этой теоріи съ кантовской теоріей, считающей высшія понятія невыводимыми изъ чувственнаго опыта. Такой примирительницей между двумя противоположными теоріями является эволюціонная психологія, которая признаетъ, что дѣйствительно существуютъ «формы» познанія, не выводимыя непосредственно изъ индивидуальнаго опыта, но относительно которыхъ, тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ предположить, что они возникаютъ, въ концѣ концовъ, изъ опыта. Хотя эти формы и кажутся чѣмъ то готовымъ, законченнымъ, однако, несомнѣнно, что они являются продуктомъ опыта цѣлаго ряда поколѣній.

Въ эволюціонной психологіи, повидимому, происходитъ примиреніе между точкой зрѣнія обыкновеннаго эмпиризма и точкой зрѣнія апріоризма. Она признаетъ, что существуютъ такія познанія, которыя не могутъ быть выводимы изъ индивидуальнаго опыта, но которыя могутъ быть

выведены изъ родового опыта, т.-е. изъ опыта всѣхъ предшествовавшихъ поколѣній.

Многимъ казалось, что эволюціонная психологія имѣетъ еще и то значеніе, что она собственно устраняетъ кантовскую теорію, такъ какъ она самымъ естественнымъ образомъ объясняетъ то, что въ кантовской теоріи остается необъясненнымъ.

Этотъ взглядъ въ настоящее время пользуется большимъ распространеніемъ; у насъ все еще продолжаютъ думать, что эволюціонная психологія доказала полную несостоятельность кантовской теоріи апріорности *).

Я въ настоящей статьѣ предполагаю показать, что это мнѣніе не основательно, потому что эволюціонная психологія и кантовская теорія познанія имѣютъ своимъ предметомъ совершенно отличныя другъ отъ друга вопросы, и всѣ разсужденія эволюціонной психологіи, клонящіеся къ тому, чтобы объяснить происхожденіе апріорныхъ формъ сознанія, совершенно не колеблютъ кантовской теоріи. Можно признавать правильность эволюціонной точки зрѣнія и въ то же время признавать существованіе апріорныхъ элементовъ познанія; точка зрѣнія эволюціи и та точка зрѣнія, которая признаетъ существованіе апріорныхъ познаній, совсѣмъ другъ друга не исключаютъ.

Чтобы сдѣлать эту мысль понятной, я изложу взгляды Спенсера на генезисъ апріорныхъ формъ и затѣмъ разсмотрю, дѣйствительно ли его возраженія противъ кантовской теоріи познанія могутъ быть признаны основательными.

Спенсеръ, подобно Канту, признаетъ, что въ нашемъ познаніи имѣются такія понятія, которыя представляютъ нѣчто первоначальное, неразложимое на составные элементы, но въ то же время онъ признаетъ, что если стать на точку зрѣнія теоріи эволюціи, то можно доказать, что они обладаютъ производнымъ характеромъ. Спенсеръ вмѣстѣ съ Кантомъ признаетъ, что существуютъ познанія, обладающія абсолютно достовѣрнымъ характеромъ, но только для него все сводится къ тому, чтобы показать, почему они такимъ характеромъ обладаютъ. И онъ дѣйствительно старается показать, что эти познанія являются результатомъ опыта предшествовавшихъ поколѣній.

Такъ какъ Спенсеръ все познаніе выводитъ въ концѣ концовъ изъ опыта, то его можно было бы считать эмпирикомъ, но эмпиризмъ его настолько своеобразный, что, повидимому, правильнѣе было бы сказать, что онъ занимаетъ среднее положеніе между эмпиризмомъ и апріоризмомъ. По крайней мѣрѣ, онъ самъ думаетъ, что обѣ эти теоріи должны быть признаны одинаково крайними. Апріоризмъ, по

---

*) См. напр., *Богданова* «О познаніи съ исторической точки зрѣнія», 1901 г. *Берсеневъ* «О критеріяхъ истины». («Русская Мысль» 1901 г., № 7) и брошюру «Дарвинизмъ и теорія познанія», 1899 г.

мнѣнію Спенсера, не правъ въ томъ отношеніи, что признаетъ какія-то готовыя, законченныя формы въ нашемъ сознаніи. По его мнѣнію, все то, что кажется готовой, законченной формой, въ дѣйствительности есть не что иное, какъ продуктъ продолжительнаго опыта цѣлаго рода предшествовавшихъ поколѣній; съ другой стороны, онъ не согласенъ съ ходячимъ эмпиризмомъ въ томъ, что «формы» познанія могутъ быть выведены изъ индивидуальнаго опыта.

Есть еще одинъ очень существенный пунктъ, въ которомъ Спенсеръ расходится съ эмпиризмомъ, это именно по вопросу о «критеріи достовѣрности». Для эмпирика критеріемъ достовѣрности является опытъ или чувственное впечатлѣніе. Истинную реальность мы можемъ приписать только такимъ представленіямъ, которымъ соотвѣтствуетъ какое-либо впечатлѣніе. Если же въ нашемъ познаніи имѣются какія-нибудь представленія или идеи, которымъ не соотвѣтствуютъ никакихъ впечатлѣній, то такія представленія мы должны считать просто иллюзіей. Напр., для идеи «необходимости» мы не можемъ указать какого-либо впечатлѣнія, а потому и самую идею слѣдуетъ считать иллюзорной.

По мнѣнію Милля, необходимыхъ идей или необходимыхъ соединеній идей, которыя, по общепринятымъ воззрѣніямъ, присущи математическимъ сужденіямъ, на самомъ дѣлѣ не существуетъ. Мы можемъ, конечно, признавать, что тѣмъ или другимъ сужденіямъ присуща «необходимость», но эта необходимость въ дѣйствительности является видимостью. Извѣстная связь ид й намъ кажется необходимой только потому, что она повторялась много разъ въ нашемъ опытѣ. Двѣ какія-либо идеи могутъ въ нашемъ опытѣ встрѣчаться въ соединеніи такъ часто, что впослѣдствіи намъ можетъ казаться, что связь между этими идеями нерасторжима, что она обладаетъ характеромъ необходимости. Поэтому, если апріористы говорятъ, что математическія аксіомы и вообще апріорныя сужденія отличаются отъ обыкновенныхъ сужденій тѣмъ, что въ нихъ содержится элементъ необходимости, что они представляютъ собою неразрывную связь, то Милль съ этимъ не согласенъ. На самомъ дѣлѣ эти сужденія или эта связь идей, по его мнѣнію, вовсе не представляетъ собою чего-либо абсолютно нерасторжимаго.

Апріористы говорили, что критеріемъ достовѣрности тѣхъ или другихъ положеній является немыслимость отрицанія этихъ положеній. Напр., доказательствомъ необходимости математическаго положенія, по которому сумма двухъ сторонъ треугольника всегда больше третьей, является то обстоятельство, что мы не можемъ мыслить положеніе, обратное данному положенію. Для насъ немыслимо отрицаніе этого положенія. «Немыслимость отрицанія», поэтому, является критеріемъ особеннаго характера тѣхъ или иныхъ положеній.

Милль находитъ, что этотъ критерій немыслимости отрицанія не

*

можетъ доказывать необходимаго характера апріорныхъ сужденій, потому что «немыслимость отрицанія» можетъ происходить вслѣдствіе привычки, вслѣдствіе того, что въ нашемъ опытѣ извѣстная связь представленій встрѣчалась настолько часто, что теперь кажется нерасторжимой. Спенсеръ въ отличіе отъ Милля именно признаетъ этотъ критерій немыслимости отрицанія. Этотъ критерій онъ называетъ «всеобщимъ постулатомъ» и думаетъ, что, въ концѣ концовъ, мы можемъ опредѣлять достовѣрность любыхъ сужденій при помощи этого критерія.

Эмпиризмъ утверждаетъ, что конечнымъ критеріемъ достовѣрности является *чувственная очевидность*. То или другое представленіе реально потому, что ему соотвѣтствуетъ извѣстное впечатлѣніе. Этого соотвѣтствія вполнѣ достаточно для того, чтобы утверждать реальность того или другого представленія. Спенсеръ находитъ, что одного этого критерія было бы недостаточно; нуженъ еще критерій немыслимости отрицанія. Въ самомъ дѣлѣ, если мы даже скажемъ, что данное представленіе реально потому, что оно соотвѣтствуетъ извѣстному впечатлѣнію, что оно въ этомъ смыслѣ чувственно-очевидно, то какимъ образомъ мы можемъ доказать, что оно чувственно очевидно? Для этого существуетъ только одно доказательство, которое состоитъ въ томъ, что намъ кажется, что иначе быть не можетъ; для насъ немыслимо, чтобы данное представленіе не соотвѣтствовало тому или другому впечатлѣнію. Слѣдовательно, и эмпиризмъ, который не признаетъ критерія немыслимости, въ дѣйствительности не можетъ обойтись безъ этого критерія *).

Различіе между Миллемъ и Спенсеромъ ясно. Для Милля критерій достовѣрности заключается въ чувственномъ воспріятіи. Для опредѣленія истинности чего либо мы должны обратиться прямо къ опыту. Спенсеръ же допускаетъ критерій достовѣрности, независимый отъ опыта: для него немыслимость отрицанія того или другого положенія можетъ также служить критеріемъ достовѣрности. Различіе между этими двумя критеріями также очевидно. Одинъ разъ мы ссылаемся на то, что находится во *внѣшнемъ* опытѣ, въ другой разъ на то, что находится во *внутреннемъ* опытѣ, на то, что мы называемъ внутреннею очевидностью. Такимъ образомъ Спенсеръ отступаетъ отъ обыкновеннаго эмпиризма признаніемъ внутренней очевидности. Въ зависимости отъ признанія критерія внутренней очевидности находится то обстоятельство, что Спенсеръ совсѣмъ отлично отъ Милля объясняетъ элементъ необходимости.

Онъ подвергаетъ разсмотрѣнію ту необходимость, которая присуща нѣкоторымъ сужденіямъ, и пытается опредѣлить, каковъ общій характеръ всѣхъ этихъ сужденій и откуда получается этотъ элементъ не-

*) Объ этомъ см. «Основанія Психологіи», т. IV, гл. XI.

обходимости. Въ каждомъ сужденіи мы имѣемъ соединеніе двухъ состояній сознанія. Но одни сужденія отличаются отъ другихъ именно наличностью элемента необходимости, для опредѣленія котораго нужно примѣнять критерій немыслимости отрицанія. Если мы возьмемъ, напр., такое сужденіе: «бумага бѣлая», то легко видѣть, что можно сказать: «бумага синяя» и т. д. Такое измѣненіе не содержитъ въ себѣ абсолютно ничего нелѣпаго, а это, другими словами, означаетъ, что мы не можемъ сказать, что бумага необходимо бѣлая. Въ этомъ сужденіи нѣтъ элемента необходимости. Если мы возьмемъ сужденіе: «листья дерева зеленые», то здѣсь мы уже имѣемъ болѣе необходимую связь, но и въ этомъ случаѣ мы не можемъ сказать, что связь между этими двумя идеями представляетъ собою нѣчто абсолютно необходимое, потому что если мы попытаемся разорвать связь, заключающуюся между ними, то мы увидимъ, что это возможно сдѣлать: мы можемъ представить себѣ, что древесные листья не зеленые. Но есть такія сужденія, въ которыхъ связь между представленіями дѣйствительно носитъ характеръ чего-то абсолютно необходимаго, въ которыхъ эта связь неразрывна. Для того, чтобы опредѣлить, дѣйствительно ли въ данномъ сужденіи связь между субъектомъ и предикатомъ необходима т.-е., что они неразрывно связаны между собою, намъ слѣдуетъ только представить себѣ отрицаніе этого сужденія. Если это не удастся, то это является доказательствомъ того, что мы имѣемъ дѣло съ сужденіемъ, въ которомъ связь между субъектомъ и предикатомъ неразрывна.

Вотъ примѣръ неразрывности, которая можетъ существовать между элементами сужденія. «Если прикоснувшись въ темнотѣ къ какому-либо тѣлу и получивъ мгновенно сознаніе о нѣкоторой протяженности, какъ о сопровождающемъ сопротивленіи, я желаю рѣшить, дѣйствительно ли предложеніе: «все, что оказываетъ сопротивленіе, обладаетъ протяженностью», выражаетъ познаніе высшей достовѣрности, то какъ я поступлю? Я попробую отмыслить прочь протяженность отъ сопротивленія. Я думаю о сопротивленіи и пытаюсь отбросить протяженность. Я терплю полную неудачу въ этой попыткѣ. Я не могу представить себѣ предложенія: «все, что оказываетъ сопротивленіе, непротяженно», и моя неудача представить себѣ отрицаніе этого есть открытіе того, что здѣсь вмѣстѣ съ подлежащимъ (нѣчто сопротивляющееся) *неизмѣнно* существуетъ и сказуемое (протяженность)». Слѣдовательно, въ нашемъ мышленіи мы не можемъ отдѣлить сопротивленія отъ протяженности, а это есть признакъ того, что онѣ дѣйствительно другъ отъ друга неотдѣлимы. Немыслимость отрицанія даннаго положенія показываетъ, что оно обладаетъ высшей достовѣрностью *).

Милль съ этимъ не соглашается. По его мнѣнію, этотъ критерій,

*) Тамъ же, § 426.

не имѣетъ того значенія, которое ему приписываетъ Спенсеръ, потому что онъ легко можетъ вводить въ заблужденіе и заставлять насъ думать, что тѣ или иныя предложенія обладаютъ абсолютнымъ характеромъ въ то время, какъ въ дѣйствительности они являются результатомъ привычки. Это свое утвержденіе онъ иллюстрируетъ слѣдующимъ примѣромъ. Нѣкогда людямъ казалось, что нѣкоторыя представленія неразрывно тѣсно связаны, но потомъ оказывалось, что эта связь вовсе не неразрывна. Такихъ примѣровъ можно показать въ исторіи огромное множество. «Было время,—говоритъ Милль,—когда люди съ наиболѣе развитымъ умомъ, и наиболѣе свободные отъ разныхъ предразсудковъ, не могли повѣрить въ существованіе антиподовъ; они не были въ состояніи, въ противоположность къ старой ассоціаціи, представить себѣ, чтобы тяжесть дѣйствовала вверхъ вмѣсто того, чтобы дѣйствовать внизъ».

Въ отвѣтъ на это замѣчаніе Милля Спенсеръ говоритъ, что для доказательства правильности критерія немыслимости отрицанія слѣдуетъ всегда брать простыя предложенія, а не сложныя, какъ это дѣлаетъ Милль въ только что приведенномъ примѣрѣ съ антиподами. Если бы Милль вмѣсто того, чтобы брать сложные примѣры, взялъ простой примѣръ съ геометрическими положеніями, то онъ увидѣлъ бы, что немыслимость отрицанія является дѣйствительнымъ, и при томъ единственнымъ критеріемъ высшей достовѣрности. Аксіома, «что если къ двумъ неравнымъ величинамъ прибавлять равныя, то получатся неравныя суммы, признавалась греками не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ нами самими». А какъ мы доказываемъ достовѣрность этого положенія? Только лишь такимъ образомъ, что мы показываемъ, что обратное положеніе немыслимо для насъ. Возьмемъ еще такой же простой примѣръ изъ области простѣйшихъ чувственныхъ состояній: «Если я увѣренъ,—говоритъ Спенсеръ, что я чувствую холодъ, то я признаю это истиннымъ только потому, что я не могу представить себѣ, что я не чувствую холода», и пока это предложеніе остается истиннымъ, отрицаніе его является немыслимымъ *).

Теперь ясно, почему нужно считать, что Спенсеръ уклоняется отъ ходячаго эмпиризма.

По Миллю, если мы желаемъ опредѣлить, истинна ли связь между какими-либо данными идеями, мы непремѣнно должны обратиться къ *вещамъ* и посмотрѣть, существуетъ ли такая же связь между ними. Связь между вещами есть единственный критерій истинности. По мнѣнію Спенсера, конечный критерій истинности даннаго положенія заключается въ немыслимости отрицанія его. Это признакъ, который опредѣляется не при помощи созерцанія вещей, а при помощи созерца-

---

*) «Основанія Психологіи», § 428.

нія самихъ *идей*. Все, что мы въ нашемъ познаніи не можемъ соединять, то мы должны считать ложнымъ.

Этимъ Спенсеръ приближается къ апріоризму.

Но какъ можно было объяснить то обстоятельство, что критерій немыслимости отрицанія является показателемъ высшей достовѣрности? Другими словами, какъ можно съ эволюціонной точки зрѣнія объяснить то обстоятельство, что если къ какому-либо предложенію можно примѣнить критерій немыслимости отрицанія, то это значитъ, что мы имѣемъ дѣло съ сужденіемъ высшей достовѣрности? По мнѣнію Спенсера, связи между нашими представленіями выработались благодаря воздѣйствію объективныхъ связей, связей вещей. То или другое сужденіе находится въ зависимости отъ того, какіе факты дѣйствуютъ на наше сознаніе. Есть вещи, которыя всегда безъ исключенія бываютъ связаны другъ съ другомъ. Такія вещи, оказывая воздѣйствіе на наше сознаніе, должны создать сужденія, отрицаніе которыхъ немыслимо. «Соотвѣтственно каждому абсолютному однообразію природы, постоянно повторяющемуся въ нашей опытности, должно существовать въ насъ нѣкоторое убѣжденіе, отрицаніе котораго немыслимо и которое абсолютно справедливо. Постоянныя связи между вещами должны образовать постоянныя связи въ сознаніи. «Вслѣдствіе безконечнаго повторенія абсолютныхъ внѣшнихъ связей, образуются внутреннія соединенія, необходимыя формы познанія» *). Такимъ образомъ, необходимыя идеи объясняются воздѣйствіемъ внѣшнихъ связей.

Но что для насъ особенно важно, такъ это то, что хотя абсолют ное однообразіе и существуетъ въ природѣ и оказываетъ воздѣйствіе на наше сознаніе, но если бы допустили, что оно оказываетъ воздѣйствіе только на наше *индивидуальное* сознаніе, то мы не были бы въ состояніи объяснить, отчего связи между нѣкоторыми изъ нашихъ идей неразрывны.

Спенсеръ предполагаетъ, что неразрывныя связи идей, т.-е. собственно апріорныя формы сознанія, происходятъ не изъ индивидуальнаго опыта, а изъ опыта всѣхъ предшествующихъ поколѣній. Спенсеръ признаетъ апріорныя формы, но при этомъ предполагаетъ, что онѣ имѣютъ опытное происхожденіе.

Такимъ образомъ, если Спенсеръ признаетъ апріорныя формы, но при этомъ считаетъ ихъ происходящими изъ опыта, то кажется, что онъ примиряетъ Канта съ эмпиризмомъ.

Но дѣйствительно ли это такъ?

Я позволю себѣ напомнить въ самыхъ общихъ чертахъ, въ чемъ заключалось ученіе Канта. Кантъ доказывалъ, что существуютъ понятія (пространства, времени, причинности и пр.), которыя изъ чувственнаго

---

*) Тамъ же § 430.

опыта не получаются, но которыя обусловливаютъ все наше познаніе. Такія понятія, которыя отъ чувственнаго опыта не зависятъ, но которыя сами обусловливаютъ научное познаніе, называются у Канта апріорными понятіями. Между Кантомъ и эмпиризмомъ то различіе, что онъ признаетъ существованіе понятій, которыя не получаются изъ чувственнаго опыта *).

Спенсеръ думаетъ, что, признавая апріорныя формы сознанія выводимыми изъ опыта, онъ примиряетъ апріоризмъ съ эмпиризмомъ. «Таково, мнѣ кажется,—говоритъ онъ,—единственно возможное соглашеніе между гипотезой опыта и гипотезой трансценденталистовъ, ни одно изъ которыхъ не можетъ быть поддерживаемо. Ученіе Канта встрѣчаетъ не меньшія трудности» **).

Для примиренія эмпиризма съ ученіемъ Канта путемъ признанія воздѣйствія внѣшняго міра, Спенсеръ считаетъ необходимымъ *біологическое* обоснованіе вопроса о происхожденіи познаній.

На первый взглядъ можетъ показаться непонятнымъ, почему онъ стремится дать біологическое обоснованіе психологическому вопросу. Но въ дѣйствительности это не трудно понять, если принять въ соображеніе, что Спенсеръ стоитъ на точкѣ зрѣнія психофизическаго параллелизма, признающаго соотвѣтствіе между явленіями психическими и физіологическими. Поэтому, разсматривая съ точки зрѣнія біологіи развитіе организма или физіологической основы сознанія, онъ имѣетъ возможность, на основаніи развитія этого послѣдняго судить также и о развитіи психической жизни. Другая причина, почему онъ становится на біологическую точку зрѣнія, состоитъ въ томъ, что, благодаря ей, онъ разсматриваетъ развитіе организма, а вмѣстѣ съ тѣмъ и психической жизни въ связи съ воздѣйствіемъ окружающей среды. Такое совмѣстное разсмотрѣніе психической жизни происходитъ отъ того, что, по мысли автора, психическая жизнь есть только частный случай жизни вообще. Это легко видѣть изъ его опредѣленія жизни. «Жизнь—говоритъ онъ,—есть непрерывное приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ». Разберемъ смыслъ этого опредѣленія.

По мысли Спенсера для существованія жизни необходимо, чтобы внутреннія измѣненія соотвѣтствовали внѣшнимъ. Подъ *внутренними* измѣненіями онъ понимаетъ измѣненія, которыя совершаются въ организмѣ того или другого существа; сюда относятся извѣстныя чувства, мысли, побужденія, волевыя движенія и т. п., подъ *внѣшними* измѣненіями по отношенію къ данному организму онъ понимаетъ всѣ тѣ измѣненія, которыя совершаются внѣ предѣловъ даннаго организма; напр., измѣненія въ окружающей природѣ. Само собою понятно, что для сохраненія жизни необходимо, чтобы между тѣми измѣненіями,

---

*) См. изложеніе ученія Канта въ «Мірѣ Божьемъ». 1901. №№ 2, 3.

**) § 208.

которыя совершаются въ организмѣ даннаго существа, и между тѣми измѣненіями, которыя совершаются въ окружающей насъ средѣ, было бы опредѣленное соотношеніе. Такого рода соотношеніе является необходимымъ условіемъ существованія, и установленіе такого соотношенія Спенсеръ называетъ «приспособленіемъ» организма къ окружающей средѣ.

Напр., для того, чтобы какое-нибудь животное могло спастись отъ преслѣдованія другого животнаго, необходимо чтобы тѣ измѣненія, которыя происходятъ въ организмѣ этого животнаго, т.-е. извѣстныя воспріятія, чувства, движенія и т. п. соотвѣтствовали извѣстнымъ образомъ измѣненіямъ, совершающимся внѣ этого организма. Относительно животнаго, которое успѣваетъ избѣжать опасности, можно сказать, что между нимъ и внѣшнимъ міромъ существуетъ опредѣленное соотвѣтствіе, что данное животное «приспособлено» къ окружающей средѣ. *)

Спенсеръ очень остроумно описываетъ тѣ виды соотвѣтствія, которыя можно видѣть у организмовъ, различно приспособленныхъ къ окружающей средѣ. **) Мы не станемъ слѣдить за Спенсеромъ въ этихъ разсужденіяхъ, но замѣтимъ только, что, по его мнѣнію, между *психической жизнью* и *средой* также существуетъ соотвѣтствіе, такъ какъ психическая жизнь для него есть частный видъ жизни вообще. Собственно для того, чтобы понять, о какомъ соотвѣтствіи идетъ рѣчь, когда говорится, что между психической жизнью и средой существуетъ соотвѣтствіе, скажемъ просто, что наше сознаніе должно болѣе или менѣе точно отражать свойства внѣшняго міра. Такой формулировкой мы ничуть не исказимъ смысла спенсеровкой теоріи.

Поэтому, и относительно ума онъ могъ сказать, что «умъ состоитъ въ соотвѣтствіи». «Нужно, чтобы существовалъ извѣстный параллелизмъ между мыслящимъ существомъ и между внѣшними сосуществованіями и послѣдовательностями, отражаемыми его мыслью», т.-е., очевидно, подобно потому, какъ устанавливается соотвѣтствіе между внутренними процессами въ организмѣ и внѣшними событіями, такъ точно устанавливается соотвѣтствіе между умственными процессами и внѣшними измѣненіями. Внѣшнія измѣненія соотвѣтственнымъ образомъ отражаются въ сознаніи. Отсюда слѣдуетъ, что если какая-нибудь связь явленій во внѣшнемъ мірѣ повторяется часто, то она отражается въ сознаніи такимъ образомъ, что представленія, соотвѣтствующія этимъ явленіямъ, оказываются тѣсно связанными; и наоборотъ, если какая-нибудь связь явленій повторяется во внѣшнемъ мірѣ рѣдко, то связь между соотвѣтствующими этимъ явленіемъ представленіями будетъ очень слабая. Это приводитъ его къ установленію закона, который

*) Основанія «Психологіи», § 131.

**) §§ 133—176.

онъ называетъ «закономъ ума», и который собственно есть законъ ассоціаціи идей. Этотъ законъ онъ формулируетъ такъ: «Постоянство связи между состояніями сознанія пропорціонально постоянству связи между тѣми внѣшними дѣятельностями, которымъ они соотвѣтствуютъ» *).

Между сосуществованіями и послѣдовательностями во внѣшнемъ мірѣ есть всевозможныя отношенія. Есть вещи, которыя связаны друга съ другомъ всегда безъ исключенія. Есть вещи, которыя мы воспринимаемъ связанными всего на всего только одинъ разъ. Между этими крайне многочисленными и совершенно случайными соединеніями лежатъ всевозможныя степени частоты соединеній и всѣ эти связи между внѣшними вещами отражаются въ сознаніи соотвѣтствующимъ образомъ. Между представленіями устанавливаются ассоціаціи различной прочности.

Дальнѣйшее объясненіе процесса ассоціаціи представленій состоитъ въ томъ, что онъ приписываетъ ему *физіологическую* основу, т.-е. утверждаетъ, что подобно тому, какъ устанавливается связь между представленіями, такъ точно устанавливается связь между соотвѣтствующими имъ физіологическими элементами, и прочность связи между этими послѣдними, пропорціональна частотѣ повторенія соотвѣтствующихъ представленій.

Сведеніе психологическаго процесса ассоціаціи на физіологическіе процессы для Спенсера представляется очень важнымъ, потому что при такомъ предположеніи легче понять *воздѣйствіе среды на сознаніе*. Что внѣшнія измѣненія могутъ оказывать воздѣйствіе на нервную систему, легко понять, а что это, въ свою очередь, можетъ оказывать воздѣйствіе на представленіе тоже легко понять вслѣдствіе признанной связи между психическими и физическими явленіями.

По эволюціонной психологіи, «умъ» не всегда существовалъ въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ теперь существуетъ; онъ имѣетъ опредѣленное начало и долженъ возникать изъ другихъ болѣе элементарныхъ психическихъ процессовъ. Задача Спенсера заключается въ томъ, чтобы показать, изъ какихъ именно процессовъ и какимъ образомъ возникаетъ умъ.

Самымъ первоначальнымъ психическимъ процессомъ онъ считаетъ *рефлексъ*. Въ этой простѣйшей формѣ психическаго дѣйствія онъ видитъ «приспособленіе *одного* внутренняго отношенія къ *одному* внѣшнему отношенію». Это психическое состояніе есть не что иное, какъ отвѣтная реакція на одно внѣшнее возбужденіе при помощи одного движенія *).

Слѣдующая болѣе высокая стадія психическаго развитія у Спенсера называется *инстинктомъ*. Различіе между рефлексомъ и инстин-

---

*) Тамъ же § 189.

**) § 191.

ктомъ состоитъ только въ томъ, что въ то время, какъ въ рефлексѣ на одно возбужденіе имѣется только лишь одно отвѣтное движеніе, въ инстинктѣ на *рядъ* возбужденій совершается цѣлый *рядъ* отвѣтныхъ движеній.

«Строго говоря, нельзя провести рѣзкой разграничительной линіи между инстинктомъ и просто рефлекторнымъ дѣйствіемъ, изъ котораго инстинктъ возникаетъ при помощи осложненія. Такъ что можно сказать, что инстинктъ есть просто сложный рефлексъ».

Переходъ простого рефлекса въ сложный, т.-е. въ инстинктъ, объясняется накопленіемъ опытовъ и наслѣдственной передачей *).

Инстинктъ по мѣрѣ развитія даетъ начало болѣе высокой умственной способности, именно *памяти*, слѣдующимъ образомъ.

Память, по опредѣленію Спенсера, есть зачаточное состояніе тѣхъ нервныхъ возбужденій, которыя у насъ бываютъ въ то время, когда мы что-либо реально ощущаемъ или когда мы производимъ реальное движеніе. Если я говорю, что я «вспоминаю» какое-либо реальное движеніе, то это собственно значитъ, что я въ слабой степени ощущаю повтореніе тѣхъ самыхъ ощущеній, которыя я испытывалъ, когда я производилъ реальное движеніе. Если я говорю, что я «вспоминаю» красный цвѣтъ, то это значитъ, что у меня въ зачаточной степени рождается то состояніе, которое я переживалъ, когда я ощущалъ красный цвѣтъ. «Воспоминаніе есть начало возбужденія всѣхъ тѣхъ нервовъ, болѣе сильное возбужденіе которыхъ было испытано во время движенія и реальнаго ощущенія».

Память, по теоріи Спенсера, возникаетъ изъ инстинкта. Если инстинктивныя дѣйствія находятся на низшей стадіи развитія, то они совершаются механически или автоматически. Въ этихъ дѣйствіяхъ существуетъ полная увѣренность. Но если животному приходится выполнять сложныя инстинктивныя движенія, то они уже не могутъ выполняться съ прежнею степенью увѣренности. Въ этомъ случаѣ нѣкоторыя психическія состоянія не реализуются, а возникаютъ только въ *зачаточномъ* состояніи возбужденія, которое и называется памятью.

Пояснимъ это при помощи примѣра. Предположимъ, что рядъ возбужденій ABC можетъ дѣйствовать на сознаніе въ различныхъ сочетаніяхъ, или въ сочетаніи съ DE, или въ сочетаніи съ PQ, и предположимъ, что на рядъ возбужденій ABCDE организмъ отвѣчаетъ при помощи движенія *a*, а на рядъ ABCPQ отвѣчаетъ при помощи движенія *b*. Предположимъ далѣе, что рядъ возбужденій ABC возникаетъ самостоятельно безъ DE и безъ PQ. Что тогда произойдетъ? Животное будетъ колебаться; оно не произведетъ никакого движенія ни a, ни b, но и то, и другое явится въ зачаточномъ состояніи. Это и

*) §§ 194—198.

будетъ «воспоминаніе» о движеніи. Такимъ образомъ объясняется возникновеніе памяти изъ привычныхъ инстинктивныхъ дѣйствій *).

Для насъ вопросъ о возникновеніи памяти представляетъ важность потому, что онъ способствуетъ разрѣшенію вопроса о происхожденіи ума. Съ возникновеніемъ памяти возникаетъ и умъ. Если мы возьмемъ только что приведенный примѣръ, когда въ сложныхъ инстинктивныхъ дѣйствіяхъ начинается колебаніе, когда открывается возможность произвести одинаково то или другое отвѣтное движеніе, то при такихъ условіяхъ одержитъ перевѣсъ то отвѣтное движеніе, которое наиболѣе часто совершалось въ предшествующей опытности организма. Такое дѣйствіе будетъ наиболѣе цѣлесообразнымъ и въ то же время наиболѣе разумнымъ. Такимъ образомъ объясняется генезисъ ума **).

Для насъ этихъ соображеній вполнѣ достаточно, чтобы понять утвержденіе Спенсера, что *высшія умственныя способности возникаютъ изъ низшихъ.*

Мы видѣли уже, что чѣмъ чаще извѣстная связь между внѣшними впечатлѣніями оказываетъ воздѣйствіе на *сознаніе*, тѣмъ эта связь становится прочнѣе. Если мы переведемъ это на физіологическій языкъ, то мы должны будемъ это выразить такимъ образомъ, что чѣмъ чаще на наше сознаніе оказываетъ воздѣйствіе какая-либо связь между вещами, тѣмъ болѣе прочныя связи устанавливаются въ *нервной системѣ.* Намъ слѣдуетъ пойти дальше и сказать, что эти нервныя связи могутъ передаваться по наслѣдству, какъ вообще можетъ передаваться по наслѣдству физіологическая организація. Тогда для насъ станетъ вполнѣ понятнымъ возникновеніе формъ мысли. Спенсеръ основываютъ свою теорію на признаніи *наслѣдственности психическихъ способностей.* По его теоріи, всѣ физіологическія видоизмѣненія въ организмѣ передаются по наслѣдству, а вмѣстѣ съ этими видоизмѣненіями передаются и соотвѣтствующія имъ видоизмѣненія и въ психической сферѣ. «Нашъ общій законъ, утверждающій, что при прочихъ равныхъ условіяхъ сила связи между психическими связями пропорціональна числу случаевъ, когда эти состоянія слѣдовали въ опытности организмовъ, доставляетъ удовлетворительное объясненіе формъ мысли, какъ скоро мы его дополнимъ другимъ закономъ, утверждающимъ, что психическія послѣдовательности передаются потомкамъ въ формѣ нѣкотораго наслѣдственнаго стремленія къ такимъ послѣдовательностямъ». Коль скоро мы это допустимъ, тогда намъ тотчасъ же сдѣлается понятнымъ возникновеніе формъ сознанія (пространства, времени, причинности и т. п.), которыя мыслятся нами, какъ что-то постоянное, неизмѣнное.

---

*) § 199—202.
**) «Осн. Псих.» § 203—204.

Если признать, что частота какого-либо событія воплощается въ нервной системѣ и если допустить. что эти связи передаются по наслѣдству, то «установленіе тѣхъ прочно соединенныхъ, неуничтожимыхъ умственныхъ отношеній, которыя составляютъ собою наши идеи о пространствѣ и времени, также объяснимо на основаніи того же принципа» *).

Идеи пространства и времени у Спенсера называются *формами мысли*. Онъ называетъ ихъ также «инстинктивными умственными отношеніями», такъ какъ подобно тому, какъ инстинктъ является продуктомъ постояннаго повторенія, такъ и эти формы мысли являются продуктомъ однообразнаго воздѣйствія внѣшнихъ связей.

Пространство и время мы воспринимаемъ автоматически, неизмѣнно постоянно въ одномъ и томъ же видѣ. По теоріи Спенсера, это происходитъ оттого, что пространство, какъ и время, представляетъ собою наиболѣе постоянный элементъ человѣческаго воспріятія. Спенсеръ это разъясняетъ слѣдующимъ образомъ.

Если въ индивидуальномъ опытѣ какое-либо дѣйствіе повторяется очень часто, то связь между отдѣльными процессами, входящими въ составъ этого дѣйствія, дѣлается часто совершенно автоматической. Такое дѣйствіе, какъ пусканіе стрѣлы дикаремъ, имѣетъ автоматическій характеръ, потому что дикарь совершаетъ это дѣйствіе безъ всякой мысли о тѣхъ приспособленіяхъ, которыя необходимы для него. Эта способность совершать автоматическія дѣйствія можетъ передаваться по наслѣдству, что подтверждается тѣмъ, что существуютъ расы, которыя отличаются особеннымъ искусствомъ совершать тѣ или другія дѣйствія. Если предрасположеніе къ такимъ дѣйствіямъ, какъ пусканіе стрѣлы, можетъ передаваться наслѣдственно, то что же сказать о тѣхъ дѣйствіяхъ, которыя совершаются въ каждый моментъ нашей жизни, о дѣйствіяхъ, которыя мы совершаемъ всю жизнь, дѣйствія, которыя такимъ же образомъ, какъ и мы, совершалъ каждый изъ членовъ предшествовавшихъ поколѣній. О такихъ дѣйствіяхъ, «которыя испытываются всѣми организмами во всѣ моменты ихъ бодрственной жизни, между которыми существуютъ отношенія абсолютно *постоянныя* и абсолютно *всеобщія*», слѣдуетъ сказать, что благодаря имъ въ организмахъ должны установиться абсолютно постоянныя, абсолютно всеобщія отношенія». Воспріятіе же пространства и времени составляетъ именно такое дѣйствіе, которое совершалось организмами абсолютно постоянно **).

«Организація субъективныхъ отношеній, соотвѣтствующая этимъ объективнымъ отношеніямъ (пространства и времени), слагалась не только въ каждой расѣ существъ, но черезъ всѣ послѣдовательныя

---

*) «Осн. Псих.» § 208.
**) «Осн. Псих.», § 208.

расы существъ, вслѣдствіе чего эти субъективныя отношенія соединились лучше, чѣмъ всѣ другія. Такъ какъ эти связи между внѣшними существованіями испытываются каждымъ существомъ при каждомъ его воспріятіи, то это является новою причиною того, что связи между соотвѣтствующими имъ внутренними состояніями становятся болѣе неразрывными, чѣмъ всѣ другія». Представленіе пространства и времени, «будучи постоянными и безконечно повторяющимися элементами мысли, должны сдѣлаться автоматическими элементами, т.-е. такими элементами, *отъ которыхъ никакъ невозможно освободиться*, или иначе сказать, они должны сдѣлаться *формами* интуиціи» *).

Вслѣдствіе того, что пространство и время составляютъ самый частый предметъ воспріятія и связаны со всѣми впечатлѣніями внѣшняго міра, мы не въ состояніи думать объ этихъ послѣднихъ безъ того, чтобы у насъ не появлялось понятія пространства. Оно необходимо всегда сопровождаетъ наше мышленіе о внѣшнемъ мірѣ. Въ этомъ смыслѣ оно составляетъ неотъемлимое содержаніе нашего сознанія, а это значитъ, другими словами, что оно представляетъ собою то, что Кантъ называетъ формою мысли.

Такимъ образомъ, мы уже здѣсь видимъ, что Спенсеръ нашелъ объясненіе для кантовскихъ формъ пространства и времени, которыя всегда и неизмѣнно сопровождаютъ всякое наше воспріятіе. По объясненію Спенсера, неразрывная связь нашихъ внѣшнихъ впечатлѣній съ понятіемъ пространства объясняется тѣмъ, что воспріятіе пространства наиболѣе часто повторялось не только въ нашемъ индивидуальномъ опытѣ, но также и въ опытѣ всѣхъ предшествовавшихъ поколѣній. То обстоятельство, что понятіе пространства есть необходимая форма воспріятія, объясняется просто изъ опыта.

Но хотя, по Спенсеру, понятія пространства и времени составляютъ продуктъ опыта (индивидуальнаго и родового), однако, изъ этого не слѣдуетъ, что его нужно считать эмпирикомъ просто. Онъ, какъ я уже сказалъ, занимаетъ среднее мѣсто между эмпиризмомъ и апріоризмомъ. Онъ, по его собственнымъ словамъ, не является сторонникомъ эмпиризма Локка, который признавалъ всѣ идеи пріобрѣтенными. «Утверждать, что ранѣе испытываній, т.-е. до полученія первыхъ впечатлѣній, духъ представляетъ собою tabula rasa чистую доску, т.-е. совершенно пустую чистую поверхность, значитъ игнорировать такіе вопросы, откуда берется способность къ организаціи впечатлѣній. Откуда возникаютъ различія въ степени этой способности, различія, обнаруживаемыя различными расами организмовъ и различными индивидуумами одной и той же расы. Если при рожденіи не существуетъ ничего, кромѣ пассивной воспріимчивости къ впечатлѣніямъ, то почему же лошадь не столь способна къ воспитанію, какъ человѣкъ. И если

*) «Осн. Псих.», 208.

намъ скажутъ, что тутъ различіе зависитъ отъ языка, то почему же кошка и собака, воспитанныя въ одномъ и томъ же домѣ, не представляютъ одной и той же степени и одного и того же рода умственнаго развитія. Гипотеза опыта въ ея ходячей формѣ предполагаетъ, что присутствіе *опредѣленно организованной нервной системы* есть обстоятельство, не имѣющее никакой важности, фактъ, котораго совсѣмъ не нужно брать въ соображеніе. Однако, это есть фактъ, имѣющій очень важное значеніе, фактъ, на который уже указывали критическія замѣчанія Лейбница и другихъ, фактъ, безъ котораго ассимиляція впечатлѣній была бы совершенно необъяснима» *) Спенсеръ находитъ, что главный недостатокъ обыкновенной эмпирической теоріи состоитъ въ томъ, что она не признаетъ наличности извѣстной *врожденной способности въ организаціи впечатлѣній*. Съ другой стороны, Спенсеру кажется, что нельзя-таки просто сказать, что есть какія-то готовыя формы мысли въ томъ смыслѣ, въ какомъ это понятіе употребляли Лейбницъ и Кантъ. Ему кажется, что въ этой теоріи есть доля истины, но что полная истина можетъ быть достигнута только при соотвѣтствующихъ поправкахъ. Поправка могла бы заключаться въ болѣе ясномъ опредѣленіи того, что значитъ *врожденная способность*. Спенсеръ предполагаетъ, что это понятіе тожественно съ понятіемъ наслѣдственнаго физіологическаго предрасположенія.

Переведя такимъ образомъ психическую врожденность на врожден-

---

*) Тамъ же, § 208. Въ такомъ же смыслѣ высказывается и *Льюисъ* («Вопросы о жизни и духѣ». Т. І-й, 163). «Организмъ не есть пассивный пріемникъ внѣшнихъ впечатлѣній, но дѣятельный кооператоръ. Онъ не только имѣетъ свои собственные законы дѣйствія, но и заключаетъ въ себѣ то элементарное условіе сознанія, которое большинство теоретиковъ пытается вывести ab extra. Я хочу сказать, что чувствующій механизмъ не есть механизмъ простой и потому постоянный, но механизмъ измѣнчивый, имѣющій исторію. Не одни измѣненія внѣшняго міра записываются въ немъ чувствами, но эти черты соединяются въ немъ съ чертами прежнихъ надписей. Чувствующій субъектъ не есть tabula rasa, не листъ бѣлой бумаги, а палимпсестъ. Сенсуалистическая школа была слѣпа непонятнымъ образомъ къ самымъ условіямъ результатовъ, которые намѣревалась объяснить. Она считала мышленіе «преобразованнымъ ощущеніемъ», упуская изъ виду, что присутствіе *способности* группированія, отъ которой зависитъ мышленіе, было необходимо какъ для ощущенія, такъ и для его преобразованія. Не замѣчая факта, что организмъ есть непрерывное развитіе и заключаетъ въ своемъ строеніи готовыя формы дѣйствія, унаслѣдованныя отъ предковъ, приверженцы этой школы не обратили вниманія и на этотъ фактъ, что организмъ заключатетъ въ себѣ еще *наслѣдственный опытъ*, т.-е. родъ реакціи, предшествующій всякимъ прямымъ отношеніямъ къ внѣшнимъ вліяніямъ и необходимо опредѣляющій результаты индивидуальнаго опыта. Здѣсь мы можемъ видѣть на самомъ дѣлѣ то, что можетъ быть названо *апріорнымъ условіемъ* въ каждомъ ощущеніи и въ каждой идеѣ, но это условіе имѣетъ историческій, а не трансцендентальный характеръ, оно есть результатъ *опыта*, хотя и не индивидуальнаго». Совершенно тожественные съ этимъ взгляды были высказаны *Дюбуа-Реймономъ* («Reden von Emil Du Bois Reimond». 1886, стр. 53) и *Геккелемъ* (Häckel. «Natürliche Schöpfungsgeschichte». 4 Auf., стр. 636).

ность физіологическихъ условій, Спенсеръ начинаетъ затѣмъ говорить о врожденности извѣстнаго строенія мозга, нервовъ и т. д., что разумѣется, вполнѣ понятно при его взглядѣ на параллельность между физическими и психическими процессами и, кромѣ того, при большей легкости трактовать о физіологической врожденности, чѣмъ о психологической. Онъ долженъ былъ произвести этотъ переводъ психологической врожденности на физіологическую, потому что, по его теоріи, измѣненія объективнаго міра такъ или иначе воплощается въ нашей нервной системѣ, что тѣ или другія измѣненія объективнаго міра производятъ соотвѣтственныя измѣненія въ нашемъ организмѣ.

«Въ нервной системѣ существуютъ извѣстныя предустановленныя отношенія, соотвѣтствующія отношеніямъ среды, и въ этомъ смыслѣ ученіе о формахъ интуиціи выражаетъ дѣйствительно существующую истину, хотя не ту, которую въ ней предполагаютъ ея защитники, но лишь параллельную истину. Соотвѣтственно абсолютнымъ внѣшнимъ отношеніямъ въ строеніи нервной системы установились абсолютныя внутреннія отношенія, которыя *потенціально присутствуютъ раньше рожденія въ формѣ опредѣленныхъ нервныхъ связей*, которыя предшествуютъ индивидуальнымъ опытамъ, и независимы отъ нихъ, которыя автоматически раскрываются вмѣстѣ съ первыми познаніями» *).

Обратимъ вниманіи на то обстоятельство, что Спенсеръ, говоря о формахъ мысли, имѣетъ въ виду ихъ потенціальное преднахожденіе въ формѣ опредѣленныхъ нервныхъ связей.

Такимъ образомъ, кантовская теорія получаетъ самое простое выраженіе у Спенсера. Формы интуиціи получаются вслѣдствіе того, что абсолютнымъ внѣшнимъ отношеніямъ соотвѣтствуютъ абсолютныя внутреннія отношенія, которыя и суть именно «формы интуиціи».

Особенно важной у Спенсера, очевидно, является та мысль, что о тѣхъ или иныхъ умственныхъ или нервныхъ связяхъ, отражающихъ внѣшнія связи, слѣдуетъ не только сказать, что они устанавливаются у даннаго индивидуума, но слѣдуетъ также сказать, что они передаются по наслѣдству (и физіологически и психологически) изъ поколѣнія въ поколѣніе.

«Человѣческій мозгъ есть организованная запись безконечнаго числа впечатлѣній, полученныхъ впродолженіи жизни или, правильнѣе говоря, впродолженіи эволюціи того рода организмовъ, чрезъ который прошло развитіе человѣческаго организма. Результаты, производившіеся въ организмѣ наиболѣе однообразными и частыми опытами, завѣщались послѣдовательно однимъ поколѣніемъ другому, причемъ передавались и капиталъ и проценты. Такимъ-то путемъ и накопилась та высокая умственная сила, которая покоится въ скрытомъ состояніи въ мозгу ребенка, которую ребенокъ въ послѣдующей жизни и упраж-

*) «Осн. Псих.» § 208.

няетъ, а можетъ быть и усиливаетъ и подвергаетъ дальнѣйшему усложненію, и которая съ этими крошечными прибавленіями завѣщается будущимъ поколѣніямъ» *).

Опытъ каждаго индивидуума видоизмѣняетъ такъ или иначе мозгъ, и въ такомъ измѣненномъ видѣ мозгъ передается потомству, которое въ свою очередь прибавляетъ отъ себя нѣчто и вновь передаетъ послѣдующимъ поколѣніямъ. Благодаря такой продолжительной работѣ измѣненія мозга въ различныхъ поколѣніяхъ, происходитъ то, что, наконецъ, пространство и время воспринимаются такъ, что они кажутся неразрывно связанными съ внѣшними впечатлѣніями.

Такимъ образомъ взглядъ Спенсера на «форму» пространства можно такъ формулировать: по его мнѣнію, понятіе пространства дѣйствительно имѣетъ всѣ тѣ признаки, которые присущи формамъ познанія. Мы не можемъ мыслить о какомъ-нибудь внѣшнемъ впечатлѣніи безъ того, чтобы это понятіе не было связано съ нимъ. Въ этомъ смыслѣ Спенсеръ согласенъ назвать его «необходимой» формой. Но онъ отнюдь не согласенъ съ тѣмъ, что эта форма имѣетъ какое-либо происхожденіе отличное отъ того, которое мы можемъ приписать всѣмъ нашимъ другимъ познаніямъ, и пытается объяснить это происхожденіе путемъ гипотезы эволюціи. По его теоріи, психическая жизнь является отраженіемъ объективной связи вещей.

Извѣстной связи психическихъ состояній всегда соотвѣтствуетъ извѣстная связь нервныхъ элементовъ и относительно прочности связи этихъ послѣднихъ слѣдуетъ сказать, что она находится въ зависимости отъ частоты повторенія той или другой связи въ объективномъ мірѣ. Такъ какъ наше воспріятіе пространства и времени мы совершаемъ каждое мгновеніе нашей жизни, то вполнѣ естественно, что связи, соотвѣтствующія этимъ воспріятіямъ, становятся неразрывными. Но что особенно важно для теоріи Спенсера, такъ это то, что для объясненія происхожденія формъ сознанія нельзя брать въ соображеніе опытъ и развитіе только *индивидуальнаго* сознанія, нужно брать еще въ соображеніе опытъ и развитіе предшествующихъ поколѣній.

Каждый индивидуумъ воспринимаетъ пространство въ такой совершенной формѣ, что о немъ можно сказать, что оно есть какъ бы готовая форма, что «оно апріори для даннаго индивидуума», но, конечно, мы не должны забывать, что оно «апостеріори для всѣхъ предшествующихъ поколѣній».

Такимъ образомъ, мы видимъ, что Спенсеръ признаетъ формы сознанія, причемъ подъ ними онъ понимаетъ тѣ понятія, которыя неразрывно связаны съ тѣми или другими воспріятіями, но въ отличіе

---

*) «Осн. Псих.» § 208.

отъ Канта онъ считаетъ эти формы происходящими изъ чувственнаго опыта.

Разсмотримъ ближе теорію Спенсера о воспріятіи пространства. Она представляетъ для насъ интересъ потому, что содержитъ прямое возраженіе противъ теоріи Канта.

Кантъ, какъ мы видѣли, для доказательства того положенія, что пространство носитъ апріорный характеръ, утверждалъ, что внѣшнее воспріятіе невозможно безъ понятія пространства, что мы все можемъ отбросить изъ нашей мысли о вещахъ, но не можемъ отбросить понятія пространства. Мы можемъ, напр., мыслить, что въ воспринимаемыхъ нами вещахъ нѣтъ цвѣта или твердости и т. п., но мы не можемъ мыслить, чтобы они не имѣли протяженности. По мнѣнію Канта, это является доказательствомъ того, что свойства, которыя мы можемъ отмыслить прочь, получаются нами изъ внѣшняго опыта, а то, что мы не можемъ отмыслить, присуще и самому нашему сознанію. Это есть форма нашего сознанія. Понятіе пространства не получается изъ чувственнаго опыта, а, наоборотъ, само дѣлаетъ возможнымъ опытъ или познаніе. Кантіанцы вслѣдъ за Кантомъ утверждали, что понятіе пространства изъ опыта не получается, и это утвержденіе часто понималось такимъ образомъ, какъ если бы понятіе пространства было неразложимо на составные элементы, что оно представляетъ собою нѣчто простое и неразложимое. Это утверждалось въ противоположность тѣмъ психологамъ, которые думали, что представленіе пространства въ нашемъ сознаніи складывается изъ разнородныхъ элементовъ (цвѣтовыхъ ощущеній, мускульнаго напряженія и т. п.). Спенсеръ примыкаетъ къ этому послѣднему направленію и думаетъ, что пространство имѣетъ производный характеръ.

Спенсеръ согласенъ съ Кантомъ въ томъ, что посредствомъ самонаблюденія просто нельзя показать, изъ какихъ элементовъ складывается представленіе пространства. Если мы будемъ оперировать съ нашимъ самонаблюденіемъ, то намъ будетъ казаться, что пространство неразложимо, но если мы обратимся къ объективной психологіи, т.-е. къ психологіи животныхъ, ребенка и т. п., то мы можемъ получить матеріалъ для разрѣшенія вопроса, изъ чего и какъ складывается представленіе пространства. Тогда мы убѣдимся косвеннымъ образомъ, что пространство только впослѣдствіи сдѣлалось неразложимою формою мысли. Такимъ образомъ Спенсеръ находитъ, что Кантъ и кантіанцы совершенно неправильно поступали, думая рѣшить этотъ вопросъ при помощи изслѣдованія взрослаго сознанія.

«Весьма важная ошибка старой психологіи,—говоритъ Спенсеръ,—включая сюда и психологію Канта, состоитъ въ томъ, что она обыкновенно разсматриваетъ сознаніе взрослаго, не обращая вниманія на очевидный фактъ, что развитой мыслительный аппаратъ, которымъ

обладаетъ взрослый, не находится еще у ребенка, но развивается медленнымъ путемъ, а также, не обращая вниманія и на тотъ дальнѣйшій фактъ, что ассоціаціи, несомнѣнно устанавливающіяся вслѣдствіе повторенныхъ опытовъ, вносятся нами во всѣ наши мыслительные процессы въ такой мѣрѣ и такимъ образомъ, что мы постоянно находимся въ опасности приписывать неразвитому уму такія идеи, которыми обладаетъ только развитой умъ» *).

По мнѣнію Спенсера, слѣдовательно, то обстоятельство, что въ развитомъ сознаніи можетъ быть какая-либо форма, которая имѣетъ какъ бы готовый, законченный видъ, совсѣмъ еще не доказываетъ, что эта форма не состоитъ изъ простыхъ элементовъ и, разумѣется, то же самое слѣдуетъ сказать и относительно пространства. Оно то же разложимо на свои составные элементы.

Вторая ошибка въ анализѣ понятія пространства, по мнѣнію Спенсера, состоитъ въ томъ, что кантіанцы, говоря о пространствѣ и о неразрывной связи его съ ощущеніями, всегда подъ послѣдними подразумѣваютъ ощущенія зрительныя и осязательныя. Оттого и кажется, что пространство является неизбѣжнымъ спутникомъ внѣшняго восприятія. «Но если мы оставимъ въ сторонѣ ощущенія, пріобрѣтаемыя черезъ посредство зрѣнія и осязанія, и обратимъ вниманіе на другія ощущенія, то мы будемъ въ состояніи представить себя обладающими мыслями, не предполагающими пространства. Это именно справедливо относительно такихъ ощущеній, какъ звукъ и запахъ». Эти послѣднія ощущенія мы можемъ мыслить, причемъ ихъ или совсѣмъ не сопровождаетъ представленіе пространства, или сопровождаетъ только въ очень слабой степени.

«Наши различныя ощущенія влекутъ за собою сознаніе о пространствѣ въ очень различной степени, начиная отъ полнаго отсутствія такого сознанія, и доходя до очень живого сознанія пространства. Звуковыя ощущенія сами по себѣ не доставляютъ намъ сознанія о пространствѣ. Почти то же самое можетъ быть сказано и о запахахъ. Обонятельное ощущеніе не сопровождается первоначально никакою идеей о положеніи, только опытъ научаетъ насъ существованію связей между запахами и испускающими ихъ предметами, вслѣдствіе чего мы начинаемъ думать о нихъ, какъ о занимающихъ мѣсто въ пространствѣ» **)

Если бы былъ справедливъ взглядъ Канта, что пространство составляетъ первоначальную интуицію, то только что приведенныхъ фактовъ никакъ нельзя было бы объяснить. Почему въ самомъ дѣлѣ однимъ ощущеніямъ пространство присуще въ большей степени, дру-

*) «Осн. Псих.», § 330.
**) «Осн. Псих.», § 333.

*

гимъ въ меньшей? Если бы пространство было формой интуиціи, то оно должно было бы всѣмъ ощущеніямъ быть присущими въ одинаковой степени, чего, однако, въ дѣйствительности совсѣмъ нѣтъ.

Слѣдующее возраженіе похоже на это. Если бы пространство было формою интуиціи, то мы должны были бы воспринимать его всегда одинаковымъ, между тѣмъ оказывается, что ясность воспріятія пространственныхъ вещей по мѣрѣ удаленія ихъ отъ насъ становится меньшей; ясность эта возрастаетъ по мѣрѣ ихъ приближенія къ намъ. Если бы кантовская теорія, по которой пространство есть *неизмѣнная* форма сознанія, была вѣрна, то эта форма не измѣнялась бы въ томъ случаѣ, когда воспринимаемый нами предметъ отдаляется.

Точно также кантовская теорія не можетъ объяснить того факта, почему въ нѣкоторыхъ болѣзненныхъ состояніяхъ пространство кажется какъ бы разросшимся, увеличившимся. Съ точки зрѣнія кантовской теоріи нѣтъ никакихъ основаній для измѣненія пространства въ ненормальныхъ состояніяхъ.

По мнѣнію Спенсера, можно легко показать, что пространство обладаетъ производнымъ характеромъ. Мыслима такая форма сознанія, когда пространство въ нашемъ смыслѣ не воспринимается, а все воспринимается только въ послѣдовательности. Въ развитіи психической жизни былъ моментъ, когда все пространственное воспринималось не одновременно, а въ послѣдовательности, и только впослѣдствіи, въ процессѣ эволюціи усвоена та форма воспріятія, которой человѣкъ обладаетъ въ настоящее время *).

Замѣтивъ такимъ образомъ, что пространство имѣетъ производный характеръ, Спенсеръ мимоходомъ касается вопроса о происхожденіи математическаго понятія прямой, какъ кратчайшаго разстоянія между двумя точками, и дѣлаетъ попытку объяснить тотъ элементъ необходимости, который въ этомъ понятіи содержится. Если мы смотримъ на сегментъ какого-нибудь круга, то изображеніе, которое онъ бросаетъ на сѣтчатку, необходимо будетъ таково, что дуга покроетъ большее число элементовъ сѣтчатки, чѣмъ хорда, соединяющая концы этой дуги, а такъ какъ каждый изъ этихъ элементовъ доставляетъ сознанію свое особенное впечатлѣніе, то рядъ впечатлѣній, произведенныхъ дугою, будетъ намъ казаться большимъ, чѣмъ тотъ рядъ, который производитъ хорда. До тѣхъ поръ, пока дуга будетъ имѣть сколько-нибудь замѣтную кривизну, она будетъ казаться большей, чѣмъ хорда. Къ этому присоединяются еще ощущенія, которыя получаются

---

*) Тамъ же § 335 (прибавленіе). См. также статью Спенсера, спеціально направленную противъ кантіанцевъ «Our space-consciousness» въ приложеніи къ 4-му изданію «Principles of Psychology». 1899. (Имѣется также въ новомъ русск. изданіи).

отъ сокращенія глазныхъ мускуловъ. Движеніе глазъ по линіи дуги доставляетъ сознанію большее количество ощущенія, чѣмъ движеніемъ глазъ по хордѣ.

Такимъ образомъ, дуга намъ кажется большей, чѣмъ хорда, по той причинѣ, что количество ощущеній въ одномъ случаѣ будетъ больше, чѣмъ въ другомъ. Отсюда Спенсеръ дѣлаетъ слѣдующій выводъ: «Та истина, что прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками, лежитъ въ скрытомъ состояніи въ строеніи глаза и тѣхъ нервныхъ центровъ, которые получаютъ и координируютъ зрительныя впечатлѣнія. Мы не можемъ мыслить о прямой линіи иначе, потому что впродолженіи приспособленія между организмомъ и внѣшней средой, внутреннія отношенія до такой степени вылѣпились по внѣшнимъ, что никакое усиліе не въ состояніи заставить ихъ теперь не соотвѣтствовать внѣшнимъ отношеніямъ».

«Подобно тому, какъ для руки стало невозможнымъ схватывать предметы посредствомъ сгибанія пальцевъ не внутрь, а наружу, такъ точно стало невозможнымъ и для тѣхъ нервныхъ дѣятельностей, посредствомъ которыхъ мы постигаемъ пространственныя отношенія, быть извращенными такимъ образомъ, чтобы сдѣлать насъ способными думать объ этихъ отношеніяхъ иначе, чѣмъ мы думаемъ. *Продолжительный опытъ, воплотившійся въ строеніи нервной системы, производитъ необходимость мышленія»* *).

Теперь мы можемъ отвѣтить на вопросъ, въ какомъ отношеніи находится Спенсеръ къ эмпиризму. Онъ, разумѣется, отступаетъ отъ обыкновеннаго эмпиризма, потому что онъ признаетъ многое такое, что послѣдній долженъ отрицать, чтобы оставаться послѣдовательнымъ. Онъ, напр., признаетъ необходимыя идеи, онъ признаетъ критерій достовѣрности, котораго не признаетъ эмпиризмъ (именно внутреннюю достовѣрность).

Онъ согласенъ съ тѣмъ, что формы пространства и времени имѣютъ характеръ чего-то абсолютно постояннаго въ нашемъ воспріятіи, но въ дѣйствительности онъ эмпирикъ, потому что онъ думаетъ, что наше познаніе есть просто копія объективныхъ отношеній, что объективныя связи производятъ то, что у насъ возникаютъ тѣ или другія идеи, или, какъ ихъ Спенсеръ называетъ, «внутреннія отношенія». Спенсеръ отличается отъ обыкновеннаго эмпиризма только лишь тѣмъ, что онъ, такъ сказать, *удлинняетъ* опытъ. Вмѣсто того, чтобы довольствоваться опытомъ индивидуума, онъ, на томъ основаніи, что психическія состоянія параллельны физическимъ, а физическія видоизмѣненія передаются по наслѣдству, вмѣсто опыта индивидуума разсматриваетъ опытъ цѣлаго рода. Поэтому, о немъ слѣдуетъ сказать, что

---

*) § 332.

онъ эмпирикъ, потому что, по его мнѣнію, въ конечномъ счетѣ всѣ формы познанія получаютъ начало изъ опыта. Да къ тому же онъ самъ рѣшительно заявляетъ себя сторонникомъ эмпиризма. Максъ Мюллеръ однажды замѣтилъ, что «если Спенсеръ настаиваетъ на томъ, что въ сознаніи есть нѣчто такое, что не получается изъ опыта, то онъ чистый кантіанецъ». На это Спенсеръ отвѣчалъ: «эволюціонная точка зрѣнія чисто эмпирическая. Она отъ прежняго пониманія эмпириковъ отличается только тѣмъ, что расширяетъ понятіе опыта. Кантовское же пониманіе совсѣмъ не есть эмпирическое» *). Слѣдовательно, спенсеровская точка зрѣнія, по его собственному признанію, также эмпирическая, но только болѣе широкая, потому что при объясненіи возникновенія формъ сознанія она прибѣгаетъ къ признанію не только индивидуальнаго, но также и опыта предшествующихъ поколѣній.

Такимъ образомъ, несмотря на все то различіе, которое у него существуетъ съ Миллемъ, онъ все-таки остается эмпирикомъ. Но, съ другой стороны, не можетъ быть и рѣчи относительно того, что онъ является примирителемъ кантовскаго апріоризма съ эмпиризмомъ, потому что онъ совсѣмъ неправильно понимаетъ кантовскій апріоризмъ, какъ это мы увидимъ въ слѣдующей статьѣ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

*) «Essays.», т. III, стр. 274 и д.

ИЗЪ ЮЖНЫХЪ НАБРОСКОВЪ.

1.

Змѣится лентою дорога;
Направо—моря синева,
Налѣво яркая листва
Вдоль каменистаго отрога
Повисла цѣпкою лозой,
И камни къ камнямъ, словно братья,
Простерли дружески объятья.
И тутъ же свѣтлою слезой
Изъ-подъ скалы вода сочится
И струйкою звенящей мчится.
Тамъ кипарисы вознеслись
Челомъ въ сіяющую высь,
И лавръ зелено-золотистый,
Каштанъ цвѣтущій и вѣтвистый—
Лишь оттѣняютъ ихъ красу.
Береговую полосу
Они хранятъ, какъ стражи моря—
Вѣчно зеленый мавзолей,
Внимая дивной пѣснѣ горя,
Когда прибой бушуетъ злѣй,
Внимая радостнымъ напѣвамъ,
Когда подъ солнечнымъ пригрѣвомъ
Играютъ волны, и свѣтло
Сверкаютъ пѣною жемчужной,
И все кругомъ въ природѣ южной,
Все, кромѣ камня—расцвѣло.

2. **NOTTURNO**.

Ночною тьмой одѣлись дали,
И капли рѣдкія дождя,

Сухую почву бороздя,
Почти безшумно упадали,
И Одаларъ съ Медвѣдь-горой
Какъ бы закутались чадрой.
Царила тишь волшебной сказки;
Лишь теплый вѣтеръ, полный ласки,
Разгоряченнаго лица
Касался нѣжно и несмѣло,
А море, море безъ конца
Во тьмѣ незримое шумѣло,—
И плескъ дождя, и шумъ валовъ—
Звучали пѣснью безъ словъ.

3. ВСТРѢЧА.

Рощи, бѣлые дома...
У подножія холма
Пріютился виноградникъ
Близъ татарскихъ деревень.
Вотъ промчался мимо всадникъ
Въ шапкѣ рваной на бекрень,
Смуглолицъ, во взорѣ удаль...
Хорошо-ль живется, худо-ль
Уроженцамъ южныхъ странъ,—
Каждый видомъ—крымскій ханъ.
И на память мнѣ пришли вы,
Простодушно-терпѣливы
И безропотно-пугливы—
Лица нашихъ сѣверянъ.

О. Чюмина.

ИТА ГАЙНЕ.

Повѣсть.

(*Окончаніе* *).

Все вошло у Иты Гайне въ обычную колею жизни кормилицы. Новые интересы, отъ которыхъ нельзя было ни уклониться, ни убѣжать, постепенно втянули ее. Наблюдая, какъ внимательно она оберегала ребенка, чтобы онъ не захлебнулся, когда его купали, какъ поспѣшно она старалась удовлетворить его голодъ, какъ нѣжно прижимала его къ груди, когда онъ тянулся и ласкался къ ней, признавая въ ней постоянную мать, нельзя было повѣрить, что еще восемь недѣль назадъ эта самая Гайне клялась не измѣнять своему ребенку. Она и сама не замѣтила, какъ это случилось. Вѣчно съ нимъ, и днемъ, и ночью, вѣчно подъ бдительнымъ окомъ хозяйки, требовавшей проявленій любви и вниманія къ ребенку, вѣчно подъ чарами безыскусственной и трогательной привязанности послѣдняго, она незамѣтно всосала въ себя жесты, страхи и любовь настоящей матери. Теперь она безъ угрызеній меньше думала о своемъ собственномъ, и бывали дни, когда о немъ совершенно не вспоминала. Когда Эстеръ приносила его захирѣвшаго, грязнаго, всегда покрытаго сыпью, она невольно сравнивала его съ тѣмъ, котораго она кормила, и ей нравился этотъ чужой, носившій въ своемъ бархатномъ, выхоленномъ тѣлѣ всѣ ея соки, всѣ ея труды и заботу о немъ.

Развѣ не все равно, кто родилъ? приходило ей въ голову. Важна та живая жизнь, которая была вложена въ ребенка, а ея живая жизнь была вложена въ него цѣликомъ со всѣми заботами и тревогами, и даже вмѣстѣ съ печалями о своемъ мальчикѣ, которому она не могла помочь.

Но если сильная рука неволи отрывала ее отъ своего ребенка, то, въ свою очередь, и онъ отрывался отъ нея, и не желалъ ея признавать, когда на рѣдкихъ свиданіяхъ она пыталась выразить

*) «Міръ Божій», № 5, май 1902 г.

ему свою любовь. И это тоже расхолаживало ея чувства. При первомъ подозрительномъ ея жестѣ, къ величайшей радости Эстеръ, онъ бросался, какъ испуганный звѣрекъ, къ этой послѣдней и кричалъ, и плакалъ, пока мать не оставляла его въ покоѣ. Въ такія минуты Гайне совершенно забывала, что пролила кровь для его рожденія, досадовала на него,—и поневолѣ брала чужого, который ласкался къ ней, и какъ-то безконтрольно думала, что онъ ея собственный. Не даромъ прошло для ея души это извращеніе материнскихъ чувствъ. Въ первыя недѣли она еще боролась, ненавидѣла себя и напрягала сердце, трогая его размышленіями, стараясь любить и жалѣть несчастнаго. Но голосъ жизни былъ сильнѣе голоса природы, и, какъ скрывающійся изъ виду корабль, все-таки скрывается, унося съ собою дорогое существо, какъ бы глазъ ни мучился и ни напрягался, чтобы различить еще движеніе платка, такъ и изъ ея сердца исчезала любовь къ собственному ребенку, хотя она мучилась, страдала и плакала, чтобы этого не случилось. Она даже попрежнему съ нетерпѣніемъ поджидала день свиданія съ нимъ, заготовляла все, что нужно было передать Эстеръ, но свиданіе было уже не тѣмъ и напоминало свиданіе въ тюрьмѣ, когда, встрѣчаясь въ искусственныхъ условіяхъ, не знаешь, что сказать, о чемъ спросить, на что обратить вниманіе, и съ тоской ждешь, чтобы пытка скорѣе окончилась. Иногда случалось, что она задумывалась о прежнихъ мечтаніяхъ и надеждахъ. Тогда вспыхивала старая любовь, совѣсть ударяла по наболѣвшимъ мѣстамъ, и ей казалось, что только одного дня жизни со своимъ мальчикомъ было бы достаточно, чтобы явились прежнія чувства къ нему. Но, зная, что этого дня жизни никто не дастъ ей, какъ бы она ни умоляла, она, не помня себя отъ досады, не боясь и не стѣсняясь, набрасывалась на Эстеръ, будто въ той лежала причина ея несчастья. Она требовала отъ нея отчета въ грязи, болѣзненномъ видѣ, худобѣ мальчика и волновалась и кричала, какъ-будто бы была барыней, а Эстеръ у нея служила.

— Не понимаю, не могу понять, Эстеръ, какъ вы не привязались къ ребенку. Вѣдь я бы къ кошкѣ, какъ къ родной, привыкла, если бы должна была заботиться о ней. Нѣтъ, непремѣнно, Эстеръ, я уже найму другую женщину; съ вами, я вижу, намъ придется-таки разстаться.

И когда Эстеръ дѣлала ей за эти выходки хорошую отповѣдь, Гайне стихала, чувствуя всю фальшъ своего положенія, своихъ криковъ, и неистово мечтала о какомъ-нибудь чудѣ, которое разрѣшило бы эти мученія.

Постепенно она опускалась и морально. Жизнь въ теплѣ и довольствѣ, благодаря только тому, что у нея оказалось хорошее

молоко, существованіе безъ заботъ о хлѣбѣ и настоящаго труда, невниманіе и недуманіе о томъ, какимъ образомъ дѣлается ея сытая жизнь, восхищала и радовала ее. Заглядывая въ будущее, она съ ужасомъ думала о томъ, какъ ей придется перейти на старый режимъ, выкормивъ ребенка. Но успокоеніе приходило скоро, и она все съ большей легкостью останавливалась на мысли о новой беременности, которая впослѣдствіи дастъ возможность жить такъ, чтобы ликованіе желудка не прекращалось. Теперь она не стѣснялась уже какъ раньше и крала безъ смущенія нужное для собственнаго ребенка и для Эстеръ, такъ какъ чувствовала себя незамѣнимой въ домѣ, если бы ее и поймали, и держала себя развязно съ хозяйкой, сердясь и крича на нее, лишь только что-нибудь было не по ней. Въ кухнѣ она образовала нѣчто въ родѣ клуба кормилицъ, и всегда по вечерамъ у нея сидѣло по нѣсколько женщинъ, служившихъ по близости или во дворѣ. Она возобновила и упрочила дружбу съ Гитель, отчасти съ Этель и многими другими и съ наслажденіемъ въѣдалась въ сплетни и тайны, которыя въ этомъ маленькомъ міркѣ были неистощимы. Собственныя дѣти этихъ женщинъ, пропадавшіе въ одиночествѣ и безъ вздоха надъ ними родной души, рѣдко служили темой для разговора, развѣ только что-нибудь выходящее изъ ряда вонъ въ ихъ судьбѣ останавливало вниманіе,—тогда на мигъ омрачались лица, старое человѣческое вспыхивало, и скорбь неслась отъ ихъ разговоровъ, какъ нечаянно забредшій въ домъ духъ раскаянія и печали. То, что дѣти умирали, пріѣлось уху, притупило чувства и такъ же трогало, какъ если бы умирали гдѣнибудь въ другомъ неизвѣстномъ мірѣ, но когда Гитель разсказывала, что на прошлой недѣлѣ у одной женщины ребенокъ, отданный на вскормленіе, отъ небрежности сгорѣлъ, а у другой подавился пуговицей, то это дѣйствовало, какъ ударъ по головѣ. Какъ ни зачерствѣли сердца въ борьбѣ за жизнь, но и въ нихъ, какъ въ глухомъ, наконецъ разслышавшемъ предостереженіе, начинало что-то шевелиться, и судьба своихъ дѣтей на время становилась преобладающимъ интересомъ. Но стихала тревога, забывалось чужое несчастье, и погруженіе человѣка въ бездну продолжалось своимъ путемъ. Все вошло у Иты въ обычную колею жизни кормилицы. Даже и Михель ее уже не такъ пугалъ, хотя становился все грубѣе и страшнѣе. Извративъ материнство и противъ воли отдалившись отъ своего ребенка, она этимъ шагомъ какъ бы перерубила связь съ своей прежней личностью. Вышло какъ-то такъ, что настоящей любовницей, женщиной, жившей для того, чтобы содержать своего любовника, она сдѣлалась, именно будучи на службѣ. Ей уже не было обидно, что она содержитъ Михеля и должна для него работать. Для кого бы она сбере-

гала деньги? Всѣ стимулы заботы исчезли, растворенные въ спокойной и обезпеченной жизни, и чтобы отъ нихъ не было никакого осадка, нужно было только стараться жить, ни о чемъ не думая. А это легче и удобнѣе всего давалось. Правда, она ссорилась и дралась съ нимъ, когда онъ каждый разъ увеличивалъ свои требованія и откровенно толкалъ ее къ систематическому и правильно организованному воровству (потому что оно было все еще противно ея душѣ), но не въ этомъ заключалась истинная причина ихъ размолвокъ. Какъ-то къ рукѣ были и гармонировали со всей ея жизнью эти тайныя сцены, грязныя и безчеловѣчныя, когда онъ ее билъ, а она отбивалась, разминая бродившее въ ней здоровье, какъ-то къ рукѣ были и эти нетрудныя и пріятныя заботы и страхи, и складывалась такая иллюзія новизны въ существованіи, что Михель становился ей дорогъ и нуженъ, и она мучилась, когда онъ не приходилъ.

Такъ шли недѣли, мѣсяцы. Кончалась тяжелая зима съ ея вьюгами и морозами, улицы окончательно покрылись грязью, точно природа передъ тѣмъ, какъ распахнуть свое покрывало и показать, какъ она неотразимо прекрасна въ моментъ возрожденія, нарочно почернила всѣ свои краски. Лишь только подулъ вѣстникъ весны—теплый вѣтеръ, Ита начала выходить съ ребенкомъ. Въ первые разы она, подобно узнику, вырвавшемуся на свободу, всѣми порами впитывала въ себя наслажденіе отъ уличной суеты. Не было того уголка въ городѣ, гдѣ бы она ни побывала въ эти дни упоенія воздухомъ, свѣтомъ, тепломъ. Между прочимъ, она навѣстила нѣсколько разъ своего мальчика, но эти посѣщенія такъ разстраивали ее, такъ жестоко язвили сердце, что она поневолѣ начала избѣгать ихъ. Потомъ, пресытившись прогулками въ одиночку, она стала ходить къ нему и заставляла себя просиживать у него часами. Равнодушной она, конечно, не могла оставаться и потихоньку, чтобы не возстановить противъ себя Эстеръ, начала вмѣшиваться въ жизнь ребенка. Въ первое время она просила позволенія, а потомъ обходилась и безъ него и часто купала его, стараясь держать въ чистотѣ, надоѣдала Эстеръ требованіемъ подкармливать его и такъ попривыкла къ этой новой работѣ, что всяческими хитростями урывала свободные часы и приходила сюда. Близость къ своему ребенку дѣлала свое дѣло и чѣмъ дальше, тѣмъ ярче разгорались въ ней потухшія было привязанность и любовь къ нему. Когда она теперь сравнивала своего и чужого, который бился и плакалъ, сидя на рукахъ у старшей дѣвочки Эстеръ,—она почти не сознавала разницы между ними и чувствовала, что равно любитъ обоихъ, и въ сердцѣ ея равно отзывались жалобы одного и другого. Тотъ день жизни съ своимъ мальчикомъ, о которомъ она мечтала, пришелъ, а вмѣстѣ съ

нимъ, какъ она предвидѣла, пришло и старое. Вслѣдствіе этой новой особенной жизни, она совершенно перемѣнила свои отношенія къ барынѣ, стала мягче, сдержаннѣе и всѣми силами старалась угодить ей, чтобы не возстановить ее противъ себя. Новыя же ея настроенія, возраставшія съ быстротой, опять испортили ея отношенія къ Михелю, и между ними началась старая борьба. Теперь деньги опять нужны были ей, и каждая копѣйка имѣла значеніе для улучшенія жизни мальчика. Михель же ничего не хотѣлъ знать и возмущенный ея скупостью устраивалъ ей скандалъ за скандаломъ и грозилъ выжить ее изъ дома, гдѣ она служила. Случалось, что онъ врывался въ кухню, билъ ее, и отъ него можно было избавиться только при помощи полицейскаго. Положеніе Иты становилось критическимъ, и предвидѣлся день, когда, несмотря на всю нужду въ ней, ее придется отправить. Въ такомъ состояніи отчаянія она, возвращаясь какъ-то домой, послѣ посѣщенія своего мальчика, и мрачно раздумывая о томъ, что совершилось съ ней въ это короткое время, встрѣтилась съ Маней. На этотъ разъ Маня не старалась избѣжать Иты и нри видѣ ея выразила полнѣйшую и искреннюю радость. Маня мало измѣнилась во внѣшности. Она все еще была недурна собой, но какъ-то втянулась, похудѣла и сильно проигрывала отъ того, что была одѣта съ нѣкоторымъ шикомъ подозрительныхъ женщинъ.

Только глаза ея оставались такими же мягкими, милыми, хотя и ушли во внутрь и какъ будто бы выражали затаенное недовольство.

— Ну, вотъ,—радостно произнесла она, подойдя къ Итѣ,— наконецъ-то я васъ встрѣтила. Давно я собиралась отыскать васъ, но всегда что-то мѣшало. Какъ вы живете? Здравствуйте же, здравствуйте.

Ита, въ свою очередь, тоже обрадовалась, и обѣ расцѣловались, къ удивленію прохожихъ, изъ которыхъ нѣкоторые даже остановились изъ любопытства.

— Вотъ видите,—весело и оживленно говорила Маня, довольная встрѣчей,—гора съ горой не сходится, а человѣкъ человѣка найдетъ. Что же это вы перемѣнились такъ? Какъ вашъ Михель? Я всегда вспоминала васъ. Я вѣдь тогда къ вамъ такъ сильно привязалась.

— Это неудивительно,—отвѣтила Гайне,—несчастье всегда сближаетъ людей, и даже скорѣй, чѣмъ радости. Вотъ и вы перемѣнились. Вы... вы замужемъ? Право,—прибавила она, оглядывая ее еще разъ,—я бы васъ не узнала.

Онѣ пошли вмѣстѣ, дѣловито разговаривая между собой и сообщая второпяхъ важнѣйшія подробности изъ своей жизни.

Большая туча, наконецъ, соскользнула съ того мѣста, гдѣ стояло солнце, и вся улица вдругъ засмѣялась отъ свѣта. Все ожило, расцвѣло и заискрилось подъ разбѣжавшимися лучами. Отчетливыя тѣни неслышно улеглись подлѣ домовъ. Воздухъ всколыхнулся, рѣзво помчался вдоль улицы, растолкалъ прохожихъ, опять побѣжалъ, и стоявшія въ лужицахъ воды, въ которыхъ отражались опрокинутыми дома, наморщились и заблистали розоватымъ серебромъ.

Теперь Ита молчала, а разсказывала Маня. Но по мѣрѣ разсказа лицо ея становилось все угрюмѣе, а отдѣльныя черты его плаксивыми. Она какъ-то вдругъ подурнѣла, и въ глаза уже отчетливо бросалась вся искусственность въ ея внѣшности и жалкій видъ выбывшаго изъ строя человѣка. Ита слушала ее съ глубокимъ сочувствіемъ и мысленно примѣряла ея неудачи къ своимъ.

„Какъ страшно у людей складывается жизнь", думалось ей, „у злой судьбы нѣтъ дна мученіямъ".

— Помните вы, какой я была,—сказала Маня.—Мнѣ казалось, что на свѣтѣ нѣтъ той силы, которая бы сломала меня, такой крѣпкой я себя чувствовала. Но я, Ита, была неопытна, какъ ребенокъ, и совсѣмъ не подозрѣвала, что существуютъ среди людей и такіе люди, какъ Яша. Ахъ, моя первая недѣля счастья! Помните вы, когда я ушла отъ васъ. Какъ сладка и нѣжна она была. Будто для той недѣли судьба моя собрала въ одно всѣ радости, какія мнѣ были суждены и бросила ихъ щедрой рукой, чтобы удесятерить мои силы для будущаго. Такъ ли и васъ околдовалъ вашъ Михель? Навѣрно такъ, ибо помню, какъ вы покорно несли свое ярмо. Вы вѣдь еще не вырвались отъ него? И не вырветесь, дорогая, теперь я уже всему вѣрю, что вы мнѣ когда-то разсказывали.

— Я это знаю,—вставила Ита,—и вижу свою судьбу, какъ передъ глазами. По временамъ, Маня, у меня вѣдь нѣтъ ни одной надежды. Я почти, почти смирилась.

— И я тоже, Ита, я тоже. И всѣ, которыхъ знаю, смирились. Вырваться нельзя. Вѣдь онъ, Ита, на улицу меня послалъ беременной. Я на колѣняхъ ползала предъ нимъ и руки его, бившія меня, крѣпко цѣловала, но не помогло, Ита, ничего не помогло, потому что съ этими людьми ничего не помогаетъ. Вы не думайте, онъ любилъ меня, и я сама готова была уничтожить себя ради него, но пошла, пошла. Какъ же, Господи, я бы не пошла?!

Она выкрикнула послѣднія слова, забывъ, что находится на улицѣ, и опять обратила на себя вниманіе прохожихъ.

Ита съ состраданіемъ взглянула на нее. Свѣтило могущественное солнце, то, что посылаетъ жизнь всему живущему, весь

городъ былъ наполненъ суетящимися людьми, что должны были жить братски и любовно, но все же сестры по страданію были несчастны, и солнце, и люди оставались равнодушными къ нимъ.

Отчетливыя тѣни сокращались и смѣнялись. Въ воздухѣ ручьемъ лились радостные голоса, пѣвшіе возвращеніе весны.

— Ночи,—продолжала Маня,—я вначалѣ еще умѣла отмаливать у него, но позже онъ и ихъ отнялъ у меня, и такая, радость моя, жизнь пошла, что я и соображать перестала. Вы не повѣрите, а я пьянствовала, какъ послѣдняя женщина, должна была пьянствовать; но не то, что я падала, мучило меня, а то, что удовлетворить его ничѣмъ не могла. Я вѣдь, хорошая моя, въ игольное ушко пролѣзала, чтобы добиться отъ него похвалы, а похвала, Ита, настоящая сестра жалости, но этихъ людей ничто не можетъ тронуть. Мнѣ развѣ любовь его нужна была? Мнѣ сочувствія, жалости нужно въ моемъ положеніи, чтобы не свалиться съ ногъ. Вотъ, Яша, видишь, работаю я, какъ каторжная, какъ собака каторжная, но пожалѣй за то, добрымъ словомъ награди, приласкай, слезу, хоть одну слезу пролей надо мной.

Этихъ словъ не хватало Итѣ. Маня какъ бы разъяснила ей то, что творилось въ ея собственной душѣ, когда она по цѣлымъ днямъ не находила себѣ мѣста. И ея душа искала и томилась о жалости, о слезѣ, о человѣческомъ чувствѣ къ себѣ.

— Видите ли вы меня, Ита, отсюда, когда, простившись съ гостемъ, я выворачиваю карманы предъ Яшей, чтобы онъ повѣрилъ, что я себѣ-то ничего не оставила? И въ эту самую минуту, какъ нарочно, вспомнится, что дома все еще ждетъ меня женихъ мой и смотритъ вдаль, и прислушивается, не явлюсь ли вдругъ. Тогда мнѣ плакать хочется, и опять слезы его я ищу, и ласкаюсь къ нему, и глазъ съ него не свожу—не пойметъ ли? Но ничего, дорогая моя, не понимаетъ, и снова я, какъ птица на веревкѣ, дохожу до конца квартала, ворочаюсь назадъ, а онъ, спрятавшись за угломъ, стоитъ и стережетъ меня. Такъ тянутся дни мои, то съ совѣстью, то безъ совѣсти, а ребенокъ внутри все растетъ и растетъ. Ахъ, Ита, каторжная, подлая я собака, и меня бы убить слѣдовало!

Онѣ шли теперь молча и долго не разговаривали. Потянулъ подозрительный вѣтерокъ, какъ предъ дождемъ. Большая синяя туча, освѣщенная и прозрачная по краямъ, бѣжала имъ навстрѣчу и быстро сросталась съ сосѣдними облаками, совершенно потемнѣвшими. Солнце скрылось. Воздухъ посѣрѣлъ. Тѣни слились съ цвѣтомъ земли.

— Какъ я васъ жалѣю,—вырвалось, наконецъ, у Иты.—О, вы, вы уже навѣрно купили себѣ своими страданіями рай. Худшаго ада для человѣка и придумать нельзя.

День темнѣлъ. Въ лужицахъ уже потухли воды, на нихъ легли сѣроватыя пленки, и онѣ еще слабо отражали розоватые лучи. Опять потянуло вѣтромъ, но теперь надолго. Уже разбивались о землю крупныя дождевыя капли. Прохожіе заторопились.

— Собирается дождь,—съ безпокойствомъ произнесла Ита.— Я, можетъ быть, зайду къ вамъ. Но прошу васъ, Маня, умоляю, соберите всѣ свои силы и боритесь. Вотъ и я не боролась, и посмотрите, что изъ меня сдѣлалось. Ахъ, по лицу вашему вижу, что говорю напрасно. Прощайте, я могу ребенка простудить. Мы еще увидимся.

Маня торопливо дала ей адресъ, и Ита сѣла въ конку. Тамъ она разстегнулась, чтобы покормить ребенка, и все время Маня у нея стояла передъ глазами. Въ окна конки билъ весенній дождь, билъ тяжело, огромными каплями, но по временамъ переставалъ, какъ бы задумываясь: для чего собственно онъ бьетъ? Сверкали молніи, широкія, долгія и ослѣпительныя. Люди входили и выходили, и суетились, точно на пожарѣ. Вся вода отъ дождя собралась у панели мостовой, и, грязная, бѣшено мчалась, точно кто-то хлесталъ ее сзади, чтобы она поскорѣе скрылась въ городскихъ отливахъ.

Когда Ита, наконецъ, пріѣхала, дождь едва уже моросилъ. Въ подъѣздѣ ее встрѣтила Этель и остановила.

— Я нѣсколько разъ выходила, чтобы встрѣтиться съ вами,— произнесла она.—У меня была Гитель и разсказала печальную новость. У нея сегодня умеръ ребенокъ.

— У Гитель ребенокъ умеръ? Уже? Не можетъ быть.

Холодный потъ покрылъ ея лобъ. „Это весна", промелькнуло у нея. Ею овладѣлъ тревожный страхъ и тяжелое предчувствіе разомъ установилось въ душѣ. Она съ ненавистью вдохнула теплый воздухъ, пахнувшій нѣжнымъ ароматомъ зелени, и отъ волненія прислонилась къ стѣнѣ.

„До моего доходитъ очередь",—опять мелькнуло у нея.

— Да,—отвѣтила Этель,—утромъ онъ умеръ. Что-то въ три часа его не стало. Отчего—не знаю. Гитель говоритъ, что отъ крупа. Сегодня уже пойду своего провѣдать. Не вѣрю, чтобы изъ моего вышелъ толкъ.

Она смахнула слезу и, тоже напуганная, мрачно прибавила:

— Не могла уговорить мужа, чтобы я перестала рожать. Видно Богу нуженъ былъ еще одинъ мученикъ. Но теперь, Ита, это уже въ послѣдній разъ. Я себя искалѣчу, искалѣчу разъ на всегда, чтобы перестать быть убійцей своихъ дѣтей. Не могу я больше. И сдѣлаю это, хотя бы мнѣ пришлось развестись съ нимъ.

Ита молча пошла во дворъ. Потомъ обернулась къ Этель и серьезно спросила у нея, глядя въ упоръ.

— Развѣ, Этель, въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ средства, чтобы люди такъ не мучились? Ничѣмъ имъ нельзя помочь,—рѣшительно ничѣмъ? Подумайте, Этель, ни одного средства, такъ-таки ни одного?

Она сама не понимала, что говорила отъ волненія. Она чувствовала только, что теперь въ ней билось большое страданіе, и это требовало хоть вопроса, чтобы не задавило въ ней человѣка.

— Непремѣнно себя искалѣчу,—не понявъ ее, отвѣтила Этель,—вы это увидите, Ита. Завтра я пойду къ Миндель.

Ита стала уже подниматься по лѣстницѣ, какъ вдругъ Этель остановила ее и сказала:

— Совсѣмъ я забыла передать вамъ. Михель цѣлый часъ уже ждетъ васъ у лавочницы. Смотрите, не медлите. Кажется, онъ страшно сердитъ на васъ.

— А—а,—произнесла Ита разсѣянно,—Михель меня ждетъ.

И съ сквернымъ чувствомъ поднялась къ себѣ.

Но скверное чувство это не относилось къ Михелю, и было недоброе настроеніе, которое только что установилось въ ней, какъ устанавливается тѣнь, неощутимо, но рѣзко и отчетливо.

Вѣсти изъ окраинъ становились съ каждымъ днемъ все тревожнѣе. Ита ежедневно отъ той или другой кормилицы узнавала о новой смерти и напрягала всѣ силы, чтобы не пасть духомъ. Опять образовался промежутокъ безразличныхъ дней съ однообразными заботами и привычными интересами, и подозрительное спокойствіе это длилось все время, пока изъ окраинъ не было дурныхъ вѣстей. Но въ одинъ день вдругъ все перемѣнилось. Точно кто взялъ и рукой отвелъ какую-то преграду, и поджидавшее злое и скверное, давно готовое ринуться разомъ, хлынуло неудержимымъ потокомъ. Собственно зло началось еще со смерти ребенка Гитель, павшаго первой жертвой весенней эпидеміи. Хотя шли разнородные слухи о кончинѣ мальчика, но въ дѣйствительности онъ умеръ отъ крупа, и въ этомъ сезонѣ онъ какъ бы первый подалъ сигналъ своимъ сотоварищамъ, разбросаннымъ по окраинамъ, начать собираться въ путь. Но такъ какъ въ теченіе послѣдовавшихъ дней болѣзнь нигдѣ не проявлялась, то населеніе постепенно начало успокоиваться. Внезапно смерть объявилась одновременно въ нѣсколькихъ концахъ, унесла нѣсколько дѣтей, опять прекратилась на нѣкоторое время и потомъ, точно вскормленная всяческими нечистотами бѣдноты, созрѣвъ на тепломъ солнцѣ, обласканная и обогрѣтая весной, правильно, и уже больше не уклоняясь, начала распространяться во всѣ стороны. Она шла, точно заблудившаяся странница, изъ дома въ домъ, изъ комнаты въ комнату, гдѣ водворялась на короткое время,—быстро убивала

и передвигалась дальше, оставляя за собой длинную ленту мертвыхъ тѣлъ, которыя едва успѣвали убирать. Въ окраинѣ же устанавливалась та суетливая и лихорадочная жизнь, какая бываетъ во время эпидеміи, когда каждый старается уберечь свое родное и кровное. На выкормковъ не обращали ни малѣйшаго вниманія и ихъ десятками тащили съ утра до вечера на кладбище, и, сейчасъ же забытые послѣ смерти, они незамѣтно исчезали навсегда изъ этого суроваго и непривѣтливаго для нихъ міра, гдѣ съ перваго момента жизни у нихъ отнимали право на мать, на ласку, на хлѣбъ. Они умирали обезсиленные и истощенные и, борясь съ болѣзнью, оставленные безъ ухода гдѣ-нибудь въ грязномъ углу жалкой коморки, становились добычей паразитовъ, сотенъ мухъ, въѣдавшихся имъ въ глаза, въ ноздри, и разлагались, еще не успѣвъ испустить дыханіе. Во всѣхъ этихъ домахъ нищеты и невольныхъ преступленій съ утра до ночи и съ ночи до утра безпрестанно неслись звуки жалобъ и хрипѣнія, сопровождаемые наивысшимъ напряженіемъ дѣтскихъ мышцъ, за которымъ слѣдовали конвульсіи и агонія. Послѣ припадка они лежали, покрытые торжествовавшими тучами мухъ, ненужные и мѣшавшіе всѣмъ, и искреннія слезы ихъ матерей, разбросанныхъ по городу подлѣ чужихъ дѣтей, имѣвшихъ иную привилегію и счастье, часто, почти всегда, не сопровождали ихъ въ вѣчное жилище. Развращенныя, жалкія, забитыя, онѣ, подъ кнутомъ нищеты, укравъ молоко у своихъ дѣтей, крали дальше и послѣднее, не имѣя возможности поступить иначе. И смерть, не встрѣчая на своемъ пути матери, торжествовала и, распахнувъ широко крылья свои, съ угрозой повисла надъ дѣтскимъ царствомъ.

Въ одно утро Гайне, распеленавъ хозяйскаго ребенка, шумно забавляла его. Она бросалась на него съ размаха и, припавъ къ его жирной шейкѣ, громко лаяла на него и щекотала поцѣлуями. Мальчикъ заливался отъ хохота, рвалъ ее за волосы, и Ита, забывъ обо всемъ на свѣтѣ, наслаждалась его счастьемъ. Вдругъ отворилась дверь, и громкіе незнакомые шаги съ особеннымъ пристукиваніемъ раздались въ комнатѣ. Ита быстро и съ безотчетнымъ безпокойствомъ обернулась и увидѣла предъ собой неизвѣстную ей женщину.

— Здравствуйте, — произнесла та равнодушнымъ голосомъ, оглядывая комнату, — я принесла вамъ скверную новость. Пугаться только еще незачѣмъ.

Ита сдѣлала къ ней шагъ, пристально всмотрѣлась ей въ лицо и спросила дрожащимъ голосомъ:

— Что случилось? Я васъ совсѣмъ не знаю.

Она стояла безъ кровинки въ лицѣ и чувствовала, какъ у нея тихо дрожали ноги. Мальчикъ поднялъ крикъ, и лицо его только

что безмѣрно радостное, выражало теперь полное недовольство жизнью. Гайне машинально взяла его на руки и дала ему грудь, чтобы онъ пересталъ мѣшать.

— Меня къ вамъ Эстеръ послала,—безучастно произнесла пришедшая,—вашъ ребенокъ ночью заболѣлъ и съ утра не беретъ молока. Пугаться вамъ еще незачѣмъ. Я посовѣтовала обложить его шею свинымъ саломъ, чтобы разогрѣть горло. Но Эстеръ не послушалась меня. Теперь ему, конечно, хуже, но все еще пугаться не нужно. Мой два года тому назадъ былъ опаснѣе боленъ, но я не пугалась, и онъ выздоровѣлъ.

Отъ страха и этого деревяннаго, безучастнаго голоса у Иты стало мутиться въ головѣ. Она присѣла, обливаясь потомъ, и все лицо ея покрылось морщинами.

— Что же будетъ?—спросила она наконецъ, сообразивъ и отдаваясь минутной вѣрѣ въ слова женщины.—Что мнѣ нужно дѣлать?

У незнакомки совсѣмъ одеревенѣло лицо, и въ каждой его черточкѣ теперь можно было прочесть: бояться ничего не нужно. У Иты лихорадочно работала голова, но чувствами она была еще далека отъ серьезности минуты. Въ этотъ мигъ всѣ ея инстинкты спали, и она испытывала только досаду противъ ребенка, за то, что онъ заболѣлъ и мѣшаетъ ей спокойно жить. Мальчикъ заснулъ на ея рукахъ, и голова его двигалась вмѣстѣ съ дыханіемъ Гайне. Женщина постояла еще нѣсколько минутъ и потомъ спросила:

— Вы пойдете къ ребенку? Бояться, конечно, нечего, но нельзя знать, что можетъ случиться. Сезонъ начался, и дѣтей коситъ, какъ траву.

Она сдѣлала движеніе, какъ бы собираясь уйти. Гайне встрепенулась и поднялась, все укачивая ребенка. Она безцѣльно прошлась по комнатѣ и, продолжая думать о своемъ мальчикѣ, понемногу начала поддаваться ужасу.

— Подождите,—наконецъ, произнесла она,—я сейчасъ пойду съ вами.

Женщина покорно сѣла и стала разсказывать, какъ это случилось. Разсказывать было немного, но она ухитрилась разъ двадцать вставить, что бояться нечего, и для Иты это, наконецъ, сдѣлалось столь ужаснымъ, что она готова была убѣжать отъ нея. Устроивъ, кое-какъ, ребенка и прикачавъ его, она оборвала женщину на полусловѣ и пошла къ барынѣ взять позволеніе отлучиться. Съ барыней у нея вышли большія непріятности, когда та узнала, что у Иты заболѣлъ ребенокъ. Барыня готова была перенести еще сотню скандаловъ отъ Михеля, но никакъ не понимала и не хотѣла согласиться, чтобы Гайне пошла провѣдать своего мальчика.

*

— Нѣтъ, нѣтъ,—упорствовала она, возражая Итѣ,—я не могу васъ отпустить, и вы сами не должны этого желать. Я васъ считала порядочной женщиной, а вы оказываетесь хуже Богъ знаетъ кого. Я васъ вытащила изъ грязи и сдѣлала человѣкомъ, а вы вмѣсто благодарности, хотите погубить моего ребенка. Мальчикъ вашъ не выздоровѣетъ отъ того, пойдете или не пойдете къ нему. Пусть Михель отвезетъ его въ больницу. Я дамъ вамъ нѣсколько рублей не въ счетъ. Вамъ же къ нему незачѣмъ касаться. У него навѣрно скверная болѣзнь, и вы заразите моего. Развѣ мой вамъ не дорогъ?

— Дѣлайте со мной, что хотите,—настаивала Гайне,—но я не могу, я умру отъ безпокойства. Я должна пойти. Мнѣ мой ребенокъ такъ же дорогъ, какъ вамъ вашъ.

Она начала плакать, стараясь словами растрогать барыню.

— Поставьте себя на мое мѣсто. Я должна увидѣть своего ребенка. Я съ ума сойду. Вы должны меня отпустить, вы должны гнать меня, чтобы я пошла. Я хоть и бѣдная женщина, но я тоже мать, и кровь пролила надъ нимъ.

— Пролили кровь,—насмѣшливо произнесла барыня,—животное тоже проливаетъ. Подумаешь, ваша кровь! А вотъ сколько разъ вы меня увѣряли, что мой ребенокъ вамъ дороже жизни. Вы вѣдь клялись въ этомъ?

— Я васъ не обманывала,—тихо отвѣтила Гайне,—я люблю вашего мальчика, это правда. Но и свой мнѣ дорогъ. Только отпустите меня къ нему. Я клянусь, что не дотронусь до него. Но я должна пойти. Вѣрьте мнѣ, что я не могу иначе. Я буду беречься, клянусь вамъ. Можетъ быть ему совсѣмъ не такъ плохо. Пока онъ только груди не беретъ. Отпустите меня.

Она еще долго спорила. Барыня дошла до того, что стала угрожать не пустить ее силой, говорила, что дастъ знать полиціи, но чѣмъ больше она волновалась, тѣмъ Ита становилась непреклоннѣй. Она все твердила и клялась, что будетъ беречься, не притронется къ своему ребенку, и что немедленно отправитъ ребенка вмѣстѣ съ Эстеръ въ больницу. Барыня, наконецъ уступила, но пригрозила ей немилостью въ будущемъ. Ита съ радостью поблагодарила ее за разрѣшеніе, взяла у нея три рубля и, захвативъ подъ шаль узелокъ, отправилась со ждавшей женщиной къ Эстеръ. Раньше всего ей хотѣлось отыскать Михеля, чтобы не быть безпомощной, но тамъ, гдѣ онъ обыкновенно бывалъ, его уже не было въ этотъ часъ, и она только напрасно потеряла время. Она покорилась и рѣшила все устроить сама. Когда она пришла къ Эстеръ, ее встрѣтилъ старшій мальчикъ, и на вопросъ Иты о ребенкѣ онъ, какъ взрослый, махнулъ рукой и сказалъ, что нехорошо. Гайне съ трепетомъ вошла въ комнату.

Страхъ за жизнь мальчика, удесятерилъ ея любовь къ нему. Ребенокъ лежалъ въ кровати, а подлѣ него сидѣла Эстеръ, опустивъ голову. Ита не подходя близко, молча бросила взглядъ на ребенка, но сейчасъ же не выдержала и подбѣжала къ нему. Тяжелымъ безучастнымъ взглядомъ онъ, въ свою очередь, осмотрѣлъ ее и, какъ ей показалось, съ укоромъ, вздрагивая, отвернулся, тяжело дыша. Гайне всплеснула руками. На мигъ промелькнулъ онъ передъ ней здоровый, румяный, гладенькій,—такой, какимъ онъ былъ, когда она впервые пошла съ нимъ къ Розѣ, и все ея горе, и вся ея вина вдругъ освѣтилась во всей своей правдѣ. Передъ ней лежалъ высохшій мальчикъ съ непомѣрно длинными руками и ногами, синеватый, съ заостренными чертами,—странный маленькій старичокъ, похожій на уродцевъ, сохраненныхъ въ спиртѣ. Эстеръ, увидѣвъ Гайне, кивнула ей головой и наклонилась къ ребенку. Мальчикъ потянулся къ ней своими длинными руками. Ита застыла въ положеніи ожиданія, и каждый слабый, какъ бы осмысленный стонъ ребенка, устроившагося на рукахъ Эстеръ, терзалъ ее.

— Я думаю,—произнесла Эстеръ своимъ густымъ, непріятнымъ голосомъ,—что это пройдетъ. Ночью ему, кажется, было гораздо хуже. Только жаръ его меня безпокоитъ. Посмотрите-ка.

Ита притронулась къ его лбу рукой и сейчасъ же поцѣловала его.

— Онъ горитъ,—отвѣтила Гайне,—и совсѣмъ посинѣлъ. Боже мой, хоть бы Михель былъ у меня подъ рукой. Вотъ что, милая Эстеръ, лучше всего будетъ отдать его въ больницу. Какъ вы думаете? Тамъ и другой присмотръ будетъ за нимъ, не правда ли? Конечно, если бы у васъ не было своихъ дѣтей...

— Это вѣрно, и я рада, что вы сами поняли. Я боюсь. Нужно сейчасъ же поѣхать съ нимъ. Вы взяли съ собой денегъ?

— Взяла, Эстеръ. Но въ больницѣ его вѣдь нельзя одного оставить. Если бы, милая Эстеръ, вы были такъ добры...

Эстеръ сѣла и подозрительно посмотрѣла на нее.

— Да, да, добры,—подтвердила Гайне.—Только доброта теперь ваша нужна. Ребенокъ вѣдь къ вамъ привыкъ, теперь вы ему мать, а не я. Вѣрьте, я бы съ радостью, что я говорю съ радостью, съ счастьемъ, съ благодарностью осталась съ нимъ въ больницѣ, но онъ вѣдь меня не захочетъ признать. Я все хорошо знаю; знаю, что у васъ мужъ есть, дѣти, хозяйство, но я заплачу вамъ Эстеръ, одного шага вашего я даромъ не попрошу. Вы должны остаться съ нимъ въ больницѣ.

— Этого, Ита, я не могу сдѣлать. Хоть какія деньги ни давайте, я откажусь. У меня, Ита, мужъ, который тяжело рабо-

таетъ. У меня дѣти. Нѣтъ, Ита, вотъ этого я уже никакъ не могу сдѣлать.

— Но я вѣдь прошу, Эстеръ, я умоляю. Я только умоляю, Эстеръ, и ничего больше. Имѣю ли я право требовать? Вы вѣдь, Эстеръ, не можете быть недовольны мной. Чего я для васъ ни дѣлала. Я о васъ, Эстеръ, больше, чѣмъ о себѣ заботилась. Вы можете подтвердить сами, какъ я къ вамъ относилась. Прошу васъ—не меня, такъ его пожалѣйте.

Ита продолжала умолять ее и плакала, и льстила, но та все отговаривалась, ссылаясь на семью свою. Незамѣтно Эстеръ стала разгорячаться и, не вытерпѣвъ, наконецъ, принялась ругаться.

— Если вы несчастны,—кричала она,—то не нужно было отдавать своего мальчика такой счастливой женщинѣ, какой я была до знакомства съ вами. Вы нарочно отдали его мнѣ, чтобы разстроить мою счастливую жизнь. Я это отлично поняла съ перваго же раза, когда васъ увидѣла. Тогда я еще сказала себѣ, что эта женщина принесетъ мнѣ несчастье.

Ита не спорила и только съ жаромъ увѣщевала, взывая къ ея добрымъ чувствамъ. Но та не унималась и укоряла ее уже въ другомъ порокѣ.

— Съ другими не испытываешь такого мученія, какъ съ вами,—жалила она.—Ребенокъ заболѣлъ, и никто изъ этого не дѣлаетъ шума. Вы, милая, не первое лицо въ городѣ, не забывайте объ этомъ. Вы только всего на всего кормилица, и ничего больше. Идите и поучитесь еще, какъ нужно жить. Ступайте и посмотрите, какъ относятся такія, какъ вы, къ болѣзни и смерти своихъ дѣтей. Звука не слышно, вздоха не слышно. Здѣсь умираютъ десятками, и не слышно такого шума, какъ вы дѣлаете изъ-за одного. Умираютъ тихо, хоронятъ тихо и всякій занимается своими дѣлами. Вотъ оно какъ должно быть. Развѣ ваши дѣти—тоже дѣти? Ихъ въ шутку можно назвать дѣтьми. Подумайте только, зачѣмъ бы они выросли? Кому они нужны? Вы любите своего ребенка; всѣ любятъ, но не сходятъ изъ-за этого съ ума. Ступайте съ нимъ въ больницу, а меня оставьте въ покоѣ.

Однако, она уже не говорила прежнимъ непреклоннымъ тономъ, а когда на шумъ вошла сосѣдка и, узнавъ въ чемъ дѣло, стала на сторону Гайне, то женщины помирились, а нѣсколько лишнихъ льстивыхъ словъ Иты совсѣмъ уладили дѣло. Эстеръ согласилась, наконецъ, остаться съ мальчикомъ въ больницѣ и начала собираться. Когда онѣ вышли, былъ уже полдень. Эстеръ, пройдя кварталъ, объявила себя уставшей и потребовала, чтобы наняли дрожки. Гайне не возражала, и чрезъ нѣсколько минутъ онѣ уже катились по окраинѣ, подымая большое облако пыли... При въѣздѣ въ городъ Ита вдругъ замѣтила Михеля, который

стоялъ у воротъ плохенькаго дома и разговаривалъ съ какой-то женщиной. У нея сжалось сердце, но, преодолѣвъ себя, она позвала его. Онъ подошелъ и, узнавъ въ чемъ дѣло, хотѣлъ было уйти, но Гайне такъ убѣдительно просила его поѣхать съ ней, что онъ согласился и, махнувъ женщинѣ рукой, сѣлъ рядомъ.

Въ больницѣ ихъ немедленно приняли, и когда врачъ осмотрѣлъ мальчика, то покачалъ головой и приказалъ немедленно перенести его въ инфекціонное отдѣленіе. Ита похолодѣла, понявъ по лицу доктора, что болѣзнь не шуточна. Однако, этого ей было недостаточно, и робкимъ голосомъ она спросила у врача, что онъ думаетъ о состояніи ребенка. Тотъ махнулъ рукой и произнесъ слово: „крупъ“. Михель, заложивъ руки за спиной, на цыпочкахъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и съ любопытствомъ прислушивался къ всему, что говорили здѣсь. Положеніе мальчика не трогало его, но такъ какъ ему рисовалась пріятная перспектива взять у Иты деньги, то ради нея онъ дѣлалъ видъ, что вникаетъ во все и опечаленъ.

— Слышишь, Михель,—прошептала она ему, боясь говорить здѣсь громко,—у мальчика крупъ. Пропалъ нашъ ребенокъ.

Въ ея глазахъ стояли слезы отчаянія, и теперь, глядя на Михеля, она искала въ немъ опоры, искала утѣшенія, чтобы не чувствовать на себѣ одной всей тяжести горя.

Михель посмотрѣлъ на нее, на мигъ растрогался и пробормоталъ:

— Что же дѣлать, Ита, что дѣлать?

Гайне при звукѣ этого мягкаго голоса задрожала отъ волненія, и только почтеніе и страхъ къ мѣсту удержали ее отъ рыданій. Она еще постояла подлѣ него, ожидая, не скажетъ ли онъ чего-нибудь, но такъ какъ Михель молчалъ, то пошла проститься съ ребенкомъ и отдала Эстеръ два рубля за доброту. Она долго стояла въ длинномъ каменномъ корридорѣ больницы, мрачномъ, какъ ея душа, слѣдила за Эстеръ, пока та не скрылась, и посылала ей въ догонку слова благодарности и благословенія, не замѣчая, какъ слезы текли изъ ея глазъ. Михель же успокоился и торопилъ ее уйти. Когда они очутились на улицѣ, онъ притворно вздохнулъ и попросилъ для себя рубль. Гайне посмотрѣла на него долгимъ укоризненнымъ взглядомъ, но ничего не сказала и отдала послѣднія 80 копѣекъ, что у нея остались отъ трехъ рублей. Онъ со вздохомъ поблагодарилъ ее и на первомъ поворотѣ приготовился уйти. Ита, понявъ его намѣреніе, не протестовала и чрезъ нѣсколько минутъ она уже плелась одна съ своимъ отчаяніемъ, раскаяніемъ и мучительной жалостью къ ребенку.

Дома она выдержала тяжелую сцену отъ барыни, когда та

узнала, что мальчика приняли въ больницу, но стояла передъ ней съ окаменѣвшимъ выраженіемъ въ лицѣ, равнодушная ко всему въ мірѣ.

— Вы низкая женщина,—кричала барыня,—вы не имѣли права оставаться въ комнатѣ, гдѣ онъ лежалъ. У него навѣрно дифтеритъ. Я бы васъ сейчасъ же выгнала, если бы къ несчастью не наступили теплые мѣсяцы. Ступайте и примите ванну. Одежду вашу мы сейчасъ же продадимъ старьевщику.

Гайне съ тѣмъ же равнодушіемъ подчинилась всему, чего требовала барыня и весь день была невнимательна къ хозяйскому ребенку.

Ита провела скверную ночь. Собственныя огорченія ея отозвались на ребенкѣ. До утра онъ метался въ жару и не давалъ ей минуты возможности сосредоточиться на своемъ горѣ, обдумать его. Съ привычной покорностью она подчинялась его капризамъ, бѣгала съ нимъ по комнатѣ, цѣловала, ласкала и кормила, пѣла тихимъ, нѣжнымъ голосомъ, пѣла громкимъ, чтобы оглушить его, кричала и просила, но всѣ усилія ея были тщетны. Заснувъ или забывшись на минуту, онъ просыпался съ дикимъ воплемъ, и опять начиналась та же бѣготня съ нимъ и стараніе оглушить его пѣсней, крикомъ. Тревожная мысль о томъ, что она могла заразить его, гвоздила ее всю ночь, и поминутно она со страхомъ прислушивалась къ его дыханію и не сводила глазъ съ него, когда онъ глоталъ, трепеща увидѣть гримасу на его лицѣ. Раза два-три онъ глухо кашлянулъ и ей показалось, что наступилъ конецъ ея существованію. Отъ усталости и волненія чувства у нея перепутались, и ей самой неясно было, кого она жалѣетъ, за кого ей страшно. Она трогала его ладошки, которыя горѣли, цѣловала ихъ со смиреніемъ и нѣжностью и думала, какъ несчастенъ ея собственный мальчикъ, до котораго никому въ мірѣ дѣла нѣтъ. Но къ утру ребенокъ, однако, забылся, и когда она, наконецъ, позволила себѣ лечь, чтобы отдохнуть, ее охватила такая волна думъ, что заснуть она не съумѣла.

Наступило утро. Ребенокъ проснулся совершенно здоровымъ, безъ жара, веселенькій. Гайне не чувствовала усталости отъ радости за него. Она начала одѣваться думая, какъ устроить, чтобы вырваться изъ дому. Часовъ въ десять она начала заговаривать объ этомъ съ барыней, зная, что не мало потребуется съ ея стороны упорства и непреклонности, пока та согласится отпустить ее въ больницу. Какъ Гайне предвидѣла, барыня сначала не соглашалась, потомъ кричала, сердилась, но, понявъ, наконецъ, что сила не на ея сторонѣ, примирилась и дала согласіе. Но

чтобы оставить за собой послѣднее слово, выработала детальную программу, какъ Ита должна будетъ вести себя въ больницѣ. Въ сущности вся эта программа рѣшительно ни къ чему не нужна была, такъ какъ всѣ знали, что въ инфекціонную палату постороннихъ не впускаютъ, но страха ради и на всякій случай строго приказала Итѣ къ ребенку не подходить. Гайне обѣщала все, чего требовала отъ нея барыня, и въ 12 часовъ вышла изъ дому.

У воротъ больницы ей, какъ въ сказкѣ, пришлось умилостивить цербера-привратника, который не хотѣлъ впустить ее. И когда она догадалась и всунула въ форточку свою руку съ мелочью, входъ какъ бы по волшебству сталъ свободнымъ. Войдя, она долго блуждала въ огромномъ, застроенномъ мрачными флигелями, молчаливомъ дворѣ, не зная въ какомъ изъ этихъ домовъ лежитъ ея ребенокъ, и только послѣ многочисленныхъ разспросовъ, переходя изъ одного корридора въ другой и минуя зданіе, отдѣлявшее первый дворъ отъ второго, она нашла, наконецъ, дѣтское инфекціонное отдѣленіе. Это было простое, удивительно похожее на деревенскій домикъ зданіе, поражавшее бѣлизной своихъ стѣнъ, невысокое, съ частымъ рядомъ большихъ оконъ, и окруженное деревьями. Ита поискала дверей, но не нашла ихъ. Входъ въ домикъ былъ устроенъ сзади, такъ что приходилось миновать глухую стѣну, безъ оконъ, чтобы попасть въ него. Гайне даже не попыталась найти дверей, зная, что ее не впустятъ и подошла къ крайнему окну, въ которое и заглянула. Она увидѣла два ряда кроватей, малютокъ-дѣтей и женщинъ въ блузахъ подлѣ нихъ. Ита долго не находила своего ребенка. Каждый разъ проходили мимо нея люди съ серьезными лицами, сопровождаемые дѣвушками въ халатахъ, и она съ досадой, но почтительно отступала, отрываясь отъ окна. У другого окна, рядомъ съ ней стояли двѣ бѣдно одѣтыя женщины, которыя лицами своими какъ бы срослись со стекломъ. Раза два мимо нея пробѣжала служанка и вдругъ, обративъ почему-то на Гайне вниманіе, участливо и какимъ-то особеннымъ, мягкимъ, добрымъ голосомъ спросила, что она здѣсь дѣлаетъ. Ита отвѣтила дрожащимъ отъ благодарности голосомъ, что она собственно кормилица, но родной ея ребенокъ заболѣлъ крупомъ, и теперь она пришла провѣдать его, но какъ найти его не знаетъ и потому стоитъ подлѣ окна и ищетъ въ залѣ кормилицу ея мальчика. Служанка разспросила фамилію и обѣщала разузнать, въ какомъ положеніи теперь мальчикъ. Когда она ушла, Гайне опять впилась въ окно глазами, но понявъ, что ищетъ здѣсь тщетно, осмѣлилась перейти къ тому окну, гдѣ стояли двѣ женщины, и, чтобы задобрить ихъ, спросила кого онѣ выглядываютъ въ палатѣ. Первая отвѣтила, что смотритъ на своего ребенка, который уже выздоравливаетъ. Вторая

сказала, что ея ребенокъ тоже началъ было выздоравливать, но послѣ двухдневной надежды положеніе его ухудшилось и кажется окончательно. Въ самой палатѣ дѣвочки ея теперь не было, такъ какъ ее взяли на операцію, и сама она стоитъ едва живая. Говоря это, женщина плакала и вытирала глаза чрезвычайно грязнымъ платкомъ. Обѣ онѣ также были кормилицами и познакомились въ часы дежурствъ у окна. Гайне нѣсколько разъ сочувственно вздохнула и, наконецъ, попросила у той, у которой ребенокъ выздоравливалъ, уступить ей мѣсто подлѣ окна, чтобы увидѣть и своего мальчика. Кормилица вѣжливо согласилась, и Ита, ставъ на ея мѣсто, послѣ быстраго и внимательнаго осмотра увидѣла Эстеръ, которую сначала едва узнала подъ больничнымъ халатомъ. Эстеръ сидѣла на четвертой кровати, какъ разъ противъ окна, а возлѣ нея фельдшерица возилась съ мальчикомъ. Гайне нетерпѣливо поманила ее рукой, закивала головой, крикнула, но Эстеръ нахмурила брови, прикусила нижнюю губу, давая этимъ понять, что не можетъ теперь выйти. Тогда Ита, забывъ, что Эстеръ не можетъ ее услышать, стала съ мольбой разспрашивать, какъ здоровье ребенка. Эстеръ знаками показала на уши, что не слышитъ и на всякій случай посмотрѣла на потолокъ, какъ бы говоря, что все въ рукахъ Бога. Фельдшерица между тѣмъ перешла на другую сторону кровати, и посадила ребенка у Эстеръ на колѣни такъ, чтобы свѣтъ отъ окна падалъ на его лицо. Ита жадно впилась въ него глазами. Она не слыхала его стоновъ, но угадывала ихъ по выраженію измученнаго личика и вздыхала вмѣстѣ съ нимъ, словно сама страдала отъ удушья. Эстеръ, обхвативъ одной рукой ребенка, положила другую на его лобъ и прижала голову къ своей груди. Теперь Гайне видно было, какъ онъ бился, рвался и изъ темно-сѣраго сталъ фіолетовымъ. Отъ ужаса и страданія Гайне крикнула и замахала руками. Что-то прежнее все-таки оставалось въ лицѣ мальчика и не стиралось временемъ, несмотря на все, что онъ перенесъ за періодъ разлуки съ матерью, и Ита узнавала его по жилочкамъ на шеѣ, которыя и тогда выступали у него, когда онъ капризничалъ. У Эстеръ отъ опущенныхъ вѣкъ было серьезное и строгое лицо, и Гайне чувствовала острую ненависть къ ней. Сама же она продѣлывала всѣ движенія ребенка, и ей казалось, что, испытывая вмѣстѣ съ нимъ боль, она облегчаетъ его страданія. Уступившая ей мѣсто женщина давно толкала ее, но Ита словно приросла къ мѣсту, и ее невозможно было сдвинуть. Когда, наконецъ, окончилась процедура смазыванія, и ребенокъ былъ положенъ на кровать, то и ея боли стихли, и она заплакала долгими слезами, не видя границъ своему несчастью и униженію. Какъ рвалась къ нему ея душа, одухотворенная обострив-

шейся любовью! Чьи заботы и уходъ за нимъ сравнились бы съ ея материнскимъ уходомъ, полнымъ искренности, самоотверженія, ласки, тревоги? Она умирала отъ любви и состраданія, но ничего, кромѣ глядѣнія въ стекло окна, не могла дать своему ребенку, ничего кромѣ слезъ своихъ, которыхъ онъ не могъ видѣть...

Эстеръ, наконецъ, вышла, и Гайне, бросившись къ ней, только теперь разглядѣла, какая та была странная въ халатѣ.

„Ребенокъ умретъ", молніей пронеслось у нея при взглядѣ на Эстеръ.

— Была ночь,—прошептала Эстеръ, влагая въ эти слова страшный смыслъ,—пусть больше не повторится такая ночь.

Ита отвела ее въ сторону и, держа за халатъ, спросила:

— Что говоритъ докторъ?

— Онъ киваетъ головой, но что это значитъ, не знаю. Фельдшерица, однако, думаетъ, что ему лучше.

— Чего же вы молчите,—открылся вдругъ у Гайне звонкій голосъ,—мнѣ кажется, что я уже двѣ жизни провела въ аду. Она говоритъ, что лучше? Я вамъ, Эстеръ, подарю свое мѣсячное жалованье. Спасите его мнѣ. Только теперь я поняла, какъ люблю его.

— Богъ поможетъ, — произнесла Эстеръ такимъ сухимъ и непріятнымъ тономъ, что Ита отъ страха не пожелала больше объясненій.

„Есть же такіе люди", подумала она, оглядывая ее.

Она стояла и молча уже слушала Эстеръ объ ужасахъ, творящихся въ палатѣ.

— Вы видите этихъ двухъ женщинъ,—мигнула она, указывая Гайне на кормилицъ, стоявшихъ у окна. — Одна все еще ждетъ чего-то, хотя ребенка ея взяли въ операціонную. Дѣвочка какъ будто стала выздоравливать, но я сейчасъ же поняла, что это самый скверный признакъ.

— Моему вѣдь тоже лучше, — беззвучно и побѣлѣвъ, прошептала Ита.

Эстеръ смутилась, но сейчасъ же развязно отвѣтила:

— Вашъ другое дѣло. Ему совсѣмъ не такъ уже хорошо снаружи, а главное горло у него поправляется.

Ихъ прервалъ острый, болѣзненный крикъ. Она оглянулась и увидѣла вторую женщину, которая, припавъ къ окну, кричала:

— Разбойники, палачи, что вы сдѣлали съ моей дѣвочкой! Вы ее зарѣзали, зарѣзали!..

Эстеръ, испуганная этимъ крикомъ, посовѣтовала Итѣ уйти.

— Зачѣмъ вамъ оставаться здѣсь,—убѣждала она ее.—Тутъ никакое сердце не выдержитъ. Каждый разъ здѣсь происходятъ такія исторіи. А въ палатѣ еще хуже. Тотъ умеръ, тотъ борется

со смертью, того несутъ на операцію, и всѣ кричатъ, и мучатся, и страдаютъ, какъ въ аду. Уши не могутъ вмѣстить въ себѣ всѣ плачи и стоны. Идите, Ита, домой, идите, здѣсь вамъ не мѣсто. Идите, и пусть судьба никогда больше не приведетъ васъ сюда.

Гайне постепенно дала себя уговорить и предложила Эстеръ 50 копѣекъ.

— Я вѣдь ему, какъ мать,—сказала та, взявъ деньги,—и безъ меня онъ лекарство ни за что не принялъ бы.

— Вѣрьте, Эстеръ, я въ жизни не забуду вашего добра, вѣрьте мнѣ.

Она опять подошла къ окну и постояла подлѣ него, глядя со слезами на глазахъ, какъ онъ двигалъ руками и переворачивался. Потомъ повернулась къ Эстеръ и дала ей еще 50 копѣекъ.

— Пошлите эти деньги домой,—сказала она,—пусть мужъ вашъ купитъ что-нибудь дѣтямъ.

— Уходите уже,—повторила Эстеръ,—мнѣ пора къ мальчику.

Она показала ей рукой дорогу и ушла. Ита снова попала въ больничный дворъ, попрежнему запуталась и съ недоумѣніемъ стала искать дорогу къ воротамъ. Но, проходя мимо одного изъ зданій, она замѣтила женщину, которая показалась ей знакомой. Она подошла къ ней ближе, всмотрѣлась и, къ удивленію своему узнала Цирель.

— Какъ, это вы?—произнесла та своимъ сиплымъ голосомъ. Какъ вы попали въ больницу, развѣ вашъ мужъ заболѣлъ?

Гайне почти обрадовалась, увидѣвъ ее. Она живо напомнила то время, когда мальчикъ былъ еще ея собственнымъ и возбуждалъ во всѣхъ удивленіе.

— Нѣтъ не мужъ, а ребенокъ,—отвѣтила она.—У него крупъ, и онъ лежитъ здѣсь въ палатѣ.

— Нужно вамъ горевать! Посмотрите, какъ Цирель хорошо устроилась безъ ребенка. А парализованный мой вовсе не можетъ нарадоваться, чтобы его черти задушили.

Она весело разсмѣялась, а Ита, вспомнивъ ея исторію, почувствовала къ ней отвращеніе. Между тѣмъ, Цирель, обрадовавшись встрѣчѣ, начала разсказывать, что отложила уже себѣ немножко денегъ, что мужъ, подавиться бы ему, куритъ теперь ежедневно табакъ, но мѣсто свое она не скоро оставитъ, такъ ей пока еще выгодно за семь рублей въ мѣсяцъ быть кормилицей и служанкой. Когда же она соберетъ 70 рублей, то перестанетъ служить, возьметъ себѣ мѣсто на базарѣ и будетъ торговать рыбой.

— Ну, а вашъ ребенокъ?—спросила Ита.

— Уродъ мой хотите вы спросить? Я уже забыла о немъ, такъ давно это было. Миндель знаетъ, гдѣ онъ. Навѣрно на

томъ свѣтѣ. Что я хотѣла вамъ сказать? Да, о Миндель. Знаете, ее арестовали.

— Какъ арестовали?—удивилась Ита.—Вы вѣроятно, о другой говорите. Кто вамъ разсказалъ объ этомъ.

— Разсказали. За такія дѣла не гладятъ по головкѣ. Я рада, что мое дѣло давнее. Много людей пропало изъ-за нея, это я уже знаю. Но когда объ этомъ не знали, то не знали... А теперь все открылось. У нея скверное дѣло.

— Какое дѣло? Какъ странно, что мнѣ ничего извѣстно.

— А вотъ какое: помните Маню? Подождите, она вѣдь у васъ бывала. Мы однажды даже вышли вмѣстѣ отъ Розы. Помните.

— Боже мой, что случилось съ Маней?—прошептала Ита.

— Маня при смерти. Она лежитъ въ здѣшней палатѣ. Вы не знала объ этомъ? Какъ же. Старуха Миндель что-то повредила ей. Манинъ Яша не захотѣлъ оставить такъ дѣло и донесъ въ полицію. Миндель, конечно, сейчасъ же арестовали. Теперь идутъ слухи, что въ ея комнатѣ нашли трехъ мертвыхъ мальчиковъ.

Гайне слушала и плохо соображала, такъ поразила ее эта новость.

— Какая ужасная исторія,—прошептала она.—Вы увѣрены, что это не выдумка? Маня умираетъ. И вы сами своими глазами видѣли ее въ палатѣ. Бѣдная, несчастная дѣвушка. Я вѣдь недавно ее встрѣтила и обѣщала зайти къ ней. Какъ я ее умоляла не рѣшаться на это.

— Въ жизни все такъ,—философски отвѣтила Цирель, — а своей судьбы не избѣжишь. Хотите ее увидить? Я могу вамъ показать, гдѣ она лежитъ. Думаю, что успѣете еще попрощаться съ нею.

Гайне съ радостью согласилась, и обѣ направились къ зданію, стоявшему въ концѣ двора.

— Чего не произошло уже за это время,—проговорила Цирель.—Вотъ и Этель похоронили. Какая была славная женщина. Тонкая, умная, а вотъ дала же себя убить. Не лучше ли было родить и отдать ребенка старухѣ Миндель? Нужно, Ита, не только жизнь понимать, нужно быть хитрѣе ея. Что Этель выиграла? Мужъ ея уже женился, хотя и убивался о ней, а она гніетъ въ землѣ.

Гайне слушала и кивала головой. Мужъ Этель женился. Кто бы могъ повѣрить, что онъ способенъ на это? Вотъ подлый человѣкъ!

Онѣ уже входили въ корридоръ, и Цирель оборвала разговоръ. Она указала ей палату, койку, гдѣ лежала Маня, попросила слу-

жанку позволить Итѣ пройти въ залъ и распростилась. Гайне робкими шагами пошла къ палатѣ. По обѣимъ сторонамъ во всю длину зала стояли кровати, на которыхъ лежали или сидѣли женщины. Поодиночкѣ или въ компаніи, онѣ расхаживали по палатѣ, въ которой, къ удивленію Иты, царило оживленіе. Гайне съ трепетомъ подошла къ Манѣ, которая, узнавъ ее, слабой улыбкой выразила свою радость, такъ какъ двигаться ей было запрещено. Ита попала въ полосу свѣта и зажмурила глаза. Среднее окно было залито солнцемъ, и въ него нельзя было глядѣть. Отъ окна же шелъ толстый, свѣтлый столбъ, упиравшійся въ противоположную стѣну золотымъ квадратомъ, а въ столбѣ вихремъ кружились и текли микроскопическія пылинки сѣраго цвѣта. Изъ общаго шума въ палатѣ выдѣлились, какъ острія, два визгливыхъ женскихъ голоса, которые спорили другъ съ другомъ чрезъ весь залъ. Изрѣдка забѣгала фельдшерица красная и потная, кричала желчнымъ, возмущеннымъ голосомъ на больныхъ и водворяла порядокъ.

Ита сѣла подлѣ Мани и съ порывомъ схватила ее за руку.

— Вотъ гдѣ пришлось намъ свидѣться,—произнесла она печально,—не ждала я этого. Какъ я предостерегала васъ!

Маня поправила мѣшочекъ со льдомъ, лежавшій на ея непомѣрно большомъ животѣ и отвернула лицо. Гайне сбоку посмотрѣла на нее и теперь только разглядѣла, какъ она измѣнилась. Носъ, подбородокъ и губы какъ-то осѣли и были темно-желтаго цвѣта, какъ у мертвецовъ. Глаза похудѣли, запали куда-то назадъ, но сверкали удивительнымъ блескомъ, и эти сверкавшіе глаза, вмѣстѣ съ красными, точно подмалеванными щеками, придавали такое одухотворенное выраженіе всему лицу, что на первый взглядъ она производила впечатлѣніе, чего-то сильно живущаго, расцвѣтающаго.

— Помните,—произнесла, наконецъ, Маня,—вы однажды сказали мнѣ про себя, что вамъ не везетъ. Но вы не знали, Ита, что передо мной вы избранница. Также нѣкогда я думала, что у меня есть характеръ, но все-таки проституткой сдѣлалась я, а не вы. Это не изъ зависти говорю, а отвѣчаю на ваши слова. Вы, Ита, мягкая, но если придавить васъ, то вы вся цѣликомъ перетянетесь на другое мѣсто, а меня, твердую, лишь только крѣпко придавили, и я вся сломалась, какъ кукла изъ стекла. Поняли вы уже? Что значили для меня ваши совѣты, вся ваша мольба? Знаете ли вы, что Этель умерла?

— Да, я была на похоронахъ. Теперь ея мужъ женился.

— Вотъ какъ,—произнесла она равнодушно.—А мнѣ разсказывали, что ей никакой нужды обращаться къ старухѣ Миндель

не было. Почему же она сдѣлала? Я, Ита, ничего не понимаю. Чѣмъ больше живу, тѣмъ больше перестаю понимать.

Гайне поспѣшила передать ей послѣдній разговоръ съ Этель, и сначала Маня внимательно слушала, а потомъ махнула рукой, точно разсказъ ее раздражалъ.

— Вы меня не поняли, Ита, вѣдь мы тамъ всѣ почти искалѣченныя, и рѣдко кто изъ насъ дѣлается беременной, а счастья все нѣтъ. То, что Этель хотѣла искалѣчить себя, конечно, лекарство; но оно не къ той болѣзни,—съ тайной мыслью закончила она.

— Вы давно уже здѣсь находитесь?

— Пятый день, мнѣ же кажется, что пять лѣтъ, такъ я страдала. Вотъ и теперь я едва удерживаюсь, чтобы не кричать, хотя и къ этому привыкла. Ко всему привыкаешь, Ита, такая уже подлая человѣческая душа.

— А мой ребенокъ лежитъ въ дѣтскомъ отдѣленіи. У него крупъ,—сообщила ей Ита, какъ бы желая дать знать, что не ко всему можно привыкнуть.

Маня поняла и не стала разспрашивать.

— Человѣкъ,—произнесла она, все думая о томъ, о чемъ не переставала думать съ момента болѣзни,—человѣкъ—это злая собака, привязанная на короткой веревкѣ. Хорошо еще, что на короткой. Но Яшѣ я никогда не прощу, даже передъ смертью. Вы думаете, мнѣ жизни своей жалко? Если бы я еще вѣрила во что-то, то сказала бы: слава Богу, но уже ни во что не вѣрю, и смотрю на себя, какъ на помойную яму. Есть ли еще какая-нибудь грязь, которая въ меня не была брошена? Вы вѣдь въ лучшую свою минуту не съумѣете себѣ представить, какой я была, когда пріѣхала сюда. Священныя книги болѣе грязны отъ пальцевъ людей, чѣмъ я была. И въ два года я вся изгадилась, какъ мѣсто для нечистотъ. Была одна надежда выбраться изъ грязи, и оттого я такъ любила своего будущаго ребенка. Какъ путеводная звѣзда, какъ спаситель онъ былъ для меня. Но и это погибло, какъ раннія мечты мои, какъ женихъ, какъ чистота и невинность моя, и, рѣшившись убить жившую во мнѣ жизнь, я такъ возненавидѣла себя, что смерть, увѣряю васъ, я встрѣчу съ радостью.

Она лежала и строго смотрѣла передъ собой, и въ глазахъ ея отражалась вся ненависть человѣка, безповоротно осудившаго себя. Ита же не понимала ее и старалась вызвать въ ней обычныя чувства покорности судьбѣ.

— Не говорите мнѣ объ этихъ вещахъ, Ита, — произнесла она,—я не дѣвочка, и меня пряникомъ не подкупишь. Когда напьешься грязи такъ, что она уже въ горло не идетъ, то что сдѣлаетъ здѣсь капля чистой воды? И она загрязнится, и потому

лучше меня оставить, какъ я есть. Кричать, звать, тоже вѣдь некого? Кто услышитъ васъ? Кто можетъ помочь? Покричите о своемъ ребенкѣ. Правда, если бы я это раньше знала, то, можетъ быть, здѣсь не лежала бы, но теперь уже поздно горевать. Знаете,— вдругъ сказала она, вѣдь—у Яши новая любовница.

— Не можетъ быть,—возмутилась Гайне,—вотъ низкій человѣкъ!

— Почему низкій? Скажите человѣкъ, и будетъ достаточно. Вы думаете, что я ревную? Вотъ тутъ-то вы ошибаетесь. Я вѣдь не сразу пошла къ Миндель. Послѣ того, какъ я встрѣтила васъ, я сказала себѣ: не нужно идти къ Миндель. И не пошла. Стыдно и больно мнѣ сдѣлалось, когда я съ вами поговорила. Такъ замечталась я, такъ замечталась. Я потомъ такія хитрости выдумывала, чтобы скрыть свою беременность, что вы бы удивились.

— Зачѣмъ же вы не убѣжали отъ Яши?

— А зачѣмъ вы не убѣжали отъ Михеля? Не бѣжалось какъ-то. Правда, были мысли, но какъ у птицы въ клѣткѣ. Такъ подумаешь и этакъ подумаешь, а наступитъ вечеръ и скорѣе спѣшишь одѣться, чтобы онъ кулаками не погналъ. Но когда очень стало замѣтно, что я беременна, и этого уже никакими хитростями скрыть нельзя было, то въ два дня онъ мнѣ такую жизнь устроилъ, что я не выдержала и пошла къ Миндель. Я бы, пожалуй, повѣсилась,—задумчиво прибавила она,—да, повѣсилась, но надежда помѣшала. Все мысли были, что, можетъ быть, я въ другой разъ, когда забеременѣю, спасу ребенка. Такъ вѣдь я хотѣла матерью сдѣлаться, такъ хотѣла!..

Ита вспомнила и свои чувства во время беременности и одобрительно кивнула головой.

— Какъ-то пьянѣешь отъ этихъ чувствъ,—произнесла она,— и, кромѣ ребенка, ни о чемъ не думаешь. Я это хорошо знаю.

Маня закрыла глаза отъ боли и тихо застонала. Ита, удрученная, молча сидѣла подлѣ нея, и со страданіемъ смотрѣла ей въ глаза. Въ палатѣ уже было меньше шума. Всѣ женщины чинно лежали на своихъ мѣстахъ, и залъ принималъ свой обычный скучный, оффиціальный видъ. У двухъ кроватей стояли фельдшерицы и наливали въ висѣвшія на стѣнѣ кружки воду, которую имъ подавала служанка. Гайне инстинктивно почувствовала, что нужно уйти и начала собираться. Маня уже громко стонала, губы у нея стали еще краснѣе, а глаза глубже ушли подъ лобъ.

— Я еще навѣщу васъ, дорогая,—прошептала Гайне, пугаясь этихъ стоновъ и не зная, что дѣлать.

Маня вмѣсто отвѣта сильно крикнула. Ита отъ страха вскочила. На крикъ прибѣжала фельдшерица, а Гайне, опустивъ голову, быстро пошла къ выходу, чтобы избѣгнуть непріятностей.

Она шла съ тяжелой головой, опять потерявшись во дворѣ, и, глядя на мрачныя и непривѣтливыя строенія, не вѣрила теперь, что изъ нихъ человѣкъ можетъ вырваться живымъ. Точно длинныя змѣи, тянулись флигеля во всѣ стороны, и синеватыя отъ косого свѣта стекла оконъ, какъ глаза, зловѣще глядѣли на нее, когда она проходила мимо нихъ.

„Погибла Маня“, пронеслось у нея, и, вспомнивъ, что и ея ребенокъ тоже за этими стѣнами, она со стономъ вздохнула.

Случайно она набрела на ворота и пошла къ выходу. Когда она очутилась на улицѣ, то вдругъ увидѣла Михеля, который, казалось, поджидалъ ее. При видѣ Иты, онъ быстро подошелъ къ ней и безъ предисловій сталъ кричать, что уже часъ, какъ поджидаетъ здѣсь, но еще болѣе разозлился, когда она замѣтила ему, что не знала объ этомъ.

— Ты всегда должна думать, что я тебя поджидаю, если такъ мало приносишь мнѣ, дрянь этакая.

Ита даже не подумала упрекнуть его въ томъ, что онъ не спрашиваетъ о ребенкѣ. И только ради того, чтобы отвести его гнѣвъ, который мѣшалъ ея думамъ, сказала искусственно спокойнымъ голосомъ.

— Помнишь, Михель, Маню. Она лежитъ здѣсь при смерти. Я только что отъ нея.

Михель притихъ и засвисталъ.

— Да, да, я что-то слышалъ объ этомъ,— пробормоталъ онъ,— но Яша совсѣмъ не знаетъ, что ея болѣзнь такъ опасна.

— Вѣроятно, потому онъ и поспѣшилъ сойтись съ другой. Правда, вотъ ужъ подлецъ. Хорошіе товарищи у тебя, Михель, нечего сказать.

— Ну, ну, это не твое дѣло. А на какой чортъ, скажи, нужна ему больная?

Ита съ ненавистью посмотрѣла на безпечное лицо Михеля и, сдержавъ еще разъ закипѣвшій въ ней гнѣвъ, вынула послѣднія 50 копѣекъ, молча отдала ихъ ему, и когда онъ ушелъ отъ нее, облегченно вздохнула и поспѣшила домой.

Мальчикъ Гайне умеръ на слѣдующій день вечеромъ и былъ перенесенъ въ мертвецкую вмѣстѣ съ другими умершими, гдѣ они и должны были оставаться до утра. Въ мертвецкой уже лежала Маня, скончавшаяся нѣсколькими часами раньше. Она умерла, не примирившись съ жизнью, и лицо ея сохранило выраженіе отвращенія, которымъ она была полна въ послѣдніе часы. У смертнаго одра этой несчастной женщины не было ни одного родного человѣка, и лучшія мысли, которыя ей казались важными и хотѣлось высказать, она унесла съ собой въ могилу. Вмѣсто

живого человѣка, только что кипѣвшаго страстями, образовалась свободная пустота, ждавшая своего заполненія новой жертвой.

Въ тотъ же самый вечеръ Эстеръ, сперва провѣдавъ свою семью, отправилась къ Гайне, чтобы извѣстить ее о смерти ребенка. Эстеръ была очень оживлена отъ заботъ и предстоящихъ перемѣнъ, такъ какъ всегда эти, хотя и хлопотливыя, перемѣны сулили недурный излишекъ заработка. Счетовъ своихъ съ Итой она точно не помнила, но знала, что много перебрала у нея, и это вмѣстѣ съ свѣжими деньгами и подарками, которые должны были явиться съ новымъ ребенкомъ, обѣщало нѣчто очень пріятное и желанное. Она весело закусила, поболтала съ сосѣдками, предъ которыми нарочно дѣлала печальное лицо, и это было тоже ей пріятно, ибо свое благополучіе только тогда хорошо сознаешь, когда чувствуешь, что другому скверно,—а потомъ, приказавъ мальчику не пускать отца ложиться до ея прихода, отправилась къ Гайне. По улицѣ она какъ бы плыла, а не шла, такъ легко у нея было на душѣ, и когда явилась къ Итѣ, то была совершенно вооружена, чтобы не упустить заработка, который могъ ей перепасть у Гайне. Въ кухню она вошла не прямо, а постучала въ окно. Цѣли этого новаго пріема она и сама не знала и дѣйствовала, какъ по вдохновенію, и, впущенная кухаркой, словно подъ вліяніемъ ужаснѣйшаго горя, упала, а не сѣла на стулъ, опустивъ голову, согнувшись вдвое и свѣсивъ руки, такъ что чуть не доставала ими до пола. Кухарка, при одномъ взглядѣ на эту странную позу, поняла о случившемся несчастьи и изъ сожалѣнія быстро закрыла дверь, ведшую въ комнату, чтобы не дать Итѣ возможности разслышать голосовъ. Сдѣлавъ это, она подошла къ Эстеръ, тронула ее за плечо и тихо спросила:

— Умеръ? Не тяните долго.

И, впившись въ нее глазами, ловко высвободила свои уши изъ-подъ платка, покрывавшаго ея голову, съ цѣлью не пропустить ни одной буквы изъ отвѣта.

— Только что скончался, — прошептала Эстеръ, исправивъ положеніе своей головы и тѣла.—Но я не въ силахъ передать бѣдной Итѣ эту вѣсть. Возьмите на себя заботу. Подготовьте ее какъ-нибудь. А я не могу. Я такъ измучена смертью и концомъ этого несчастнаго мальчика, что ея горя уже не вынесу. Ахъ, счастливы вы сто разъ, что не присутствовали, какъ онъ умиралъ. Вѣдь онъ, какъ взрослый, прощался со мной. Я еще какъ-будто вижу его. Право, на родную мать такъ не смотрятъ, какъ онъ глядѣлъ на меня. Пожалуйста, пойдите къ ней, скажите ей.

— Этого, Эстеръ, я не могу на себя взять, не разсчитывайте на меня. Я бы себѣ никогда не простила такой жестокости. Пріятно быть хорошимъ вѣстникомъ. Вы, Эстеръ, уже въ дѣлѣ—

кончайте его. Вамъ простительно. Не вы виновны и сдѣлали для ребенка больше, чѣмъ человѣкъ можетъ.

Эстеръ подняла глаза къ небу, какъ бы призывая его въ свидѣтели своей доброты, и рѣшительно сказала:

— Позовите ее, она по мнѣ сама догадается. Какое несчастье, Боже мой, какое ужасное несчастье.

Онѣ еще нѣсколько времени препирались, кому пойти, но Эстеръ, наконецъ, надоѣла комедія, и она встала съ намѣреніемъ самой отправиться вызвать Гайне.

— Нѣтъ, лучше уже я пойду,—рѣшила кухарка, подумавъ.—Ита можетъ на смерть перепугать ребенка. Ступайте въ подъѣздъ и подождите. Я ее сейчасъ пришлю.

Эстеръ одобрительно махнула головой и вышла. Но не успѣла еще усѣсться на скамейкѣ, какъ увидѣла бѣжавшую къ ней Гайне.

— Что случилось, Эстеръ?—крикнула та измѣнившимся голосомъ.—Что, что такое? Ахъ, не говорите еще.

Она закрыла уши руками и, не выдержавъ волненія, визгнула изо всѣхъ силъ. Эстеръ степенно поднялась и, обхвативъ ее руками, ласково, но серьезно сказала:

— Ну, что же за бѣда, Ита, не вы первая, не вы послѣдняя. Будутъ еще у васъ дѣти. Дорогому мальчику теперь лучше, чѣмъ намъ. О, повѣрьте, гораздо лучше. Ита, что же это вы дѣлаете? Ита! Богъ съ вами, несчастная.

Гайне, вырвавшись отъ нея, вцѣпилась обѣими руками въ свои волосы и съ ожесточеніемъ выдирала ихъ. При этомъ она кричала, какъ помѣшанная, издавая ужасные крики, долгіе и густые, и топала ногами. Крики моментально собрали народъ вокругъ нея. Всѣ толпились и съ тревогой спрашивали другъ у друга, что случилось, и не успокоились, пока Эстеръ не разсказала ближайшему къ себѣ человѣку, въ чемъ дѣло. А Ита продолжала кричать одними звуками, не находя ни одного слова для выраженія своего горя, и колотила себя уже кулаками по головѣ. Кругомъ нея разносился говоръ, и каждый что-нибудь дѣлалъ, чтобы помочь ей. Кто-то уже держалъ въ рукахъ лимонъ, запахло нашатыремъ, кто-то перехватилъ туго-на-туго руку Иты подлѣ плеча платкомъ, чтобы не дать ей упасть въ обморокъ, а Гайне все кричала, точно то, что управляло ея голосомъ и крикомъ, совершенно испортилось, а воля была безсильна задержать эти звуки. Вдругъ она внезапно замолчала и упала безъ чувствъ. Нѣсколько человѣкъ подхватили ее и осторожно понесли наверхъ. Потомъ разошлись и остались выжидать во дворѣ, не понадобится ли еще ихъ помощь. Подлѣ Иты остались Эстеръ и кухарка и хлопотали, чтобы привести ее въ чувство. Барыня, встревоженная шумомъ, зашла въ кухню, посмотрѣла на лежавшую, мертвенно блѣдную кормилицу, разузнала, въ чемъ дѣло, и

осталась подлѣ на нѣсколько минутъ, выразивъ на лицѣ соболѣзнованіе. Потомъ вышла разстроенная, думая, главнымъ образомъ, о томъ, какъ отозвется на ея ребенкѣ горе Гайне.

„Если бы это случилось на двѣ недѣли позже, мальчика можно было бы отнять, а ее отправить“.

Но еще болѣе огорчилась барыня, когда подумала, что сегодняшнюю ночь ей придется самой повозиться съ ребенкомъ.

Ита, между тѣмъ, понемногу приходила въ себя. Дикими, большими глазами она оглядѣла комнату и, замѣтивъ, наконецъ, Эстеръ, сначала не узнала ее, но инстинктивно крикнула отъ страха. Эстеръ быстро начала ее уговаривать, стараясь смягчить свой голосъ, и при содѣйствіи кухарки начала приводить въ примѣръ массу прекрасныхъ и нравственныхъ исторій о томъ, какъ хорошо, если дѣти умираютъ въ раннемъ возрастѣ, не познавъ ужасовъ жизни. Гайне съ тупымъ отчаяніемъ слушала ихъ, заливалась ненадолго слезами, опять слушала и незамѣтно дала усыпить болѣвшее чувство. Когда она заговорила, то заговорила какъ бы простуженнымъ и пропадавшимъ голосомъ и попросила Эстеръ разсказать ей подробно о послѣднихъ минутахъ ребенка.

— Я никакъ не могла вырваться, чтобы навѣстить его еще разъ,—всхлипнула она, вдругъ вспомнивъ, какъ ей хотѣлось сегодня пойти въ больницу,—барыня ни за что не хотѣла меня отпустить. Главное, меня успокоило то, что вы никого не присылали ко мнѣ.

Эстеръ съ аппетитомъ начала разсказывать все до мельчайшихъ подробностей, не забывъ попутно прибавить о смерти двоихъ дѣтей, матерей которыхъ Гайне вчера видѣла у окна отдѣленія, а Ита подавляла въ себѣ рвавшееся изъ груди рыданіе, чтобы прослушать и навѣкъ запомнить всѣ эти ужасныя, но дорогія теперь подробности о ребенкѣ.

— Когда его похоронятъ?—вмѣшалась кухарка.

Гайне, раскачиваясь всѣмъ тѣломъ, глухо заплакала и закрыла лицо руками, а Эстеръ дѣловито отвѣтила:

— Конечно, завтра,—и озабоченно прибавила:—нужно не забыть сходить въ контору и сторговаться за похороны. Вы встанете пораньше, Ита, чтобы выиграть время. Если не поспѣшить, то мальчика могутъ разрѣзать въ больницѣ. Ихъ вѣдь тамъ, какъ капусту, рѣжутъ, если не поторопишься убрать.

— Я объ этомъ васъ попрошу, дорогая Эстеръ,—робко произнесла Гайне, отнимая руки отъ лица и вытирая глаза.—Моя голова теперь никуда не годится. Сама я ничего не сдѣлаю. Возьмите это на себя. Вы окажете несчастному мальчику послѣднюю услугу.

— Положимъ, я завтра занята; впрочемъ, я всегда занята. Но для мальчика сдѣлаю все. Есть у васъ деньги?

— Да. Я вамъ дамъ.

—

— Ну, такъ будьте спокойны. Съ деньгами я все скоро устрою. Вотъ, что я хотѣла вамъ сказать, Ита. Хвалить себя я не намѣрена. Пусть другіе меня хвалятъ. Но я по справедливости скажу, что за труды свои многое заслужила. Я потеряла время, трудъ, но не будемъ говорить долго объ этомъ. Наградите меня сами. Я довѣряю вамъ оцѣнить, сколько я заслужила у васъ.

Гайне посмотрѣла ей прямо въ глаза, но первая отвернулась и пошла къ барынѣ попросить денегъ. И только черезъ четверть часа, послѣ долгихъ объясненій съ барыней, она вернулась съ деньгами. Эстеръ при видѣ ея расцвѣла. Ита немедленно отсчитала ей столько, сколько она просила, еше разъ заставила разсказать себѣ подробности о смерти мальчика и такъ увлеклась, что просидѣла бы всю ночь, слушая. Но Эстеръ уже нечего было ждать здѣсь, и потому она безъ смущенія стала собираться, ссылаясь на то, что уже очень поздно. Кухарка также посовѣтовала не задерживать Эстеръ, чтобы та не проспала, и Гайне со вздохомъ согласилась, условившись утромъ встрѣтиться съ ней въ больницѣ. Потомъ, когда Эстеръ ушла, Ита молча отправилась въ свою комнату, легла лицомъ въ подушку и долго оставалась безъ движенія, тихо оплакивая свою жизнь. Ребенка не было въ комнатѣ, барыня побоялась довѣрить ей его, и Гайне еще больше чувствовала свое одиночество, всю ненужность въ этомъ мірѣ. Посреди ночи разъѣдающая печаль и сиротливость, послѣ стоновъ и слезъ, стали такъ невыносимы, что она рѣшила отправиться къ барынѣ за ребенкомъ, чтобы набраться мужества у своей любви къ нему. Но барыня не согласилась дать ей мальчика, и Гайне, еще болѣе уничтоженная, поплелась къ себѣ обратно, гдѣ совсѣмъ уже дала волю тому, что такъ мучило ее. Вцѣпившись зубами въ подушку, она съ какимъ-то сладострастіемъ кричала въ нее изо всѣхъ силъ, какъ бы желая надорвать горло, легкія и сердце такъ, чтобы перестать чувствовать душевную боль. Какъ нарочно передъ ея глазами въ различныхъ видахъ и позахъ стоялъ ея мальчикъ и улыбался, и манилъ ее ручками, такой свѣженькій, розовенькій, гладенькій, и образъ его, заманчивый и ускользающій, вызывалъ въ ней такое отчаяніе, что ей хотѣлось разомъ прикончить съ собой, до того жизнь безъ него казалось ей ненужной, скучной и неинтересной. Вспоминала она и Михеля, которому не будетъ никакого дѣла до ея горя, который только выиграетъ отъ смерти мальчика, и ей хотѣлось побѣжать отыскать его и разозлить такъ, чтобы онъ ее убилъ. А въ душѣ, прорываясь сквозь скорбныя мысли, властно выплывала и тянулась сѣрая, тяжелая дѣйствительность, нагло подсказывавшая, что ничего не измѣнится, и дальнѣйшая ея жизнь будетъ долгимъ и безсмысленнымъ повтореніемъ того, что она пережила въ этотъ годъ. И думалось ей еще, что не долго продержатся въ ней во

всей свѣжести настоящія чувства, что они станутъ обычными и неострыми, и привыкнетъ она къ нимъ, какъ привыкла ко всѣмъ своимъ злоключеніямъ, и воспоминаніе обо всемъ зломъ будетъ затихать и выталкиваться новымъ и новымъ стремленіемъ прожить какъ-нибудь свою жизнь, чтобы меньше только чувствовать ея толчки и незамѣтно добраться до смерти, которая все успокоитъ, сотретъ.

„Зачѣмъ же дальше жить, Господи!“ думалось ей.

— Развѣ нѣтъ надежды?—отвѣтила она себѣ.

Надежда! И она забылась, шепча это драгоцѣнное, живительное, освѣщающее мракъ жизни слово, съ которымъ слабый и погибающій человѣкъ борется противъ яснаго пониманія нелѣпости и безцѣльности существованія.

„Надежда, надежда!..“

Великая обманщица опять побѣдила, какъ всегда побѣждала, и пошла отъ Гайне дальше къ людямъ, которые съ нетерпѣніемъ поджидали ея вдохновляющаго призыва на великій подвигъ—продолжать жить...

Гайне возвращалась съ кладбища, и двѣ женщины, Гитель и Цирель, поддерживали ее съ обѣихъ сторонъ. Жена парализованнаго уже долго поучала ее философіи жизни, но Ита разсѣянно слушала, невольно поддаваясь обаянію прекраснаго, свѣжаго, пахучаго дня. Отдѣленная отъ своего ребенка двумя аршинами земли, подъ которыми онъ теперь покоился, она начинала чувствовать, хотя и не полно, что огромная тяжесть, давившая душу, постепенно покидаетъ ее. Могила все закрыла, и страхи, и опасенія, и подозрѣнія, терзавшія ее, когда онъ лежалъ въ больницѣ, и когда еще была возможность спасти его, уже прошли. Теперь она возвращалась къ чужому, на котораго перенесла материнскую любовь,—и съ нимъ она немного отдохнетъ отъ печали. Нестрашнымъ казался ей и Михель, ибо въ такой прекрасный, радостный, ликовавшій день ничто не можетъ казаться страшнымъ, и будущее рисуется въ чудныхъ, радужныхъ краскахъ.

Сзади же шелъ Михель съ Яшей. Яша былъ задумчивъ, и на глазахъ его еще не высохли слезы, которыя онъ пролилъ у могилы Мани.

— Не горюй, дурень,—убѣждалъ его Михель,—прошлаго не вернешь. Съ другой будешь поступать умнѣе. Видишь ее,—онъ указалъ на Гайне,—даю тебѣ слово, что черезъ недѣлю она будетъ беременна. Такъ-то, мой милый.

Онъ засмѣялся деревяннымъ смѣхомъ совершенно довольнаго человѣка, а Яша, вздохнувъ, рѣшительно стряхнулъ съ себя печаль и сталъ думать о своей новой любовницѣ-модисткѣ, которая на-дняхъ, наконецъ, отдалась ему.

Жизнь продолжалась..

Семенъ Юшкевичъ.

О ВРАЧАХЪ.

(По поводу «Записокъ врача» *В. Вересаева*).

Памяти «истиннаго учителя и врача» Вячеслава Авксентьевича Манассеина.

«Нельзя все сваливать на общія условія жизни, для прогресса необходима и личная нравственность».

«Записки врача» не принадлежатъ къ числу обычныхъ, распространенныхъ и довольно безразличныхъ произведеній, которыя съ большимъ или меньшимъ интересомъ прочитываются и скоро забываются; доказываетъ это тотъ живой интересъ, съ которымъ набросилась публика на книгу, обсужденіе ея въ различныхъ обществахъ и продолжающаяся цѣлый годъ полемика—рядъ горячихъ похвалъ и еще больше ожесточенныхъ нападокъ. Впрочемъ, есть якобы равнодушные, но въ дѣйствительности крайне недовольные врачи-практики и рецензенты, которые стремятся доказать, что въ «Запискахъ» нѣтъ ничего новаго, что все это давно и хорошо извѣстно, но уже самый ожесточенный споръ доказываетъ, что это неправда. Авторъ такъ мастерски и мѣстами художественно собралъ и представилъ старое извѣстное и новое неизвѣстное публикѣ, что получилась довольно яркая картина врачебнаго дѣла, картина очень полезная и поучительная не только для публики, мало свѣдущей въ этомъ отношеніи, но и для спеціалистовъ. Приводимъ здѣсь мнѣніе великаго знатока этого дѣла В. А. Манассеина («Врачъ» 1901 г. № 2): «Въ «Мірѣ Божьемъ» (январь) начата печатаніемъ статья г. Вересаева «Записки врача». Статья, написанная очень тепло и талантливо, несомнѣнно, обратитъ на себя вниманіе общей печати. Къ сожалѣнію, авторъ, рисуя недостатки преподаванія медицины въ Россіи, мѣстами допускаетъ и преувеличенія, и слишкомъ уже темныя краски,—обстоятельство, которое можетъ ввести читателей-не врачей въ заблужденіе». Краткая, но какая глубоко справедливая и вѣрная оцѣнка; только глубоко понимающій и знающій дѣло врачъ и рѣдкій мастеръ слова могъ дѣлать такія поразительно мѣткія и краткія характеристики. Мало того, эта замѣтка была напи-

сана только по поводу первыхъ главъ статьи: какимъ вѣрнымъ пророкомъ оказался Вячеславъ Авксентьевичъ относительно судьбы всей книги, а также достоинствъ и недостатковъ и даже дальнѣйшаго изложенія «Записокъ».

Въ виду большого значенія этой работы и сильнаго впечатлѣнія, произведеннаго ею на врачей и публику, считаемъ необходимымъ подробно разобрать «Записки врача», а попутно поговорить и еще о нѣкоторыхъ сторонахъ врачебнаго дѣла, мало затронутыхъ или совершенно пропущенныхъ авторомъ, который не былъ общественнымъ врачомъ и на все смотрѣлъ съ точки зрѣнія отдѣльнаго врача. Нужно оговориться напередъ: всѣ неустройства врачебнаго дѣла зависятъ, помимо общихъ условій нашей жизни, отъ несовершенства самой медицины и отъ недостатковъ, присущихъ ея представителямъ врачамъ. Въ нашемъ разборѣ мы остановимся главнымъ образомъ на врачахъ. Матеріаломъ намъ служилъ преимущественно «Врачъ»—эта сокровищница «добра и зла» о врачахъ и врачебномъ дѣлѣ, почему вполнѣ естественно и справедливо посвятить статью памяти Вячеслава Авксентьевича Манассеина, всю жизнь боровшагося съ нашими недостатками, сдѣлавшаго больше, чѣмъ кто-либо изъ русскихъ врачей, для упорядоченія врачебнаго дѣла и наконецъ такъ справедливо указавшаго всю суть «Записокъ врача»: если бы мы выходили изъ университета хотя немного похожими на нашего дорогого учителя, то о многомъ не пришлось бы писать В. Вересаеву въ своихъ «Запискахъ».

Громадное вліяніе В. А. Манассеина и любовь къ нему студентовъ и больныхъ объясняются между прочимъ его *строгой послѣдовательностью*: на словахъ и на дѣлѣ онъ былъ одинъ тотъ-же; то, что онъ проповѣдывалъ на лекціяхъ и во «Врачѣ», проводилъ онъ и въ своей жизни и дѣятельности. Только такіе учителя и нужны, и полезны, а всѣ тѣ, которые говорятъ много «хорошихъ громкихъ словъ» и предлагаютъ радикальные проекты измѣненія общихъ условій жизни и въ то же время устраиваютъ «лавочки», совмѣщаютъ десятки мѣстъ и ради денегъ и личныхъ интересовъ забрасываютъ свое учительское дѣло,—всѣ эти профессора и другіе реформаторы суть лжеучители и безусловно вредны для молодежи. Нашу молодежь всегда упрекаютъ въ томъ, что она быстро теряетъ свои идеалы послѣ оставленія университетской скамейки, но прежде этотъ упрекъ нужно бросить учителямъ, которые, за рѣдкимъ исключеніемъ, даютъ своимъ ученикамъ и тайные, и явные примѣры пользованія наукой, какъ дойной коровой. Яркій примѣръ такого вреднаго вліянія на врачей даетъ московская Захарьинская школа, прививающая всѣмъ духъ наживы. Находятся такіе quasi-реформаторы, которые утверждаютъ, что личные примѣры и нравственность—ничто, а все—общія условія жизни. Это—сознательная и своекорыстная ложь! О какомъ измѣненіи общихъ условій можетъ быть рѣчь, если наши учителя и наша интеллигенція будутъ руководиться

въ своей жизни только личными интересами, аппетитами и устройствомъ своихъ личныхъ дѣлишекъ? Подобная жизнь только поддерживаетъ и укрѣпляетъ неправильныя общія условія нашей жизни, и только послѣдовательные борцы на словѣ и на дѣлѣ могутъ вести къ желательнымъ улучшеніямъ. Такимъ истиннымъ учителемъ и былъ Вячеславъ Авксентьевичъ Манассеинъ.

I.

Прежде всего мы горячо привѣтствуемъ В. Вересаева, что онъ рѣшился такъ искренно и откровенно повѣдать всѣмъ свои сомнѣнія и недостатки, горе и мученія, «вся своя сокровенная», на что рѣшаются очень и очень немногіе. «Записки врача» имѣютъ очень важное значеніе, какъ психологическій очеркъ, рисующій намъ развитіе и дѣятельность врача отъ А до Z: какъ онъ обучался, какое вліяніе оказывала медицина на студента, какъ начиналась и развивалась дѣятельность врача, какъ относился врачъ къ больнымъ и обществу, и какъ они отвѣчали ему, какой характеръ складывался во врачѣ подъ вліяніемъ занятія медициной и практикой и т. д. Особенно важны всѣ эти *свои* факты, *свои* сомнѣнія, *свои* неудачи, доводящія до апатіи и отчаянія,—мѣстами буквально слышится вопль души,—*свои* успѣхи, приводящіе къ неудержимому восторгу, какъ все это жизненно вѣрно и интересно особенно для начинающаго врача и студента, который найдетъ во всемъ этомъ много поучителвнаго и полезнаго для себя. Не даромъ выпускные гимназисты зачитывались «Записками», желая найти указанія для выбора факультета.

Ограничься авторъ только этимъ психологическимъ очеркомъ, то и тогда онъ не прошелъ бы безслѣдно, но въ немъ есть и другія стороны, пожалуй, болѣе важныя. Прежде всего многое, что авторъ говоритъ о себѣ, относится въ той или другой степени и къ другимъ врачамъ. Положимъ, одни изъ нихъ болѣе храбры и самоувѣренны, вторые болѣе талантливы или, наоборотъ, менѣе способны, другихъ менѣе волнуютъ сомнѣнія и проклятые вопросы, третьи пріобрѣли болѣе знаній и сноровки въ университетахъ, — допускаемъ всѣ эти и другія различія въ способностяхъ, убѣжденіяхъ, характерѣ, склонностяхъ, обстановкѣ, первоначальныхъ условіяхъ для дѣятельности, и все-таки всѣ студенты и врачи такъ или иначе, въ той или другой степени, но испытали многое (если не все) изъ того, что пережилъ авторъ «Записокъ». Кто не испыталъ извѣстнаго волненія передъ первымъ трупомъ, кто не болѣлъ «болѣзнью третьяго курса», кто не волновался за первый прописанный рецептъ и за перваго больного, кто не переживалъ перехода отъ вѣры до полнаго отчаянія въ медицинѣ и наоборотъ, кто, наконецъ, не испытывалъ разочарованій и тяжелыхъ, минутъ сомнѣнія въ безсиліи медицины даже въ рукахъ нашихъ луч-

шихъ учителей? Если найдутся таковые, то они рѣдкое исключеніе. Такимъ образомъ, по «Запискамъ врача» читатели знакомятся не только съ авторомъ, но вообще съ жизнью студента и врача, а это можетъ повести хотя бы у нѣкоторыхъ къ болѣе правильному пониманію врачебнаго дѣла и установленію болѣе правильныхъ отношеній между врачами и болѣе развитою частью общества. Приведемъ два примѣра.

Больные, а часто и окружающіе ихъ, обыкновенно весь неуспѣхъ леченія сваливаютъ на врачей, и В. Вересаевъ приводитъ рядъ убѣдительныхъ примѣровъ, что не все зависитъ отъ врача, отъ его незнанія или малой опытности, а часто отъ несовершенства нашей науки, и самые блестящіе представители медицины оказываются *въ настоящее время* безсильными передъ извѣстными болѣзнями и случаями. И вообще авторъ старается умѣрить требованія публики отъ медицины и врачей, что должно уменьшить число разочарованій и массу нареканій на врачей. Публика часто упрекаетъ врачей въ безсердечіи, отказахъ въ помощи и привлекаетъ ихъ къ суду, и В. Вересаевъ прекрасно доказываетъ, что и врачъ—человѣкъ съ его горями и слабостями; что недостатки, за которые проклинаютъ врачей, присущи и легко прощаются другимъ спеціалистамъ; и что только одни врачи имѣютъ привилегію обязательно помогать всегда и всѣмъ, тогда какъ никому другому законъ не навязываетъ обязательной помощи: врачъ долженъ летѣть всегда по первому зову, а булочникъ не обязанъ раздавать булки голодающимъ, хозяинъ—пускать безпріютныхъ въ свою квартиру, каждый бросаться въ воду спасать утопающаго. Вотъ эта-то *несправедливая привилегія* врачей и подаетъ поводъ къ массѣ нареканій и неправильнымъ отношеніямъ къ врачамъ. Конечно, было бы самообольщеніемъ предполагать, что «Записки врача» измѣнятъ въ корнѣ отношенія публики къ медицинѣ и врачамъ, но несомнѣнно, что онѣ внесутъ нѣкоторый плюсъ въ улучшеніе ихъ, хотя бы среди болѣе развитой части общества.

Кромѣ автобіографическаго отдѣла «Записки» содержатъ еще болѣе важную часть публицистически-полемическую, въ которой авторъ высказываетъ свои взгляды и критикуетъ нѣкоторыя стороны врачебнаго дѣла, положенія и дѣятельности врачей. Въ этой части встрѣчаются, къ сожалѣнію, пробѣлы, неточности и преувеличенія, которые могутъ вызвать невѣрное отношеніе къ медицинѣ и врачамъ. Въ авторѣ постоянно борятся художникъ и изслѣдователь, и первый часто побѣждаетъ, что и вызываетъ преувеличенія, излишнюю густоту красокъ, а иногда и противорѣчія. Намъ думается также, что авторъ-художникъ нагромоздилъ въ свою статью слишкомъ много *проклятыхъ неразрѣшимыхъ вопросовъ*, которые также могутъ помѣшать практической цѣли—просвѣщенію публики. Возражать нельзя противъ возбужденія проклятыхъ вопросовъ въ такихъ прекрасныхъ разсказахъ, какъ Кота-Мурлыки, или въ спеціально-научныхъ статьяхъ, но смѣшеніе

ихъ съ практическими вопросами можетъ только затемнить дѣло. Положимъ, безъ указанія на нѣкоторые подобные неразрѣшимые вопросы нельзя было обойтись, но рядъ другихъ могъ бы быть совершенно исключенъ съ пользой для изложенія и впечатлѣнія. Какое, напримѣръ, имѣетъ значеніе безплодное сѣтованіе автора, что почтовый чиновникъ подвергъ свою жену вторичнымъ мукамъ рожденія ребенка, когда и «Наташа» не избѣгла той-же участи и пришлось даже прибѣгнуть къ помощи оператора? Или для какой цѣли приведены эти вопросы о любви: «И для чего любовь со всей ея поэзіей и счастьемъ? для чего любовь, если отъ нея столько мукъ? Да неужели же «любовь» является не насмѣшкою надъ любовью, если человѣкъ рѣшается причинить любимой женщинѣ тѣ муки, которыя я видѣлъ въ акушерской клиникѣ?» Вѣдь отъ этихъ вопросовъ художника ни любовь, ни результаты ея не измѣнятся, а все-таки... и безъ такой любви жизнь была бы очень не красна.

А вотъ это преувеличеніе художника уже и совсѣмъ вредное: «Нужны какія-то идеальныя, для нашей жизни совершенно необычныя условія, чтобы болѣзнь стала дѣйствительно «случайностью»; при настоящихъ же условіяхъ болѣютъ всѣ: бѣдные болѣютъ отъ нужды, богатые—отъ довольства, работающіе отъ напряженія, бездѣльники отъ праздности, неосторожные отъ неосторожности, осторожные отъ осторожности. Во всѣхъ людяхъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ гнѣздится разрушеніе; организмъ начинаетъ разлагаться, даже не успѣвъ еще развиться». Всѣмъ извѣстно, что мы смертны, но зачѣмъ же преувеличенія, зачѣмъ рисовать такую безвыходную мрачную картину и внушать читателямъ невѣрное представленіе, что при настоящихъ условіяхъ куда ни повернись, все болѣзнь и смерть. И теперь, при настоящихъ условіяхъ, можно жизнь устроить болѣе или менѣе правильно, можно избѣжать громадной массы страданій, не вытекающихъ изъ сущности нашей природы,—зачѣмъ же публикѣ сообщать невѣрныя представленія о нашей природѣ и гигіенѣ, зачѣмъ безнадежнымъ запугиваніемъ нагонять боязнь и тоску, которыхъ у насъ и такъ хоть отбавляй? Могутъ возразить, что В. Вересаевъ не выдаетъ эти слова за научную истину, а передаетъ только впечатлѣнія удрученнаго безсиліемъ науки студента. Къ сожалѣнію, это не такъ: авторъ-художникъ, приведя это впечатлѣніе, заставляетъ автора-изслѣдователя сейчасъ же привести научныя и статистическія доказательства этого: порча зубовъ у школьниковъ, хроническій насморкъ дѣтей, ежемѣсячныя страданія женщинъ и пр. А между тѣмъ авторъ-изслѣдователь могъ бы привести массу болѣе доказательныхъ фактовъ для обратнаго: англійская смертность гораздо ниже русской, наши дѣти мрутъ гораздо меньше крестьянскихъ, земледѣлецъ-рабочій здоровѣе и долговѣчнѣе фабричнаго, духовныя лица долговѣчнѣе врачей, правильная канализація оздоровляетъ города, отсутствіе физическаго труда дѣ-

лаетъ насъ однобокими и неврастениками и пр., и пр. Всѣ эти первые попавшіеся факты ясно доказываютъ, что санитарныя условія много могутъ сдѣлать для оздоровленія, общественная и личная гигіена много помогаютъ отдѣльному человѣку и всему обществу, и что, слѣдовательно, заключеніе о вредѣ всякихъ настоящихъ условій жизни не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. И въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ придется не разъ встрѣчать подобныя же столкновенія между авторомъ-художникомъ и авторомъ-изслѣдователемъ, и чаще всего побѣждаетъ первый.

Переходимъ къ *послѣдовательному обзору*.

II.

Студенчество на медицинскомъ факультетѣ обрисовано В. Вересаевымъ крупными и очень удачно выбранными штрихами, захватывающими все главное; всякій читающій врачъ найдетъ тутъ много знакомаго, испытаннаго во время нашей лучшей поры жизни—студенчества. Но остановимся только на особо выдающихся сторонахъ или тѣхъ соображеніяхъ и обобщеніяхъ, съ которыми мы не можемъ согласиться.

Осмотръ и изслѣдованія больныхъ. В. Вересаевъ указываетъ на то, что обученіе студентовъ сопряжено съ непріятностями и подчасъ страданіями для больныхъ, которыхъ приходится разспрашивать, осматривать и изслѣдовать и при томъ при большой толпѣ слушателей; страдаютъ отъ этого, главнымъ образомъ, бѣдные, лечащіеся въ больницѣ и клиникѣ. Является противорѣчіе, изъ котораго авторъ не находитъ выхода: медицина, одна изъ гуманнѣйшихъ наукъ, должна помогать человѣку и въ то же время бѣдныхъ больныхъ обращаетъ въ «манекены» для упражненій. Мы думаемъ, что въ этомъ много преувеличеннаго: большинство нашихъ учителей относится къ больнымъ съ возможной заботливостью и стараются какъ можно меньше безпокоить ихъ, особенно тяжело-больныхъ, и студенты также не забываютъ, что передъ ними не манекены, а живые люди, и къ тому же больные. Бываютъ, конечно, и рѣдкія прискорбныя исключенія, когда профессоръ видитъ въ больныхъ только «объекты» для изслѣдованія; 15—20 лѣтъ тому назадъ въ Петербургѣ вызвалъ большой шумъ случай избіенія туфлей одного больного за то, что онъ, кажется, не согласился на операцію; поднявшійся шумъ и протесты студентокъ и врачей указали, что всѣ они не на сторонѣ энергичнаго профессора. Чѣмъ кончилась эта исторія, не помню. Но за непріятности, испытываемыя въ клиникѣ, больные имѣютъ и очень существенное преимущество: они лечатся у нашихъ лучшихъ врачей и профессоровъ, и всѣмъ извѣстно, что многіе состоятельные больные усиленно домогаются попасть въ клиники и мирятся съ неудобствами ихъ. Пріятны также многимъ, особенно одинокимъ больнымъ, посѣщенія студентовъ-кураторовъ, которые являются хотя бы временнымъ отвлеченіемъ отъ мрачныхъ мыслей о болѣзни;

многіе относятся очень хорошо къ кураторамъ и ихъ изслѣдованіямъ, понимая, что безъ этого нельзя учиться. И если мы вспомнимъ, что для многихъ больныхъ одинъ приходъ врача доставляетъ уже облегченіе, и что психическія вліянія, способствующія отвлеченію вниманія и подъему самочувствія больного, имѣютъ большое значеніе на благопріятный ходъ болѣзни, то мы думаемъ, что клиническая обстановка, съ ея разнообразіемъ и лучшимъ уходомъ, съ избыткомъ покрываетъ вышеуказанныя неудобства. Сравните обычную убійственно-однообразную больничную обстановку и полную жизни клинику, и многіе изъ васъ, конечно, предпочтутъ послѣднюю. А если иногда и обращаются съ больными, какъ съ «объектами», то въ этомъ медицина *только* не отличается отъ общаго уклада нашей жизни, въ которой *бѣдные* вообще являются только *объектами* для тѣхъ или другихъ, но гораздо худшихъ цѣлей, слѣдовательно, нужно бороться съ изъянами въ нашемъ обращеніи и еще больше съ *общей ложью* нашей жизни... Но, во всякомъ случаѣ, будутъ бѣдные или нѣтъ, но учиться нельзя безъ больныхъ,— и по наряду, жребію или какъ-либо иначе, но часть больныхъ должна будетъ проходить черезъ руки студентовъ, этого избѣжать нельзя и выхода другого мы въ настоящее время себѣ представить не можемъ.

Непонятно отношеніе В. Вересаева къ *вскрытіямъ*, о которыхъ онъ говоритъ: «Безъ вскрытій не можетъ выработаться хорошій врачъ, безъ вскрытій не можетъ развиваться и совершенствоваться врачебная наука. Это такъ вѣрно и такъ понятно всякому не только врачу, но и развитому человѣку». И въ то же время авторъ снова увлекается, начинаетъ серьезно считаться съ предразсудкомъ, по которому вскрытіе умершаго есть «поруганіе»; для большаго впечатлѣнія на читателей, цитируетъ причитанія некрасовской героини, приводитъ факты вреднаго вліянія вскрытій (берутъ больного передъ смертью изъ больницы, избѣгаютъ ложиться въ больницы изъ боязни вскрытія) и, что всего страннѣе и непозволительнѣе, упрекаетъ больничныхъ врачей, что они присвоили себѣ право вскрывать умершихъ совершенно самовольно: «законъ имъ такого права не даетъ», и родственники имѣютъ право *требовать* выдачи своихъ умершихъ безъ вскрытій. О какомъ *законѣ* говоритъ авторъ? Вѣдь *высшій законъ* для всѣхъ—польза человѣчества и развитіе науки, служащей послѣднему, а самъ авторъ признаетъ, что безъ вскрытій наука не можетъ развиваться и служить должнымъ образомъ больному человѣку. Зачѣмъ же ратовать за предразсудокъ и приглашать родственниковъ требовать своихъ умершихъ безъ вскрытія? Конечно, многимъ тяжело соглашаться на вскрытіе ихъ близкихъ людей, но вѣдь еще несравненно тяжелѣе терять этихъ людей только потому, что наука и врачи не достаточно сильны въ борьбѣ съ болѣзнями, а уменьшеніе матеріала для вскрытій явится еще однимъ изъ тормазовъ для этого усовершенствованія. Автору должно быть извѣстно, что не только провинціальные университеты, но даже и Петербургъ

съ его громадной смертностью нерѣдко не даетъ необходимаго количества матеріала для анатомическихъ и другихъ занятій студентовъ и врачей; если же больницы будутъ отдавать родственникамъ всѣхъ умершихъ, то на чемъ мы будемъ учиться? Затѣмъ авторъ преувеличиваетъ значеніе страха передъ вскрытіями, говоря, что изъ-за него многіе не поступаютъ въ больницу; конечно, есть и таковые, боящіеся призрака, но большинство избѣгаетъ больницъ по болѣе серьезнымъ соображеніямъ; но, во всякомъ случаѣ, боязнь больницъ—дѣло минувшихъ временъ, а теперь, какъ всѣмъ извѣстно, наши больницы переполнены, и газеты постоянно сообщаютъ о тѣхъ или другихъ печальныхъ послѣдствіяхъ отказа въ пріемѣ въ больницу. Упрекъ В. Вересаева одному врачу, почему онъ не уступилъ предразсудку матери, упрекъ больничнымъ врачамъ за яко бы незаконныя вскрытія и вообще всѣ сѣтованія по этому поводу включительно до неоднократнаго повторенія слова «поруганіе» есть противорѣчіе самому же себѣ и подливаніе масла въ огонь суевѣрія, а мы, врачи, особенно сталкивающіеся съ массой самыхъ вредныхъ предразсудковъ, должны всѣми разумными путями бороться съ этой тьмой не только въ простомъ народѣ, но и среди просвѣщеннаго общества. Картины же, нарисованныя авторомъ и бьющія на чувства, служатъ обратному. Закончимъ вопросами: будетъ ли доволенъ В. Вересаевъ, если врачей начнутъ таскать въ судъ за яко бы недозволенныя вскрытія въ больницахъ? Послужитъ ли это къ успѣху науки и благу человѣчества?

Въ вопросѣ о *живосѣченіяхъ на животныхъ* и о подготовкѣ къ хирургической дѣятельности В. Вересаевъ опять-таки проявляетъ свойственныя ему колебанія и двойственность. Онъ, конечно, всецѣло поддерживаетъ предложеніе Мажанди, чтобы врачи, до перехода къ операціямъ на людяхъ, научились оперировать на животныхъ, такъ какъ занятія на трупахъ недостаточны, и «живая кровь животныхъ, струящаяся подъ ударомъ ножа, или содроганіе живыхъ мышцъ во время оперированія развиваютъ въ молодомъ операторѣ смѣлость, находчивость и увѣренность въ своихъ дѣйствіяхъ» (проф. Тауберъ *). На самомъ дѣлѣ, операціи на животныхъ далеко не то, что на человѣкѣ,—всякая ошибка, неудача и даже смерть первыхъ не вызоветъ и сотой доли тѣхъ мученій, какъ самая малая ошибка при операціи на человѣкѣ,—но, во всякомъ случаѣ, онѣ необходимы, какъ дополненіе къ работамъ на трупахъ, если не столько въ *нравственномъ* отношеніи—пріобрѣтеніи необходимой храбрости, то въ *механическомъ* отношеніи:

*) Но дальше профессоръ говоритъ: «Но съ другой стороны, я думаю, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что такое упражненіе неопытной руки въ операціяхъ на живомъ негуманно и несогласно съ задачами врача вообще». А развѣ болѣе гуманно упражненіе неопытной руки хирурга въ операціяхъ на живомъ человѣкѣ, который, во всякомъ случаѣ, для насъ ближе и понятнѣе, чѣмъ животныя, какъ бы мы ни смотрѣли на послѣднихъ?

присмотрѣться къ текущей крови, живой ткани, умѣнью останавливать кровь и пр. Затѣмъ авторъ отстаиваетъ необходимость живосѣченій и для нуждъ науки: «Безъ живосѣченій познать и понять живой организмъ невозможно, а безъ полнаго и всесторонняго пониманія его и высшая цѣль медицины—леченіе невѣрно и ненадежно», и дальше: «Безъ живосѣченій нѣтъ пути къ созданію научной медицины, которая будетъ излечивать людей». Наглядно пользу опытовъ надъ животными авторъ доказываетъ остроумнымъ отвѣтомъ одного нѣмецкаго физіолога на запросъ правительства о живосѣченіяхъ: онъ прислалъ въ министерство книгу Германа «Руководство къ физіологіи» съ вычеркнутыми въ ней фактами, основанными на живосѣченіяхъ и оказалось... отъ книги осталось меньше половины. Поэтому авторъ вполнѣ справедливо говоритъ, что борьба противъ живосѣченій основана на невѣжествѣ публики, и что бороться съ ними могутъ только «очень невѣжественные или очень недобросовѣстные люди». Кажется, взглядъ В. Вересаева по этимъ подробнымъ выдержкамъ ясенъ и опредѣленъ, но... затѣмъ начинается отбой назадъ: авторъ рисуетъ картину мученій оперированной обезьяны Степки, говоритъ, что «ему было непріятно и немножко стыдно», являлась мысль о преступленіи и заканчиваетъ: «Такая сентиментальность по отношенію къ низшимъ животнымъ смѣшна? Но такъ ли ужъ прочны и неизмѣнны критеріи сентиментальности?» Въ старину и рабъ считался низшимъ существомъ и бросался на съѣденіе муренамъ за разбитую вазу. Подобными картинами, сравненіями и вопросами авторъ побиваетъ свои доводы и чувствительныхъ читательницъ еще болѣе можетъ укрѣпить въ ихъ враждебномъ отношеніи къ живосѣченіямъ. Вѣдь нѣтъ другого выхода, нельзя быть медицинѣ безъ живосѣченій, зачѣмъ же эти сѣтованія? Или уже нужно было быть послѣдовательнымъ и говорить все до конца: ежедневно убиваются многія тысячи всякаго скота и птицы для нашей пищи, ежедневно мучаются, заганиваются до мыла, до смерти рысаки и представители *тасканской* породы, ежедневно эксплуатируются коровы (надѣюсь, это—изнуреніе для нихъ, а не польза или удовольствіе), постоянно холостятся всякія животныя и пр. и пр.

Если уже поднимать проклятые вопросы о борьбѣ за существованіе и др., то слѣдуетъ договариваться до конца, а не останавливаться на полдорогѣ, и, снявши голову, не плакать о волосахъ, т.-е. объ оперированныхъ свинкахъ и обезьянахъ, когда ежедневно многія тысячи убиваются и мучатся не только для нуждъ, но даже и для удовольствія, иногда сквернаго, людей. Вѣдь не плачутъ же противники и противницы живосѣченій по поводу заѣзженныхъ лошадей и безобразныхъ охотъ на звѣрей, а, напротивъ, сами продѣлываютъ это. А скачки, бои быковъ, цирковыя представленія! Вѣдь мы еще такъ невѣжественны и полны житейской ложью, что можемъ буквально замучить пару лошадей, чтобы успѣть на засѣданіе противниковъ живо-

сѣченій и предложить тамъ самыя строгія кары противъ ученыхъ и врачей, производящихъ эти опыты! Смѣшно, въ виду этой лжи и лицемѣрія, разводить сентиментальности о небольшомъ числѣ животныхъ, страдающихъ дѣйствительно для пользы науки и человѣчества.

Конечно, всякая жестокость относительно животныхъ очерствляетъ человѣка, дѣлаетъ его, можетъ быть, менѣе чувствительнымъ и къ людскимъ страданіямъ, но съ этимъ нужно мириться, такъ какъ это при настоящихъ условіяхъ неизбѣжно, и нечего поддерживать ложную и лицемѣрную чувствительность лицъ, ратующихъ противъ необходимыхъ живосѣченій и поддерживающихъ скачки и другія свои прихоти, мучительныя для животныхъ и даже для людей. И автору слѣдовало бы прямо заявить: живосѣченія, подобно убійству животныхъ для пищи, нужны, неизбѣжны, и всякіе ахи и охи тутъ излишни и вредны. Еще два слова: могутъ возразить, къ чему всѣ эти возраженія, когда авторъ говоритъ только о своихъ личныхъ впечатлѣніяхъ. Къ сожалѣнію, нѣтъ: онъ поднимаетъ вопросъ о критеріяхъ сентиментальности и такимъ образомъ ставитъ его на общее разсмотрѣніе и разрѣшеніе.

III.

Но вотъ это уже, дѣйствительно, серьезное и справедливое обвиненіе врачей: производились и производятся прямо *непозволительные, преступные опыты надъ здоровыми и больными людьми*, опыты не съ лечебной цѣлью, не только не полезные для больныхъ, но безусловно вредные для здоровья и даже опасные для жизни, какъ-то: прививки сифилиса, гонорреи, мягкой язвы, проказы, рожи, рака, зараженіе холерой и сыпными заразными формами, введеніе зародышей глистъ, производимыя не ради леченія различныя впрыскиванія и оперативныя манипуляціи. Всю VIII главу В. Вересаевъ посвящаетъ этому, справедливо названному имъ *мортирологу* больныхъ и здоровыхъ, принесенныхъ въ жертву наукѣ, а, можетъ быть, и самолюбію производившихъ эти преступные опыты; этотъ списокъ можно увеличить изъ «Врача» *), въ которомъ ежегодно приводился рядъ подобныхъ сообщеній, а всѣ ли еще эти опыты доходятъ до печати? Приведемъ нѣкоторые примѣры, не указанные въ «Запискахъ».

Д-ра Arthur Biedl и Rudolf Kraus впрыскивали прямо въ кровь 4-мъ больнымъ 10%-й растворъ винограднаго сахара, и эти опыты не дали ничего даже и для науки. Д-ръ Henry Heimann прививалъ въ уретру 6-ти больныхъ и здоровыхъ гонококки Neisser'а и другіе двое-

*) «Врачъ», 1896, № 4; 1896, № 18; 1900, № 42; 1900, № 35; 1900, № 5; 1900, № 6; 1900, № 11; 1900, № 26; 1900, № 12; 1900, № 48; 1888, № 31; 1884, № 43 и др. №№.

кокка уретры. Проф. Celli впрыскивалъ здоровымъ кровь отъ больныхъ болотной лихорадкой. Проф. Maragliano бралъ кровь у истощенныхъ чахоточныхъ больныхъ для опытовъ надъ животными. Д-ръ Zanon доставалъ путемъ всасыванія иглами содержимое изъ пораженныхъ частей легкихъ чахоточныхъ больныхъ. Д-ръ de Simoni вводилъ въ носъ больныхъ вату, пропитанную молодыми агаровыми разводками палочки Frisch'a—возбудителя риносклеромы.

Въ прусской палатѣ одинъ депутатъ въ горячей рѣчи напалъ на проф. Neisser'a, позволившаго себѣ привить больнымъ проституткамъ (въ томъ числѣ были и малолѣтнія) безъ ихъ согласія противосифилитическую сыворотку, причемъ нападавшій депутатъ допустилъ преувеличенія и обрушился на всѣхъ врачей и врачебную науку.

Общая и врачебная печать Германіи была взволнована въ 1900 г. обвиненіями терапевтической клиники проф. Stintzing'а въ Іенѣ въ непозволительныхъ опытахъ надъ больными; поводомъ къ обвиненію послужила статья бывшаго ассистента клиники д-ра Strübell'я, въ которой встрѣчаются прямо невѣроятныя мѣста. Дѣло идетъ о леченіи сахарнаго мочеизнуренія сухояденіемъ: больныхъ запирали на чердакѣ клиники въ небольшую комнату, въ окнахъ которой были желѣзныя рѣшетки. Мучимый жаждой, больной пилъ дождевую воду, воду, приносимую для мытья, разъ ночью выпилъ свою мочу, затѣмъ, въ послѣдній день опыта, выломалъ рѣшетку въ окнѣ, вылѣзъ на крышу и «пробирался въ комнату служанки, гдѣ его накрыли, какъ разъ еще во время, когда онъ подходилъ къ крану водопровода...» Второй больной держался тоже подъ замкомъ, и въ окно была вставлена тройная желѣзная рѣшетка. Вотъ что говоритъ далѣе д-ръ Strübell: «Въ этомъ опытѣ, правда, съ существованіемъ уже грозныхъ разстройствъ въ общемъ состояніи больного, мнѣ удалось существенно ограничить постоянное отдѣленіе мочи и даже на $^1/_2$ часа совсѣмъ прекратить его, причемъ я отлично сознавалъ, что, при постоянномъ надзорѣ за пульсомъ и сердцемъ, я дошелъ до границы дозволеннаго. Если бы больной промучился жаждой еще два часа, то отдѣленіе мочи, можетъ быть, и совсѣмъ бы прекратилось, а, вѣроятно, вмѣстѣ съ тѣмъ прекратилась бы и работа сердца». Эти поступки ассистента нѣмецкая врачебная газета назвала возможными лишь для умалишеннаго человѣка. Въ свое оправданіе профессоръ, между прочимъ, писалъ, что опыты эти были для леченія больныхъ, и что больные добровольно согласились на нихъ и напередъ знали, что имъ придется испытать непріятныя явленія; больной всегда добровольно могъ прекратить леченіе и оставить клинику, а, между тѣмъ, одинъ изъ нихъ поступалъ и второй разъ для новаго леченія. «Эти объясненія, — говоритъ «Врачъ», — конечно, очень важны и смягчаютъ дѣло, но все-таки такіе опыты, хотя бы и съ лечебной цѣлью, не должны бы вовсе производиться».

Въ томъ же году проф. Pflüger обвинялъ проф. Israel'я и Munk'а въ томъ, будто бы они «позволили себѣ продѣлать физіологическое живосѣченіе на человѣкѣ». Суть дѣла: въ берлинскую больницу поступила дѣвушка со слоновой болѣзнью голени, на которой было отверстіе, и изъ него произвольно выдѣлялась пасока. Munk'у и Rosenstein'у захотѣлось изслѣдовать вліяніе разныхъ родовъ пищи на составъ пасоки, на что и согласился Israel. Заживленіе свища было пріостановлено, пасоку собирали въ большихъ количествахъ, брали кровь, и больную заставляли нѣсколько разъ голодать по 9—24 часа, кормили иногда липаниномъ, углемъ и др., приставляли кровососныя банки. Въ свое оправданіе Israel, между прочимъ, писалъ, что больная вышла изъ больницы въ цвѣтущемъ состояніи и съ залеченнымъ свищемъ.

Наконецъ, что такое всѣмъ извѣстная буффонада Koch'а съ прививками туберкулина, сколько страданій причинили эти прививки, скольkимъ больнымъ укоротила жизнь пресловутая сыворотка, предложенная для облагодѣтельствованія больныхъ, но безъ всякой научной провѣрки! Можетъ быть, и безсознательное, но все-таки преступленіе, принесшее богатыя и великія милости благодѣтелю и его присным ъ! Но особенно стараются врачи по части преступниковъ и другихъ отверженныхъ, и безъ того лишенныхъ всякихъ радостей. Не только въ старину, но и въ самое послѣднее время, приговоренные къ смерти преступники подвергались различнымъ преступнымъ опытамъ со стороны врачей; особенно въ этомъ отношеніи отличаются американскіе врачи съ электроказнью, о чемъ скажемъ ниже. Усердствуютъ и другіе, если не на практикѣ, то предложеніями, для осуществленія которыхъ у нихъ не хватаетъ силы, но—характерны и предложенія. Dionis des Carrières на французскомъ съѣздѣ по бугорчаткѣ серьезно доказывалъ, что врачамъ слѣдовало бы произвести опыты en grand съ кормленіемъ приговоренныхъ къ смертной казни мясомъ жемчужнаго скота. Проф. Eduard Lang предлагаетъ воспользоваться содержимыми въ тюрьмахъ преступниками для опытовъ надъ сифилитической заразой и антисифилитической сывороткой, такъ какъ «преступники долго остаются въ тюрьмахъ и удобны для продолжительнаго наблюденія». По мнѣнію профессора, этого не слѣдуетъ дѣлать насильно, а должно убѣдить преступниковъ въ пользѣ для людей отъ такихъ опытовъ, такъ какъ «каждый человѣкъ, не исключая преступниковъ, способенъ къ благородному самопожертвованію». Какъ этотъ великодушный профессоръ рѣшается приглашать къ самопожертвованію людей, у которыхъ и осталось, можетъ быть, только одно здоровье, не лучше ли было бы ему самому на себѣ проявить это благородство, чѣмъ убѣждать преступниковъ жертвовать послѣднимъ?

Къ сожалѣнію, не ограничились одними предложеніями. Одному осужденному къ смертной казни прививали проказу; въ Индіи врачи намѣрены прививать холерныя палочки осужденнымъ на смерть съ

условіемъ, что перенесшіе опытъ будутъ помилованы. «Врачъ» справедливо замѣчаетъ, что «не врачамъ быть палачами». Да, это—грустная страница нашего врачебнаго дѣла, тѣмъ болѣе, что врачамъ-то особенно близки людскія страданія, и имъ же первымъ приходится имѣть дѣло съ послѣдствіями своихъ преступныхъ опытовъ. Мало того, и наука-то нерѣдко не выигрывала ничего отъ этихъ дѣяній, да и въ наукѣ ли тутъ суть, а не въ излишнемъ ли самолюбіи и желаніи покрыть себя непозволительными лаврами за счетъ здоровья и жизни больныхъ и здоровыхъ людей? Въ самомъ дѣлѣ, лица, истинно увлеченныя наукой, имѣющей своей непосредственной задачей уменьшать страданія, прибѣгали къ совершенно иному пути, они производили опыты, часто опасные и угрожавшіе жизни, на самихъ себѣ, таковы: Спаланцани, Петтенкоферъ и Эммерихъ, Alibert, Biett, Fayet, Lenoble, Линдеманъ и многіе другіе извѣстные и неизвѣстные друзья человѣчества; слава этимъ героямъ за ихъ, дѣйствительно, благородное самопожертвованіе!

Нѣкоторые изъ преступныхъ экспериментаторовъ приводили въ оправданіе, что онѣ дѣлали свои опыты съ согласія лицъ, подвергавшихся имъ, или надъ такими лицами, которымъ предстоитъ скоро умереть или вслѣдствіе болѣзни, или смертнаго приговора. Но эти оправданія не выдерживаютъ ни малѣйшей критики и еще болѣе ухудшаютъ дѣло; у людей, близкихъ къ смерти, особенно не слѣдуетъ отравлять послѣднихъ минутъ жизни излишними страданіями и такимъ образомъ приближать конецъ, — просто поражаешься, какъ можетъ даже придти мысль *использовать умирающаго*; что же касается согласія, то соглашавшіеся на опыты были обыкновенно люди мало развитые, люди зависимые, не могущіе отказать начальству (солдаты), наконецъ, даже малолѣтніе; ни тѣ, ни другіе не могутъ понимать всей той опасности, которой они подвергались, не знали, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ (прививки сифилиса) они навсегда вводили ядъ въ свой организмъ и портили всю свою жизнь.

Непримиримый врагъ всякихъ уклоненій отъ непосредственной цѣли медицины, В. А. Манассеинъ писалъ, что опыты самые безвредные и даже всякія наблюденія, приносящія боль или безпокойство, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ тѣ и другія не имѣютъ въ виду лечебной цѣли, могутъ быть производимы только съ полнаго согласія и яснаго пониманія соглашающимися больными и здоровыми, чему они подвергаются. Что же касается опытовъ сомнительныхъ или даже опасныхъ, то здѣсь, намъ думается, мало одного согласія, а нужно, чтобы соглашающіеся были вполнѣ развитые люди или всего лучше врачи, такъ какъ только они ясно понимаютъ, на что они идутъ, и каковы могутъ быть послѣдствія опытовъ: вѣдь не нужно забывать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ самъ экспериментаторъ не знаетъ конечныхъ послѣдствій опыта, какъ же это растолковать неразвитому добровольцу?

Какъ же прекратить всѣ эти опыты, позорящіе врачей и врачебную науку, отъ кого должна исходить борьба? В. Вересаевъ заканчиваетъ свой мортирологъ призывомъ къ обществу: «Но пора и обществу перестать ждать, когда врачи, наконецъ, выйдутъ изъ своего бездѣйствія и принять собственныя мѣры для огражденія своихъ членовъ отъ ревнителей науки, забывшихъ о различіи между людьми и морскими свинками». Конечно, ничего нельзя возразить противъ всякой самодѣятельности общества, но въ данномъ случаѣ оно можетъ сдѣлать очень немного, такъ какъ членамъ общества проникнуть въ больницы и клиники и вмѣшаться въ отношенія между врачами и больными фактически невозможно. Вѣдь не избирать же для этого особыя комиссіи, которыя все-таки не въ состояніи будутъ производить необходимое наблюденіе. Роль общества исчерпывается только протестомъ, а вся борьба противъ этого зла можетъ и должна вестись самими врачами и особенно врачебной печатью и нашими учителями. Кѣмъ и гдѣ производятся подобные опыты? Несомнѣнно, что громадное большинство ихъ приходится на университеты и профессоровъ, и въ томъ числѣ не мало извѣстныхъ, какъ, напр., Нейссеръ, Бергманъ и др.; наши русскіе профессора, какъ видно изъ «Записокъ врача», также не безгрѣшны въ этомъ дѣлѣ. Стало-быть, профессора и должны начать борьбу, не дѣлать непозволительныхъ опытовъ и на своихъ лекціяхъ постоянно проводить мысль не только о вредѣ и непозволительности подобныхъ опытовъ, но и вообще о задачахъ и обязанностяхъ врача, что, къ сожалѣнію, дѣлается очень немногими, а остальные профессора заботятся только о приготовленіи ремесленниковъ, мало развитыхъ въ общественно-нравственномъ отношеніи. Оставляя университетскую скамью мало чувствительными въ этомъ направленіи, врачи, подъ давленіемъ жизни и очерствляющей спеціальности, дѣлаются еще болѣе неотзывчивыми, не предъявляя протеста противъ встрѣчающихся имъ всевозможныхъ уклоненій. Нѣкоторые изъ возражавшихъ В. Вересаеву говорятъ, что эти опыты—дѣло отдѣльныхъ врачей, и остальные врачи не виноваты въ этомъ; нѣтъ, *мы всѣ врачи in corpore виноваты въ этомъ,* такъ какъ не дѣлая этихъ опытовъ сами, мы *не протестуемъ* противъ нихъ. Какъ на примѣръ халатнаго отношенія къ своему долгу, могу указать на одно засѣданіе Смоленскаго общества врачей, гдѣ одинъ врачъ дѣлалъ докладъ о своихъ очень стѣснительныхъ хотя и сопряженныхъ лишь съ незначительной болью надъ роженицами опытахъ, имѣющихъ цѣлью изслѣдованіе чувствительности. Было ли получено согласіе изслѣдуемыхъ, я не знаю, но во всякомъ случаѣ, моментъ для опытовъ надъ мучающимися женщинами весьма неудобный, и, однако, старшій врачъ разрѣшилъ эти опыты, а мы, слушавшіе докладъ, дѣлали всякія замѣчанія, и никому изъ насъ не пришла даже мысль протестовать противъ этихъ опытовъ.

Пойдемъ дальше: врачебные съѣзды, общества, академіи, куда по-

сылаются и гдѣ дѣлаются отчеты о различныхъ, а въ томъ числѣ и непозволительныхъ опытахъ, могли бы сократить ихъ до минимума, отказавшись принимать и выслушивать подобные доклады,—тогда не было бы главной цѣли производить эти опыты: вѣдь едва ли кто либо, кромѣ душевно-больныхъ, можетъ дѣлать ихъ только ради собственнаго удовольствія. А между тѣмъ, эти врачебныя учрежденія охотно выслушиваютъ отчеты о такихъ опытахъ даже безъ малѣйшаго протеста,—такъ сильно дѣйствуетъ увлеченіе наукой и еще болѣе профессіональная нечувствительность, привыкшая ко всевозможнымъ страданіямъ другихъ. Наконецъ, медицинская печать окончательно можетъ добить эти опыты, переставъ печатать отчеты о нихъ; при такомъ отрицательномъ отношеніи обществъ, съѣздовъ и печати, никто не станетъ работать, такъ сказать, «въ темную», безплодно, не видя никакой поддержки и результатовъ отъ своей непозволительной и преступной работы. Къ сожалѣнію, настоящая медицинская печать относится также довольно халатно къ этому вопросу, какъ и ко многимъ другимъ врачебнымъ изъянамъ, и только одинъ Вячеславъ Авксентьевичъ, какъ справедливо указываетъ В. Вересаевъ, упорно, постоянно, не взирая на лица, громилъ въ своемъ «Врачѣ» всякіе подобные опыты и призывалъ всѣхъ врачей къ борьбѣ съ ними.

Если и такому сильному голосу удалось не много сдѣлать, то, конечно, и мы не настолько наивны, чтобы думать, что нашимъ призывомъ къ съѣздамъ, обществамъ и печати данный вопросъ разрѣшенъ въ окончательномъ смыслѣ; нѣтъ, мы указали только на путь для его разрѣшенія, а затѣмъ онъ, какъ и многіе другіе наши недостатки, можетъ быть устраненъ, когда вообще наши врачебные съѣзды примутся за активную борьбу со всѣми тѣми общими условіями, отъ которыхъ зависятъ какъ этотъ, такъ и другіе проклятые вопросы, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и переходимъ.

IV.

Вышеперечисленный мартирологъ долженъ быть увеличенъ еще громаднымъ рядомъ прискорбныхъ и позорныхъ фактовъ изъ врачебной жизни, о которыхъ В. Вересаевъ совершенно не упоминаетъ. Описанные опыты оправдываются хотя бы тѣмъ соображеніемъ, что они дѣлались для успѣха науки и, слѣд., для облегченія страданій больного человѣчества, но есть и такіе дѣянія и опыты врачей, которые или безусловны вредны для всѣхъ людей, или прямо служатъ для причиненія страданій и даже смерти. Это обширная область разнообразнаго *палачества,* какъ-то участіе врача въ смертной казни, при тѣлесныхъ наказаніяхъ и практическое примѣненіе *неомальтузіанства* до выкидышей включительно.

Издавна люди пытались бороться съ природой относительно произ-

веденія потомства,—или старались помѣшать самому зачатію, или прерывали начавшуюся беременность; экономическія условія играли тутъ меньшую роль, а главныя причины были морально-эстетическаго характера: желаніе возможно дольше сохранить дѣвственныя формы или скрыть послѣдствія внѣбрачныхъ сношеній. Насколько извѣстно, это прежде было рѣдкимъ явленіемъ, и только въ недавно окончившемся вѣкѣ, особенно со второй половины его, эта противоестественная борьба стала очень распространеннымъ явленіемъ, и обусловливается она преимущественно болѣе глубокими причинами: затрудненіемъ борьбы за существованіе и экономическими соображеніями—лучше пожить самимъ и лучше обезпечить одного-двухъ дѣтей. Сначала эти безнравственныя дѣйствія были присущи только состоятельнымъ классамъ, а затѣмъ воздержаніе отъ дѣторожденія стало распространяться и среди низшихъ рабочихъ классахъ, гдѣ оно вызывается болѣе насущными причинами, а не тѣми извращенными взглядами, которыхъ держатся высшіе классы. А такъ какъ люди всегда стремятся оправдать свои поступки какими-либо высшими законами, притянуть къ своей защитѣ науку, то и воспользовались совершенно неподходящими сюда «Опытами народонаселенія» Р. Мальтуса, откуда вся кампанія противъ дѣторожденія и получила названіе *мальтузіанства* или, вѣрнѣе, *неомальтузіанства*, такъ какъ Мальтусъ предлагалъ воздержаніе отъ брака и половыхъ сношеній, а никакъ не распутное направленіе настоящаго времени—воздержаніе отъ дѣторожденія при усиленныхъ половыхъ сношеніяхъ.

Къ крайнему сожалѣнію, это движеніе поддерживается и литературой, среди которой находятся не только рыночные писаки, но болѣе или менѣе крупные писатели, проповѣдующіе неомальтузіанство до крайнихъ предѣловъ, таковы Брандесъ, Нордау, Монтегацца и другіе *). Brandes утверждаетъ, что половое наслажденіе принадлежитъ къ общимъ правамъ человѣка и имъ слѣдуетъ пользоваться promiscue; «бракъ, по его мнѣнію, есть не что иное, какъ законное страхованіе для непрерывнаго полового наслажденія». Nordau говоритъ, что «человѣкъ фактически не есть однобрачное животное», и «женщинѣ должна быть обезпечена ея естественная доля въ любовной жизни человѣчества». Наконецъ, Mantegazza прямо совѣтуетъ «amate ma non generate». Естественно, что всѣ эти совѣты не остаются безъ вниманія и очень печальныхъ результатовъ. На Западѣ воздержаніе отъ дѣторожденія и прекращеніе уже наступившей беременности дошло до ужасающихъ размѣровъ, особенно это замѣтно на Франціи, гдѣ количество народонаселенія остановилось in statu quo; естественный го-

*) «Врачъ», 1899, № 12; 1900, № 12; 1887, № 15; 1900, № 22; 1899, № 37, 1899, № 35; 1894, № 4; 1897, № 1; 1889, № 6; 1898, № 44; 1899, №№ 4 и 7; 1898, №№ 9; 28, 14, 44, 46; 1889, № 3; 1898, № 48; 1899, № 40.

дичный приростъ населенія крайне незначительный, а нѣкоторые годы наблюдается даже перевѣсъ смертности надъ рождаемостью. Какъ, въ какихъ слояхъ общества и въ какихъ отвратительныхъ и опасныхъ формахъ развито неомальтузіанство во Франціи, видно изъ весьма цѣннаго въ данномъ отношеніи романа Золя «Плодовитость».

Возвращаемся, однако, къ врачамъ, безъ участія которыхъ не могъ возникнуть и развиться этотъ современный бичъ народонаселенія. И дѣйствительно, врачи принимаютъ въ этомъ явленіи самое дѣятельное участіе, а нѣкоторые сдѣлали его даже своей исключительной спеціальностью. Насколько правы эти врачи, и соотвѣтствуетъ ли ихъ дѣятельность задачамъ врачебной науки и пользѣ человѣчества? Какъ мы говорили уже выше, неомальтузіанство состоитъ или въ предупрежденіи зачатія, или въ прекращеніи беременности, т.-е. производствѣ преступнаго выкидыша. Первое достигается механическими приспособленіями, химическими агентами и различными манипуляціями при сношеніяхъ, о чемъ говорить здѣсь не мѣсто. Курьеза ради отмѣтимъ еще болѣе радикальное предложеніе г-жи Lee Moqué на съѣздѣ американскаго врачебнаго союза въ 1900 году: чтобы разрѣшать браки слабоумнымъ, алкоголикамъ, чахоточнымъ и др. и въ то же время не имѣть отъ нихъ потомства съ болѣзненной наслѣдственностью, эта рѣшительная особа предлагаетъ обезпложивать подобныхъ женщинъ по способу проф. Spinelli и мужчинъ по способу д-ра Ochsner'а, причемъ способность къ сношеніямъ у обоихъ половъ сохраняется, а способность зачатія устраняется. Вообще, радикалы — американскіе врачи!

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о допустимости всѣхъ этихъ предупрежденій съ нравственной точки зрѣнія, что завело бы насъ слишкомъ далеко и заставило бы разсмотрѣть всѣ устои нашей соціальной жизни, остановимся только на врачебной сторонѣ этихъ предупрежденій. Всѣ добросовѣстные наблюдатели настаиваютъ на большемъ или меньшемъ вредѣ всѣхъ предупредительныхъ средствъ, нарушающихъ нормальный физіологическій актъ, въ результатѣ чего масса разнообразныхъ женскихъ заболѣваній, а также и нервныхъ формъ у обоихъ половъ. Мало того, нерѣдко не достигается и основная цѣль уменьшенія рожденій: при нѣкоторыхъ предупреждающихъ способахъ обѣ стороны остаются неудовлетворенными отъ своихъ половыхъ сношеній, и заводятъ постороннія связи внѣ брака. Я самъ наблюдалъ подобные факты при моей очень небольшой практикѣ среди состоятельныхъ людей въ деревнѣ. Кто-же въ выигрышѣ? Бракъ разрушенъ фактически, нравственная сторона жизни супруговъ, страдающая отъ всякихъ грязныхъ способовъ предупрежденія, окончательно нарушается внѣбрачной связью, и въ заключеніе всего являются тѣ же дѣти, только не отъ супруговъ! Брака нормальнаго нѣтъ, а дѣти есть, и послѣдствія этого—

тяжелыя семейныя драмы *). Тоже подтверждаетъ въ своемъ романѣ и Золя. Кстати, онъ же приводитъ примѣры, что смѣлое предложеніе американки Lee Moqué осуществляется въ Парижѣ даже надъ здоровыми женщинами особенными специалистами этого дѣла — врачами; ужасныя послѣдствія этой операціи включительно до смертельныхъ исходовъ описаны въ томъ же полумедицинскомъ романѣ.

Какъ же относятся врачи къ неомальтузіанству и ко всякимъ предупредительнымъ средствамъ, удовлетворяютъ ли они требованія своихъ здоровыхъ паціентокъ, часто безъ всякихъ обиняковъ спрашивающихъ врача о болѣе цѣлесообразныхъ средствахъ противъ зачатія? Несомнѣнно, что участіе врачей въ этомъ дѣлѣ очень большое, но учесть его крайне трудно, такъ какъ эта доходная дѣятельность одна изъ самыхъ интимныхъ и обѣими сторонами хранится въ строжайшей тайнѣ. Однако нѣкоторые заграничные врачи очень энергично проводятъ свои взгляды и занимаются даже изобрѣтеніемъ и рекламированіемъ новыхъ средствъ противъ зачатія. Д-ръ Hans Ferdy жалуется въ одной нѣмецкой газетѣ, что Эдинбургская коллегія врачей исключила д-ра Albutt'a за изданіе книги, въ которой онъ описываетъ и совѣтуетъ употреблять нѣкоторыя изъ средствъ противъ зачатія. Впрочемъ, Ferdy утѣшаетъ себя тѣмъ, что ученіе новомальтузіанцевъ находитъ себѣ и между врачами всѣ больше и больше приверженцевъ, что въ самое послѣднее время одинъ изъ врачей Петербурга (очень почтенное имя), тайный совѣтникъ, записался въ пожизненные члены лиги. Изъ этого сообщенія видно, что существуетъ даже цѣлая международная лига для поддержки новаго ученія. Д-ра Zepler, Birnbaum заявляютъ (противъ нихъ горячо возстаетъ д-ръ Böing), что врачъ не обязанъ и даже не имѣетъ права обсуждать подробности каждаго случая, въ которомъ за его помощью обращаются желающіе помѣшать зачатію. Д-ръ S. Herzberg идетъ еще дальше: если врачи не станутъ исполнять подобныхъ требованій, что ихъ замѣнятъ бабки, и врачи лишь потеряютъ своихъ больныхъ; слѣдовать этому совѣту, по мнѣнію Zepler'a, значитъ только «считаться съ все болѣе и болѣе пролагающими себѣ путь болѣе свободными воззрѣніями на общественные, этическіе и экономическіе вопросы». Какихъ только хорошихъ словъ и принциповъ нельзя привести въ оправданіе самыхъ скверныхъ дѣяній, разъ только они выгодны для защищающихъ! Характерно въ этихъ

*) «Врачъ» (1883 г. № 52) приводитъ продолжительныя наблюденія врача Lindner'a въ Будапештѣ надъ 52 неомальтузіанками: мужья, не удовлетворяясь неправильными сношеніями съ своими женами - неомальтузіанками, посѣщаютъ публичные дома, заражаются сами и заражаютъ своихъ женъ сифилисомъ и венерическими формами. Кромѣ того, у всѣхъ. долго практикующихъ тѣ или другіе способы воздержанія отъ зачатія, Lindner находилъ болѣе или менѣе серьезныя страданія: истерія, маточныя кровотеченія, невралгіи, бѣли, неправильности мѣсячныхъ и пр., и 5 были заражены.

заявленіяхъ то, что не сознаніе въ необходимости и пользѣ заставляетъ врачей удовлетворять просьбы паціентокъ, а опасеніе за переходъ послѣднихъ въ руки бабокъ и за лишеніе крупныхъ гонораровъ. Въ Мельбурнѣ «хирургъ О'Нага продалъ акціонерному обществу патентъ на право торговли особымъ порошкомъ Silenette, будто бы предупреждающимъ зачатіе, и когда въ общемъ собраніи отдѣла Британскаго врачебнаго общества въ Victoria баллотировалось исключеніе этого хирурга изъ общества, то подано менѣе $^{2}/_{3}$ голосовъ, необходимыхъ для исключенія,—ясно, что врачи, баллотировавшіе за О'Нага, сочувствовали его дѣятельности».

«Врачъ» въ 1899 г. писалъ, что искуственныя мѣры противъ зачатія не только во Франціи, но сильно распространяются въ Германіи и у насъ въ Россіи. И дѣйствительно, и у насъ начали выступать открыто, какъ на Западѣ, съ рекламами о всякихъ средствахъ Такъ, въ томъ же году «Врачу» было прислано печатное объявленіе Казанскаго аптекарскаго магазина Г. В. Майзель: «Новость! гигіеническія предохранительныя пластинки «Галь противъ беременности», и далѣе возмутительныя подробности употребленія этихъ пластинокъ. Нужно замѣтить, что у насъ всѣ медицинскія объявленія могутъ быть только съ разрѣшенія врачебнаго отдѣленія. Какъ же такъ?

Но это только «цвѣтики». А какое отношеніе къ медицинѣ, призванной лечить больныхъ и помогать природѣ въ борьбѣ съ болѣзнями, имѣетъ нарушеніе законовъ природы и причиненіе болѣзней, ведущихъ нерѣдко къ смерти, при *прекращеніи уже наступившей беременности* посредствомъ *преступныхъ выкидышей*? А между тѣмъ участіе врачей въ этомъ возмутительномъ дѣяніи, наивыгоднѣйшемъ по величинѣ гонорара, неоспоримо доказано въ значительныхъ размѣрахъ, доказано путемъ рекламъ, публичныхъ сообщеній самихъ участниковъ и судебными дѣлами; послѣднихъ было бы гораздо больше, если бы потерпѣвшіе не подвергались также строгому наказанію за допущеніе произвести выкидышъ, почему эти женщины рѣшаются только въ крайнихъ случаяхъ доводить дѣло до суда; чаще всего эти дѣла начинаются по почину близкихъ или постороннихъ лицъ. Литература по этому вопросу богатая; остановимся на главнѣйшемъ. Калифорнская печать жалуется на возрастаніе преступныхъ выкидышей, негодуя, что этой позорной, но за то весьма выгодной практикой не гнушаются и врачи даже очень почтенные. По поводу обвиненія двухъ Парижскихъ гинекологовъ въ производствѣ преступнаго выкидыша, французская врачебная печать признала печальный фактъ, что дѣйствительно «существуетъ извѣстное и притомъ *не очень* уже ограниченное число безсовѣстныхъ врачей». Къ остроумному способу узнать врачей и бабокъ, занимающихся преступными выкидышами, прибѣгла одна американская газета въ Чикаго: служащая въ этой редакціи молодая и красивая женщина побывала у многихъ городскихъ врачей и бабокъ и со слезами умоляла

избавить ее отъ яко бы внѣбрачной беременности. Въ результатѣ черезъ нѣсколько дней на страницахъ этой газеты былъ опубликованъ списокъ лицъ, занимающихся изгнаніемъ плодовъ, и въ томъ числѣ нѣсколько извѣстныхъ въ городѣ врачей. Поднялся шумъ; медицинское общество разбирало это дѣло и одного изъ врачей приговорило къ исключенію изъ общества. Д-ръ Orthmann обратилъ вниманіе на громадное возростаніе выкидышей въ Берлинѣ 30—40% и болѣе всѣхъ родовъ (при обычномъ процентѣ 10—20) и объясняетъ это необычайно частыми преступными выкидышами. Способствуютъ этому появляющіяся массами въ газетахъ безстыдныя объявленія «о надежной помощи противъ остановки кровей» и пр. Среди авторовъ этихъ объявленій есть и врачи, но особенно много повивальныхъ бабокъ. Orthmann предлагаетъ строго преслѣдовать эти объявленія; по справедливому мнѣнію «Врача», объявленія, конечно, вредны, но одной этой мѣрой не удастся искоренить зло, сильно распространенное не въ одномъ Берлинѣ. Въ англійскихъ газетахъ также появлялась масса рекламъ лицъ, занимающихся вызываніемъ преступныхъ выкидышей, подъ видомъ предложенія «лекарствъ противъ неправильностей у женщинъ». Лондонская врачебная газета «The Lancet» повела ожесточенную борьбу противъ этихъ объявленій, и нѣкоторыя газеты прекратили ихъ печатаніе. Наконецъ, дѣла о выкидышахъ нерѣдко фигурируютъ на судѣ, чаще всего привлекаются къ отвѣтственности повивальныя бабки и различные шарлатаны обоего пола, которымъ несчастныя женщины ввѣряютъ свою судьбу и жизнь.

Не ускользаютъ отъ суда и нѣкоторые врачи, которые, конечно, ведутъ дѣло болѣе умѣло и болѣе осторожно, заметая старательно свои слѣды или, еще лучше, приводя научныя основанія для производства выкидыша, вызываемаго яко бы состояніемъ здоровья паціентки. Во «Врачѣ» за 1898 г. мы нашли три подобныхъ дѣла объ англійскихъ врачахъ: д-ръ Shorhouse осужденъ на 7 лѣтъ въ каторгу за то, что въ соучастіи съ химикомъ и однимъ шарлатаномъ занимался искусственными выкидышами; къ такому же наказанію приговоренъ д-ръ Collins, котораго судья призналъ профессіональнымъ вызывателемъ выкидышей; наконецъ, д-ръ Whitsmarsh приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе за преступный выкидышъ у дѣвушки, что вызвало ея смерть на 3-й день. «Врачъ» говоритъ по поводу послѣдняго дѣла: «если бы мы могли вообще признавать смертную жизнь,—этотъ позоръ образованныхъ странъ,—то только что приведенный приговоръ мы должны были бы признать вполнѣ справедливымъ. *Трудно представить себѣ что-либо болѣе гнусное, чѣмъ врачъ совершающій преступные выкидыши!*» Англійская же газета «The Lancet», сравнивая дѣла Collins'а и Whitmarsh'а, сдѣлавшихъ одно и то же преступленіе, но осужденныхъ различно, указываетъ на неопредѣленность англійскаго закона и обращаетъ вниманіе законодателей, что смерть

вслѣдствіе преступнаго выкидыша не можетъ быть относима къ преднамѣреннымъ убійствамъ. Очевидно, въ этой газетѣ заговорила профессія, такъ какъ В. А. Манассеинъ вполнѣ справедливо указалъ, что «врачъ, дѣлающій преступный выкидышъ, отлично знаетъ, что послѣдній иногда можетъ обусловить и смерть матери, не говоря уже объ убіеніи плода».

Что касается положенія этого дѣла въ Россіи, то, повидимому, русскіе врачи менѣе западныхъ причастны къ этимъ преступленіямъ: съ одной стороны, борьба за существованіе и конкуренція среди врачей у насъ менѣе развита, съ другой, можетъ быть, русскіе врачи болѣе сердечные и добросовѣстные люди. Во всякомъ случаѣ, проникаетъ и къ намъ эта язва. Ж.-врачъ Н. В. Тальбергъ въ докладѣ о преступномъ выкидышѣ на III Пироговскомъ съѣздѣ врачей отмѣчаетъ, что преступное вытравливаніе плода и у насъ въ Россіи приняло широкіе размѣры, и замѣчается печальное явленіе—содѣйствіе выкидышамъ въ томъ или другомъ видѣ со стороны лицъ врачебнаго сословія. Судебныхъ дѣлъ у насъ очень много о бабкахъ, а о врачѣ мы встрѣтили только одно: юрьевскій д-ръ А. Крамеръ осужденъ за преступный выкидышъ.

Отношеніе медицины и врачей къ преступнымъ выкидышамъ должно быть безусловно отрицательное съ чисто врачебной точки зрѣнія, (не говоря уже о нравственной сторонѣ дѣла), потому что. какъ бы искусно ни былъ сдѣланъ выкидышъ, онъ смертеленъ для плода и, что еще важнѣе, безусловно вреденъ для здоровья и даже опасенъ для жизни матери. Но нельзя забывать и о соціальной подкладкѣ этого печальнаго явленія, и потому мы приведемъ очень справедливыя слова д-ра H. T. Byford'a, который совершенно отвергаетъ производство выкидышей у замужнихъ (кромѣ научныхъ строго опредѣленныхъ показаній), а объ обращавшихся къ нему незамужнихъ, для которыхъ скрытіе послѣдствій паденія составляетъ чуть ли не вопросъ жизни и смерти, авторъ говоритъ: «Но когда, истративъ безплодно и силы, и время на подыскиваніе такого исхода для этой женщины, чтобы она не должна была прибѣгнуть къ выкидышу, испробовавъ и увѣщеванія и угрозы, я ее отпускалъ, отказавшись помочь ей освободиться отъ позора, то я чувствовалъ, что либо я, либо свѣтъ совершаетъ какую-то несправедливость, что ошибку ея никакъ нельзя исправить, и что она должна отдать свою жизнь въ руки такого человѣка, который промышляетъ производствомъ выкидышей». Указавъ на всю опасность обращенія къ послѣднимъ, Byford заключаетъ: «Если взгляды общества не могутъ быть измѣнены, если нѣтъ никакой возможности внушить ему терпимость къ подобнымъ ошибкамъ молодости, то для предупрежденія преступныхъ выкидышей слѣдуетъ дать возможность такимъ несчастнымъ скрыть отъ общества свой позоръ, доставивъ имъ и ихъ дѣтямъ пріютъ въ устроенныхъ для этой цѣли больницахъ».

Конечно, д-ръ Byford безусловно правъ, что врачи, отказавшись отъ участія въ выкидышахъ, вовсе еще не покончили съ этимъ вопросомъ, и имъ всегда придется встрѣчаться съ печальными послѣдствіями; нѣтъ, врачи, въ виду близости къ страданіямъ людей, должны бороться всѣми зависящими отъ нихъ способами съ той колоссальной ложью, которая существуетъ въ нашемъ обществѣ въ области отношеній обоихъ половъ, ложью, доходящей до того, что и теперь дѣти, рожденныя внѣ брака, называются *незаконными*, какъ будто не всѣ дѣти родятся по одному закону природы! Но одни пріюты и спеціальныя больницы не помогутъ дѣлу, нужно ложь уничтожить въ корнѣ и измѣнить наши законы и наши взгляды на бракъ, а съ другой стороны—бороться съ распространеннымъ въ обществѣ заблужденіемъ, что половое воздержаніе вредно для здоровья. Много *грѣховъ* увидимъ мы и дальше у врачебнаго сословія, но почти всѣ они есть результатъ *общей лжи нашей жизни*, и въ этихъ грѣхахъ виноваты всѣ мы и все общество; вина врачей, можетъ быть, больше только потому, что они, какъ люди науки, люди независимые и могущіе говорить правду открыто и искренно, не дѣлаютъ этого, не протестуютъ, а напротивъ, сами поддѣлываются подъ ложь и неправду жизни часто изъ-за корыстныхъ цѣлей. *Одни грѣшатъ по нуждѣ, а врачи по корысти,—это вина непростительная!*

V.

Новомальтузіанство въ отдѣльныхъ, строго указанныхъ наукой случаяхъ требуетъ участія врачей, но уже никакого отношенія къ врачамъ не имѣютъ и не должны имѣть *тѣлесныя наказанія*; между тѣмъ, врачи и до сихъ поръ играютъ при нихъ унизительную роль: врачи свидѣтельствуютъ приговоренныхъ къ наказанію, даютъ свое заключеніе, что приговоренный можетъ вынести наказаніе безъ опасности для жизни (?!), врачи же часто присутствуютъ при самомъ наказаніи, приводятъ наказуемаго въ чувство и рѣшаютъ, можно продолжать наказаніе или его слѣдуетъ отложить; въ послѣднемъ случаѣ тотъ же врачъ вылечиваетъ истерзаннаго и представляетъ его для полученія недоданной ему порціи плетей или розогъ. И все это продѣлывается на основаніи самой гуманной науки, которая заставляетъ насъ давать такое обѣщаніе: «Обѣщаю во всякое время помогать по лучшему моему разумѣнію прибѣгающимъ къ моему пособію страждущимъ». Для всѣхъ ясно, что во всей дѣятельности врачей по тѣлеснымъ наказаніямъ нѣтъ ничего, способствующаго облегченію страданій, а напротивъ, врачъ подготовляетъ и выдаетъ человѣка на страданія; не будь разрѣшенія врача, наказаніе не можетъ состояться, а врачъ по данному обѣщанію и по всѣмъ научнымъ показаніямъ не можетъ и не долженъ никогда давать такого разрѣшенія.

И, дѣйствительно, ни одинъ врачъ не имѣетъ твердыхъ научныхъ основаній поручиться, что наказанный не погибнетъ отъ шока, внутренняго кровоизліянія, зараженія или не покончитъ съ собой самоубійствомъ или не сдѣлается душевно-больнымъ. Въ печати общей и медицинской за послѣднее время былъ приведенъ цѣлый рядъ подобныхъ несчастныхъ случаевъ даже послѣ сравнительно легкаго тѣлеснаго наказанія розгами, смерть же подъ плетьми всецѣло зависитъ отъ палача и составляетъ нерѣдкое явленіе, но только это происходитъ далеко отъ насъ—въ Сибири *). Могутъ сослаться на служебный долгъ врача, но это—пустая отговорка: не можетъ врачъ давать разрѣшеніе и ручаться въ томъ, чего онъ самъ не знаетъ. И находятъ же врачи возможнымъ и законнымъ отказываться отъ этой, не относящейся къ нимъ обязанности; такъ, напр., служащіе врачи Либовъ и Хлѣбниковъ высказались противъ наказанія крестьянъ розгами во время самарской экзекуціи въ 1899 г. и не дали своего разрѣшенія на это наказаніе; оно и не состоялось бы, если бы не нашелся третій врачъ Г. И. Дюнтеръ, признавшій возможнымъ дать крестьянамъ по 25 розогъ! «Было бы желательно знать *научныя* основы «экспертизы» г. Дюнтера?» спрашиваетъ «Врачъ». «Мы думали, что собственно для врачей нѣтъ надобности доказывать весь вредъ и всю нежелательность такихъ наказаній. Намъ казалось, что *всѣ врачи могутъ высказываться только противъ тѣлесныхъ наказаній* уже и по тому одному, что нѣтъ никакой возможности опредѣлить заранѣе въ каждомъ частномъ случаѣ степень вреда для здоровья и жизни имѣющаго подвергнуться наказанію... Къ сожалѣнію, мы ошибались». («Врачъ», 1899, № 30).

Мало того, находятся даже профессора, медицинскіе журналы и общества, которые отстаиваютъ тѣлесныя наказанія и проповѣдуютъ введеніе ихъ даже тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ **). Проф. Bergmann на судѣ въ Берлинѣ отстаивалъ педагогическую порку и доказывалъ, что данные мальчику монахами 59 ударовъ бамбуковой тростью не составляютъ истязанія, а только педагогическую порку, которую мальчикъ вполнѣ заслужилъ. Предсѣдатель суда сдѣлалъ этому хирургу и тайному совѣтнику внушеніе за его непозволительную рѣчь, и публика встрѣтила ее шиканьемъ и ропотомъ. Германская печать объяснила этотъ поступокъ Bergmann'а тѣмъ, что онъ *родился и воспитался въ Россіи*. Лондонская очень распространенная врачебная газета «The Lancet», жалуясь на увеличеніе въ Лондонѣ убійствъ и грабежей, происходящее яко бы отъ легкости наказаній, предлагаетъ проучивать преступниковъ

*) Объ участіи врачей и о вредѣ тѣлесныхъ наказаній подробно изложено въ кн. Вл. Яковенко и Д. Жбанкова «Тѣлесныя наказанія въ Россіи въ настоящее время» и въ рядѣ моихъ статей по этому вопросу во «Врачѣ» 1897—1901 гг.

**) «Врачъ» 1899, № 16. 1900, № 43. 1899, № 33.

розгами или тяжелой работой, причемъ *всѣ виновники звѣрскихъ нападеній непремѣнно должны быть подвергаемы обстоятельной поркѣ.* Всѣ эти предложенія дѣлаются съ такимъ легкимъ сердцемъ потому, что они не касаются ни насъ, ни нашего сословія. И та же газета (см. выше) вступилась за врача, приговореннаго къ казни за преступный выкидышъ, хотя воровство голоднымъ, конечно, болѣе понятно, чѣмъ убійство врачомъ, дѣйствовавшимъ ради большого гонорара. Судебно-медицинское общество въ Нью-Іоркѣ въ 1899 г. обсуждало вопросъ о публичномъ наказаніи плетью, причемъ почти всѣ участвовавшіе въ преніяхъ высказались въ пользу плетей за извѣстнаго рода проступки. Та же газета «The Lancet» высказывается и за тѣлесныя наказанія дѣтей («Врачъ» 1901 г. № 43); слѣдуя ея поученіямъ, старшій врачъ дѣтской больницы Lionel Stretton («Р. Врачъ» 1902 г. № 4) признаетъ необходимость тѣлеснаго наказанія для школьниковъ, требуя только, чтобы «наказаніе было приложено къ тѣмъ частямъ тѣла, которыя природою, повидимому, спеціально предназначены для этой цѣли (?! до бóльшей циничной наглости договориться трудно). Этотъ гуманистъ дальше высказывается противъ тонкой трости для наказанія, такъ какъ она можетъ разсѣчь кожу, а предлагаетъ для этого «хорошую толстую трость, полдюжина чувствительныхъ ударовъ которою едва ли когда-либо причинитъ вредъ». И такіе циничные, противные всякимъ законамъ врачебной наукѣ совѣты даетъ больничный старшій врачъ въ просвѣщенной Англіи. Отсюда вполнѣ понятно, что публика вообще мало довѣряетъ врачамъ, извращающимъ для своихъ личныхъ выгодъ и убѣжденій всѣ законы науки.

Итакъ, просвѣщенная заграница начинаетъ завидовать и подражать намъ, сохранившимъ позорныя тѣлесныя наказанія. Но къ чести русскихъ врачебныхъ съѣздовъ, обществъ и отдѣльныхъ врачей нужно высказать, что они послѣднія 8 лѣтъ ведутъ упорную борьбу противъ тѣлесныхъ наказаній путемъ ходатайствъ, протестовъ и печати, доказывая весь позоръ и вредъ отъ этихъ наказаній. Пироговскій съѣздъ всѣхъ русскихъ врачей, земскіе съѣзды: пермскій, смоленскій, московскій, александрійскій уѣздный, витебскій сельскій, врачебныя общества: казанское, саратовское, смоленское, новгородское, воронежское, иркутское, енисейское, омское, ярославское, минское и др. въ разное время выступали противъ тѣлесныхъ наказаній. Изъ отдѣльныхъ врачей нужно упомянуть объ особо ярыхъ противникахъ: покойная Е. П. Серебренникова, Вл. И. Яковенко, В. Ф. Бушуевъ, Н. С. Лобасъ, А. П. Чеховъ, П. Н. Коноваловъ, И. М. Гвоздевъ, Н. И. Кирилловъ, В. М. Михайловъ, Ниф. И. Долгополовъ, М. О. Шайкевичъ и др., а во главѣ ихъ стоялъ Вячеславъ Авксентьевичъ Манассеинъ, посвятившій всю свою жизнь борьбѣ со всякими насиліями и *ложью жизни.* Только что закончившійся Пироговскій съѣздъ врачей снова повторилъ свое ходатайство, и нужно надѣяться, что за нимъ снова послѣдуютъ

остальные врачебные съѣзды и общества, потому что, по справедливому замѣчанію казанскаго проф. И. М. Гвоздева, «врачу болѣе, чѣмъ кому-либо другому, слѣдуетъ всѣми силами и всѣми зависящими отъ него средствами споспѣшествовать исключенію наказанія розгами изъ постановленій законодательства». Слѣдуетъ это не только въ интересахъ наказуемыхъ, но и тѣхъ врачей, которые по своему безволію принимаютъ участіе въ этомъ позорномъ наказаніи.

Какъ это отступленіе отъ нашихъ завѣтовъ и обѣщаній мститъ за себя, видно изъ удачнаго описанія Д. Маминымъ-Сибирякомъ состоянія духа сибирскаго врача, рѣшившагося отдохнуть отъ службы (очеркъ «На покоѣ»). Онъ постоянно вспоминаетъ свою прошлую жизнь и службу въ Сибири; мрачныя картины тѣлесныхъ наказаній, истерзанныхъ преступниковъ встаютъ передъ глазами доктора, не даютъ ему покоя днемъ и будятъ ночью. По ночамъ отъ страха призываетъ онъ своего племянника и слугу и разсказываетъ имъ про ужасы, которые онъ видалъ во время своей службы: «Но всего ужаснѣе, когда приходилось выписывать изъ лазарета для слѣдующей порціи палокъ. Выигрываешь каждую недѣлю, каждый день, каждый часъ. Боже мой, какая мука!.. Въ первое время мнѣ самому дѣлалось дурно, а потомъ я привыкъ, т.-е. не привыкъ, а отупѣлъ, какъ человѣкъ тупѣетъ отъ физической боли». Попробуетъ докторъ заснуть, а ему грезится прошлое въ самыхъ яркихъ картинахъ: «Онъ обходилъ тюремные лазареты, гдѣ находились на излеченіи исполосованные преступники; потомъ онъ провожалъ на эшафотъ, потомъ залечивалъ наказаннаго для новой экзекуціи. Какія слова мольбы ему говорили, какими полными отчаянія глазами на него смотрѣли, сколько смертной муки въ каждомъ движеніи...» При этомъ онъ снова просыпался и шепталъ своему слугѣ: «А я хотѣлъ отдохнуть! Развѣ можно думать объ отдыхѣ, когда страшно жить?..»

А какое непосредственное отношеніе къ врачебной дѣятельности представляетъ также участіе врачей въ *смертной казни*, участіе не пассивное, а дѣятельное, состоящее въ производствѣ опытовъ надъ изобрѣтеніемъ болѣе гуманныхъ (?!) способовъ лишить человѣка жизни? Ознакомимъ нѣсколько съ этой гуманной дѣятельностью, неустанную борьбу съ которой велъ покойный редакторъ «Врача» Вячеславъ Авксентьевичъ *). Д-ръ Abbott предложилъ отравлять преступниковъ окисью углерода. Эта благая мысль, поддерживаемая и другими американскими врачами, не умерла, и въ 1897 году собралась особая коммиссія—Allegheny Medical Society, которая и высказалась за замѣну принятой въ Пенсильваніи казни черезъ повѣшеніе удушеніемъ газомъ. Только нѣкоторые члены этой коммиссіи остались при особомъ

*) «Врачъ», 1889, № 46; 1897, № 1; 1900, № 30; 1891, № 32; 1888, № 48; 1889, № 25; 1889, № 31; 1892, № 10; 1898, № 42; 1896, № 38; 1900, № 43; 1900, № 42.

мнѣніи, сомнѣваясь въ необходимости смертной казни вообще, какъ бы и чѣмъ бы она ни производилась. Но особенно много поработали американскіе врачи надъ умерщвленіемъ людей посредствомъ электричества. «Не злая ли это иронія судьбы,—восклицаетъ Вячеславъ Авксентьевичъ,—что даже величайшими открытіями пользуются для дѣйствій, позорящихъ человѣчество!» Не менѣе рѣзко высказывается объ этомъ Philandros въ «The Lancet»: «Съ глубокимъ сожалѣніемъ прочиталъ я объ участіи врачей въ опытахъ надъ электроказнью 4 преступниковъ. Единственные общественные задачи и долгъ врачей—спасеніе человѣческой жизни, а не прекращеніе ея. Поэтому я горячо протестую противъ такого *проституированія* нашего человѣколюбиваго званія». Сначала этимъ прекраснымъ дѣломъ занимались отдѣльные врачи, а затѣмъ и врачебныя общества, убившія ради опыта много мелкихъ и крупныхъ животныхъ. Затѣмъ нью-іоркское судебное медицинское общество избрало особую коммиссію для разработки вопроса о наилучшемъ способѣ умерщвленія преступниковъ электричествомъ; коммиссія придумала особый столъ, который потомъ былъ устроенъ и обошелся въ 10.000 долларовъ. Спеціалисты по электричеству возстали противъ врачей, доказывая ихъ незнакомство съ электричествомъ и бо́льшую мучительность новой казни. Такъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ электриковъ Ralph W. Pope заявилъ, что «убиваніе электричествомъ окажется еще болѣе жестокимъ, чѣмъ повѣшеніе, разстрѣливаніе и др. цивилизованные способы казни, ибо оно отличается наибольшей ненадежностью, и преступникъ долженъ подвергаться болѣе продолжительной душевной пыткѣ во время приготовленія къ убійству. Неизвѣстно даже, какое именно количество электричества можетъ убить человѣка. Различные люди обладаютъ различнымъ сопротивленіемъ, которое, къ тому же, можетъ рѣзко колебаться въ теченіе $^1/_2$ часа у одного и того же человѣка... и, въ концѣ концовъ, можетъ случиться, что шокъ все-таки окажется несмертельнымъ». Убѣжденія этого рода среди американскихъ электриковъ настолько глубоки, что иные изъ нихъ жертвуютъ деньги для найма защитниковъ арестантамъ, которымъ грозитъ приговоръ къ электрической казни.

Однако, мнѣнія врачей побѣдили, и новая казнь введена въ Америкѣ, причемъ мучительность ея для казнимыхъ и позорность для врачей доказывается слѣдующими случаями, заимствованными «Врачомъ» изъ иностранныхъ газетъ. Недавно д-ръ Mac Donald фигурировалъ въ качествѣ палача при электроказни. По единогласному заявленію всѣхъ свидѣтелей, въ томъ числѣ и врачей, «эта форма казни—самое ужасное зрѣлище, какое только можно видѣть гдѣ-либо на свѣтѣ». Сначала *врачъ-палачъ* пропустилъ токъ черезъ руки жертвы, получились страшныя общія судороги, но смерти не послѣдовало. Черезъ 49 секундъ палачъ порѣшилъ возвратиться къ старому способу (электроды ко лбу и т. д.). На прилаживаніе прибора потребовалось

4 минуты, а корчи все продолжались. Когда электроды были поставлены, корчи усилились еще болѣе, и въ залѣ распространился запахъ горѣлаго мяса! Черезъ нѣкоторое время врачи заявили, что казненный «теперь уже мертвъ». Бывшій при казни депутатъ отъ полиціи былъ вынесенъ въ глубокомъ обморокѣ, очнувшись отъ котораго заявилъ о неотложной необходимости внести въ парламентъ проектъ закона объ отмѣнѣ всякой смертной казни. «Позорнѣй роли врача-палача,— говоритъ «Врачъ»,—врядъ ли можно себѣ что-нибудь представить, и даже мысль объ отмѣнѣ казни явилась не у врача, а у полицейскаго чиновника...» Но этого мало: въ статьѣ «Кто палачъ?» д-ръ O'Neill высказываетъ страшное подозрѣніе относительно лицъ, вскрывающихъ трупы преступниковъ, казнимыхъ электричествомъ (по закону они должны быть непремѣнно вскрываемы). Къ вскрытію, по словамъ O'Neill'я, приступаютъ раньше, чѣмъ трупъ остынетъ, а такъ какъ вскрытіе не обнаруживаетъ причины смерти и не представляетъ ничего поучительнаго, то, по мнѣнію автора, цѣль этого вскрытія просто добить казненнаго... Авторъ разсказываетъ про такую казнь въ августѣ 1898 г. Преступника привязали къ креслу ремнями, замкнули токъ, вызвавшій молніеобразное судорожное сокращеніе всѣхъ мышцъ. Черезъ 1 минуту токъ былъ прерванъ, тѣло казнимаго опустилось въ креслѣ, онъ издавалъ звуки, подобные ржанію лошади, изъ открытаго рта вытекала слюна, сонная артерія билась. Токъ былъ снова замкнутъ на 30 секундъ... Свою статью O'Neill заканчиваетъ воззваніемъ къ врачебному сословію—открыто *возстать противъ отправленія навязываемыхъ врачу закономъ обязанностей палача!* Но и до сихъ поръ находятся еще врачи (и это въ свободнѣйшей странѣ—Америкѣ), которые соглашаются быть палачами! Впрочемъ, американскіе врачи и врачебныя изданія вообще радикальны во всемъ... что не касается ихъ пользы. Цѣлый рядъ врачей (D. B. Brower, J. Frazier и др.) и медицинскихъ газетъ предполагаютъ кастрировать всѣхъ преступниковъ, наклонныхъ къ преступленію, идіотовъ, порочныхъ людей и пр., такъ какъ это—удобная мѣра противъ распространенія врожденной наклонности къ преступленіямъ и вырожденія. По словамъ Brower'а, холощеніе уже нѣсколько лѣтъ примѣняется въ штатѣ Канзасъ въ убѣжищѣ для идіотовъ при упорномъ рукоблудіи и съ видимою пользою. Кто далъ право врачамъ такъ издѣваться и звѣрствовать надъ беззащитными людьми? Отстаивающій это радикальное предложеніе, «Филадельфійскій медицинскій журналъ» говоритъ, что кастрированіе преступниковъ уже узаконено въ штатѣ Мичиганъ, а въ штатѣ Пенсильванія подобный законъ вырабатывается! «До какого озвѣрѣнія,—восклицаетъ В. А. Манассеинъ, — нужно дойти, чтобы проповѣдывать подобныя вещи? Особенно печально читать ихъ во врачебныхъ изданіяхъ, которымъ палачество совсѣмъ уже не къ лицу».

VI.

Есть одна яко бы медицинская дѣятельность врачей, которая для приданія ей большаго значенія называется даже предупредительной или санитарной; это—*надзоръ за проституціей*, который долженъ предохранять населеніе отъ распространенія сифилиса и венерическихъ болѣзней. Надзоръ состоитъ въ томъ, что врачи, преимущественно городовые и военные, должны осматривать два раза въ недѣлю всѣхъ проститутокъ, зарегистрованныхъ въ публичныхъ домахъ и среди одиночекъ, и больныхъ изъ нихъ отправлять въ больницы до излеченія. Всякому непосвященному эта мѣра можетъ показаться вполнѣ раціональной: найдена больная, удалена въ больницу, и потребители избавлены отъ заразы. Но не такъ это на самомъ дѣлѣ: весь надзоръ является въ сущности фикціей и очень мало защищаетъ отъ зараженія; мало того, онъ служитъ провокаціей къ разврату и ведетъ за собой массу нежелательныхъ и вредныхъ явленій для общества, женщинъ и для самихъ врачей. Прежде всего содержательницы этихъ домовъ всегда находятъ возможнымъ часть своихъ женщинъ укрывать отъ осмотра, и именно наиболѣе красивыхъ и, слѣдовательно, наиболѣе практикующихъ, которыя и заражаются раньше и больше заражаютъ другихъ. Затѣмъ осматривающіе врачи обыкновенно имѣютъ много другихъ обязанностей и получаютъ часто съ этихъ домовъ извѣстныя суммы въ видѣ разъѣздныхъ и пр., и потому нерѣдко вовсе уже не такъ строго относятся къ этимъ осмотрамъ и производятъ ихъ бѣгло, безъ всѣхъ необходимыхъ микроскопическихъ и др. изслѣдованій. Но допустимъ, что всѣ врачи выполняютъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ lege artis свою обязанность,—могутъ ли они гарантировать, что осмотрѣнная ими женщина совершенно здорова и, главное, что она не можетъ заразить? Во многихъ случаяхъ *нѣтъ*; женщина, найденная совершенно здоровой при самомъ тщательномъ осмотрѣ, можетъ заразить другихъ. А какую громадную опасность представляютъ промежутки между двумя осмотрами, особенно если припомнить чудовищныя цифры посѣщеній: въ праздники въ дешевыхъ петербургскихъ заведеніяхъ на одну женщину приходится 60—80 гостей! (М. И. Покровская. «Борьба съ проституціей»). Недѣйствительность осмотровъ доказываетъ примѣръ, приводимый Fournier: одинъ врачъ, болѣвшій еще до брака, очень строго слѣдилъ за собой и все-таки заразилъ жену. Если врачъ въ своихъ интересахъ не могъ достигнуть цѣли, то какъ же требовать этого отъ смотровыхъ врачей? Гдѣ же предохраненіе-то? А между тѣмъ, потребители, разсчитывая на значеніе осмотровъ, не ограничиваютъ своихъ желаній и не остерегаются и... заражаются. Вотъ этотъ-то обманъ и является призывомъ къ разврату, а къ тому же лишнимъ поводомъ и серьезнымъ поводомъ къ нареканіямъ на врачей и медицину!..

Итакъ, врачи грѣшатъ противъ науки и противъ чистоты нравовъ своей фиктивной гарантіей и, кромѣ того, поддерживаютъ ту ложь, что ради *призрачной* защиты однихъ можно производить постоянные насильственные осмотры другихъ, и безъ того являющихся паріями въ нашемъ лживомъ обществѣ; эти осмотры, по словамъ знакомыхъ съ этимъ дѣломъ, развращаютъ и унижаютъ проститутокъ гораздо болѣе, чѣмъ ихъ сношенія со многими. Но это не все. Регламентація проституціи, основанная именно на врачебномъ осмотрѣ (а безъ таковаго осмотра вся регламентація излишня), ведетъ къ массѣ злоупотребленій, вѣдомыхъ и невѣдомыхъ, и буквально прибавляетъ къ бѣлому невольничеству въ видѣ облавъ, торговли живымъ товаромъ, оскорбленія невинныхъ. Заграничное общество аболиціонистовъ, ратующее за освобожденіе бѣлыхъ рабынь—результата общественнаго неустройства, раскрыло массу невѣроятныхъ фактовъ и злоупотребленій, въ которыхъ были заинтересованы и административныя власти, и врачи. Въ нашей печати также все болѣе и болѣе учащаются сообщенія о рынкахъ и торговлѣ бѣлыми рабынями какъ внутри государства, такъ и за границу; всѣмъ извѣстны случаи облавъ на подозрѣваемыхъ въ проституціи, въ которыя попадали и невинныя дѣвушки; не разъ начинались дѣла о гнусномъ освидѣтельствованіи совершенно невинныхъ дѣвушекъ, на которыхъ, какъ на проститутокъ, доносили разныя низкія лица, не достигшія своихъ цѣлей. И какую возмутительную роль въ этихъ осмотрахъ, въ этомъ неизгладимомъ оскорбленіи приходится играть представителямъ гуманной профессіи—врачамъ; изъ нихъ одинъ врачъ, Сефферъ, призналъ за проститутокъ двухъ дѣвушекъ, которыя при вторичномъ осмотрѣ оказались дѣвственницами, и судъ этому врачу сдѣлалъ выговоръ *). А за границей врачи въ этомъ дѣлѣ играютъ нерѣдко настоящую роль своднеі. Въ Англіи существуютъ врачи, которые свидѣтельствуютъ и выдаютъ удостовѣренія обреченнымъ на развратъ дѣвушкамъ въ томъ, что онѣ дѣвственницы; одного такого врача судило медицинское общество и сдѣлало ему выговоръ, «только выговоръ», замѣчаетъ «Врачъ». Другой врачъ выдавалъ такіе свидѣтельства маленькимъ дѣвочкамъ, назначаемымъ для стариковъ; третій покупалъ дѣвушекъ для себя и давалъ разныя «свидѣтельства» для сокрытія разныхъ преступленій въ этой торговлѣ.

И одна ли Англія и одни ли англійскіе врачи повинны въ этомъ? Вѣдь регламентаціей проституціи можно воспользоваться для многихъ «хорошихъ» цѣлей. Помню очень грустную исторію одного студента-медика, который жилъ нѣкоторое время съ одной дѣвушкой, бросилъ ее и, когда она сошлась съ другимъ, донесъ на нее, какъ на тайную проститутку, отъ которой онъ яко бы заразился. Еще болѣе яркій случай изъ прошлаго разсказывали мнѣ про одного врача, явившагося

---

*) «Врачъ», 1885, № 23; 1885, № 44; 1886, № 1; 1885, № 32, 1885, № 40.

*

страдающимъ лицомъ. Этотъ врачъ, жившій съ невѣнчанной женой, считался очень неуживчивымъ за его борьбу съ различными злоупотребленіями; всякія попытки смирить врача оказались безуспѣшными, и тогда ему пригрозили, что его жену подвергнутъ медицинскому осмотру, какъ проститутку, для выдачи ей соотвѣтственнаго билета. Врачъ былъ близокъ къ самоубійству... и ушелъ изъ города къ радости его враговъ, прибѣгшихъ къ гуманнымъ правиламъ о регламентаціи, проституціи...

Достаточно и этихъ примѣровъ. Врачи не должны прикрывать своимъ именемъ не обоснованный научно надзоръ за проституціей и вызываемый этимъ яко бы надзоромъ обманъ публики, а вмѣстѣ съ этимъ рухнетъ и основанная на этомъ надзорѣ регламентація проституціи со всѣми ея злоупотребленіями и омерзительными подробностями: пускай проституція—эта ложь нашего общества—остается незамаскированная наукой и неприкрашенная во всей ея отвратительной наготѣ, а съ открытой ложью общество скорѣе справится.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Врачъ Д. Жбанковъ.

СОЦІОЛОГІЯ, СОЦІАЛЬНАЯ ФИЛОСОФІЯ И СОЦІАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА.

(Соціологическій этюдъ).

Ни въ одну эпоху вопросы, касающіеся организаціи и развитія общественной жизни, не охватывали и не волновали человѣческое сознаніе въ такой степени, какъ въ теченіе прошлаго девятнадцатаго столѣтія. У колыбели этого столѣтія цивилизованному человѣчеству открывались блестящія надежды. Новорожденное столѣтіе обѣщало водрузить на землѣ знамя всеобщаго счастья и свободы, оно обѣщало искоренить всѣ общественныя бѣдствія, создать условія для всесторонняго гармоническаго развитія человѣческой личности. Всѣ эти надежды и упованія имѣли своимъ главнымъ основаніемъ глубокую вѣру въ совершенство и доброту природы, относительно которой нельзя было допустить, чтобы она могла имѣть намѣреніе сдѣлать созданное ею человѣчество несчастнымъ. Если человѣчеству, какъ учила исторія, и приходилось по временамъ испытывать разнаго рода страданія, то это, какъ полагали, являлось результатомъ только того, что жизнь человѣчества, благодаря поведенію власть имущихъ, противорѣчившему подчасъ требованіямъ разума, сбивалась съ истиннаго пути и принимала направленія, далеко не совпадавшія съ тѣми, которыя требовала природа; общественная жизнь все больше отдѣлялась отъ «естественнаго порядка вещей», такъ что въ концѣ концовъ, «естественный», т.-е. «разумный» образъ жизни былъ совершенно забытъ и утерянъ.

«Назадъ къ природѣ!» сдѣлалось лозунгомъ въ устахъ провозвѣстниковъ новой эры въ исторіи человѣчества. Впредь ничто не должно было мѣшать свободному проявленію «естественныхъ» силъ въ области общественной жизни; что хоть сколько-нибудь могло стать на пути къ этому перерожденію должно быть устранено и уничтожено, ибо благотворное дѣйствіе «природы» можетъ проявиться во всемъ своемъ величіи только въ томъ случаѣ, если человѣчество, всецѣло отречется отъ всего того хлама, который былъ искуственно созданъ прошлыми поколѣніями въ виду полнѣйшаго отсутствія пониманія цѣлей и стремленій природы.

Охваченное подобными мыслями и чувствами человѣчество поспѣшило устроить соотвѣтственно свою жизнь. Однимъ геройскимъ движеніемъ человѣчество сбросило съ своей шеи тяжелое иго и разбило оковы, наложенныя на него насиліемъ, своекорыстіемъ и хитростью. Въ нѣсколько мгновеній рухнули стѣны мрачной темницы, и предъ глазами находящагося дотолѣ въ заточеніи человѣка открылись широкіе и блестящіе горизонты.

Съ великой французской революціей принципъ авторитета, пользовавшійся въ прежнія времена неограниченной властью въ сферѣ государственной и общественной жизни, потерялъ всецѣло свой престижъ и свою силу. Его мѣсто занялъ безпрепятственно принципъ свободы. Слѣпо вѣря въ существованіе «естественной гармоніи интересовъ» между всѣми безъ исключенія общественными единицами, гармоніи, которая только въ атмосферѣ полнѣйшей свободы можетъ найти всестороннее существованіе, цивилизованное человѣчество начало свой новый образъ жизни. Наука, искусство и техника въ короткое время достигли высокой степени развитія; человѣческій духъ праздновалъ одну побѣду за другой; во всѣхъ областяхъ человѣческаго знанія и дѣятельности важнѣйшія открытія и изобрѣтенія съ быстротой слѣдовали другъ за другомъ; условія разумной ясности и дѣйствительнаго счастья увеличивались съ каждымъ днемъ все больше и больше. Эпоха всеобщаго довольства и счастья, о которомъ мечтали лучшіе люди, казалось, приближалась гигантскими шагами.

Однако первое очарованіе и возбужденіе быстро прошло. Наступило трезвое состояніе, которое позволило людямъ осмотрѣться и дать себѣ отчетъ въ томъ, что собственно произошло, чего достигли и куда приходится впредь направить свои шаги. Глубокій ужасъ охватилъ многихъ при видѣ той картины, которая открылась предъ ихъ прозрѣвшими глазами. Весь пройденный путь былъ усѣянъ трупами. По искаженнымъ лицамъ послѣднихъ, по ихъ изуродованнымъ членамъ можно было видѣть, какую страшную борьбу должны были вести всѣ эти несчастные страдальцы. Они пали, побѣжденные болѣе сильными; своими тѣлами они устлали путь, ведущій къ богатству и власти небольшой кучки избранныхъ.

Эта страшная, душу раздирающая картина тѣмъ не менѣе не въ состояніи была удержать большинство человѣчества отъ дальнѣйшей погони за собственной выгодой. Дикая травля продолжалась, и вскорѣ на сцену выступаютъ новые мыслители, которымъ даже удается путемъ весьма искусно обдуманныхъ «научныхъ» теорій вновь усыпить пробудившуюся было совѣсть болѣе счастливыхъ. Если прежде ожидали отъ жизни и дѣятельности соразмѣрно съ «естественными» законами всякихъ благъ, то теперь создаются новые «естественные» законы, на которые возлагаютъ отвѣтственность за всѣ общественныя бѣдствія и страданія. Да, находятся даже проповѣдники, которые

именно въ этихъ вызывающихъ человѣческія страданія «естественныхъ» законахъ находятъ явныя доказательства премудрости и совершенства природы; эти проповѣдники стараются доказывать, что вслѣдствіе существованія этихъ «законовъ», приводящихъ къ «борьбѣ за существованіе», человѣчество становится съ каждымъ разомъ совершеннѣе, ибо эта борьба имѣетъ своимъ результатомъ побѣду сильныхъ и лучшихъ надъ слабыми и неразумными. Это ученіе, успокаивающее и вмѣстѣ съ тѣмъ льстящее сознанію «побѣдителей», стало въ средѣ послѣднихъ символомъ вѣры, такъ что еще въ 70-хъ годахъ одинъ изъ блестящихъ представителей этого слоя современнаго общества, извѣстный историкъ Трейчке, имѣлъ смѣлость бросить въ лицо человѣчеству слѣдующія тирады: «Законъ природы неизмѣненъ: только незначительное меньшинство должно пользоваться благами культуры; остальной массѣ выпадаетъ на долю работать въ потѣ своего лица... Культура немыслима безъ прислуги... Господство одного класса надъ другими вытекаетъ изъ природы общества,—такой порядокъ вещей справедливъ и необходимъ».

Но если эти и другія подобныя имъ теоріи, въ которыхъ, съ одной стороны, проявилось слѣпое преклоненіе предъ успѣхомъ, а съ другой—стремленіе нѣкоторыхъ сравнительно небольшихъ слоевъ общества поживиться на счетъ всей остальной массы,—и могли считаться побѣдителями въ «борьбѣ за существованіе» достаточнымъ «научнымъ» оправданіемъ ихъ образа дѣйствія, то онѣ, во всякомъ случаѣ, оказались недостаточно убѣдительными въ глазахъ побѣжденныхъ: вопреки этимъ теоріямъ, послѣдніе все больше и больше проникались убѣжденіемъ въ ненужности и несправедливости ихъ страданій и несчастій. По мѣрѣ того, какъ становилось очевиднымъ, въ какую сторону пошло развитіе человѣческаго общества, по мѣрѣ того, какъ стало яснымъ, что новый порядокъ вещей сопряженъ съ физической и моральной дегенераціей большихъ слоевъ населенія цивилизованныхъ странъ,—среди униженныхъ и оскорбленныхъ мало-по-малу выростаетъ и крѣпнетъ духъ отрицанія и критики, зарождается и пускаетъ глубокіе корни страстное желаніе отвергнуть существующее и создать новый порядокъ человѣческаго общежитія. На сцену исторіи выступаютъ новыя теоріи, которыя, какъ по своей исходной точкѣ, такъ и всей своей сущностью, прямо противоположны тѣмъ, противъ которыхъ онѣ вышли въ походъ.

При критической оцѣнкѣ теорій, касающихся человѣческаго общежитія, теорій, созданныхъ въ теченіе послѣдняго историческаго періода, легко убѣдиться, что между ними положительно нѣтъ ни одной, которая не сдѣлала бы—сознательно или безсознательно—своей исходной точкой защиту интересовъ какого-либо общественнаго класса. Большинство защитниковъ данныхъ теорій хотя и заявляетъ,—и многіе дѣйствительно убѣждены въ томъ,—что проведеніе въ жизнь ихъ стремленій непремѣнно приведетъ къ всеобщему благу, но, въ сущности, въ

основѣ подобныхъ заявленій и убѣжденій очень часто лежитъ смѣшеніе или отождествленіе интересовъ одного какого-либо класса съ интересами всего общества. Всѣ безъ исключенія соціальныя теоріи, начиная съ теорій, проповѣдующихъ крайній индивидуализмъ и анархизмъ, и кончая теоріями соціализма и коммунизма, переживали въ своемъ развитіи такіе фазисы,—а нѣкоторыя изъ нихъ и до сихъ поръ изъ нихъ не вышли,—въ которыхъ послѣдователи этихъ теорій питали глубокую вѣру въ то, что они собственно добиваются ничего иного, какъ полнѣйшаго счастья всѣхъ безъ исключенія членовъ человѣческаго общества. Однако, при столкновеніи съ реальной дѣйствительностью, послѣдователи отдѣльныхъ теорій въ большинствѣ случаевъ забывали свои общечеловѣческія цѣли и тѣмъ обнаруживали истинный смыслъ проповѣдуемыхъ ими воззрѣній; тогда и становилось очевиднымъ, что различныя соціальныя теоріи являются живымъ олицетвореніемъ весьма реальныхъ стремленій различныхъ общественныхъ классовъ стремленій подчасъ прямо противоположныхъ другъ къ другу, ведущихъ другъ съ другомъ борьбу на жизнь и на смерть.

Такое положеніе вещей приходится, однако, считать весьма естественнымъ и въ нѣкоторомъ смыслѣ даже необходимымъ. Къ этому заключенію приводитъ насъ трезвый взглядъ на ходъ исторической жизни человѣчества, которая представляетъ намъ въ области соціальныхъ отношеній постоянную борьбу различныхъ классовъ и группъ населенія. Въ виду этого, тѣ соціальныя теоріи, которыя или совсѣмъ не принимали во вниманіе существующую противоположность и борьбу интересовъ, или хотѣли примирить непримиримое, по необходимости были осуждены на безплодіе; они оставались утопіями и не имѣли никакого вліянія на ходъ общественнаго развитія. Жизнеспособными оказывались только тѣ теоріи, которыя съумѣли приспособиться къ дѣйствительнымъ потребностямъ общественныхъ классовъ, выдвинутыхъ историческимъ ходомъ вещей на болѣе или менѣе выдающееся мѣсто.

Замѣчательно, однако, то, что провозвѣстники и послѣдователи всѣхъ этихъ разнородныхъ соціальныхъ теорій ссылаются на свидѣтельство точной науки, данныя которой будто бы вполнѣ подтверждаютъ вѣрность ихъ взглядовъ и ученій. При этомъ каждый изъ нихъ убѣжденъ, что только его теорія зиждется на научномъ основаніи, что только она способна выдержать научную критику, что только ея цѣли и стремленія совпадаютъ съ требованіями истинной науки.

Очевидно, такое положеніе вещей не можетъ быть названо нормальнымъ. Во-первыхъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что всякая научная истина допускаетъ только одно толкованіе; она не можетъ разъ гласить такъ, другой разъ иначе, она не можетъ мѣнять своего характера съ измѣненіемъ обстоятельствъ. Съ другой стороны, научная истина, дѣйствительно заслуживающая это названіе, обыкновенно обладаетъ такой силой убѣдительности, что всѣ логически мыслящіе, въ

концѣ концовъ, должны преклониться предъ ея аргументами и признать ее неприкосновенной. Отсюда, несомнѣнно, слѣдуетъ, что тѣ положенія, которыя считаются имѣющимися разнообразными соціальными теоріями научной истиной, въ сущности имѣютъ подчасъ весьма мало общаго съ этой послѣдней. И въ дѣйствительности большинство соціальныхъ теорій составлены изъ цѣлаго ряда посылокъ, дѣйствующихъ убѣдительно только на тѣхъ, которые по своимъ понятіямъ, чувствамъ и стремленіямъ предрасположены *вѣрить* въ ихъ смыслъ и значеніе; въ лучшемъ случаѣ эти посылки являются ничѣмъ инымъ, какъ болѣе или менѣе остроумными обобщеніями, полученными на основаніи наблюденія большаго или меньшаго числа типическихъ явленій соціальной жизни, обобщеніями, которыя, какъ всѣ обобщенія подобнаго рода, приложимы только въ извѣстныхъ границахъ при строго опредѣленныхъ конкретныхъ условіяхъ. Этимъ, конечно, не уничтожается *практическое* значеніе данныхъ теорій; напротивъ, при наличности предположенныхъ условій эти теоріи могутъ оказать ихъ послѣдователямъ несомнѣнную услугу; но въ убѣдительности съ точки зрѣнія положительной науки они отъ этого нисколько не выиграли: требованіе науки, заключающееся въ томъ, чтобы всякое положеніе, считающееся строго научнымъ, проявляло свой неизмѣнный характеръ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно можетъ найти приложеніе, остается совершенно невыполненнымъ, ибо ничто не ручается намъ за то, что основанныя на охарактеризованныхъ выше постулятахъ теоріи не должны будутъ совершенно измѣнить своего внутренняго содержанія съ измѣненіемъ реальныхъ условій общественной жизни.

Гдѣ причины этого страннаго на первый взглядъ явленія? Чѣмъ объясняется хаотическое состояніе въ области соціальныхъ теорій? Мы думаемъ, что объясненіе надо искать, съ одной стороны, въ современномъ состояніи нашихъ знаній о соціальной жизни вообще и съ другой въ самой сущности существующихъ соціальныхъ теорій.

Наука о человѣческомъ общежитіи находится, какъ извѣстно, еще только въ зачаткѣ. Мы еще далеки отъ возможности создать въ этой области что-нибудь абсолютно прочное и общепризнанное, не говоря уже о томъ, что мы и думать еще не можемъ объ установленіи незыблемыхъ, экзактныхъ соціальныхъ законовъ. Въ виду этого, наша практическая дѣятельность въ сферѣ соціальной жизни лишена возможности опираться на твердую почву и видитъ себя вынужденной, въ виду требованій жизни, искать поддержки тамъ, гдѣ въ данное время таковая представляется, часто при этомъ не обращая вниманія на то, насколько эта поддержка прочна и устойчива.

Что касается основного характера возникавшихъ до сихъ поръ соціальныхъ теорій, то онъ заключается, по нашему мнѣнію, въ ихъ специфическомъ отношеніи къ своему предмету, къ соціальной дѣйствительности, отношеніи, рѣзко отличающемся отъ соотвѣтственныхъ усло-

вій въ другихъ областяхъ человѣческаго знанія. Въ то время, какъ наука вообще изучаетъ вселенную съ цѣлью открыть или установить законы, проявляющіеся въ данной сферѣ явленій, не заботясь при этомъ о томъ, какое примѣненіе будетъ сдѣлано съ добытыми ею истинами, соціальныя теоріи въ громадномъ большинствѣ случаевъ руководствовались задачей отыскать пути и способы для достиженія заранѣе установленныхъ цѣлей жизни и дѣятельности въ сферѣ человѣческихъ отношеній. Само собою понятно, что, при такомъ отношеніи къ дѣлу, изученіе общественныхъ явленій должно было находиться всецѣло подъ вліяніемъ субъективныхъ желаній и убѣжденій изслѣдователя, который, самъ того не замѣчая, часто выдавалъ за истину то, что находилось въ гармоніи съ его предвзятыми представленіями и чувствами.

Къ сожалѣнію, послѣднее обстоятельство совершенно упускалось изъ виду большинствомъ общественныхъ дѣятелей, опиравшихся на опредѣленныхъ соціальныхъ теоріяхъ для оправданія своихъ стремленій и мѣропріятій. Многіе, повидимому, и понятія не имѣли о томъ, что собственно должна была бы представить собою истинная наука о человѣческомъ общежитіи, какими средствами эта наука должна была бы обладать, чего можно и должно было бы отъ нея требовать и ожидать. Съ другой стороны, многіе теоретики довольствовались подчасъ только установленіемъ общихъ ничего незначущихъ положеній, выходя изъ той точки зрѣнія, что, по отношенію къ общественнымъ явленіямъ, установленіе болѣе точныхъ и вполнѣ достовѣрныхъ знаній совершенно немыслимо. Ни въ одной области человѣческаго знанія не было столько диллетантизма, какъ въ интересующей насъ здѣсь сферѣ понятій. Въ виду этого мы, дѣйствительно, обладаемъ несмѣтнымъ количествомъ «ученыхъ» произведеній, касательно всевозможныхъ вопросовъ общественной жизни, но для истинной науки объ этой жизни мы до сихъ поръ еще не смогли создать прочнаго основанія.

Очевидно, что такое состояніе соціальной науки и общественной дѣятельности сопряжено съ громадной непроизводительной затратой силъ и энергіи. Борьба общественныхъ группъ приводитъ часто, вслѣдствіе отсутствія соотвѣтственныхъ научно обоснованныхъ знаній у борющихся, вслѣдствіе отсутствія ясной оцѣнки средствъ и условій борьбы, къ результатамъ, прямо противоположнымъ тѣмъ, которые имѣли въ виду борющіеся. Если мы хотимъ выйти изъ этого положенія, если мы хотимъ сдѣлать наше знаніе о человѣческомъ общежитіи положительнымъ и строго научнымъ, съ тѣмъ, чтобы найти твердую основу для нашей сознательной соціальной дѣятельности, мы, очевидно, должны прежде всего позаботиться сдѣлать науку объ общественной жизни достойной этого названія. Для этой цѣли необходимо прежде всего установить въ точности задачи этой науки и провести рѣзкую границу между этими послѣдними и тѣми задачами, которыя непосред-

ственно вытекають изъ сферы нашихъ конкретныхъ стремленій, идеаловъ, касающихся улучшенія нашего общественнаго быта, ибо смѣшеніе этихъ по своей сущности весьма разнородныхъ задачъ и привело, главнымъ образомъ, къ тому хаотическому состоянію въ понятіяхъ и представленіяхъ, о которомъ мы говорили выше.

Извѣстно, что во всѣхъ областяхъ человѣческаго знанія практика предшествовала теоріи. Всюду и вездѣ первый толчокъ къ размышленію и изслѣдованію является со стороны соотвѣтственныхъ реальныхъ потребностей. Только съ теченіемъ времени мышленіе мало-помалу освобождается отъ привязи и начинаетъ прокладывать себѣ свои собственныя дороги. Но чѣмъ тѣснѣе объектъ мышленія связанъ съ реальными потребностями жизни, тѣмъ медленнѣе и труднѣе совершается это освобожденіе, тѣмъ больше времени необходимо для выработки совершенно самостоятельнаго мышленія, стоящаго выше своего предмета.

Эта общеизвѣстная истина лучше всего подтверждается ходомъ развитія нашего знанія о человѣческомъ общежитіи. Нигдѣ повседневныя практическія потребности не имѣли такого глубокаго и сильнаго вліянія, какъ въ интересующей насъ области человѣческаго мышленія. Чуть ли не въ каждомъ научномъ положеніи, чуть ли не въ каждой теоріи еще до сихъ поръ съ совершенной ясностью проглядываетъ тотъ практическій элементъ, который далъ первый рѣшительный импульсъ къ этимъ построеніямъ. На каждомъ шагу безпристрастному изслѣдователю приходится еще встрѣчаться съ предразсудками всевозможнаго свойства; нерѣдко онъ видитъ себя даже вынужденнымъ вести отчаянную борьбу съ грубымъ эгоизмомъ, алчностью и своекорыстіемъ; въ глазахъ многихъ свободное честное мышленіе, доискивающееся истины и только истины, является тяжелымъ преступленіемъ, заслуживающимъ тяжкаго наказанія. Право на свободное изслѣдованіе въ области соціальныхъ отношеній во многихъ случаяхъ должно быть еще только завоевано.

Съ другой стороны, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что проблема, которую представляетъ собою человѣческое общежитіе, въ дѣйствительности является одной изъ самыхъ трудныхъ проблемъ, если не сказать самой трудной проблемой, въ области человѣческаго мышленія. Едва ли можно найти болѣе сложный объектъ изслѣдованія, причемъ приходится сказать, что тѣ методы изслѣдованія, которые привели въ другихъ областяхъ человѣческаго знанія къ такимъ блестящимъ результатамъ, здѣсь не находятъ для себя почти никакого приложенія. Если при этомъ принять во вниманіе то обстоятельство, что человѣческое общежитіе собственно сравнительно недавно было сдѣлано предметомъ научнаго изслѣдованія, то намъ станетъ совершенно яснымъ, почему наше знаніе объ этомъ предметѣ находится еще въ такомъ несовершенномъ состояніи.

Изученіемъ общественныхъ явленій занимаются въ настоящее время, не считая вспомогательныхъ наукъ, главнымъ образомъ, три дисциплины: соціологія, соціальная философія и соціальная политика. Изъ этихъ трехъ дисциплинъ соціологія возникла только въ самое последнее время, въ то время, какъ соціальной философіей занимались еще философы древняго міра; что же касается соціальной политики, то она по своему содержанію, пожалуй, еще гораздо старше соціальной философіи, однако въ формѣ болѣе или менѣе стройной системы знанія, касающагося строго опредѣленныхъ предметовъ, она является, безспорно, дѣтищемъ новаго времени.

Какое мѣсто принадлежитъ этимъ дисциплинамъ въ общей системѣ нашего знанія и въ какомъ отношеніи находятся они другъ къ другу, вотъ вопросы, на которые до сихъ поръ не дано яснаго и опредѣленнаго отвѣта. То тутъ, то тамъ еще и въ настоящее время раздаются голоса, отрицающіе теоретическое или практическое значеніе той или иной дисциплины; до сихъ поръ послѣднимъ не удалось добиться общепризнаннаго, стоящаго внѣ всякаго сомнѣнія права на существованіе. Въ то же время среди интересующихъ насъ дисциплинъ ведется постоянная борьба, поводомъ къ которой служатъ самые разнообразные предметы и вопросы. То возникаетъ споръ изъ-за нарушенія границы, установленной произвольно той или иной дисциплиной, то одна дисциплина отказывается признавать за истину то, во что другая вѣритъ. Каждая изъ нихъ хочетъ идти своей собственной дорогой, совершенно не сообразуясь съ тѣмъ, куда направляется другая; точки зрѣнія, установленныя одной, совершенно игнорируются другой; результаты опыта одной—для другой въ большинствѣ случаевъ какъ будто совершенно не существуютъ.

Однако, при болѣе внимательномъ отношеніи къ дѣлу, всѣ эти вопросы и спорные пункты могутъ быть разрѣшены сравнительно безъ особенныхъ усилій. Стоитъ только освободиться отъ тѣхъ теологическихъ и метафизическихъ предразсудковъ, которые все еще въ такомъ количествѣ отягчаютъ наше мышленіе, чтобы придти къ сознанію, что также и по отношенію къ человѣческому общежитію положительное, точное знаніе совершенно возможно, — возможно потому, что и эта область въ такой же степени лежитъ внутри жизни нашего опыта, подобно тѣмъ, тайны которыхъ человѣческому духу открыть уже удалось. Практическое же значеніе подобнаго рода знанія собственно ужъ не должно было бы подлежать такому сомнѣнію. Вѣдь наша цивилизація, какъ извѣстно, ведетъ свое начало лишь съ того момента, когда человѣческому духу удалось открыть во вселенной существованіе строгой законосоразмѣрности явленій. Только съ того момента, когда это открытіе стало исходной точкой умозрѣнія, человѣчеству открылась также возможность разумной, цѣлесообразной жизни и дѣятельности. Нельзя поэтому усомниться въ томъ, что и наша соціальная жизнь

гораздо скорѣе была бы поднята на чрезвычайно высокую ступень развитія, если бы намъ удалось и въ этой области человѣческаго познаванія установить и опредѣлить съ полной достовѣрностью дѣйствующія здѣсь силы и законы.

Что же касается характера отношенія интересующихъ насъ дисциплинъ другъ къ другу, то оно опредѣляется тѣмъ кругомъ задачъ, которыя должны быть рѣшены каждой изъ нихъ. Ясное и точное опредѣленіе этихъ задачъ, являясь необходимымъ условіемъ успѣшнаго развитія соотвѣтственныхъ областей знанія, въ то же время даетъ возможность указать нашимъ дисциплинамъ подобающее имъ мѣсто въ общей системѣ нашего знанія.

Съ того момента, когда человѣческое общество перестало руководиться исключительно инстинктами, а начало вести болѣе или менѣе сознательную жизнь, ставя себѣ извѣстныя цѣли и стараясь ихъ достигнуть, съ того момента и было положено начало той системѣ понятій и представленій, которую мы называемъ теперь соціальной политикой. Само собою разумѣется, что переходъ отъ инстинктивной къ сознательной общественной дѣятельности не могъ совершиться вдругъ, безъ всякихъ усилій. Напротивъ, мы должны себѣ представить этотъ переходъ такъ, что сначала отдѣльныя цѣли возникали совершенно разрозненно въ общественномъ сознаніи, и что въ этомъ сознаніи съ каждой конкретной цѣлью было непосредственно связано и представленіе о конкретномъ актѣ дѣятельности, находящемся въ неразрывной связи съ первой. Только съ теченіемъ времени сознаніе стало различать понятіе о цѣли и понятіе о дѣйствіи, направленномъ для достиженія извѣстной цѣли; постановка цѣли и выборъ соотвѣтственнаго дѣйствія стали тогда двумя совершенно различными актами сознанія, и только теперь является возможность сознательно комбинировать разнородныя дѣйствія, привести эти дѣйствія въ стройный порядокъ, согласуя ихъ съ тѣми требованіями общественной жизни, которыя считаются желательными и справедливыми. Только эта возможность, возможность сознательнаго выбора средствъ для достиженія цѣлей, возникшихъ на почвѣ человѣческаго общежитія, и выталкивала по мѣрѣ того, какъ она росла и крѣпла, человѣческое общество изъ состоянія вѣчнаго однообразія, въ которомъ до сихъ поръ пребываютъ общества животныхъ, и привела его, наконецъ, на путь непрерывнаго развитія, ведущаго къ все болѣе сложнымъ и болѣе совершеннымъ формамъ существованія.

Но по мѣрѣ того, какъ накоплялось сознательная общественная дѣятельность человѣческое сознаніе стало замѣчать нѣкотораго рода единство, проявляющееся, съ одной стороны, во всевозможныхъ возникавшихъ цѣляхъ, а съ другой—въ разнообразныхъ способахъ дѣйствія, направленныхъ на осуществленіе этихъ цѣлей. Ибо, какъ эти цѣли, *такъ* и соотвѣтственныя имъ дѣйствія имѣли своимъ единствен-

ственнымъ основаніемъ потребности и желанія, созданныя и обусловленныя человѣческимъ общежитіемъ. Установленіе этого единства должно было въ чрезвычайной степени помочь оріентироваться въ сферѣ разнообразныхъ и запутанныхъ взаимныхъ отношеній членовъ общества, точно также какъ и дать возможность опредѣлить отношеніе человѣческаго общежитія къ остальной природѣ. Возможность такого познаванія, сопутствуемая потребностью въ немъ, и вызвала къ жизни эти благородныя усилія человѣческаго духа, которыя направлены, съ одной стороны, на удовлетвореніе потребности человѣческаго разума и познанію истины, а съ другой—на созданіе условій для болѣе счастливой человѣческой дѣятельности.

Стремленіе установить единство соціальной жизни, стремленіе свести все разнообразіе соціальныхъ явленій къ одному основному принципу должно было рано или поздно породить въ человѣческомъ сознаніи идею господства строгой законосоразмѣрности въ этой весьма сложной области, ибо человѣческому уму должно было вскорѣ стать яснымъ, что и въ этой области единство явленій возможно только при признаніи господства неизмѣнныхъ силъ, дѣйствующихъ на основаніи строгихъ, разъ навсегда установленныхъ законовъ. И если различные мыслители и искали начало этого единства въ совершенно различныхъ сферахъ и разно опредѣляли его характеръ и значеніе, то это, однако, не помѣшало укрѣпиться сознанію, что дѣйствіе соціальной законосоразмѣрности также можетъ быть измѣнено произволомъ или случайностью, какъ и всякія другія проявленія естественной законосоразмѣрности вообще. А разъ это сознаніе укрѣпилось, то вмѣстѣ съ тѣмъ естественно возникаетъ потребность проникнуть въ причинную связь между явленіями человѣческаго общежитія, возникаетъ задача открыть законы, дѣйствующіе въ области соціальныхъ отношеній.

Таковъ, по нашему мнѣнію, логическій ходъ развитія нашего знанія о человѣческомъ общежитіи. Здѣсь мы находимъ въ очертаніяхъ всѣ тѣ элементы, изъ которыхъ съ теченіемъ временно сложилось содержаніе упомянутыхъ выше соціальныхъ дисциплинъ; здѣсь мы видимъ, вслѣдствіе какихъ причинъ и условій это содержаніе росло и развивалось. Конечно, въ дѣйствительности ходъ развитія нашихъ дисциплинъ во многихъ отношеніяхъ уклонялся отъ намѣченной нами линіи, однако, ближайшее знакомство съ интересующимъ насъ процессомъ показываетъ, что, при всей сложности и запутанности послѣдняго, основныя, характеристическія черты его съ каждымъ разомъ все яснѣе и яснѣе проявлялись.

Проблемы человѣческаго общежитія сдѣлались сперва предметомъ изученія философіи. Какъ во всѣхъ другихъ областяхъ человѣческаго знанія въ извѣстные періоды ихъ развитія, такъ и въ нашей области философія долгое время пользовалась исключительнымъ господствомъ, признавая за собой, впрочемъ, въ то время никѣмъ неоспари-

ваемое право регулировать знаніе о соціальной жизни по своему усмотрѣнію. Она въ одинаковой степени держала въ своей власти соціальное мышленіе, какъ и соціальную дѣятельность, она устанавливала какъ для того, такъ и для другого, соотвѣтственныя цѣли и задачи, и сама же слѣдила за выборомъ средствъ для достиженія или разрѣшенія послѣднихъ. Философія или, точнѣе выражаясь, та вѣтвь ея, которая тянула свои соки изъ почвы соціальнаго сожительства людей, такъ называемая *соціальная философія*, является вначалѣ соединеніемъ элементовъ, чрезвычайно различныхъ между собою по существу и значенію. На ряду съ тѣми элементами, которые и впредь должны были войти въ содержаніе соціальной философіи, въ ней находились и всѣ тѣ, изъ которыхъ съ теченіемъ времени должны были развиться другія соціальныя дисциплины, а именно: *соціологія* съ одной стороны и *соціальная политика* съ другой. Великая заслуга соціальной философіи заключается въ томъ, что она, стремясь подвести общественную жизнь подъ одинъ какой-либо всеобъемлющій принципъ, понять ее съ точки зрѣнія какой-либо великой одной цѣли или на основанія какой-либо одной всюду и вездѣ проявляющейся основной причины, внесла порядокъ и единство въ поразительное разнообразіе явленій человѣческаго общежитія. Не меньшая ея заслуга должна быть признана въ томъ, что она въ своемъ стремленіи объяснить смыслъ и сущность соціальной жизни создала и собрала громадный матеріалъ для постройки своего во многихъ отношеніяхъ величественнаго зданія. Конечно, она подчасъ подбирала только такой матеріалъ, который ей казался необходимымъ для временныхъ соціальныхъ цѣлей; много другого матеріала, изъ котораго, пожалуй, можно было бы создать болѣе прочное и болѣе красивое зданіе оставалось ею подчасъ совершенно незамѣченнымъ; часто она строила на пескѣ и илѣ, такъ что съ большимъ трудомъ построенное рушилось и погибало; тѣмъ не менѣе труды ея не остались безплодными, даже сдѣланныя ею ошибки послужили человѣчеству въ пользу.

Какъ часть философіи вообще, соціальная философія по своему существу не могла видѣть интереса въ отмѣриваніи и отвѣшиваніи, въ считаніи и разсчитываніи; она этимъ заниматься и не могла бы, ибо въ ея личномъ запасѣ не могло оказаться нужныхъ средствъ и инструментовъ для производства точной провѣрки качества ея строительнаго матеріала. Однако, къ сознанію необходимости такой провѣрки съ одной стороны, какъ и невозможности произвести ее самой—съ другой, соціальная философія пришла только въ позднѣйшихъ стадіяхъ своего развитія, только тогда, когда ей самой стало очевиднымъ, что многое изъ того, что она создала, далеко не соотвѣтствуетъ имѣвшейся въ виду цѣли, когда она поняла, что созданныя ею зданія, никогда не были въ состояніи вмѣстить въ себѣ все человѣчество, что эти зданія, напротивъ, служили только временнымъ пристанищемъ сравнительно

небольшихъ группъ и слоевъ человѣческаго общества. Соціальная философія тогда должна была сознаться, что ей необходимо свою дѣятельность значительно сократить, свои задачи болѣе концентрировать; въ то же время ей стало яснымъ, что она свойственныя ей цѣли можетъ достигнуть только въ томъ случаѣ, если она приметъ во вниманіе извѣстныя условія, будетъ считаться съ извѣстными факторами, на характеръ и проявленіе которыхъ она лично не можетъ оказать никакого вліянія.

Фактъ одновременнаго существованія разнообразныхъ, нерѣдко прямо противоположныхъ другъ другу соціально-философскихъ системъ, точно также какъ непрерывное смѣненіе одной системы другой показали при томъ съ достаточной ясностью, что соціальная философія ни въ какомъ случаѣ не можетъ претендовать на то, чтобы быть, такъ сказать, признанной единственнымъ поставщикомъ нашего знанія о соціальной жизни. Тѣ же обстоятельства привели къ тому, что установленныя соціальной философіей максимы для соціальной дѣятельности получили въ глазахъ критически мыслящихъ личностей только релятивное значеніе.

Реакція противъ такого положенія дѣлъ въ области соціальнаго знанія не преминула проявиться, главнымъ образомъ, съ двухъ сторонъ: со стороны реальныхъ потребностей общежитія, точно также какъ и со стороны стремленія къ познаванію истины ради нея самой. Первый сильный протестъ противъ притязаній соціальной философіи былъ поднятъ самой практической жизнью, причемъ этотъ протестъ направляется главнымъ образомъ противъ абсолютнаго господства тѣхъ соціально-философскихъ системъ, которыя по своей сущности оказались враждебными проявленію свободнаго человѣческаго духа. Авторитетъ, такъ долго тяготѣвшій надъ человѣческимъ обществомъ, палъ, и на ряду съ путями, которые обозначила соціальная философія прежнихъ временъ, открылись новые, казавшіеся болѣе удовлетворящими дѣйствительныя потребности жизни, нежели первые. При этомъ стало очевиднымъ, что мысли и чувства громаднаго большинства членовъ цивилизованнаго человѣчества, требованія, которыя оно ставитъ къ жизни, существенно отличаются отъ тѣхъ, которыя легли въ основу многихъ соціально-философскихъ системъ. Это несоотвѣтствіе между соціально-философскими системами съ одной стороны и потребностями большей части человѣчества съ другой имѣло своимъ ближайшимъ результатомъ то, что соціальная дѣятельность освободившаяся отъ непосредственнаго вліянія въ большинствѣ случаевъ предвзятыхъ теорій, стала вырабатывать себѣ свои собственныя понятія и представленія. Отсюда и ведетъ начало другая соціальная дисциплина, такъ называемая соціальная политика, которая видитъ, такимъ образомъ, свою задачу въ концентрированіи и систематизаціи тѣхъ своеобразныхъ понятій и представленій, которыя выросли на почвѣ живой практической дѣятель-

ности и которыя, вслѣдствіе этого, сохраняютъ свое значеніе только при извѣстныхъ строго опредѣленныхъ условіяхъ мѣста и времени.

Однако, отъ этой эмансипаціи, которая состояла главнымъ образомъ въ томъ, что у соціальной философіи была, такъ сказать, взята возможность насиловать соціальную дѣятельность, направляя ее на цѣли, часто несоотвѣтствовавшія потребностямъ громаднаго большинства членовъ человѣческаго общества,—выиграла не только соціальная дѣятельность, получившая возможность свободно развиваться, но не въ меньшей степени и сама соціальная философія. Вытѣсненная изъ сферъ, куда она попала только вслѣдствіе неясности предстоявшихъ ей рѣшить задачъ, она начинаетъ мало-по-малу сосредоточиваться на извѣстныхъ проблемахъ, которыя по своей сущности являются никѣмъ неоспариваемымъ предметомъ философскаго мышленія. Соціальная философія начинаетъ видѣть свою задачу въ освѣщеніи вопросовъ, касающихся сущности и смысла человѣческаго общежитія, въ созиданіи соціальнаго міровоззрѣнія, которое, съ одной стороны, должно давать отвѣтъ на вопросъ о мѣстѣ соціальной жизни во вселенной, а съ другой—дать идеальный критерій, который помогъ бы мыслящему человѣку разобраться среди разнообразныхъ, перекрещивающихся и часто отрицающихъ другъ друга стремленій отдѣльныхъ индивидуумовъ и общественныхъ группъ.

Однако, главнаго все еще недоставало. Какъ выработка соціальнаго міровоззрѣнія со стороны соціальной философіи, такъ и систематизированіе соціальной дѣятельности со стороны соціальной политики все еще какъ будто висѣли въ воздухѣ, не имѣя твердой и надежной точки опоры; имъ все еще недоставало той строгой научной подкладки, которая одна въ состояніи гарантировать вѣрное сужденіе о вещахъ и безошибочный выборъ средствъ для достиженія извѣстныхъ цѣлей; недоставало, другими словами, научнаго объясненія бросающагося въ глаза взаимодѣйствія общественныхъ явленій, недоставало точнаго установленія причинной связи между различными соціальными силами и элементами, отсутствовало точное знаніе о дѣйствующихъ въ сферѣ соціальной жизни законовъ. Ни соціальная философія, ни соціальная политика по своему существу не въ состояніи были собственными силами добиться такого рода знанія. Явилась потребность въ созиданіи новой дисциплины, которая, вооруженная многовѣковымъ опытомъ другихъ отраслей положительнаго знанія, видѣла бы свою задачу въ томъ, чтобъ удовлетворить народившуюся потребность въ положительномъ знаніи и въ области соціальной жизни. Эта новая дисциплина, возникшая только нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ и окрещенная нѣсколько странно звучащимъ именемъ «*Соціологія*», имѣетъ по существу своему полное право назваться истинной *наукой*, несмотря на то, что она до сихъ поръ не можетъ похвалиться особенно значительными успѣхами, ибо, какъ всякая наука, соціологія стремится научными средствами все-

сторонне изучить подлежащія ея вѣдѣнію явленія, не заботясь о томъ, какое примѣненіе получатъ открытыя или установленныя ею истины.

Но если развитіе первыхъ двухъ дисциплинъ въ общемъ совершалось безъ особенныхъ треволненій, то новой дисциплинѣ, соціологіи, пришлось чуть ли не съ перваго дня своего появленія выдерживать всевозможныя нападки, направленныя съ различныхъ сторонъ. Между прочимъ, ей приходилось неоднократно выслушивать, съ одной стороны, упреки въ томъ, будто она занимается изученіемъ предметовъ, которые издавна изслѣдовались другими дисциплинами, а съ другой, что она поставило себѣ задачи, рѣшеніе которыхъ съ самаго начала должно быть признана невозможнымъ. Однако, несмотря на эти нападки соціологіи удалось завербовать въ извѣстномъ смыслѣ себѣ право и даже въ значительной степени укрѣпить свою позицію. И если и нельзя отрицать, что соціологія до сихъ поръ не была еще въ состояніи установить законы, дѣйствующіе въ области соціальной жизни, то нельзя не признать и того, что надежды, возлагаемыя на нее съ различныхъ сторонъ, съ каждымъ днемъ крѣпнутъ и развиваются, въ то время какъ число относящихся къ ней скептически въ такой же степени уменьшается.

Только съ основаніемъ соціологіи могла быть рѣчь о возможности стройной цѣльной системы знанія о соціальной жизни. И если эта система въ настоящее время далеко еще не закончена со всѣхъ сторонъ, и если содержаніе каждой отдѣльной части этой системы пока еще не можетъ быть названо очень богатымъ, то, тѣмъ не менѣе, всѣ главные контуры этой чрезвычайно важной по своему значенію для человѣческой культуры системы знанія уже теперь съ достаточной ясностью выступаютъ наружу. Всѣ три дисциплины, о которыхъ была рѣчь выше, могутъ уже теперь работать рука объ руку; разграниченіе сферъ дѣятельности этихъ дисциплинъ, установленіе точныхъ и опредѣленныхъ задачъ для каждой изъ нихъ дѣлаетъ возможнымъ весьма плодотворное раздѣленіе труда въ одной и той же области при одномъ и томъ же предметѣ. Впредь научные результаты соціологическихъ изслѣдованій будутъ вести къ тому, что конструкціи соціальной философіи наполняются положительнымъ содержаніемъ, находящимся въ полномъ соотвѣтствіи съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей; они, иначе выражаясь, будутъ вести къ тому, что соціальные идеалы, которые впредь будетъ вырабатывать соціальная философія, станутъ въ полномъ смыслѣ слова жизнеспособными. Соціальная политика, конечная цѣль которой заключается въ нахожденіи соотвѣтствующихъ средствъ для осуществленія человѣческихъ стремленій и желаній въ сферѣ соціальной жизни или, что то же самое, для проведенія соціально-философскихъ идеаловъ въ жизнь, будетъ имѣть возможность пользоваться данными соціологіи съ тѣмъ, чтобъ съ возможно меньшей затратой силъ и энергіи направить процессъ развитія общественныхъ элементовъ въ желательную сторону.

Является теперь вопросъ: поведетъ ли дальнѣйшее развитіе соціологіи къ тому, что и въ области остальныхъ двухъ дисциплинъ не будетъ основанія для одновременнаго существованія нѣсколькихъ разнородныхъ системъ; поведетъ ли это развитіе къ тому, что и въ тѣхъ дисциплинахъ создастся одна стройная система, которая одна только и будетъ олицетворять собою истину и которая поэтому должна будетъ признана всѣми мыслящими безъ исключенія?

Отвѣтить на этотъ вопросъ точно и опредѣленно кажется намъ въ настоящее время вещью рискованной. Что соціологія будетъ въ состояніи, наравнѣ съ другими науками, устанавливать научныя положенія, въ вѣрность которыхъ никто не будетъ имѣть возможности усомниться, мы можемъ считать въ настоящее время вопросомъ вполнѣ рѣшеннымъ. Но точно также, какъ данныя другой какой-либо точной науки могутъ быть примѣняемы для достиженія разнородныхъ, подчасъ даже самыхъ противоположныхъ цѣлей, и данныя соціологіи будутъ, весьма вѣроятно, служить интересамъ разнообразнаго характера. До тѣхъ поръ, пока въ человѣческомъ обществѣ будутъ существовать различные классы, интересы которыхъ окажутся враждебными другъ другу, до тѣхъ поръ эти борющіеся между собою интересы и будутъ создавать потребности, стремленія и идеалы, которые тоже будутъ вести между собою борьбу за существованіе. Каждый отдѣльный классъ и тогда будетъ имѣть свое собственное міровоззрѣніе, а слѣдовательно, и свою собственную соціальную философію. Въ такомъ же точно положеніи и будетъ находиться соціальная политика, ибо разница въ цѣляхъ должна будетъ оказать свое вліяніе и на комбинацію и характеръ средствъ, на содержаніе и форму общественной дѣятельности. Но даже и при этихъ условіяхъ соціологія будетъ въ состояніи оказывать весьма важныя услуги, ибо установленныя ею истины съ самаго начала сдѣлаютъ многія иллюзіи невозможными, а, съ другой стороны, многія надежды болѣе основательными; они укажутъ границы возможнаго, но и откроютъ новые дотолѣ неизвѣстные горизонты и побудятъ такимъ образомъ къ новымъ усиліямъ и новой дѣятельности.

Но если когда-либо классовая рознь и классовая борьба исчезнутъ изъ среды человѣческаго общества, если когда-либо будутъ устранены причины, заставляющія членовъ человѣческаго общества вступать въ борьбу другъ съ другомъ, и идеалы свободы, равенства и братства найдутъ свое осуществленіе въ дѣйствительной жизни, тогда на широкомъ и прочномъ базисѣ науки о человѣческомъ общежитіи, безъ сомнѣнія, будетъ воздвигнута единая стройная соціально-философская система, въ служеніе которой для блага всего человѣчества станетъ такая же единая нераздѣльная система соціальной политики.

Проф. Н. Райхесбергъ.

ПО АМУРУ И ПРИАМУРЬЮ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ 1901 года).

(*Окончаніе* *).

VI.

Амурскіе помѣщики.

Вотъ сожженная манчжурская деревня Будунда. Остатки стѣнъ, груды перегорѣвшей глины, мѣстами почти неповрежденныя огнемъ конусообразныя печи, обгорѣлые столбы изгородей; кое-гдѣ валяются маленькіе жерновки отъ китайскихъ ручныхъ мельницъ; на огородахъ гряды, заросшія густымъ и крупнымъ бурьяномъ, среди котораго мѣстами пробивается самосѣвный лукъ.

— Народъ-то куда дѣвался?—спрашиваемъ ямщика.

— Ушли,—нехотя отвѣчаетъ ямщикъ...—А которыхъ побили,—добавляетъ онъ послѣ непродолжительнаго молчанія,—кто уходить не хотѣлъ. Какъ стали жечь Будунду, они попрятались въ травѣ да въ кустахъ; послали команду ихъ искать, да всѣхъ и перебили.

— Кто же это билъ-то?—спрашиваемъ.

— Да такъ, всякій народъ: которые деревенскіе, а больше шпана разная изъ города набралась; ну, тоже и покорыстовались, котораго имущества манчжуры въ землю не попрятали.

Миновавъ Будунду, ѣдемъ нѣкоторое время долиною Зеи, по извилистой, торной дорогѣ, причемъ пересѣкаемъ широкую полосу бывшихъ манчжурскихъ пашенъ; теперь это сплошныя заросли высокаго бурьяна, сквозь который, однако, еще ясно видны характерныя для китайскихъ пашенъ узкія, прямыя, какъ стрѣла, грядки. На переѣздѣ черезъ небольшое болотце, тянущееся вдоль внѣшняго края долины, вся наша тройка проваливается по брюхо; оказывается, устроенная бывшими обитателями Будунды крѣпкая гать разобрана на топливо переселенцами, которымъ въ прошломъ году было дозволено собрать манчжурскій хлѣбъ. Затѣмъ поднимаемся на невысокій увалъ, густо поросшій дубовымъ кустарникомъ, и выѣзжаемъ на безпредѣльную

*) См. «Міръ Божій», № 6, іюнь, 1902 г.

степь, во всѣ стороны раскинувшуюся своими пологими, куполообразными перевалами. Куда ни взглянетъ глазъ, вездѣ сплошныя распаханныя поля, среди которыхъ кое-гдѣ разбросаны небольшія рощицы, да въ разныхъ направленіяхъ протянулись сѣнокосныя низины.

Едва поднявшись на увалъ, мы переѣзжаемъ черезъ неширокій ровъ, сплошь заросшій кустарникомъ. Это—«манчжурская канава», граница бывшихъ манчжурскихъ, нынѣ отданныхъ казакамъ земель бывшаго за-Зейскаго района; а вдоль этой канавы протянулся длинный рядъ такъ называемыхъ «нумерныхъ» участковъ—небольшихъ земельныхъ дачекъ, нарѣзанныхъ и распроданныхъ въ частныя руки со спеціальною цѣлью—прекратить расплываніе въ стороны манджурскихъ запашекъ. За полосою «нумерныхъ» участковъ располагается нѣсколько молоканскихъ селеній—Тамбовка, Толстовка, Жарикова, Гильчинъ, и въ перемежку съ ихъ надѣлами, группируясь преимущественно вдоль рѣчки Гильчина, разбросаны также многочисленные участки частнаго владѣнія.

Меня очень интересовали «амурскіе помѣщики»—эти единственные въ Сибири серьезные зачатки частнаго землевладѣнія и частновладѣльческаго хозяйства, въ которыхъ одни видятъ главную опору будущаго агрикультурнаго и всякаго иного прогресса Сибири, а другіе ничего не видятъ, кромѣ безполезной растраты цѣннаго государственнаго достоянія, и мнѣ поэтому очень любопытно было хоть мимоходомъ посмотрѣть на нѣсколько такихъ частновладѣльческихъ хозяйствъ.

Нашею ближайшею цѣлью была «Исаевская заимка»,—какъ я себѣ представлялъ по названію, помѣстье нѣкоего Исаева; и мы завидѣли эту заимку почти сейчасъ же, какъ только поднялись на валъ и переѣхали черезъ «Манчжурскую канаву». Но то, что я видѣлъ, повергло меня въ немалое изумленіе: вмѣсто помѣщичьей усадьбы передо мной открылось нѣчто въ родѣ небольшой деревни, окруженной рощицами молоденькаго, недавно запущеннаго лѣса: девять хорошихъ домовъ крестьянскаго типа, съ довольно плохо огороженными или вовсе неогороженными дворами, съ довольно неважными, по большей части, службами, и только на выѣздѣ красуются какія-то обширныя, но, очевидно, необитаемыя хоромы городского типа, а насупротивъ нихъ—небольшая двупоставная паровая мельница. Хоромы съ мельницей и при нихъ 350 десятинъ земли,—это собственно и была настоящая Исаевская заимка. Девять жилыхъ домовъ—это усадьбы молоканъ, владѣющихъ участками отъ семидесяти пяти до четырехсотъ десятинъ каждый; трое изъ этихъ молоканъ купили сообща Исаевскую заимку; мельницу и при ней пятьдесятъ десятинъ оставили пока въ общемъ владѣніи, а остальныя триста десятинъ подѣлили на три равныя доли.

Заѣзжаемъ въ одинъ изъ девяти дворовъ. Заходимъ въ избу, просимъ квасу. Завязывается разговоръ; кромѣ хозяина избы, главы

семьи въ двадцать семь душъ, въ разговорѣ принимаютъ участіе и собравшіеся сосѣди—все крѣпкій, рослый народъ, настоящіе мужики по облику и одеждѣ. Изъ разговора оказывается, что строй жизни этихъ девяти дворовъ—настоящій деревенскій: у нихъ есть выборный староста, гоняются очередныя подводы; общее усадебное мѣсто—на сходящихся углахъ четырехъ сосѣднихъ участковъ; хлопочутъ объ отводѣ полоски земли спеціально подъ общій выгонъ.

— Вотъ вы какъ живете,—высказываю я свое изумленіе:—а я думалъ, что вы помѣщики, такъ помѣщики и есть,—своими усадьбами живете.

— Какіе мы, ваше б-діе, помѣщики,—возражаетъ хозяинъ избы:—мы мужики, по-мужицки живемъ, всю жизнь въ землѣ роемся...

— Они всегда другъ къ дружкѣ жмутся, стараются деревнями жить,—разъясняетъ мой спутникъ, мѣстный обыватель, вдоль и поперекъ знающій всѣхъ заемщиковъ.

— Да какъ же, баринъ,—говоритъ одинъ изъ заемщиковъ,—намъ иначе и жить-то? Вотъ, деревней поселились, и учителя собча нанимаемъ, и выгонъ у насъ общій будетъ, и мельницей ловчѣе пользоваться будетъ; да и жить-то на міру веселѣй, нежели по одиночкѣ.

Начинаю разспрашивать о хозяйствѣ. Оказывается, что заимщики пораспахали уже почти всѣ свои земли; залоги (цѣлины) парятъ, начинаютъ оставлять подъ паръ и «мятыя» земли, постепенно переходя такимъ образомъ къ общесибирской залежно-паровой системѣ полеводства; пашутъ плугами—«козульками» (американской фирмы «Deer» съ оленемъ въ качествѣ марки), нѣкоторые—двухлемешными; всѣ имѣютъ жнеи-«адріанки» («Adriance. Platt»), трое только что купили сноповязалки; у троихъ есть молотилки, остальные пользуются молотилками у этихъ трехъ, платя за обмолотъ хлѣба по 4 р.—4 р. 50 к. съ десятины. Сѣютъ пшеницу, много овса, частью на зерно, частью на зеленый кормъ; начинаютъ дѣлать посѣвы черныхъ китайскихъ бобовъ (сои), вводя, такимъ образомъ, въ сѣвооборотъ начало плодосмѣна. Лошади по большей части привозныя, томскія, рогатый скотъ мѣстный, монгольскій, овцы по большей части перродъ отъ таврическихъ, слабыя, плохо переносящія мѣстный климатъ; есть и мѣстныя, плохой породы. Словомъ, хозяйство обычнаго для данной мѣстности крестьянскаго типа. Обработаны поля очень хорошо и аккуратно, но и здѣсь я не замѣчаю отличія отъ полей сосѣднихъ деревень. Да и сами заимщики не считаютъ себя въ чемъ-либо выдающимися хозяевами. «Который крестьянинъ бѣдный,—отвѣчаютъ они на мой вопросъ,—тому гдѣ же противъ насъ землю обработать; а ежели у котораго деревенскаго сила, тотъ намъ нисколько не уважитъ»...

Побесѣдовали, напились квасу,—и дальше. Почти сплошныя пашни, прерывающіяся небольшими сѣнокосными лощинками или полосками цѣлины, заросшей орѣшникомъ. На каждой полуверстѣ, то справа, то

слѣва, виднѣются толстые-претолстые межевые столбы, поставленные на границахъ отдѣльныхъ владѣній. Минуемъ небольшіе участки—въ пятьдесятъ и въ сто десятинъ—Крахмалева и Красина; вотъ жмутся другъ къ другу ихъ усадьбы—плохенькія крестьянскія избы, жалкія хозяйственныя постройки; у Крахмалева, оказывается всего три лошади, такъ что поднимать цѣлину ему приходится помощью супряги. Минуемъ въ густой рощѣ усадьбу другого Крахмалева—большой домъ, невысокіе крѣпкіе амбары и почему-то—типичная хохлацкая клуня; недоѣзжая усадьбы—широкая полоса чернаго пара и обширнаго поля, засѣянныя пшеницей.

— А вотъ тамъ, слѣва,—говоритъ мой спутникъ,—у Л-на четыреста десятинъ...

Л—въ благовѣщенскій коммерсантъ, заводчикъ и спекулянтъ, раскинувшій свои сѣти по всему Амуру и всему Забайкалью.

— А что-жъ онъ съ ними дѣлаетъ,—спрашиваю я?

— Да что жъ дѣлаетъ? Ничего не дѣлаетъ, ждетъ; а придетъ время—найдетъ, какъ деньгу нажить. Вѣдь сейчасъ ужъ землю по пятнадцати да по тридцати рублей за десятину продаютъ, а покупали-то по три двадцать пять... Много ихъ, такихъ-то... Вотъ сейчасъ одинъ баринъ хлопочетъ, чтобы ему тысячу двѣсти десятинъ отвели; обѣщаетъ край облагодѣтельствовать—мельницу паровую поставить. Тоже, подумаешь, благодѣтель! Тутъ мельницъ-то сколько угодно—однѣхъ паровыхъ въ этой мѣстности четырнадцать штукъ. А себя-то, конечно, облагодѣтельствуетъ: купитъ за четыре тысячи, продастъ черезъ годъ за пятнадцать—барыш хорошій... Да еще подай ему непремѣнно междугранокъ между деревнями, чтобы мужичковъ нажать хорошенько—тоже благодѣяніе для края...

Еще нѣсколько межевыхъ столбовъ, такихъ же толстыхъ. Затѣмъ столбы исчезаютъ, и дорога нѣсколько верстъ тянется черезъ прекрасно обработанныя, на видъ, поля деревни Толстовки. Вотъ и Толстовка—деревня въ семьдесятъ съ небольшимъ дворовъ, изъ нихъ девять—баптисты, остальные—молокане—все Косицыны, Ланкины, Саяпины, Тулуповы, Лиштаевы.

Ѣдемъ по длинной-длинной улицѣ. Огромные дворы (на Амурѣ подъ усадьбы нарѣзается по десятинѣ—вчетверо больше, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ Сибири), передъ домами—полисаднички, кое-гдѣ цвѣтники; дома все большіе, крѣпкіе, нѣкоторые городского типа, съ верандами, другіе—крестьянской постройки; большіе, крѣпкіе амбары. Заѣзжаемъ на въѣзжую квартиру—она оказывается занятою: остановился благовѣщенскій адвокатъ, возвращающійся съ описи имущества у одного изъ ближайшихъ молоканъ-заимщиковъ. Сельскій староста подсаживается къ намъ въ экипажъ, проводитъ насъ на другую квартиру. Въ темнотѣ—было около десяти часовъ вечера—насъ обгоняетъ какая-то фигура... на велосипедѣ.

— Это кто-жъ такой?—спрашиваемъ старосту.

— А кузнецъ здѣшній, велосипедъ завелъ.

— А куда-жъ онъ на немъ ѣздитъ?

— Да куда случится: къ своимъ ѣздитъ въ гости, въ другія деревни, а то просто разгуляться.

Ну, не американцы-ли?..

Вотъ, наконецъ, и желанная квартира: домъ изъ двухъ обширныхъ половинъ; въ «избѣ», рядомъ съ русскою печкой, американская ручная помпа («у насъ у всѣхъ такія,—объясняетъ хозяинъ на мой вопросъ,—а то больно трудно бабамъ-то воду таскать»). Отъ чистой комнаты отгорожено, по молоканскому обычаю, двѣ или три маленькихъ клѣтушки, по одной для каждой брачной пары; въ углу и еще гдѣ-то стоятъ двѣ ручныхъ швейныхъ машины («въ Россіи у бабы прялка,—замѣчаетъ мой спутникъ,—а здѣсь швейная машина»).

Толстовка очень зажиточная и при томъ—равномѣрно зажиточная деревня: богачи сѣютъ по 90—100 молоканскихъ десятинъ (=1½ казенной десятины), самые бѣдные—не менѣе пятнадцати, двадцати десятинъ каждый. Распахали рѣшительно всю надѣльную землю, кромѣ мокрыхъ низинъ. Сѣнокосовъ почти не оставили—косятъ низины и залежи, но тѣхъ и другихъ тоже осталось мало; сѣютъ поэтому много овса на зеленый кормъ, сѣяли и китайскіе бобы, но не развели своихъ сѣмянъ, а покупали у манчжуръ, а потому, теперь, съ изгнаніемъ манчжуръ, пришлось, вѣроятно, временно прекратить посѣвы бобовъ. Хозяйство въ основѣ своей, какъ вездѣ, самое первобытное: сѣютъ хлѣбъ за хлѣбомъ по двѣнадцати и болѣе лѣтъ подрядъ, безъ отдыха и пара; но зато по части орудій и машинъ Толстовка вмѣстѣ съ сосѣднею Тамбовкой ничуть не уступаютъ самымъ богатымъ частновладѣльческимъ заимкамъ: и въ той, и въ другой есть хозяева, имѣющіе машинъ на четыре или на пять тысячъ рублей; всѣ болѣе состоятельные хозяева отъ болѣе дешевыхъ заводскихъ пахатныхъ орудій перешли къ дорогимъ плугамъ съ сидѣньемъ; большинство имѣетъ рядовыя сѣялки, сортировки; жнеи - «адріанки» уже выходятъ изъ употребленія: въ Толстовкѣ уже въ 1900 году работало двѣнадцать сноповязалокъ, а нынѣ весной заказали еще двадцать четыре; у двѣнадцати хозяевъ молотилки—изъ нихъ одна приспособлена къ локомобилю паровой мельницы...

Ѣдемъ дальше, все по такой же слабо волнистой сторонѣ, по большей части сплошь распаханной, а по непаханнымъ мѣстамъ то густо уросшей мелкимъ орѣшникомъ, то усѣянной желтыми лиліями и блѣдно-лиловыми ирисами. Минуемъ опять нѣсколько межевыхъ столбовъ и видимъ въ сторонѣ, среди небольшихъ рощицъ, нѣсколько частновладѣльческихъ усадебъ. Затѣмъ столбы исчезаютъ, и мы ѣдемъ опять сплошными, превосходно обработанными пашнями, любуясь густыми, ровными и чистыми хлѣбами. Это—пашни деревни Тамбовки, той са-

мой Тамбовки, задолженность которой въ банкахъ исчисляется уже сотнями тысячъ рублей.

Тамбовка—большая деревня въ сто шестьдесятъ дворовъ, тоже молоканъ и частью баптистовъ,—все такіе же Ланины, Косицыны и т. п. На видъ улицы Тамбовки лучше благовѣщенскихъ: почти сплошь желѣзныя крыши, дома съ балконами или верандами, окрашенные масляною краскою въ разнообразнѣйшіе цвѣта; громадные, крѣпкіе амбары съ тесовыми крышами, спеціальные сараи для земледѣльческихъ машинъ. При этомъ, однако, заборы по большей части очень плохи: это все жалкія изгороди, у нѣкоторыхъ замѣняемыя канавами и валиками. Это—вліяніе безлѣсья, уже заставившаго тамбовцевъ (какъ и жителей Жариковой, Гильчина и другихъ селеній) подумать о возстановленіи лѣса и запустить подъ лѣсъ довольно большую площадь мокрой заросли. Громадныя запашки, несмотря на стодесятинный на семью надѣлъ, заставили почувствовать «утѣсненіе» и въ пахатной землѣ, и это утѣсненіе, какъ вездѣ въ Сибири, привело уже въ Тамбовкѣ къ передѣлу ближайшей къ селенію части пахатныхъ земель.

Благосостояніе въ Тамбовкѣ менѣе равномѣрно, нежели въ Толстовкѣ: въ Тамбовкѣ не мало хозяевъ, засѣвающихъ болѣе сотни «молоканскихъ» десятинъ, а восемь изъ числа тамбовскихъ молоканъ, продолжая жить въ деревнѣ и пахать надѣльную землю, владѣютъ и участками купчей земли. Но не мало и бѣдноты, засѣвающей по 2—3 десятины, а то и вовсе не имѣющей посѣва. Усовершенствованныя орудія и машины, какъ я уже говорилъ, не менѣе и даже болѣе въ ходу, нежели въ Толстовкѣ, причемъ покупаютъ ихъ не только богачи, но и сравнительно бѣдные хозяева—«молокане ужъ такой народъ—нѣтъ денегъ, такъ найдутъ»: молотилки «почесть-что въ каждомъ дворѣ», у богатыхъ—дорогія, съ вѣялкой, у менѣе состоятельныхъ—подешевле; сноповязалокъ въ 1900 году работало двадцать, весною 1901 года закупили еще пятьдесятъ; рядовыя сѣялки, сортировки, косилки и т. п. Проѣзжало, говорятъ, по области одно чрезвычайно высокое начальство. Мѣстныя власти, на показъ этому лицу, велѣли тамбовцамъ и толстовцамъ выстроить въ шеренгу всѣ ихъ машины—начальство такъ и развело руками!..

Отъ границы тамбовскаго надѣла ѣдемъ, можно сказать, черезъ самое сердце амурскаго частнаго землевладѣнія: дорога идетъ внизъ по Гильчину, вдоль праваго берега котораго, вплоть до самой «Манчжурской канавы», сплошною лентой вытянулись молоканскія заимки.

Вотъ заимки Өедора и Евстигнея Косицыныхъ и Тулупова—поселочекъ въ четыре двора, у всѣхъ четырехъ стодесятинные участки; одна изъ четырехъ усадебъ роскошная, другія попроще; пашни вытянуты обширными сплошными полями, засѣянными подъ одну межу, но обработаны плохо и сильно заросли сорными травами.

Вотъ другой поселочекъ, немного побольше—это заимка Епифана

Ланкина съ товарищами. Заходимъ въ первую попавшуюся избу—къ старику Тулупову, одному изъ «первыхъ жителей» заимки; коренастый, крѣпкій старикъ, чисто крестьянскаго облика; простой крестьянскій дворъ съ большимъ сараемъ для машинъ; за дворомъ крохотная тѣнистая рощица, въ ней столикъ и скамейка.

— Изъ первыхъ я здѣсь, баринъ, изъ первыхъ,—отвѣчаетъ на наши разспросы старикъ Тулуповъ:—вшестеромъ мы заимку-то заводили. Купили наперво пятьсотъ, потомъ еще триста десятинъ, отдѣлили мѣстечко подъ дома да для скота выпуска, а прочую землю подъ посѣвъ дѣлимъ: подѣлимъ уголъ, снимемъ три хлѣба, бросимъ отдыхать и новый уголъ дѣлимъ.

Дѣлятъ землю на шесть равныхъ паевъ; но Тулуповъ выдѣлилъ одного изъ своихъ четырехъ сыновей, которому теперь, при раздѣлѣ пашни отводится соотвѣтствующая доля; а другой товарищъ, Поповъ, умеръ, и его доля разбилась между шестью его сыновьями.

— Худо живутъ парни,—разсказываетъ старикъ Тулуповъ,—все споры у нихъ, до суда доходили. Да вотъ съ Ланкиными, съ Трофимомъ да съ Евдокимомъ, пособиться не можемъ; выдѣлять хотятъ паи-то, да мы ихъ не пускаемъ.

Какъ оказалось затѣмъ, кромѣ своего пая въ общемъ владѣніи, Тулуповъ имѣетъ еще два участка, купленныхъ единолично, одинъ въ сто двадцать, другой въ полтораста десятинъ; засѣваетъ около семидесяти десятинъ,—все тѣ же пшеница, овесъ да китайскіе бобы. Своими машинами Тулуповъ непремѣнно захотѣлъ намъ похвалиться: повелъ насъ въ сарай, гдѣ показалъ намъ три плуга съ сидѣніями, конныя грабли, сноповязалку, молотилку, рядовую сѣялку.

— Всѣ деньги, баринъ, на эти машины уходятъ—домъ вотъ у насъ плохонекъ, да все не соберусь новый ставить, а на машины и нѣтъ денегъ, такъ найдешь.

Идемъ пѣшкомъ къ Евдокиму Ланкину, владѣющему, кромѣ пая въ той же артели, еще девятьюстами десятинами, изъ которыхъ четыреста прикуплены недавно, уже по пятнадцати рублей за десятину. Роскошный городской домъ, огромный дворъ, нѣсколько большихъ амбаровъ, обширный сарай съ земледѣльческими орудіями и машинами; рядомъ доканчивается постройка паровой мельницы съ пятнадцатисильнымъ локомобилемъ. Самого Евдокима не оказывается дома. Его сынъ, лощеный парень, въ лакированныхъ ботфортахъ, не проявляетъ особенной склонности къ разговорамъ, а потому мы ограничиваемся посѣщеніемъ машиннаго сарая съ паровою молотилкой, тремя сноповязалками, тремя конными граблями и всею прочею «снастью», потребною для обработки и уборки ста двадцати молоканскихъ десятинъ, и черезъ калитку проходимъ къ другому Ланкину — Трофиму.

Такой же громадный дворъ; домъ гораздо проще, но очень просторный; обстановка самая простая, и только бросается въ глаза, на

стѣнѣ, коллекція хорошихъ винтовокъ разнообразныхъ иностранныхъ системъ. Самъ Трофимъ—коренастый мужчина, мѣщанскаго облика, съ хитрыми, пронизывающими глазами, по бо́льшей части живетъ въ городѣ и только наѣзжаетъ на заимку; какъ и большинство состоятельныхъ молоканъ, онъ далеко не исключительно сельскій хозяинъ: онъ ведетъ, кромѣ того, и крупныя торговыя дѣла, главнымъ образомъ, разныя поставки на пріиски, а въ 1900 году онъ заработалъ, ни много, ни мало, двадцать тысячъ рулей на перевозкѣ военныхъ грузовъ въ Цицикаръ и въ другіе пункты бывшей на военномъ положеніи Манчжуріи. Ближайшее завѣдываніе хозяйствомъ на заимкѣ лежитъ на двухъ изъ сыновей Трофима—тоже вылощенныхъ юношахъ въ лакированныхъ ботфортахъ. Земли у Трофима меньше, чѣмъ у Евдокима—кромѣ пая въ артельномъ участкѣ, онъ имѣетъ всего шестьсотъ десятинъ; но засѣваетъ онъ больше—до полутораста десятинъ, имѣетъ еще бо́льшій мертвый инвентарь и также обладаетъ паровою мельницею. Хозяйство Трофима имѣетъ менѣе казовый видъ, нежели у Евдокима, но въ сущности ведется, повидимому, лучше и имѣетъ болѣе, такъ сказать, прогрессивный характеръ: онъ выписываетъ—впрочемъ, пока безъ особаго успѣха—улучшенные сорта пшеницы и овса, собирается устраивать конскій заводъ, строитъ кожевню. Но особенную гордость Трофима составляетъ его садъ—большая площадь, правильно засаженная фруктовыми деревьями; деревья, впрочемъ, почти все мѣстныхъ, плохихъ породъ, непривитыя, и только въ нынѣшнемъ году высажено нѣсколько экземпляровъ привозныхъ породъ, купленныхъ у выписавшаго нѣсколько тысячъ саженцевъ молокана же Косицына.

Минуемъ еще нѣсколько заимокъ: вотъ заимка Тимашевыхъ съ товарищами, — опять небольшой поселокъ изъ семи дворовъ, владѣющихъ небольшими, по бо́льшей части стодесятинными участками; вотъ заимка Лаврентія Дружина — крупное хозяйство съ восемьюстами десятинами земли и паровою мельницею, только что разбившееся по семейному раздѣлу на нѣсколько частей. Ѣдемъ дальше внизъ по Гильчину, за рѣкою видимъ утопающую въ садикахъ и рощахъ деревеньку Жарикову.

— Банкротовкой ее зовутъ, — говоритъ мой спутникъ: — проторгуется благовѣщенскій купецъ изъ молоканъ — сейчасъ записывается въ крестьяне въ Жарикову; ужъ сколько ихъ такъ позаписалось!

Вотъ и еще заимка, на самомъ краю Гильчинскаго увала — всего два двора. Это заимка Фокина и Никифора Болотина. Хозяйство послѣдняго одно изъ самыхъ извѣстныхъ въ краѣ, приводимыхъ въ примѣръ культурнаго значенія частнаго землевладѣнія, а потому мы заходимъ на нѣсколько минутъ еще и на Болотинскую заимку. Простая постройка, безъ всякихъ городскихъ затѣй; крестьянскаго обличья и самъ хозяинъ—одинъ изъ двухъ братьевъ Болотиныхъ. Но хозяйство одно

изъ самыхъ крупныхъ: восемьсотъ десятинъ земли, посѣва полтораста молоканскихъ десятинъ, четыре плуга съ сидѣньями, три сноповязалки. Гордость Болотиныхъ—это ихъ конный заводъ изъ 25—30-ти матокъ мѣстной породы, съ томскими производителями; лошади раскупаются и въ Благовѣщенскѣ, и по деревнямъ, по триста рублей и дороже за штуку. Рогатый скотъ тоже хорошій, но мѣстной породы, безъ всякихъ попытокъ улучшенія извнѣ.

— Отчего вы скота не выпишите изъ Россіи? — спрашиваетъ мой спутникъ Болотина.—Тоже бы заводъ завести могли!

— Да думаю выписать, только все руки не доходятъ. А слыхать Косицынъ поѣхалъ ужъ въ Россію быковъ покупать?

— Поѣхалъ, вагонъ разсчитываетъ привезти.

— Какой это Косицынъ? заимщикъ? — спрашиваю я.

— Нѣтъ, крестьянинъ. А вотъ я тутъ еще другого человѣчка подбиваю за скотомъ ѣхать, должно быть ноньче поѣдетъ; тотъ изъ заимщиковъ...

Еще нѣсколько верстъ по долинѣ Гильчина, у самаго подножья увала. Затѣмъ мы пересѣкаемъ долину и въѣзжаемъ черезъ деревню Гильчинъ—опять все Саянины, Ланкины и Косицыны. И здѣсь помпы Нортона въ избахъ, обширные дворы, крѣпкіе амбары, но застройка сравнительно простая, безъ того шика, какъ, напримѣръ, въ Тамбовкѣ.

— Небось, поплоше живете противъ тамбовскихъ? — спрашиваю я одного изъ многочисленныхъ Саяниныхъ.

— Кто его знаетъ, ваше бл-діе,—отвѣчаетъ Саянинъ, слегка обиженнымъ тономъ.—Строеніе-то у насъ не такое, какъ въ Тамбовкѣ, а машинъ — подходяще; а ужъ посѣвами и скотомъ наши и вовсе не уважатъ тамбовскимъ.

Подъ проливнымъ дождемъ выѣзжаемъ изъ Гильчина, чтобы прямикомъ, черезъ бывшія манчжурскія земли, проѣхать въ Благовѣщенскъ. Нашей тройкѣ предстоитъ нелегкая задача—провезти насъ слишкомъ пятьдесятъ верстъ по сильно размоченной дорогѣ, но рѣзвыя забайкалки блистательно справляются съ этою задачей.

— Вотъ томскимъ лошадямъ ни въ жисть этакъ не вывезти,— говоритъ нашъ ямщикъ, а эти—и глядѣть не на что, а посмотрите, подъ конецъ еще рѣзвѣй побѣгутъ.

Проѣхали нѣсколько верстъ гильчинскими полями. Миновали послѣднюю заимку—одного изъ Лиштаевыхъ, владѣльца стодесятиннаго участка: скромная изба, очень мало хозяйственныхъ построекъ, но около дома тѣнистая рощица со скамьями и качелью.

Сейчасъ же за заимкой — «Манджурская канава», а за нею опять та же мерзость запустѣнія, которую я уже видѣлъ въ Будундѣ: тѣ же кучи глины, обгорѣлые столбы, полуобвалившіяся печи на мѣстахъ бывшихъ манчжурскихъ селеній; тѣ же заросшіе густымъ, темно-

зеленымъ бурьяномъ огороды и также заросшія бурьяномъ, но иного типа, пашни, съ ясно видными еще гребнями или грядками.

— И что у нихъ за огороды были, — скорбитъ мой спутникъ, — какъ они приспособились къ спросу! Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ я пріѣхалъ въ Благовѣщенскъ — у нихъ только свои, китайскіе овощи были: а подъ конецъ чего только они ни разводили: и салатъ, и круглую редиску, и кочанную капусту, и цвѣтную!

— Насидятся теперь благовѣщенцы безъ овощей,—говорю я.

— Ну, нѣтъ, сейчасъ-то овощей, дѣйствительно, мало, но будутъ; крестьяне разведутъ: прежде конкуренція манджуръ была имъ не подъ силу, а потому они не занимались огородами; а теперь уже начали выписывать сѣмена и раздѣлывать землю подъ огороды.

Какъ и подъ Будувдою, мерзость запустѣнія отразилась и на самой дорогѣ: и здѣсь гати и мосты разобраны на дрова переселенцами-могилевцами, проводившими здѣсь лѣто и снимавшими манчжурскій хлѣбъ.

Тяжелое, гнетущее впечатлѣніе производитъ эта пустыня, еще такъ недавно кипѣвшая жизнью и трудомъ...

— Теперь ничего, привыкли, — говоритъ, оборачиваясь къ намъ, ямщикъ.—А то съ весны жутко было ѣздить — пусто, никого нѣтъ... А прежде бывало все манчжуры, здороваются, разговариваютъ. «Амбà, говорятъ, куда пошелъ, какой деревня, какой дѣло».

Вотъ и Благовѣщенскъ.

VII.

Малый Хинганъ.

При яркомъ свѣтѣ полной луны, тысячами искръ переливающейся на мелкой ряби Амура, пароходъ нашъ огибаетъ замѣчательно красивый утесъ, по очертанію своему нѣсколько напоминающій Аю-Дагъ, около Гурзуфа, и съ большимъ трудомъ—изъ-за сильнаго теченія—пристаетъ къ казачьему поселку Пашковскому. Этотъ поселокъ стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Амуръ, пройдя около четырехсотъ верстъ въ низменныхъ, почти плоскихъ берегахъ, входитъ въ тѣснины Малаго Хингана.

Мы сходимъ съ парохода и, предшествуемые поселковымъ атаманомъ, скромнымъ человѣкомъ совсѣмъ не казачьяго вида, пробираемся ночевать на бездѣйствуюшую лѣтомъ почтовую станцію. При лунномъ свѣтѣ можно ясно различить довольно хорошіе жилые дома, но, какъ вездѣ въ казачьихъ селеніяхъ, съ плохо огороженными дворами и жалкими службами или же и вовсе безъ изгородей и хозяйственныхъ построекъ. Издали доносятся пьяные крики и пѣніе.

— Питейное,—спрашиваю атамана, показывая въ направленіи, откуда доносятся звуки?

— Питейное.

— Что-жъ это они разгулялись—кажись, не праздникъ?

— Помочь была у одного жителя, теперь угощаетъ.

— Косить началъ?

— Косить.

Переночевавъ, часовъ около семи утра идемъ на Амуръ купаться. По дорогѣ встрѣчаемъ человѣкъ пять казаковъ, въ фуражкахъ съ желтыми кантами,—всѣ уже навеселѣ,—пробирающихся къ питейному.

Съ выѣздомъ въ тайгу, въ виду изобилія «гнуса» въ утренніе часы, надо было ждать до послѣ-обѣда. Приходилось подумать о нашемъ продовольствіи. У хозяйки станціи, красивой молодой бабы, но съ какимъ-то безнадежнымъ уныніемъ, написаннымъ на лицѣ, къ нашему счастью, оказались яйца. Спрашиваемъ сметаны или творогу—ни того, ни другого нѣтъ: «Одна корова у насъ-то—пойду развѣ поспрошу у сосѣдей». Одна корова, въ очевидно, зажиточномъ дворѣ, съ двумя жилыми домами и почтовою станціей!..

Поиски хозяйки оказались тщетными: ни сметаны, ни творогу не оказалось въ цѣломъ поселкѣ.

— Сами съ голоду пропадаемъ:—извинялась баба:—всѣ пропились; сколько есть мужиковъ—всѣ въ кабакѣ сидятъ. Куръ и то въ кабакъ тащатъ. Какія у насъ угодья богатыя, а вовсе обнищали...

То же подтверждаетъ и поселковый атаманъ:

— Пашней,—говоритъ онъ,—да скотомъ у насъ мало занимаются; все больше около пріисковъ Любавинскихъ живутъ да около пароходовъ.

— Да около питейнаго?—спрашиваю я.

— Ну, и около питейнаго тоже,—безъ возраженій соглашается атаманъ.

Около часу начинаетъ сбираться нашъ таёжный обозъ. Является одинъ казакъ, приводитъ во дворъ лошадь и, взойдя въ нашу горницу, въ необыкновенно цивилизованныхъ выраженіяхъ разсказываетъ намъ о характерѣ и привычкахъ своей лошади.

— Прелестная, ваше бл—діе, лошадь,—заканчиваетъ онъ свое сообщеніе.

Приводятъ еще пару лошадей; въ комнату къ намъ заходитъ одинъ изъ нашихъ будущихъ проводниковъ, предупредить, что «по здѣшней системѣ лучше такъ, чтобы господамъ позади конюховъ (чисто пріисковый терминъ!) ѣхать,—отъ паута легче будетъ».

Наконецъ, нашъ небольшой обозъ готовъ—лошади засѣдланы, завьючены, и мы трогаемся въ путь. На первомъ же переходѣ выясняется, что наши «прелестныя» лошади совершенно безсильны, а вьючная, взятая изъ-подъ жеребенка, ложится чуть не въ каждой «падушкѣ», такъ что ее приходится развьючивать, вытаскивать изъ топи и опять вьючить: цивилизованные проводники-казаки—лодыри,

которые до самаго конца нашей экскурсіи такъ и не выучились тому, чему обыкновенно таёжные проводники выучиваются въ первый же день—именно, какъ слѣдуетъ перевязывать вьюки, откуда опять масса лишнихъ остановокъ и перевьючекъ. Въ конечномъ же результатѣ мы ни въ одинъ день этой экскурсіи не смогли пройти болѣе сорока верстъ, тогда какъ при менѣе цивилизованныхъ проводникахъ и лучшихъ лошадяхъ намъ и по худшимъ таежнымъ тропамъ удавалось проходить по шестидесяти и даже семидесяти верстъ въ день.

Поднимаемся сначала вверхъ по небольшой веселой рѣчкѣ Хингану. Путь идетъ по довольно широкой—въ 3—4 версты—долинѣ, окаймленной некрутыми горами или холмами, поросшими рѣдкимъ дубомъ или черною березой. Сама долина очень напоминаетъ, въ миніатюрѣ, конечно, долину Амура: низины съ рослою травою, усѣянною блѣдно-желтыми лиліями и красно-фіолетовыми ирисами, при закатѣ солнца принимающими чудный, почти бордово-красный оттѣнокъ; едва замѣтные «мыски», поросшіе густою травою луговолѣснаго типа съ массою піоновъ, красныхъ лилій, полового горошка и т. п.; «мыски» повыше, съ густою зарослью орѣшника, по которой разбросаны то отдѣльными деревьями, то небольшими рощицами, черная береза, ильмы, липа и т. п. породы. Симпатичная, веселая долина, почти сплошь удобная для заведенія, но пока, за исключеніемъ небольшихъ клочковъ казачьихъ пашенъ и покосовъ, совершенно пустынная.

Ночуемъ въ тридцати пяти верстахъ отъ Пашковой, при впаденіи въ Хинганъ другой, тоже бойкой и веселой рѣчки Сололи, на зимовьѣ, которое было построено и содержалось раньше владѣльцами ближайшихъ, нынѣ оставленныхъ пріисковъ; теперь оно служитъ жилищемъ для одного тунгуса и для семьи бывшаго нимовщика, совмѣстно занимающихся звѣринымъ промысломъ. На зимовьѣ застаемъ однихъ только ребятъ, которые и помогаютъ намъ просушивать подмокшія на бродахъ и въ болотахъ вещи, согрѣть воду для чая и консервированныхъ щей, развести дымокуры для предохраненія людей и лошадей отъ «гнуса».

На утро мы встаемъ съ разсвѣтомъ, чтобы сдѣлать какъ можно больше пути по утреннему холодку. Но, увы, наши казаки растеряли лошадей, и только въ седьмомъ часу, когда солнце уже начало порядочно жарить, намъ удается тронуться въ путь.

Сначала мы тянемся вверхъ по узкой долинѣ, вѣрнѣе лощинѣ, рѣчки Сололи. Какъ самая лощина, такъ и склоны окаймляющихъ ее довольно высокихъ и крутыхъ горъ—одной изъ многочисленныхъ вѣтвей Малаго Хингана, покрыты дремучею лиственничною тайгою, къ которой мѣстами подмѣшиваются то ель или пихта, то бѣлая береза; усѣянная каменными обломками почва долины густо заросла орѣшникомъ, шиповникомъ и другими кустарными породами, а вдоль самого русла Сололи тянется узенькая полоска болотистаго луга. Мало-

по-малу долина исчезаетъ и Сололи превращается въ горный ручей, почти безъ опредѣленнаго русла; двигаясь вверхъ по теченію этого ручья, то параллельно ему, на нѣкоторомъ разстояніи, то пересѣкая его десятки разъ, то ступая прямо по каменистому руслу, спотыкаясь о камни, увязая въ липкой глинѣ, наши лошади медленно ввозятъ насъ вверхъ по довольно отлогому, въ этомъ мѣстѣ, склону хребта. И здѣсь все та же типичная, по преимуществу лиственничная тайга съ густымъ подлѣскомъ изъ орѣшника, шиповника, дикаго жасмина, малинника, причемъ и древесныя, и кустарныя породы по хребту достигаютъ гораздо большаго роста, нежели въ долинѣ. Вязкая глинистая почва покрыта густою, рослою травою, и только на самомъ гребнѣ хребта изчезаютъ ирисы и лиліи.

За подъемомъ слѣдуетъ такой же спускъ, затѣмъ новый подъемъ и новый спускъ, обращенный къ востоку и по характеру растительности довольно рѣзко отличающійся отъ пройденныхъ раньше склоновъ: къ хвойной тайгѣ подмѣшивается крупная липа, кленъ, горный ильмъ; чѣмъ ниже спускаемся по склону, тѣмъ больше лиственныхъ породъ, тѣмъ гуще подлѣсокъ, мѣстами перевитый то дикимъ виноградомъ, то разными неизвѣстными мнѣ видами вьющихся растеній; появляются и новые виды травъ, съ которыми мнѣ пришлось ближе познакомиться впослѣдствіи, уже въ уссурійской тайгѣ.

Однако, этотъ восточный склонъ является лишь островкомъ болѣе южной, уссурійской флоры среди преобладающаго въ данной мѣстности моря лиственничной тайги. За этимъ склономъ, довольно широко на востокъ и юго-востокъ, разстилается возвышенное плоскогорье, изрѣзанное безчисленнымъ множествомъ рѣчекъ, ручьевъ и просто «падушекъ», составляющихъ рѣчную систему Сутара—большой рѣки, которая ниже по теченію принимаетъ названіе Большой Биры и впадаетъ въ Амуръ недалеко отъ Хабаровска. Это плоскогорье—область золотыхъ пріисковъ Хинганской или иначе—Сутарской системы.

Вотъ Любавинскіе пріиски: Ириновскій, Любавинскій, Фроловскій. Ириновскій и Любавинскій пріиски совершенно заброшены и являютъ собой довольно-таки безотрадную картину. Среди сплошной лиственничной тайги, мѣстами мѣшанной съ березою, вдоль прихотливо извивающагося ручейка, начисто вырублена полоса, шириною съ версту или немного менѣе, и глазъ устаетъ отъ вида этого безконечнаго множества почернѣлыхъ пней, уныло торчащихъ среди яркозеленой травы. Вдоль самого русла ручья безпорядочно разбросаны то болѣе темныя кучи снятыхъ съ золотоноснаго пласта «торфовъ», то розовато-бѣлыя груды отваловъ, уже прошедшихъ черезъ промывку и давшихъ свою добычу золота. Гдѣ тропа ближе подходитъ къ ручью, тамъ она вьется среди наполненныхъ застоявшеюся, загнивающею водою заброшенныхъ разрѣзовъ, которые сплошь и рядомъ перерѣзываютъ поперекъ ранѣе протоpенную или даже искусственно проложенную тропу, такъ что

наполненныя водою ямы приходится объѣзжать, то перебираясь черезъ кучи торфовъ или отваловъ, то увязая въ искусственно-образовавшихся, благодаря засыпкѣ живого теченія ручья, болотахъ, то проваливаясь въ какихъ-то ямахъ, предательски закрытыхъ прогнившими жердями и присыпанныхъ сверху тонкимъ слоемъ бѣлаго песка. Картина, повторяю, довольно безотрадная и при томъ совершенно не вызывающая въ умѣ представленія о планомѣрной, систематической разработкѣ разсыпаннаго почти по поверхности земли золотого богатства. Напротивъ, видно, что все дѣлалось безпорядочно, кое-какъ, лишь бы поскорѣе вырвать самые лучшіе куски, а общая картина заброшеннаго пріиска такая, точно не люди вели здѣсь свою разумную работу, а какія-то гигантскія свиньи взрыли поверхность земли въ поискахъ за золотыми желудями....

Такую же картину представляетъ собою и третій пріискъ—Фроловскій: тѣ же безконечные черные пни, посрединѣ тѣ же сѣрыя кучи торфовъ и бѣлыя груды отваловъ, тѣ же предательскія западни и ямы, наполненныя загнивающею водою. Но въ то время, какъ на Приновскомъ и Любавинскомъ пріискахъ не осталось уже никакихъ построекъ и нѣтъ никакихъ слѣдовъ жизни, кромѣ красныхъ лоскутковъ на заброшенныхъ китайскихъ божницахъ, подъѣзжая къ Фроловскому, мы еще издали видимъ какую то избу и не безъ удовольствія,—вѣдь скучно цѣлый день плестись по безлюдной тайгѣ—замѣчаемъ вьющійся надъ избою дымокъ и какія-то шевелящіяся около нея человѣческія фигуры. Однако, дымокъ какъ-то сразу исчезаетъ, куда-то скрываются и человѣческія фигуры, и когда мы, наконецъ, поравнялись съ избою—она не подавала уже никакихъ признаковъ человѣческой жизни...

Опять перевалъ съ лиственничною тайгою... Пройдя пару верстъ, мы выходимъ къ новому ручью, и передъ нами открывается новый пріискъ—Казанскій, принадлежащій къ серіи уже не Любавинскихъ, а Рубиновскихъ пріисковъ. Снова тѣ же пни и тѣ же кучи отваловъ. Но жизнь на Казанскомъ пріискѣ еще не угасла окончательно: на видномъ мѣстѣ красуется крохотная церковка или часовня; по одну сторону ручья, на пригоркѣ, стоитъ нѣсколько домовъ и амбаровъ пріисковой администраціи, по другую—нѣсколько лачугъ, около которыхъ виднѣются синія рубахи и косы китайскихъ рабочихъ.

Особой «посѣтительской», какія бываютъ на крупныхъ пріискахъ, на Казанскомъ пріискѣ нѣтъ. Насъ приглашаютъ остановиться у матеріальнаго—вмѣстѣ съ нарядчикомъ единственнаго, кажется, начальства на этомъ пріискѣ.

Отъ матеріальнаго узнаемъ, что и Казанскій пріискъ почти заброшенъ.

— Одни только китайцы еще у меня остались—сорокъ семь человѣкъ, старательскими работами работаютъ; да и то только семь че-

ловѣкъ на этомъ пріискѣ, а остальные тутъ по сосѣдству, на Григорьевскомъ.

— А русскихъ вовсе нѣтъ?

— Нѣтъ, золота уже мало осталось, только одни китайцы могутъ работать.

— Почему такъ?

— Да хозяйскими работами ужъ нѣтъ разсчета работать, стараться русскому рабочему не изъ чего, а китайцы — народъ безотвѣтный: тридцать рублей за лѣто очистится, онъ говоритъ—много заработалъ; а ужъ сто рублей — про это онъ и думать не смѣетъ!.. Да и то сказать, рѣдко кому и тридцать рублей очищается, все больше въ долгу остаются, такъ изъ года въ годъ и работаютъ...

Начинаемъ разспрашивать матеріальнаго о дѣйствующихъ пріискахъ Рубиновской компаніи; оказывается, главную добычу даетъ теперь расположенный въ двѣнадцати верстахъ отъ Казанскаго Ернишный пріискъ, на которомъ работаетъ до пятисотъ китайцевъ; хорошо работаютъ еще и нѣкоторые другіе пріиски.

— Теперь вотъ, — добавляетъ матеріальный,—купили у Любавинскихъ Фроловскій пріискъ — вы вотъ сейчасъ проѣзжали; только еще не работаютъ.

— Какъ не работаютъ?—удивляемся мы.—А мы тамъ какъ будто людей видѣли.

— Людей? — съ нѣкоторой тревогой переспрашиваетъ матеріальный. — Нѣтъ, нашихъ рабочихъ тамъ нѣтъ, видно хищники забрались работать...

Переночевавъ, отправляемся въ дальнѣйшій путь. Почти въ теченіе цѣлаго дня этотъ путь пролегаетъ все по тому же возвышенному плоскогорью, при пересѣченіи рѣчекъ и ручьевъ спускаясь въ заболоченныя «пади», затѣмъ опять поднимаясь на поросшіе то лиственничною тайгою, то лиственнымъ разнолѣсьемъ, междурѣчные перевалы; въ зависимости отъ мельчайшихъ измѣненій рельефа, почва то болѣе или менѣе сухая, то замѣтно заболоченная. Лѣсъ вездѣ, въ отличіе отъ горной тайги, не слишкомъ рослый, по бо̀льшей части корявый, а нерѣдко попадаются и участки съ совершенно вымокшимъ, мертвымъ лѣсомъ.

Начиная отъ самаго Казанскаго пріиска, нашъ путь идетъ торною тропою, соединяющею систему Рубиновскихъ пріисковъ съ ихъ «резиденціею» на Амурѣ—станицею Радде, гдѣ намъ предстоитъ опять попасть на пароходъ. На значительной части своего протяженія тропа эта превращена уже въ искусственную верховую, а кое-гдѣ даже въ доступную для ѣзды на колесахъ, дорожку. Мѣстами на многія версты кряду тянутся проложенныя черезъ болота и мечежины крѣпкія гати изъ жердей и даже изъ некрупныхъ бревенъ; въ другихъ мѣстахъ хотя и есть гати, но онѣ въ такомъ видѣ, что остается только объ-

ѣзжать ихъ какъ можно дальше стороною или, спѣшившись, осторожно проводить лошадь въ поводу, иначе переломаешь ноги и себѣ, и лошади; а на нѣкоторыхъ частяхъ пути не видно и вовсе никакихъ слѣдовъ какихъ бы то ни было, хотя бы простѣйшихъ искусственныхъ сооруженій. Мѣстами доходитъ до смѣшного: протянувшаяся на десятки и сотни саженъ крѣпкая гать вдругъ прерывается среди самаго топкаго болота, на нѣсколько саженъ, какъ будто нарочито для того, чтобы показать путнику, какъ скверно бы ему было, если бы попечительная администрація пріисковъ не позаботилась устроить гатей...

На пути нашемъ по Сутарскому плоскогорью мы минуемъ, оставляя ихъ нѣсколько въ сторонѣ, пріиски Григорьевскій, Ернишный, Иннокентьевскій; проѣзжаемъ по высокой плотинѣ, отводящей воду изъ пади, которая, очевидно, предназначена подъ новую разработку. Наконецъ, достигаемъ сгорѣвшаго стараго Рубиновскаго зимовья и здѣсь спускаемся въ долину или, вѣрнѣе, въ ущелье небольшой рѣчки Дичуна. Опять узенькая лощинка, въ какую-нибудь сотню саженъ шириной; по обѣимъ сторонамъ крутые горные склоны, густо поросшіе густою лиственничною тайгою. Характерною тайгою изъ ели, пихты, кедра, лиственницы покрыта и сама долина; почва здѣсь, если можно такъ выразиться, каменное болото: сплошная осыпь изъ каменныхъ обломковъ, покрытая глубокимъ слоемъ болотнаго перегноя, по тропѣ размѣшаннаго въ жидкую грязь, изъ которой повсюду торчатъ каменные обломки, а по нетронутымъ мѣстамъ заросшаго густою, рослою травою. Самъ Дичунъ—удивительно бойкая, весело журчащая, извилистая горная рѣчка, которую намъ до пятнадцати разъ приходится перейти въ бродъ на протяженіи какого-нибудь десятка верстъ.

Ночуемъ въ амбарѣ, на новомъ Рубиновскомъ зимовьѣ, совершенно утопающемъ въ дыму разведенныхъ со всѣхъ сторонъ «дымокуровъ». Зимовщикъ—пожилой человѣкъ съ красивымъ и пріятно-добродушнымъ лицомъ и съ не-русскимъ акцентомъ; это—черкесъ, сосланный за убійство, совершенное изъ мести за убитаго брата. Съ нами раздѣляетъ ночлегъ какой-то мѣщанинъ, который ведетъ на пріиски гуртъ убойнаго скота; по дорогѣ, оказывается, онъ растерялъ нѣсколько быковъ, сбѣжавшихъ отъ одолѣвшаго ихъ «гнуса»; кромѣ того, на зимовьѣ ночуетъ артель корейцевъ, идущихъ на пріиски, на старательскую работу. Отъ нихъ мы узнаемъ, между прочимъ, что въ Радде установленъ карантинъ для лошадей, такъ какъ въ нѣсколькихъ ближайшихъ казачьихъ поселкахъ появилась сибирская язва.

На другое утро, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ зимовья, мы опять переваливаемъ черезъ одно изъ многочисленныхъ развѣтвленій Малаго Хингана. Отлогій подъемъ и отлогій спускъ, почти безъ каменистыхъ обнаженій, покрыты густою, первобытною тайгою: чудный, огромныхъ размѣровъ, прямой лѣсъ изъ хвойныхъ—кедра, пихты, лиственницы и лиственныхъ породъ—липы, вяза, клена, черной березы, грецкаго орѣха

и т. п.; между деревьями густо занялся кустарный подлѣсокъ, и все это перевито поднимающимся до самаго гребня хребта дикимъ виноградомъ и другими вьющимися растеніями. Въ общемъ, своеобразнѣйшая смѣсь типичной сѣверной, сибирской тайги съ соотвѣтствующею уже гораздо болѣе теплому климату средне-амурскою или уссурійскою флорой.

По отлогому спуску, любуясь пестрою зеленью другихъ, покрытыхъ такою же пестрою тайгою хребтовъ, мы спускаемся въ долину маленькой рѣчки, впадающей въ Амуръ у Раддевской станицы. Вотъ вдали показывается станица. Сейчасъ, значитъ, карантинъ — придется оставить лошадей и затѣмъ уже изъ станицы присылать кого-нибудь за нашими вьюками. Вотъ, наконецъ, мы уже и вплотную подъѣхали къ станицѣ; двумя длинными-длинными улицами она вытянулась вдоль берега Амура, по неширокой долинѣ, къ которой со всѣхъ сторонъ подступаютъ лѣсистые склоны Хингана. Однако, карантина все-таки не видно.

— Какъ же намъ быть,—спрашиваемъ мы нашихъ проводниковъ?

— Да чего быть-то,—отвѣчаютъ проводники не безъ нѣкотораго недоумѣнія въ голосѣ,—просто до земской квартиры ѣхать, да и все.

Однако, у насъ не хватаетъ смѣлости на столь простое рѣшеніе вопроса. Подъѣхавъ къ первымъ изгородямъ, я слѣзаю съ лошади и пѣшкомъ иду до первой избы, гдѣ оказывается на лицо какой-то мѣстный обыватель.

— У васъ что же, нѣтъ развѣ карантина?

— Поштó нѣтъ,—есть карантинъ.

— Да гдѣ жъ онъ?

— А по дорогамъ стоитъ, отъ Башуровой да отъ Помпеевки.

Башурова и Помпеевка—казачьи поселки, расположенные по Амуру, и такимъ образомъ оказывается, что карантины поставлены по совершенно непроѣзжей лѣтомъ почтовой тропѣ, проложенной вдоль Амура, и не поставлены на бойкой дорогѣ, по которой лѣтомъ идетъ оживленное движеніе между Амуромъ и хинганскими пріисками.

— Такъ какъ же намъ быть-то,—продолжаю я недоумѣвать,—можно ѣхать на станицу или нельзя?

— Поштó нельзя,—можно; ѣзжайте до атамана, онъ вамъ ужъ скажетъ.

Посовѣтовавшись съ товарищемъ, мы рѣшаемъ ѣхать до атамана. Ѣдемъ, однако, съ опаскою, ѣдемъ и оглядываемся—не бѣжитъ ли кто-нибудь остановить насъ. Однако, никто насъ не останавливаетъ. Въѣзжаемъ въ самую станицу. На открытой площадкѣ, недалеко отъ церкви, сидятъ кругомъ казаки, совѣщаются, вѣроятно, о какихъ-нибудь общественныхъ дѣлахъ. Мы замедляемъ ходъ нашихъ лошадей—можетъ быть въ кругу есть какое-нибудь начальство, которое найдетъ нужнымъ насъ остановить. Однако, насъ и здѣсь никто не задерживаетъ и мы безпрепятственно добираемся до земской квартиры.

Только что успѣли развьючить лошадей—является станичный атаманъ, важный господинъ съ фельдфебельскими нашивками, и довольно рѣзко начинаетъ выговаривать намъ за самовольный въѣздъ съ лошадьми въ станицу. Мы объясняемъ ему, что ѣдемъ изъ совершенно безопаснаго мѣста и что если со стороны прiисковъ не полагается въѣзжать на лошадяхъ, то слѣдовало съ этой стороны поставить карантинъ. На этомъ дѣло благополучно кончается...

Наша земская квартира на самомъ берегу Амура. Насупротивъ, на китайскомъ берегу, двѣ сопки рядомъ: одна пологая, въ видѣ усѣченнаго конуса, безлѣсная; другая очень неправильной формы, съ остроконечными вершинками и крутыми склонами, покрыта негустымъ лѣсомъ; между двумя сопками—неширокая лощинка, которая загибается влѣво и уходитъ куда-то вглубь манчжурскаго материка; изъ лощины по склону лѣсистой сопки вьется зигзагообразная тропинка, которая оканчивается небольшою высѣченною въ скалѣ площадкою—мѣстоположенiе разрушенной китайской кумирни.

Мѣсто очень красивое и въ нѣкоторомъ родѣ историческое: это—Сансинъ, мѣсто одного изъ прошлогоднихъ пораженiй китайцевъ.

— Вы только посмотрите, разсказывалъ намъ одинъ изъ мѣстныхъ чиновныхъ обывателей:—вѣдь эта падь—настоящая ловушка: никакого выхода иначе, какъ въ Амуръ. А они съ большого ума тутъ постъ усроили—человѣкъ восемьсотъ было. Ну посадили нашихъ на пароходъ—роту солдатъ, да казаковъ нашихъ изъ Радде; плыветъ пароходъ мимо китайцевъ—они насторожились, готовы къ бою. Прошелъ пароходъ—китайцы успокоились, залегли спать, даже часового не оставили,—ничего. А наши высадились немножко ниже, обошли кругомъ, на сонныхъ напали,—и рѣзать; человѣкъ триста перерѣзали, а остальные—кто куда; нашихъ всего три человѣка пострадало—солдатъ да два казака... А знаете ли и,—добавилъ разсказчикъ,—хорошо вѣдь китайцы съ нашими казаками жили, дружно; еще наканунѣ нѣкоторые приходили сюда въ гости—«не знаемъ, говорятъ, какъ это мы ваша воевай будемъ». Вообще съ китайцами жить можно было по-сосѣдски, только обижать не очень ихъ. Вотъ наши раддевскiе всегда и косили у нихъ, и скотъ пасли за Амуромъ,—изъ нашихъ никого и не тронули, даже когда начались безпорядки въ Манчжурiи. Вотъ екатерино-никольскимъ, тѣмъ спуску китайцы не давали, потому что тѣ сами только и норовили, какъ бы китайца пристрѣлить да ограбить...

Послѣ двухдневнаго ожиданiя попадаемъ, наконецъ, на «частный» (т.-е. не почтовый) пароходъ—большой задneколесникъ «Амуръ»; рядомъ съ пароходомъ привязана баржа. На пароходѣ классныхъ пассажировъ не очень много, хотя все же пассажиры не только заняли всѣ каюты, но кочуютъ и по всѣмъ диванамъ въ общей каютъ-компанiи. Но затѣмъ, частью на пароходѣ, частью на баржѣ, масса простого

народа: здѣсь размѣстились остатки все той же третьей партіи казаковъ-переселенцевъ, которую я засталъ, болѣе мѣсяца тому назадъ, въ Стрѣтенскѣ, не мало семействъ «неорганизованныхъ» переселенцевъ-крестьянъ да партія человѣкъ въ двѣсти новобранцевъ. Какъ оказывается, пароходъ шелъ отъ Стрѣтенска до Благовѣщенска тринадцать сутокъ, неоднократно сидѣлъ на перекатахъ, разгружался и перегружался. Въ третьемъ классѣ и на баржѣ, по мѣстнымъ понятіямъ, довольно просторно: ночью, при нѣкоторой осторожности, возможно пройти, не наступая на спящія тѣла; однако, занято тѣлами рѣшительно все, что только можно было занять.

— Бойко, видно, работаете,—спрашиваемъ кого-то изъ пароходныхъ служащихъ.

— Да ничего; только не позволяютъ ноньче много народу набирать. А прежде на этомъ пароходѣ, безъ баржи, до семисотъ человѣкъ возили, а китайцевъ такъ и всю тысячу.

И на баржѣ, и въ третьемъ классѣ, публика за продолжительное плаваніе устроилась болѣе или менѣе какъ дома: стираютъ бѣлье, шьютъ, стряпаютъ пищу; къ пароходному тенту подвѣшено съ десятокъ зыбокъ. Чтобы скоротать время, развлекаются всѣми возможными способами: больше всего въ ходу карты; разыгрываютъ «царя Максимиліана» и разныя другія мистеріи; устраиваютъ плясъ—пляшутъ и трепака, и польку; многіе занимаются исканіемъ у себя и у другихъ одолѣвающихъ всѣхъ паразитовъ. Когда пароходъ останавливается для набора дровъ или для ночлега, вся эта масса выступаетъ на берегъ, зажигаетъ костры, купается, удитъ рыбу, просто гуляетъ и только съ немалымъ трудомъ, когда наступаетъ время отхода, удается водворить всю публику обратно на пароходъ.

Въ первомъ классѣ развлекаются то картами, то граммофономъ (граммофонами торгуетъ помощникъ капитана, который для рекламы угощаетъ пассажировъ граммофонными концертами), то сномъ или ѣдою, то, конечно, разговорами. Разговоры все больше вертятся вокругъ золота, спиртоносовъ и иныхъ ютящихся около золота хищниковъ крупнаго, средняго и мелкаго калибра, съ разными варіаціями на старую тему—«воръ у вора дубинку укралъ»; нѣтъ-нѣтъ, то въ одномъ кружкѣ, то въ другомъ, разговоръ сойдетъ на прошлогодніе «китайскія событія», въ частности на благовѣщенское потопленіе китайцевъ и разграбленіе китайскаго имущества. Медленный ходъ и частыя остановки нашего парохода наводятъ разговоръ вообще на пароходныя дѣла и пароходчиковъ, на необходимость урегулированія Амура или еще лучше—замѣны воднаго пути желѣзною дорогой.

— Пароходчикамъ—тѣмъ отъ мелководья нѣтъ никакого убытка,— разъясняетъ по этому поводу разговорчивый помощникъ капитана, являющійся главнымъ запѣвалою въ каютъ-компаніи перваго класса.— Ну, положимъ, сядетъ пароходъ на мель,—ну, такъ что же?! Сгрузятъ

грузъ, назадъ погрузятъ, а то и вовсе оставятъ на берегу; все это—на шею кладчику, а пароходчикъ всегда свое возьметъ. Вы читали наши печатныя условія,—обращается «помощникъ» къ публикѣ:—вы почитайте хорошенько!.. Какъ подписалъ кладчикъ квитанцію съ этими условіями,—ужъ онъ у насъ въ рукахъ, ничего не можетъ подѣлать. Вотъ эти года что-то кладчики умнѣе становятся—свои условія стали писать,—ну, тутъ ужъ намъ не такая лафа...

До станицы Екатерино-Никольской Амуръ все время вьется въ тѣснинахъ Хингана; невысокія горы, иногда остроконечныя, чаще куполообразныя, спускаются прямо къ рѣкѣ, по большей части—болѣе или менѣе крутыми склонами; горы эти то сплошь заросли негустымъ лѣсомъ, уже исключительно лиственнымъ, причемъ пятна свѣтлой зелени клена, вяза, грецкаго орѣха рѣзко выдѣляются на болѣе темномъ основномъ фонѣ дуба и черной березы; то, напротивъ, онѣ покрыты только травою и зарослями мелкаго кустарника, лѣсъ же вытягивается лишь узкими полосами или даже рядами единичныхъ деревьевъ по выдающимся ребрамъ или гребнямъ хребтовъ.

За Екатерино-Никольскою Амуръ течетъ уже опять среди безконечныхъ, уныло-однообразныхъ заливныхъ луговъ, окаймленныхъ полосками ивоваго кустарника. Только изрѣдка, иногда на русскомъ, чаще на китайскомъ берегу, къ Амуру подходятъ то отдѣльныя сопки, то небольшіе и невысокіе хребты, съ вершинами болѣе или менѣе причудливой формы — какъ бы аванпосты, отдѣлившіеся отъ обширныхъ массивовъ Хингана...

Вотъ и сліяніе Амура съ Уссури, и на самомъ сліяніи Хабаровскъ—административная столица Приамурья. Огромная масса воды, невысокій трехглавый мысъ, на которомъ пестрѣютъ то деревянныя, то сѣрыя съ краснымъ—особенность Хабаровска—кирпичныя городскія постройки, масса зелени и на самомъ видномъ мѣстѣ, надъ обрывомъ, среди густой зелени городского сада, эффектный памятникъ Муравьева, со спокойною гордостью, взирающаго на присоединенный имъ Амуръ.

Пароходъ медленно подходитъ къ полоскѣ отлогаго берега, спускаетъ привилегированную публику непосредственно въ городъ, а самъ съ переселенцами и прочимъ «народомъ» отходитъ къ переселенческимъ баракамъ, гдѣ «народу» предстоитъ еще медицинскій осмотръ.

Прощай пока, Амуръ...

Александръ Кауфманъ

Конецъ.

ИЗЪ МАРІИ КОНОПНИЦКОЙ *).

(Переводъ съ польскаго).

I.

ВЪ ГОРАХЪ.

О, пойдемъ со мною въ горы,
Въ тишь лѣсную и прохладу!
Пѣсни старыя съ тобою
Запоемъ тамъ дружно, сряду.
Гой, гой! Съ вѣтромъ мчится эхо,
Пѣснь свободно въ даль несется,
Въ глубинѣ души клокочетъ,
Яркимъ пламенемъ займется.
Прочь! Не надо вешней пѣсни,
Соловьиной, нѣжной, страстной:
Для счастливыхъ цвѣтъ весенній,
Майскій день душистый, ясный.
Пой мнѣ пѣсню громовую,
Что орломъ паритъ высоко,
Что гнѣзда, летая, ищетъ,
Всюду ищетъ одиноко.
Спой мнѣ старую ту пѣсню,
Что, какъ знамя, развѣвалась,
Чтобы вихрь ей вторилъ буйный,
Чтобъ въ горахъ не забывалась.
Гой! Смѣшалъ всѣ пѣсни вѣтеръ...
Не осилить тебѣ шума...
Только слышенъ гулъ потока,
Только боръ шумитъ угрюмо.

II.

Журавли ужъ возвратились,
Что за мной летѣли.

---

*) Марія Конопницкая, знаменитая польская поэтесса, праздновала въ апрѣлѣ текущаго года 25-ти-лѣтіе своей литературной дѣятельности. Читатели нашего журнала хорошо знакомы съ крупнымъ талантомъ этой благородной писательницы по многочисленнымъ переводамъ, въ разное время помѣщеннымъ у насъ. Она извѣстна также, какъ и новеллистка—прелестными разсказами преимущественно изъ народной жизни. *Ред.*

Сны я вижу днемъ и ночью,
Думы одолѣли.
Здѣсь чудесъ не оберешься,
Ярки всѣ, богаты;
Но ничто мнѣ не замѣнитъ
Васъ, поля и хаты!
Я на все гляжу, но чужды
Сердцу эти дива;
И душа, какъ пташка, мчится
Въ даль, гдѣ зрѣетъ нива.
Какъ во снѣ брожу, мечтая,
И пою въ неволѣ,
Про мою родную хатку,
Про родное поле!

III.

Иль мнѣ дайте, пташки,
    Вашъ уборъ крылатый,
Иль не пойте къ ночи
    Надъ моею хатой.
Ни съ тоской своею
    Сладить я не въ силахъ,
Ни путемъ умчаться
    Птичекъ легкокрылыхъ.
Ой! и тѣнь людская
    Побѣжитъ—отстанетъ,
А тоска злодѣйка
    Гнаться не устанетъ.
Погулялъ я съ плугомъ
    И съ сохой не мало,
Но душа все ныла,
    Всюду тосковала.
Еслибъ въ Божьемъ мірѣ
    Край такой былъ вѣдомъ,
Гдѣ-бъ тоска съ слезами
    Не ходила слѣдомъ;
Свой табунъ тамъ пасъ бы
    На лугу зеленомъ,
Понеслась бы пѣсня
    Радостно, со звономъ
        Гой!

А. Калин—скій.

МЫСЛЬ.

Разсказъ.

Посвящаю женѣ моей А. М. Андреевой.

11-го декабря 1900 года докторъ медицины Антонъ Игнатьевичъ Керженцевъ совершилъ убійство. Какъ вся совокупность данныхъ, при которыхъ совершилось преступленіе, такъ и нѣкоторыя предшествовавшія ему обстоятельства давали поводъ заподозрить Керженцева въ ненормальности его умственныхъ способностей.

Положенный на испытаніе въ Елизаветинскую психіатрическую больницу, Керженцевъ былъ подвергнутъ строгому и внимательному надзору нѣсколькихъ опытныхъ психіатровъ, среди которыхъ находился профессоръ Држембицкій, недавно умершій. Вотъ письменныя объясненія, которыя даны были по поводу происшедшаго самимъ докторомъ Керженцевымъ черезъ мѣсяцъ послѣ начала испытанія; вмѣстѣ съ другими матеріалами, добытыми слѣдствіемъ, они легли въ основу судебной экспертизы.

Листъ первый.

До сихъ поръ, гг. эксперты, я скрывалъ истину, но теперь обстоятельства вынуждаютъ меня открыть ее. И узнавъ ее, вы поймете, что дѣло вовсе не такъ просто, какъ это можетъ показаться профанамъ: или горячечная рубашка, или кандалы. Тутъ есть третье—не кандалы и не рубашка, а, пожалуй, болѣе страшное, чѣмъ то и другое, вмѣстѣ взятое.

Убитый мною Алексѣй Константиновичъ Савеловъ былъ моимъ товарищемъ по гимназіи и университету, хотя по спеціальностямъ мы разошлись: я, какъ вамъ извѣстно, врачъ, а онъ окончилъ курсъ по юридическому факультету. Нельзя сказать, чтобы я не любилъ покойнаго; онъ всегда былъ мнѣ симпатиченъ, и болѣе близкихъ друзей, чѣмъ онъ, я никогда не имѣлъ. Но при всѣхъ симпатичныхъ свойствахъ, онъ не принадлежалъ къ тѣмъ

людямъ, которые могутъ внушить мнѣ уваженіе. Удивительная мягкость и податливость его натуры, странное непостоянство въ области мысли и чувства, рѣзкая крайность и необоснованность его постоянно мѣнявшихся сужденій заставляли меня смотрѣть на него, какъ на ребенка или женщину. Близкіе ему люди, нерѣдко страдавшіе отъ его выходокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, по нелогичности человѣческой натуры, очень его любившіе, старались найти оправданіе его недостаткамъ и своему чувству и называли его „художникомъ“. И дѣйствительно, выходило такъ, будто это ничтожное слово совсѣмъ оправдываетъ его, и то, что для всякаго нормальнаго человѣка было бы дурнымъ, дѣлаетъ безразличнымъ и даже хорошимъ. Такова была сила придуманнаго слова, что даже я одно время поддался общему настроенію и охотно извинялъ Алексѣю его мелкіе недостатки. Мелкіе—потому что къ большимъ, какъ ко всему крупному, онъ былъ неспособенъ. Объ этомъ достаточно свидѣтельствуютъ и его литературныя произведенія, въ которыхъ все мелко и ничтожно, что бы ни говорила близорукая критика, падкая на открытіе новыхъ талантовъ. Красивы и ничтожны были его произведенія, красивъ и ничтоженъ былъ онъ самъ.

Когда Алексѣй умеръ, ему было тридцать одинъ годъ; на одинъ съ немногимъ годъ моложе меня.

Алексѣй былъ женатъ. Если вы видѣли его жену теперь, послѣ его смерти, когда на ней трауръ, вы не можете составить представленія о томъ, какой красивой была она когда-то: такъ сильно, сильно она подурнѣла. Щеки сѣрыя и кожа на лицѣ такая дряблая, старая, старая, какъ поношенная перчатка. И морщинки. Это сейчасъ морщинки, а еще годъ пройдетъ и это будутъ глубокія борозды и канавы: вѣдь она такъ его любила. И глаза ея теперь уже не сверкаютъ и не смѣются, а прежде они всегда смѣялись, даже въ то время, когда имъ нужно было плакать. Всего одну минуту видѣлъ я ее, случайно столкнувшись съ нею у слѣдователя, и былъ пораженъ перемѣной. Даже гнѣвно взглянуть на меня она не могла. Такая жалкая!

Только трое, Алексѣй, я и Татьяна Николаевна знали, что пять лѣтъ тому назадъ, за два года до женитьбы Алексѣя, я дѣлалъ Татьянѣ Николаевнѣ предложеніе и оно было отвергнуто. Конечно, это только предполагается, что трое, а, навѣрное, у Татьяны Николаевны есть еще десятокъ подругъ и друзей, подробно освѣдомленныхъ о томъ, какъ однажды докторъ Керженцевъ возмечталъ о бракѣ и получилъ унизительный отказъ. Не знаю, помнитъ ли она, что она тогда засмѣялась; вѣроятно, не помнитъ—ей такъ часто приходилось смѣяться. И тогда напомните ей: *5 сентября она засмѣялась.* Если она будетъ отказы-

ваться,—а она будетъ отказываться, — то напомните, какъ это было. Я, этотъ сильный человѣкъ, который никогда не плакалъ, который никогда ничего не боялся—я стоялъ передъ нею и дрожалъ. Я дрожалъ и видѣлъ, какъ кусаетъ она губы, и уже протянулъ руку, чтобы обнять ее, когда она подняла глаза, и въ нихъ былъ смѣхъ. Рука моя осталась въ воздухѣ, а она засмѣялась и долго смѣялась. Столько, сколько ей хотѣлось. Но потомъ она все-таки извинилась.

— Извините пожалуйста,—сказала она, а глаза ея смѣялись.

И я тоже улыбнулся, и если бы я могъ простить ей ея смѣхъ, то никогда не прощу этой своей улыбки. Это было 5 сентября въ 6 часовъ вечера—по петербургскому времени. По петербургскому, добавляю я, потому, что мы находились тогда на вокзальной платформѣ, и я сейчасъ ясно вижу большой бѣлый циферблатъ и такое положеніе черныхъ стрѣлокъ: вверхъ и внизъ. Алексѣй Константиновичъ былъ убитъ также ровно въ шесть часовъ. Совпаденіе странное, но могущее открыть многое догадливому человѣку.

Однимъ изъ основаній къ тому, чтобы посадить меня сюда было отсутствіе мотива къ преступленію. Теперь вы видите, что мотивъ существовалъ? Конечно, это не было ревностью. Послѣдняя предполагаетъ въ человѣкѣ пылкій темпераментъ и слабость мыслительныхъ способностей, т.-е. нѣчто прямо противоположное мнѣ, человѣку холодному и разсудочному. Месть? Да, скорѣе месть, если уже такъ необходимо старое слово для опредѣленія новаго и незнакомаго чувства. Дѣло въ томъ, что Татьяна Николаевна еще разъ заставила меня ошибиться и это всегда злило меня. Хорошо зная Алексѣя, я былъ увѣренъ, что въ бракѣ съ нимъ Татьяна Николаевна будетъ очень несчастна и пожалѣетъ обо мнѣ, и поэтому я такъ настаивалъ, чтобы Алексѣй, тогда еще просто влюбленный, женился на ней. Еще только за мѣсяцъ до своей трагической смерти онъ говорилъ мнѣ:

— Это тебѣ я обязанъ своимъ счастьемъ: Правда, Таня.

А она смотрѣла на меня, говорила „правда" и глаза ея улыбались. Я тоже улыбался. И потомъ мы всѣ разсмѣялись, когда онъ обнялъ Татьяну Николаевну—при мнѣ они не стѣснялись—и добавилъ:

— Да, братъ, далъ ты маху!

Эта неумѣстная и нетактичная шутка сократила его жизнь на цѣлую недѣлю: первоначально я рѣшилъ убить его восемнадцатаго декабря.

Да, бракъ ихъ оказался счастливымъ и счастлива была именно она. Онъ любилъ Татьяну Николаевну не сильно, да и вообще онъ не былъ способенъ къ глубокой любви. Было и у него свое

любимое дѣло—литература, выводившее его интересы за предѣлы спальни. А она любила только его и только имъ однимъ жила. Потомъ онъ былъ нездоровый человѣкъ: частыя головныя боли, безсонница, и это, конечно, мучало его. А ей даже ухаживать за нимъ больнымъ и выполнять его капризы было счастьемъ. Вѣдь когда женщина полюбитъ, она становится невмѣняемой.

И вотъ изо дня въ день я видѣлъ ея улыбающееся лицо, ея счастливое лицо, молодое, красивое, беззаботное. И думалъ: это устроилъ я. Хотѣлъ дать ей безпутнаго мужа и лишить ее себя, а вмѣсто того, и мужа далъ такого, котораго она любитъ, и самъ остался при ней. Вы поймете эту странность: она умнѣе своего мужа и бесѣдовать любила со мной, а побесѣдовавъ—спать шла съ нимъ и была счастлива.

Я не помню, когда впервые пришла мнѣ мысль убить Алексѣя. Какъ то незамѣтно она явилась, но уже съ первой минуты стала такой старой, какъ будто я съ нею родился. Я знаю, что мнѣ хотѣлось сдѣлать Татьяну Николаевну несчастной и что сперва я придумывалъ много другихъ плановъ, менѣе гибельныхъ для Алексѣя—я всегда былъ врагомъ ненужной жестокости. Пользуясь своимъ вліяніемъ на Алексѣя, я думалъ влюбить его въ другую женщину или сдѣлать его пьяницей (у него была къ этому наклонность), но всѣ эти способы не годились. Дѣло въ томъ, что Татьяна Николаевна ухитрилась бы остаться счастливой, даже отдавая его другой женщинѣ, слушая его пьяную болтовню или принимая его пьяныя ласки. Ей нужно было, чтобы этотъ человѣкъ жилъ, а она такъ или иначе служила ему. Бываютъ такія рабскія натуры. И какъ рабы, они не могутъ понять и оцѣнить чужой силы, не силы ихъ господина. Были на свѣтѣ женщины умныя, хорошія и талантливыя, но справедливой женщины міръ еще не видалъ и не увидитъ.

Признаюсь искренно, не для того, чтобы добиться ненужнаго мнѣ снисхожденія, а чтобы показать, какимъ правильнымъ нормальнымъ путемъ создавалось мое рѣшеніе—что мнѣ довольно долго пришлось бороться съ жалостью къ человѣку, котораго я осудилъ на смерть. Жаль его было за предсмертный ужасъ и тѣ секунды страданія, пока будетъ проламываться его черепъ. Жаль было—не знаю, поймете ли вы это—самого черепа. Въ стройно работающемъ живомъ организмѣ есть особенная красота—и смерть, какъ и болѣзнь, какъ и старость прежде всего безобразіе. Помню, какъ давно еще, когда я только что кончилъ университетъ, мнѣ попалась въ руки красивая молодая собака съ стройными сильными членами, и мнѣ стоило большого усилія надъ собой содрать съ нея кожу, какъ требовалъ того опытъ. И долго потомъ было непріятно вспоминать ее.

И еслибъ Алексѣй не былъ такимъ болѣзненнымъ, хилымъ— не знаю, быть можетъ я и не убилъ бы его. Но красивую его голову мнѣ и до сихъ поръ жаль. Передайте, пожалуйста Татьянѣ Николаевнѣ и это. Красивая, красивая была голова. Плохи у него были одни глаза—блѣдные, безъ огня и энергіи.

Не убилъ бы я Алексѣя и въ томъ случаѣ, если бы критика была права и онъ дѣйствительно былъ бы такимъ крупнымъ литературнымъ дарованіемъ. Въ жизни такъ много темнаго и она такъ нуждается въ освѣщающихъ ея путь талантахъ, что каждый изъ нихъ нужно беречь, какъ драгоцѣннѣйшій алмазъ, какъ то, что оправдываетъ въ человѣчествѣ существованіе тысячъ негодяевъ и пошляковъ. *Но Алексѣй не былъ талантомъ.*

Здѣсь не мѣсто для критической статьи—но вчитайтесь въ наиболѣе нашумѣвшія произведенія покойнаго, и вы увидите, что они не были нужны для жизни. Они нужны были и интересны для сотни ожирѣвшихъ людей, нуждающихся въ развлеченіи, но не для жизни, но не для насъ, пытающихся разгадать ее. Въ то время, какъ писатель силою своей мысли и таланта долженъ творить новую жизнь, Савеловъ только описывалъ старую, не пытаясь даже разгадать ея сокровенный смыслъ. Единственный его разсказъ, который мнѣ нравится, въ которомъ онъ близко подходитъ къ области неразвѣданнаго, это разсказъ „Тайна", но онъ исключеніе. Самое, однако, дурное было то, что Алексѣй видимо началъ исписываться и отъ счастливой жизни растерялъ послѣдніе зубы, которыми нужно впиваться въ жизнь и грызть ее. Онъ самъ нерѣдко говорилъ мнѣ о своихъ сомнѣніяхъ, и я видѣлъ, что они основательны; я точно и подробно выпыталъ планы его будущихъ работъ — и пусть утѣшатся горюющіе поклонники: въ нихъ не было ничего новаго и крупнаго. Изъ близкихъ Алексѣю людей одна жена не видѣла упадка его таланта и никогда не увидѣла бы. И знаете, почему? Она не всегда читала произведенія своего мужа. Но когда я попробовалъ какъ то хоть немного раскрыть ей глаза, она попросту сочла меня за негодяя. И убѣдившись, что мы одни, сказала:

— Вы не можете ему простить другого.

— Чего?

— Того, что онъ мой мужъ и я люблю его. Если бы Алексѣй не чувствовалъ къ вамъ такого пристрастія...

Она запнулась и я предупредительно закончилъ ея мысль:

— Вы меня выгнали бы?

Въ ея глазахъ блеснулъ смѣхъ. И, невинно улыбаясь, она медленно проговорила:

— Нѣтъ. Оставила бы.

А я никогда вѣдь, ни однимъ словомъ и жестомъ не пока-

залъ, что продолжаю любить ее. Но тутъ подумалъ: тѣмъ лучше, если она догадывается.

Самый фактъ отнятія жизни у человѣка не останавливалъ меня. Я зналъ, что это преступленіе, строго караемое закономъ, но вѣдь почти все, что мы дѣлаемъ, преступленіе, и только слѣпой не видитъ этого. Для тѣхъ, кто вѣритъ въ Бога, преступленіе передъ Богомъ; для другихъ—преступленіе передъ людьми; для такихъ какъ я—преступленіе передъ самимъ собой. Было бы большимъ преступленіемъ, еслибъ признавъ необходимымъ убить Алексѣя, я не выполнилъ этого рѣшенія. А то, что люди дѣлятъ преступленія на большія и маленькія и убійство называютъ большимъ преступленіемъ—мнѣ и всегда казалось обычной и жалкою людской ложью передъ самимъ собой, стараніемъ спрятаться отъ отвѣта за собственной спиной.

Не боялся я и самого себя, и это было важнѣе всего. Для убійцы, для преступника самое страшное не полиція, не судъ, а онъ самъ, его нервы, мощный протестъ всего тѣла, воспитаннаго въ извѣстныхъ традиціяхъ. Вспомните Раскольникова, этого такъ жалко и такъ нелѣпо погибшаго человѣка, и тьму ему подобныхъ. И я очень долго, очень внимательно останавливался на этомъ вопросѣ, представляя себя, какимъ я буду послѣ убійства. Не скажу, чтобы я пришелъ къ полной увѣренности въ своемъ спокойствіи—подобной увѣренности не могло создаться у мыслящаго человѣка, предвидящаго всѣ случайности. Но собравъ тщательно всѣ данныя изъ своего прошлаго, принявъ въ разсчетъ силу моей воли, крѣпость неистощенной нервной системы, глубокое и искреннее презрѣніе къ ходячей морали—я могъ питать относительную увѣренность въ благополучномъ исходѣ предпріятія. Здѣсь не лишнее будетъ разсказать вамъ одинъ интересный фактъ изъ моей жизни.

Когда то, еще будучи студентомъ пятаго семестра, я укралъ 15 р. изъ довѣренныхъ мнѣ товарищескихъ денегъ, сказалъ, что кассиръ ошибся въ счетѣ и всѣ мнѣ повѣрили. Это было больше, чѣмъ простая кража, когда нуждающійся крадетъ у богатаго—тутъ и нарушенное довѣріе, и отнятіе денегъ именно у голоднаго, да еще товарища, да еще студента, и при томъ человѣкомъ со средствами (почему мнѣ и повѣрили). Вамъ, вѣроятно, этотъ поступокъ кажется болѣе противнымъ, чѣмъ даже совершенное мною убійство друга—не такъ ли? А мнѣ, помню, было весело, что я съумѣлъ сдѣлать это такъ хорошо и ловко, и я смотрѣлъ въ глаза, прямо въ глаза тѣмъ, кому смѣло и свободно лгалъ. Глаза у меня черные, красивые, прямые и имъ вѣрили. Но болѣе всего я былъ гордъ тѣмъ, что совершенно не испытываю угрызеній совѣсти—что мнѣ и нужно было самому себѣ доказать. И

до настоящаго дня я съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю menu ненужно роскошнаго обѣда, который я задалъ себѣ на украденныя деньги и съ аппетитомъ съѣлъ.

И развѣ теперь я испытываю угрызенія совѣсти? Раскаяніе въ содѣянномъ? Ничуть.

Мнѣ тяжело. Мнѣ безумно тяжело, какъ ни одному въ мірѣ человѣку, и волосы мои сѣдѣютъ—но это другое. *Другое*. Страшное, неожиданное, невѣроятное въ своей ужасной простотѣ.

Листъ второй.

Моя задача была такова. Нужно, чтобы я убилъ Алексѣя; нужно, чтобы Татьяна Николаевна видѣла, что это именно я убилъ ея мужа и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ законная кара не коснулась меня. Не говоря уже о томъ, что наказаніе дало бы Татьянѣ Николаевнѣ лишній поводъ посмѣяться, я вообще совершенно не хотѣлъ каторги. Я очень люблю жизнь.

Я люблю, когда въ тонкомъ стаканѣ играетъ золотистое вино, я люблю, усталый, протянуться въ чистой постели; мнѣ нравится весной дышать чистымъ воздухомъ, видѣть красивый закатъ, читать интересныя и умныя книги. Я люблю себя, силу своихъ мышцъ, силу своей мысли, ясной и точной. Я люблю то, что я одинокъ и ни одинъ любопытный взглядъ не проникъ въ глубину моей души съ ея темными провалами и безднами, на краю которыхъ кружится голова. Никогда я не понималъ и не зналъ того, что люди называютъ скукою жизни. Жизнь интересна и я люблю ее за ту великую тайну, что въ ней заключена, я люблю ее даже за ея жестокости, за ея свирѣпую мстительность и сатанински-веселую игру людьми и событіями.

Я былъ единственный человѣкъ, котораго я уважалъ—какъ же могъ я рисковать отправить этого человѣка въ каторгу, гдѣ его лишатъ возможности вести необходимое ему разнообразное, полное и глубокое существованіе!.. Да и съ вашей точки зрѣнія я былъ правъ, желая уклониться отъ каторги. Я очень удачно врачую; не нуждаясь въ средствахъ, я лечу много бѣдняковъ. Я полезенъ. Навѣрное полезнѣе, чѣмъ убитый мною Савеловъ.

И безнаказанности можно было добиться легко. Существуютъ тысячи способовъ незамѣтно убить человѣка и мнѣ, какъ врачу, было особенно легко прибѣгнуть къ одному изъ нихъ. И среди придуманныхъ мною и отброшенныхъ плановъ долгое время занималъ меня такой: привить Алексѣю неизлечимую и отвратительную болѣзнь. Но неудобства этого плана были очевидны: длительныя страданія для самаго объекта, нѣчто некрасивое во всемъ этомъ, грубое и какъ-то слишкомъ ужъ... не умное и, наконецъ,

и въ болѣзни мужа Татьяна Николаевна нашла бы для себя радость. Особенно осложнялась моя задача обязательнымъ требованіемъ, чтобы Татьяна Николаевна знала руку, поразившую ея мужа. Но только трусы боятся препятствій; такихъ, какъ я, они привлекаютъ.

Случайность, этотъ великій союзникъ умныхъ, пришла мнѣ на помощь. И я позволяю себѣ обратить особенное ваше вниманіе, гг. эксперты, на эту подробность: *именно случайность*, т.-е. нѣчто внѣшнее, не зависящее отъ меня, послужило основой и поводомъ для дальнѣйшаго. Въ одной газетѣ я нашелъ замѣтку про кассира, не то приказчика (вырѣзка изъ газеты, вѣроятно, осталась у меня дома или находится у слѣдователя), который симулировалъ припадокъ падучей и, якобы во время него, потерялъ деньги, а въ дѣйствительности, конечно, укралъ. Приказчикъ оказался трусомъ и сознался, указавъ даже мѣсто украденныхъ денегъ, но самая мысль была недурна и осуществима. Симулировать сумасшествіе, убить Алексѣя въ состояніи якобы умоизступленія и потомъ „выздоровѣть"—вотъ планъ, создавшійся у меня въ одну минуту, но потребовавшій много времени и труда, чтобы принять вполнѣ опредѣленную конкретную форму. Съ психіатріей въ то время я былъ знакомъ поверхностно, какъ всякій врачъ не спеціалистъ, и около года ушло у меня на чтеніе всякаго рода источниковъ и размышленіе. Къ концу этого времени я убѣдился, что планъ мой вполнѣ осуществимъ.

Первое, на что должны будутъ устремить вниманіе эксперты, это наслѣдственныя вліянія,—и моя наслѣдственность, къ великой моей радости, оказалось вполнѣ подходящей. Отецъ былъ алкоголикомъ; одинъ дядя, его братъ, кончилъ свою жизнь въ больницѣ для умалишенныхъ, и, наконецъ, единственная сестра моя, Анна, уже умершая, страдала эпилепсіей. Правда, что со стороны матери у насъ въ роду всѣ были здоровяки, но вѣдь достаточно одной капли яда безумія, чтобы отравить цѣлый рядъ поколѣній. По своему мощному здоровью я пошелъ въ родъ матери, но кое-какія безобидныя странности у меня существовали и могли сослужить мнѣ службу. Моя относительная нелюдимость, которая есть просто признакъ здороваго ума, предпочитающаго проводить время наединѣ съ самимъ собою и книгами, чѣмъ тратить его на праздную и пустую болтовню, могла сойти за болѣзненную мизантропію; холодность темперамента, не ищущаго грубыхъ чувственныхъ наслажденій—за выраженіе дегенераціи. Самое упорство въ достиженіи разъ поставленныхъ цѣлей—а примѣровъ ему можно было найти не мало въ моей богатой жизни—на языкѣ господъ эспертовъ получило бы страшное названіе мономаніи, господства навязчивыхъ идей.

Почва для симуляціи была, такимъ образомъ, необыкновенно благопріятна—статика безумія была на лицо, дѣло оставалось за динамикой. По ненамѣренной подмалевкѣ природы нужно было провести два-три удачныхъ штриха, и картина сумасшествія готова. И я очень ясно представилъ себѣ, какъ это будетъ, не програмными мыслями, а живыми образами: хоть я и не пишу плохихъ разсказовъ, но я далеко не лишенъ художественнаго чутья и фантазіи.

Я увидѣлъ, что провести свою роль я буду въ состояніи. Наклонность къ притворству всегда лежала въ моемъ характерѣ и была одною изъ формъ, въ которыхъ стремился я къ внутренней свободѣ. Еще въ гимназіи я часто симулировалъ дружбу: ходилъ по корридору обнявшись, какъ это дѣлаютъ настоящіе друзья, искусно поддѣлывалъ дружески-откровенную рѣчь и незамѣтно выпытывалъ. А когда разнѣженный пріятель выкладывалъ всего себя, я отбрасывалъ отъ себя его душонку и уходилъ прочь съ гордымъ сознаніемъ своей силы и внутренней свободы. Тѣмъ же двойственникомъ оставался я и дома, среди родныхъ; какъ въ старовѣрческомъ домѣ существуетъ особая посуда для чужихъ, такъ и у меня было все особое для людей: особая улыбка, особые разговоры и откровенность. Я видѣлъ, что люди дѣлаютъ много глупаго, вреднаго для себя и ненужнаго, и мнѣ казалось, что если я стану говорить правду о себѣ, то я стану, какъ и всѣ, и это глупое и ненужное овладѣетъ мною.

Мнѣ всегда нравилось быть почтительнымъ съ тѣми, кого я презиралъ, и цѣловать людей, которыхъ я ненавидѣлъ, что дѣлало меня свободнымъ и господиномъ надъ другими. Зато никогда не зналъ я лжи передъ самимъ собою, этой наиболѣе распространенной и самой низкой формы порабощенія человѣка жизнью. И чѣмъ больше я лгалъ людямъ, тѣмъ безпощадно правдивѣе становился передъ самимъ собой—достоинство, которымъ не многіе могутъ похвалиться.

Вообще, мнѣ думается, во мнѣ скрывался недюжинный актеръ, способный сочетать естественность игры, доходившую временами до полнаго сліянія съ олицетворяемымъ лицомъ,—съ неослабѣвающимъ холоднымъ контролемъ разума. Даже при обыкновенномъ книжномъ чтеніи я цѣликомъ входилъ въ психику изображаемаго лица и, повѣрите ли?—уже взрослый, горькими слезами плакалъ надъ „Хижиной дяди Тома“. Какое это дивное свойство гибкаго, изощреннаго культурою ума—перевоплощаться! Живешь словно тысячью жизней, то опускаешься въ адскую тьму, то поднимаешься на горнія свѣтлыя высоты, однимъ взоромъ окидываешь безконечный міръ.—Если человѣку суждено стать Богомъ, то престоломъ его будетъ книга...

Да. Это такъ. Кстати, я хочу вамъ пожаловаться на здѣшніе порядки. То меня укладываютъ спать, когда мнѣ хочется писать, *когда мнѣ нужно писать*. То не закрываютъ дверей, и я долженъ слушать, какъ оретъ какой-то сумасшедшій. Оретъ, оретъ—это прямо нестерпимо. Такъ дѣйствительно можно свести человѣка съ ума и сказать, что онъ и раньше былъ сумасшедшимъ. И неужели у нихъ нѣтъ лишней свѣчки, и я долженъ портить себѣ глаза электричествомъ?

Ну вотъ. И когда-то я подумывалъ даже о сценѣ, но бросилъ эту глупую мысль: притворство, когда всѣ знаютъ, что это притворство, уже теряетъ свою цѣну. Да и дешевые лавры присяжнаго лицедѣя на казенномъ жалованьи мало привлекали меня. О степени моего искусства можете судить по тому, что многіе ослы и до сихъ поръ считаютъ меня искреннѣйшимъ и правдивѣйшимъ человѣкомъ. И что странно: мнѣ всегда удавалось проводить не ословъ,—это я такъ сказалъ, сгоряча,—а именно умныхъ людей; и наоборотъ, существуютъ двѣ категоріи существъ низшаго порядка, у которыхъ я никогда не могъ добиться довѣрія: это—женщины и собаки.

Вы знаете, что достопочтенная Татьяна Николаевна никогда не вѣрила моей любви и не вѣритъ, я думаю, даже теперь, когда я убилъ ея мужа? По ея логикѣ выходитъ такъ: я ее не любилъ, а Алексѣя убилъ за то, что она его любитъ. И эта безсмыслица, навѣрное, кажется ей и осмысленной, и убѣдительной. И вѣдь умная женщина!

Провести роль сумасшедшаго мнѣ казалось не очень труднымъ. Часть необходимыхъ указаній дали мнѣ книги; часть я долженъ былъ, какъ всякій настоящій актеръ во всякой роли, восполнить собственнымъ творчествомъ, а остальное возсоздастъ сама публика, давно изощрившая свои чувства книгами и театромъ, гдѣ по двумъ-тремъ неяснымъ контурамъ ее пріучили возсоздавать живыя лица. Конечно, неминуемо должны были остаться нѣкоторые пробѣлы—и это было особенно опасно въ виду строгой научной экспертизы, которой меня подвергнутъ, но и здѣсь серьезной опасности не предвидѣлось. Обширная область психопатологіи настолько еще мало разработала, въ ней такъ еще много темнаго и случайнаго, такъ великъ просторъ для фантазерства и субъективизма, что я смѣло вручалъ свою судьбу въ ваши руки, гг. эксперты. Надѣюсь, что я не обидѣлъ васъ. Я не покушаюсь на вашъ научный авторитетъ и увѣренъ, что вы согласитесь со мною, какъ люди, привыкшіе къ добросовѣстному научному мышленію.

...Наконецъ-таки пересталъ орать. Это просто нестерпимо.

И еще въ то время, когда мой планъ находился только въ

проектѣ, у меня явилась мысль, которая едва ли могла придти въ безумную голову. *Это мысль о грозной опасности моего опыта.* Вы понимаете, о чемъ я говорю. Сумасшествіе—это такой огонь, съ которымъ шутить опасно. Разведя костеръ въ серединѣ порохового погреба, вы можете чувствовать себя въ большей безопасности, нежели тогда, если хоть малѣйшая мысль о безуміи закрадется въ вашу голову. И я это зналъ, зналъ— но развѣ опасность значитъ что-нибудь для храбраго человѣка?

И развѣ я не чувствовалъ своей мысли твердой, свѣтлой, точно выкованной изъ стали и безусловно мнѣ послушной? Словно остро отточенная рапира, она извивалось, жалила, кусала, раздѣляла ткани событій, точно змѣя безшумно вползала въ неизвѣданныя и мрачныя глубины, что навѣки сокрыты отъ дневного свѣта, а рукоять ея была въ моей рукѣ, желѣзной рукѣ искуснаго и опытнаго фехтовальщика. Какъ она была послушна, исполнительна и быстра, моя мысль, и какъ я любилъ ее, мою рабу, мою грозную силу, мое единственное сокровище!

...Онъ опять оретъ, и я не могу больше писать. Какъ ужасно, когда человѣкъ воетъ. Я слышалъ много страшныхъ звуковъ, но этотъ всѣхъ страшнѣе, всѣхъ ужаснѣе. Онъ не похожъ ни на что другое, этотъ голосъ звѣря, проходящій черезъ гортань человѣка. Что-то свирѣпое и трусливое; свободное и жалкое до подлости. Ротъ кривится на сторону, мышцы лица натягиваются, какъ веревки, зубы по-собачьи оскаливаются и изъ темнаго отверстія рта идетъ этотъ отвратительный, ревущій, свистящій, хохочущій, воющій звукъ...

Да. Да. Такова была моя мысль. Кстати: вы обратите, конечно, вниманіе на мой почеркъ, и я прошу васъ не придавать значенія тому, что онъ иногда дрожитъ и какъ будто мѣняется. Я давно уже не писалъ, событія послѣдняго времени и безсонница сильно ослабили меня и вотъ рука иногда вздрагиваетъ. *Это и раньше случалось со мной.*

Листъ третій.

Теперь вы понимаете, что это за страшный припадокъ случился со мною на вечерѣ у Каргановыхъ. Это былъ мой первый опытъ, удавшійся даже сверхъ ожиданій. Точно уже всѣ заранѣе знали, что такъ это со мной и будетъ, точно внезапное сумасшествіе вполнѣ здороваго человѣка въ ихъ глазахъ кажется чѣмъ-то естественнымъ, такимъ, чего можно всегда ожидать. Никто не удивился и всѣ на перебой расцвѣчивали мою игру игрой собственной фантазіи—у рѣдкаго гастролера подбирается такая прекрасная труппа, какъ эти наивные, глупые и довѣрчивые люди.

Разсказывали они вамъ, какъ я былъ блѣденъ и страшенъ? Какъ холодный—да, именно, холодный потъ покрывалъ мое чело? Какимъ безумнымъ огнемъ горѣли мои черные глаза? Когда они передавали мнѣ всѣ эти свои наблюденія, я былъ съ виду мраченъ и подавленъ, а вся душа моя трепетала отъ гордости, счастья и насмѣшки.

Татьяны Николаевны и ея мужа на вечерѣ не было—не знаю, обратили ли вы на это вниманіе. И это не было случайностью: я боялся запугать ее или, еще хуже, внушить ей подозрѣнія. Если существовалъ человѣкъ, который могъ проникнуть въ мою игру, такъ это только она.

И вообще тутъ ничего не было случайнаго. Наоборотъ, каждая мелочь, самая ничтожная, была строго продумана. Моментъ припадка—за ужиномъ—я выбралъ потому, что всѣ будутъ въ сборѣ и будутъ нѣсколько возбуждены виномъ. Сѣлъ я у края стола, подальше отъ канделябровъ со свѣчами, такъ какъ вовсе не хотѣлъ устроить пожара или обжечь себѣ носъ. Рядомъ съ собою я посадилъ Павла Петровича Поспѣлова, эту жирную свинью, которой мнѣ давно хотѣлось сдѣлать какую-нибудь непріятность. Особенно противенъ онъ, когда ѣстъ. Когда первый разъ я увидѣлъ его за этимъ занятіемъ, мнѣ пришло въ голову, что ѣда есть дѣло безнравственное. Тутъ все это приходилось кстати. И, навѣрно, ни одна душа не замѣтила, что тарелка, разлетѣвшаяся подъ моимъ кулакомъ, была сверху прикрыта салфеткой, чтобы не порѣзать руки.

Самый фокусъ былъ поразительно грубъ, даже глупъ, но на это именно я разсчитывалъ. Болѣе тонкой штуки они не поняли бы. Сперва я размахивалъ руками и „возбужденно" разговаривалъ съ Павломъ Петровичемъ, пока тотъ не началъ въ удивленіи таращить свои глазенки; потомъ я впалъ въ „сосредоточенную задумчивость", дождавшись вопроса со стороны обязательной Ирины Павловны:

— Что съ вами Антонъ Игнатьевичъ? Отчего вы такой мрачный?

И когда всѣ взоры обратились на меня, я трагически улыбнулся.

— Вы нездоровы?

— Да. Немного. Кружится голова. Но не безпокойтесь пожалуйста. Это сейчасъ пройдетъ.

Хозяйка успокоилась, а Павелъ Петровичъ подозрительно, съ неодобреніемъ покосился на меня. И въ слѣдующую минуту, когда онъ съ блаженнымъ видомъ поднесъ къ губамъ рюмку портвейна, я—разъ!—выбилъ рюмку изъ подъ самаго его носа, два!—трахнулъ кулакомъ по тарелкѣ. Осколки летятъ, Павелъ Петровичъ барахтается и хрюкаетъ, барыни визжатъ, а я оска-

ливъ зубы, тащу со стола скатерть со всѣмъ, что на ней есть— это была преуморительная картина!

Да. Ну вотъ меня обступили, схватили: кто воды несетъ, кто усаживаетъ меня въ кресло, а я рычу, какъ тигръ въ зоологическомъ и глазами выдѣлываю. И все это было такъ нелѣпо, и всѣ они были такъ глупы, что мнѣ, ей Богу, не на шутку захотѣлось разбить нѣсколько этихъ мордъ—пользуясь привелегированностью моего положенія. Но я, конечно, воздержался.

Дальше картина медленнаго успокоенія, съ бурнымъ вздыманіемъ груди, закатываніемъ глазъ, поскрипываніемъ зубами и слабыми вопросами.

— Гдѣ я? Что со мною?

Даже это нелѣпо-французское: „гдѣ я?" имѣло успѣхъ у этихъ господъ, и не меньше трехъ дураковъ немедленно отрапортовали:

— У Каргановыхъ. (Сладкимъ голосомъ): Вы знаете, дорогой докторъ, кто такая Ирина Павловна Карганова?

Положительно они были слишкомъ мелки для хорошей игры!

Черезъ день—я далъ время дойти слухамъ до Савеловыхъ— разговоръ съ Татьяной Николаевной и Алексѣемъ. Послѣдній какъ то не осмыслилъ происшедшаго и ограничился вопросомъ:

— Что это ты, братъ, натворилъ у Каргановыхъ?

Повертѣлъ своимъ пиджачкомъ и ушелъ въ кабинетъ заниматься. Этакъ сойди я дѣйствительно съ ума, онъ и не поперхнулся бы. Зато особенно многорѣчиво, бурно и, конечно, неискренно было сочувствіе его супруги. И тутъ... не то, чтобы мнѣ стало жаль начатаго, а просто явился вопросъ: да стоитъ ли?

— Вы сильно любите мужа,—сказалъ я Татьянѣ Николаевнѣ, провожавшей взоромъ Алексѣя. Она быстро обернулась.

— Да. А что?

— Да ничего, такъ,—и послѣ минутнаго молчанія, сторожкаго, полнаго невысказанныхъ мыслей, я добавилъ: почему вы не довѣряете мнѣ?

Она быстро и прямо посмотрѣла мнѣ въ глаза, но не отвѣтила. И въ эту минуту я забылъ, что когда то давно она засмѣялась, и не было у меня зла на нее, и то, что я дѣлаю, показалось мнѣ ненужнымъ и страннымъ. Это была усталость, естественная послѣ сильнаго подъема нервовъ, и длилась она всего одно мгновенье.

— А развѣ вамъ можно вѣрить? — спросила Татьяна Николаевна послѣ долгаго молчанія.

— Конечно нельзя—шутливо отвѣтилъ я, а внутри меня уже снова разгорѣлся потухшій огонь. Силу, смѣлость, ни передъ чѣмъ не останавливающуюся рѣшимость ощутилъ я въ себѣ.

Гордый уже достигнутымъ успѣхомъ, я смѣло рѣшилъ идти до конца. Борьба—вотъ радость жизни.

Второй припадокъ случился черезъ мѣсяцъ послѣ перваго. Здѣсь не все было такъ продумано, да это и излишне при существованіи общаго плана. У меня не было намѣренія устраивать его именно въ этотъ вечеръ, но разъ обстоятельства складывались такъ благопріятно, глупо было бы не воспользоваться ими. И я ясно помню, какъ все это произошло. Мы сидѣли въ гостиной и болтали, когда мнѣ стало очень грустно. Мнѣ живо представилось—вообще это рѣдко бываетъ—какъ я чуждъ всѣмъ этимъ людямъ и одинокъ въ мірѣ,—я, навѣки заключенный въ эту голову, въ эту тюрьму. И тогда всѣ они стали противны мнѣ. И съ яростью я ударилъ кулакомъ и закричалъ что-то грубое и съ радостью увидѣлъ испугъ на ихъ поблѣднѣвшихъ лицахъ.

— Негодяи!—кричалъ—я. Поганые, довольные негодяи! Лжецы лицемѣры, ехидны. Ненавижу васъ!

И правда, что я боролся съ ними, потомъ съ лакеями и кучерами. Но вѣдь я зналъ, что борюсь, и зналъ, что это нарочно. Просто мнѣ было пріятно бить ихъ, сказать прямо въ глаза правду о томъ, какіе они. Развѣ всякій, кто говоритъ правду, сумасшедшій? Увѣряю васъ гг. эксперты, что я все сознавалъ, что, ударяя, я чувствовалъ подъ рукою живое тѣло, которому больно. А дома, оставшись одинъ, я смѣялся и думалъ, какой я удивительный, прекрасный актеръ. Потомъ я легъ спать и на ночь читалъ книжку, даже могу вамъ сказать какую: Гюи Мопассана; какъ всегда наслаждался ею и заснулъ, какъ младенецъ. А развѣ сумасшедшіе читаютъ книги и наслаждаются ими? Развѣ они спятъ, какъ младенцы?

Сумасшедшіе не спятъ. Они страдаютъ и въ головѣ у нихъ все мутится. Да. Мутится и падаетъ. И имъ хочется выть, царапать себя руками. Имъ хочется стать вотъ такъ на четвереньки и ползти тихо, тихо и потомъ разомъ вскочить и закричать:

— Ага!

И засмѣяться. И выть. Такъ поднять голову и долго, долго, протяжно-протяжно, жалко-жалко.

Да. Да.

А я спалъ, какъ младенецъ. Развѣ сумасшедшіе спятъ какъ младенцы?

Листъ четвертый.

Вчера вечеромъ сидѣлка Маша спросила меня:

— Антонъ Игнатьевичъ! Вы никогда не молитесь Богу?

Она была серьезна и вѣрила, что я отвѣчу ей искренно и серьезно. И я отвѣтилъ ей, безъ улыбки, какъ она хотѣла:

— Нѣтъ, Маша, никогда. Но если это доставитъ вамъ удовольствіе, вы можете перекрестить меня.

И все также серьезно она трижды перекрестила меня, и я былъ очень радъ, что доставилъ минуту удовольствія этой превосходной женщинѣ. Какъ всѣ высоко стоящіе и свободные люди, вы, гг. эксперты, не обращаете вниманія на прислугу, но намъ, арестантамъ и „сумасшедшимъ", приходится видѣть ее близко и подчасъ совершать удивительныя открытія. Такъ, вамъ, вѣроятно, не приходило и въ голову, что сидѣлка Маша, приставленная вами наблюдать за сумасшедшими—*сама сумасшедшая*? А это такъ.

Приглядитесь къ ея походкѣ, безшумной, скользящей, немного пугливой и удивительно осторожной и ловкой, точно она ходитъ между невидимыми обнаженными мечами. Всмотритесь въ ея лицо, но сдѣлайте это какъ-нибудь незамѣтно для нея, чтобы она не знала о вашемъ присутствіи. Когда приходитъ кто-нибудь изъ васъ, лицо Маши становится серьезнымъ, важнымъ, но снисходительно улыбающимся—какъ разъ то выраженіе, которое въ этотъ моментъ господствуетъ на вашемъ лицѣ. Дѣло въ томъ, что Маша обладаетъ странною и многозначительною способностью непроизвольно отражать на своемъ лицѣ выраженіе всѣхъ другихъ лицъ. Иногда она смотритъ на меня и улыбается. Этакая блѣдная, отраженная, словно чужая улыбка. И я догадываюсь, что я улыбался, когда она взглянула на меня. Иногда лицо Маши становится страдальческимъ, угрюмымъ; брови сходятся къ переносью, углы рта опускаются; все лицо старѣетъ на десятокъ лѣтъ и темнѣетъ,—вѣроятно, таково же иногда мое лицо. Случается, что я ее пугаю своимъ взглядомъ. Вы знаете, какъ страненъ и немного страшенъ взглядъ всякаго глубоко задумавшагося человѣка. И глаза Маши расширяются, зрачокъ темнѣетъ и, слегка приподнявъ руки, она безшумно идетъ ко мнѣ и что-нибудь со мной дѣлаетъ, дружеское и неожиданное: приглаживаетъ мнѣ волосы или поправляютъ халатъ.

— Поясъ у васъ развяжется!—говоритъ она, а лицо ея все такое же испуганное.

Но мнѣ случается видѣть ее одну. И когда она одна, на лицѣ ея странно отсутствуетъ всякое выраженіе. Оно блѣдно, красиво и загадочно, какъ лицо мертвеца. Крикнешь ей: Маша! — она быстро обернется, улыбнется *своею*, нѣжною и пугливою улыбкою и спроситъ:

— Вамъ подать что-нибудь?..

Она всегда что-нибудь подаетъ, принимаетъ, и если ей нечего

подавать, принимать и убирать, видимо безпокоится. И всегда она безшумная. Я ни разу не замѣчалъ, чтобы она что-нибудь уронила или стукнула. Я пробовалъ говорить съ нею о жизни, и она странно равнодушна ко всему, даже къ убійствамъ, пожарамъ и всякому другому ужасу, который такъ дѣйствуетъ на малоразвитыхъ людей.

— Вы понимаете: ихъ убиваютъ, ранятъ, и у нихъ остаются маленькія голодныя дѣти,—говорилъ я ей про войну.

— Да, понимаю,—отвѣтила она и задумчиво спросила:—вамъ не датьли молока, вы сегодня мало кушали.

Я смѣюсь, и она отвѣчаетъ немного испуганнымъ смѣхомъ. Она ни разу не была въ театрѣ, не знаетъ, что Россія—государство, и что есть другія государства; она неграмотна и Евангеліе слышала только то, которое отрывками читаютъ въ церкви. И каждый вечеръ она становится на колѣни и подолгу молится.

Я долго считалъ ее просто ограниченнымъ, тупымъ существомъ, рожденнымъ для рабства, но одинъ случай заставилъ меня измѣнить взглядъ. Вы, вѣроятно, знаете, вамъ, вѣроятно, сказали, что я пережилъ здѣсь одну скверную минуту, которая ничего, конечно, не доказываетъ, кромѣ усталости и временнаго упадка силъ. *Это было полотенце.* Конечно я сильнѣе Маши и могъ убить ее, такъ какъ мы были только вдвоемъ и еслибъ она крикнула или хватила меня за руку... но она ничего этого не сдѣлала. Она только сказала:

— Не надо, голубчикъ.

Я часто потомъ думалъ надъ этимъ *„не надо“* и до сихъ поръ не могу понять той удивительной силы, которая въ немъ заключена, и которую я чувствую. Она не въ самомъ словѣ, безсмысленномъ и пустомъ; она гдѣ то въ неизвѣстной мнѣ и недоступной глубинѣ Машиной души. Она знаетъ что-то. Да она знаетъ, но не можетъ или не хочетъ сказать. Потомъ я много разъ добивался отъ Маши объясненія этого „не надо“, и она не могла объяснить.

— Вы думаете, что самоубійство грѣхъ? Что его запретилъ Богъ?

— Нѣтъ.

— Почему же не надо?

— Такъ. Не надо—и она улыбается и спрашиваетъ:—вамъ не принести чего-нибудь?

Положительно, она сумасшедшая, но тихая и полезная, какъ многіе сумасшедшіе. И вы не трогайте ее.

Я позволилъ себѣ уклониться отъ повѣствованія, такъ какъ вчерашній Машинъ поступокъ бросилъ меня въ воспоминаніямъ о дѣтствѣ. Матери я не помню, но у меня была тетя Анфиса,

которая всегда крестила меня на ночь. Она была молчаливая старая дѣва съ прыщами на лицѣ и очень стыдилась, когда отецъ шутилъ съ ней о женихахъ. Я былъ еще маленькій, лѣтъ одинадцати, когда она удавилась въ маленькомъ сарайчикѣ, гдѣ у насъ складывали уголья. Отцу она потомъ все представлялось, и этотъ веселый атеистъ заказывалъ обѣдни и панихиды.

Онъ былъ очень умный и очень талантливый, мой отецъ, и его рѣчи въ судѣ заставляли плакать не только нервныхъ дамъ но и серьезныхъ, уравновѣшенныхъ людей. Только я не плакалъ слушая его, потому что зналъ его и зналъ, что самъ онъ ничего не понимаетъ изъ того, что говоритъ. У него много было знаній, много мыслей и еще больше словъ; и слова, и мысли, и знанія часто комбинировались очень удачно и красиво, но онъ самъ ничего въ этомъ не понималъ. *Я часто сомнѣвался даже, существуешь ли онъ*, до того весь онъ былъ во внѣ, въ звукахъ и жестахъ, и мнѣ часто казалось, что это не человѣкъ, а мелькающій въ синематографѣ образъ, соединенный съ грамофономъ. Онъ не понималъ, что онъ человѣкъ, что сейчасъ онъ живетъ, а потомъ умретъ, и ничего не искалъ. И когда онъ ложился въ постель, переставалъ двигаться и засыпалъ, онъ, навѣрное, не видѣлъ никакихъ сновъ и переставалъ существовать. Своимъ языкомъ—онъ былъ адвокатомъ—онъ зарабатывалъ тысячъ тридцать въ годъ и ни разу онъ не удивился и не задумался надъ этимъ обстоятельствомъ. Помню, мы поѣхали съ нимъ въ только что купленное имѣніе, и я сказалъ, указывая на деревья парка:

— Кліенты?

Онъ улыбнулся, польщенный, и отвѣтилъ:

— Да, братъ, талантъ—великое дѣло.

Онъ много пилъ, и опьяненіе выражалось только въ томъ, что все у него начиналось быстрѣе двигаться, а потомъ сразу останавливалось—это онъ засыпалъ. И всѣ считали его необыкновенно даровитымъ, а онъ постоянно говорилъ, что еслибъ онъ не сдѣлался знаменитымъ адвокатомъ, то былъ бы знаменитымъ художникомъ или писателемъ. Къ сожалѣнію, это правда.

И менѣе всего понималъ онъ меня. Однажды случилось такъ, что намъ грозила потеря всего состоянія. И для меня это было ужасно. Въ наши дни, когда только богатство даетъ свободу, я не знаю, чѣмъ бы я сталъ, еслибъ судьба поставила меня въ ряды пролетаріата. Я и сейчасъ безъ гнѣва не могу себѣ представить, что кто-нибудь осмѣливается наложить на меня свою руку—заставляетъ меня дѣлать то, чего я не хочу, покупаетъ за гроши мой трудъ, мою кровь, мои нервы, мою жизнь. Но этотъ ужасъ я испыталъ только на одну минуту, а въ слѣдующую я понялъ, что такіе, какъ я, никогда не бываютъ бѣдны.

А отецъ не понималъ этого. Онъ искренно считалъ меня тупымъ юношей и со страхомъ смотрѣлъ на мою мнимую безпомощность.

— Ахъ, Антонъ, Антонъ, что будешь ты дѣлать!..—говорилъ онъ. Самъ онъ совсѣмъ раскисъ: длинные нечесанные волосы свисли на лобъ, лицо было желто. Я отвѣтилъ:

— За меня, папаша, не безпокойся. Такъ какъ я не талантливъ, то я убью Ротшильда или ограблю банкъ.

Отецъ разсердился, такъ какъ принялъ мой отвѣтъ за неумѣстную и плоскую шутку. Онъ видѣлъ мое лицо, онъ слышалъ мой голосъ и все-таки принялъ это за шутку. Жалкій картонный паяцъ, по недоразумѣнію считавшійся человѣкомъ!

Души моей онъ не зналъ, а весь внѣшній распорядокъ моей жизни возмущалъ его, ибо не вкладывался въ его пониманіе. Въ гимназіи я хорошо учился и это его огорчало. Когда приходили гости,—адвокаты, литераторы и художники,—онъ тыкалъ въ меня пальцемъ и говорилъ:

— А сынъ-то у меня—первый ученикъ. Чѣмъ прогнѣвалъ я Бога?

И всѣ смѣялись надо мною, и я смѣялся надъ всѣми. Но еще болѣе, чѣмъ мои успѣхи, огорчало его мое поведеніе и костюмъ. Онъ нарочно приходилъ въ мою комнату съ тѣмъ, чтобы незамѣтно для меня переложить книги на столѣ и произвести хоть какой нибудь безпорядокъ. Моя аккуратная прическа лишала его аппетита.

— Инспекторъ приказываетъ коротко стриться,—говорилъ я серьезно и почтительно.

Онъ крупно ругался, а внутри меня все дрожало отъ презрительнаго хохота, и не безъ основанія дѣлилъ я тогда весь міръ на инспекторовъ просто и инспекторовъ на изнанку. И всѣ они тянулись къ моей головѣ: одни, чтобы остричь ее, другіе—чтобы вытянуть изъ нея волосы.

Хуже всего для отца были мои тетрадки. Иногда пьяный, онъ разсматривалъ ихъ съ безнадежнымъ и комическимъ отчаяніемъ.

— Случалось ли тебѣ хоть разъ поставить кляксу?—спрашивалъ онъ.

— Да, случалось, папаша. Третьяго дня я капнулъ на тригонометрію.

— Вылизалъ?

— То-есть, какъ вылизалъ?

— Ну, да, вылизалъ кляксу?

— Нѣтъ, я приложилъ пропускной бумаги.

Отецъ пьянымъ жестомъ отмахивался рукой и ворчалъ, поднимаясь:

— Нѣтъ, ты не сынъ мнѣ. Нѣтъ, нѣтъ.

Среди ненавистныхъ ему тетрадокъ была одна, которая могла, однако, доставить ему удовольствіе. Въ ней также не было ни одной кривой строчки, ни кляксы, ни помарки. И стояло въ ней приблизительно слѣдующее:

„Мой отецъ пьяница, воръ и трусъ“. Далѣе слѣдовали нѣкоторыя подробности, которыя изъ уваженія къ памяти отца, а также и къ закону, я не считаю нужнымъ передавать.

Здѣсь мнѣ приходитъ на память одинъ забытый мною фактъ, который, какъ я вижу теперь, не будетъ лишенъ для васъ гг. эксперты, крупнаго интереса. Я очень радъ, что вспомнилъ его, очень, очень радъ. Какъ я могъ его забыть?

У насъ въ домѣ жила горничная Катя, которая была любовницею отца и одновременно любовницею моею. Отца она любила потому, что онъ давалъ ей деньги, а меня за то, что я былъ молодъ, имѣлъ красивые черные глаза и не давалъ денегъ. И въ ту ночь, когда трупъ моего отца стоялъ въ залѣ, я отправился въ комнату Кати. Она была недалеко отъ залы, и въ ней явственно слышно было чтеніе дьячка.

Думаю, что безмертный духъ моего отца получилъ полное удовлетвореніе!

Нѣтъ, это дѣйствительно интересный фактъ, и я не понимаю, какъ могъ я забыть его. Вамъ, гг. эксперты, это можетъ показаться мальчишествомъ, дѣтской выходкой, не имѣющей серьезнаго значенія, но это неправда. Это, господа эксперты, была жестокая битва, и побѣда въ ней не дешево досталась мнѣ. Ставкою была моя жизнь. Струсь я, поверни назадъ, окажись неспособнымъ къ любви — я убилъ бы себя. *Это было рѣшено, я помню.*

И то, что я дѣлалъ, для юноши моихъ лѣтъ было не такъ-то легко. Теперь я знаю, что я боролся съ вѣтреной мельницей, но тогда все дѣло представлялось мнѣ въ иномъ свѣтѣ. Сейчасъ мнѣ уже трудно воспроизвести въ памяти пережитое, но чувство, помнится, у меня было такое, будто однимъ поступкомъ я нарушаю всѣ законы, божескіе и человѣческіе. И я ужасно трусилъ, до смѣшного, но все-таки справился съ собою, и когда вошелъ къ Катѣ, то былъ готовъ къ поцѣлуямъ, какъ Ромео.

Да, тогда я былъ еще, какъ кажется, романтикомъ. Счастливая пора, какъ она далека! Помню, гг. эксперты, что, возвращаясь отъ Кати, я остановился передъ трупомъ, сложилъ руки на груди, какъ Наполеонъ, и съ комической гордостью посмотрѣлъ на него. И тутъ же вздрогнулъ, испугавшись шевельнувшагося покрывала. Счастливая, далекая пора!

Боюсь думать, но кажется я никогда не переставалъ быть

романтикомъ. И чуть ли я не былъ идеалистомъ. Я вѣрилъ въ человѣческую мысль и въ ея безграничную мощь. Вся исторія человѣчества представлялась мнѣ шествіемъ одной торжествующей мысли, и это было еще такъ недавно. И мнѣ страшно подумать, что вся моя жизнь была обманомъ, что всю жизнь я былъ безумцемъ, какъ тотъ сумасшедшій актеръ, котораго я видѣлъ въ сосѣдней палатѣ. Онъ набиралъ отовсюду синихъ и красныхъ бумажекъ и каждую изъ нихъ называлъ милліономъ; онъ выпрашивалъ ихъ у посѣтителей, кралъ и таскалъ ихъ изъ клозета, и сторожа грубо шутили, а онъ искренно и глубоко презиралъ ихъ. Я ему понравился, и на прощаніе онъ далъ мнѣ милліонъ.

— Это небольшой милліончикъ, —сказалъ онъ, —но вы меня извините: у меня сейчасъ такіе расходы, такіе расходы.

И, отведя меня въ сторону, шопотомъ пояснилъ:

— Сейчасъ я приторговываюсь къ Италіи. Хочу прогнать папу и ввести тамъ новыя деньги, вотъ эти. И потомъ, въ воскресенье, объявлю себя святымъ. Итальянцы будутъ рады, они всегда очень радуются, когда имъ даютъ новаго святого.

Не съ этимъ ли милліономъ я жилъ?

Мнѣ странно подумать, что мои книги, мои товарищи и друзья, все также стоятъ въ своихъ шкафахъ и молчаливо хранятъ то, что я считалъ мудростью земли, ея надеждой и счастьемъ. Я знаю, гг. эксперты, что сумасшедшій ли я или нѣтъ, но, съ вашей точки зрѣнія, я негодяй, —посмотрѣли бы вы на этого негодяя, когда онъ входитъ въ свою библіотеку?

Сходите, гг. эксперты, осмотрите мою квартиру, это будетъ для васъ интересно. Въ лѣвомъ верхнемъ ящикѣ письменнаго стола вы найдете подробный каталогъ книгъ, картинъ и бездѣлушекъ; тамъ же вы найдите ключи отъ шкафовъ. Вы сами люди науки, и я вѣрю, что вы съ должнымъ уваженіемъ и аккуратностью отнесетесь къ моимъ вещамъ. *Также прошу васъ слѣдить, чтобы не коптили лампы.* Нѣтъ ничего ужаснѣе этой копоти: она забирается всюду, и потомъ стоитъ большого труда удалить ее.

На клочкѣ.

Сейчасъ фельдшеръ Петровъ отказался дать мнѣ Chloralamid; въ той дозѣ, въ какой я требую. Прежде всего я врачъ и знаю, что дѣлаю, и затѣмъ, если мнѣ будетъ отказано, я приму рѣшительныя мѣры. Я двѣ ночи не спалъ и вовсе не желаю сходить съ ума. Я требую, чтобы мнѣ дали хлораламиду. Я этого требую. Это *безчестно*—сводить съ ума.

Листъ пятый.

Послѣ второго припадка меня начали бояться. Во многихъ домахъ передо мною поспѣшно захлопывались двери; при случайной встрѣчѣ знакомые ежились, подло улыбались и многозначительно спрашивали:

— Ну какъ, голубчикъ, здоровье?

Положеніе было какъ разъ такое, при которомъ я могъ совершить любое беззаконіе и не потерять уваженія окружающихъ. Я смотрѣлъ на людей и думалъ: если я захочу, я могу убить этого и этого, и ничего мнѣ за то не будетъ. И то, что я испытывалъ при этой мысли, было ново, пріятно и немного страшно. Человѣкъ пересталъ быть чѣмъ-то строго защищаемымъ, до чего боязно прикоснуться: словно шелуха какая-то спала съ него, онъ былъ словно голый и убить его казалось легко и соблазнительно.

Страхъ такой плотной стѣной ограждалъ меня онъ пытливыхъ взоровъ, что сама собою упразднялась необходимость въ третьемъ подготовительномъ припадкѣ. Только въ этомъ отношеніи отступалъ я отъ начертаннаго плана, но въ томъ-то и сила таланта, что онъ не сковываетъ себя рамками и въ сообразности съ измѣнившимся обстоятельствами мѣняетъ и весь ходъ битвы. Но нужно было еще получить оффиціальное отпущеніе грѣховъ бывшихъ и разрѣшеніе на грѣхи будущіе—научно медицинское удостовѣреніе моей болѣзни.

И здѣсь я дождался такого стеченія обстоятельствъ, при которомъ мое обращёніе къ психіатру могло казаться случайностью, или даже чѣмъ-то вынужденнымъ. Это была, быть можетъ, и излишняя, но художественная тонкость въ отдѣлкѣ моей роли. Послали меня къ психіатру Татьяна Николаевна и ея мужъ.

— Пожалуйста, сходите къ доктору, дорогой Антонъ Игнатьевичъ,—говорила Татьяна Николаевна. Она никогда раньше не называла меня „дорогимъ“, и нужно мнѣ было прослыть сумасшедшимъ, чтобы получить эту ничтожную ласку.

— Хорошо, дорогая Татьяна Николаевна, я схожу,—покорно отвѣтилъ я. Мы втроемъ—Алексѣй былъ тутъ же—сидѣли въ кабинетѣ, гдѣ впослѣдствіи произошло убійство.

— Да, Антонъ, обязательно сходи,—авторитетно подтвердилъ Алексѣй.—А то надѣлаешь чего-нибудь такого.

— Но что же могу я „надѣлать“?—робко оправдывался я передъ своимъ строгимъ другомъ.

— Мало ли чего. Голову кому-нибудь прошибешь.

Я поворачивалъ въ рукахъ тяжелое чугунное прессъ-папье, смотрѣлъ то на него, то на Алексѣя и спрашивалъ:

— Голову! Ты говоришь голову!

— Ну да, голову. Хватишь вотъ такой штукой, какъ эта, и готово.

Это становилось интересно. *Именно голову и именно этой штукой намѣревался я просадить, а теперь эта самая голова разсуждала, какъ это выйдетъ.* Разсуждала и беззаботно улыбалась. А есть люди, которые вѣрятъ въ предчувствія, въ то, что смерть заранѣе посылаетъ какихъ-то своихъ незримыхъ вѣстниковъ—какая чепуха!

— Ну едва-ли можно сдѣлать что-нибудь этой вещью,—сказалъ я.—Она слишкомъ легка.

— Что ты городишь: легка!—возмутился Алексѣй, выдернулъ у меня изъ рукъ пресс-папье и взявъ за тонкую ручку, нѣсколько разъ взмахнулъ.—Попробуй!

— Да я же знаю...

— Нѣтъ, ты возьми вотъ такъ и увидишь.

Нехотя, улыбаясь, я взялъ тяжелую вещь, но тутъ вмѣшалась Татьяна Николаевна. Блѣдная, съ трясущимися губами, она сказала, скорѣе закричала:

— Алексѣй, оставь! Алексѣй, оставь!

— Что ты Таня! Что съ тобой?—изумился онъ.

— Оставь! Ты знаешь, какъ не люблю я такія шутки.

Мы разсмѣялись, и прессъ-папье было поставлено на столъ.

У профессора Т. все произошло такъ, какъ я и ожидалъ. Онъ былъ очень остороженъ, сдержанъ въ выраженіяхъ, но серьезенъ; спрашивалъ, есть ли у меня родные, уходу которыхъ я могу поручить себя, совѣтовалъ посидѣть дома, поотдохнуть и успокоиться. Опираясь на свое званіе врача, я слегка поспорилъ съ нимъ, и если у него и оставались какія-нибудь сомнѣнія, то тутъ, когда я осмѣлился возражать ему, онъ безповоротно зачислилъ меня въ сумасшедшіе. Конечно, гг. эксперты, вы не придадите серьезнаго значенія этой безобидной шуткѣ надъ однимъ изъ нашихъ собратьевъ: какъ ученый, профессоръ Т., несомнѣнно, достоинъ уваженія и почета.

Слѣдующіе нѣсколько дней были одними изъ самыхъ счастливыхъ дней моей жизни. Меня жалѣли, какъ признаннаго больного, ко мнѣ дѣлали визиты, со мной говорили какимъ-то ломаннымъ, нелѣпымъ языкомъ, и только одинъ я зналъ, что я здоровъ, какъ никто, и наслаждался отчетливой, могучей работой своей мысли. Изъ всего удивительнаго, непостижимаго, чѣмъ богата жизнь, самое удивительное и непостижимое—это человѣческая мысль. Въ ней божественность, въ ней залогъ безсмертія и могучая сила, не знающая преградъ. Люди поражаются восторгомъ и изумленіемъ, когда глядятъ на снѣжныя вершины

горныхъ громадъ; еслибъ они понимали самихъ себя, то больше, чѣмъ горами, больше чѣмъ, всѣми чудесами и красотами міра, они были бы поражены своей способностью мыслить. Простая мысль чернорабочаго о томъ, какъ цѣлесообразнѣе положить одинъ кирпичъ на другой—вотъ величайшее чудо и глубочайшая тайна.

И я наслаждался своею мыслью. Невинная въ своей красотѣ, она отдавалась мнѣ со страстью, какъ любовница, служила мнѣ, какъ раба, и поддерживала меня, какъ другъ. Не думайте, что всѣ эти дни, проведенные дома въ четырехъ стѣнахъ я размышлялъ только о своемъ планѣ. Нѣтъ, тамъ все было ясно и все продумано. Я размышлялъ обо всемъ. Я и моя мысль, мы словно играли съ жизнью и смертью и высоко-высоко парили надъ ними. Между прочимъ, я рѣшилъ въ тѣ дни двѣ очень интересныя шахматныя задачи, надъ которыми трудился давно, но безуспѣшно. Вы знаете, конечно, что три года назадъ я участвовалъ въ международномъ шахматномъ турнирѣ и занялъ второе мѣсто послѣ Ласкера. Еслибъ я не былъ врагомъ всякой публичности и продолжалъ участвовать въ состязаніяхъ, *Ласкеру пришлось бы уступить насиженное мѣсто.*

И съ той минуты, какъ жизнь Алексѣя была отдана въ мои руки, я почувствовалъ къ нему особенное расположеніе. Мнѣ пріятно было думать, что онъ живетъ, пьетъ, ѣстъ и радуется, и все это потому, что я позволяю. Чувство, схожее съ чувствомъ отца къ сыну. И что меня тревожило, такъ это его здоровье. При всей своей хилости, онъ непростительно неостороженъ: отказывается носить фуфайку и въ самую опасную, сырую погоду выходить безъ галошъ. Успокоила меня Татьяна Николаевна. Она заѣхала навѣстить меня и разсказала, что Алексѣй совершенно здоровъ и даже спитъ хорошо, что съ нимъ рѣдко бываетъ. Обрадованный, я попросилъ Татьяну Николаевну передать Алексѣю книгу, — рѣдкій экземпляръ, случайно попавшій мнѣ въ руки и давно нравившійся Алексѣю. Быть можетъ, съ точки зрѣнія моего плана, этотъ подарокъ былъ ошибкой—могли заподозрить въ этомъ преднамѣренную подтасовку, но мнѣ такъ хотѣлось доставить Алексѣю удовольствіе, что я рѣшилъ немного рискнуть. Я пренебрегъ даже тѣмъ обстоятельствомъ, что въ смыслѣ художественности моей игры подарокъ былъ уже шаржемъ.

Съ Татьяной Николаевной въ этотъ разъ я былъ очень милъ и простъ и произвелъ на нее хорошее впечатлѣніе. Ни она ни Алексѣй не видѣли ни одного моего припадка и имъ, очень видно, трудно, даже невозможно было представить меня сумасшедшимъ.

— Заѣзжайте же къ намъ, — просила Татьяна Николаевна при прощаніи.

— Нельзя,—улыбнулся я.—Докторъ не велѣлъ.

— Ну вотъ еще пустяки. Къ намъ можно,—это все равно что дома. И Алеша скучаетъ безъ васъ.

Я обѣщалъ, и *ни одно обѣщаніе не давалось съ такою увѣренностью въ исполненіи, какъ это*. Не кажется ли вамъ гг. эксперты, когда вы узнаете обо всѣхъ этихъ счастливыхъ совпаденіяхъ, не кажется ли вамъ, что уже не мною только былъ осужденъ на смерть Алексѣй, а и кѣмъ-*то другимъ*? А въ сущности, никакого „другого" нѣтъ, и все такъ просто и логично.

Чугунное прессъ-папье стояло на своемъ мѣстѣ, когда 11-го декабря въ 5 часовъ вечера я вошелъ въ кабинетъ къ Алексѣю. Въ этотъ часъ, передъ обѣдомъ — обѣдаютъ они въ семь часовъ—и Алексѣй, и Татьяна Николаевна проводятъ въ отдыхѣ. Моему приходу очень обрадовались.

— Спасибо за книгу, дружище — сказалъ Алексѣй, тряся мою руку.—Я и самъ собирался къ тебѣ, да Таня сказала, что ты совсѣмъ поправился. Мы нынче въ театръ—ѣдемъ съ нами?

Начался разговоръ. Въ этотъ день я рѣшилъ совсѣмъ не притворяться—въ этомъ отсутствіи притворства было свое тонкое притворство — и находясь подъ впечатлѣніемъ пережитаго подъема мысли, говорилъ много и интересно. Еслибъ почитатели таланта Савелова знали, сколько лучшихъ „его" мыслей зародилось и было выношено въ головѣ никому неизвѣстнаго доктора Керженцева!

Я говорилъ ясно, точно, отдѣлывая фразы; я смотрѣлъ въ то же время на стрѣлку часовъ и думалъ, что когда она будетъ на шести, я стану убійцей. И я говорилъ что-то смѣшное, и они смѣялись, а я старался запомнить ощущеніе человѣка, который еще не убійца, но скоро станетъ убійцей. Уже не въ отвлеченнымъ представленіи, а совсѣмъ просто понималъ я процессъ жизни въ Алексѣѣ, біеніе его сердца, переливаніе въ вискахъ крови, безшумную вибрацію мозга и то, какъ процессъ этотъ прервется, сердце перестанетъ гнать кровь и замретъ мозгъ.

На какой мысли онъ замретъ?

Никогда ясность моего сознанія не достигала такой высоты и силы; никогда не было такъ полно ощущеніе многограннаго, стройно работающаго *я*. Точно Богъ—не видя, я видѣлъ, не слушая—я слышалъ, не думая—я сознавалъ.

Оставалось семь минутъ, когда Алексѣй лѣниво поднялся съ дивана, потянулся и вышелъ.

— Я сейчасъ,—сказалъ онъ, выходя.

Мнѣ не хотѣлось смотрѣть на Татьяну Николаевну, и я ото-

шелъ къ окну, раздвинулъ драпри и сталъ. И не глядя, я почувствовалъ, какъ Татьяна Николаевна торопливо прошла комнату и стала рядомъ со мною. Я слышалъ ея дыханіе, зналъ, что она смотритъ не въ окно, а на меня, и молчалъ.

— Какъ славно блеститъ снѣгъ—сказала Татьяна Николаевна, но я не отозвался. Дыханіе ея стало чаще, потомъ прервалось.

— Антонъ Игнатьевичъ!—сказала она и остановилась.

Я молчалъ.

— Антонъ Игнатьевичъ!—повторила она такъ же нерѣшительно, и тутъ я взглянулъ на нее. Она быстро отшатнулась, чуть не упала, точно ее отбросило той страшной силой, которая была въ моемъ взглядѣ. Отшатнулась и бросилась къ вошедшему мужу.

— Алексѣй!—бормотала она.—Алексѣй... Онъ...

— Ну что онъ?

Не улыбаясь, но голосомъ оттѣняя шутку, я сказалъ:

— Она думаетъ, что я хочу убить тебя этой штукой.

И совсѣмъ спокойно, не скрываясь, я взялъ прессъ-папье, приподнялъ его въ рукѣ и спокойно подошелъ къ Алексѣю. Онъ не мигая смотрѣлъ на меня своими блѣдными глазами и повторялъ:

— Она думаетъ...

— Да, она думаетъ.

Медленно, плавно я сталъ приподнимать свою руку, и Алексѣй также медленно сталъ приподнимать свою, все не спуская съ меня глазъ.

— *Погоди!—строго сказалъ я.*

Рука Алексѣя остановилась и, все не спуская съ меня глазъ, онъ недовѣрчиво улыбнулся, блѣдно, однѣми губами. Татьяна Николаевна что-то страшно крикнула, но было поздно. Я ударилъ острымъ концомъ въ високъ, ближе къ темени, чѣмъ къ глазу. И когда онъ упалъ, я нагнулся и еще два раза ударилъ его. Слѣдователь говорилъ мнѣ что я билъ его много разъ, потому что голова его вся раздроблена. Но эта не правда. Я ударилъ его всего на всего *три раза:* разъ когда онъ стоялъ, и два раза потомъ на полу.

Правда, что удары были очень сильны, но ихъ было *всего три.* Это я помню навѣрно. *Три удара.*

Листъ шестой.

Не старайтесь разобрать зачеркнутое въ концѣ четвертаго листа и вообще не придавайте излишняго значенія моимъ помаркамъ, какъ мнимымъ признакамъ разстроеннаго мышленія. Въ томъ странномъ положеніи, въ которомъ я очутился, я долженъ

быть странно остороженъ, чего я не скрываю, и что вы прекрасно понимаете.

Ночной мракъ всегда сильно дѣйствуетъ на утомленную нервную систему, и потому такъ часто приходятъ ночью страшныя мысли. А въ ту ночь, первую за убійствомъ, мои нервы были, конечно, въ особенномъ напряженіи. Какъ я ни владѣлъ собою, но убить человѣка не шутка. За чаемъ, уже приведя себя въ порядокъ, отмывши ногти и перемѣнивъ платье, я позвалъ посидѣть съ собою Марью Васильевну. Это моя экономка и отчасти жена. У нея, кажется, есть на сторонѣ любовникъ, но женщина она красивая, тихая и не жадная, и я легко помирился съ этимъ маленькимъ недостаткомъ, который почти неизбѣженъ въ положеніи человѣка, пріобрѣтающаго любовь за деньги. И вотъ эта глупая женщина первая нанесла мнѣ ударъ.

— Поцѣлуй меня,—сказалъ я.

Она глупо улыбнулась и застыла на своемъ мѣстѣ.

— Ну же!

Она вздрогнула, покраснѣла и, сдѣлавъ испуганные глаза, моляще протянулась ко мнѣ черезъ столъ, говоря:

— Антонъ Игнатьевичъ, душечка, сходите къ доктору!

— Чего еще?—разсердился я.

— Ой, не кричите, боюсь! Ой, боюсь васъ, душечка, ангельчикъ!

А она вѣдь ничего не знала ни о моихъ припадкахъ, ни объ убійствѣ, и я всегда былъ съ нею ласковъ и ровенъ. Значитъ было во мнѣ что то такое, чего нѣтъ у другихъ людей, и что пугаетъ—мелькнула у меня мысль и тотчасъ исчезла, оставивъ странное ощущеніе холода въ ногахъ и спинѣ. Я понялъ, что Марья Васильевна узнала что нибудь на сторонѣ, отъ прислуги, или наткнулась на сброшенное мною испорченное платье, и этимъ совершенно естественно объяснялся ея страхъ.

— Ступайте,—приказалъ я.

Потомъ я лежалъ на диванѣ въ своей библіотекѣ. Читать не хотѣлось, во всемъ тѣлѣ чувствовалось усталость и состояніе въ общемъ было такое, какъ у актера послѣ блестяще сыгранной роли. Мнѣ пріятно было смотрѣть на книги и пріятно было думать, что когда нибудь потомъ я буду ихъ читать. Нравилась мнѣ вся моя квартира и диванъ, и Марья Васильевна. Мелькали въ головѣ отрывки фразъ изъ моей роли, мысленно воспроизводились движенія, которыя я дѣлалъ и изрѣдка лѣниво проползали критическія мысли: а вотъ тутъ лучше можно было сказать или сдѣлать. Но своимъ импровизированнымъ „погоди!“ я былъ очень доволенъ. Дѣйствительно, это рѣдкій и для тѣхъ, кто не испыталъ самъ, невѣроятный образчикъ силы внушенія.

— „Погоди!“—повторялъ я, закрывъ глаза и улыбался. И

*

вѣки мои стали тяжелѣть, и мнѣ хотѣлось спать, когда лѣниво, просто, какъ всѣ другія, въ мою голову вошла новая мысль, обладающая всѣми свойствами *моей* мысли: ясностью, точностью и простотой. Лѣниво вошла и остановилась. Вотъ она дословно и въ третьемъ, какъ было почему-то, лицѣ:

„*А весьма возможно, что докторъ Керженцевъ дѣйствительно сумасшедшій. Онъ думалъ, что онъ притворяется, а онъ дѣйствительно сумасшедшій. И сейчасъ сумасшедшій*“.

Три, четыре раза повторялась эта мысль, а я все еще улыбался, не понимая:

„*Онъ думалъ, что онъ притворяется, а онъ дѣйствительно сумасшедшій. И сейчасъ сумасшедшій*“.

Но когда я понялъ... Сперва я подумалъ, что эту фразу сказала Марья Васильевна, потому что какъ будто былъ голосъ и голосъ этотъ какъ будто былъ ея. Потомъ я подумалъ на Алексѣя. Да, на Алексѣя, на убитаго. Потомъ я понялъ, что это подумалъ я—и это былъ ужасъ. Взявъ себя за волосы, уже стоя почему то на серединѣ комнаты, я сказалъ:

— Такъ. Все кончено. Случилось то, чего я опасался. Я слишкомъ близко подошелъ къ границѣ, и теперь мнѣ остается впереди только одно—сумасшествіе.

Когда пріѣхали арестовать меня, я оказался, по ихъ словамъ, въ ужасномъ видѣ,—взлохмаченный, въ разорванномъ платьѣ, блѣдный и страшный. Но, Господи! Развѣ пережить такую ночь и все-таки не сойти съ ума не значитъ обладать несокрушимымъ мозгомъ? А вѣдь я только платье разорвалъ и разбилъ зеркало. Кстати: позвольте дать вамъ одинъ совѣтъ. Если когда-нибудь одному изъ васъ придется пережить то, что пережилъ я въ эту ночь, завѣсьте зеркала въ той комнатѣ, гдѣ вы будете метаться. Завѣсьте такъ же, какъ вы завѣшиваете ихъ тогда, когда въ домѣ стоитъ покойникъ. *Завѣсьте*!

Мнѣ страшно объ этомъ писать. Я боюсь того, что мнѣ нужно вспомнить и сказать. Но дальше откладывать нельзя и, быть можетъ, полусловами я только увеличиваю ужасъ.

Этотъ вечеръ.

Вообразите себѣ пьяную змѣю, да, да, именно пьяную змѣю: она сохранила свою злость; ловкость и быстрота ея еще усилилась, а зубы все такъ же остры и ядовиты. И она пьяна, и она въ запертой комнатѣ, гдѣ много дрожащихъ отъ ужаса людей. И холодно свирѣпая, она скользитъ между ними, обвиваетъ ноги, жалитъ въ самое лицо, въ губы и вьется клубкомъ, и впивается въ собственное тѣло. И кажется, будто не одна, а тысячи змѣй вьются и жалятъ и пожираютъ сами себя. Такова была моя

мысль, та самая, въ которую я вѣрилъ, и въ остротѣ и ядовитости зубовъ которой я видѣлъ спасеніе свое и защиту.

Единая мысль разбилась на тысячу мыслей, и каждая изъ нихъ была сильна, и всѣ онѣ были враждебны. Онѣ кружились въ дикомъ танцѣ, а музыкою имъ былъ чудовищный голосъ, гулкій какъ труба, и несся онъ откуда то изъ невѣдомой мнѣ глубины. *Это была бѣжавшая мысль, самая страшная изъ змѣй, ибо она пряталась во мракѣ.* Изъ головы, гдѣ я крѣпко держалъ ее, она ушла въ тайники тѣла, въ черную и неизвѣданную его глубину. И оттуда она кричала, какъ посторонній, какъ бѣжавшій рабъ, наглый и дерзкій въ сознаніи своей безопасности:

— *Ты думалъ, что ты притворяешься, а ты былъ сумасшедшимъ. Ты маленькій, ты злой, ты глупый, ты докторъ Керженцевъ. Какой то докторъ Керженцевъ, сумасшедшій докторъ Керженцевъ!..*

Такъ она кричала, и я не зналъ, откуда исходитъ ея чудовищный голосъ. Я даже не знаю, кто это былъ; я называю это мыслью, но можетъ быть это была не мысль. Мысли—тѣ какъ голуби надъ пожаромъ кружились въ головѣ, а она кричала откуда то съ низу, сверху, сбоковъ, гдѣ я не могъ ни увидѣть ее, ни поймать.

И самое страшное, что я испыталъ—это было сознаніе, что я не знаю себя и никогда не зналъ. Пока мое я находилось въ моей ярко освѣщенной головѣ, гдѣ все движется и живетъ въ закономѣрномъ порядкѣ, я понималъ и зналъ себя, размышлялъ о своемъ характерѣ и планахъ и былъ, какъ думалъ, господиномъ. Теперь же я увидѣлъ, что я не господинъ, а рабъ жалкій и безсильный. Представьте, что вы жили въ домѣ, гдѣ много комнатъ, занимали одну только комнату, и думали, что владѣете всѣмъ домомъ. И вдругъ вы узнали, что тамъ, въ другихъ комнатахъ живутъ. *Да, живутъ.* Живутъ какія-то загадочныя существа, былъ можетъ люди, быть можетъ что-нибудь другое, и домъ принадлежитъ имъ. Вы хотите узнать, кто они, но дверь заперта, и не слышно за нею ни звука, ни голоса. И въ то же время вы знаете, что именно тамъ, за этой молчаливой дверью рѣшается ваша судьба.

Я подошелъ къ зеркалу... Завѣсьте зеркала. Завѣсьте!

Потомъ я ничего не помню до тѣхъ поръ, пока пришла судебная власть и полиція. Я спросилъ, который часъ, и мнѣ сказали: девять. И я долго не могъ понять, что со времени моего возвращенія домой прошло только два часа, а съ момента убійства Алексѣя около трехъ.

Простите, гг. эксперты, что такой важный для экспертизы

моментъ, какъ это ужасное состояніе послѣ убійства, я описалъ въ такихъ общихъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Но это все, что я помню и что могу передать человѣческимъ языкомъ. Напримѣръ, не могу я передать человѣческимъ языкомъ того ужаса, который я все время тогда испытывалъ. Кромѣ того, я не могу сказать съ положительною увѣренностью, что все, такъ слабо мною намѣченное, было въ дѣйствительности. Быть можетъ, этого не было, а было что-нибудь другое. Одно только я твердо помню—это мысль или голосъ, или еще что-то:

„*Докторъ Керженцевъ думалъ, что онъ притворяется сумасшедшимъ, а онъ дѣйствительно сумасшедшій*“.

Сейчасъ я пробовалъ свой пульсъ: 180! Это сейчасъ, только при одномъ воспоминаніи!

Листъ седьмой.

Прошлый разъ я написалъ много ненужнаго и жалкаго вздора и, къ сожалѣнію, вы теперь уже получили и прочли его. Боюсь, что онъ дастъ вамъ ложное представленіе о моей личности, а также о дѣйствительномъ состояніи моихъ умственныхъ способностей. Впрочемъ, я вѣрю въ ваши знанія и въ вашъ ясный умъ, гг. эксперты.

Вы понимаете, что только серьезныя причины могли заставить меня, д-ра Керженцева, открыть всю истину объ убійствѣ Савелова. И вы легко поймете и оцѣните ихъ, когда я скажу, что я не знаю и сейчасъ, притворялся ли я сумасшедшимъ, чтобы безнаказанно убить или убилъ потому, что былъ сумасшедшимъ; и навсегда, вѣроятно, лишенъ возможности узнать это. Кошмаръ того вечера исчезъ, но онъ оставилъ огненный слѣдъ. Нѣтъ вздорныхъ страховъ, но есть ужасъ человѣка, который потерялъ все, есть холодное сознаніе паденія, гибели, обмана и неразрѣшимости.

Вы, ученые, будете спорить обо мнѣ. Одни изъ васъ скажутъ, что я сумасшедшій, другіе будутъ доказывать, что я здоровый и допустятъ только нѣкоторыя ограниченія въ пользу дегенераціи. Но со всею вашею ученостью, вы не докажете такъ ясно ни того, что я сумасшедшій, ни того, что я здоровый, какъ докажу это я. Моя мысль вернулась ко мнѣ и, какъ вы убѣдитесь, ей нельзя отказать ни въ силѣ, ни въ остротѣ. Превосходная, энергичная мысль—вѣдь и врагамъ слѣдуетъ отдавать должное!

Я—сумасшедшій. Не угодно ли выслушать—почему?

Первою осуждаетъ меня наслѣдственность, та самая наслѣдственность, которой я такъ обрадовался, обдумывая свой планъ. Припадки, которые были у меня въ дѣтствѣ... Виноватъ, господа.

Я хотѣлъ утаить отъ васъ эту подробность о припадкахъ и писалъ, что съ дѣтства я былъ здоровякомъ. Это не значитъ, что въ фактѣ существованія какихъ-то вздорныхъ, скоро кончившихся припадковъ я видѣлъ какую-нибудь опасность для себя. Просто, я не хотѣлъ загромождать разсказа неважными подробностями. Теперь эта подробность понадобилась мнѣ для строгого логическаго построенія, и, какъ видите, я, не обинуясь, передаю ее.

Такъ вотъ. Наслѣдственность и припадки свидѣтельствуютъ о моемъ предрасположеніи къ психической болѣзни. И она началась, незамѣтно для самого меня, много раньше, чѣмъ я придумалъ планъ убійства. Но обладая, какъ *всѣ сумасшедшіе*, безсознательной хитростью и способностью приноравливать безумные поступки къ нормамъ разумнаго мышленія, я сталъ обманывать, но не другихъ, какъ я думалъ, а себя. Увлекаемый чуждой мнѣ силой, я дѣлалъ видъ, что иду самъ. Изъ остальнаго доказательства можно лѣпить, какъ изъ воска. Не такъ ли?

Ничего не стоитъ доказать, что Татьяну Николаевну я не любилъ, что мотива истиннаго къ преступленію не было, а былъ только выдуманный. Въ странности моего плана, въ хладнокровіи, съ какимъ я его осуществлялъ, въ массѣ мелочей очень легко усмотрѣть все ту же безумную волю. Даже самая острота и подъемъ моей мысли передъ преступленіемъ доказываютъ мою ненормальность.

«Такъ, раненый на смерть, я въ циркѣ игралъ,
Гладіатора смерть представляя»...

Ни одной мелочи въ своей жизни не оставилъ я неизслѣдованной. Я прослѣдилъ всю свою жизнь. Къ каждому своему шагу, къ каждой своей мысли, слову, я прилагалъ мѣрку безумія, и она подходила къ каждому слову, къ каждой мысли. Оказалось, и это было самымъ удивительнымъ, что и до этой ночи мнѣ уже приходила мысль: ужъ не сумасшедшій ли я дѣйствительно? Но я какъ-то отдѣлывался отъ этой мысли, забывалъ о ней.

И доказавъ, что я сумасшедшій, знаете вы, что я увидѣлъ? Что *я не сумасшедшій*—вотъ что я увидѣлъ. Извольте выслушать.

Самое большое, въ чемъ уличаютъ меня наслѣдственность и припадки, это дегенерація. Я одинъ изъ вырождающихся, какихъ много, какого можно найти, если поискать повнимательнѣе, даже среди васъ, гг. эксперты. Это даетъ прекрасный ключъ ко всему остальному. Мои нравственныя воззрѣнія вы можете объяснить не сознательной продуманностью, а дегенераціей. Дѣйствительно, нравственные инстинкты заложены такъ глубоко, что только при нѣкоторомъ уклоненіи отъ нормальнаго типа, возможно полное отъ нихъ освобожденіе. И наука, все еще слиш-

комъ смѣлая въ своихъ обобщеніяхъ, всѣ такія уклоненія относитъ въ область дегенераціи, хотя бы физически человѣкъ былъ сложенъ, какъ Аполлонъ, и здоровъ, какъ послѣдній идіотъ. Но пусть будетъ такъ. Я ничего не имѣю противъ дегенераціи—она вводитъ меня въ славную компанію.

Не стану я отстаивать и своего мотива къ преступленію. Говорю вамъ совершенно искренне, что Татьяна Николаевна дѣйствительно оскорбила меня своимъ смѣхомъ, и обида залегла очень глубоко, какъ это бываетъ у такихъ скрытыхъ, одинокихъ натуръ, какъ я. Но пусть это неправда. Пусть даже любви у меня не было. Но развѣ нельзя допустить, что убійствомъ Алексѣя я просто хотѣлъ попытать свои силы? Вѣдь вы сводобно допускаете существованіе людей, которыя взлѣзаютъ, рискуя жизнью, на неприступныя горы, только потому, что онѣ неприступныя, и не называете ихъ сумасшедшими. Не осмѣлитесь же вы назвать сумасшедшимъ Нансена, этого величайшаго человѣка истекающаго столѣтія! Въ нравственной жизни есть свои полюсы, и одного изъ нихъ пытался я достичь.

Васъ смущаетъ отсутствіе ревности, мести, корысти и другихъ, истинно нелѣпыхъ мотивовъ, которые вы привыкли считать единственно настоящими и здоровыми. Но тогда вы, люди науки, осудите Нансена, осудите его вмѣстѣ съ тѣми глупцами и невѣжами, которые и его предпріятіе считаютъ безуміемъ.

Мой планъ... Онъ необыченъ, онъ оригиналенъ, онъ смѣлъ до дерзости, но развѣ онъ не разуменъ съ точки зрѣнія поставленной мною цѣли? И именно моя наклонность къ притворству, вполнѣ разумно вамъ объясненная, могла подсказать мнѣ этотъ планъ. Подъемъ мысли—но развѣ геніальность и вправду умопомѣшательство? Хладнокровіе—но почему убійца непремѣнно долженъ дрожать, блѣднѣть и колебаться? Трусы всегда дрожатъ, даже когда обнимаютъ своихъ горничныхъ, и храбрость—развѣ безуміе?

А какъ просто объясняются мои собственныя сомнѣнія въ томъ, что я здоровый! Какъ настоящій художникъ, артистъ, я слишкомъ глубоко вошелъ въ роль, временно отожествился съ изображаемымъ лицомъ и на минуту потерялъ способность самоотчета. Скажете ли вы, что даже среди присяжныхъ, ежедневно ломающихся лицедѣевъ нѣтъ такихъ, которые, играя Отелло, чувствуютъ дѣйствительную потребность убить?

Довольно убѣдительно, не правда ли, гг. ученые? Но не чувствуете ли вы одной странной вещи: когда я доказываю, что я сумасшедшій, вамъ кажется, что я здоровый, а когда я доказываю, что я здоровый, вы слышите сумасшедшаго.

Да. Это потому, что вы не вѣрите мнѣ... Но и я не вѣрю

себѣ, ибо *кому* въ себѣ я буду вѣрить? Подлой и ничтожной мысли, лживому холопу, который служитъ всякому. Онъ годенъ лишь на то, чтобы чистить сапоги, а я сдѣлалъ его своимъ другомъ, своимъ богомъ. Долой съ трона, жалкая, безсильная мысль!

Кто же я, гг. эксперты, сумасшедшій или нѣтъ?

Маша, милая женщина, вы знаете, что-то, чего не знаю я. Скажите, кого просить мнѣ о помощи?

Я знаю вашъ отвѣтъ, Маша. *Нѣтъ это не то*. Вы добрая и славная женщина, Маша, но вы не знаете ни физики, ни химіи, вы ни разу не были въ театрѣ и даже не подозрѣваете, что та штука, на которой вы живете, принимая, подавая и убирая, вертится. А она вертится, Маша, вертится, и съ нею вертимся и мы. Вы дитя, Маша, вы тупое существо, почти растеніе, и я очень завидую вамъ, почти столько же, сколько презираю васъ.

Нѣтъ, Маша, не вы отвѣтите мнѣ. И вы ничего не знаете, это неправда. Въ одной изъ темнымъ коморокъ вашего нехитраго дома живетъ кто-то, очень вамъ полезный, но у меня эта комната пуста. Онъ давно умеръ, тотъ, кто тамъ жилъ, и на могилѣ его я воздвигъ пышный памятникъ. *Онъ умеръ, Маша, умеръ и не воскреснетъ.*

Кто же я, гг. эксперты, сумасшедшій или нѣтъ? Простите, что я съ такой невѣжливой настойчивостью привязываюсь къ вамъ съ этимъ вопросомъ, но вѣдь вы „люди науки“, какъ называлъ васъ мой отецъ, когда хотѣлъ польстить вамъ, у васъ есть книги, и вы обладаете ясной, точной и непогрѣшимой человѣческой мыслью. Конечно, половина васъ останется при одномъ мнѣніи, другая—при другомъ, но я вамъ повѣрю гг. ученые—и первымъ повѣрю и вторымъ повѣрю. Скажите же... а въ помощь вашему просвѣщенному уму я приведу интересный, очень интересный фактикъ.

Въ одинъ тихій и мирный вечеръ, проведенный мною среди этихъ бѣлыхъ стѣнъ, на лицѣ Маши, когда оно попадало мнѣ на глаза, я замѣчалъ выраженіе ужаса, растерянности и подчиненности чему-то сильному и страшному. Потомъ она ушла, а я сѣлъ на приготовленной постели и продолжалъ думать о томъ, чего мнѣ хочется. А хотѣлось мнѣ странныхъ вещей. Мнѣ, д-ру Керженцеву, хотѣлось выть. Не кричать, а именно выть, какъ вонъ тотъ. Хотѣлось рвать на себѣ платье и царапать себя ногтями. Взять рубашку у ворота, сперва немного, совсѣмъ немного потянуть, а потомъ — разъ! и до самаго низа. И хотѣлось мнѣ, д-ру Керженцеву, стать на четвереньки и ползать. А кругомъ было тихо, и снѣгъ стучалъ въ окна, и гдѣ-то неподалеку беззвучно молилась Маша. И я долго обдуманно выбиралъ, что мнѣ сдѣлать. Если выть, то выйдетъ громко и получится скандалъ. Если

разодрать рубашку, то завтра замѣтятъ. И вполнѣ разумно я выбралъ третье: ползать. Никто не услышитъ, а если увидятъ, то скажу, что оторвалась пуговица, и я ищу ее.

И пока я выбиралъ и рѣшалъ, было хорошо, не страшно и даже пріятно, такъ что, помнится, я болталъ ногой. Но вотъ я подумалъ:

— Да зачѣмъ же ползать? Развѣ я дѣйствительно сумасшедшій?

И стало страшно и сразу захотѣлось всего: ползать, выть, царапаться. И я обозлился.

— Ты хочешь ползать?—спросилъ я. Но оно молчало. Оно уже не хотѣло.

— Нѣтъ, вѣдь ты хочешь ползать? — настаивалъ я. И оно молчало.

— Ну, ползай же.

И, засучивъ рукава, я сталъ на четвереньки и поползъ. И когда я обошелъ еще только половину комнаты, мнѣ стало такъ смѣшно отъ этой нелѣпости, что я усѣлся тутъ же на полу и хохоталъ, хохоталъ, хохоталъ.

Съ привычной и неугасшей еще вѣрой въ то, что можно что-то знать, я думалъ, что нашелъ источникъ своихъ безумныхъ желаній. Очевидно, желаніе ползать и другія были результатомъ самовнушенія. Настойчивая мысль о томъ, что я сумасшедшій, вызывала и сумасшедшія желанія, а какъ только я выполнилъ ихъ, оказалось, что и желаній-то никакихъ нѣтъ и я не безумный. Разсужденіе, какъ видите, весьма простое и логическое. Но...

Но вѣдь все-таки я ползалъ? я ползалъ? кто же я, оправдывающійся сумасшедшій или здоровый, сводящій себя съ ума?

Помогите же мнѣ, вы, высокоученые мужи! Пусть ваше авторитетное слово склонитъ вѣсы въ ту или другую сторону и рѣшитъ этотъ ужасный, дикій вопросъ. И такъ я жду!..

Напрасно я жду. О мои милые головастики—развѣ вы не я? Развѣ въ вашихъ лысыхъ головахъ работаетъ не та же подлая, человѣческая мысль, вѣчно лгущая, измѣнчивая, призрачная, какъ у меня? И чѣмъ моя хуже вашей? Вы станете доказывать, что я сумасшедшій, я докажу вамъ, что я здоровъ, вы станете доказывать, что я здоровъ, я докажу вамъ, что я сумасшедшій. Вы скажете, что нельзя красть, убивать и обманывать потому, что это безнравственность и преступленіе, а я вамъ докажу, что можно убивать и грабить, и что это очень нравственно. И вы будете мыслить и говорить, и я буду мыслить и говорить, и всѣ мы будемъ правы, и никто изъ насъ не будетъ правъ. Гдѣ судья, который можетъ разсудить насъ и найти правду?

У васъ есть громадное преимущество, которое даетъ однимъ

вамъ знаніе истины: вы не совершили преступленія, не находитесь подъ судомъ и приглашены за приличную плату изслѣдовать состояніе моей психики. И потому я сумасшедшій. А если бы сюда посадили васъ, профессоръ Джембицкій, и меня пригласили бы наблюдать за вами, то сумасшедшимъ были бы вы, а я былъ бы важной птицей—экспертомъ, лгуномъ, который отличается отъ другихъ лгуновъ только тѣмъ, что лжетъ не иначе, какъ подъ присягой.

Правда, вы никого не убивали, не совершали кражи ради кражи и когда нанимаете извозчика, то обязательно выторговываете у него гривенникъ, что доказываетъ полное ваше душевное здоровье. Вы не сумасшедшій. Но можетъ случить совсѣмъ неожиданная вещь...

Вдругъ завтра, сейчасъ, сію минуту, когда вы читаете эти строки, вамъ пришла ужасно глупая, но не осторожная мысль: а не сумасшедшій ли и я? Кѣмъ вы будете тогда, г. профессоръ? Этакая глупая, вздорная мысль, ибо отъ чего вамъ сходить съ ума? Но попробуйте прогнать ее. Вы пили молоко и думали, что оно цѣльное, пока кто то не сказалъ, что оно смѣшано съ водой. И кончено —нѣтъ болѣе цѣльнаго молока.

Вы сумасшедшій. Не хотите ли проползтись на четвереньках? Конечно, не хотите, ибо какой же здоровый человѣкъ захочетъ ползать. Ну, а все-таки? Не является ли у васъ такого легонькаго желанія, совсѣмъ легонькаго, совсѣмъ пустячнаго, надъ которымъ смѣяться хочется—соскользнуть со стула и немного, совсѣмъ немного проползтись? Конечно, не является, откуда ему явиться у здороваго человѣка, который сейчасъ только пилъ чай и разговаривалъ съ женой. Но не чувствуете ли вы вашихъ ногъ, хотя раньше вы ихъ не чувствовали, и не кажется ли вамъ, что въ колѣнахъ происходитъ что-то странное: тяжелое онѣменіе борется съ желаніемъ согнуть колѣна, а потомъ... *Вѣдь на самомъ дѣлѣ, г. Джембицкій, развѣ кто-нибудь можетъ васъ удержать, если вы захотите крошечку проползти?*

Никто.

Но погодите ползать. Вы еще нужны мнѣ. Борьба моя еще не кончена.

Листъ восьмой.

Одно изъ проявленій парадоксальности моей натуры: я очень люблю дѣтей, совсѣмъ маленькихъ дѣтей, когда они только что начинаютъ лепетать и бываютъ похожи на всѣхъ маленькихъ животныхъ: щенятъ, котятъ и змѣенышей. Даже змѣи въ дѣт-

ствѣ бываютъ привлекательны. И нынѣшней осенью въ погожій, солнечный день мнѣ довелось видѣть такую картинку. Крохотная дѣвочка въ ватномъ пальтецѣ и капюшонѣ, изъ-подъ котораго только и видны были розовыя щечки и носикъ, хотѣла подойти къ совсѣмъ уже крохотной собачонкѣ на тонкихъ ножкахъ, съ тоненькой мордочкой и трусливо зажатымъ между ногами хвостомъ. И вдругъ ей стало страшно, она повернулась и, какъ маленькій бѣлый клубочекъ, покатилась къ тутъ же стоявшей нянькѣ и молча, безъ слезъ и крика, спрятала лицо у нея въ колѣнахъ. А крохотная собачонка ласково моргала и пугливо поджимала хвостъ, и лицо у няньки было такое доброе, простое.

— Не бойся, — говорила нянька и улыбалась мнѣ, и лицо у нея было такое доброе, простое.

Не знаю почему, но мнѣ часто вспоминалась эта дѣвочка и на волѣ, когда я осуществлялъ планъ убійства Савелова, и здѣсь. Тогда же еще, при взглядѣ на эту милую группу подъ яснымъ осеннимъ солнцемъ, у меня явилось странное чувство, какъ будто разгадка чего-то, и задуманное мною убійство показалось мнѣ холодною ложью изъ какого-то другого, совсѣмъ особаго міра. И то, что обѣ онѣ, и дѣвочка, и собачонка, были такія маленькія и милыя, и что онѣ смѣшно боялись другъ друга, и то, что солнце такъ тепло свѣтило—все это было такъ просто и такъ полно кроткой и глубокой мудростью, будто здѣсь именно, въ этой группѣ заключается разгадка бытія. Такое было чувство. И я сказалъ себѣ: „Надо объ этомъ какъ слѣдуетъ подумать“ — но такъ и не подумалъ.

А теперь я не помню, что же было тогда такое, и мучительно стараюся понять, но не могу. И я не знаю, зачѣмъ я разсказалъ вамъ эту смѣшную ненужную исторійку, когда еще такъ много нужно мнѣ разсказать серьезнаго и важнаго. *Необходимо кончить.*

Оставимъ въ покоѣ мертвецовъ. Алексѣй убитъ, онъ давно уже началъ разлагаться, его нѣтъ—чортъ съ нимъ! Въ положеніи мертвецовъ есть кое-что пріятное.

Не будемъ говорить и о Татьянѣ Николаевнѣ. Она несчастна, и я охотно присоединяюсь къ общимъ сожалѣніямъ, но что значитъ это несчастье, всѣ несчастья въ мірѣ въ сравненіи съ тѣмъ, что переживаю сейчасъ я, д-ръ Керженцевъ! Мало ли женъ на свѣтѣ теряютъ любимыхъ мужей, и мало ли онѣ будутъ ихъ терять? Оставимъ ихъ—пусть плачутъ.

Но вотъ тутъ, въ этой головѣ...

Вы понимаете гг. эксперты, какъ это ужасно сложилось. Никого въ мірѣ не любилъ я, кромѣ себя, а въ себѣ я любилъ не это гнусное тѣло, которое любятъ и пошляки—я любилъ сво

человѣческую мысль, свою свободу. Я ничего не зналъ и не знаю выше своей мысли, я боготворилъ ее—и развѣ она не стоила этого? Развѣ какъ исполинъ не боролась она со всѣмъ міромъ и его заблужденіями. На вершину высокой горы взнесла она меня, и я видѣлъ, какъ глубоко внизу копошились людишки съ ихъ мелкими животными страстями, съ ихъ вѣчнымъ страхомъ передъ жизнью и смертью, съ ихъ церквами, обѣднями и молебнами.

Развѣ я не былъ и великъ, и свободенъ, и счастливъ? Какъ средневѣковый баронъ, засѣвшій, словно въ орлиномъ гнѣздѣ, въ своемъ неприступномъ замкѣ, гордо и властно смотритъ на лежащія внизу долины—такъ непобѣдимъ и гордъ былъ я въ своемъ замкѣ—за этими черепными костями. Царь надъ самимъ собой, я былъ царемъ и надъ міромъ.

И мнѣ измѣнили. Подло, коварно, какъ измѣняютъ женщины, холопы—и мысли. Мой замокъ сталъ моей тюрьмой. Въ моемъ замкѣ напали на меня враги—гдѣ же спасеніе? Въ неприступности замка, въ толщинѣ его стѣнъ моя гибель. Голосъ не проходитъ наружу—и кто сильный спасетъ меня? Никто. Ибо никого нѣтъ сильнѣе меня, а я—я и есть единственный врагъ моего „я".

Подлая мысль измѣнила мнѣ, тому, кто такъ вѣрилъ въ нее и ее любилъ Она не стала хуже: та же свѣтлая, острая, упругая, какъ рапира, но рукоять ея ужъ не въ моей рукѣ. И меня, ея творца, ея господина, она убиваетъ съ тѣмъ же тупымъ равнодушіемъ, какъ я убивалъ ею другихъ.

Наступаетъ ночь, и меня охватываетъ бѣшеный ужасъ. Я былъ твердъ на землѣ, и крѣпко стояли на ней мои ноги—а теперь я брошенъ въ пустоту безконечнаго пространства. Великое и грозное одиночество, когда и сзади, и впереди, и кругомъ зіяющая пустота; ужасное одиночество, когда я, тотъ, который живетъ, чувствуетъ, мыслитъ, который такъ дорогъ, и есть единственный когда я такъ малъ, безконечно ничтоженъ и слабъ и каждую секунду готовъ потухнуть. Зловѣщее одиночество, когда самого себя я составляю лишь ничтожную частицу, когда въ самомъ себѣ я окруженъ и задушенъ угрюмо молчащими, таинственными врагами. Куда ни иду я—я всюду несу ихъ съ собою; одинокій въ пустотѣ вселенной, и въ самомъ себѣ не имѣю я друга. Безумное одиночество, когда я не знаю, кто я, одинокій, когда моими устами, моей мыслью, моимъ голосомъ говорятъ невѣдомые *они.*

Такъ жить нельзя. А міръ спокойно спитъ, и мужья цѣлуютъ своихъ женъ, и ученые читаютъ лекціи, и нищій радуется брошенной копѣйкѣ. Безумный, счастливый въ своемъ безуміи міръ, ужасно будетъ твое пробужденіе!

Кто сильный дастъ мнѣ руку помощи? Никто. Никто. Гдѣ найду я то вѣчное, къ чему я могъ бы прилѣпиться съ своимъ

жалкимъ, безсильнымъ, до ужаса одинокимъ я? Нигдѣ. Нигдѣ. О милая, милая дѣвочка, почему къ тебѣ тянутся сейчасъ мои окровавленныя руки — вѣдь ты также человѣкъ и такъ же ничтожна и одинока и подвержена смерти. Жалѣю ли я тебя, или хочу, чтобы ты меня пожалѣла, но какъ, за щитомъ, укрылся бы я за твоимъ безпомощнымъ тѣльцемъ, отъ безнадежной пустоты вѣковъ и пространства. Но нѣтъ, нѣтъ, все это ложь.

О большой, громадной услугѣ я попрошу васъ гг. эксперты, и если вы чувствуете въ себѣ хоть немного человѣка, вы не откажете въ ней. Надѣюсь, мы достаточно поняли другъ друга, настолько, чтобы не вѣрить другъ другу. И если я попрошу васъ сказать на судѣ, что я человѣкъ здоровый, то менѣе всего повѣрю вашимъ словамъ я. Для себя вы можете рѣшать, но для меня никто не рѣшитъ этого вопроса:

Притворялся ли я сумасшедшимъ, чтобы убить, или убилъ потому, что былъ сумасшедшимъ?

Но судьи повѣрятъ вамъ и дадутъ мнѣ то, чего я хочу: каторгу. Прошу васъ не придавать ложнаго толкованія моимъ намѣреніямъ. Я не раскаиваюсь, что убилъ Савелова, я не ищу въ карѣ искупленія грѣха, и если для доказательства того, что я здоровъ, вамъ понадобится, чтобы я кого-нибудь убилъ съ цѣлью грабежа—я съ удовольствіемъ убью и ограблю. Но въ каторгѣ я ищу другого, чего, я не знаю еще и самъ.

Меня тянетъ къ этимъ людямъ какая-то смутная надежда, что среди нихъ, нарушившихъ ваши законы, убійцъ, грабителей, я найду невѣдомые мнѣ источники жизни и снова стану себѣ другомъ. Но пусть это неправда, пусть надежда обманетъ меня, я все-таки хочу быть съ ними. О, я знаю васъ! Вы трусы и лицемѣры, вы больше всего любите вашъ покой и вы съ радостью всякаго вора, стащившаго калачъ, запрятали бы въ сумасшедшій домъ—вы охотнѣе весь міръ и самихъ себя признаете сумасшедшими, нежели осмѣлитесь коснуться вашихъ любимыхъ выдумокъ. Я знаю васъ. Преступникъ и преступленіе — это вѣчная ваша тревога, это грозный голосъ неизвѣданной бездны, это неумолимое осужденіе всей вашей разумной и нравственной жизни, и какъ бы плотно вы ни затыкали ватой уши, оно проходитъ, оно проходитъ! И я хочу къ нимъ. Я, докторъ Керженцевъ, стану въ ряды этой страшной для васъ арміи, какъ вѣчный укоръ, какъ тотъ, кто спрашиваетъ и ждетъ отвѣта.

Не униженно прошу я васъ, а требую: скажите, что я здоровъ. Солгите, если не вѣрите этому. Но если вы малодушно умоете ваши ученыя руки и посадите меня въ сумасшедшій домъ или отпустите на свободу, дружески предупреждаю васъ я надѣлаю вамъ крупныхъ непріятностей.

———

Для меня нѣтъ судьи, нѣтъ, закона, нѣтъ недозволеннаго. Все можно. Вы можете представить себѣ міръ, въ которомъ нѣтъ законовъ притяженія, въ которомъ нѣтъ верха, низа, въ которомъ все повинуется только прихоти и случаю? Я, докторъ Керженцевъ, этотъ новый міръ. Все можно. И я, докторъ Керженцевъ докажу вамъ это. Я притворюсь здоровымъ. Я добьюсь свободы. И всю остальную жизнь я буду учиться. Я окружу себя вашими книгами, я возьму отъ васъ всю мощь вашего знанія, которымъ вы гордитесь, и найду одну вещь, въ которомъ давно назрѣла необходимость. *Это будетъ взрывчатое вещество.* Такое сильное, какого не видали еще люди: сильнѣе динамита, сильнѣе натроглицерина, сильнѣе самой мысли о немъ. Я талантливъ, настойчивъ и я найду его. *И когда я найду его, я взорву на воздухъ вашу проклятую землю, у которой такъ много боговъ и нѣтъ единаго вѣчнаго Бога.*

На судѣ докторъ Керженцевъ держался очень спокойно и во все время засѣданія оставался въ одной и той же ничего не говорящей позѣ. На вопросы онъ отвѣчалъ равнодушно и безучастно, иногда заставляя дважды повторять ихъ. Одинъ разъ онъ насмѣшилъ избранную публику, въ огромномъ количествѣ наполнившую залъ суда. Предсѣдатель обратился съ какимъ-то приказаніемъ къ судебному приставу, и посудимый, очевидно не дослышавъ или по разсѣянности, всталъ и громко спросилъ:

— Что? Нужно выходить?

— Куда выходить?—удивился предсѣдатель.

— Не знаю. Вы что-то сказали.

Въ публикѣ засмѣялись и предсѣдатель пояснилъ Керженцеву, въ чемъ дѣло.

Экспертовъ психіатровъ было вызвано четверо и мнѣнія ихъ раздѣлились поровну. Послѣ рѣчи прокурора предсѣдатель обратился къ обвиняемому, отказавшемуся отъ защитника:

— Обвиняемый! Что̀ вы имѣете сказать въ свое оправданіе?

Докторъ Керженцевъ всталъ. Тусклыми, словно незрячими глазами онъ медленно обвелъ судей и взглянулъ на публику. И тѣ, на кого упалъ этотъ тяжелый невидящій взглядъ, испытали странное и мучительное чувство: будто изъ пустыхъ орбитъ черепа на нихъ взглянула сама равнодушная и нѣмая смерть.

— Ничего,—отвѣтилъ обвиняемый.

И еще разъ окинулъ онъ взоромъ людей, собравшихся судить его, и повторилъ:

— Ничего.

Присяжные засѣдатели удалились въ комнату совѣщаній.

Леонидъ Андреевъ.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

ОЧЕРКЪ VIII.

Критики капиталистическаго строя.

(*Продолженіе* *).

Марксъ.

I.

По странной исторической случайности, критическій соціализм
насчитываетъ столько-же великихъ представителей, какъ и утопич
скій соціализмъ. Прудонъ, Родбертусъ и Марксъ могутъ быть прот
вопоставлены Оуэну, Сенъ-Симону и Фурье. Но среди критиковъ дале
не замѣчается того сходства общаго міросозерцанія, которое хара
терно для утопистовъ. Анархистъ Прудонъ, вышедшій изъ полукрест
янской среды, сохранившій всю жизнь тяготѣніе къ мелкобуржуа
нымъ идеаламъ, имѣетъ весьма мало общаго по своему соціально
міровоззрѣнію съ крупнымъ землевладѣльцемъ и сторонникомъ крѣпк
государственной власти Родбертусомъ; еще глубже отличается о
нихъ обоихъ величайшій представитель критическаго соціализма, вдо
новитель новѣйшаго рабочаго движенія,—Карлъ Марксъ.

Въ лицѣ Маркса мы имѣемъ передъ собою удивительно законченн
и цѣльную фигуру, какъ бы всю вылитую изъ бронзы. Что-то мощн
непоколебимое и безгранично самоувѣренное, но въ то же время угл
ватое, жесткое, рѣзкое сквозитъ во всякой чертѣ его характерна
нравственнаго облика. Видно, что передъ вами человѣкъ, привыкш
царить надъ умами людей и не допускающій ни минуты сомнѣнія
своемъ правѣ на это. Его портретъ нѣсколько напоминаетъ изобр
женіе Юпитера Олимпійца. И дѣйствительно, такимъ олимпійцем
повелителемъ неба, держащимъ въ своихъ рукахъ громоносныя стрѣл
долженъ былъ казаться Марксъ своимъ многочисленнымъ ученика
и послѣдователямъ. Въ своемъ собственномъ царствѣ онъ былъ
конституціоннымъ монархомъ, но самодержавнымъ владыкой. Е
умственное руководительство превращалось въ желѣзную диктату

---

*) См. «Міръ Божій», № 4, апрѣль, 1902 г.

которой долженъ былъ подчиняться каждый, вступавшій съ нимъ въ духовное общеніе.

По внѣшнимъ фактамъ своей жизни Марксъ можетъ показаться типомъ самоотверженнаго борца за идеалъ. Большую часть жизни онъ прожилъ политическимъ эмигрантомъ, въ бѣдности, нерѣдко въ тяжелой обстановкѣ политическаго одиночества. Его первые шаги на жизненномъ пути сопровождались большими успѣхами, но затѣмъ наступили трудные долгіе годы изгнанія среди полнаго равнодушія публики къ научной работѣ великаго мыслителя и при индифферентизмѣ рабочаго класса къ его соціальной проповѣди. Все это, однако, нисколько не сломило энергіи Маркса, который въ минуты невзгоды оставался такимъ же твердымъ и непоколебимымъ, какъ и во время успѣховъ. Его соціальное міровоззрѣніе сложилось очень рано—когда ему не было и 30 лѣтъ; но умирая 64—лѣтнимъ старикомъ, онъ ни однимъ словомъ, ни тѣмъ болѣе дѣломъ, не измѣнилъ этому міровоззрѣнію и остался ему вѣренъ до конца; никакихъ компромиссовъ не было въ его политической карьерѣ. Неуклонно шелъ онъ выбраннымъ имъ самимъ путемъ и могъ съ полнымъ правомъ примѣнить къ себѣ гордыя слова Данте:

«Segui il tuo corso, e lascia dir le genti!

(Слѣдуй своему пути, и пусть люди говорятъ, что хотятъ!).

И все же Марксъ былъ всего менѣе борцомъ за идеалъ. Идеализмъ былъ вообще несвойственъ его натурѣ. Не былъ онъ и фанатикомъ идеи, ибо не идея владѣла имъ, но онъ владѣлъ своей идеей. Изъ всѣхъ страстей, волнующихъ душу людей, его холодная душа была всего доступнѣе одной пожирающей страсти—страсти къ познанію. Упорная умственная работа привела Маркса къ выработкѣ законченнаго міровоззрѣнія, и вся его жизнь превратилась въ борьбу за торжество этого міровоззрѣнія. Но, несмотря на настойчивость и поразительную энергію, которую Марксъ проявилъ въ своей жизненной борьбѣ, борьба эта не освѣщалась тѣмъ высшимъ свѣтомъ, о которомъ говорилъ своимъ ученикамъ умиравшій Сенъ-Симонъ—свѣтомъ энтузіазма. Въ лицѣ Маркса мы имѣемъ передъ собой не вдохновеннаго бойца за лучшее будущее человѣчества, но упорнаго и настойчиваго мыслителя, непоколебимо убѣжденнаго, что имъ открыты законы развитія человѣческаго общества, что завѣса будущаго спала передъ его умственнымъ взоромъ, и что люди должны идти указаннымъ имъ путемъ, ибо такова желѣзная необходимость. Литературный талантъ Маркса, хотя далеко не могъ равняться съ силой его научной мысли, все же былъ перворазряднымъ; многія страницы его произведеній блещутъ такой сжатой энергіей выраженія и такимъ блескомъ и остроуміемъ сравненій и метафоръ, что должны быть причислены къ лучшимъ образчикамъ художественной прозы. Но какъ ни разно-

образны и ни могущественны душевныя струны Маркса, *одна* струна никогда не звучала въ его душѣ—энтузіазма, вдохновенія.

Ненависть, презрѣніе, сарказмъ—вотъ тѣ чувства, изъ которыхъ слагался паѳосъ Маркса. Творецъ «Капитала» былъ глубокимъ психологомъ, но нельзя не согласиться съ Зомбартомъ, что человѣческая душа была раскрыта для него лишь на половину: все темное и злое находило въ нашемъ мыслителѣ удивительнаго ясновидца, но по отношенію къ благороднымъ движеніямъ человѣческой души онъ страдалъ чѣмъ-то весьма похожимъ на умственную слѣпоту.

Какимъ глубокимъ контрастомъ является душевный обликъ Маркса сравнительно съ обликами великихъ утопистовъ! Непобѣдимая любовь къ людямъ Оуэна; рыцарственное благородство Сенъ-Симона; вдохновенныя мечты Фурье о прекрасномъ, гармоничномъ строѣ будущаго общества—всѣ эти движущія силы идеалистическаго міровоззрѣнія утопистовъ были чужды Марксу. И если онъ сошелся съ утопистами въ своемъ соціальномъ идеалѣ, то это, съ одной стороны, потому, что научный анализъ объективнаго хода историческаго развитія оправдывалъ въ его глазахъ прогнозъ утопистовъ; съ другой же стороны, Марксъ не былъ лишенъ чувствъ, толкавшихъ его въ ту же сторону, куда шли и утописты. Правда, чувство любви къ людямъ было ему мало доступно. Но зато онъ былъ чрезвычайно способенъ ко враждѣ—и вражда къ угнетателямъ замѣняла въ его душѣ любовь къ угнетеннымъ.

Къ своимъ политическимъ врагамъ Марксъ былъ безпощаденъ; а врагомъ его было сдѣлаться легко—для этого было достаточно не быть его послѣдователемъ. Одной изъ самыхъ грустныхъ страницъ біографіи великаго экономиста являются его отношенія къ разнымъ выдающимся лицамъ, съ которыми его сталкивала судьба и съ которыми онъ расходился во взглядахъ. Мы уже касались этой стороны жизни Маркса говоря о Прудонѣ. Отношенія Маркса къ Лассалю отмѣчены той же печатью злобной нетерпимости къ чужимъ мнѣніямъ, не вполнѣ согласнымъ съ его собственнымъ образомъ мысли. Едва умеръ Лассаль, въ апогеѣ своей славы, основавши германскую рабочую партію, совершивши великое дѣло, которому, казалось, долженъ бы былъ сочувствоват Марксъ, какъ его прежній другъ помѣщаетъ на первой же страниц предисловія къ «Капиталу» нѣсколько пренебрежительныхъ строкъ долженствовавшихъ дискредитировать Лассаля въ общественномъ мнѣніи. Въ томъ же «Капиталѣ» (въ первомъ изданіи) содержится недостойная выходка и противъ Герцена, котораго Марксъ зналъ очен близко и къ которому онъ относился непріязненно. Вообще всѣ полемическія столкновенія Маркса отличаются чрезвычайнымъ избыткомъ личной злобы къ противнику и производятъ тягостное впечатлѣніе своимъ недостаткомъ моральнаго такта. Трудно указать другого такого мастера въ уничтоженіи противника путемъ выраженія ему самого ядовита

презрѣнія—и трудно указать другого писателя, пускавшаго это оружіе въ ходъ такъ часто и такъ охотно.

Съ особенной ненавистью Марксъ преслѣдовалъ Бакунина, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, чтобы скомпрометтировать своего врага. Въ 1848 году, въ газетѣ Маркса «Neue Rheinische Zeitung» появилась корреспонденція изъ Парижа, утверждавшая, что въ рукахъ Жоржъ Зандъ имѣются документы, устанавливающіе принадлежность Бакунина къ тайной полиціи. Жоржъ Зандъ съ негодованіемъ отвергла эту инсинуацію, и Марксъ долженъ былъ признать неосновательность всего обвиненія. Тѣмъ не менѣе, нѣсколько лѣтъ спустя, друзья Маркса возобновили кампанію противъ Бакунина, съ тѣми же заподозриваніями и съ той же низкой клеветой. Герценъ долженъ былъ неоднократно выступать на защиту своего друга. Но когда основалась «Международная ассоціація рабочихъ» и для Маркса было важно предотвратить враждебныя дѣйствія Бакунина, онъ поспѣшилъ возстановить съ нимъ личныя сношенія и, по словамъ послѣдняго, «увѣрялъ его въ своей искренней дружбѣ и глубокомъ уваженіи».

Въ «Интернаціонали» Бакунинъ выступилъ противникомъ Маркса и сдѣлался опять предметомъ самыхъ ожесточенныхъ преслѣдованій со стороны марксистовъ. Марксъ оставался большей частью за кулисами, но не подлежитъ сомнѣнію, что руководителемъ всей кампаніи былъ именно онъ. Не было той низости и того преступленія, въ которыхъ бы ни былъ обвиненъ Бакунинъ.

Всѣ эти факты достаточно характеризуютъ отношеніе Маркса къ своимъ политическимъ противникамъ. Со своими друзьями, въ своей частной жизни, онъ былъ совсѣмъ инымъ. Подобно многимъ сильнымъ людямъ, онъ былъ мягокъ и добродушенъ съ тѣми, кто ему покорялся и признавалъ его авторитетъ. Суровый политическій боецъ преображался у своего домашняго очага, въ интимномъ кругу, среди своей семьи, которую онъ очень любилъ, въ веселаго, остроумнаго и привѣтливаго хозяина и собесѣдника. По словамъ Либкнехта, одной изъ трогательныхъ чертъ Маркса была его любовь къ дѣтямъ—онъ чувствовалъ большую потребность въ дѣтскомъ обществѣ и могъ цѣлыми часами играть съ дѣтьми. Обладая крѣпкимъ здоровымъ организмомъ, уравновѣшеннымъ, хотя и желчнымъ характеромъ, Марксъ любилъ простыя непритязательныя развлеченія и веселье было частымъ гостемъ въ его домѣ. Трудно сказать, внушалъ ли онъ къ себѣ любовь; но, несомнѣнно, многіе передъ нимъ преклонялись и были ему преданы. *Со своими* вѣрноподданными онъ былъ милостивымъ повелителемъ; но ничего похожаго на равенство не было въ интимномъ кругу Маркса. *Онъ одинъ* царилъ, а всѣ прочіе были его покорными слугами и *учениками*. И горе было ученику, который осмѣлился бы ослушаться *учителя!*

*

Нравственная атмосфера, въ которой жилъ этотъ духовный владыка, недурно охарактеризована въ шутливомъ письмѣ, цитируемомъ Либкнехтомъ — однимъ изъ самыхъ преданныхъ учениковъ Маркса, иногда выходившимъ, однако, изъ повиненія своему строгому учителю: Либкнехтъ получилъ приглашеніе отъ своего пріятеля, переселившагося въ Америку и хорошаго знавшаго интимный кружокъ Маркса, принять участіе въ редактированіи американской газеты. «Ты будешь здѣсь, по крайней мѣрѣ, свободнымъ человѣкомъ,—писалъ Либкнехту его другъ, — получишь возможность дѣйствовать самостоятельно. А что ты тамъ? Игрушка въ чужихъ рукахъ — оселъ, котораго заставляютъ таскать тяжести, чтобы потомъ осмѣять. Что такое ваше духовное царство? Наверху возсѣдаетъ на тронѣ всезнающій, премудрый Далай-Лама—Марксъ. Затѣмъ, долго, долго нѣтъ ничего. Потомъ идетъ Энгельсъ. Опять долго, долго нѣтъ ничего. Послѣ слѣдуетъ Вольфъ. И опять долго, долго нѣтъ ничего. И, наконецъ, приходитъ, быть можетъ, очередь «сентиментальнаго осла» Либкнехта».

Но Либкнехтъ, какъ и многіе другіе, мирился со своимъ положеніемъ—онъ нашелъ въ ученіи Маркса свой символъ вѣры, научную основу всей своей практической общественной дѣятельности. Могучая индивидуальность геніальнаго мыслителя, несмотря на свои, для многихъ, отталкивающія черты, заключала въ себѣ что-то чрезвычайно импонирующее. Чувствовалась не только огромная умственная сила, но и желѣзная воля. Соединеніе того и другого создавало тотъ совершенно исключительный моральный авторитетъ, которымъ этотъ духовный вождь пользовался среди своихъ послѣдователей.

Карлъ Марксъ (1818—1883) происходилъ изъ еврейской семьи, изъ которой въ теченіе ряда поколѣній выходили замѣчательные раввины. Отецъ его былъ адвокатомъ и вскорѣ послѣ рожденія Карла принялъ крещеніе вмѣстѣ со всей семьей. Въ университетѣ молодой Марксъ спеціально изучалъ философію и право и получилъ степень доктора философіи. Онъ предполагалъ открыть курсъ лекцій по философіи въ Боннскомъ университетѣ, но созданныя правительствомъ затрудненія для академической дѣятельности его друга Бруно Бауэра (который былъ доцентомъ теологіи) побудили молодого ученаго отказаться отъ этой мысли.

Итакъ, Марксъ получилъ философское образованіе и первоначально думалъ посвятить себя спеціальному изученію философіи. Его первая работа—докторская диссертація о философіи Эпикура—была написана на философскую тему. Серьезная философская школа, которую прошелъ Марксъ, несомнѣнно, глубоко отразилась на всей послѣдующей литературной дѣятельности великаго экономиста. Тѣмъ не менѣе философа изъ него не вышло. Несмотря на свою огромную умственную силу и крайне широкую область своихъ изслѣдованій, охватывающихъ всю общественную жизнь въ совокупности, никакой законченной системы

своихъ философскихъ воззрѣній Марксъ не далъ. Въ исторіи философіи для нашего доктора философіи почти нѣтъ мѣста.

Философская непродуктивность нашего мыслителя зависѣла отъ его отрицательнаго отношенія къ философіи, какъ особой области познанія. Будущій творецъ матеріалистической теоріи общественнаго развитія вышелъ изъ идеалистической школы Гегеля. Въ концѣ 30-хъ годовъ, когда нашъ юный «studiosus philosophiae» проходилъ въ Боннѣ свой философскій курсъ, Гегель былъ вѣнчаннымъ королемъ философской мысли Германіи. Метафизика праздновала свои самые пышные тріумфы и за ея побѣдной колесницей скромно шла наука. Но нашъ молодой философъ не присоединился къ этому торжественному шествію. Въ свойствахъ своего ума и характера онъ обладалъ талисманомъ, охранявшемъ его отъ метафизическихъ увлеченій. Трудно указать въ исторіи міровой мысли другой выдающійся умъ, который былъ бы до такой степени чуждъ всякихъ идеалистическихъ порывовъ, какъ умъ Маркса. Никакого исканія вѣчнаго и абсолютнаго, никакого стремленія за предѣлы матеріальнаго опыта, никакой жажды вѣры, даже никакого чувства тайны, наполняющей міръ! Прямо-таки странно, какимъ образомъ такой сильный умъ могъ мыслить такъ грубо-реалистически! Быть можетъ, Марксъ былъ единственнымъ въ исторіи примѣромъ геніальнаго мыслителя, совершенно лишеннаго религіознаго чувства. И конечно, только философская непродуманность его міросозерцанія давала ему возможность съ такимъ высокомѣрнымъ презрѣніемъ относиться къ верховнымъ проблемамъ человѣческаго духа, неотступно привлекающимъ къ себѣ возвышенные умы. Вообще, по своему общему міросозерцанію и душевному складу, Марксъ болѣе всего напоминаетъ французскихъ матеріалистовъ XVIII вѣка, съ ихъ моралью разумнаго эгоизма и реалистической ограниченностью философскаго мышленія. Но французскіе матеріалисты были людьми малаго духа, между тѣмъ какъ Марксъ былъ мыслителемъ огромной силы. И въ этомъ глубокое различіе между ними.

При такихъ умственныхъ симпатіяхъ Марксъ не могъ проникнуться идеалистическимъ духомъ философіи Гегеля. Тѣмъ не менѣе, гегеліанская школа не прошла для него безслѣдно. Отвергнувъ наиболѣе существенную, идеалистическую часть системы Гегеля — все положительное содержаніе этой системы—нашъ философъ усвоилъ діалектическій методъ Гегеля — представленіе о міровомъ процессѣ, какъ о непрерывномъ развитіи путемъ противоположностей. Однако, марксистская діалектика существенно отличается отъ гегеліанской. У Гегеля процессъ природы есть внѣшнее обнаруженіе процесса мысли. «*Для меня же*,—говоритъ Марксъ въ предисловіи ко второму изданію «Капитала», — идеальное начало является, наоборотъ, лишь прошедшимъ черезъ человѣческій мозгъ матеріальнымъ началомъ... Діалек-

тика стоитъ у Гегеля вверхъ ногами. Нужно ее перевернуть, чтобы найти раціональное начало въ мистической оболочкѣ».

Подвергнувши гегелевскую діалектику этой операціи, Марксъ призналъ ее вполнѣ пригоднымъ методомъ изслѣдованія общественнаго развитія. Діалектическое развитіе предполагаетъ постоянную смѣну трехъ фазисовъ—тезиса, антитезиса и синтезиса: данная ступень развитія (тезисъ) влечетъ свое отрицаніе (антитезисъ), за которымъ слѣдуетъ высшая ступень, отрицающая отрицаніе и примиряющая противорѣчіе двухъ предшествовавшихъ ступеней въ высшемъ единствѣ (синтезисъ), въ свою очередь отрицаемомъ дальнѣйшей ступенью развитія и т. д. Внутреннія противорѣчія, присущія каждому бытію, являются движущими силами раз витія. Развитіе неимѣетъ конца—все находится въ непрерывномъ движеніи, возникаетъ для того, чтобы погибнуть, и погибаетъ для того, чтобы возникнуть въ новомъ видѣ—неподвижна лишь голая абстракція отъ всякаго движенія—«безсмертная смерть».

Этотъ методъ Марксъ примѣнилъ къ изученію историческаго развитія общества. Но, строго говоря, авторъ «Капитала», какъ онъ и самъ признавался, только «кокетничалъ гегелевской манерой выражаться» (предисловіе ко второму изданію «Капитала»). Отъ гегелевскаго метода осталась у него почти одна терминологія. Врядъ ли Марксъ придавалъ объективное значеніе знаменитому діалектическому закону; вѣроятнѣе, что онъ видѣлъ въ діалектической формулѣ лишь удобную схему для группировки историческихъ фактовъ. «Если Марксъ изображаетъ данный историческій процессъ, какъ отрицаніе отрицанія,—говоритъ Энгельсъ,—то онъ отнюдь не думаетъ этимъ самымъ доказать историческую необходимость этого процесса. Наоборотъ, послѣ того, какъ Марксъ доказалъ, что данный ходъвещей частью уже осуществился въ опредѣленномъ видѣ, частью необходимо долженъ осуществиться въ будущемъ, онъ его характеризуетъ, какъ процессъ, совершающійся согласно опредѣленному діалектическому закону («Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft». 3 Aufl. S. 136). И Энгельсъ вполнѣ правъ. Какъ бы мы ни относились къ гегелевскому діалектическому закону, будемъ ли мы его признавать истиннымъ или ложнымъ, это нисколько не можетъ повлiять на нашу оцѣнку историческихъ обобщеній и выводовъ Маркса. Они обосновываются аргументами и доводами совершенно другого порядка, къ которымъ правильность или ложность гегелевскаго закона не имѣетъ никакого отношенія. Гегеліанская терминологія, вмѣстѣ съ пресловутымъ «отрицаніемъ отрицанія», можетъ быть совершенно устранена изъ соціальныхъ теорій Маркса безъ всякаго ущерба для ихъ доказательности и логической силы.

Гораздо глубже повліялъ на Маркса другой философъ, также вышедшій изъ школы Гегеля, но чуждый гегелевскому идеализму—Людвигъ Фейербахъ. Его книга «Сущность христіанства» пришлась какъ нельзя болѣе по вкусу юныхъ гегеліанцевъ, стремив-

шихся освободить свои умы отъ метафизическаго плѣна. Не нужно забывать, что дѣло происходило на порогѣ 40-хъ годовъ, когда вся умственная атмосфера Европы была насыщена приближавшейся революціонной грозой. Книга Фейербаха показалась откровеніемъ. «Нужно самому пережить освобождающее дѣйствіе этой книги, чтобы составить себѣ представленіе о ея значеніи,—писалъ Энгельсъ.—Воодушевленіе было всеобщее; мы всѣ моментально сдѣлались учениками Фейербаха» («L. Feuerbach», S. 11).

И дѣйствительно, въ лицѣ автора «Сущности христіанства» Марксъ нашелъ философа значительно болѣе родственнаго себѣ по духу, чѣмъ Гегель. Главное, что привлекало нашего юнаго отрицателя въ Фейербахѣ—это общее направленіе его философіи. Въ области морали Фейербахъ былъ утилитаристомъ, въ области философіи—матеріалистомъ. Одному изъ своихъ сочиненій Фейербахъ далъ характерный подзаголовокъ: «человѣкъ есть то, что онъ ѣстъ». Философское значеніе этого оригинальнаго мыслителя Энгельсъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ. «Путь развитія Фейербаха идетъ отъ гегеліанства—правда, далеко не ортодоксальнаго—къ матеріализму, развитіе, приводящее на извѣстной своей ступени къ совершенному разрыву съ идеалистической системой Гегеля. Съ непреодолимой силой въ умѣ Фейербаха возникаетъ убѣжденіе, что принимаемое Гегелемъ доміровое существованіе абсолютной идеи, вѣчное бытіе логическихъ категорій, есть не что иное, какъ остатокъ фантастическихъ суевѣрій; что матеріальный, чувственно-воспринимаемый міръ, къ которому принадлежимъ мы сами, есть единственно реальное бытіе, и что наше сознаніе и мышленіе, какими бы сверхчувственными они намъ не казались, суть продукты матеріальнаго, тѣлеснаго органа, мозга. Не матерія продуктъ мозга, но духъ есть не что иное, какъ высшій продуктъ матеріи» («L. Feuerbach», S. 18).

Всѣ эти идеи, вплоть до знаменитаго тезиса «человѣкъ есть то, что онъ ѣстъ» (зерно матеріалистическаго пониманія исторіи), были восприняты Марксомъ. Но для нашего радикальнаго мыслителя даже Фейербахъ былъ слишкомъ идеалистиченъ. Несмотря на свой матеріализмъ, авторъ «Сущности христіанства» признавалъ необходимость религіи—хотя бы только религіи человѣчества. Онъ былъ не чуждъ энтузіазма: отвергнувъ поклоненіе высшему началу, онъ склонялъ колѣна передъ величіемъ любви, которая была вѣнцомъ его системы, верховной силой, управляющей человѣческимъ обществомъ. На этомъ базисѣ нѣсколько сентиментальный, несмотря на свой атеизмъ, философъ стремился обосновать свою систему морали.

Какъ презрительно долженъ былъ относиться къ этимъ слабостямъ добродушнаго нѣмецкаго философа молодой Марксъ! Онъ столь же мало вѣрилъ въ любовь, какъ и въ абсолютную идею. Человѣческая *исторія*, насыщенная насиліемъ и кровью безчисленныхъ поколѣній,

казалась ему лучшимъ опроверженіемъ религіи любви. Онъ возлагалъ свои надежды не на любовь, а на пониманіе своихъ интересовъ людьми и на силу, которая должна, наконецъ, избавить людей отъ тяготящаго надъ ними тысячелѣтняго гнета. Вотъ, напр., какую пренебрежительную отповѣдь даетъ Фейербаху вѣрный другъ Маркса и надежный выразитель его взглядовъ, Энгельсъ:

«Любовь есть логическая формула, которая разрѣшаетъ у Фейербаха всѣ трудности практической жизни—и это въ обществѣ, раздѣленномъ на классы съ діаметрально противоположными интересами! Философія его лишается такимъ образомъ послѣднихъ признаковъ своего революціоннаго характера, и превращается въ старую пѣсню—любите другъ друга, заключайте другъ друга въ объятія безъ различія пола и сословія—всеобщая пѣснь примиренія! Словомъ, фейербаховская мораль ничѣмъ не отличается отъ своихъ предшественницъ. Она претендуетъ имѣть силу для всѣхъ временъ, всѣхъ народовъ и всѣхъ состояній, и потому нигдѣ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ имѣть примѣненія и также безсильна по отношенію къ реальному міру, какъ кантовскій императивъ. Въ дѣйствительности, каждый классъ, даже каждый родъ профессіи имѣетъ свою особую мораль» («Feuerbach», S. 34).

Эти краткія комментаріи Энгельса къ философіи Фейербаха даютъ превосходную характеристику философскаго міросозерцанія Маркса, которое окончательно сложилось въ половинѣ 40-хъ годовъ. Мы уже говорили, что Марксъ долженъ былъ отказаться отъ академической дѣятельности, къ которой онъ себя готовилъ. Съ этихъ поръ его жизнь направляется по совершенно иному пути.

Уже въ 1842 г. (т.-е. всего 24-хъ лѣтъ отъ роду) нашъ радикальный философъ становится редакторомъ большой оппозиціонной газеты въ Кёльнѣ — «Rheinische Zeitung». Газета была органомъ оппозиціонной буржуазіи и просуществовала не долго—правительство поспѣшило ее закрыть.

На родинѣ Марксу дѣлать нечего, онъ ѣдетъ въ Парижъ и вмѣстѣ съ Арнольдомъ Руге основываетъ органъ «Deutsch-französische Jahrbücher», изъ котораго появился, однако, только первый номеръ. Журналъ прекратился частью вслѣдствіе трудности доставленія его въ Германіи, частью вслѣдствіе принципіальныхъ разногласій между редакторами. Разногласія состояли, по словамъ Энгельса, въ томъ, что Руге оставался гегеліанцемъ и буржуазнымъ радикаломъ, между тѣмъ какъ Марксъ, подъ вліяніемъ изученія французскихъ соціалистовъ, переходитъ къ соціализму.

Существовала еще третья, весьма любопытная причина быстраго крушенія литературнаго предпріятія Маркса. Дѣло въ томъ, что юному германскому соціалисту совершенно не удалось привлечь къ участію въ своемъ органѣ главарей французскаго соціализма. По словамъ Меринга,

ихъ оттолкнулъ крайній атеизмъ Маркса, въ то время какъ они сами пытались сблизить соціализмъ съ христіанствомъ...

Около этого времени Марксъ начинаетъ упорно изучать экономическіе вопросы. Первый толчокъ къ экономическимъ изслѣдованіямъ былъ данъ нашему мыслителю по его собственнымъ словамъ, необходимостью высказываться по экономическимъ вопросамъ въ редактированной имъ газетѣ «Rheinische Zeitung». Пребываніе въ Парижѣ доставило молодому нѣмецкому эмигранту случай ближе познакомиться съ французскими соціалистами, изъ которыхъ наибольшее вліяніе на него оказалъ, вѣроятно, Прудонъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ существенное значеніе въ выработкѣ соціальнаго міровоззрѣнія Маркса имѣла, повидимому, и книга Лоренца Штейна «Der Socialismus und Kommunismus des heutigen Frankreichs» (1842 г.).

Въ числѣ сотрудниковъ «Deutsch-französische Jahrbücher» былъ и Фридрихъ Энгельсъ, съ которымъ Марксъ хорошо сошелся въ Парижѣ въ 1844 году; между ними установилась тѣсная дружба, основанная на сходствѣ воззрѣній и на полномъ подчиненіи Энгельса своему нѣсколько болѣе старшему сверстнику. Въ исторіи трудно указать другой примѣръ такой тѣсной духовной связи двухъ выдающихся людей. Что Энгельсъ самъ по себѣ представлялъ крупную величину, это достаточно доказывается его работами, исполненными до сближенія съ Марксомъ. Одна изъ нихъ, «Die Lage der arbeitenden Klasse in England», представляетъ собой безспорно замѣчательное произведеніе, оригинальное и глубокое. Но въ натурѣ Энгельса, повидимому, не хватало самостоятельности и энергіи; послѣ сближенія съ Марксомъ онъ какъ бы утрачиваетъ свою индивидуальность, совершенно отходитъ на второй планъ, довольствуясь скромной ролью сотрудника своего великаго друга и популяризатора его взглядовъ. Только послѣ смерти Маркса Энгельсъ перестаетъ играть «вторую скрипку» и занимаетъ въ руководительствѣ рабочимъ движеніемъ его мѣсто.

Первымъ совмѣстнымъ трудомъ обоихъ друзей была книга направленная противъ ихъ прежняго товарища—Бруно Бауэра «Die heilige Familie. Gegen Bruno Bauer und Konsorten» (1845 г.) написанная въ томъ рѣзко полемическомъ тонѣ, который характеризуетъ всѣ произведенія Маркса.

Въ Парижѣ Марксъ пробылъ не долго. Прусскому правительству удалось выхлопотать у министерства Гюго высылку молодого публициста изъ Франціи за редактированіе небольшой нѣмецкой оппозиціонной газеты «Vorwärts», издававшейся въ Парижѣ. Преслѣдуемый писатель переселяется въ 1845 году въ Брюссель и здѣсь издаетъ въ 1847 г. полемическую книгу противъ Прудона. Оба друга становятся членами одного тайнаго политическаго общества и выпускаютъ въ началѣ 1848 г., по порученію этого общества, знаменитый «Манифестъ». Затѣмъ слѣдуетъ февральская революція, арестованіе Маркса въ

Брюсселѣ и возвращеніе его въ Парижъ по приглашенію одного изъ членовъ временнаго правительства. Вся Европа полна революціонной смутой, Германія волнуется. Марксъ спѣшитъ вернуться на родину и возобновляетъ въ Кёльнѣ изданіе газеты «Neue Rheinische Zeitung», просуществовавшей, однако, меньше года. Побѣда реакціи повела къ высылкѣ молодого революціоннаго публициста изъ Кёльна, а вслѣдъ затѣмъ и французское правительство запретило ему пребываніе въ Парижѣ.

Тутъ наступаетъ рѣшительный поворотъ въ жизни нашего мыслителя; на политической аренѣ ему дѣлать нечего и онъ удаляется въ обычное убѣжище политическихъ эмигрантовъ европейскаго континента въ свободную Англію, въ Лондонъ, который и дѣлается его окончательнымъ и постояннымъ мѣстомъ жительства.

Революціонныя бури затихли. Скитанья Маркса кончились и онъ нѣсколько десятковъ лѣтъ живетъ не преслѣдуемый и не тревожимый никѣмъ въ міровой столицѣ. Но это внѣшнее спокойствіе было тяжелымъ испытаніемъ для творца «Капитала». По своей натурѣ онъ былъ борцомъ; его мощная воля требовала энергичной дѣятельности, а между тѣмъ, политическія условія Европы обрекали его въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ на полное политическое бездѣйствіе. Когда Марксъ впервые переѣхалъ Ламаншъ, ему едва исполнился 31 годъ; несмотря на такую молодость, онъ былъ уже однимъ изъ самыхъ видныхъ радикальныхъ публицистовъ Германіи и пользовался огромнымъ вліяніемъ и авторитетомъ среди своихъ единомышленниковъ. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ революціонномъ движеніи 1848 г., когда даже самымъ скептическимъ людямъ могло казаться, что наступилъ соціальный катаклизмъ, за которымъ послѣдуетъ рожденіе міра будущаго. Но революціонный вихрь пронесся—и старая Европа устояла; только обломки революціонныхъ партій свидѣтельствовали о неудавшейся революціи.

Первые годы реакціи были особенно тяжелы для политическихъ эмигрантовъ, скопившихся изъ всѣхъ странъ Европы въ Лондонѣ. Разочарованіе было глубоко. Послѣ столькихъ блестящихъ успѣховъ—такое уничтожающее пораженіе! Послѣ столькихъ свѣтлыхъ надеждъ—такая удручающая дѣйствительность! Бывшіе диктаторы, главнокомандующіе революціонныхъ армій, министры, члены временныхъ правительствъ превратились въ жалкихъ изгнанниковъ, искавшихъ и не находившихъ заработка. Такое паденіе было труднымъ испытаніемъ стойкости политическихъ убѣжденій многихъ политическихъ дѣятелей. Болѣе слабые пали и «поклонились тому, что сжигали», но и самые сильные поколебались духомъ, утратили энергію и прежнюю вѣру, поддались разочарованію, которое охватило всю европейскую демократію. Вспомнимъ, напримѣръ, какой тяжелый душевный кризисъ пережилъ въ это время Герценъ—человѣкъ выдающейся энергіи и свѣтлаго ума. И, быть можетъ, среди всѣхъ усталыхъ, измученныхъ, ко-

леблющихся или совсѣмъ измѣнившихъ своему дѣлу ветерановъ и инвалидовъ революціи одинъ Марксъ остался такимъ же бодрымъ, какимъ онъ былъ въ минуты наибольшаго подъема революціонной волны. Его соціальное міровоззрѣніе только крѣпнетъ подъ вліяніемъ пережитыхъ испытаній. Въ тѣхъ событіяхъ, которыя другимъ казались крушеніемъ движенія, онъ видѣлъ лишь послѣдовательные фазисы развитія движенія. За отливомъ долженъ послѣдовать приливъ,—и чѣмъ сильнѣе реакція, тѣмъ выше должна подняться грядущая волна.

Политическій застой 50-хъ годовъ былъ періодомъ самой упорной, бодрой и плодотворной умственной работы для Маркса. Уже въ концѣ 40-хъ годовъ онъ обладалъ серьезной экономической эрудиціей и, какъ показываетъ его книга противъ Прудона, былъ хорошо знакомъ съ англійской экономической литературой. Пребываніе въ Лондонѣ и постоянныя занятія въ Британскомъ Музеѣ доставили ему возможность расширить свою экономическую эрудицію въ колоссальныхъ размѣрахъ. По всей вѣроятности, никто до и послѣ Маркса не зналъ въ такомъ совершенствѣ и въ такой полнотѣ англійскую экономическую литературу. Французскую экономическую литературу онъ также зналъ хорошо, нѣмецкую же гораздо меньше, какъ показываетъ засвидѣтельствованное Энгельсомъ его незнакомство съ первыми работами Родбертуса.

Въ 50-хъ годахъ Марксъ дѣятельно сотрудничалъ въ «New-York Tribune» и выпустилъ нѣсколько брошюръ, изъ которыхъ особенно замѣчательна «Der 18 Brumaire des Louis Bonaparte» (1852 г.)—мастерской анализъ событій, поведшихъ къ диктатурѣ Бонапарта. Наконецъ, въ 1859 г. онъ представилъ первый очеркъ своей критики капиталистическаго строя, въ работѣ подъ заглавіемъ «Zur Kritik der Politischen Oekonomie». Книга эта должна была быть первымъ выпускомъ задуманнаго Марксомъ обширнаго экономическаго сочиненія, но послѣдующихъ выпусковъ не появилось благодаря тому, что авторъ измѣнилъ планъ своей работы. Вмѣсто продолженія «Zur Kritik der Politischen Oekonomie», онъ выпустилъ въ 1867 г. первый томъ своего главнаго, въ полномъ смыслѣ слова геніальнаго, труда «Das Kapital». Второй томъ «Капитала» вышелъ послѣ смерти своего великаго автора, въ 1885 году, третій—въ 1894 г.

Въ 60-хъ годахъ, въ то время когда Марксъ работалъ надъ «Капиталомъ», обстоятельства позволили ему вернуться къ практической общественной дѣятельности. Въ 1864 г., въ Лондонѣ была основана «Международная ассоціація рабочихъ». Иниціатива созданія интернаціонали не принадлежала Марксу, но такъ какъ Марксъ былъ великъ, а прочіе члены интернаціонали были людьми обыкновеннаго роста, то руководительство общества естественно перешло къ нему. Задачей интернаціонали было объединеніе рабочаго движенія въ разныхъ странахъ капиталистическаго міра и поддержка этого движенія общими силами пролетаріата. Со стороны Маркса требовалась

большая ловкость и хитрость для того, чтобы корабль интернаціонали не разбился съ первыхъ же шаговъ о подводные камни партійныхъ раздоровъ среди рабочихъ. Но великій экономистъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ искуснымъ дипломатомъ. Онъ умѣлъ, когда нужно, скрывать свои мысли и прибѣгать къ туманнымъ выраженіямъ, когда требовалось заставить людей согласиться съ тѣмъ, съ чѣмъ они несогласны. Вступительный адресъ общества и его статуты, принадлежащіе перу Маркса, были составлены такъ ловко, что самые противоположныя рабочія теченія могли примкнуть къ интернаціонали.

Дѣятельность общества вначалѣ выразилась, главнымъ образомъ, въ поддержкѣ стачекъ. Однако, съ каждымъ годомъ Марксъ все болѣе и болѣе забиралъ въ свои руки нити управленія обществомъ, постепенно проникавшемся идеями автора «Капитала» и подчинявшемся его соціально-политической программѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ росла и оппозиція, группировавшаяся преимущественно вокругъ Бакунина и приведшая, въ концѣ концовъ, къ крушенію интернаціонали. Въ 1872 г. на конгрессѣ въ Гаагѣ было постановлено подъ внушеніемъ Маркса, лично ненавидѣвшаго Бакунина, исключеніе послѣдняго изъ состава общества. Это повело къ расколу интернаціонали—цѣлый рядъ секцій высказался за Бакунина, и «Международная ассоціація рабочихъ» фактически прекратила существованіе.

Паденіемъ интернаціонали заканчивается публичная политическая дѣятельность Маркса; но его вліяніе на рабочее движеніе всего міра оставалось громаднымъ. Вѣрный ученикъ Маркса, Либкнехтъ явился пропагандистомъ соціально-политической программы своего учителя среди германскихъ рабочихъ. Въ 1875 г. на конгрессѣ въ Готѣ послѣдовало сліяніе двухъ до того времени независимыхъ рабочихъ партій Германіи, изъ которыхъ одна, (большая); состояла изъ лассальянцевъ, а меньшая изъ марксистовъ. Несмотря, однако, на свое численное преобладаніе, лассальянцы были совершенно поглощены марксистами. Такимъ образомъ, и не принимая непосредственнаго участія въ политической жизни Германіи, Марксъ былъ фактически верховнымъ вождемъ германскаго рабочаго движенія. По мѣрѣ распространенія идей марксизма (которыя къ концу XIX столѣтія охватили рабочую интеллигенцію всей Западной Европы, за исключеніемъ Англіи), росло и вліяніе Маркса. Къ концу жизни геніальный экономистъ былъ въ апогеѣ славы и вліянія. Его мысли стали символомъ вѣры сотенъ тысячъ рабочихъ всего міра; его практическая программа легла въ основаніе политической борьбы пролетаріата европейскаго континента. Всѣ его былые соперники сошли со сцены или были забыты. И онъ оставался единственнымъ общепризнаннымъ верховнымъ авторитетомъ, творцомъ и главою самаго могущественнаго соціальнаго движенія новаго времени.

II.

Ученіе Маркса охватываетъ собой не только экономическую теорію, но и общую философію исторіи; въ то же время, изъ теоретическихъ основъ этого ученія вытекаетъ опредѣленная программа политической и общественной дѣятельности. Поэтому марксизмъ можетъ быть изучаемъ съ разныхъ точекъ зрѣнія. Въ нижеслѣдующемъ критическомъ изслѣдованіи марксизма мы подвергнемъ анализу три основныхъ доктрины Маркса:

1) его философію исторіи (такъ называемое матеріалистическое пониманіе исторіи, или, какъ удачно назвалъ это пониманіе Штаммлеръ, соціальный матеріализмъ);

2) абстрактную теорію капитализма—ученіе о природѣ капиталистическаго хозяйства;

3) ученіе о развитіи капиталистическаго строя и превращеніи его въ иную, высшую общественную форму.

По словамъ Энгельса, Марксъ пришелъ къ идеѣ матеріалистическаго пониманія исторіи совершенно независимо отъ него. Уже въ началѣ 1845 г. идея эта была высказана Энгельсу его другомъ при свиданіи ихъ въ Брюсселѣ. Въ ихъ первой совмѣстной работѣ «Die heilige Familie» ясно видно вліяніе новой историко-философской идеи, но болѣе опредѣленное литературное выраженіе она получаетъ позднѣе въ полемической брошюрѣ Маркса противъ Прудона «Das Elend der Philosophie».

«Das Manifest» представляетъ собой первую геніальную попытку приложить матеріалистическое пониманіе исторіи къ объясненію всего новѣйшаго соціальнаго развитія Европы. Небольшія работы Маркса конца 40-хъ и начала 50-хъ годовъ, составившіяся, главнымъ образомъ, изъ газетныхъ корреспонденцій и статей, являются также превосходными частичными примѣненіями идеи соціальнаго матеріализма къ изслѣдованію фактовъ современности. Особое значеніе въ этомъ отношеніи имѣетъ небольшая брошюра Маркса «Der 18 Brumaire des Louis Bonaparte».

Затѣмъ, разсматриваемая теорія получила свою «классическую», по словамъ Каутскаго, формулировку въ предисловіи къ «Zur Kritik der politischen Oekonomie». Въ 3-хъ томахъ «Капитала» идея соціальнаго матеріализма является центральнымъ фокусомъ, откуда исходятъ цѣлые снопы лучей, которыми Марксъ такъ ярко и своеобразно освѣтилъ соціальный строй нашего времени; но для дальнѣйшаго развитія и обосновки самой теоріи, въ ея абстрактной формѣ, «Капиталъ» даетъ немного. Въ концѣ концовъ, въ работахъ Маркса мы находимъ геніальное примѣненіе теоріи матеріалистическаго пониманія исторіи къ объясненію историческихъ фактовъ, но сама теорія остается выраженной въ рядѣ отрывочныхъ афоризмовъ, безъ всякой попытки дать что-либо похожее на строго логическое доказательство ея.

Истолкованіе и доказательство соціальнаго матеріализма выпало на долю Энгельса. Его книга «Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft» (1878) даетъ въ этомъ отношеніи всего больше. Небольшая работа того же автора «Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats» (1884) представляетъ собой интересную попытку объяснить древнѣйшую исторію съ точки зрѣнія названной теоріи. Философскимъ обоснованіемъ теоріи историческаго матеріализма должна служить брошюра Энгельса «Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie» (1888); но, къ сожалѣнію, именно въ философскомъ отношеніи брошюра эта очень слаба. Въ качествѣ попытокъ доказательства соціальнаго матеріализма представляютъ интересъ написанная Энгельсомъ біографія Маркса (1878) и его же рѣчь на могилѣ Маркса (1883). Наконецъ, весьма любопытнымъ документомъ, въ смыслѣ выясненія позднѣйшихъ взглядовъ Энгельса на соціальный матеріализмъ, являются его письма къ разнымъ лицамъ, опубликованныя уже послѣ его смерти въ журналѣ «Der Sozialistsiche Akademiker» (1895), газетѣ «Leipziger Volkszeitung» (1895) и «Geschichte der deutschen Sozialdemokratie» (1898) Меринга.

Теорія матеріалистическаго пониманія исторіи не только не пользовалась при жизни Маркса признаніемъ со стороны ученыхъ, но даже и не была предметомъ сколько-нибудь серьезнаго изученія и критики. И лишь послѣ того, какъ творецъ этой теоріи сошелъ въ могилу, интересъ къ ней значительно увеличился; въ настоящее время врядъ ли какая-либо соціальная теорія можетъ похвалиться болѣе обширной литературой, чѣмъ историческій матеріализмъ. Къ сожалѣнію, качество этой литературы далеко не соотвѣтствуетъ ея количеству. И друзья и враги новаго направленія исторической мысли проявляли, въ большинствѣ случаевъ, мало критическаго отношенія къ нему. Друзья ограничивались простой популяризаціей теоріи и, въ лучшемъ случаѣ, примѣненіемъ ея къ объясненію историческихъ фактовъ (что нерѣдко приводило къ весьма плодотворнымъ результатамъ). Враги, вмѣсто критическаго анализа основъ соціальнаго матеріализма, довольствовались указаніемъ на его недоказанность и на существованіе историческихъ фактовъ, объясненіе которыхъ съ матеріалистической точки зрѣнія представляется затруднительнымъ. Въ итогѣ, дѣло критическаго изученія новой доктрины подвигалось весьма мало. И только въ 1896 г., съ появленіемъ замѣчательнаго труда Штаммлера «Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung», критика соціальнаго матеріализма сдѣлала серьезный шагъ впередъ.

Однако, нельзя не признать, что вина незначительности научныхъ результатовъ многолѣтнихъ споровъ о новой теоріи историческаго процесса падаетъ, до извѣстной степени, и на ея автора. Какъ уже сказано, Марксъ не далъ своей теоріи законченнаго логическаго развитія. Работы Энгельса далеко не достаточно восполняютъ этотъ пробѣлъ.

Благодаря этому, даже самое содержаніе теоріи (не говоря уже объ ея обоснованіи) остается и по настоящее время не вполнѣ яснымъ и опредѣленнымъ. Соціальный матеріализмъ Маркса—Энгельса понимается различными писателями различнымъ образомъ, и иногда именно сторонники этой теоріи оказываются виновными въ ея извращеніи. Извѣстна ироническая фраза Маркса: «Moi, je ne suis pas marxiste». Еще болѣе грубымъ извращеніямъ подвергается разсматриваемая теорія сплошь и рядомъ въ рукахъ ея критиковъ. Причина всѣхъ этихъ прискорбныхъ недоразумѣній указана Энгельсомъ въ одномъ изъ вышеназванныхъ писемъ. «Марксъ и я,—писалъ Энгельсъ,—мы сами отчасти виноваты въ томъ, что «молодые» придаютъ иногда большее значеніе экономической сторонѣ, чѣмъ это слѣдовало бы. Мы должны были, въ спорѣ съ противниками, подчеркнуть важность оспариваемаго ими основного принципа и не всегда имѣли подходящій случай, время и мѣсто для того, чтобы отмѣтить должное значеніе остальныхъ взаимодѣйствующихъ моментовъ» («Der sozialistische Akademiker». 1895. Oktober).

И дѣйствительно, ни у Маркса, ни у Энгельса мы не встрѣчаемъ достаточно полной характеристики новой соціологической теоріи, которая была, по словамъ Энгельса, «самымъ лучшимъ орудіемъ труда и самымъ мощнымъ оружіемъ» въ рукахъ ея творцовъ. Въ виду этого, установить истинное содержаніе соціальнаго матеріализма представляется настолько же важнымъ, насколько и труднымъ дѣломъ. Нужно свести воедино многочисленныя отрывочныя замѣчанія Маркса и Энгельса и конструировать изъ этихъ иногда противорѣчивыхъ формулировокъ сущность историко-философской доктрины творцовъ матеріалистическаго пониманія исторіи. Каждое отдѣльное опредѣленіе этой доктрины, которое мы встрѣчаемъ въ трудахъ обоихъ ея авторовъ, недостаточно и неполно; и только изъ совокупности этихъ опредѣленій, а также, что всего важнѣе, изъ внимательнаго анализа примѣненія названной теоріи ея творцами къ объясненію историческихъ фактовъ, мы можемъ вывести правильное заключеніе о томъ, что понимали Марксъ и Энгельсъ подъ историческимъ матеріализмомъ.

Неясностью и неполнотой страдаетъ даже и «классическое» опредѣленіе разсматриваемой доктрины въ знаменитомъ предисловіи къ «Критикѣ политической экономіи». Но такъ какъ это опредѣленіе все же является наилучшимъ, то мы и примемъ его отправнымъ пунктомъ въ своемъ дальнѣйшемъ изложеніи и критикѣ теоріи соціальнаго матеріализма.

Вотъ это опредѣленіе. «Въ общественномъ производствѣ,—говоритъ Марксъ,—служащемъ для поддержанія жизни, люди вступаютъ въ опредѣленныя отношенія, необходимыя и не зависящія отъ ихъ воли, соотвѣтствующія опредѣленной ступени развитія матеріальныхъ производительныхъ силъ. Совокупность этихъ производственныхъ отноше-

ній образуетъ экономическую структуру общества, реальный базисъ, на которомъ возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соотвѣтствуютъ опредѣленныя общественныя формы сознанія. Способомъ производства матеріальной жизни обусловливается соціальный, политическій и духовный процессъ жизни. Не сознаніемъ людей опредѣляется ихъ бытіе, а наоборотъ, ихъ сознаніе опредѣляется ихъ общественнымъ бытіемъ. На извѣстной ступени своего развитія производительныя силы общества приходятъ въ конфликтъ съ существующими производственными отношеніями, въ рамкахъ которыхъ онѣ до тѣхъ поръ существовали или, что есть лишь юридическое выраженіе того же явленія, съ отношеніями собственности. Изъ формъ развитія производительныхъ силъ отношенія эти становятся узами для послѣднихъ. Тогда наступаетъ эпоха соціальнаго переворота. Съ измѣненіемъ экономической основы измѣняется быстрѣе или тише вся огромная надстройка. При изученіи такихъ переворотовъ, нужно всегда различать между матеріальнымъ переворотомъ въ экономическихъ условіяхъ производства, допускающимъ точную естественно-научную формулировку, и юридическими, политическими, религіозными, художественными или философскими, коротко, идеологическими формами, въ которыя люди облекаютъ этотъ конфликтъ въ своемъ сознаніи и въ которыхъ они борятся... Никакая общественная формація не погибаетъ, не развивъ всѣхъ производительныхъ силъ, для которыхъ она даетъ достаточный просторъ; новыя производственныя отношенія никогда не возникаютъ прежде, чѣмъ въ нѣдрахъ стараго общества не будутъ подготовлены матеріальныя условія ихъ существованія».

Итакъ, Марксъ различаетъ три соціально-экономическія категоріи: производительныя силы, способъ производства и производственныя отношенія. Послѣднія разнозначущи экономической структурѣ общества, юридическимъ выраженіемъ которой являются отношенія собственности. Развитіе производительныхъ силъ приводитъ ихъ къ конфликту со способомъ производства и вытекающими изъ послѣдняго производственными отношеніями, или, что то же, съ юридическими формами общества. Этотъ конфликтъ завершается измѣненіемъ способа производства и юридическихъ формъ общества, приспособленіемъ ихъ къ новой ступени развитія производительныхъ силъ.

Нельзя не согласиться съ Массарикомъ, авторомъ, въ общемъ довольно слабой книги «Die philosophischen und sociologischen Grundlagen des Marxismus», что цитированное опредѣленіе знаменитой теоріи Маркса всего менѣе заслуживаетъ названія классическаго, такъ какъ ему не достаетъ самого существеннаго для того, чтобы быть классическимъ: точности и ясности. Что нужно, напр., понимать въ данномъ случаѣ подъ «производительными силами»? Этимъ весьма двусмысленнымъ терминомъ Марксъ пользуется очень часто, совершенно не заботясь объ его опредѣленіи. Точно также, сравненіе экономическо

структуры съ основаніемъ, а юридическаго и политическаго строя съ надстройкой, находится въ противорѣчіи съ послѣдующимъ утвержденіемъ Маркса, что юридическій строй, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторой своей части (формы собственности) есть лишь правовое выраженіе (форма) экономической структуры.

Марксъ былъ блестящимъ стилистомъ и любилъ прибѣгать къ образнымъ выраженіямъ. Многія страницы его книгъ читаются, поэтому, какъ истинно художественное произведеніе. Но пристрастіе къ метафорамъ и образной формѣ выраженія заключаетъ въ себѣ для научнаго дѣятеля нѣчто опасное. Метафоры могутъ затемнить мысль автора и скрыть отъ него истинныя трудности вопроса. Именно это и случилось въ данномъ случаѣ съ Марксомъ. Сравненіе экономической структуры съ основой, а юридическаго и политическаго строя съ надстройкой (къ этому сравненію Марксъ прибѣгаетъ неоднократно, повторяя его въ первомъ томѣ «Капитала») есть, несомнѣнно, неудачное сравненіе, не поясняющее, а затемняющее мысль автора. Говорить объ экономіи и правѣ, какъ о фундаментѣ и надстройкѣ, значитъ не понимать, что право есть форма, содержаніемъ которой является соціальная жизнь, въ томъ числѣ и соціальная экономія. Право безъ содержанія такъ же мало реально, какъ и соціальная экономія безъ права. Экономическая структура и имущественное право не суть два самостоятельныхъ явленія, находящихся между собой въ нѣкоторой связи, но одно и то же явленіе, разсматриваемое съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія, съ двухъ различныхъ сторонъ,—со стороны содержанія (экономія) и со стороны формы (право). Такъ понималъ отношеніе между экономіей и правомъ и самъ Марксъ, какъ видно изъ его отожествленія экономической структуры съ отношеніями права собственности.

Отсюда ясна неудачность классическаго сравненія Маркса: оно неправильно выражаетъ мысль автора, отнюдь неповиннаго въ томъ грубомъ непониманіи природы права, которое предполагается названнымъ сравненіемъ.

Но, во всякомъ случаѣ, приведенная метафора не препятствуетъ возстановленію истинной мысли автора. Иное слѣдуетъ сказать о другомъ образномъ выраженіи Маркса—о пресловутыхъ «производительныхъ силахъ». Мы считаемъ этотъ терминъ образнымъ выраженіемъ такъ какъ, несомнѣнно, Марксъ не думалъ, чтобы въ человѣческомъ обществѣ дѣйствовали, помимо людей, особыя «производительныя силы» въ родѣ физическихъ силъ тяжести, теплоты и т. п. Ясное дѣло, что «производительныя силы» не суть самостоятельныя силы въ точномъ естественно-научномъ смыслѣ слова, а лишь фигуральное выраженіе для нѣкоторой абстракціи, для нѣкоторой стороны соціальнаго процесса. Между тѣмъ, и Марксъ, и Энгельсъ сплошь и рядомъ говорятъ о «производительныхъ силахъ», какъ о настоящихъ объективныхъ силахъ, *принудительно* дѣйствующихъ на человѣка. Вотъ, напр., какъ ха-

рактеризуетъ Энгельсъ въ «Анти-Дюрингѣ» сущность новѣйшаго соціальнаго конфликта: «Новыя производительныя силы переросли буржуазную форму ихъ утилизированія; и этотъ конфликтъ между производительными силами и способомъ производства не есть конфликтъ, происходящій въ головахъ людей... но конфликтъ въ самыхъ фактахъ, объективный конфликтъ, происходящій внѣ насъ, независимо отъ воли и дѣятельности даже тѣхъ лицъ, которыя его вызываютъ... Механизмъ капиталистическаго способа производства отказывается работать подъ давленіемъ созданныхъ имъ самимъ производительныхъ силъ... Экономическая коллизія достигаетъ своего апогея: способъ производства возстаетъ противъ способа обмѣна, производительныя силы возстаютъ противъ способа производства, который онѣ переросли». («Herrn Eugen Dührings» etc. S. 287, 297).

Въ этомъ изображеніи соціальнаго конфликта нашего времени «производительныя силы» фигурируютъ совершенно въ роли внѣшнихъ силъ природы, не зависящихъ отъ человѣка и господствующихъ надъ нимъ. И, однако, соціальный матеріализмъ Маркса и Энгельса не имѣетъ ничего общаго съ антропо-географическимъ пониманіемъ исторіи (по терминологіи П. Барта, автора книги «Philosophie der Geschichte als Sociologie») — съ тѣмъ взглядомъ, согласно которому соціальные факты всецѣло объясняются особенностями внѣшней матеріальной среды, въ которой живутъ люди. Крайніе представители этого послѣдняго направленія, какъ, напр., Мужолль, пытаются вывести всѣ національныя отличія народовъ и даже основные законы историческаго развитія изъ свойствъ географической среды. Общество представляется имъ пассивнымъ продуктомъ матеріальныхъ силъ внѣшней природы, среди которой оно живетъ. Марксизмъ совершенно чуждъ этой точки зрѣнія. Для соціальнаго матеріализма самъ человѣкъ есть могущественнѣйшая историческая сила; отношенія человѣка къ внѣшней природѣ выражаются не только въ зависимости человѣка отъ природы, но и въ подчиненіи послѣдней человѣку. Географическая среда есть лишь отправной пунктъ соціальнаго развитія. Но такъ какъ географическая среда сравнительно неподвижна (геологическія перемѣны совершаются съ такой медленностью, что съ точки зрѣнія быстро несущейся человѣческой исторіи исторія земли представляется остановившейся и застывшей), то соціальныя перемѣны должны имѣть, очевидно, свои собственныя причины, которыя мы напрасно стали бы искать въ окружающей матеріальной средѣ. Современная Греція, по своимъ географическимъ свойствамъ, ничѣмъ не отличается отъ древней Эллады; но какъ мало похожи греки нашего времени на благороднѣйшую человѣческую расу, которую когда-либо знала исторія,—на эллиновъ, творцовъ неподражаемо-прекрасной античной культуры!

Марксизмъ не отрицаетъ зависимости человѣка отъ внѣшней природы; но внѣшняя матеріальная среда вліяетъ на человѣка, по пони-

манію Маркса, не непосредственно, а лишь черезъ посредство искусственной матеріальной среды, создаваемой самимъ человѣкомъ. Въ законахъ развитія этой вторичной, искусственной среды марксизмъ и ищетъ ключа къ пониманію человѣческой исторіи.

Поэтому «развитіе матеріальныхъ производительныхъ силъ», о которомъ говоритъ Марксъ, никоимъ образомъ не есть развитіе силъ внѣшней природы (напр., геологическія перемѣны). Производительныя силы общества могутъ развиваться и, дѣйствительно, развиваются при неподвижности внѣшней матеріальной среды и марксизмъ исходитъ въ своемъ анализѣ соціальнаго развитія, изъ предположенія такой неподвижности.

Что же слѣдуетъ, въ такомъ случаѣ, понимать подъ таинственными «матеріальными производительными силами», которыя въ марксистской идеологіи (особенно у нѣкоторыхъ «учениковъ») играютъ роль, нѣсколько напоминающую роль жизненной силы въ физіологіи добраго стараго времени? Отвѣтить на этотъ вопросъ не легко, благодаря тому, что самъ Марксъ употребляетъ разсматриваемый терминъ въ самыхъ различныхъ смыслахъ. Такъ, напр., въ своей книгѣ противъ Прудона, онъ называетъ «революціонный общественный классъ самой могущественной изъ производительныхъ силъ» («Das Elend der Philosophie», 181). Если исходить изъ этого словоупотребленія и называть общественныя группы производительными силами, то соціальный матеріализмъ потеряетъ всякій смыслъ и превратится въ невинную тавтологію — «общественное развитіе опредѣляется развитіемъ общества».

Мы думаемъ, что единственное средство придать понятію «матеріальныхъ производительныхъ силъ» вполнѣ опредѣленное содержаніе, это—отожествить разсматриваемое понятіе съ понятіемъ *матеріальныхъ условій хозяйственнаго труда*. Матеріальныя условія хозяйства отнюдь не неподвижны и не представляютъ собой чего-то стоящаго внѣ общественнаго развитія; напротивъ, каждая новая ступень соціальнаго развитія предполагаетъ соотвѣтствующее измѣненіе хозяйственной техники. Каждая новая машина, каждая перемѣна техническихъ пріемовъ или объема производства, каждое измѣненіе путей сообщенія, способовъ сношенія между людьми, пріемовъ храненія и обмѣна продуктовъ и пр., и пр. измѣняетъ матеріальную обстановку, при которой совершается хозяйственный трудъ. Матеріальная обстановка хозяйства не есть, слѣдовательно, пассивный продуктъ физико-химическихъ силъ внѣшней природы, но непрерывно развивающійся и видоизмѣняющійся историческій продуктъ самого человѣческаго общества.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, матеріальныя условія труда слѣдуетъ строго отличать отъ соціальныхъ условій труда. Хозяйственный трудъ происходитъ не только въ матеріальной, но и въ соціальной обстановкѣ—

онъ предполагаетъ и создаетъ опредѣленныя соціальныя отношенія и всегда является поэтому соціально-урегулированнымъ трудомъ. По этой причинѣ всякое хозяйство можетъ разсматриваться съ двухъ сторонъ—съ технической и соціальной. Но съ точки зрѣнія соціальнаго матеріализма, соціальная сторона хозяйства (отношенія между участниками производства, явленія, такъ называемаго, распредѣленія, общественные законы и нормы, регулирующіе хозяйственный трудъ, какъ, напр., фабричные законы и пр., и пр.) имѣетъ не основной, а производный характеръ: она опредѣляется матеріальной стороной хозяйства, которая играетъ роль господствующаго момента не только соціальнаго хозяйства, но и всей соціальной жизни.

Такова основная идея соціальнаго матеріализма. Именно въ этомъ смыслѣ Марксъ говорилъ въ своей книгѣ противъ Прудона, что «ручная мельница даетъ общество съ феодальными синьорами, паровая машина — съ промышленными капиталистами». Но не нужно слишкомъ съуживать понятіе хозяйственной техники. Соціальный матеріализмъ отнюдь не утверждаетъ, что изобрѣтеніе новыхъ орудій производства есть единственный двигатель историческаго процесса. Несостоятельность этой послѣдней точки зрѣнія очевидна уже изъ того, что только въ новѣйшее время промышленныя изобрѣтенія быстро слѣдуютъ другъ за другомъ—въ прежнія историческія эпохи цѣлыя столѣтія проходили безъ всякихъ существенныхъ перемѣнъ въ орудіяхъ труда, и тѣмъ не менѣе исторія человѣчества не стояла на мѣстѣ. Превращеніе ремесла и домашней промышленности въ мануфактуру—объединеніе прежнихъ мелкихъ производителей въ одной крупной мастерской подъ руководствомъ капиталиста—было чрезвычайно важной ступенью хозяйственнаго, а вмѣстѣ и соціальнаго прогресса Европы. Между тѣмъ, возникновеніе мануфактуры отнюдь не было вызвано какимъ-либо промышленнымъ изобрѣтеніемъ или измѣненіемъ орудій труда. По своимъ орудіямъ труда мануфактура мало отличалась отъ ремесла—только фабрика создала новыя орудія производства, замѣнивъ ручную работу машинной. Тѣмъ не менѣе, по матеріальнымъ условіямъ труда мануфактура была глубоко различна отъ ремесла: уже одинъ тотъ фактъ, что рабочіе работали не порознь, а сообща, подъ одной кровлей и по одному плану, значилъ чрезвычайно много. Даже «и при неизмѣнныхъ пріемахъ труда, одновременное употребленіе большого числа рабочихъ, производитъ цѣлую революцію въ матеріальныхъ процессахъ труда» («Капиталъ», т. I, стр. 257). Мануфактура же измѣнила и самые пріемы работы, сдѣлавъ возможнымъ раздѣленіе труда между отдѣльными рабочими. Слѣдствіемъ этого явилось значительное возрастаніе производительности труда. Поэтому Энгельсъ имѣлъ полное право назвать «раздѣленіе труда и соединеніе многихъ частичныхъ рабочихъ въ одной мануфактурѣ новой производительной силой» («Feuerbach». S. 48).

Производительность труда является лучшимъ показателемъ состоянія

хозяйственной техники въ данную историческую эпоху. Тезисъ Маркса о зависимости соціальнаго развитія отъ развитія производительныхъ силъ имѣетъ, поэтому, смыслъ признанія зависимости соціальнаго развитія отъ развитія производительности общественнаго труда. Каждой ступени производительности труда соотвѣтствуетъ, согласно матеріалистическому пониманіи исторіи, опредѣленный способъ производства, опредѣленная экономическая и вообще соціальная структура общества, опредѣленное состояніе нравовъ, мнѣній, вѣрованій и пр.

Мы познакомились съ опредѣленіемъ соціальнаго матеріализма, принадлежащемъ перу Маркса. Другое не менѣе известное и не менѣе «классическое» опредѣленіе той же теоріи имѣется въ книгѣ Энгельса противъ Дюринга. «Матеріалистическое пониманіе исторіи,—говоритъ Энгельсъ,—исходитъ изъ положенія, что производство, а вслѣдъ за производствомъ обмѣнъ продуктовъ есть основаніе всего общественнаго строя; что въ каждомъ историческомъ обществѣ раздѣленіе продуктовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и соціальное раздѣленіе на классы или сословія опредѣляется тѣмъ, что и какъ производится, и какъ произведенное обмѣнивается. Поэтому послѣднія причины всѣхъ общественныхъ перемѣнъ и политическихъ требованій слѣдуетъ искать не въ головахъ людей, въ ихъ растущемъ пониманіи вѣчной правды и справедливости, а въ измѣненіяхъ способа производства и обмѣна; ихъ слѣдуетъ искать не въ философіи, а въ экономіи соотвѣтствующей эпохи» («Anti-Dühring». S. 286).

Опредѣленіе Энгельса съ формальной стороны довольно значительно отличается отъ опредѣленія Маркса. Вмѣсто «производительныхъ силъ» мы встрѣчаемъ, въ качествѣ «послѣдней причины» «способы производства и обмѣна». Это, отчасти, простой недосмотръ со стороны Энгельса. Страницей дальше мы читаемъ въ той-же книгѣ о «конфликтѣ между производительными силами и способомъ производства», конфликтѣ, вызываемомъ развитіемъ производительныхъ силъ и приводящемъ къ измѣненію способа производства. Если такъ, то нельзя называть «измѣненія способовъ производства и обмѣна» *послѣдними* причинами общественныхъ перемѣнъ, ибо эти якобы послѣднія причины оказываются сами слѣдствіемъ другихъ, еще болѣе «послѣднихъ», причинъ.

Оставляя, однако, въ сторонѣ эту неточность, нельзя не отмѣтить, что у Энгельса, въ качествѣ «послѣднихъ причинъ», фигурируютъ способы не только производства, но и обмѣна, безъ всякаго поясненія, въ какомъ соотношеніи другъ къ другу находятся оба эти момента. Установленное нами выше понятіе матеріальныхъ условій хозяйственнаго труда объемлетъ какъ трудъ производства, такъ и трудъ обмѣна, ибо и то, и другое, въ равной мѣрѣ, хозяйственный трудъ. Очень неточно *говоритъ* Энгельсъ о «производствѣ и обмѣнѣ», какъ «основаніи общественнаго строя»: неточность состоитъ въ томъ, что не указано,

какая сторона производства и обмѣна—техническая или соціальная—является такимъ основаніемъ.

Въ общемъ, опредѣленіе сущности соціальнаго матеріализма у Энгельса съ формальной стороны еще менѣе удовлетворительно, чѣмъ у Маркса, но основная мысль въ обоихъ опредѣленіяхъ одна и та же. Матеріальныя условія хозяйственнаго труда—вотъ въ чемъ видитъ соціальный матеріализмъ послѣднюю опредѣляющую причину соціальнаго строя.

Но одной этой идеей отнюдь не исчерпывается содержаніе историкофилософской концепціи Маркса. Второй существенной идеей соціальнаго матеріализма слѣдуетъ признать характерное для него представленіе о способахъ измѣненія дѣйствующаго права. Каждой опредѣленной ступени производительности труда соотвѣтствуетъ, какъ мы уже говорили, опредѣленная форма правового строя. Пока эта форма даетъ достаточный просторъ для развитія соціальнаго хозяйства, для поднятія производительности общественнаго труда, до тѣхъ поръ она не испытываетъ существенныхъ перемѣнъ; но соціальное хозяйство развивается въ то время, какъ правовая форма остается неподвижной. Это должно рано или поздно привести къ конфликту между хозяйствомъ и правомъ: существующее право изъ средства развитія становится тормозомъ для хозяйства, препятствіемъ для дальнѣйшаго поднятія производительности труда. Конфликтъ разрѣшается измѣненіемъ правовой формы, приспособленіемъ ея къ новымъ матеріальнымъ условіямъ хозяйственнаго труда, къ новой ступени производительности послѣдняго. Самое разрѣшеніе конфликта представлялось Марксу въ формѣ соціальной катастрофы: дѣйствующее право не испытываетъ постепенныхъ измѣненій, соотвѣтствующихъ и параллельныхъ измѣненіямъ матеріальныхъ условій труда, но остается неподвижнымъ до тѣхъ поръ, пока давленіе развивающагося соціальнаго хозяйства на стѣснительныя для него формы права не пріобрѣтетъ достаточной силы для быстраго разрушенія существующаго права и созданія на развалинахъ послѣдняго новаго права.

Таковы объективныя причины соціальныхъ переворотовъ, скрытыя отъ общественнаго сознанія. Въ общественномъ сознаніи конфликтъ этотъ принимаетъ форму *классовой борьбы*. Представленіе о борьбѣ классовъ, какъ о главнѣйшемъ содержаніи исторіи, является третьей основной идеей историческаго матеріализма. Уже на первой страницѣ «Манифеста» читаемъ знаменитыя слова: «Исторія всего существующаго общества есть исторія борьбы классовъ». Тезисъ этотъ впослѣдствіи подвергнулся нѣкоторому ограниченію: подъ вліяніемъ работъ изслѣдователей первобытной культуры, особенно Моргана, Марксъ и Энгельсъ пришли къ заключенію, что первобытное общество не распадается на классы, а слѣдовательно не знаетъ и классовой борьбы. Жизнь доисторическаго общества вообще не укладывается въ обычную

концепцію соціальнаго матеріализма. По словамъ Маркса, строеніе и жизнь этого общества управляются не однимъ, а двумя независимыми моментами: «Ступенью развитія труда съ одной стороны, ступенью развитія семьи—съ другой... Чѣмъ меньше развитъ трудъ, чѣмъ ограниченнѣе количество его продуктовъ, а слѣдовательно, и количество богатства въ обществѣ, тѣмъ болѣе управляютъ общественнымъ строемъ кровныя родовыя узы». («Происхожденія семьи, частной собственности и государства». Предисловіе къ 1 изд.). Такимъ образомъ, по отношенію къ первобытному, доисторическому обществу Марксъ, а вслѣдъ за нимъ и Энгельсъ, совсѣмъ отказываются отъ монистическаго объясненія. Соціальный матеріализмъ есть теорія лишь позднѣйшаго общества, основаннаго на частной собственности и распадающагося на классы—общества, послѣдовательныя фазисы развитія котораго и составляютъ все содержаніе писанной исторіи.

Распаденіе общества на классы опредѣляется матеріальными условіями хозяйственнаго труда. Лишь на опредѣленной ступени производительности труда возникаетъ классовое общество, ибо пока человѣкъ въ состояніи только прокормить самого себя, до тѣхъ поръ невозможно регулярное присвоеніе трудового продукта другимъ лицомъ, а слѣдовательно невозможно и образованіе въ обществѣ неработающихъ классовъ. Способъ производства продуктовъ управляетъ ихъ распредѣленіемъ, а классовыя различія суть не что иное, какъ соціальныя выраженія неравенства распредѣленія продуктовъ труда. Такимъ образомъ, способъ производства, а слѣдовательно, въ конечномъ счетѣ, матеріальныя условія хозяйственнаго труда опредѣляютъ классовое сложеніе общества.

Въ первоначальномъ коммунистическомъ обществѣ отсутствовала политическая власть, какъ обособленный органъ общества. Но уже въ самыхъ примитивныхъ обществахъ замѣчаются начатки раздѣленія общественнаго труда — въ военное время во главѣ племени становится выбранный вождь, въ мирное время необходимы лица, рѣшающія споры, возникающіе между членами общины, руководители общественныхъ работъ, служители религіознаго культа и проч. По мѣрѣ дальнѣйшаго развитія общества, исполнители различныхъ соціальныхъ функцій обособляются въ замкнутыя общественныя группы и такимъ образомъ создаются касты и сословія. «Въ основаніи политическаго господства всегда лежало исполненіе какой-либо общественной службы» (Энгельсъ). Но достигнувъ политическаго преобладанія, правящіе классы эксплуатируютъ свою власть въ своихъ экономическихъ интересахъ. Политическое и экономическое порабощеніе большинства населенія привилегированнымъ меньшинствомъ становится основаніемъ общественнаго устройства.

Всякая новая ступень производительности труда требуетъ и новой классовой группировки общества. Отживающая правовая форма, возник-

шая на почвѣ прежнихъ хозяйственныхъ отношеній, находитъ себѣ защитниковъ въ тѣхъ общественныхъ классахъ, которымъ эта форма обезпечивала господство. Наоборотъ, новыя условія хозяйства создаютъ новые общественные классы, экономическіе интересы которыхъ требуютъ преобразованія правовыхъ формъ. Такимъ образомъ, конфликтъ соціальнаго хозяйства и права вырожается въ общественномъ сознаніи борьбой классовъ за свои экономическіе интересы, а побѣда новаго способа производства принимаетъ видъ соціальнаго переворота, побѣды передового общественнаго класса.

Мы уже отмѣчали, что съ точки зрѣнія соціальнаго матеріализма, не только формы права, но и вся соціальная жизнь въ совокупности опредѣляется матеріальными условіями хозяйства. Политическій и правовый строй представляютъ собой—говоритъ Энгельсъ въ своей брошюрѣ о Фейербахѣ—наиболѣе близкій, непосредственный продуктъ хозяйственнаго строя общества. Гораздо дальше отстоятъ отъ хозяйства наука, искусство, философія, религія; ихъ связь съ хозяйствомъ гораздо запутаннѣе, сложнѣе и темнѣе, но все же эта связь существуетъ. «Вся эпоха ренессанса, съ половины XV вѣка, создана городами, иначе говоря буржуазіей; это же слѣдуетъ сказать и о пробуждающейся вслѣдъ затѣмъ философіи; ея содержаніе является лишь философскимъ выраженіемъ идей, сопутствующихъ превращенію мелкой и средней буржуазіи въ крупную буржуазію».

Таково ученіе соціальнаго матеріализма. Его сущность можетъ быть формулирована въ слѣдующихъ трехъ тезисахъ:

1) Со времени распаденія общества на классы соціальная жизнь и соціальное развитіе опредѣляются, въ конечномъ счетѣ, состояніемъ и развитіемъ матеріальныхъ условій хозяйственнаго труда.

2) Каждой опредѣленной ступени производительности труда соотвѣтствуетъ опредѣленная форма права. Развитіе производительности труда приводитъ къ конфликту между матеріальными условіями соціальнаго хозяйства и правомъ. Изъ средства поощренія право становится тормозомъ хозяйственнаго развитія. Конфликтъ завершается соціальнымъ переворотомъ—преобразованіемъ права и приспособленіемъ его къ новымъ матеріальнымъ условіямъ соціальнаго хозяйства.

3) Въ общественномъ сознаніи конфликтъ этотъ выражаетъ борьбой классовъ, составляющей всё содержаніе міровой исторіи съ тѣхъ поръ, какъ общество распалось на классы.

Приступая къ критикѣ матеріалистическаго пониманія исторіи, слѣдуетъ, прежде всего, имѣть въ виду, что ученіе это стремится къ достиженію полнаго *соціальнаго монизма*. По мнѣнію своихъ сторонниковъ, оно даетъ возможность монистическаго объясненія всей соціальной жизни въ совокупности. Первымъ шагомъ соціальной науки является признаніе тѣсной взаимной зависимости, взаимодѣйствія всѣхъ моментовъ соціальной жизни, образующихъ, благодаря этому, одно связное,

неразрывное и недѣлимое цѣлое, одинъ организмъ, несмотря на множественность проявленій общественной жизни. Даннымъ состояніемъ соціальнаго хозяйства предполагается данное состояніе права, знаній, нравовъ, подобно тому, какъ даннымъ состояніемъ нравовъ, знаній или права предполагается данное состояніе хозяйства. Въ интересной книгѣ римскаго профессора Лабріола: «Del materialismo storico» (1896 г.), недурно показано, какъ различныя частныя соціальныя науки—политическая экономія, этика, юриспруденція, политика и пр., изучаютъ, по существу, не различные предметы, но одинъ и тотъ же предметъ—общество—съ различныхъ точекъ зрѣнія. Человѣческое общество есть нѣкоторое единство и потому его развитіе должно обладать такимъ же единствомъ; между тѣмъ, мы принуждены изучать общество, какъ и его развитіе, съ множественныхъ точекъ зрѣнія. Отсюда возникаетъ стремленіе къ соціальному монизму.

Но для достиженія такого монизма нужно, повидимому, выйти изъ круга соціальнаго взаимодѣйствія. Ибо пока мы находимся въ этомъ кругу, до тѣхъ поръ никакой отдѣльный соціальный моментъ не можетъ быть признанъ единственно господствующимъ моментомъ общественнаго развитія, такъ какъ самъ этотъ якобы господствующій моментъ подпадаетъ вліянію другихъ моментовъ. Неясное понятіе «матеріальныхъ производительныхъ силъ» понадобилось творцамъ соціальнаго матеріализма именно какъ выходъ изъ заколдованнаго круга соціальнаго взаимодѣйствія. Саморазвивающіяся, всемогущія «матеріальныя производительныя силы»—это какъ бы особыя внѣшнія силы, стоящія выше соціальнаго взаимодѣйствія и потому опредѣляющія послѣднее, не будучи имъ опредѣляемыми. Но мы постарались показать, что понятіе «матеріальныхъ производительныхъ силъ» сводится къ понятію матеріальныхъ условій хозяйственнаго труда. Условія же эти, согласно всей концепціи марксизма, даются не непосредственно внѣшней природой, а создаются человѣческимъ обществомъ. Матеріальная обстановка труда есть, слѣдовательно, продуктъ историческаго развитія общества; другими словами, она подчиняется воздѣйствію всѣхъ тѣхъ соціальныхъ моментовъ, изъ которыхъ слагается жизнь и развитіе общества. Экономическій фундаментъ, на которомъ, по мнѣнію Маркса, покоится все соціальное зданіе, несомнѣнно, есть не только причина, но и продуктъ общественнаго развитія; самый горячій сторонникъ матеріалистическаго пониманія исторіи долженъ признать, что непосредственныя, ближайшія причины перемѣнъ матеріальныхъ условій хозяйственнаго труда—того, что Марксъ называетъ состояніемъ матеріальныхъ производительныхъ силъ, сплошь и рядомъ исходятъ изъ неэкономическихъ сферъ соціальной жизни. Достаточно указать на роль государства и науки въ качествѣ факторовъ промышленнаго прогресса, чтобы сдѣлать это несомнѣннымъ.

Правда, соціальный матеріализмъ утверждаетъ, что если *ближайшія*

причины экономическихъ и соціальныхъ перемѣнъ весьма часто исходятъ не изъ сферы хозяйства, зато *конечныя* причины всегда коренятся въ матеріальныхъ условіяхъ соціальнаго хозяйства. Это можетъ быть вѣрно или не вѣрно—для насъ это, на данной ступени нашего изслѣдованія, не важно; намъ важно теперь лишь отмѣтить, что указанная Марксомъ соціальная первопричина (матеріальныя условія хозяйственнаго труда) вполнѣ доступна вліянію иныхъ, нехозяйственныхъ моментовъ соціальной жизни. Мы все еще въ заколдованномъ труду соціальнаго взаимодѣйствія, вывести изъ котораго насъ обѣщалъ соціальный матеріализмъ.

И этого не могли отрицать даже творцы теоріи. Въ одномъ изъ интересныхъ писемъ Энгельса, опубликованномъ послѣ его смерти, читаемъ, напр., слѣдующее: «Политическое, правовое, философское, религіозное, литературное, художественное и всякое другое развитіе основывается на экономическомъ развитіи. Но всѣ эти виды развитія реагируютъ другъ на друга, а также и на экономическую основу. Не слѣдуетъ думать, что состояніе хозяйства есть единственно активная причина, а все прочее только пассивное слѣдствіе. Нѣтъ, мы имѣемъ въ данномъ случаѣ взаимодѣйствіе на основѣ рѣшающей, въ послѣдней инстанціи, экономической необходимости («Der Sozialistische Akamiker». 1895).

Итакъ, «послѣднія причины всѣхъ общественныхъ перемѣнъ» (матеріальныя условія хозяйственнаго труда) подпадаютъ, въ свою очередь, воздѣйствію производныхъ, неэкономическихъ моментовъ. При такомъ положеніи вещей матеріалистическое пониманіе исторіи никоимъ образомъ не можетъ быть доказано или опровергнуто простымъ анализомъ причинъ тѣхъ или иныхъ историческихъ фактовъ. Соціальный матеріализмъ отнюдь не отрицаетъ, что всякое историческое событіе есть сложный результатъ взаимодѣйствія множества соціальныхъ моментовъ, въ число которыхъ входятъ, какъ экономическіе, такъ и неэкономическіе моменты. Если бы соціальный матеріализъ признавалъ единственно активной причиной экономію, а все прочее пассивнымъ продуктомъ хозяйства, въ такомъ случаѣ разсматриваемое ученіе могло бы быть опровергнуто указаніемъ неэкономическихъ причинъ даннаго историческаго событія. Но соціальный матеріализмъ признаетъ вліяніе неэкономическихъ моментовъ; онъ настаиваетъ лишь на томъ что «*въ послѣдней инстанціи*» экономическая необходимость играетъ рѣшающую роль Къ сожалѣнію, понятіе «послѣдней инстанціи» до крайности неопредѣленно. Очевидно, «послѣднюю инстанцію» нельзя разумѣть въ хронологическомъ смыслѣ, ибо, по словамъ самого Энгельса, историческій процессъ есть сложный результатъ взаимодѣйствій множества факторовъ, среди которыхъ матеріальныя условія соціальнаго хозяйства суть не только активная причина другихъ моментовъ соціальной жизни, но пассивное слѣдствіе послѣднихъ. Какимъ же образомъ мо-

жемъ мы добраться, при анализѣ причинъ историческаго факта, до послѣдней, экономической, причины? Вѣдь эта послѣдняя причина, въ свою очередь, обусловлена другими, неэкономическими причинами и т. д., и т. д. до безонечности. Споръ о «послѣдней» причинѣ соціальныхъ явленій превращается, въ этомъ случаѣ, въ споръ о томъ, что появилось раньше—курица или яйцо.

Итакъ, конкретный историческій анализъ причинъ историческихъ событій отнюдь не пригоденъ для разрѣшенія проблемъ, выдвигаемыхъ соціальнымъ матеріализмомъ. Для доказательства этой теоріи необходимо представить общія историко-философскія основанія, въ силу которыхъ одинъ моментъ соціальной жизни (хозяйственный) признается господствующимъ, а всѣ прочіе подчиненными, производными, не смотря на то, что моментъ, признанный господствующимъ, находится въ зависимости отъ другихъ моментовъ, признаваемыхъ подчиненными.

Къ сожалѣнію, ни у Маркса, ни у Энгельса мы не найдемъ ничего похожаго на подобное доказательство ихъ историкофилософской теоріи. Доказательствомъ правильности матеріалистическаго пониманія исторіи являются, въ ихъ глазахъ, представленныя ими объясненія конкретныхъ историческихъ фактовъ. Но если бы даже историческія объясненія Маркса и Энгельса были несравненно сильнѣе и глубже обоснованы, нежели это есть на самомъ дѣлѣ, все же, по только что указанной причинѣ, они не могли бы составить требуемаго доказательства. Поэтому, для критической оцѣнки разсматриваемой доктрины мы сами должны выполнить ту работу, которой не выполнили творцы доктрины: свести во едино и разобрать общіе историко-философскіе аргументы въ пользу соціальнаго матеріализма.

«Соціальный матеріализмъ,—говоритъ Штаммлеръ,—хочетъ объяснить закономѣрное развитіе человѣческаго общества изъ развитія экономическихъ явленій; но представители этой теоріи никогда не поясняютъ хотя бы косвенно или намекомъ, что именно понимаютъ они подъ экономическимъ явленіемъ...» «Матеріалистическое пониманіе исторіи совсѣмъ отказывается отъ опредѣленія соціальнаго хозяйства» («Wirtschaft und Recht». S. 78—79). Замѣчаніе Штаммлера глубоко вѣрно. И мы думаемъ, что творцы разсматриваемой теоріи потому не дали опредѣленія понятія хозяйства, что границы этого понятія были имъ самимъ неясны (подобно границамъ другого излюбленнаго Марксомъ, но никогда имъ не опредѣляемаго понятія «производительныхъ силъ»).

Между тѣмъ, всякое научное обоснованіе соціальнаго матеріализма должно исходить изъ строго опредѣленнаго понятія хозяйства. Къ сожалѣнію, несмотря на многолѣтнее существованіе особой науки о народномъ хозяйствѣ, самое понятіе хозяйства до настоящаго времени все еще не можетъ считаться точно установленнымъ. Экономическая наука точно также не обладаетъ всѣми признаваемымъ опредѣленіемъ

хозяйства, какъ наука о правѣ—опредѣленіемъ права. Эта неопредѣленность мало вредитъ успѣхамъ данной науки въ предѣлахъ ея спеціальной области: неясность границъ научной территоріи не препятствуетъ плодотворному изученію ея внутреннихъ подраздѣленій. Но когда мы выходимъ за предѣлы частныхъ соціальныхъ наукъ и изучаемъ взаимное соотношеніе изслѣдуемыхъ ими отдѣльныхъ соціальныхъ моментовъ, тогда спутанность границъ этихъ моментовъ не можетъ не приводить къ спутанности искомыхъ соотношеній. И мы не сомнѣваемся, что одну изъ существенныхъ причинъ формальной невыработанности теоріи матеріалистическаго пониманія исторіи слѣдуетъ искать въ неопредѣленности лежащаго въ основаніи всей теоріи понятія хозяйства.

Замѣчательная критика соціальнаго матеріализма, представленная Штаммлеромъ, также чрезвычайно пострадала отъ совершенной несостоятельности даннаго имъ опредѣленія хозяйства. Авторъ этой критики, которую, несмотря на ея огромные недостатки, все же слѣдуетъ признать наилучшимъ изъ всего, что до сихъ поръ написано о марксизмѣ, не экономистъ—и это весьма невыгодно отразилось на его книгѣ. Штаммлеръ совершенно вѣрно отмѣчаетъ неправильность распространеннаго взгляда, согласно которому отличительнымъ признакомъ хозяйственной дѣятельности является родъ потребности, которой эта дѣятельность служитъ. Нерѣдко думаютъ, что хозяйство необходимо лишь для удовлетворенія такъ называемыхъ «низшихъ», физіологическихъ потребностей человѣка, связанныхъ съ поддержаніемъ нашей жизни, какъ, напр., потребности въ пищѣ, жилищѣ и т. п. Но это безусловно невѣрно. Прежде всего, гдѣ провести демаркаціонную линію между «низшими» и «высшими» потребностями? Куда отнести, напр., потребность въ украшеніяхъ, изящной одеждѣ, красивой меблировкѣ и пр.? Но допустимъ даже, что такая демаркаціонная линія проведена, что намъ удалось выдѣлить группу «хозяйственныхъ» потребностей. Все же это не дастъ отличительнаго признака хозяйства. «Слѣдуетъ ли считать производство полотна только въ томъ случаѣ соціальнымъ хозяйствомъ, когда полотно употребляется для одежды, картофельныхъ мѣшковъ, парусовъ, и не признавать этого производства соціальнымъ хозяйствомъ, если полотно покупается живописцемъ для исторической картины?.. Нужно ли признавать дѣятельность столяра только въ томъ случаѣ соціально-хозяйственной, если столяръ выдѣлываетъ стулья для жилыхъ помѣщеній или трактировъ, но не признавать ее соціально-хозяйственной, если стулья предназначаются для школъ, церквей, музеевъ? Или считать соціальнымъ хозяйствомъ постройку дома для огражденія насъ отъ холода и вѣтра, но не считать соціальнымъ хозяйствомъ постройку концертныхъ залъ, библіотекъ?» («Wirtschaft und Recht». S. 142).

Отвѣтъ на всѣ эти вопросы можетъ быть только отрицательный.

Не подлежитъ сомнѣнію, что производство скрипокъ точно также относится къ области хозяйства, какъ и производство плуговъ. Во Владимірской губерніи существуютъ цѣлыя села кустарей, живущихъ изготовленіемъ иконъ; работа иконъ всѣми признается такимъ же хозяйственнымъ промысломъ, какъ и приготовленіе полушубковъ, хотя въ первомъ случаѣ хозяйственная дѣятельность направлена на изготовленіе предметовъ, удовлетворяющихъ самой высшей потребности—религіозной, а во второмъ—«низшей» потребности въ теплой одеждѣ. Поэтому необходимо совершенно отказаться отъ мысли, что отличительнымъ признакомъ хозяйственной дѣятельности можетъ служить родъ потребности, которой эта дѣятельность удовлетворяетъ. Хозяйственная дѣятельность можетъ быть направлена на удовлетвореніе самыхъ различныхъ потребностей, начиная отъ низшихъ до самыхъ высшихъ.

Но если такъ, то чѣмъ же отличается хозяйственная дѣятельность отъ нехозяйственной? И вотъ, не находя надежнаго отличительнаго признака хозяйства, Штаммлеръ непомѣрно расширяетъ это понятіе. Соціальнымъ хозяйствомъ, по его терминологіи, является всякое внѣшнимъ образомъ урегулированное «взаимодѣйствіе людей, направленное на удовлетвореніе потребностей человѣка» («Wirtschaft und Recht». S. 139). Нечего и говорить, что ни одинъ экономистъ не согласится съ такимъ опредѣленіемъ хозяйства. По Штаммлеру, соціальнымъ хозяйствомъ является, напр., театральное представленіе, судебное разбирательство, война, богослуженіе. Всякая совмѣстная, урегулированная дѣятельность человѣка оказывается хозяйствомъ, понятіе котораго, расширившись до такой степени, становится совершенно безсодержательнымъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что какъ наука политической экономіи, такъ и обычное словоупотребленіе исходитъ изъ совершенно иного понятія хозяйства, точнаго опредѣленія котораго хотя и нѣтъ, но которое смутно чувствуется каждымъ. Мы всѣ, «даже не обучавшіеся въ семинаріи», легко отличаемъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, какая дѣятельность входитъ въ составъ хозяйства, и какая нѣтъ. Трудность заключается лишь въ точномъ установленіи отличительныхъ признаковъ, которыми безсознательно руководствуется въ данномъ случаѣ разговорный языкъ.

Мы думаемъ, что понятіе хозяйства можетъ быть наилучше опредѣлено слѣдующимъ образомъ: *хозяйствомъ называется совокупность планомѣрныхъ, основанныхъ на разсчетѣ дѣйствій человѣка, направленныхъ на созданіе матеріальной обстановки, необходимой для удовлетворенія нашихъ потребностей.*

Хозяйственная дѣятельность отличается отъ нехозяйственной слѣдующими тремя признаками:

1) Хозяйственная дѣятельность предполагаетъ опредѣленный планъ, разсчетъ, стремленіе достигнуть съ наименьшими усиліями, затратами,

наибольшей суммы пользы. Гдѣ этого разсчета нѣтъ, тамъ нѣтъ и хозяйства. Поэтому добываніе пищи дикарями Бюхеръ совершенно правильно отказывается признавать хозяйствомъ.

2) Хозяйственная дѣятельность всегда есть средство, а не цѣль. Хозяйство должно дать *возможность* удовлетворенія нашихъ потребностей, но само по себѣ оно еще не удовлетворяетъ нашихъ потребностей. Этимъ отличается хозяйственная дѣятельность отъ игры, забавы, спорта, художественнаго творчества и вообще отъ всякаго рода дѣятельности, которая служитъ сама по себѣ цѣлью. Исходя изъ этого признака мы называемъ хозяйствомъ охоту промысловаго охотника, живущаго этой охотой, и отказываемся называть хозяйствомъ охоту спортсмена-любителя, называемъ хозяйствомъ кустарное производство иконъ, но не считаемъ хозяйствомъ творчества истиннаго художника.

3) Хозяйство всегда направлено на внѣшній міръ, на матеріальную обстановку нашей жизни. Для удовлетворенія нашихъ потребностей необходимы извѣстныя матеріальныя условія, созданіе которыхъ и есть дѣло хозяйства. Этимъ отличается хозяйственная дѣятельность отъ дѣятельности, направленной на насъ самихъ, а также и на другихъ людей, если эти люди сами по себѣ для насъ являются цѣлью. Поэтому дѣятельность учителя, судьи, врача, священника, актера, писателя и т. п. не относится къ области хозяйства. По этой же причинѣ потребленіе не есть хозяйство, задача котораго исполнена въ тотъ моментъ, какъ мы получили матеріальную возможность приступить къ потребленію.

По своему содержанію хозяйственная дѣятельность можетъ выражаться или въ измѣненіи внѣшней природы, приспособленіи ея къ нашимъ потребностямъ (производство), или въ измѣненіи нашего положенія въ пространствѣ по отношенію къ внѣшней природѣ (транспортъ), или же въ переходѣ владѣнія предметами внѣшняго міра отъ однихъ лицъ къ другимъ (обмѣнъ). Во всѣхъ этихъ случаяхъ непосредственной цѣлью хозяйственной дѣятельности остаются возможное улучшеніе матеріальныхъ условій, въ которыхъ находится то или иное лицо по отношенію къ удовлетворенію своихъ потребностей.

М. Туганъ-Барановскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

МОННА ВАННА.

ДРАМА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Мориса Метерлинка.

Переводъ съ французскаго Т. Богданович.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Гвидо Колонна, начальникъ Пизанскаго гарнизона.
Марко Колонна, отецъ Гвидо.
Принциваль, наемный полководецъ на службѣ Флоренціи.
Тривульціо, комиссаръ флорентійской республики.
Джіованна (Монна Ванна), жена Гвидо.
Борсо, лейтенантъ Гвидо.
Торелло, лейтенантъ Гвидо.
Ведіо, секретарь Принциваля.

Вельможи, солдаты, крестьяне, мужчины и женщины изъ народа и т. п.
Первое и третье дѣйствія происходятъ въ Пизѣ; второе передъ городомъ.
Конецъ XV вѣка.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Зала во дворцѣ Гвидо Колонна.

СЦЕНА I.

Гвидо, Борсо и Торелло.

Они разговариваютъ около окна, изъ котораго видны окрестности Пизы.

Гвидо. Мы дошли теперь до такой крайности, что синьорія рѣшилась, наконецъ, открыть мнѣ тѣ бѣдствія, которыя она такъ долго отъ насъ скрывала. Обѣ арміи, посланныя Венеціей намъ на помощь, осаждены флорентійцами, одна въ Бибіенѣ, другая въ Эльчи. Проходы въ Верніи, Кіузѣ и въ Монталонэ, Ареццо и всѣ выходы Казантина въ рукахъ непріятеля. Мы отрѣзаны отъ всего міра и ничто не защититъ насъ отъ ярости Флоренціи; а она неумолима, когда не дрожитъ за себя. Солдаты наши и народъ еще не знаютъ объ этихъ пораженіяхъ, но самые тревожные слухи начинаютъ распространяться. Что они сдѣлаютъ, когда узнаютъ истину? Ихъ ярость и ихъ ненависть обратятся на насъ и на синьорію... Они доведены до отчаянія, до безумія тремя

мѣсяцами осады, безплоднаго героизма, голода и ужасныхъ страданій,—какихъ не переносилъ до сихъ поръ ни одинъ городъ. Единственная надежда, заставлявшая ихъ слушаться, затаивъ злобу, скоро рушится, и тогда—возмущеніе, вторженіе непріятеля и конецъ Пизѣ.

Борсо. У моихъ людей не осталось ничего... Ни одной стрѣлы, ни одной пули. Обыщите хоть всѣ бочки въ подземельяхъ, тамъ не найти ни одной унціи пороха.

Торелло. Я выпустилъ третьяго дня наше послѣднее ядро противъ батареи Сантъ-Антоніо и Стампачевой башни, у Страдіотовъ остались одни мечи и они отказываются выходить на укрѣпленія.

Борсо. Вонъ посмотрите, брешь, пробитая сегодня утромъ пушками Принциваля, въ этой стѣнѣ, которую защищали наши венеціанскіе союзники. Въ ней около 50 саженъ; черезъ нее свободно пройдетъ цѣлое стадо овецъ. Удержаться тамъ нѣтъ возможности. И римская пѣхота, и славяне, и албанцы заявили мнѣ, что уйдутъ, если капитуляція не будетъ подписана сегодня же вечеромъ.

Гвидо. Уже три раза за послѣдніе десять дней синьорія посылала своихъ старѣйшихъ членовъ, чтобы обсудить условія капитуляціи. Они не вернулись къ намъ.

Торелло. Принциваль не можетъ простить намъ убійства своего лейтенанта, Антоніо Рено, растерзаннаго на нашихъ улицахъ разъяренной толпой. Флоренція воспользовалась этимъ, чтобъ объявить насъ внѣ закона; она хочетъ поступить съ нами, какъ съ варварами.

Гвидо. Я послалъ своего отца, чтобы онъ объяснилъ имъ и оправдалъ проступокъ обезумѣвшей толпы, которую мы не въ состояніи были сдержать. Это священный заложникъ, но и онъ не вернулся...

Борсо. Ужъ больше недѣли городъ открытъ со всѣхъ сторонъ, стѣны разрушены, пушки молчатъ. Почему Принциваль не идетъ на приступъ? Или онъ боится какой-нибудь западни? Или у него не хватаетъ храбрости, или, наконецъ, Флоренція дала ему какія-нибудь тайныя инструкціи?

Гвидо. Инструкціи Флоренціи всегда таинственны. Но намѣренія ея ясны. Пиза слишкомъ долго состоитъ вѣрной союзницей Венеціи и примѣръ ея тревожитъ другіе маленькіе города Тосканы:—ясно, Пизанская республика должна исчезнуть... Понемногу, дѣйствуя искусно и изъ-подтишка, Флоренція разожгла эту войну, вызывая противника на необычныя жестокости и вѣроломства, чтобъ заранѣе оправдать будущую месть. Я не безъ основанія подозрѣваю, что ея эмиссары подбили нашихъ крестьянъ покончить съ Рено. Не безъ причины также она послала противъ насъ самаго жестокаго изъ своихъ наемниковъ, этого дикаго Принциваля, стяжавшаго такую мрачную славу при разграбленіи Пьяченцы. По ошибкѣ, какъ говорятъ, онъ велѣлъ умертвить тамъ всѣхъ вооруженныхъ мужчинъ, а пять тысячъ свободныхъ женщинъ продалъ въ рабство.

Борсо. Это не совсѣмъ такъ. И избіеніе, и продажа въ рабство были исполнены по приказу эмиссаровъ Флоренціи, а не Принцеваля. Я самъ никогда не видалъ Принцеваля, но одинъ изъ моихъ братьевъ зналъ его. Онъ варваръ по происхожденію: отецъ его былъ не то баскъ, не то бретонецъ; у него была ювелирная лавка въ Венеціи. Онъ низкаго происхожденія, это вѣрно, но онъ совсѣмъ не такой дикарь, какъ думаютъ. Онъ человѣкъ опасный—вспыльчивый, своенравный, разгульный, но вѣрный и честный. Я безъ опасенія отдалъ бы ему свой мечь.

Гвидо. Не отдавайте лучше, пока онъ еще можетъ защищать васъ. Мы увидимъ его на дѣлѣ и узнаемъ, кто изъ насъ правъ. А въ ожиданіи, испробуемъ послѣднее средство, которое остается тому, кто не хочетъ дать себя задушить, не пошевеливъ головой и не поднявъ руки. Прежде всего надо открыть всю правду солдатамъ, гражданамъ и крестьянамъ, укрывшимся въ городѣ. Пусть они знаютъ, что намъ не предлагаютъ капитуляціи. Пусть они знаютъ, что дѣло идетъ не о миролюбивой войнѣ, когда великія арміи бьются отъ восхода до заката солнца и оставляютъ на полѣ сраженія трехъ раненыхъ, и не о братской осадѣ, когда побѣдитель скоро дѣлается гостемъ и лучшимъ другомъ побѣжденнаго. Это—безпощадная война, гдѣ рѣшается вопросъ жизни и смерти, гдѣ наши жены, наши дѣти...

СЦЕНА II.

Тѣ же и **Марко.**

Входитъ Марко. Гвидо замѣчаетъ его, **бѣжитъ къ нему навстрѣчу и обнимаетъ** его.

Гвидо. Отецъ!.. Какой счастливый случай среди всѣхъ нашихъ бѣдствій, какое чудо возвращаетъ намъ васъ, когда я пересталъ уже надѣяться? Вы не ранены? Вамъ трудно идти! Они мучили васъ? Вамъ удалось спастись? Что же они надъ вами сдѣлали?

Марко. Ничего! Благодареніе Богу, ничего! Они вовсе не такіе варвары. Они приняли меня, какъ почетнаго гостя. Принцеваль читалъ мои произведенія; онъ говорилъ со мной по поводу трехъ діалоговъ Платона, которые я нашелъ и перевелъ. А иду я съ трудомъ оттого, что я старъ и возвращаюсь издалека. Знаете ли вы, кого я встрѣтилъ въ палаткѣ Принцеваля?

Гвидо. Я догадываюсь: безжалостныхъ комиссаровъ Флоренціи.

Марко. Да, правда, и ихъ также; по крайней мѣрѣ одного изъ нихъ,—я видѣлъ только одного. Но первый, съ кѣмъ меня тамъ познакомили, былъ Марцелъ Фицинъ, уважаемый учитель, открывшій Платона. Марцелъ Фицинъ—это душа Платона, снова явившаяся на землю!.. Я отдалъ бы десять лѣтъ жизни, чтобы увидѣть его, прежде чѣмъ отправлюсь туда, куда отправляются всѣ. Мы встрѣтились точно два брата, наконецъ нашедшіе другъ друга. Мы говорили о Гезіодѣ, объ Аристотелѣ, о Гомерѣ. Онъ нашелъ въ оливковой рощѣ на берегу Арно, недалеко отъ лагеря, зарытый въ песокъ торсъ богини, такой дивно

прекрасный, что вы забыли бы о войнѣ, если бы увидѣли его. Мы стали рыть дальше; онъ нашелъ обломокъ руки, а я двѣ кисти рукъ, тонкія и изящныя, точно созданныя, чтобъ порождать улыбки, окроплять росой, ласкать зарю. Легкіе пальцы одной были сложены такъ, будто она нѣжно касалась груди, другая все еще сжимала ручку зеркала.

Гвидо. Отецъ, не забывайте, что цѣлый народъ умираетъ съ голоду и ему не до нѣжныхъ рукъ и не до бронзовыхъ торсовъ.

Марко. Это торсъ мраморный.

Гвидо. Пусть такъ, но поговоримъ лучше о тридцати тысячахъ жизней, которыя можетъ погубить малѣйшая неосторожность, минута промедленія, а во время сказанное слово, хорошая вѣсть, можетъ быть, спасутъ. Вы отправились туда не ради торсовъ и осколковъ рукъ. Что они сказали вамъ? Что хотятъ сдѣлать съ нами Флоренція и Принцивалъ? Скажите скорѣй! Чего они ждутъ? Развѣ вы не слышите, какъ эти несчастные кричатъ тамъ подъ окнами? Они рвутъ другъ у друга траву, которая растетъ среди камней.

Марко. Правда. Я и забылъ, что вы ведете войну теперь, когда вновь рождается весна; когда небо дышетъ счастьемъ, какъ пробуждающійся король; когда море вздымается, какъ сверкающая чаша, которую богиня воздуха предлагаетъ богамъ воздуха; когда земля такъ прекрасна и такъ полна любви къ людямъ. Но у васъ свои радости, а я слишкомъ долго говорилъ о моихъ. Да, вы правы; у меня есть вѣсть, которую я давно долженъ былъ сообщить вамъ. Тридцать тысячъ жизней могутъ быть спасены, и вся тяжесть должна лечь на одну. Но она зато можетъ покрыть себя высокой и чистой славой, болѣе высокой и чистой, чѣмъ военная слава. Дѣло вотъ въ чемъ. Но не приходите въ ужасъ отъ первыхъ словъ, не отрѣзывайте себѣ отступленія, не давайте тѣхъ клятвъ, которыя связываютъ разумъ, если бы онъ захотѣлъ измѣнить рѣшеніе.

Гвидо *(отпуская жестомъ своихъ офицеровъ).* Ступайте.

Марко. Нѣтъ, оставайтесь... Сейчасъ рѣшится наша общая участь... Мнѣ бы хотѣлось, напротивъ, чтобы зала была переполнена всѣми жертвами, которыхъ мы можемъ спасти; чтобы несчастные, которымъ мы принесемъ избавленіе, слышали подъ окнами вѣсть спасенія, такъ какъ я приношу спасеніе, если только вашъ разумъ приметъ его. Десять тысячъ умовъ съ трудомъ перетянутъ вѣсъ одной ошибки, тяжесть которой я чувствую тѣмъ болѣе, что я самъ...

Гвидо. Отецъ, прошу васъ, оставимъ эти загадки. Что это за условіе, о которомъ надо такъ пространно говорить? Намъ можно все сказать, мы дожили до такого времени, когда ничѣмъ нельзя удивить.

Марко. Такъ вотъ, я видѣлъ Принцивалзя и говорилъ съ нимъ. Какъ странно и невѣрно рисуютъ люди образъ того, кого они боятся!.. Я, какъ Пріамъ, шелъ въ ставку Ахиллеса. Я думалъ, что встрѣчу варвара, надменнаго и тупого, какимъ его изображали, безумца, вѣчно

окровавленнаго и пьянаго, съ вспышками геніальности, неизвѣстно откуда являющимися на полѣ битвы... Я думалъ, что увижу демона войны, слѣпого, дикаго, жестокаго, тщеславнаго и коварнаго.

Гвидо. Принциваль именно таковъ, кромѣ развѣ коварства.

Борсо. Это вѣрно, онъ вполнѣ честенъ, хотя и служитъ Флоренціи, онъ два раза доказалъ намъ свою честность.

Марко. Я встрѣтилъ человѣка, склонившагося передо мной, какъ любящій ученикъ склоняется передъ учителемъ. Онъ образованъ, краснорѣчивъ, исполненъ мудрости и преданъ наукѣ. Онъ умѣетъ слушать и глубоко чувствуетъ красоту. Его улыбка полна ума; онъ мягокъ, великодушенъ и не любитъ войны. Онъ старается проникнуть въ сущность вещей и въ причины страстей. Онъ умѣетъ заглядывать въ самого себя; онъ исполненъ честности и искренности и служитъ коварной республикѣ противъ воли. Жизненныя случайности или, быть можетъ, судьба познакомили его съ оружіемъ и вывели его на славное поприще, которое онъ ненавидитъ и хочетъ покинуть... Но раньше онъ во что бы то ни стало хочетъ исполнить одно свое желаніе, роковое желаніе... Такія желанія бываютъ у нѣкоторыхъ людей, рожденныхъ, повидимому, подъ опасной звѣздой великой и недоступной любви...

Гвидо. Отецъ, не забывайте, какъ тяжело ожиданіе для тѣхъ, кто умираетъ съ голоду! Оставимъ всѣ эти качества, которыя насъ не касаются, и откройте намъ, наконецъ, обѣщанную вѣсть спасенія.

Марко. Правда, я, быть можетъ, совершенно напрасно медлю, хотя эта вѣсть жестока именно для двухъ самыхъ дорогихъ для меня существъ...

Гвидо. Свою долю я принимаю, но на кого же падаетъ вторая?

Марко. Слушайте... Когда я шелъ сюда, то это казалось страннымъ и труднымъ, но съ другой стороны такая чудесная возможность спасенія...

Гвидо. Говорите же!

Марко. Флоренція рѣшила уничтожить насъ. Военные децемвиры нашли это необходимымъ и синьорія утвердила ихъ декретъ. Рѣшеніе это неизмѣнно. Но осторожная и лицемѣрная, Флоренція не хочетъ нести передъ міромъ, который она цивилизуетъ, отвѣтственность за слишкомъ варварскую побѣду. Она будетъ утверждать, что Пиза отвергла милостивыя условія капитуляціи, которыя она ей предлагала. Городъ будетъ взятъ приступомъ. Туда пустятъ испанскихъ и германскихъ наемниковъ. Этимъ совершенно лишнее дѣлать особыя распоряженія, когда дѣло идетъ о насиліяхъ, грабежѣ, поджогахъ и избіеніи. Вполнѣ достаточно, чтобы они не чувствовали надъ собой палки начальника; а начальники ихъ въ этотъ день постараются сдѣлать видъ, что они не могутъ съ ними справиться. Вотъ какая участь насъ ожидаетъ. А городъ красной лиліи *) будетъ выражать сожалѣнія по поводу

*) Гербъ Флоренціи.

злодѣйства, если оно превзойдетъ его самыя смѣлыя ожиданія, и цѣликомъ отнесетъ его на счетъ непредвидѣнной распущенности наемныхъ солдатъ. Онъ распуститъ ихъ съ видомъ отвращенія, какъ только сможетъ обойтись безъ нихъ послѣ нашего истребленія.

Гвидо. Я узнаю Флоренцію.

Марко. Вотъ устныя и секретныя распоряженія, данныя республикой Принцивалю. Цѣлую недѣлю они побуждаютъ его назначить этотъ рѣшающій приступъ. До сихъ поръ онъ откладывалъ его подъ различными предлогами. Съ другой стороны, онъ перехватывалъ письма, въ которыхъ коммиссары, слѣдящіе за каждымъ его шагомъ, обвиняютъ его передъ синьоріей въ измѣнѣ. Какъ только Пиза будетъ разрушена и война окончена, его будетъ ждать во Флоренціи судъ, пытки и казнь, какъ многихъ генераловъ, казавшихся республикѣ опасными Ему извѣстна его участь.

Гвидо. Хорошо. Что же онъ предлагаетъ?

Марко. Онъ ручается за нѣкоторую часть стрѣлковъ, которыхъ онъ самъ нанялъ. И, во всякомъ случаѣ, онъ совершенно увѣренъ въ гвардіи изъ ста человѣкъ, составляющей ядро войска и всецѣло ему преданной. Онъ предлагаетъ вамъ ввести въ Пизу всѣхъ, кто захочетъ слѣдовать за нимъ и защищать ее противъ войска, которое онъ покидаетъ.

Гвидо. Людей у насъ достаточно, мы не нуждаемся въ такихъ опасныхъ союзникахъ. Пусть намъ дадутъ пороху, пуль и припасовъ.

Марко. Хорошо. Онъ предвидѣлъ, что вы откажетесь отъ предложенія, которое можетъ показаться подозрительнымъ. Онъ предлагаетъ ввести въ городъ обозъ изъ трехсотъ возовъ провизіи и вооруженія, только что пришедшій въ лагерь.

Гвидо. Какъ же онъ это устроитъ?

Марко. Не знаю, но онъ дѣлаетъ все, что хочетъ. Несмотря на присутствіе флорентійскихъ коммисаровъ, онъ полновластный хозяинъ лагеря, пока синьорія не отозвала его. А она не рѣшится отозвать его наканунѣ сраженія отъ войска, у котораго добыча уже почти въ рукахъ и которое вѣритъ въ него. Она поневолѣ выжидаетъ время...

Гвидо. Допустимъ! Я понимаю, что онъ спасаетъ насъ, чтобы спасти самого себя и заранѣе отмстить за себя. Но онъ могъ бы сдѣлать это болѣе блестящимъ или болѣе ловкимъ способомъ. Что ему за выгода такъ раздражать своихъ враговъ? Чего онъ проситъ въ замѣнъ?

Марко. Наступаетъ минута, сынъ мой, когда слова становятся жестокими и могучими, когда два-три слова получаютъ всю силу судьбы и ищутъ своихъ жертвъ. Меня приводитъ въ содроганіе мысль, что отъ звука моего голоса, отъ того, какъ я буду говорить, зависитъ смерть или спасеніе столькихъ людей.

Гвидо. Я не могу догадаться. Самыя жестокія слова мало прибавляютъ къ дѣйствительнымъ страданьямъ.

Марко. Я уже говорилъ вамъ: Принциваль, повидимому, уменъ, благоразуменъ и великодушенъ. Но можно ли найти мудреца, у котораго нѣтъ какой-нибудь безумной фантазіи; можно ли найти добраго человѣка, не питавшаго какой-нибудь чудовищной идеи? Направо помѣщается разумъ, сострадание, справедливость, налѣво совсѣмъ иное, желанія, страсти, быть можетъ, кто знаетъ, безумство, которое такъ часто овладѣваетъ нами! Я самъ впадалъ въ него; оно можетъ овладѣть вами и могло бы вновь овладѣть мною. Такъ созданъ человѣкъ... Горе, превышающееe человѣческія силы, сторожитъ васъ. А я, видѣвшій ясно, что оно не будетъ пропорціонально тому злу, которое его вызоветъ, я далъ обѣщаніе еще болѣе безразсудное, чѣмъ это безразсудное горе... И это безразсудное обѣщаніе будетъ безразсудно выполнено вѣстникомъ благоразумія, которымъ я хотѣлъ бы явиться передъ вами... Я обѣщалъ вернуться во вражескій лагерь, если вы не примете его предложенія. Что ждетъ меня тамъ? Очень вѣроятно, мученіе и смерть. Тѣмъ не менѣе, я вернусь. Напрасно я говорю себѣ, что это безуміе, которое я облекаю въ пурпуръ, чтобы создать себѣ иллюзію,—я сдѣлаю это безуміе, которое не могу не порицать... у меня тоже не хватаетъ силъ слѣдовать своему разуму... Но я все еще не сказалъ вамъ... Ахъ, я не знаю, что дѣлать! Я нанизываю слова, я придумываю фразы, чтобъ только отдалить хоть немного рѣшительную минуту... Но, быть можетъ, я напрасно такъ сомнѣваюсь въ васъ! Итакъ, онъ сегодня же вечеромъ пришлетъ въ Пизу весь этотъ громадный обозъ, всѣ эти припасы, которые я видѣлъ, телѣги, полныя зерна, вина, фруктовъ, овощей, стада барановъ, стада быковъ, столько всего, что можно цѣлые мѣсяцы кормить весь народъ, столько бочекъ пороху, столько слитковъ свинца, что Пиза безъ труда побѣдитъ Флоренцію и укрѣпится вновь, и это все будетъ въ городѣ сегодня же, если взамѣнъ этого вы пошлете Принцивалю на одну только ночь, такъ какъ при первыхъ лучахъ зари онъ отправитъ ее обратно; только онъ требуетъ въ знакъ покорности и смиренія, чтобы она пришла одна и обнаженная, прикрытая только своимъ плащомъ...

Гвидо. Да кто же? Кто долженъ придти?

Марко. Джіованна.

Гвидо. Кто?.. Жена моя... Ванна?

Марко. Да, твоя Джіованна, я уже сказалъ!

Гвидо. Но почему именно моя Джіованна, если у него такого рода желанія? Вѣдь есть же тысячи женщинъ...

Марко. Она самая прекрасная, и онъ любитъ ее.

Гвидо. Онъ любитъ ее? Гдѣ же онъ ее видѣлъ? Онъ не знаетъ ее.

Марко. Онъ видѣлъ ее, онъ ее знаетъ, но онъ не захотѣлъ сказать, какимъ образомъ и съ какихъ поръ.

Гвидо. А она, она тоже его видѣла? Гдѣ же онъ ее встрѣчалъ?

Марко. Она никогда его не видѣла, во всякомъ случаѣ не помнитъ.

Гвидо. Откуда вы это знаете?

Марко. Она сама мнѣ сказала.

Гвидо. Когда?

Марко. Передъ тѣмъ, какъ я пришелъ къ вамъ.

Гвидо. И вы сказали ей?..

Марко. Все.

Гвидо. Все... Что?.. Весь этотъ позорный торгъ?.. И вы осмѣлились?..

Марко. Да.

Гвидо. И что же она отвѣтила?

Марко. Она ничего не отвѣтила, она поблѣднѣла и удалилась, не сказавъ ни слова.

Гвидо. Да, это самое лучшее... Она могла бы броситься на васъ, плюнуть вамъ въ лицо или упасть къ вашимъ ногамъ... но такъ всего лучше... Поблѣднѣть и уйти!.. Такъ поступилъ бы ангелъ... Не надо было ничего говорить; и мы, въ свою очередь, тоже не будемъ больше ничего говорить... Мы займемъ снова наши мѣста на укрѣпленіяхъ, и если придется умереть тамъ, мы умремъ, не покрывъ грязью нашего пораженія.

Марко. Сынъ мой, я понимаю тебя; испытаніе почти такъ же трудно для меня, какъ и для тебя, но ударъ уже нанесенъ. Подождемъ, пока разсудокъ не отведетъ надлежащаго мѣста нашему горю и нашимъ обязанностямъ.

Гвидо. Обязанность одна предъ такимъ гнуснымъ предложеніемъ; размышленіе только усиливаетъ отвращеніе къ нему.

Марко. Но подумай, имѣешь ли ты право обречь на смерть цѣлый народъ, чтобы отсрочить на нѣсколько печальныхъ часовъ неизбѣжное несчастье? Когда Пиза будетъ взята, Ванна все равно окажется во власти побѣдителя.

Гвидо. Нѣтъ... это уже мое дѣло.

Марко. Пусть такъ! Но тысячи жизней!... Неужели ты не согласишься, что это много, слишкомъ много, несправедливо, быть можетъ... Если бы отъ этого выбора зависѣло только твое счастье, ты избралъ бы смерть, и я понялъ бы это... Хотя я самъ, достигшій предѣла жизни и видѣвшій на своемъ вѣку много людей, а стало быть, и много горя, я нахожу, что неразумно предпочитать какимъ угодно страданіямъ, физическимъ или нравственнымъ, ужасную холодную, смерть съ ея вѣчнымъ молчаніемъ... Но здѣсь дѣло идетъ о тысячахъ жизней, о товарищахъ по оружію, о женщинахъ, о дѣтяхъ. Сдѣлайте, что требуетъ отъ васъ этотъ безумецъ, и то, что вамъ представляется чудовищнымъ, покажется геройствомъ тѣмъ, кто останется въ живыхъ и и кто будетъ смотрѣть на вашъ поступокъ болѣе спокойнымъ, болѣе справедливымъ и болѣе гуманнымъ взглядомъ. Повѣрьте мнѣ, никакая плата не можетъ быть черезмѣрной для спасенія жизни, всѣ добродѣтели,

всѣ идеалы человѣка, все, что называютъ честью, вѣрностью, и т. п., все кажется дѣтской игрой въ сравненіи съ этимъ. Ты хочешь выйти чистымъ изъ ужаснаго испытанія, ты хочешь остаться героемъ, но ты ошибаешься, думая, что героизмъ не можетъ имѣть иной вершины, кромѣ смерти. Самый геройскій поступокъ всегда самый трудный и смерть часто легче жизни.

Гвидо. И вы—отецъ мнѣ?

Марко. Да, и я горжусь этимъ. Если я иду противъ тебя сегодня, то я борюсь и съ самимъ собой, и я любилъ бы тебя менѣе, если бы ты сразу уступилъ.

Гвидо. Да, вы отецъ мнѣ, и вы доказали это,—вы вѣдь тоже изберете смерть. Я не принимаю гнуснаго условія, и вы вернетесь во вражескій лагерь навстрѣчу тому, что готовитъ вамъ Флоренція.

Марко. Сынъ мой, дѣло идетъ здѣсь не только обо мнѣ, о безполезномъ старцѣ, жизнь котораго приходитъ къ концу и до котораго никому нѣтъ дѣла... Потому-то я и думаю, что мнѣ не стоитъ бороться съ укоренившимся во мнѣ безуміемъ и тратить много трудовъ на то, чтобы поступить согласно съ высшей мудростью... Я не знаю, зачѣмъ я туда пойду... въ моемъ старомъ тѣлѣ живетъ слишкомъ молодая душа, и я самъ принадлежу къ поколѣнію, слишкомъ удаленному отъ эпохи владычества разума... но я жалѣю, что силы прошлаго мѣшаютъ мнѣ нарушить безразсудное обѣщаніе.

Гвидо. Я послѣдую вашему примѣру.

Марко. Что ты хочешь сказать?

Гвидо. Что поступлю, какъ и вы, что останусь вѣрнымъ этимъ силамъ прошлаго, которыя вамъ кажутся нелѣпыми, но которыя, по счастью, еще имѣютъ власть надъ вами.

Марко. Онѣ не имѣютъ надо мною власти, когда дѣло идетъ о другихъ. И если, чтобъ внести свѣтъ въ твою душу, нужна жалкая жертва моимъ стариковскимъ словомъ, я отказываюсь въ душѣ сдержать свое обѣщаніе и, какъ бы ты ни поступилъ, я не пойду туда...

Гвидо. Отецъ, довольно. У меня могутъ сорваться слова, которыхъ сынъ не долженъ говорить отцу, когда тотъ заблуждается...

Марко. Говори, мой сынъ, скажи всѣ слова, какія негодованіе хочетъ исторгнуть изъ твоего сердца... Я приму ихъ, какъ доказательство истиннаго горя. Моя любовь къ тебѣ не зависитъ отъ словъ, какія ты можешь сказать. Но, проклиная меня, позволь, чтобъ мѣсто проклятій, которыя гнѣвъ вырветъ изъ твоего сердца, заняло разумное и великодушное состраданіе.

Гвидо. Довольно. Больше я не хочу слушать. Подумайте и вообразите себѣ то, что вы хотите заставить меня сдѣлать. Въ эту минуту не мнѣ, а вамъ измѣнилъ разумъ, высокій и благородный разумъ; страхъ смерти смутилъ вашу мудрость! Я же смотрю на эту смерть съ меньшей тревогой; я помню уроки мужества, которые вы мнѣ давали, прежде чѣмъ

годы и безплодныя книжныя знанія поколебали ваше. Мы одни въ этой залѣ, никто не былъ свидѣтелемъ вашей слабости, мои два лейтенанта будутъ хранить вмѣстѣ со мной эту тайну, которую, увы! мы не унесемъ далеко отсюда. Пусть это будетъ похоронено въ нашихъ сердцахъ, и поговоримъ теперь о послѣдней битвѣ...

Марко. Нѣтъ, сынъ мой, это не можетъ быть похоронено. Годы и безплодныя занятія научили меня тому, что нельзя ни ради какой цѣли похоронить такимъ образомъ хотя бы одну человѣческую жизнь. Если вы думаете, что у меня нѣтъ уже того мужества, которое вы прославляете, то у меня осталось иное, менѣе замѣтное, быть можетъ, и менѣе прославляемое людьми, такъ какъ оно приноситъ меньше зла, а люди преклоняются передъ тѣмъ, что заставляетъ ихъ страдать. Это мужество поможетъ мнѣ исполнить мой послѣдній долгъ.

Гвидо. Какой же это долгъ?

Марко. Я закончу то, что такъ неудачно началъ. Ты былъ однимъ изъ судей, но ты не былъ единственнымъ. Всѣ, чья жизнь или смерть рѣшаются въ этотъ часъ, имѣютъ право знать свою участь, знать, отъ чего зависитъ ихъ спасеніе.

Гвидо. Я не вполнѣ понимаю, по крайней мѣрѣ я надѣюсь, что еще не вполнѣ понялъ... Вы хотите сказать?

Марко. Я хочу сказать, что выйдя изъ этой залы я сообщу народу то предложеніе, которое сдѣлалъ тебѣ Принцивалль и которое ты отвергъ.

Гвидо. Прекрасно. На этотъ разъ я понялъ. Я сожалѣю, что безполезный разговоръ завелъ насъ такъ далеко, и сожалѣю, что ваше заблужденіе заставляетъ меня нарушить уваженіе, подобающее вашему возрасту; но долгъ сына—защищать отца даже противъ него самого, если онъ ошибается. Кромѣ того, пока Пиза существуетъ, я ея господинъ, хранитель ея чести... Борсо и Торелло, я довѣряю вамъ своего отца; вы будете наблюдать за нимъ, пока разумъ его прояснится... Здѣсь ничего не произошло. Никто не будетъ ничего знать. Отецъ мой, я прощаю васъ. Вы простите меня тогда, когда послѣдняя минута оживитъ въ васъ воспоминанія о тѣхъ дняхъ, когда вы учили меня быть человѣкомъ, чуждымъ страха и добровольной слабости.

Марко. Я прощаю тебѣ, сынъ мой, раньше послѣдняго часа, я поступилъ бы такъ же, какъ и ты. Пусть ты лишишь меня свободы, но тайна моя свободна. Теперь ужъ поздно заглушать мой голосъ...

Гвидо. Что это значитъ?

Марко. Это значитъ, что въ настоящую минуту синьорія обсуждаетъ предложеніе Принцивалля.

Гвидо. Синьорія?.. Кто же ей сообщилъ?

Марко. Я самъ, передъ тѣмъ какъ сообщить вамъ.

Гвидо. Нѣтъ, это невозможно! Не можетъ быть, чтобы страхъ смерти и опустошенія, произведенныя въ вашемъ сердцѣ старостью, могли до-

вести васъ до такого безумія! Предать мое единственное счастье, всю мою любовь, всю мою радость, всю чистоту моей и ея жизни въ чужія руки, которыя будутъ хладнокровно взвѣшивать и измѣрять его, какъ онѣ взвѣшиваютъ въ своихъ лавкахъ соль или мѣрятъ масло!,. Я еще не вѣрю этому... Я повѣрю только, когда увижу своими глазами. А когда увижу, я посмотрю на васъ, на васъ, мой несчастный отецъ! Я васъ любилъ, я думалъ, что знаю васъ, я старался походить на васъ и теперь я посмотрю на васъ съ бо̀льшимъ изумленіемъ, съ такимъ же ужасомъ, какъ на то подлое и отвратительное чудовище, которое заставляетъ насъ погружаться во всю эту грязь!..

Марко. Ты правъ, мой сынъ, ты плохо знаешь меня; и въ этомъ я виню самого себя. Когда пришла старость, я не съумѣлъ передать тебѣ того, чему она научила меня о жизни, о любви, о горѣ и радости человѣка... Мы часто живемъ такъ рядомъ съ тѣми, кого мы любимъ, и не говоримъ имъ именно того, что только и важно было бы сказать. Люди идутъ по пути жизни, убаюканные прошлымъ, думая, что все измѣняется вмѣстѣ съ ними, а когда какое-нибудь несчастье пробуждаетъ ихъ, они съ удивленіемъ замѣчаютъ, какъ они далеки другъ отъ друга... Если бы я раньше раскрывалъ передъ тобой всѣ перемѣны, происходившія въ моемъ сердцѣ, суетныя мысли, испарявшіяся оттуда, и истинныя понятія, занимавшія ихъ мѣсто, я не стоялъ бы сегодня передъ тобой, какъ жалкій незнакомецъ, котораго ты готовъ возненавидѣть!

Гвидо. Я счастливъ, что такъ поздно узналъ васъ... Что же касается остального—тѣмъ хуже. Я напередъ знаю, какъ рѣшитъ синьорія. Слишкомъ легко спастись такимъ образомъ за счетъ одного человѣка; передъ такимъ искушеніемъ не устояло бы и болѣе благородное мужество, чѣмъ мужество этихъ горожанъ, жалѣющихъ только свои прилавки. Но они не имѣютъ права этого отъ меня требовать! Этого никто не можетъ отъ меня требовать! Я отдалъ имъ свою кровь, спокойствіе своихъ ночей, всѣ труды, всѣ страданія долгой осады. Этого довольно и это все, что я могу дать,—остальное принадлежитъ мнѣ. Я ихъ не послушаюсь и напомню, что я—начальникъ еще. У меня остаются еще мои триста страдіотовъ; они повинуются только моему голосу и не послѣдуютъ подлымъ совѣтамъ.

Марко. Ты ошибаешься, сынъ мой. Пизанская синьорія, и эти горожане, которыхъ ты презираешь, не зная еще, какъ они рѣшатъ, подали въ минуту бѣдствія прекрасный примѣръ благородства и твердости. Они не пожелали, чтобы ихъ спасеніе покоилось на исторгнутой у женщины жертвѣ ея чистотой и ея любовью. Въ ту минуту, когда я оставилъ ихъ, они послали за Ванной, чтобъ отдать въ ея руки участь города.

Гвидо. Какъ!... Они осмѣлились! Они осмѣлились, когда меня не было, повторить передъ ней безстыдныя слова этого бѣшенаго сатира? Моя Ванна... Подумать только объ ея нѣжномъ лицѣ, краснѣющемъ отъ

одного взгляда, о ея стыдливости, еще болѣе оттѣняющей блескъ ея красоты!.. Моя Ванна!.. передъ этими стариками съ масляными глазками, передъ этими торгашами съ блѣдными лицами и лицемѣрными улыбками, которые трепетали передъ ней, какъ передъ святыней. И они скажутъ ей: «Поди туда одна и обнаженная, какъ онъ требуетъ». Отдать ему это тѣло, котораго не смѣло коснуться ничье желаніе, такимъ чистымъ и дѣвственнымъ оно казалось, которое я—супругъ ея—дерзалъ раскрывать, прося свои руки, умоляя глаза свои оставаться чистыми и цѣломудренными, чтобы не оскорбить его трепетомъ... И въ это самое время, пока я разсуждаю, они говорятъ ей... Они тверды и благородны... они не заставляютъ ее идти противъ воли... Какъ же бы они поступили, если бы я былъ тамъ? Имъ нужно только ея согласіе... А мое согласіе, кто спрашивалъ меня объ немъ?

Марко. Я, сынъ мой. И если я не добился его, они придутъ въ въ свою очередь...

Гвидо. Имъ незачѣмъ приходить, Ванна отвѣтитъ имъ за насъ обоихъ.

Марко. Я надѣюсь, если только ты примешь ея отвѣтъ.

Гвидо. Ея отвѣтъ? Такъ вы сомнѣваетесь въ немъ?.. А вы знаете ее, вы видѣли ее каждый день, съ перваго часа, когда она, осыпанная цвѣтами, озаренная улыбкой своей единственной любви, переступила порогъ той самой залы, гдѣ вы торгуете ею, гдѣ вы осмѣлились усумниться въ единственномъ отвѣтѣ, какой можетъ дать женщина отцу, забывшемуся до того, что онъ готовъ желать...

Марко. Сынъ мой, каждый видитъ въ другомъ то, что онъ находитъ въ самомъ себѣ, и каждый понимаетъ его иначе, не выше уровня собственной совѣсти.

Гвидо. Да... Поэтому-то, конечно, я плохо зналъ васъ. Но если глазамъ моимъ суждено открыться дважды на двѣ такія ужасныя ошибки, я предпочелъ бы, о мой Богъ, закрыть ихъ навсегда!

Марко. Они увидѣли бы, сынъ мой, больше свѣта. Я говорю такъ, потому что я видѣлъ въ ней силу, которой ты не видѣлъ. И не сомнѣваюсь въ ея отвѣтѣ.

Гвидо. Если вы не сомнѣваетесь, то и я не сомнѣваюсь, я принимаю ея рѣшеніе теперь же заранѣе, безъ колебаній, слѣпо, неизмѣнно. Если оно не совпадетъ съ моимъ, значитъ, мы ошибались другъ въ другѣ съ перваго часа до этого послѣдняго дня. Значитъ—любовь наша была величайшей ложью, которая распадается въ прахъ; значитъ все, что я обожалъ въ ней, жило здѣсь, въ этой бѣдной, черезчуръ довѣрчивой головѣ, которая теперь на границѣ безумія, въ этомъ несчастномъ сердцѣ, знавшемъ лишь одно счастье и любившемъ призракъ!

СЦЕНА III.

Тѣ же и Ванна.

Слышенъ гулъ толпы, повторяющей имя моны Ванны. Дверь въ глубинѣ отворяется, и Ванна, вся блѣдная, входитъ одна въ залу; въ дверяхъ же, не рѣшаясь войти, толпятся мужчины и женщины.

Гвидо (*увидѣвъ Джіованну, бросается къ ней, беретъ ее за руки, ласкаетъ ея лицо и съ лихорадочной нѣжностью обнимаетъ ее*). Моя Ванна!.. Что они сдѣлали?.. Нѣтъ, не повторяй мнѣ того, что они говорили! Дай взглянуть на твой лобъ, заглянуть въ глубину твоихъ глазъ. А! все осталось чистымъ и яснымъ, какъ вода, въ которой купаются ангелы! Они не смогли загрязнить ничего изъ того, что я любилъ, и всѣ ихъ слова падали, какъ камни, бросаемые въ небо, которые ни на минуту не смущаютъ ясность лазури! Когда они увидѣли эти глаза, они не осмѣлились ни о чемъ просить, я увѣренъ, они не потребовали отвѣта. Ихъ ясность была уже отвѣтомъ. Она, точно озеро любви и свѣта, легла преградой между ихъ мыслями и твоими... А теперь, посмотри, подойди ближе... Вотъ человѣкъ, котораго я зову отцомъ... Видишь, онъ опускаетъ голову, бѣлые волосы скрываютъ его... Надо простить ему... Онъ старъ и ошибается... Надо имѣть къ нему состраданіе, надо пересилить себя. Твои глаза не могутъ вернуть ему разумъ, до того онъ далекъ отъ насъ. Онъ не знаетъ насъ; наша любовь была для его слѣпой старости, точно апрѣльскій дождь для мѣлового утеса... Ни одинъ изъ ея лучей не коснулся его, онъ не подстерегъ ни одного изъ нашихъ поцѣлуевъ... Онъ думаетъ, что мы любимъ, какъ тѣ, которые не умѣютъ любить. Онъ только слова можетъ понять, ему нуженъ твой отвѣтъ... Скажи же ему свой отвѣтъ.

Ванна (*подходя къ Марко*). Отецъ, я пойду сегодня вечеромъ.

Марко (*цѣлуя ее въ лобъ*). Я это зналъ, дочь моя...

Гвидо. Что?.. Что ты ему сказала?.. Ты говоришь ему или мнѣ?

Ванна. И тебѣ также, Гвидо... Я должна повиноваться...

Гвидо. Но кому? Въ этомъ все... Я все еще не понимаю...

Ванна. Я пойду вечеромъ въ лагерь Принципаля.

Гвидо. И отдашься ему, какъ онъ требовалъ?

Ванна. Да.

Гвидо. И покончишь съ нимъ и съ собой? Или убьешь его? Это не пришло мнѣ въ голову... Вѣдь такъ? такъ? такъ вѣдь, тогда я все пойму!..

Ванна. Я не убью его. Они возьмутъ тогда городъ...

Гвидо. Какъ! И это ты!.. Такъ ты его любишь!.. Ты любила его?. Съ какихъ поръ ты его любишь?

Ванна. Я не знаю его, я его никогда не видала.

Гвидо. Но ты знаешь, каковъ онъ?.. Они разсказывали, конечно.. Они сказали, что онъ...

Ванна. Кто-то говорилъ сейчасъ, что онъ старикъ; больше я ничего не знаю...

Гвидо. Онъ не старикъ, онъ молодъ и красивъ... Онъ гораздо моложе меня... Но почему же онъ не потребовалъ чего-нибудь другого?.. Я пошелъ бы туда, одинъ, со сложенными руками, на колѣняхъ, чтобы спасти нашъ городъ. Я согласился бы уйти одинъ, одинъ... нищій, какъ и онъ, я бродилъ бы до конца дней и просилъ милостыню по пустыннымъ дорогамъ, если бы Принцивалъ этого требовалъ. Но гнусная прихоть этого варвара!.. Никогда, ни въ одной странѣ побѣдитель не осмѣлился бы!.. (*Подходя къ Ваннѣ и обнимая ее*). О, Ванна! моя Ванна!.. Я все еще не вѣрю! Это не ты говорила! Я ничего не слышалъ и все еще можно исправить... Это просто стѣны повторили рѣчь моего отца... Скажи, что я ошибся, ослышался; что вся наша любовь, вся твоя чистота, говорили «нѣтъ», кричали «нѣтъ», разъ тебѣ пришлось пройти черезъ позоръ такого выбора! Ко мнѣ долетѣло лишь запоздавшее эхо... Ничего не было сказано, и ты нарушишь дѣвственное молчаніе. Видишь, всѣ слушаютъ, никто ничего не знаетъ, и ты должна сказать первое слово. Говори же его скорѣе, Ванна, чтобы они узнали тебя; говори, Ванна, чтобы они узнали нашу любовь, чтобы разрушить, наконецъ, этотъ кошмаръ... Скажи то слово, котораго я жду; оно должно быть сказано, чтобъ поддержать все, что готово обрушиться во мнѣ.

Ванна. Я знаю, Гвидо,—твоя доля самая тяжелая.

Гвидо (*невольно отстраняя ее*). Но я несу ее одинъ!.. Ты не любила меня... Это ничего не стоитъ тѣмъ, у кого души нѣтъ; это что-то неизвѣданное... быть можетъ, даже праздникъ... Но я съумѣю помѣшать этому празднику! Что бы тутъ ни говорилось, что бы ни дѣлалось, я еще начальникъ. Что ты скажешь, если я не стерплю и запру тебя въ этакую славную тюрьму, вполнѣ цѣломудренную тюрьму, въ прохладное подземелье подъ этой залой, и повсюду у рѣшетокъ поставлю моихъ страдіотовъ, и стану ждать, пока огонь въ тебѣ погаснетъ, и твой героизмъ немного охладѣетъ... Возьмите же ее, я приказалъ! Я далъ приказъ... Ну! Повинуйтесь же!

Ванна. Гвидо, ты же хорошо знаешь...

Гвидо. Они не слушаются... Никто не двигается... Ты, Борсо, Торелло, что же, развѣ у васъ руки окаменѣли? Или мой голосъ ослабѣлъ?.. А вы, тамъ, у дверей, развѣ вы не слышите моего голоса? Я кричу такъ, что кажется скала треснула бы! Входите же! Возьмите ее, она принадлежитъ всѣмъ... Я понимаю, они боятся... Они хотятъ жить!.. И они будутъ жить, а мнѣ—смерть! Боже!.. Это вѣдь не трудно... цѣлая толпа и... одинъ... одинъ расплачивается за всѣхъ... Почему я, а не вы?.. У васъ у всѣхъ есть вѣдь жены. (*Подходитъ къ Ваннѣ, обнажая на половину шпагу*). А если я предпочту твою смерть нашему позору... Ты не подумала объ этомъ?.. А если... если... посмотри—одно только движеніе...

Ванна. Сдѣлай такъ, Гвидо, если любовь велитъ тебѣ.

Гвидо. Если любовь велитъ тебѣ! И ты осмѣливаешься говорить о любви, которой ты не знала? Ты никогда не любила... Ты мертва, какъ пустыня, на которую я все потратилъ. И ничего!.. даже ни одной слезы... Я былъ для тебя лишь прибѣжищемъ въ нуждѣ. Если бы хоть одну минуту...

Ванна. Гвидо! ты видишь, я не могу говорить... посмотри на меня. Я холодѣю, я умираю...

Гвидо (*внезапно обнимаетъ ее*). Дай обнять тебя, Ванна... Въ моихъ объятьяхъ ты будешь жить!

Ванна (*отстраняясь и выпрямляясь*). Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, Гвидо... Я знаю... Я не могу сказать... Силы оставляютъ меня, когда я хочу сказать хоть слово... Я не могу.. Я хочу... Я обдумала, я знаю, я люблю тебя, я тебѣ всѣмъ обязана... можетъ быть, я отвратительна... и все-таки я пойду! я пойду! я пойду!

Гвидо (*отталкивая ее*). Прекрасно! уходи, уходи, ступай туда... Я отъ всего отказываюсь, ступай! Я разрываю съ тобой... (*Ударяя по рукояткѣ своей шпаги*). У меня остается еще это.

Ванна (*хватая его за руки*). Гвидо!

Гвидо (*отталкивая ее*). Ахъ, не прикасайся ко мнѣ своими теплыми, мягкими руками... Мой отецъ правъ, онъ тебя лучше зналъ... Отецъ, вотъ она... Это ваше дѣло, кончайте же его, не останавливайтесь на полъ-пути! Отведите ее въ палатку... Я останусь... я буду здѣсь, когда вы пойдете... но не думайте, что я дотронусь до того хлѣба и мяса, за который она заплатитъ!.. Мнѣ остается одно, и вы скоро узнаете...

Ванна (*хватаясь за него*). Гвидо, погляди мнѣ въ глаза, не прячь своихъ глазъ... Это единственная угроза... Погляди... Мнѣ нужно видѣть.

Гвидо (*смотритъ на нее, отстраняетъ и говоритъ сдержанно*). Смотри. Уйди, я тебя не знаю... Нечего медлить, онъ ждетъ, наступаетъ вечеръ... Не бойся... Развѣ у меня взглядъ человѣка, рѣшившагося на какое-нибудь безумство? Отъ погибшей любви не умираютъ. Разумъ измѣняетъ, когда человѣкъ любитъ. А мой теперь окрѣпъ. Я извѣдалъ любовь до самаго дна, любовь и чистоту... Мнѣ больше нечего сказать. Нѣтъ, нѣтъ, пусти, убери свои руки, онѣ не удержатъ уходящую любовь... Съ нею кончено, совсѣмъ кончено... И слѣда не осталось... Все прошлое рушится, и будущее тоже... Да, эти тонкіе пальчики, эти чистые глаза, эти губы... Я въ нихъ вѣрилъ когда-то. Теперь мнѣ ничего не осталось. (*Отталкивая поочередно обѣ руки Ванны*). Ничего, ничего, меньше, чѣмъ ничего... Прощай, Ванна, ступай, прощай... Ты идешь туда?

Ванна. Да...

Гвидо. Ты не вернешься?..

Ванна. Вернусь.

Гвидо. Увидимъ. А! прекрасно... Увидимъ... Кто бы могъ подумать, что отецъ зналъ ее лучше, чѣмъ я?..

(*Онъ пошатывается и удерживается за колонну. Ванна, одна, медленно удаляется, не оглядываясь на него*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Палатка Принциваля.—Роскошь.—Безпорядокъ.—По стѣнамъ золотыя и шелковыя ткани. Оружіе, груды драгоцѣнныхъ мѣховъ, полу - открытые сундуки, до верху наполненные драгоцѣнностями и яркими матеріями.—Въ глубинѣ входъ, завѣшанный вышитымъ ковромъ.

СЦЕНА I.

Ведіо, Принциваль.

Принциваль, стоя у стола, разбираетъ пергаменты, планы, оружіе. Входитъ Ведіо.

Ведіо. Вотъ письмо отъ коммиссара республики.

Принциваль. Тривульціо?

Ведіо. Да. Мессеръ Малладура, второй коммиссаръ, еще не вернулся.

Принциваль. Должно быть, венеціанское войско, угрожающее Флоренціи со стороны Казантена, не такъ легко побѣдить, какъ они думали... Дай письмо. (*Беретъ письмо и читаетъ*). Онъ послѣдній разъ передаетъ мнѣ рѣшительное приказаніе назначить на зарѣ приступъ, угрожая иначе немедленнымъ арестомъ... Прекрасно! Стало быть, ночь еще принадлежитъ мнѣ... Они воображаютъ, что этими старыми словами можно запугать человѣка, который ждетъ такого часа, единственнаго въ жизни! Заключеніе, судъ и что еще? Я знаю, что̀ все это значитъ... Они бы ужъ давнымъ давно посадили меня въ тюрьму, если бы осмѣлились...

Ведіо. Мессеръ Тривульціо, передавая мнѣ письмо, сказалъ, что онъ придетъ слѣдомъ за мной поговорить съ вами.

Принциваль. Наконецъ-то онъ отважился. Разговоръ будетъ рѣшительный. Этотъ жалкій, маленькій писарекъ, изображающій здѣсь тайное могущество Флоренціи, и не смѣющій взглянуть мнѣ въ глаза, блѣдный человѣчекъ, ненавидящій меня больше смерти, проведетъ здѣсь такую ночь, какой онъ не ждалъ. Должно быть, онъ получилъ важныя предписанія, если рѣшается проникнуть въ самую берлогу чудовища... Кто стоитъ на стражѣ у дверей?

Ведіо. Два старыхъ солдата изъ вашего галиційскаго отряда. Кажется, одинъ Гернандо, а другой, вѣроятно, Діего...

Принциваль. Отлично, эти будутъ повиноваться мнѣ, даже еслибъ я приказалъ заковать въ цѣпи Бога-Отца... Темнѣетъ. Вели зажечь лампы. Который часъ теперь?

Ведіо. Девятый.

Принциваль. Марко Колонна еще не вернулся?

Ведіо. Я приказалъ караульнымъ проводить его къ вамъ, какъ только онъ перейдетъ черезъ ровъ.

Принциваль. Онъ долженъ былъ вернуться до восьми, если они отвергнутъ предложеніе... Рѣшительный часъ настаетъ... въ немъ вся моя жизнь... Странно, что человѣкъ можетъ вложить все, свою судьбу, свой разумъ, свое сердце, свое счастье и несчастье, все, въ такую преходящую вещь, какъ любовь женщины... Я самъ готовъ смѣяться надъ этимъ... еслибъ хватило силъ для смѣха. Марко не возвращается... Значитъ—она придетъ... Посмотри, не видно ли сигнальнаго огня, говорящаго «да», не видно ли свѣта, озаряющаго трепещущіе шаги той, которая жертвуетъ собой за всѣхъ, которая, спасая свой народъ, спасаетъ и меня... Нѣтъ! я пойду самъ... Я не хочу, чтобы другіе глаза, даже глаза друга увидѣли раньше моихъ, задержали хоть на мигъ то счастье, котораго я жду съ первыхъ дней моего ранняго дѣтства... (*Онъ подходитъ къ выходу, поднимаетъ коверъ и всматривается въ ночную тьму*). Огонь! Ведіо!.. Посмотри! Онъ горитъ, онъ заливаетъ свѣтомъ всю ночь! Именно на этой башнѣ онъ и долженъ былъ горѣть... Онъ пронизываетъ тьму... Во всемъ городѣ горитъ одинъ этотъ огонь... О, никогда Пиза не посылала еще къ небесамъ такого прекраснаго цвѣтка, ожидаемаго съ такимъ страстнымъ и безнадежнымъ нетерпѣніемъ!.. О, мои милые пизанцы, у васъ будетъ сегодня такой праздникъ, что вы никогда его не забудете; и я буду счастливъ, точно я спасъ свой родной городъ.

Ведіо (*хватая его за руку*). Войдемъ въ палатку, съ той стороны подходитъ мессеръ Тривульціо.

Принциваль (*входя*). Правда! нужно еще... Впрочемъ, разговоръ будетъ краткій. (*Подходя къ столу, перебираетъ бумаги на немъ*). У тебя эти три письма?

Ведіо. Тутъ только два письма...

Принциваль. Два, которыя я перехватилъ, и сегодняшній приказъ...

Ведіо. Вотъ два первыя, а вотъ и послѣдній, вы скомкали его.

Принциваль. Я слышу... (*солдатъ поднимаетъ коверъ. Входитъ Тривульціо*).

СЦЕНА II.

Тѣ же и Тривульціо.

Тривульціо. Замѣтили вы колеблющійся свѣтъ, подающій какіе-то сигналы съ пизанской башни?

Принциваль. Вы думаете, что это сигналы?

Тривульціо. Я не сомнѣваюсь... Мнѣ нужно говорить съ вами, Принциваль...

Принциваль. Я васъ слушаю. Ступай, Ведіо; но не уходи далеко. Ты будешь нуженъ мнѣ. (*Ведіо уходитъ*).

Тривульціо. Вы знаете, Принциваль, какое уваженіе я къ вамъ питаю. У васъ есть много доказательствъ этого, но вамъ извѣстны далеко не всѣ. Флорентійская политика, которую называютъ вѣроломною, хотя она только осторожна, требуетъ, чтобы многія вещи оставались долгое время скрытыми даже отъ тѣхъ, кого она посвящаетъ въ свои самыя сокровенныя тайны. Мы всѣ повинуемся ея тайнымъ приказамъ, и каждый долженъ мужественно нести на себѣ тяжесть этихъ тайнъ,— въ этомъ заключается разумная сила родины. Довольно вамъ знать, что я всегда принималъ участіе въ рѣшеніяхъ синьоріи, мало-по-малу поставившей васъ, несмотря на вашу молодость и безвѣстное происхожденіе, во главѣ самыхъ лучшихъ военныхъ силъ республики. Объ этомъ выборѣ не приходилось, конечно, жалѣть. Но съ нѣкоторыхъ поръ образовалась враждебная вамъ партія. Боюсь, что, сообщая вамъ объ этомъ, я даю нѣкоторый перевѣсъ моей искренней дружбѣ къ вамъ надъ долгомъ въ строгомъ смыслѣ. Но строгій долгъ иногда приноситъ больше вреда, чѣмъ самое смѣлое великодушіе. Такъ вотъ, имѣйте въ виду, что ваша медлительность и ваши колебанія вызываютъ самыя жестокія нападки. Многіе сомнѣваются даже въ вашей вѣрности. Нѣкоторыя опредѣленныя донесенія подтвердили ихъ подозрѣнія. Это произвело очень сильное впечатлѣніе на ту часть собранія, которая и раньше была къ вамъ неблагопріятно настроена. Обсуждали даже вопросъ о вашемъ заключеніи и о преданіи васъ суду. Къ счастью, меня во-время предупредили. Я отправился во Флоренцію и безъ труда представилъ противоположныя доказательства. Я поручился за васъ. Вамъ предстоитъ теперь оправдать мое довѣріе, которое ни на минуту не поколебалось. Если вы будете продолжать бездѣйствовать, мы погибли. Мой товарищъ, мессеръ Малладура, задержанъ въ Бибіенѣ войсками венеціанскаго проведитора. Другое войско подходитъ къ Флоренціи съ сѣвера. Дѣло идетъ о спасеніи города. Вы можете все исправить, если объявите назавтра рѣшительный приступъ. Онъ вернетъ намъ нашу лучшую армію и единственнаго полководца, неизмѣнно увѣнчаннаго побѣдой. Онъ позволитъ намъ вернуться во Флоренцію съ высоко поднятой головой, встрѣтивъ тамъ тріумфъ, который превратитъ вашихъ вчерашнихъ враговъ въ самыхъ пылкихъ приверженцевъ и сторонниковъ.

Принциваль. Вы сказали все, что хотѣли сказать?

Тривульціо. Да, почти все... хотя я умолчалъ о горячей привязанности къ вамъ, которая все росла во мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ я васъ знаю. Она росла, несмотря на трудное положеніе, въ которое насъ ставятъ почти противорѣчивые законы, требующіе, чтобы власть главнокомандующаго умѣрялась въ опасные моменты тайнымъ могуществомъ Флоренціи, скромнымъ представителемъ которой среди блеска оружія являюсь въ настоящій моментъ я...

Принциваль. Этотъ приказъ, полученный мною сейчасъ, написанъ вашей рукой?

Тривульціо. Да.

Принциваль. Это навѣрно вашъ почеркъ?

Тривульціо. Безусловно. Почему вы сомнѣваетесь?

Принциваль. А эти два письма, узнаете вы ихъ?

Тривульціо. Быть можетъ... Я не знаю... Что тамъ написано? Я долженъ знать...

Принциваль. Къ чему? Все равно—я знаю.

Тривульціо. Ахъ, такъ это тѣ самыя два письма... Я именно и хотѣлъ, чтобы они попались вамъ... Хитрость вполнѣ удалась.

Принциваль. Полно. Я не ребенокъ. Оставимъ эти уловки и вообще прекратимъ этотъ разговоръ. Я очень спѣшу его кончить, чтобы получить, наконецъ, награду, съ которой не сравнится никакой тріумфъ во Флоренціи! Вы обличаете тутъ всѣ мои поступки, вы доносите на меня низко, ложно, безъ всякихъ законныхъ мотивовъ, единственно ради удовольствія повредить мнѣ и еще, пожалуй, чтобы подыскать заранѣе оправданіе извѣстной скупости Флоренціи; она боится, что благодарность побѣдоносному наемнику обойдется ей слишкомъ дорого. Тутъ все подтасовано съ такой коварной ловкостью, что минутами я самъ начинаю сомнѣваться въ своей невинности! Ваша мелкая, хитрая зависть, ваша ужасная ненависть исказила, унизила, загрязнила все съ первой недѣли осады до того счастливаго часа, когда я открылъ, наконецъ, глаза и хочу оправдать ваши подозрѣнія. Я велѣлъ тщательно переписать эти письма и отослалъ ихъ во Флоренцію. Я выждалъ отвѣтовъ. Вамъ вѣрятъ на слово. Вамъ вѣрятъ тѣмъ охотнѣе, что дали вамъ напередъ тему для обвиненій. Меня судятъ, не выслушавъ, и приговариваютъ къ смерти. Я знаю, что послѣ этого, будь я невиненъ, какъ архангелъ, мнѣ ничѣмъ не опровергнуть обвиненій. Вотъ почему я рѣшаюсь вырваться, я разбиваю ваши безсильныя цѣпи и иду вамъ навстрѣчу... До сихъ поръ я не былъ измѣнникомъ, но послѣ этихъ двухъ писемъ я подготовилъ вашу гибель. Сегодня вечеромъ я продамъ васъ и вашихъ злосчастныхъ повелителей, продамъ самымъ жестокимъ, самымъ непоправимымъ образомъ... И я буду думать, что никогда не совершилъ болѣе полезнаго поступка, чѣмъ въ этотъ разъ, унизивъ единственный городъ, который считаетъ коварство въ числѣ гражданскихъ добродѣтелей и хочетъ, чтобъ хитрость, лицемѣріе, неблагодарность, низость и ложь управляли міромъ! Сегодня же вечеромъ, благодаря мнѣ, вашъ вѣчный врагъ, мѣшавшій вамъ развращать міръ за предѣлами вашихъ стѣнъ, сегодня же вечеромъ, благодаря мнѣ, Пиза будетъ спасена и снова окрѣпнетъ, чтобы попрежнему презирать вашу власть... О! не вставайте, не дѣлайте безполезныхъ движеній... Всѣ мѣры уже приняты, все совершится неизбѣжно; вы въ моей власти, и, также какъ я держу васъ въ своихъ рукахъ, также, думается мнѣ, я держу въ рукахъ участь Флоренціи...

Тривульціо. (*вынимая кинжалъ и нанося ударъ Принцивалю*). Пока еще нѣтъ. Пока мои руки свободны...

Принциваль (*инстинктивно, отражая ударъ рукой, подкидываетъ клинокъ и онъ попадаетъ ему въ лицо. Потомъ онъ схватываетъ руку Тривульціо*).

А! вотъ какъ!.. Я не ожидалъ такого взрыва страха. Вотъ вы и въ моихъ рукахъ, вы чувствуете, что каждая изъ нихъ стоитъ всей вашей особы. А вотъ и вашъ кинжалъ... Мнѣ стоитъ опустить его... Онъ точно ищетъ вашего горла... Вы не жмурите глазъ, вы стало быть не боитесь?

Тривульціо. Нѣтъ... Вонзите кинжалъ, вы имѣете полное право. Я зналъ, что рискую жизнью.

Принциваль (*отпуская его*). А! правда? Въ такомъ случаѣ я удивляюсь вамъ. Это рѣдкій случай. Даже среди насъ, людей оружія, не многіе способны пойти такимъ образомъ навстрѣчу смерти. Я не думалъ, чтобы въ такомъ маленькомъ тѣлѣ...

Тривульціо. Всѣ вы, у кого всегда обнаженный мечъ въ рукахъ, воображаете, что есть только та храбрость, которая сверкаетъ на кончикѣ лезвія.

Принциваль. Возможно, что вы и правы... Прекрасно... Вы не свободны, но вамъ не будетъ причинено ни малѣйшаго зла. Мы служимъ разнымъ богамъ (*вытирая кровь струящуюся у него по лицу*). А, у меня кровь. Ударъ нельзя назвать неловкимъ. Немного торопливый, правда, но довольно сильный. Во всякомъ случаѣ еще немного и... А вы, что бы вы сдѣлали, если бы держали въ рукахъ того, кто едва не отправилъ васъ въ тотъ міръ, куда никому не хочется отправляться?

Тривульціо. Я не пощадилъ бы его.

Принциваль. Я не понимаю васъ, вы странный человѣкъ. Признайтесь, что письма ваши были неблагородны. Я пролилъ свою кровь въ трехъ большихъ битвахъ, я дѣлалъ, что могъ, власть принадлежала вамъ, я честно служилъ тѣмъ, кто меня избралъ, и ни одна измѣнническая мысль не проникала въ мое сердце. Вы должны были это знать, потому что вы слѣдили за мной. А между тѣмъ вы въ вашихъ письмахъ изъ ненависти, изъ зависти или изъ соображеній экономіи, перетолковывали всякій шагъ, направленный къ вашему спасенію, вы ловко обманывали, вы нагромождали ложь на ложь...

Тривульціо. Лгали сами факты, да это и неважно. Важно было уловить тотъ опасный часъ, когда солдатъ, возгордившійся двумя, тремя побѣдами, не захочетъ больше повиноваться своимъ повелителямъ, имѣющимъ болѣе высокую миссію, чѣмъ онъ. Этотъ часъ пробилъ; настоящій моментъ служитъ доказательствомъ этого. Флорентійскій народъ слишкомъ полюбилъ васъ. Мы должны устранять идоловъ, которыхъ онъ создаетъ себѣ. Въ данную минуту онъ недоволенъ нами, но онъ для того и поставилъ насъ, чтобы мы служили противо-

вѣсомъ его случайнымъ капризамъ. Онъ лучше, чѣмъ предполагаютъ, понимаетъ свое назначеніе, и когда мы уничтожаемъ то, передъ чѣмъ онъ началъ преклоняться, онъ чувствуетъ, что мы противъ его желанія исполняемъ все же его волю. Вотъ почему я рѣшилъ, что насталъ часъ указать идола. Я предупредилъ Флоренцію, она напередъ знала, какъ надо понимать мою ложь.

Принциваль. Часъ не наступалъ еще и не наступилъ бы, если бы ваши ужасныя письма...

Тривульціо. Онъ могъ бы наступить и этого довольно.

Принциваль. Какъ! Невинный человѣкъ по пустому подозрѣнію, приносится безъ сожалѣнія въ жертву, изъ-за опасности, которая можетъ быть, могла бы угрожать?!

Тривульціо. Передъ лицомъ Флоренціи одинъ человѣкъ не идетъ въ счетъ.

Принциваль. Такъ вы, значитъ, вѣрите въ судьбу Флоренціи, въ ея назначеніе, въ ея жизнь? Въ такомъ случаѣ я не понимаю ее?

Тривульціо. Да, я только въ нее и вѣрю; кромѣ нея для меня ничего не существуетъ

Принциваль. Это возможно. И вы съ своей стороны правы, если вы вѣрите. У меня нѣтъ родины, я не могу знать. Иногда мнѣ кажется, что мнѣ тоже нужна была бы родина. Но у меня есть другое, чего у васъ никогда не будетъ, и ни у кого этого не было въ такой мѣрѣ, какъ у меня! У меня это будетъ сейчасъ, сію минуту, вотъ тутъ, на этомъ мѣстѣ. Это замѣнитъ все. Теперь разстанемся, у насъ нѣтъ времени рѣшать эти вопросы. Мы слишкомъ далеки другъ отъ друга, хотя почти сходимся въ одномъ пунктѣ. У каждаго человѣка своя судьба. Однимъ владѣетъ какая нибудь идея, другимъ желаніе. И вамъ было бы такъ же трудно отказаться отъ своей идеи, какъ мнѣ отказаться отъ своего желанія. Имъ человѣкъ остается вѣренъ до конца, если у него въ душѣ больше жара, чѣмъ у среднихъ людей, И, поступая въ этомъ смыслѣ, онъ всегда правъ,—у него такъ мало свободы. Прощайте, Тривульціо, наши пути расходятся. Дайте мнѣ руку.

Тривульціо. Не теперь. Я протяну вамъ руку, когда наказаніе...

Принциваль. Согласенъ. Сегодня вы проиграли, завтра вы одержите верхъ. (*Зоветъ.*) Ведіо! (*Входитъ Ведіо.*)

Ведіо. Господинъ! Что это? вы ранены? у васъ кровь.

Принциваль. Пустяки. Позови двухъ стражниковъ. Пусть они уведутъ этого человѣка, но не дѣлаютъ ему никакого зла. Это врагъ, но врагъ, котораго я люблю. Пусть они помѣстятъ его въ вѣрное мѣсто, такъ, чтобы никто его не видѣлъ. Они за него отвѣчаютъ. Они освободятъ его, когда я прикажу. (*Ведіо уходитъ и уводитъ Тривульціо. Принциваль передъ зеркаломъ разсматриваетъ свою рану*).

Принциваль. Кровь идетъ, точно задѣта артерія... Рана неглубока,

*

но онъ раскроилъ мнѣ половину лица... Кто бы могъ подумать, чтобы такой тщедушный человѣкъ... (*Входитъ Ведіо*). Все исполнено?

Ведіо. Да. Но вы себя губите, господинъ.

Принциваль. Я гублю себя! Я бы хотѣлъ до самой смерти губить себя подобнымъ образомъ. Я гублю себя, Ведіо! Но никогда еще ни одинъ человѣкъ не завоевалъ такимъ образомъ, посредствомъ справедливой мести единственное счастье, о которомъ онъ мечталъ съ тѣхъ поръ, какъ научился мечтать! Я бы ждалъ его, я стремился бы къ нему, не останавливаясь ни передъ какимъ преступленіемъ, такъ какъ оно необходимо мнѣ и оно принадлежитъ мнѣ; а теперь, когда моя счастливая звѣзда приводитъ его мнѣ въ своихъ серебряныхъ лучахъ и отдаетъ во имя справедливости и состраданія, вы говорите: «Онъ губитъ себя!» Бѣдный человѣкъ, лишенный огня!.. Бѣдный человѣкъ, не знающій любви! Развѣ ты не чувствуешь, что въ эту минуту въ небесахъ взвѣшиваютъ мою судьбу, и она перевѣшиваетъ сто счастій, долю тысячи влюбленныхъ! Я подхожу къ той минутѣ, когда человѣкъ, намѣченный судьбой для благороднаго торжества или для великаго несчастья, оказывается вдругъ на вершинѣ своей жизни, куда все его толкаетъ, гдѣ все поддерживаетъ его, гдѣ все доступно ему! И что за дѣло до остальнаго, до того, что случится послѣ? Мы знаемъ, что человѣкъ не созданъ для подобныхъ мгновеній, и что тѣ, кому они выпадаютъ на долю, падаютъ подъ ихъ тяжестью.

Ведіо (*подходитъ съ бѣлыми бинтами*). Кровь все еще течетъ. Дайте я вамъ забинтую лицо...

Принциваль. Забинтуйте, если нельзя иначе... Но постарайтесь, чтобъ бинтъ не закрывалъ глазъ и не пересѣкалъ рта. (*Смотрится въ зеркало*). У меня такой видъ, точно я больной, вырвавшійся отъ хирурга, тогда какъ я влюбленный, который готовъ помчаться навстрѣчу любви... Не такъ, не такъ. (*Онъ сдвигаетъ бинтъ. Слышенъ звукъ выстрѣла*). Что это?

Ведіо. Стрѣляютъ на сторожевыхъ постахъ.

Принциваль. Кто же далъ приказъ? Это, должно быть, ошибка. А вдругъ это въ нее? Предупредилъ ли ты?

Ведіо. Предупредилъ... Нѣтъ, это невозможно... Я поставилъ нѣсколько стражниковъ, они приведутъ ее къ вамъ, какъ только она появится...

Принциваль. Больше ничего не слышно. Минута приближается... А ты, мой Ведіо, мой добрый Ведіо, что же будетъ съ тобой?

Ведіо. Я пойду за вами.

Принциваль. Нѣтъ, лучше оставь меня... Я не знаю, куда я пойду, что со мной будетъ. Одинъ ты ускользнешь, тебя никто не будетъ преслѣдовать, тогда какъ съ твоимъ господиномъ... Въ этихъ сундукахъ много золота, возьми его, оно больше не нужно. Возы запряжены, стада въ сборѣ?

Ведіо. Все у палатки.

Принциваль. Хорошо, когда будетъ пора, я подамъ знакъ, ты сдѣлаешь, что нужно... Пойди же, посмотри, не...

СЦЕНА III.

Принциваль, Ванна.

Ведіо выходитъ. Принциваль съ минуту остается одинъ. Ведіо приподнимаетъ веверъ у входа и говоритъ въ полголоса: «Господинъ». Потомъ онъ удаляется, а Монна Ванна, завернутая въ длинный плащъ, показывается въ дверяхъ и останавливается у порога. Принциваль вздрагиваетъ и дѣлаетъ шагъ ей навстрѣчу.

Ванна (*сдавленнымъ голосомъ*). Я пришла... вы этого требовали...

Принциваль (*подходя*). У васъ кровь на рукѣ. Вы ранены?

Ванна. Пуля задѣла мнѣ плечо.

Принциваль. Гдѣ?.. когда? Это ужасно...

Ванна. Когда я подходила къ лагерю.

Принциваль. Кто же выстрѣлилъ?

Ванна. Не знаю... Этотъ человѣкъ убѣжалъ.

Принциваль. Покажите мнѣ рану.

Ванна (*пріоткрывая сверху свой плащъ*). Вотъ она.

Принциваль. Надъ лѣвой грудью... Она не проникла внутрь... Только задѣла кожу... Вамъ больно?

Ванна. Нѣтъ.

Принциваль. Хотите, я велю забинтовать рану?

Ванна. Нѣтъ. (*Молчаніе*).

Принциваль. Вы рѣшились?

Ванна. Да.

Принциваль. Напомнить вамъ условія...

Ванна. Не нужно, я знаю.

Принциваль. Вы не сожалѣете, что пришли?

Ванна. Развѣ надо было являться безъ сожалѣній?

Принциваль. Вашъ мужъ согласенъ?

Ванна. Да.

Принциваль. Я хочу, чтобы вы поступали свободно... Время еще есть, вы, можетъ быть, перерѣшите?

Ванна. Нѣтъ.

Принциваль. Что васъ побудило?

Ванна. Тамъ умираютъ съ голоду, а на завтра предстояла гибель, еще болѣе скорая.

Принциваль. И никакихъ другихъ причинъ у васъ не было?

Ванна. Какая же могла быть еще причина?

Принциваль. Понимаю... Стало быть, добродѣтельная женщина...

Ванна. Да.

Принциваль. Любя своего мужа...

Ванна. Да.

Принциваль. Глубоко?

Ванна. Да.

Принциваль. Подъ этимъ плащемъ на васъ ничего нѣтъ?

Ванна. Нѣтъ. (*Дѣлаетъ движеніе, чтобы сбросить плащъ; Принциваль жестомъ останавливаетъ ее*).

Принциваль. Вы замѣтили передъ палаткой ряды возовъ и стада?

Ванна. Да.

Принциваль. Тамъ двѣсти возовъ, наполненныхъ лучшей тосканской пшеницей. Двѣсти нагружены сѣномъ, плодами и винами изъ окрестностей Сіенны. Тридцать возовъ пороху прибыли прямо изъ Германіи, а двѣнадцать нагружены свинцомъ. Кромѣ того тамъ шестьсотъ англійскихъ быковъ и тысяча двѣсти штукъ овецъ. Все это ждетъ только вашего приказанія, чтобы двинуться въ Пизу. Хотите взглянуть, какъ они тронутся?

Ванна. Да.

Принциваль. Подойдите къ выходу. (*Онъ приподнимаетъ коверъ, отдаетъ приказъ и подаетъ знакъ рукой. Поднимается глухой растущій шумъ, зажигаются факелы, хлопаютъ бичи; возы трогаются, стада мычатъ, блеютъ и топочутъ ногами. Ванна и Принциваль, стоя на порогѣ палатки, смотрятъ, какъ громадный обозъ удаляется при свѣтѣ факеловъ въ даль звѣздной ночи*). Съ этого вечера, благодаря вамъ, Пиза не будетъ голодать. Она станетъ снова непобѣдимой и будетъ завтра пѣть, торжествующая, опьяненная радостью, на которую никто не могъ уже надѣяться. Вы довольны?

Ванна. Да.

Принциваль. Закроемъ входъ. Вечеръ еще теплый, но ночь будетъ холодна. Вы пришли безъ оружія, безъ припрятаннаго яда?

Ванна. На мнѣ нѣтъ ничего, кромѣ сандалій и плаща. Снимите съ меня все, если вы боитесь западни.

Принциваль. Я боюсь не за себя, а за васъ.

Ванна. Ихъ жизнь для меня важнѣе...

Принциваль. Это хорошо, вы правы... Подите сюда, вотъ моя постель. Это постель воина. Она груба и жестка, не шире гроба, и недостойна васъ. Прилягте на эти шкуры зубровъ и барановъ, они не испытали еще прикосновенія нѣжнаго и прекраснаго тѣла женщины. Положите подъ голову этотъ мѣхъ, онъ помягче. Это шкура рыси, мнѣ далъ ее послѣ побѣды одинъ африканскій король. (*Ванна садится, плотно закутавшись въ плащъ*). Свѣтъ лампы падаетъ вамъ въ глаза. Не переставить ли ее?

Ванна. Все равно...

Принциваль. (*Опускается на колѣни около постели и съ заглушеннымъ рыданіемъ схватываетъ руку Ванны*). Джіованна!.. (*Ванна съ изумленіемъ поднимаетъ голову и взглядываетъ на него*). О, Ванна! моя Ванна! Вѣдь я тоже привыкъ называть васъ этимъ именемъ... Теперь

силы измѣняютъ мнѣ, когда я произношу его... Оно такъ долго было заключено въ моемъ сердцѣ, что теперь, вырываясь оттуда, разбиваетъ свою тюрьму... Оно—само мое сердце, другого у меня нѣтъ... Въ каждомъ слогѣ его вся моя жизнь, и когда я произношу его, жизнь словно уходитъ изъ меня. Это имя стало мнѣ роднымъ; мнѣ казалось, я знаю его; я такъ часто повторялъ его, какъ великое слово любви, и я говорилъ себѣ, что когда-нибудь надо будетъ имѣть мужество хоть разъ произнести его передъ той, кого оно тщетно призывало. Я думалъ, губы мои приняли форму этого звука, онѣ съумѣютъ въ нужную минуту произнести его съ такой нѣжностью, съ такимъ уваженіемъ, съ такой глубокой и смиренной прѣданностью, что та, кто услышитъ его, пойметъ, какая въ немъ мука, какая любовь... Но вотъ теперь оно обращается уже не къ призраку. Оно уже не то... Я не узнаю его, когда оно вырывается изъ моихъ устъ, прерываемое рыданіями, истерзанное тревогой... Я слишкомъ много вложилъ въ него. Этотъ пылъ это обожаніе разбиваютъ мои силы, и голосъ мой замираетъ...

Ванна. Кто вы?

Принциваль. Вы не узнаете меня?.. Память ничего не говоритъ вамъ? О, время! Какія дивныя вещи оно уноситъ! Но эти дивныя вещи существовали только для меня... Можетъ быть, и лучше, что онѣ забыты... У меня не будетъ больше надежды, у меня будетъ меньше сожалѣній. Нѣтъ, я для васъ никто, я просто бѣдный человѣкъ, увидѣвшій на мигъ цѣль своей жизни... Я несчастный, ни о чемъ не просящій, не знающій даже, о чемъ просить. Но я бы хотѣлъ, если это возможно, сказать вамъ, прежде чѣмъ вы меня покинете, чѣмъ вы для меня были, чѣмъ вы будете до конца моей жизни...

Ванна. Значитъ, вы меня знаете? Кто же вы?

Принциваль. Развѣ вы никогда не видѣли того, кто смотритъ теперь на васъ, какъ развѣ въ сказочномъ мірѣ смотрятъ на источникъ радости и жизни... какъ я уже не надѣялся смотрѣть на васъ?

Ванна. Нѣтъ... насколько я припоминаю...

Принциваль. Да, конечно, вы не знали, я былъ увѣренъ, что вы не знаете... Вамъ было всего восемь лѣтъ, а мнѣ десять, когда я встрѣтилъ васъ впервые.

Ванна. Гдѣ это?

Принциваль. Въ Венеціи. Это было въ воскресенье, въ іюнѣ. Мой отецъ, старый ювелиръ, принесъ жемчужное ожерелье вашей матери. Она любовалась жемчугомъ... Я бродилъ по саду... И вотъ я увидалъ васъ въ миртовой рощѣ, у мраморнаго бассейна. Тоненькое золотое колечко упало въ воду... Вы плакали у края бассейна... Я вошелъ въ воду, чуть не утонулъ, но досталъ кольцо и надѣлъ вамъ на палецъ. Вы поцѣловали меня и были счастливы...

Ванна. Бѣлокурый мальчикъ, его звали Джіанелло... Такъ ты—*Джіанелло?*

Принциваль. Да...

Ванна. Развѣ возможно узнать васъ?.. Да еще съ этими бинтами, закрывающими все лицо... Я вижу одни глаза...

Принциваль (*отодвигая немного бинтъ*). Узнаете вы меня, если я сниму бинтъ?

Ванна. Да... пожалуй... кажется, да... у васъ и теперь что-то дѣтское въ улыбкѣ... Но и вы ранены, кровь такъ и льетъ.

Принциваль. О, для меня это ничего не значитъ, вотъ вы—другое дѣло...

Ванна. Но кровь просачивается... Позвольте мнѣ перевязать бинтъ. Онъ плохо положенъ. (*Она поправляетъ бинтъ*). Во время этой войны я часто ухаживала за ранеными... Да, да, я вспоминаю... Я помню садъ, гранаты, лавры, розы... Мы не разъ послѣ полудня играли тамъ на залитомъ солнцемъ, тепломъ пескѣ...

Принциваль. Двѣнадцать разъ, я считалъ. Я могъ бы припомнить вамъ всѣ наши игры, всѣ ваши слова...

Ванна. Потомъ, разъ, помню, я ждала... Я вѣдь васъ очень любила. Вы были такой серьезный, кроткій, какъ дѣвочка, и вы обращались со мной, какъ съ королевой... Вы не пришли.

Принциваль. Отецъ увезъ меня. Онъ ѣхалъ въ Африку... Тамъ мы заблудились въ пустынѣ, потомъ я попалъ въ плѣнъ къ арабамъ, къ туркамъ, къ испанцамъ, не знаю ужъ къ кому еще. Когда я вернулся въ Венецію, ваша мать умерла, сада уже не было... Я потерялъ вашъ слѣдъ, потомъ я снова нашелъ его, благодаря вашей красотѣ, оставлявшей всюду незабываемое воспоминаніе.

Ванна. Вы сразу узнали меня, когда я вошла?

Принциваль. Если бы вмѣстѣ съ вами въ палатку вошло десять тысячъ одинаково одѣтыхъ, одинаково прекрасныхъ женщинъ, какъ десять тысячъ сестеръ, которыхъ не различала быть мать, я всталъ бы, взялъ васъ за руку и сказалъ: «Вотъ она». Это странно, не правда ли? Чтобы любимый образъ могъ такъ жить въ сердцѣ... а вашъ образъ дѣйствительно жилъ въ моемъ сердцѣ, онъ измѣнялся съ каждымъ днемъ, какъ въ дѣйствительной жизни. И сегодняшній образъ стиралъ вчерашній, онъ расцвѣталъ, онъ становился все прекраснѣе, годы сообщали ему все, что они даютъ развивающемуся ребенку. Когда я увидѣлъ васъ, мнѣ показалось сперва, что глаза мои ошибаются. Воспоминанія мои были такъ прекрасны и такъ точны... Но они были слишкомъ робки и не поспѣвали за жизнью... Они не осмѣлились придать вамъ тотъ блескъ, который ослѣпилъ меня въ первый моментъ... Я точно человѣкъ, вспоминающій цвѣтокъ, который онъ какъ-то мимоходомъ видѣлъ въ паркѣ, и вдругъ увидѣвшій десятки тысячъ такихъ цвѣтовъ на лугу, залитомъ солнцемъ. Я увидѣлъ тотъ самый лобъ, глаза, волосы, я открылъ въ обожаемомъ лицѣ ту же душу; но красота ихъ оставила далеко за собой тотъ образъ, который я лелѣялъ

въ тиши долгіе дни, мѣсяцы, годы, озаренный лишь свѣтомъ воспоминанія, давно отставшаго отъ дѣйствительности.

Ванна. Да, вы любили меня такъ, какъ любятъ въ этомъ возрастѣ, но время и разлука всегда украшаютъ любовь.

Принциваль. Люди всегда говорятъ, что они любятъ или любили только разъ въ жизни, но рѣдко это бываетъ правда. Свои влеченія, также какъ и свою холодность, они облекаютъ въ красивый нарядъ исключительныхъ страданій, знакомыхъ лишь тѣмъ, кто рожденъ для единой любви. А когда одинъ изъ этихъ несчастныхъ хочетъ открыть глубокую и печальную истину, разбившую его жизнь, онъ долженъ употреблять тѣ же слова, ставшія въ устахъ другихъ лишь красивой ложью, и—слова эти, захватанныя счастливыми любовниками,—оказываются лишенными всей своей силы и значенія. Та, кто ихъ слушаетъ, невольно низводитъ эти святыя и часто печальныя слова на степень ихъ ходячей цѣнности, придавая имъ тотъ дешевый смыслъ, какой они имѣютъ среди людей.

Ванна. Я не сдѣлаю такъ. Я понимаю эту любовь; мы всѣ ждемъ ее на зарѣ жизни и отказываемся потомъ, такъ какъ съ годами— хотя мнѣ и немного лѣтъ—многое гаснетъ въ насъ.—А когда вы снова вернулись въ Венецію и вамъ указали мой слѣдъ, что же тогда? Развѣ уже было поздно? Вы не постарались увидаться съ той, которую вы такъ любили?

Принциваль. Въ Венеціи я узналъ, что ваша мать умерла и что вы выходите замужъ за важнаго тосканскаго вельможу, за самаго могущественнаго, самаго богатаго человѣка въ Пизѣ, и что вы должны стать какой-то счастливой и обожаемой королевой. А что могъ предложить вамъ я? Бѣдность и скитальчество искателя приключеній безъ родины и безъ пристанища... Мнѣ показалось, что сама судьба требуетъ отъ моей любви той жертвы, которую я принесъ. Я много разъ бродилъ вокругъ этого города, не рѣшаясь войти въ него, чтобы не поддаться желанію видѣть васъ и не смутить счастья и любви, которыя вы нашли. Я отдалъ свою шпагу на службу чужому народу, я сдѣлалъ два или три похода, я пріобрѣлъ славу, какъ наемникъ. Я жилъ изо дня въ день, ни на что не надѣясь, пока Флоренція не послала меня на Пизу...

Ванна. Какъ слабы и трусливы мужчины, когда они любятъ! Не ошибитесь,—я не люблю васъ и не могу сказать, полюбила ли бы. Но въ сердцѣ моемъ громко возмущается самая душа любви, при мысли, что человѣкъ, любившій меня такъ, какъ и я могла бы полюбить, не нашелъ въ себѣ смѣлости передъ лицомъ любви!

Принциваль. Смѣлости у меня бы хватило... Вы не представляете себѣ, какая нужна была смѣлость, чтобы вернуться... Но было уже поздно.

Ванна. Когда вы оставили Венецію, еще не было поздно. Никогда не поздно, если дѣло идетъ о любви, наполняющей всю жизнь... Она

не уступаетъ. Когда она ничего не ждетъ, она все еще надѣется... Когда она перестаетъ надѣяться, она все-таки продолжаетъ добиваться. Если бы я любила такъ, какъ вы, я... Ахъ, трудно сказать, чтобы можно сдѣлать... но я увѣрена, что случай не могъ бы безъ борьбы вырвать у меня надежду! Я стремилась бы къ ней день и ночь. Ахъ, я не стала бы думать о другой любви, о другомъ счастьи! Я сказала бы судьбѣ: «Посторонись, я иду»! Я принудила бы камни помогать мнѣ, я заставила бы того, кого я полюбила, повторить эти слова, и повторить не разъ!

Принциваль (*пытаясь овладѣть рукою Ванны*). Ты не любишь его, Ванна?

Ванна. Кого?

Принциваль. Гвидо.

Ванна (*Отнимая руку*). Не ищите моей руки. Я не даю ее. Я вижу, что слова мои недостаточно ясны. Когда Гвидо женился на мнѣ, я была одна, я почти нуждалась. Бѣдная, одинокая женщина, особенно когда она красива и не снисходитъ до лживыхъ увертокъ, скоро дѣлается жертвою безчисленныхъ сплетень... Гвидо не обратилъ на нихъ вниманія, онъ вѣрилъ въ меня, и эта вѣра меня покорила. Онъ сдѣлалъ меня счастливой, отказавшись отъ безумныхъ, быть можетъ, грезъ, не осуществимыхъ, повидимому, въ нашей жизни. И вы тоже увидите,—я хочу надѣяться на это—что можно быть счастливымъ, не проводя цѣлые дни въ мечтахъ о счастьи, какого еще никто не извѣдалъ. Я люблю теперь Гвидо, не такой странной любовью, какою любите вы, по вашимъ словамъ, но безъ сомнѣнія болѣе ровной, болѣе вѣрной, болѣе прочной... Эта любовь дана мнѣ жизнью; я не была слѣпа, принимая ее; другой у меня не будетъ, и если кто-нибудь разобьетъ ее, то, во всякомъ случаѣ, не я... Вы невѣрно меня поняли. Быть можетъ, я сама произнесла слова, которыя ввели васъ въ заблужденіе, но я говорила не о васъ и не о себѣ; я говорила отъ имени той любви, которую предчувствуешь на зарѣ жизни; она существуетъ, быть можетъ, но ни я, ни вы не знали ее,—вы тоже, такъ какъ вы не сдѣлали того, что требуетъ такая любовь.

Принциваль. Вы строго судите мою любовь, Ванна, но вы не знаете, что она перенесла, что она должна была сдѣлать, чтобы добиться этой счастливой минуты. Всякая другая любовь отступила бы передъ этимъ. Но если бы даже она ничего не сдѣлала, если бы она ничего не добилась, я все-таки знаю, что она существуетъ, такъ какъ я ея жертва; она взяла мою жизнь, она убиваетъ во мнѣ все, что даетъ радость и славу человѣку. Съ тѣхъ поръ, какъ она овладѣла мною, каждый мой шагъ, каждое мое движеніе имѣли цѣлью приблизить меня къ ней хоть на минуту, чтобъ узнать свою судьбу, не повредивъ вамъ. Ахъ, повѣрьте мнѣ, Ванна, вы должны мнѣ повѣрить—вѣдь не трудно вѣрить тому, кто ничего не проситъ и ни на что не надѣется... Вы те-

перь у меня въ палаткѣ, вы въ моей власти. Мнѣ стоитъ сказать слово, протянуть руку, и я буду обладать всѣмъ, къ чему стремится обычная любовь. Но вы, также какъ и я, знаете, повидимому, что любовь, о которой я говорю, добивается другого, вотъ почему я хочу, чтобы вы не сомнѣвались въ моей любви. Я бралъ вашу руку, надѣясь, что вы повѣрите мнѣ, теперь я не коснусь ея болѣе ни пальцемъ, ни губами. Но, по крайней мѣрѣ, Ванна, когда мы разстанемся, чтобъ не встрѣчаться болѣе, унесите съ собой увѣренность, что я любилъ васъ именно этой любовью, и она уступила только передъ невозможностью.

Ванна. Я потому и допускаю сомнѣніе въ ней, что она могла увидѣть въ чемъ-нибудь непреодолимое препятствіе... Не подумайте только, что я радовалась бы, если бы она преодолѣла ужасныя препятствія, что я жажду испытаній свыше человѣческихъ силъ. Разсказываютъ, что одна женщина въ Пизѣ бросила перчатку въ львиный ровъ, тамъ за башней, и попросила своего возлюбленнаго принести ее. У него не было никакого оружія, кромѣ кожаннаго хлыстика. Тѣмъ не менѣе, онъ пошелъ, отстранилъ львовъ, взялъ перчатку; опустившись на колѣни, отдалъ ее той женщинѣ, удалился, не произнеся ни слова... и не вернулся болѣе. Я нахожу, что онъ поступилъ слишкомъ мягко; если при немъ былъ хлыстъ, онъ долженъ былъ съ его помощью внушить той, кто издѣвался такъ надъ божественнымъ чувствомъ, болѣе правильное представленіе о правахъ и обязанностяхъ истинной любви. Я не требую отъ васъ подобныхъ доказательствъ, я охотно вѣрю вамъ. Но ради вашего счастья и ради моего тоже, я хотѣла бы сомнѣваться. Въ такой исключительной любви, какъ ваша, есть нѣчто священное, что должно тревожить даже самую холодную, самую добродѣтельную женщину. Вотъ почему я всматриваюсь въ ваши поступки и была бы почти счастлива, еслибъ не нашла въ нихъ слѣда этой смертельной и очень рѣдко счастливой страсти. Я была бы почти увѣрена, что не найду этого, если бы не вашъ послѣдній поступокъ, когда вы безумно бросили въ пропасть все—ваше прошедшее, ваше будущее, вашу славу, вашу жизнь, все, что у васъ есть, чтобы заставить меня придти на одинъ часъ въ эту палатку. Этотъ поступокъ заставляетъ меня сказать, что, быть можетъ, вы не ошиблись...

Принциваль. Какъ разъ именно этотъ поступокъ ничего не доказываетъ.

Ванна. Какимъ образомъ?

Принциваль. Мнѣ пріятнѣе сказать вамъ правду. Потребовавъ васъ сюда для спасенія Пизы, я ничѣмъ не жертвовалъ.

Ванна. Я не совсѣмъ понимаю? Вы не измѣнили вашей родинѣ? Вы не погубили своего прошлаго? своего будущаго? Вы не обрекли себя на изгнаніе, на смерть, быть можетъ?

Принциваль. Прежде всего, у меня нѣтъ родины... Если бы она была

у меня, мнѣ думается, я не принесь бы ее въ жертву любви, какова бы ни была эта любовь... Но я только наемникъ, вѣрный, пока ему вѣрны, и измѣняющій, когда чувствуетъ, что ему измѣняютъ... Коммиссарами Флоренціи сдѣланъ на меня ложный доносъ, и я былъ обвиненъ безъ суда республикой торгашей, обычаи которой вы знаете не хуже меня. Я зналъ, что мнѣ нѣтъ спасенія. То, что я сдѣлалъ сегодня вечеромъ, не повредитъ мнѣ больше; напротивъ, я, быть можетъ, найду въ этомъ спасеніе, если какой-нибудь счастливый случай еще можетъ спасти меня...

Ванна. Значитъ, вы очень немногимъ пожертвовали мнѣ?

Принциваль. Ничѣмъ. Я долженъ былъ сказать это вамъ... Я радъ, что представился случай... Мнѣ было бы непріятно купить ложью хоть одну вашу улыбку.

Ванна. Это хорошо, Джіанелло, это стоитъ любви и самыхъ прекрасныхъ доказательствъ ея. Тебѣ не придется искать руки, лучше избѣгавшей тебя. Вотъ она.

Принциваль. Ахъ! лучше бы ее завоевала любовь! Но пусть хоть такъ. Она все же моя теперь, Ванна, я держу ее въ своихъ рукахъ, я любуюсь ея перламутровымъ цвѣтомъ, я вдыхаю въ себя ея жизнь, я на мгновенье упиваюсь сладостной иллюзіей; я ощущаю ея теплую свѣжесть, я сжимаю ее, я открываю и закрываю ее, точно она готова отвѣтить мнѣ на волшебномъ и тайномъ языкѣ влюбленныхъ... Я покрываю ее поцѣлуями, и ты не отнимаешь ее, Ванна? Такъ ты не сердишься на меня за жестокое испытаніе?

Ванна. Я сдѣлала бы то же самое на твоемъ мѣстѣ, быть можетъ, немного лучше или немного хуже.

Принциваль. А когда ты согласилась пойти въ мою палатку, ты знала, кто я?

Ванна. Никто этого не зналъ... О начальникѣ непріятельской арміи ходили противорѣчивые слухи. По словамъ однихъ, ты былъ отвратительный старикъ, по словамъ другихъ—молодой принцъ дивной красоты.

Принциваль. Вѣдь отецъ Гвидо меня видѣлъ. Развѣ онъ не сказалъ тебѣ ничего?

Ванна. Нѣтъ.

Принциваль. Ты не спрашивала его?

Ванна. Нѣтъ.

Принциваль. Значитъ ты шла ночью, одна, беззащитная, чтобъ отдаться неизвѣстному, быть можетъ, отвратительному варвару, и неужели тѣло твое не содрагалось, неужели седце твое не трепетало?

Ванна. Нѣтъ. Идти надо было.

Принциваль. А когда ты увидѣла меня, ты не поколебалась?

Ванна. Вѣдь ты же помнишь? Я вѣдь не увидѣла ничего, кромѣ этихъ бинтовъ...

Принциваль. Такъ, ну а потомъ, Ванна, когда я отстранилъ ихъ?

Ванна. Тогда уже было совсѣмъ другое, и я знала... А ты, на что ты рѣшался, когда я входила въ твою палатку? Неужели ты въ самомъ дѣлѣ собирался воспользоваться до конца нашимъ бѣдствіемъ.

Принциваль. Ахъ, я не знаю самъ, что я хотѣлъ сдѣлать. Я чувствовалъ, что погибъ и хотѣлъ погубить все. Я ненавидѣлъ тебя за любовь мою къ тебѣ. И я такъ бы и поступилъ, если бы вошла не ты. Но всякая другая показалась бы мнѣ отвратительной. Если бы ты сама оказалась не похожей на себя... Я прихожу въ ужасъ отъ одной мысли объ этомъ. Довольно было бы одного слова—не твоего, одного не твоего жеста, малѣйшаго пустяка, чтобы разжечь ненависть и разнуздать чудовище. Но едва я увидѣлъ тебя, я понялъ, что это невозможно.

Ванна. Я тоже увидѣла это, и уже не боялась тебя, мы поняли другъ друга, не сказавъ еще ни слова. Это, право, удивительно... Мнѣ кажется, я поступала бы совершенно такъ, какъ ты, если бы любила, какъ ты. Иногда мнѣ кажется, что я на твоемъ мѣстѣ, а ты меня слушаешь, и я говорю все, что ты мнѣ говоришь.

Принциваль. И я также, Ванна, я съ первой минуты почувствовалъ, что стѣна, отдѣляющая каждаго человѣка отъ другого, у насъ съ тобой стала прозрачной, какъ чистая влага, и я погружалъ въ нее свои руки, погружалъ свои взоры, потомъ съ нихъ струился свѣтъ, съ нихъ струилось довѣріе и искренность, точно я погружалъ ихъ въ собственную совѣсть, въ собственное сердце. Мнѣ стало казаться также, что всѣ люди измѣнились, и что я ошибался въ нихъ до сихъ поръ... Но больше всего мнѣ казалось, что я измѣняюсь самъ, что я выхожу изъ долгаго заточенія, что двери тюрьмы открываются, что цвѣты и листья раздвигаютъ рѣшетки исчезаютъ всѣ камни и горизонтъ расширяется, что свѣжій утренній воздухъ проникаетъ въ мою душу, обвѣваетъ мою любовь.

Ванна. И во мнѣ происходила перемѣна. Я удивлялась себѣ, что могу разговаривать такъ съ тобой съ первой минуты... Я очень молчалива... Я никогда ни съ кѣмъ не говорила такъ, кромѣ развѣ Марко, отца Гвидо... Да и съ нимъ совершенно иначе... Онъ живетъ всегда въ области грезъ, которыя захватываютъ его цѣликомъ, и мы говорили съ нимъ всего три, четыре раза. Въ глазахъ другихъ всегда видно желаніе, и оно мѣшаетъ сказать имъ, что любишь ихъ, что хочешь знать, что происходитъ въ ихъ сердцѣ... Въ твоихъ глазахъ тоже видно желаніе, но только оно не такое, оно не отталкиваетъ, не пугаетъ... Я сейчасъ же почувствовала, что знаю тебя, хотя и не помнила, гдѣ я тебя видѣла.

Принциваль. Могла ли бы ты полюбить меня, если бы мой злой рокъ не привелъ меня назадъ, когда уже было поздно?

Ванна. Если бы я могла сказать, что полюбила бы тебя, это значило *бы*, что я уже люблю тебя,—вѣдь такъ, Джіанелло? А ты не

хуже меня знаешь, что это невозможно... Но мы говоримъ съ тобой, точно мы на необитаемомъ островѣ... Если бы я была одна въ мірѣ, это бы ничего... Но мы слишкомъ долго забываемъ, какъ другой человѣкъ страдаетъ въ то время, когда мы посылаемъ улыбки прошедшему... Когда я уходила изъ Пизы,—это горе Гвидо, этотъ полный отчаянья голосъ, эта блѣдность... Нѣтъ, я не могу больше медлить... Заря, должно быть, ужъ недалеко, мнѣ надо скорѣе узнать... Но я слышу шаги. Кто-то подходитъ къ палаткѣ. Слѣпой случай великодушнѣе насъ съ тобой. Тамъ шепчутся у входа... Слушай, слушай... Что это?

СЦЕНА IV.

Тѣ же и Ведіо.

Снаружи доносится шопотъ и звукъ торопливыхъ шаговъ, потомъ голосъ Ведіо, говорящаго за входомъ.

Ведіо (*не входя*). Господинъ!

Принциваль. Это голосъ Ведіо... Входи! Что тамъ такое?

Ведіо (*у входа въ палатку*). Я прибѣжалъ бѣгомъ... Спасайтесь, господинъ! Пора... Мессеръ Маладура, второй коммиссаръ Флоренціи...

Принциваль. Вѣдь онъ былъ въ Бибіенѣ.

Ведіо. Онъ вернулся... Съ нимъ шестьсотъ человѣкъ... Все Флорентійцы. Я видѣлъ, какъ они шли... Лагерь въ волненіи... Онъ привезъ приказъ... Васъ объявили измѣнникомъ... Онъ ищетъ Тривульціо... Боюсь, онъ найдетъ его, раньше, чѣмъ вы...

Принциваль. Иди, Ванна.

Ванна. Куда мнѣ идти?

Принциваль. Ведіо съ двумя вѣрными людьми отведетъ тебя въ Пизу.

Ванна. А ты, куда же ты пойдешь?

Принциваль. Не знаю... Все равно... Міръ великъ, найдется для меня убѣжище...

Ведіо. О, господинъ, будьте осторожны. Они заняли всю мѣстность вокругъ города; Тоскана переполнена шпіонами.

Ванна. Пойдемъ въ Пизу.

Принциваль. Съ тобой?

Ванна. Да.

Принциваль. Не могу.

Ванна. Хоть на нѣсколько дней... Ты скроешься такимъ образомъ отъ первыхъ преслѣдованій.

Принциваль. А твой мужъ?

Ванна. Онъ знаетъ не хуже тебя, какъ поступать съ гостемъ.

Принциваль. И онъ повѣритъ тебѣ, когда ты ему скажешь...

Ванна. Да. Если бы онъ не повѣрилъ мнѣ... Но это невозможно... Пойдемъ.

Принциваль. Нѣтъ.

Ванна. Почему? Чего ты боишься?

Принциваль. Я боюсь за тебя.

Ванна. Для меня опасность совершенно одинакова, буду ли я одна или съ тобой. Бояться надо за тебя. Ты спасъ Пизу. Теперь она должна спасти тебя... Ты придешь подъ моей охраной, я отвѣчаю за тебя...

Принциваль. Я пойду съ тобой.

Ванна. Это лучшее доказательство твоей любви... Идемъ.

Принциваль. А твоя рана.

Ванна Твоя гораздо серьезнѣе...

Принциваль. Не думай о ней... Это не первая... Но твоя... Подумаютъ, что кровь... (*Онъ протягиваетъ руку, чтобы отстегнуть плащъ*).

Ванна. (*отстраняя его руку и плотнѣе закутываясь въ плащъ*). Нѣтъ, нѣтъ, Джіанелло... Мы не враги теперь... Мнѣ холодно.

Принциваль. Ахъ, я и забылъ, что ты должна идти почти нагая ночью. И я, варваръ, потребовалъ этого... Вотъ сундуки, куда я складывалъ военную добычу... Вотъ золоченыя одежды, вотъ парчевыя покрывала.

Ванна (*беретъ наудачу одно изъ покрывалъ и закутывается въ него*). Этого довольно... Надо скорѣй спасать тебя... Идемъ, открой палатку... (*Принциваль вмѣстѣ съ Ванной подходитъ къ выходу и открываетъ его. Глухой шумъ, покрываемый отдаленнымъ перезвономъ колоколовъ, врывается въ тишину ночи. Черезъ открытое отверстіе вдали видна освѣщенная Пиза, усѣянная праздничными огнями, бросающая на темное небо большое зарево свѣта*).

Принциваль. Ванна! Ванна! смотри!...

Ванна. Что это, Джіанелло? Это радостные огни, они зажгли ихъ, чтобы отпраздновать твое дѣло... Всѣ стѣны покрыты ими, укрѣпленія горятъ, башня свѣтится точно праздничный факелъ... Всѣ другія башни тоже сверкаютъ, точно звѣзды... Улицы, точно огненныя дороги въ небѣ... Я узнаю ихъ направленіе, я такъ же ясно вижу ихъ отраженіе, какъ видѣла утромъ мостовую на нихъ. Вотъ пизанскій соборъ весь въ огняхъ. А вотъ Campo Santo *) лежитъ темнымъ островомъ... Какъ будто жизнь, казалось исчезнувшая, поспѣшно возвращается, свѣтится на стрѣлахъ, сверкаетъ въ камняхъ, переливается черезъ стѣны, заливаетъ окрестности и зоветъ насъ... Слушай, слушай же... Развѣ ты не слышишь кликовъ безумной радости, точно море затопило Пизу... И колокола поютъ, точно въ день моей свадьбы... Ахъ, я слишкомъ счастлива, я вдвойнѣ счастлива, такъ какъ этимъ счастьемъ я обязана тому, кто больше всѣхъ любилъ меня! Идемъ, мой Джіанелло. (*Цѣлуетъ его въ лобъ*). Вотъ единственный поцѣлуй, который я могу тебѣ дать.

Принциваль. О, моя Джіованна! Онъ прекраснѣе всѣхъ, какіе могла дать любовь!.. Но что съ тобой? Ты шатаешься, у тебя подгибаются колѣни... Обопрись на меня, положи руку на мое плечо.

---

*) Кладбище.

Ванна. Это ничего... Я иду за тобой... Это отъ радости... Я слишкомъ понадѣялась на женскія силы... Поддерживай меня, неси меня, пусть ничто не задерживаетъ моихъ первыхъ счастливыхъ шаговъ... Ахъ, какъ прекрасна ночь и встающая заря! Поспѣшимъ, пора... Мы должны придти раньше, чѣмъ погаснетъ радость... (*Они выходятъ обнявшись*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Парадная зала во дворцѣ Гвидо Колонна. Высокія окна, мраморныя колонны, портики, шелковыя ткани по стѣнамъ и т. п. Налѣво на второмъ планѣ большая терраса, вазы съ цвѣтами на баллюстрадѣ; къ ней ведетъ двойная наружная лѣстница. Въ срединѣ залы между колоннами широкія мраморныя ступени ведутъ на ту же террасу, съ которой открывается видъ на часть города.

СЦЕНА I.

Гвидо, Марко, Борсо и Торелло входитъ.

Гвидо. Я сдѣлалъ, какъ вы хотѣли, какъ она хотѣла, какъ всѣ хотѣли. Насталъ чередъ и для моей воли. Я молчалъ, я прятался, я задерживалъ дыханіе, какъ трусъ, когда воры грабятъ его домъ. И я былъ честенъ въ своей низости! Вы сдѣлали изъ меня торговца, точно соблюдающаго условія торга. Но вотъ и заря... Всю ночь я не двинулся съ мѣста... Я измѣрилъ всю глубину униженія. Надо было честно выполнить условія, надо было уплатить сполна за ваши припасы... Вся эта благородная ночь, до послѣдней минуты, конечно, принадлежала покупателю! О, за такое количество хлѣба, быковъ, овощей цѣна была не чрезмѣрно высока! Теперь я уплатилъ, и вы насытились. Я снова свободенъ, я снова становлюсь начальникомъ. Довольно этого позора.

Марко. Сынъ мой, я не знаю твоихъ намѣреній, никто не имѣетъ права вмѣшиваться въ такое горе, какъ твое. Никто не въ силахъ также облегчить его. Самое это счастье, порожденное имъ, со всѣхъ сторонъ окружающее тебя, вноситъ еще больше горечи въ твои первыя слезы,—я вполнѣ понимаю это. Теперь, когда городъ спасенъ, мы тоже готовы жалѣть объ этомъ спасеніи, купленномъ такой дорогою цѣной. И невольно мы опускаемъ глаза передъ тѣмъ, кто несправедливо несетъ на себѣ одномъ всю тяжесть этого. И тѣмъ не менѣе, если бы снова вернулось вчера, мнѣ пришлось бы поступать такъ же, какъ я поступилъ, намѣчать тѣхъ же жертвъ и вызывать ту же несправедливость. Человѣкъ, желающій быть справедливымъ, принужденъ всю жизнь съ грустью дѣлать выборъ между двумя или тремя неравными несправедливостями... Я не знаю, что сказать тебѣ, но если мой голосъ, который когда-то тебѣ былъ дорогъ, можетъ послѣдній разъ проникнуть въ твое сердце, нѣкогда внимательное къ нему, я попрошу тебя, сынъ мой, не слѣдуй слѣпо первымъ внушеніямъ гнѣва и страданія. Подожди, пока пройдетъ опасный часъ, когда мы говоримъ слова, которыя уже

нельзя взять обратно. Сейчасъ вернется Ванна... не суди ее сегодня, не отталкивай никого, не принимай безповоротныхъ рѣшеній... Все, что человѣкъ дѣлаетъ, все, что онъ говоритъ въ минуты слишкомъ большого горя, роковымъ образомъ неисправимо... Ванна вернется въ отчаяніи. Не упрекай ее. Тебѣ лучше не видѣть ее сейчасъ по возвращеніи, если ты не чувствуешь въ себѣ силы говорить съ нею такъ, какъ ты сталъ бы говорить черезъ много дней... Время проходитъ и приноситъ иногда много великодушія, справедливости и благоразумія намъ, бѣднымъ людямъ,—игрушкамъ столькихъ силъ. Только тѣ слова имѣютъ цѣну, которыя говорятся, когда человѣкъ понялъ, простилъ и снова полюбилъ, и только объ нихъ надо было бы думать, когда насъ ослѣпляетъ боль...

Гвидо. Вы кончили? Наконецъ! Право, теперь не время медоточивыхъ словъ, ими никого не обманешь... Я далъ вамъ послѣдній разъ сказать мнѣ все, что вы хотѣли. Мнѣ хотѣлось знать, что предложитъ мнѣ ваша мудрость взамѣнъ жизни, такъ искусно разбитой ею. И вотъ что она мнѣ преподноситъ!... Ждать, терпѣть, принимать, забывать, прощать и плакать! Такъ нѣтъ же! Этого мало! Лучше уже не быть благоразумнымъ. Чтобъ искупить мой позоръ, нужно другое, не одни слова! То, что я хочу сдѣлать, очень просто. Нѣсколько лѣтъ назадъ вы сами потребовали бы отъ меня это. Другой человѣкъ обладалъ Ванной, Ванна не принадлежитъ мнѣ, пока человѣкъ этотъ живъ. Я живу не по прописнымъ правиламъ. Я слѣдую великому закону, управляющему всякимъ, въ комъ живо сердце. Пиза накормлена и снова можетъ защищаться. Она получила свою долю оружія, я требую своей! Съ нынѣшняго дня ея солдаты снова принадлежатъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, лучшіе, тѣ которыхъ я набиралъ и самъ оплачивалъ. Я ничѣмъ болѣе не обязанъ ей, и я беру назадъ то, что мнѣ принадлежитъ. Она получитъ ихъ только тогда, когда они исполнятъ то, что я имѣю право требовать. А въ остальномъ, вотъ,—Ванну... я прощаю или прощу, когда его не будетъ на свѣтѣ. Она была обманута. Она заблуждалась ужасно, но, конечно, героически. Надъ ея состраданіемъ, надъ величіемъ ея души гнусно насмѣялись. Допустимъ, это можетъ если не забыться, то затеряться такъ далеко въ прошломъ, что любовь не сможетъ найти его. Но есть человѣкъ, на котораго я отнынѣ не могу смотрѣть безъ стыда и ужаса. Есть человѣкъ, который долженъ былъ руководить и поддерживать великое и благородное счастье, и который сталъ его врагомъ и губителемъ. И вы увидите вещь, страшную и неслыханную и все же справедливую: сына, который среди пошатнувшагося міра, судитъ собственнаго отца, проклинаетъ его, отрекается отъ него, изгоняетъ его, ненавидитъ и презираетъ его!

Марко. Проклинай меня, сынъ мой, только ее прости. Если въ твоихъ глазахъ героическій поступокъ, спасшій столько жизней, является непрощаемой ошибкой, то ошибка эта цѣликомъ лежитъ на мнѣ,

героизмъ же принадлежитъ другимъ. Совѣтъ мой былъ хорошъ, но дать его было легко, такъ какъ я не участвовалъ въ жертвѣ. Теперь когда я теряю все, что у меня есть самаго дорогого, онъ мнѣ кажется болѣе цѣннымъ. Ты судилъ по совѣсти, я судилъ бы такъже, если бы былъ моложе. Я ухожу, дитя мое, ты не увидишь меня болѣе, я понимаю, что тебѣ тяжело смотрѣть, на меня, но я надѣюсь, что буду видѣть тебя украдкой. Я ухожу, не рѣшаясь надѣяться, что доживу до тѣхъ поръ, когда ты простишь мнѣ причиненное тебѣ зло, я долго жилъ и знаю, что тѣ, кто какъ ты находятся въ срединѣ жизненнаго пути, не скоро прощаютъ. У меня не остается ничего, чему можно позавидовать, и мнѣ бы хотѣлось знать что я унесъ изъ твоего сердца всю ненависть, всю жажду мести, всѣ болѣзненныя воспоминанія, и что та, которая вернется сейчасъ, не найдетъ ихъ. Я попрошу тебя объ одномъ. Позволь мнѣ взглянуть еще разъ, какъ она бросится въ твои объятія. Потомъ я уйду, не жалуясь и не считая тебя несправедливымъ. Самый старый долженъ по справедливости брать на свои плечи самую тяжелую долю человѣческихъ страданій, такъ какъ ему остается сдѣлать всего нѣсколько шаговъ до той минуты, когда съ него снимутъ все бремя. (*Во время послѣднихъ словъ Марко снаружи доносится глухой, но сильный шумъ. Въ наступившемъ молчаніи шумъ этотъ растетъ, приближается, опредѣляется; сначала это точно гулъ ожиданія, потомъ отдаленные привѣтственные клики движущейся толпы. Скоро, прорывая безформенный шумъ, начинаютъ все яснѣе слышаться тысячи разъ повторяемые крики: «Ванна! Ванна!.. Наша монна Ванна! Слава моннѣ Ваннѣ! Наша монна Ванна! Ванна! Ванна!» Марко бросается къ портику, ведущему на террассу*). Это Ванна! Она возвращается!.. Вотъ она! Они привѣтствуютъ ее! Слышите! Слышите! (*Борсо и Торелло выходятъ вслѣдъ за нимъ на террассу, Гвидо стоитъ одинъ, прислонившись къ колоннѣ и смотритъ въ даль. Во время послѣдующей сцены крики все усиливаются и быстро приближаются. Марко на террассѣ продолжаетъ:*) О, вся площадь, всѣ улицы, деревья, окна, все сплошь покрыто, головами и машущими руками! Точно всѣ камни, листья и черепицы превратились въ людей! Но гдѣ же Ванна? Я вижу только облако, то расходящееся, то смыкающееся! Борсо, мои старые глаза отказываются служить моей любви. Старость, слезы, опасенія ослѣпляютъ ихъ. Они не находятъ того единственнаго существа, которое хотятъ видѣть! Гдѣ она? Видишь ты ее? Въ какую сторону идти мнѣ ей навстрѣчу?

Борсо (*удерживая его*). Нѣтъ, не ходите. Толпа слишкомъ густая и возбужденная. Они давятъ женщинъ, опрокидываютъ дѣтей. Да это и не нужно, Ванна будетъ здѣсь раньше, чѣмъ вы можете. Она идетъ сюда, вотъ она! Она поднимаетъ голову, она замѣтила насъ. Она спѣшитъ, она смотритъ на насъ и улыбается.

Марко. Такъ вы ее видите! А я все еще не вижу! Ахъ мои полу-

мертвые глаза, они ничего не различаютъ! Первый разъ я проклинаю старость, она научила меня столькимъ вещамъ и скрыла отъ меня эту! Вы видите ее, такъ скажите же, какая она? Видите вы ея лицо?

Борсо. Она возвращается торжествующая. Она точно освѣщаетъ всю толпу, привѣтствующую ее.

Торелло. А кто же это идетъ съ ней рядомъ?

Борсо. Не знаю. Я не могу узнать. Лицо его закрыто.

Марко. Вы слышите, какой восторгъ! Весь дворецъ дрожитъ, и цвѣты падаютъ съ вазъ на баллюстраду. Ступени и мраморныя плиты словно поднимаются подъ нашими ногами и хотятъ унести насъ всѣхъ въ водоворотъ общей радости. Ахъ, я тоже начинаю различать! Толпа подходитъ къ рѣшеткѣ. Я вижу она разступается посерединѣ.

Борсо. Да, толпа раздается передъ Ванной; когда она приближается, она устраиваетъ ей тріумфальный проходъ. Они бросаютъ ей цвѣты, пальмовыя вѣтви, драгоцѣнности. Матери протягиваютъ руки, чтобы она коснулась ихъ дѣтей. Мужчины ложатся на землю и цѣлуютъ камни, на которыя ступали ея ноги. Берегитесь... Они приближаются... Они не владѣютъ собой. Они опрокинутъ насъ, если войдутъ на лѣстницу. Къ счастью со всѣхъ сторонъ сбѣгается стража и преграждаетъ входъ... Я прикажу имъ осадить толпу и запереть рѣшетки, если это еще возможно.

Марко. Нѣтъ! Нѣтъ! Пусть радость разольется здѣсь такъ же свободно, какъ въ ихъ сердцахъ! Что за дѣло до того, что она опрокидываетъ, когда любовь такъ велика! Они довольно настрадались, теперь ихъ освобожденіе можетъ снести всѣ преграды. О, мой бѣдный, мой добрый народъ! Я самъ опьянѣлъ, я самъ готовъ кричать отъ радости вмѣстѣ съ тобой! О, Ванна! моя Ванна! Неужели это ты, ты сама подходишь къ лѣстницѣ? (*Онъ бросается къ ней навстрѣчу, но Борсо и Торелло удерживаютъ его*). Входи, входи, Ванна! Они держатъ меня. Они боятся радости! Иди, иди, Ванна, ты прекраснѣе Юдифи и чище Лукреціи! Иди, иди, Ванна, вся осыпанная цвѣтами! (*Онъ подбѣгаетъ къ мраморнымъ вазамъ, рветъ цвѣты полными пригоршнями и бросаетъ на лѣстницу*). У меня тоже есть цвѣты, чтобы привѣтствовать жизнь. У меня тоже есть лиліи, лавры и розы, чтобы вѣнчать славу! (*Крики восторга становятся все болѣе бѣшеными*).

СЦЕНА II.

Тѣ же, Ванна, Принциваль.

Ванна въ сопровожденіи Принциваля показывается наверху лѣстницы и на послѣдней ступени бросается въ объятія Марко. Толпа заливаетъ всю лѣстницу, террассу, портики, но держится на нѣкоторомъ разстояніи отъ центральной группы, состоящей изъ Ванны, Принциваля, Марко, Борсо и Торелло.

Ванна (*бросаясь въ объятія Марко*). Отецъ мой, я счастлива!

Марко (*крѣпко обнимая ее*). Я тоже счастливъ, дочь моя, такъ

какъ ты вернулась къ намъ! Дай мнѣ посмотрѣть на тебя... Ты вся сіяешь, точно ты спускаешься съ небесъ, торжествующихъ твое возвращеніе. Ужасный врагъ не потушилъ ни одного луча твоихъ глазъ, не отнялъ у тебя твоей улыбки.

Ванна. Отецъ, я скажу вамъ... Но гдѣ же Гвидо? Прежде всего надо облегчить его сердце... Онъ еще не знаетъ...

Марко. Идемъ, Ванна, онъ тутъ... Иди, меня отталкиваютъ, и это, быть можетъ, справедливо. Но тебѣ прощаютъ твою великодушную вину, и я хочу самъ толкнуть тебя въ его объятія, чтобъ мой послѣдній взглядъ сохранилъ вашу любовь... (*Въ эту минуту Гвидо дѣлаетъ шагъ навстрѣчу Ваннѣ. Она хочетъ заговорить и дѣлаетъ движеніе, чтобъ броситься въ его объятія. Но Гвидо рѣзкимъ жестомъ останавливаетъ ее и отталкиваетъ*).

Гвидо (*обращается къ окружающимъ отрывистымъ, рѣзкимъ и повелительнымъ голосомъ*). Оставьте насъ!

Ванна. Нѣтъ! Нѣтъ! Подождите! Гвидо, ты не знаешь... Я сейчасъ скажу тебѣ, я скажу всѣмъ... Гвидо, я возвращаюсь такой же чистой, и никто...

Гвидо (*прерываетъ ее, отталкиваетъ и говоритъ, постепенно возвышая голосъ подъ вліяніемъ гнѣва, все сильнѣе овладѣвающаго имъ*). Не подходи ко мнѣ, ты! Не прикасайся ко мнѣ!.. (*Наступая на толпу, начинающую проникать въ залу и отступающую передъ нимъ*). Вы слышали? Я васъ прошу уйти и оставить насъ однихъ. Вы хозяева у себя, а здѣсь я хозяинъ. Борсо и Торелло, позовите стражу... А! я васъ понимаю! Послѣ праздника вамъ нужно еще представленіе! Но вы не увидите его, оно не для васъ, вы не достойны его... У васъ есть мясо и вино, я уплатилъ за васъ всѣхъ, чего же вы еще ждете? Кажется, мнѣ можно оставить хоть мое горе... Ступайте, ѣшьте и пейте! У меня другія заботы и моихъ слезъ вы не увидите... Убирайтесь, говорю вамъ! (*Молчаливое движеніе въ толпѣ, понемногу удаляющейся*). Нѣкоторые все-таки остаются? Уходите же! (*Беретъ за руку своего отца*). И вы также! Вы, главное! Вы прежде всѣхъ, потому что ваша вина! Вы не увидите моихъ слезъ! Ахъ, я хочу быть одинъ, одинъ какъ въ гробу, больше чѣмъ въ гробу. Я долженъ, наконецъ, узнать, что мнѣ нужно! (*Замѣчая Принцивалля, который не трогался съ мѣста*). А ты?.. Кто ты? Что ты стоишь тутъ закутанной статуей? Что ты—позоръ, или смерть, которая меня выжидаетъ? Уходи, развѣ ты не понимаешь? (*Беретъ аллебарду у одного изъ солдатъ*). Что же? Гнать мнѣ тебя аллебардой? Ты берешься за шпагу? У меня вѣдь тоже есть шпага, но я не пущу ее въ ходъ теперь... Она мнѣ нужна для одного единственнаго человѣка, только для одного... А онъ... Но почему ты закрываешь голову? У меня вовсе нѣтъ охоты забавляться масками... Ты не отвѣчаешь?.. Я хочу видѣть тебя, кто ты такой? Погоди! (*Хо-*

четъ сорвать съ него плащъ. Ванна бросается между нимъ и Принцивалемъ и останавливаетъ его).

Ванна. Не трогай его!

Принциваль (*останавливается удивленный*). А! Ванна?.. Ты, Ванна? Откуда у тебя такая сила?

Ванна. Это онъ спасъ меня...

Гвидо. А! А! онъ спасъ тебя... Спасъ потомъ... когда было уже поздно... Онъ совершилъ великій подвигъ... Лучше бы...

Ванна (*лихорадочно*). Дай же мнѣ, наконецъ, сказать, прошу тебя, Гвидо... Ты поймешь, съ перваго слова... Онъ спасъ меня, понимаешь! Не тронулъ, пощадилъ... Онъ не коснулся меня... Никто меня не касался... Онъ пришелъ подъ моей охраной... Я дала ему слово, твое слово, наше слово... Я возвращаюсь чистой, какъ ушла... Подожди, пока твой гнѣвъ... Дай мнѣ сказать тебѣ... Не бойся... Лучше всѣмъ намъ... Онъ не сказалъ ни слова, не сдѣлалъ ни одного движенія, которыя бы могли...

Гвидо. Да кто же онъ? Кто это?

Ванна. Принциваль.

Гвидо. Кто? Онъ? Какъ? Этотъ? Это Принциваль?

Ванна. Да, да, онъ твой гость. Онъ довѣрился тебѣ. Онъ нашъ спаситель.

Гвидо (*одну минуту стоитъ, пораженный изумленіемъ, потомъ начинаетъ говорить быстро, съ растущимъ возбужденіемъ, мѣшающимъ Ваннѣ прервать его*). О, такъ вотъ что, моя Ванна! О, это точно цѣломудренная роса, падающая съ неба! О, Ванна, моя Ванна! Ты прекрасна! Я люблю тебя, наконецъ, я тебя понялъ! Да, ты была права. Если это было неизбѣжно, надо было поступить именно такъ! Ахъ, я понимаю твою высокую хитрость, еще болѣе высокую, чѣмъ твоя вина! Я не зналъ, я не могъ предвидѣть... Другая убила бы его, какъ Юдифь Олоферна... Но его преступленіе больше, чѣмъ преступленіе Олоферна, и требуетъ болѣе ужаснаго мщенія. Привести его къ его жертвамъ, которыя станутъ его палачами... Какое великолѣпное торжество! Онъ шелъ, увлекаемый твоими поцѣлуями, кротко, нѣжно, какъ барашекъ идетъ за цвѣтущей вѣткой!.. Что намъ до поцѣлуевъ, внушенныхъ ненавистью! Онъ попался въ ловушку... Ты поступила хорошо; если бы ты убила его тамъ, въ его палаткѣ, послѣ ужаснаго преступленія, этого было мало, могло бы еще остаться сомнѣніе, никто его не видѣлъ... Всѣ знали объ ужасномъ торгѣ; надо, чтобы всѣ узнали, чѣмъ искупаютъ такое надруганіе надъ человѣческой природой... Но какъ ты это сдѣлала? Это величайшее торжество для чести женщины... А, ты сама имъ скажешь! (*Бѣжитъ на террассу и кричитъ громовымъ голосомъ*). Принциваль! Принциваль! Врагъ въ нашихъ рукахъ!

Ванна (*хватаясь за него, пытается удержать*). Нѣтъ, нѣтъ, послушай... Это не то... Гвидо, умоляю тебя... Ты ошибаешься, Гвидо...

Гвидо (*освобождается отъ нея и кричитъ еще громче*). Оставь меня, ты увидишь. Они должны узнать... (*Обращаясь къ толпѣ*). Идите сюда, вы должны теперь вернуться... И вы также, отецъ. Нечего просовывать голову между колоннъ. Вы высматриваете, не вмѣшается ли въ мою судьбу какой-нибудь богъ, чтобы исправить причиненное вами зло и принести намъ миръ! Возвращайтесь! Миръ насталъ. Великое чудо свершилось! Пусть самые камни слышатъ и запомнятъ, что сейчасъ произойдетъ! Я уже не прячусь больше, мой позоръ снятъ! Я выйду отсюда чистымъ, какъ самые чистые, счастливымъ, какъ тѣ, кто не знаетъ, что такое утрата! Вы можете привѣтствовать мою Ванну! Я тоже привѣтствую ее съ вами и громче всѣхъ васъ! (*Проталкивая въ залу толпящихся на террассѣ*). На этотъ разъ и для васъ будетъ зрѣлище! Есть въ мірѣ справедливость! Ахъ, я это зналъ, но я не зналъ, что она такъ скоро восторжествуетъ! Я думалъ, что мнѣ придется ждать ее годы и годы! Я думалъ, что буду всю жизнь подстерегать ее всюду, на поворотахъ тропинокъ, въ лѣсахъ, на улицахъ... И вдругъ она является среди этой залы предо мной, передъ нами, на этихъ самыхъ ступеняхъ! Какое чудо свершилось?.. Сейчасъ мы о немъ узнаемъ. Свершила его Ванна! Справедливость явилась, она исполнитъ свое дѣло... (*Обращается къ Марко, взявъ его за руку*). Видите вы этого человѣка?

Марко. Да. Кто это?

Гвидо. Вѣдь вы же его видѣли, вы говорили съ нимъ, вы были его добровольнымъ посломъ... (*Принциваль повертываетъ голову къ Марко, тотъ узнаетъ его*).

Марко. Принциваль! (*Движеніе въ толпѣ*).

Гвидо. Да, это онъ, онъ самъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія... Подойдите же, посмотрите, потрогайте его, поговорите съ нимъ; можетъ быть, у него найдется какое-нибудь новое порученіе... Развѣ я не правъ былъ, суля вамъ чудо? Не бойтесь, подходите, онъ не уйдетъ. Только закройте двери, чтобъ какое-нибудь новое чудо не отняло его у насъ! Но не будемъ пока его трогать! Онъ доставитъ намъ еще много радостей... Посмотрите на него, мои бѣдные братья! Это онъ заставлялъ васъ страдать, онъ хотѣлъ истребить васъ, онъ продавалъ вашихъ женъ и дѣтей! Теперь онъ мой, онъ вашъ, онъ нашъ! Но вамъ онъ не причинилъ такихъ страданій, какъ мнѣ... Сейчасъ я отдамъ вамъ его... (*Обращаясь прямо къ толпѣ*). Вы всѣ здѣсь, вы будете свидѣтелями... Все должно быть ясно... Вы поняли это чудо, это геройство? Ему принадлежала Ванна. Иначе нельзя было... вы всѣ требовали этого... вы ее продали... Я никого не проклинаю. Что сдѣлано, то сдѣлано, вы имѣли право предпочесть свою жизнь моему бѣдному счастью... Но что вы можете сдѣлать, чтобъ воскресить убитую любовь? Вы съумѣли только уничтожить; надо возстановить! И вотъ Ванна сдѣлала это. Она сдѣлала лучше, чѣмъ Лукреція или

Юдифь! Лукреція убила себя; Юдифь убила Олоферна... Это слишкомъ просто, слишкомъ скрытно! Ванна никого не станетъ убивать подъ покровомъ палатки, она привела сюда жертву живою для всенароднаго закланія... Мы сами сотремъ позоръ, который мы же и навлекли... Какъ она это сдѣлала? Она сейчасъ скажетъ намъ...

Ванна. Да, я скажу вамъ, но совсѣмъ не это!..

Гвидо (*прерывая Ванну, обнимаетъ ее*). Дай, я сперва обниму тебя, чтобы всѣ знали...

Ванна (*съ силой отталкивая его*). Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ еще! Нѣтъ, никогда больше, если ты не выслушаешь меня! Слушай же, Гвидо! Здѣсь дѣло идетъ о настоящей чести и о другомъ счастьи, не о тѣхъ, которыя помутили твой разумъ! Я рада, что всѣ вернулись... Они, быть можетъ, скорѣе, чѣмъ ты, меня услышатъ, скорѣе, чѣмъ ты, меня поймутъ. Выслушай меня, Гвидо, я не позволю тебѣ обнимать меня, прежде чѣмъ ты узнаешь...

Гвидо (*снова обнимаетъ ее, прерывая*). Я узнаю, все узнаю, но, прежде всего я...

Ванна. Да слушай же, говорю тебѣ! Я никогда не лгала, но сегодня я скажу всю правду до конца, такую правду, какую говорятъ только разъ, которая убиваетъ или даритъ жизнь... Слушай, Гвидо, и смотри на меня, если ты не видѣлъ меня до сихъ поръ. Теперь ты первый и единственный разъ можешь полюбить меня такъ, какъ я хочу быть любимой... Я говорю теперь во имя нашей жизни, во имя всего, что во мнѣ есть, всего, чѣмъ ты мнѣ былъ... Будь способенъ повѣрить тому, что кажется невѣроятнымъ. Этотъ человѣкъ не обладалъ мной... Его ничто не связывало,—ему меня отдали... И я выхожу изъ его палатки, какъ изъ дома брата... Онъ не прикоснулся ко мнѣ...

Гвидо. Почему?

Ванна. Потому что онъ любитъ меня!

Гвидо. А, такъ вотъ что ты хотѣла сказать намъ... Такъ вотъ оно—чудо! Да, да, я въ первыхъ же словахъ почувствовалъ что-то непонятное. Это блеснуло молніей. Я не вдумывался... Я приписалъ это твоему смятенію, ужасу, помутившему мысль... Но теперь я вижу, что надо смотрѣть проще... (*Внезапно мѣняетъ тонъ на болѣе спокойный*). Итакъ, ты приходишь къ нему, въ его палатку одна, почти обнаженная, проводишь всю ночь, и онъ не обладалъ тобой?

Ванна (*съ силой*). Нѣтъ!

Гвидо. Онъ не дотрогивался до тебя, не обнималъ тебя?

Ванна. Я только разъ поцѣловала его въ лобъ, и онъ отвѣтилъ мнѣ тѣмъ же...

Гвидо. Въ лобъ! Въ лобъ!.. Посмотри на меня, Ванна... Неужели я похожъ на человѣка, котораго можно увѣрить, что звѣзды—это зерна чемерицы, и что можно погасить луну, плюнувъ въ колодецъ!

Чѣмъ я далъ поводъ?.. Нѣтъ, я замолчу... Я не хочу губить насъ безвозвратно... Я не понимаю, какая у тебя цѣль. Или въ бреду этой ночи поколебался твой разсудокъ, или мой...

Ванна. Это не бредъ, это истинная правда.

Гвидо. Правда, великій Боже!. Только правды я и ищу! Но должна же она быть хоть сколько-нибудь понятной, человѣческой!.. Какъ! Человѣкъ желаетъ тебя до такой степени, что измѣняетъ родинѣ, продаетъ все за одну ночь, губитъ себя навсегда, позорно себя губитъ, рѣшается на то, на что никто никогда не рѣшался, отрѣзываетъ себя отъ всего міра... И ты во власти этого человѣка, одна, обнаженная у него въ палаткѣ; передъ нимъ ничего, кромѣ этой ночи, купленной такой цѣной, и этотъ человѣкъ довольствуется однимъ поцѣлуемъ въ лобъ и является сюда увѣрять насъ въ этомъ? Нѣтъ, есть же предѣлъ! Не издѣвайтесь такъ долго надъ горемъ... Если онъ не требовалъ ничего другого, для чего же онъ заставилъ весь народъ переживать такую ночь, для чего онъ повергъ меня въ такое отчаяніе, отъ котораго я чуть съ ума не сошелъ и состарѣлся на десять лѣтъ? Ахъ, если ему нуженъ былъ только поцѣлуй въ лобъ, онъ могъ бы спасти насъ, не подвергая такимъ терзаніямъ. Онъ просто явился бы къ намъ, словно Богъ, съ вѣстью спасенія. А онъ!.. Нѣтъ... Такъ поцѣлуя въ лобъ не требуютъ, такъ его не подготовляютъ! Правду открываютъ наши вопли, наше отчаянье... Нѣтъ, я не могу быть судьей; это дѣло, мое собственное дѣло, и мнѣ трудно видѣть ясно... Пусть судятъ другіе и рѣшаютъ за меня. (*Обращаясь къ толпѣ*). Вы слышали? Я не знаю, почему она говоритъ такъ... Но то, что она говорила—сказано, судите же... Вы-то должны ей вѣрить, вѣдь она спасла васъ! Скажите же, вѣрите вы ей? Пусть тотъ, кто вѣритъ ей, выйдетъ изъ толпы и опровергнетъ предъ нами здравый смыслъ человѣческій! Мнѣ бы любопытно поглядѣть на него! (*Марко одинъ выходитъ изъ толпы, гдѣ слышенъ только робкій, неясный шопотъ*).

Марко (*поспѣшно выходитъ на сердину сцены*). Я вѣрю ей.

Гвидо. Вы ихъ сообщникъ... Но остальные, другіе! Гдѣ же они? Кто ей вѣритъ? (*Ваннѣ*). Ты слышала ихъ? Ты ихъ спасла, но и ихъ останавливаетъ тотъ хохотъ, который огласилъ бы залу... даже тѣ, кто что-то шепталъ тамъ, не рѣшаются показаться... А я, я обязанъ...

Ванна. Они не обязаны мнѣ вѣрить, но ты, ты вѣдь любишь меня...

Гвидо. А! Я люблю тебя, и потому долженъ не видѣть обмана!

Ванна. Посмотри на меня, Гвидо... Я вкладываю всю свою силу, всю свою честность, все, чѣмъ я тебѣ обязана, въ этотъ послѣдній взглядъ... Этотъ человѣкъ не обладалъ мной! Это истина!

Гвидо. Хорошо, очень хорошо... Больше мнѣ ничего не нужно... Теперь я все знаю... Да, это истина, или, вѣрнѣе, любовь... Теперь я понимаю... Ты хотѣла спасти его... Я не знаю, какъ одна ночь могла настолько измѣнить женщину, которую я такъ любилъ... Но спасать его

надо было иначе... (*Возвышая голосъ*). Вы, всѣ, слушайте меня... въ послѣдній разъ! Я сейчасъ дамъ клятву! Я еще цѣпляюсь за край бездонной пропасти!.. Еще минута, и руки мои сорвутся... Я не хочу губить ее... Слышите вы меня? Голосъ мой потерялъ свою силу... Подойдите ближе, если нужно. Вы видите эту женщину и этого человѣка? Ясно, что они любятъ другъ друга... Такъ вотъ,—не забудьте: я взвѣшиваю всякое слово, какъ взвѣшиваютъ лекарство у изголовья умирающаго,—они выйдутъ отсюда съ моего согласія, свободно, безъ насилія, безъ оскорбленій, возьмутъ съ собой все, что захотятъ. Дайте имъ дорогу. Привѣтствуйте ихъ, бросайте имъ цвѣты, если хотите... они пойдутъ, куда повлечетъ ихъ безуміе любви... пусть только эта женщина, которая была нѣкогда моей женой, скажетъ мнѣ правду, единственную возможную правду. Только это еще я люблю въ ней, только этимъ она отплатитъ мнѣ за все, что я для нея сдѣлаю... Поняла ты, Ванна? Обладалъ тобой этотъ человѣкъ? Да или нѣтъ? Отвѣчай мнѣ; больше мнѣ ничего не нужно... Это не испытаніе и не ловушка. Я далъ клятву. Они всѣ свидѣтели.

Ванна. Я сказала правду... онъ не прикасался ко мнѣ...

Гвидо. Хорошо! Ты сказала. Ты сама произнесла надъ нимъ приговоръ. Теперь ужъ ничего не подѣлаешь. Теперь я пробуждаюсь. (*Подходитъ къ стражѣ и указываетъ ей Принцивален*). Человѣкъ этотъ принадлежитъ мнѣ, возьмите его, свяжите его, сведите его въ самое глубокое подземелье подъ этой залой... Я спущусь вслѣдъ за вами. (*Ваннѣ*). Вы не увидите его больше, и я приду сообщить вамъ настоящую истину, которую мы скоро узнаемъ изъ его послѣднихъ словъ.

Ванна (*кидаясь въ средину стражи, окружившей Принцивалея*). Нѣтъ! нѣтъ! Онъ мой! Я солгала! я солгала! Онъ овладѣлъ мной! онъ овладѣлъ мной! онъ обладалъ мной! (*Отстраняя стражу*). Отойдите, вы! Не отнимайте у меня моей доли! Онъ принадлежитъ мнѣ одной! Я хочу собственными руками... Подло, низко, обманомъ онъ овладѣлъ мной, да, онъ овладѣлъ мной!

Принцивалъ (*пытаясь заглушишь ея голосъ*). Она лжетъ! Она лжетъ, чтобы спасти меня, но никакая пытка...

Ванна. Молчите. (*Обращаясь къ народу*). Онъ боится! (*Приближаясь къ Принцивалю, какъ будто для того, чтобы связать ему руки*). Дайте же мнѣ веревки, цѣпи, кандалы! Теперь, когда моя ненависть нашла исходъ, я сама закую его, я сама предамъ его. (*Тихо Принцивалю, связывая ему руки*). Молчи!.. Это спасетъ насъ!.. Молчи, это соединяетъ насъ!.. Я принадлежу тебѣ, я тебя люблю!.. Дай мнѣ связать тебя... Я буду твоимъ стражемъ, я освобожу тебя... мы бѣжимъ... (*Кричитъ, точно желая принудить Принцивалея молчать*). Молчите! (*Толпѣ*). Онъ умоляетъ меня вполголоса! (*Открываетъ лицо Принцивалея*). Взгляните на это лицо. На немъ еще видны слѣды этой ужасной ночи! (*Пріоткрывая свой плащъ на окровавленномъ плечѣ*). У меня

тоже остался знакъ! Страшная ночь любви! Посмотрите на него! Вотъ онъ! Онъ ужасенъ и низокъ! (*Замѣчая, что стража дѣлаетъ движеніе, чтобы увести Принциваля*). Нѣтъ, нѣтъ, оставьте его мнѣ! Это моя добыча! Я хочу, чтобы онъ принадлежалъ мнѣ одной!.. Стерегите его! Держите его!.. Видите, онъ хочетъ бѣжать!

Гвидо. Зачѣмъ же онъ пришелъ?.. Зачѣмъ ты лгала?

Ванна (*колеблется, подыскивая слова*). Я солгала... я не знаю... я не хотѣла говорить... Слушай, теперь... Да, да, ты все поймешь... Не всегда знаешь, что дѣлаешь... Нельзя предвидѣть... Когда я пошла туда, нѣтъ, я не думала.. Но случаются такія вещи... Да, да, ты узнаешь сейчасъ, завѣса сорвана! Тѣмъ хуже для тебя, ты самъ пожелалъ этого... Я боялась тебя... Я боялась твоей любви и твоего отчаянія. Но ты самъ хочешь... хорошо же! Я скажу тебѣ... (*Голосомъ болѣе спокойнымъ и увѣреннымъ*). Нѣтъ, нѣтъ, у меня не было той мысли, которую ты высказалъ... Я не думала привести его къ жестокимъ палачамъ, чтобы вмѣстѣ отомстить ему... Моя мысль не была такъ прекрасна, но я больше любила тебя... Я вела его на жестокую смерть, но я хотѣла, чтобы позорное воспоминаніе объ этой позорной ночи не висѣло надъ тобой до конца нашихъ дней... Я бы отомстила ему одна, во мракѣ и тишинѣ. Я убивала бы его медленно, постепенно, пока его кровь, падая капля за каплей, не смыла его преступленія... Ты не узналъ бы никогда ужасной истины, и ужасное воспоминаніе не вставало бы тѣнью, смущая наши поцѣлуи... Я боялась, сознаюсь въ этомъ, что ты, вспоминая эту ужасную картину, не въ состояніи будешь любить меня... Это было безумно, я знаю, я требовала слишкомъ многаго... Я желала невозможнаго. Но ты все узнаешь... (*Обращаясь къ толпѣ*). Такъ много сказано, что уже не время щадить нашу любовь, надо, чтобы вы поняли... Я все скажу, а вы будьте судьями... Вотъ что я сдѣлала... Этотъ человѣкъ овладѣлъ мной подло, низко, я уже сказала вамъ... Я хотѣла убить его, и мы боролись... Но онъ обезоружилъ меня... Тогда я увидѣла возможность мести болѣе ужасной, и я улыбнулась ему. Онъ повѣрилъ моей улыбкѣ... Ахъ, мужчины всѣ безумны! Обманывать ихъ справедливо! Они обожаютъ ложь! Когда имъ показываютъ жизнь, они думаютъ, что это смерть! Когда имъ предлагаютъ смерть, они принимаютъ ее за жизнь!.. Онъ думалъ, что овладѣлъ мной, а въ дѣйствительности я овладѣла имъ! Теперь онъ въ могилѣ, и я сама запечатаю ее! Надо было привести его, награждая поцѣлуями, какъ послушнаго ягненка... Теперь онъ въ моихъ рукахъ, и онѣ уже не выпустятъ его! А, мой прекрасный Принциваль! Ты узнаешь такіе поцѣлуи, какихъ еще никто не зналъ!

Гвидо (*приближаясь*). Ванна!

Ванна. Посмотри на него ближе! Онъ полонъ надежды! Онъ сейчасъ же повѣрилъ мнѣ, какъ только я сказала ему: «Принциваль, я люблю тебя!..» Ахъ, онъ пошелъ бы за мной въ самый адъ!.. Я цѣло-

вала его такъ. (*Она страстно цѣлуетъ его*). Джіанелло, я люблю тебя! Цѣлуй же меня! Это поцѣлуи истинной любви! (*Оборачиваясь къ Гвидо*). Онъ и теперь цѣлуетъ меня! Ахъ, отъ этого ужаса недалеко до смѣха!.. Теперь онъ мой! Создатель! Онъ мой передъ Богомъ и людьми! Я хочу, чтобъ онъ былъ мой и онъ будетъ моимъ! Это награда за мою ночь, великолѣпная награда! (*Она пошатывается и удерживается за колонну*). Берегитесь, я падаю! Я не выдержу этой радости! (*Задыхающимся голосомъ*). Отецъ, поручаю его вамъ, пока мои силы... Пусть его уведутъ, пока... Пусть найдутъ въ подземельи такую темницу, куда не могъ бы никто... И ключъ будетъ у меня! И у меня будетъ ключъ! Пусть мнѣ его дадутъ сейчасъ же! И пусть никто не трогаетъ его!.. Это моя доля, я хочу получить ее цѣликомъ! Гвидо! Онъ принадлежитъ мнѣ! (*Дѣлаетъ шагъ къ Марко*). Отецъ, онъ принадлежитъ мнѣ, и вы за него отвѣчаете. (*Пристально смотритъ на Марко*). Вы понимаете, отецъ? Вы его сторожъ. Пусть ни одна тѣнь оскорбленія не коснется его лица, чтобы мнѣ его вернули, когда у меня будутъ, наконецъ, силы отмстить за себя! (*Принцивалля уводятъ*). Прощай, мой Принцивалль... О, мы увидимся еще! (*Въ то время, какъ Гвидо съ солдатами уводитъ Принцивалля, Ванна вскрикиваетъ, пошатывается и падаетъ на руки Марко, бросившагося поддержать ее*).

Марко (*быстро, вполголоса, наклоняясь къ Ваннѣ*). Да, Ванна, я понялъ... Я понялъ твою ложь... Ты сдѣлала невозможное... Жизнь имѣетъ свои права... Очнись, Ванна. Надо продолжать лгать, такъ какъ намъ не вѣрятъ. (*Зоветъ Гвидо*). Гвидо, она зоветъ тебя... Гвидо, она приходитъ въ себя.

Гвидо (*подбѣгаетъ и беретъ Ванну въ свои объятія*). Моя Ванна... Она улыбается... Моя Ванна, отвѣчай мнѣ... Открой глаза, Ванна... Ну посмотри же на меня... Я никогда не сомнѣвался... Теперь все кончено, и все будетъ забыто въ упоеніи мести... Все это былъ лишь дурной сонъ...

Ванна. (*Открывая глаза, слабымъ голосомъ*). Гдѣ онъ? Да, я знаю... Но дайте мнѣ ключъ... Ключъ отъ тюрьмы. Не надо, чтобы другіе...

Гвидо. Стража вернется сейчасъ... Они принесутъ тебѣ ключъ.

Ванна. Я хочу, чтобъ онъ былъ у меня, чтобы я знала, чтобы никто другой... Это былъ дурной сонъ... Теперь начнется хорошій... Теперь начнется хорошій...

ПѢВЦЫ.

Сонетъ.

Пѣвцы прекраснаго, туманъ сомнѣній мрачныхъ
Для васъ не затемнилъ кастальскихъ водъ хрусталь,
Въ струяхъ поэзіи холодныхъ и прозрачныхъ
Не скрыли вы завѣтную печаль.

Для васъ крушеній нѣтъ и нѣтъ огней маячныхъ,
Утесы грозные пугаютъ васъ едва-ль,
И вы съ довѣрчивой улыбкой новобрачныхъ
Глядите предъ собой въ заманчивую даль.

Картину знаю я: тюремный дворъ сырой...
Онъ кажется еще мрачнѣй и непріютнѣй
Въ холодномъ сумракѣ; вечернею порой
Присѣлъ въ углу его пѣвецъ безпечный съ лютней,
И тамъ, гдѣ мракъ и смерть, и камень, и чугунъ,
Онъ сыплетъ золото своихъ пѣвучихъ струнъ.

О. Чюмина.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ *).

Второй періодъ «легисломаніи» Екатерины (1775—1785).—Обстоятельства, побудившія ее вернуться къ законодательнымъ работамъ.—Вліяніе пугачевщины: ея соціально-политическая программа и дворянскія демонстраціи Екатерины.—Вліяніе депутатскихъ наказовъ.—Вліяніе Блэкстона.—Вліяніе остзейскихъ учрежденій.—Выборныя должности Учрежденія о губерніяхъ.—Идейный вкладъ Екатерины въ У. о. г.—Идеалъ и дѣйствительность дворянскаго самоуправленія.—Стремленіе пріурочить его къ службѣ и чину.—Значеніе губернскихъ учрежденій для распространенія дворянской культуры въ провинціи.—Общій планъ екатерининскихъ преобразованій.—Исключеніе изъ него крестьянскаго вопроса.—Характеръ жалованныхъ грамотъ сословіямъ.—Предположенія о реформѣ центральныхъ учрежденій.—Причины, почему эти предположенія были отложены.

«Недоразумѣніе», о которомъ мы говорили въ началѣ предыдущей главы, разсѣялось. Власть и общественное мнѣніе пошли различными путями, и когда эти пути пересѣклись вновь, ихъ встрѣча была, какъ увидимъ, далеко не дружественнаго характера. Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ этому столкновенію, намъ слѣдуетъ познакомиться ближе съ путями, избранными властью.

Выборъ этотъ происходилъ при трудныхъ обстоятельствахъ, и нельзя отрицать что,—при этихъ обстоятельствахъ,—онъ въ значительной степени оказался вынужденнымъ. Однако, въ трудныхъ обстоятельствахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, не было ничего, что не было бы подготовлено предыдущимъ общимъ положеніемъ дѣлъ. И, въ этомъ смыслѣ, окончательный выборъ направленія внутренней политики не былъ чѣмъ либо новымъ и неожиданнымъ. Краски сгустились; очертанія стали рельефнѣе; но, въ общемъ, это тотъ же тонъ, тѣ же тенденціи, которыя намѣтились у Екатерины давно, какъ мы могли видѣть и изъ нашего предыдущаго изложенія.

1774 годъ былъ однимъ изъ тяжелыхъ годовъ для Екатерины. Съ турецкаго театра войны до самаго конца іюля получались свѣдѣнія одно неудовлетворительнѣе другого. Внутри имперіи разгоралась жакерія, грозившая принять небывалые размѣры. Слухъ за слухомъ приходилъ изъ Москвы, что чернь волнуется, что тюрьмы переполнены открытыми сторонниками Пугачева, что губернаторъ принужденъ былъ

*) См. «М. Б.» 1901 г., дек.

стрѣлять въ мятежную толпу, что 18 человѣкъ повѣшено. Дворянство, въ свою очередь, нервничало и не скрывало своего раздраженія противъ правительства, которое не умѣетъ его защитить. И среди этой, переполненной политическою отравою атмосферы, раскрылась старая рана екатерининскаго правленія,—вопросъ о ея отношеніи къ наслѣднику престола. Все, что притаилось при самомъ дворѣ оппозиціоннаго, заговорило или, предполагалось, должно было заговорить. Герои и участники и даже простые свидѣтели переворота 1762 года, казалось, самымъ своимъ присутствіемъ снова напоминали про непрочность положенія Екатерины. Этотъ психологическій моментъ окончательно толкнулъ императрицу отъ Орловыхъ и Чернышевыхъ къ Потемкину. Но Потемкинъ былъ только надежной точкой опоры, точкой приложенія силы; силой осталась сама Екатерина. И, надо сказать, она обнаружила гибкость и энергію, которыя помогли ей справиться съ трудностью положенія. Утѣшая вскорѣ послѣ того Роберта Гуннинга, англійскаго представителя,—который, правда, ждалъ отъ нея войскъ, а не утѣшеній, въ затруднительномъ положеніи Англіи,—Екатерина обмолвилась нѣсколькими искренними словами о своихъ собственныхъ затрудненіяхъ, только что пережитыхъ ею. «Повѣрьте мнѣ, я не основывала своей надежды на успѣхъ на какомъ-либо *одномъ* средствѣ дѣйствія. Есть моменты, когда не приходится быть слишкомъ ригористичной». И дѣйствительно, мы видимъ не одну, а нѣсколько Екатеринъ, борящихся съ приливомъ, готовымъ ее захлеснуть. Она осыпаетъ золотомъ перваго встрѣчнаго шарлатана, явившагося съ Поволжья съ предложеніемъ выдать или убить Пугачева; и она же обращаетъ всю пугачевщину въ шутку въ своей литературно-дипломатической болтовнѣ съ Вольтеромъ, Гриммомъ и мадамъ Бьельке. Она отдаляетъ вѣрныхъ друзей, привыкшихъ дѣлить съ ней власть, и дѣлаетъ будирующаго противъ нея, но безопаснаго честолюбца Панина—усмирителемъ пугачевщины. Она отмѣняетъ, послѣ трудной и дорогой войны, рядъ податей, чтобы доказать, что русскіе финансы въ блестящемъ положеніи; и она выбираетъ Москву, средоточіе оппозиціи, ареной своихъ блестящихъ празднествъ по поводу заключенія мира. Напрасно близорукіе партизаны, въ родѣ Сиверса, всѣми силами отговариваютъ ее отъ этого путешествія въ Москву. Екатерина лучше ихъ понимаетъ значеніе политической mise en scène, и съ той же демонстративностью, съ какой она устраивала въ Москвѣ открытіе своей Комиссіи, она выбираетъ это же самое мѣсто для продолженія своихъ законодательныхъ трудовъ. Да, она, наконецъ, будетъ продолжать эти труды: не только потому, что всѣ этого ждутъ отъ нея въ Европѣ, что сама жизнь требуетъ реформъ, сколько потому, что теперь—это козырь въ ея рукахъ, одинъ изъ «инструментовъ царствованія»; потому что, какъ она хорошо понимаетъ сама, даже и безъ совѣтовъ Бибикова, однихъ палліативовъ и зрѣлищъ мало, чтобы побороть общее недоволь-

ство; потому наконецъ, что это ея профессія и ея спеціальность «дѣлать людей довольными»,—тѣхъ людей, которые ей нужны,—и потому что для этой цѣли у нея есть, какъ она увѣрена, большой запасъ рецептовъ и средствъ.

Изъ этого запаса она, конечно, пуститъ въ дѣло тѣ средства, которыя требуются данной минутой. Всмотримся внимательнѣе въ главный фактъ, послужившій психологическимъ толчкомъ для новаго прилива екатерининской «легисломаніи», и мы легко поймемъ, что и почему поставлено было на ближайшую очередь.

Главнымъ толчкомъ было, конечно, то положеніе вещей, которое съ особенной ясностью было обнаружено пугачевщиной. Пугачевщина, какъ *фактъ*, могла быть устранена смѣлой операціей. Пугачевщина, какъ *симптомъ*, требовала систематическаго и продолжительнаго леченія.

Въ своемъ происхожденіи, пугачевщина была однимъ изъ давно знакомыхъ Москвѣ проявленій борьбы между рядовымъ казачествомъ и казацкой аристократіей Въ этой соціальной борьбѣ московская политика постоянно стремилась дать перевѣсъ казацкой старшинѣ надъ казачествомъ, казачеству надъ посполъствомъ (крестьянствомъ). Но иногда правительству поневолѣ приходилось поддерживать демократическіе элементы, — когда болѣе вліятельныя общественныя группы слишкомъ уже открыто обнаруживали автономистскія стремленія или вступали въ сношенія съ поляками и турками. Во второй половинѣ XVIII вѣка положеніе дѣла значительно перемѣнилось. Съ одной стороны, уже не было больше основаній опасаться, что казацкая старшина *восточной* русской окраины войдетъ въ союзъ съ политическими врагами Россіи. Съ другой стороны, соціальный процессъ закрѣпощенія посполъства и присвоеніе казацкихъ земель въ частную собственность старшиной—къ этому времени почти завершился; и этотъ быстрый ростъ земельной силы новой казацкой аристократіи отлично гармонировалъ съ ростомъ шляхетскихъ тенденцій въ самой Россіи. Вотъ почему политика Петербурга на Дону и особенно на Волгѣ уже совсѣмъ не представляетъ даже тѣхъ, чисто внѣшнихъ заигрываній съ казацкой демократіей, какихъ нечужда была политика Москвы на Днѣпрѣ. Старшинская партія стала здѣсь окончательно — правительственной, а войсковая—оппозиціонной. Новорожденное казацкое дворянство и старшинская бюрократія быстро сознали свою солидарность съ дворянствомъ и бюрократіей имперіи. И еще быстрѣе простой народъ, закрѣпощаемый тѣмъ и другимъ дворянствомъ, долженъ былъ признать въ обоихъ своего общаго врага;—тѣмъ болѣе, что притокъ бѣглыхъ переселенцевъ изъ центра на окраины никогда не прерывался и приносилъ съ собой постоянно свѣжую струю соціальной вражды, обостряемой еще болѣе крѣпостническими стремленіями мѣстной казацкой старшины. Этой солидарностью чувствъ и интересовъ обѣихъ соціальныхъ

группъ въ центрѣ и на окраинѣ объясняется, почему движеніе, вначалѣ специфически казацкое, антистаршинское, такъ легко и быстро перекинулось изъ только что начавшей заселяться территоріи казаковъ и инородцевъ въ черту тоже не особенно стараго помѣщичьяго землевладѣнія и крѣпостного права. Пугачевскія прокламаціи не оставляли никакого сомнѣнія относительно соціальнаго характера движенія. Главная цѣль его — истребленіе «тѣхъ проклятаго рода дворянъ, которые, не насытясь Россіею, но и природныя казачьи войска хотѣли раздѣлить въ крестьянство и истребить казачій родъ». «Всему свѣту извѣстно,— заявлялось въ прокламаціи одного изъ сообщниковъ Пугачева,—сколько во изнуреніе приведена Россія. Отъ кого-жъ? Вамъ самимъ то небезызвѣстно. Дворянство обладаетъ крестьянами; но хотя въ законѣ Божіемъ и написано, чтобы они крестьянъ такъ же содержали, какъ и дѣтей, но они... хуже почитали собакъ своихъ, съ которыми гонялись за зайцами. Компанейщики завели премножество заводовъ и такъ крестьянъ работой утрудили, что и въ ссылкахъ того никогда не бываетъ». Самъ Пугачевъ не упускалъ случая объяснять, что и потерпѣлъ онъ, и лишевъ былъ престола—за свою попытку улучшить положеніе крестьянъ: за то, что хотѣлъ перевести дворянство на жалованье, а земли вернуть крестьянамъ *). Конечно, есть въ прокламаціяхъ и другіе мотивы: тягости со стороны государства (подушная подать и рекрутчина) и перемѣна вѣры. Но и эти оба мотива ставятся въ самую тѣсную связь съ главнымъ, антидворянскимъ. «Отъ прописанныхъ злодѣевъ дворянъ древняго святыхъ отецъ преданія законъ христіанскій нарушенъ и поруганъ, а вмѣсто того съ ихъ зловреднаго умысла, съ нѣмецкихъ обычаевъ, введенъ въ Россію другой законъ, и самое богомерзкое брадобритіе и разныя христіанской вѣрѣ, какъ въ крестѣ, такъ и въ прочемъ, неистовства; и подвергнули, кромѣ (т.-е. вопреки) нашей монаршей власти, всю Россію себѣ въ подданство, съ наложеніемъ великихъ отягощеніевъ и доводя ее до самой и крайней гибели». Исходъ намѣчался самъ собою: замѣнить дворанское войско—казацкимъ; тогда не нужно будетъ ни помѣщичьихъ, ни государственныхъ сборовъ, ни рекрутчины. «Вѣрноподданныхъ» Пугачева ожидала «вольность, безъ всякаго требованія въ казну подушныхъ и прочихъ податей и рекрутовъ набору; войско *изъ вольножелающихъ* въ службѣ великое исчисленіе имѣть будетъ; дворянство крестьянъ своихъ великими работами и податями отягощать не будутъ, понеже каждый восчувствуетъ прописанную вольность и свободу».

Современники хорошо понимали, что сила Пугачева не въ немъ самомъ, а въ этой соціально-политической программѣ, которая съ своего рода необходимостью вытекала изъ всей вѣковой исторіи крестьянства и явилась неизбѣжвымъ, неустранимымъ выраженіемъ его клас-

*) Ср. Очерки, I, стр. 214—215 (4 изд.).

соваго самосознанія. (Ср. «Оч.», I, 138—139, 209 и слѣд.). Въ этомъ смыслѣ, вся крестьянская Россія была пугачевской. «Не вездѣ ль опасность одинакова? И не весь ли черный народъ вообще, когда не въявь, такъ въ сердцахъ своихъ—бунтуетъ и готовъ поднять на насъ свои руки?» Такъ спрашивалъ себя, всего въ 60-ти верстахъ отъ Москвы, помѣщикъ Болотовъ, смущенный слухами о приближеніи Пугачева. Единственной гарантіей противъ «этихъ бородачей» Болотовъ считалъ, что ему случилось быть въ тотъ моментъ не въ своей, а въ государственной деревнѣ. «Тамъ наши люди первые могли бы быть нашими злодѣями и врагами, а здѣшнимъ мы—сторона дѣло. *Ничѣмъ мы имъ еще не нагрубили*». И однако, и въ этихъ ожиданіяхъ Болотовъ ошибся. Обратившись къ новобранцамъ, собраннымъ противъ Пугачева, съ увѣщаніемъ «драться хорошенько», онъ услышалъ отъ одного изъ нихъ самый недвусмысленный отвѣтъ. «Да, сказалъ онъ мнѣ на сіе, злодѣйски усмѣхаясь; сталъ бы я бить свою братью! А развѣ васъ, бояръ, такъ готовъ буду десятерыхъ посадить на копье сіе!» Не мудрено, что тотъ же Болотовъ,—писатель и интеллигентъ, какъ мы знаемъ,—будучи допущенъ вмѣстѣ съ другими «дворянами и господами» къ самому эшафоту Пугачева, вынесъ изъ зрѣлища казни одно только чувство—сословнаго удовлетворенія этимъ «истиннымъ торжествомъ дворянъ надъ симъ общимъ ихъ врагомъ и злодѣемъ» *).

Политика власти, когда приходилось выбирать между противоположными интересами дворянства и крестьянства, намъ хорошо извѣстна. Мы видѣли, что уже Иванъ Грозный, впервые выставившій демократическо-монархическую программу, разумѣлъ подъ своимъ демократизмомъ собственно защиту интересовъ служилаго «воинства». То же самое «воинство», опираясь на которое Грозный «игралъ» со знатью, «какъ съ младенцами», вынесло на своихъ плечахъ смуту и посадило на престолъ новую династію. Взамѣнъ того, оно получило право свободнаго распоряженія крѣпостнымъ трудомъ и значительную долю участія въ выгодахъ установившагося бюрократическаго режима. Наконецъ, на то же «воинство» предпочиталъ опираться и Петръ Великій въ борьбѣ съ своими многочисленными врагами **). Зато, самъ того не сознавая, онъ посѣялъ зародыши сословныхъ привилегій въ западно-европейскомъ смыслѣ среди излюбленнаго имъ гвардейскаго офицерства. Теперь эти сѣмена принесли свой плодъ. Корпоративное сознаніе зародилось; не хватало только корпоративной организаціи, и эту орга-

*) Съ другимъ чувствомъ—«отвращенія», боровшагося съ любопытствомъ—ушелъ отъ того же эшафота пятнадцатилѣтній И. И. Дмитріевъ, писатель слѣдующаго, Карамзинскаго поколѣнія. «Чувствительное сердце его» (онъ говоритъ про своего брата эти слова, которыя можно отнести и къ нему самому и ко всему поколѣнію) уже «не могло выносить такого позорища».

**) См. Очерки, III, 1, стр. 65, 77—89, 147—149.

низацію предстояло дать Екатеринѣ, чтобы успокоить недовольство, вызванное въ дворянствѣ успѣхами пугачевщины.

Для начала Екатерина поспѣшила—еще во время самой борьбы и въ интересахъ ея успѣха—признать свое дѣло солидарнымъ съ дѣломъ дворянства. Когда, по вызову Бибикова, казанское дворянство постановило сформировать особый конный корпусъ, Екатерина велѣла передать дворянамъ, что она, въ виду пожертвованія ихъ, «поставляетъ себѣ тѣмъ сугубѣйшимъ долгомъ—цѣлость, благосостояніе и безопасность ихъ ничѣмъ нераздѣлимою почитать съ собственною нашею и имперіи нашей безопасностію и благосостояніемъ». Съ своей стороны, «*яко помѣщица той губерніи*», императрица приказывала поставить въ дворянскій корпусъ рекрутъ съ дворцовыхъ волостей. Демонстрація Екатерины вызвала высокопарный отвѣтъ дворянства, написанный Державинымъ. По старинному дворяне умилялись, что императрица «пріемлетъ на себя рабье названіе», и, переходя въ новый тонъ, восклицали: «признаемъ тебя своею помѣщицею: принимаемъ тебя въ свое товарищество; когда угодно тебѣ, равняемъ тебя съ собою. Но за сіе и ты ходатайствуй за насъ у престола величества твоего».

Эту роль—ходатая передъ самой собой за дворянство—Екатеринѣ не трудно было выполнить послѣ всего того, что было сказано и сдѣлано депутатами ея Комиссіи отъ собственнаго имени дворянства. Насущныя потребности и корпоративныя тенденціи дворянъ были ей хорошо извѣстны изъ наказовъ и рѣчей, изъ преній и баллотировокъ по вопросу «о правахъ благородныхъ». Но прежде чѣмъ мы перейдемъ къ тому, что Екатерина взяла изъ этого источника, намъ надо познакомиться съ идеологическими источниками сословнаго законодательства Екатерины.

Источники эти были такъ же не похожи на прежнихъ вдохновителей Екатерины, какъ не похожъ былъ и ея новый пріемъ подготовки законопроектовъ—наединѣ съ собой, въ собственномъ кабинетѣ, иногда съ однимъ - двумя экспертами, призываемыми ad hoc, — на старую форму шумныхъ преній въ Комиссіи. Провозвѣстниковъ новыхъ абстрактныхъ идей, теоретиковъ «общаго блага», «благодѣтелей человѣчества» смѣняютъ на ея рабочемъ столѣ тяжеловѣсныя историко-юридическія изслѣдованія и монографіи по спеціальнымъ вопросамъ. Екатерина никогда не любила политическаго абсолютизма Руссо; но и въ политическомъ релятивизмѣ Монтескье было еще черезчуръ достаточно абсолютныхъ элементовъ, которые она принимала на вѣру. Теперь Екатерина беретъ въ руководители писателя-юриста той страны, гдѣ особенно силенъ юридическій консерватизмъ. Вмѣстѣ съ нимъ она готова подчинить всякую теорію существующему факту: въ этомъ фактѣ, въ существующемъ, вѣками сложившемся общественномъ строѣ, въ историческихъ прецедентахъ она ищетъ единственной твердой опоры—если не для теоріи, то для законодательства. Блэкстонъ зани-

маетъ мѣсто Монтескье. И какъ различенъ отъ прежняго способъ пользованія новымъ авторитетомъ! Цѣлыми страницами Екатерина переписывала когда-то «президента Монтескье» въ свой Наказъ и спѣшила выставить на показъ всему свѣту свой безцеремонный литературный плагіатъ. Теперь, изъ Блэкстона она ничего не беретъ прямо: это ея «нить, которую она разматываетъ на свой манеръ». И она совсѣмъ не читаетъ больше «экономистовъ» и всякихъ другихъ «—истовъ», которые въ изобиліи шлютъ ей свои сочиненія, стараясь подѣйствовать на ея умъ и волю. Она занимается теперь не «болтовнею», а «дѣломъ». Плоды ея новыхъ работъ, въ ея глазахъ, конечно, гораздо выше Наказа; но своимъ корреспондентамъ, Вольтеру или Грумму, она вовсе не спѣшитъ теперь посылать свои работы. Почему? О, конечно, не потому, чтобы эти «указы» не были бы краснорѣчивы или не принесли бы великой пользы «человѣчеству». Но дѣло въ томъ, что... «ихъ переведутъ плохо: въ нихъ больше идей, чѣмъ фразъ, а у переводчиковъ больше фразъ, чѣмъ идей»... Наконецъ,—это Екатерина пишетъ послѣ настойчивыхъ упрашиваній не въ мѣру льстивыхъ корреспондентовъ,—«это слишкомъ скучное чтеніе; это очень хорошо, быть можетъ очень красиво, но ужасно скучно».

Дѣйствительно, скучное, дѣловое чтеніе; но мы не можемъ освободить себя отъ него, какъ освобождала Екатерина своихъ корреспондентовъ. Послѣдуемъ за ней въ ея московское уединеніе; посидимъ надъ разгонистымъ почеркомъ ея черновиковъ, въ которыхъ пять мѣсяцевъ подрядъ, упорно марая, зачеркивая и переписывая, она вырабатывала текстъ перваго своего капитальнаго законодательнаго акта, «Учрежденія о губерніяхъ». Что взяла она здѣсь изъ дворянскихъ просьбъ и желаній? Въ чемъ можно усмотрѣть идеологическое вліяніе Блэкстона?

Въ сущности, оба эти источника сходились ближе, чѣмъ можно было бы ожидать отъ такихъ полярныхъ повидимому, явленій, какъ русская жизнь и англійская теорія XVIII-го вѣка. Мы знаемъ, что самое единодушное желаніе дворянскихъ депутатовъ заключалось въ томъ, чтобы въ русской провинціи созданы были близкія къ населенію судебно-полицейскія учрежденія и чтобы въ составъ этихъ учрежденій, цѣликомъ или отчасти, введены были выборные отъ дворянства. Но въ Англіи XVIII-й вѣкъ былъ какъ разъ вѣкомъ расцвѣта областныхъ судебно-полицейскихъ учрежденій, отдавшихъ деревенское населеніе всецѣло въ распоряженіе класса помѣстныхъ землевладѣльцевъ. Къ этому именно классу—лордовъ и сквайровъ, полновластныхъ хозяевъ сельской Англіи,—обращается Блэкстонъ съ своими «Комментаріями на англійскіе законы». Прирожденные законодатели и судьи, они должны знать законы страны, какъ долженъ былъ знать римское право римскій патрицій. Понятно, что здѣсь была бы неумѣстна демократическая теорія общественнаго договора. Блэкстонъ рѣшительно

признаетъ ее «абсурдной» и оставляетъ «теоретикамъ». Оставаясь сыномъ своего вѣка, онъ не можетъ, конечно, не признавать теоріи «естественнаго права» вообще; но онъ весьма предусмотрительно отдѣляетъ сферу дѣйствія естественнаго права отъ сферы дѣйствія положительнаго закона. Санкцію закона (поскольку онъ не противорѣчитъ «здравому разсудку»), Блэкстонъ ищетъ исключительно въ правительственномъ распоряженіи. Въ своемъ уваженіи къ существующему, онъ даже идетъ еще дальше. «Хотя бы разумъ, диктовавшій законы, и не былъ ясенъ съ перваго взгляда, мы обязаны слишкомъ большимъ уваженіемъ къ нашимъ предкамъ, чтобы предположить, что они дѣйствовали вовсе безъ всякаго разсужденія». Такому руководителю Екатерина смѣлѣе могла ввѣриться, чѣмъ разнымъ «вралямъ» — «экономистамъ». И мы можемъ легко предположить, что роль, отведенная «джентри» въ публичномъ и частномъ правѣ Англіи, въ частности же и въ мѣстномъ управленіи англійскаго графства, очень помогла Екатеринѣ помириться съ сословно-автономистскими стремленіями русскаго дворянства.

Былъ впрочемъ еще одинъ ближайшій источникъ, который могъ послужить и послужилъ нагляднымъ образцомъ тѣхъ же сословныхъ мѣстныхъ учрежденій, какихъ добивалось наше дворянство и какія въ такой полнотѣ осуществлены были въ отечествѣ Блэкстона. Въ остзейскомъ краѣ, подъ покровомъ шведскихъ бюрократическихъ формъ, «рыцарство», въ сущности, держало въ своихъ рукахъ все управленіе краемъ. Правда, остзейскіе порядки вызывали какъ разъ тѣ же самыя жалобы, которыя такъ часто слышатся въ дворянскихъ наказахъ. До суда и расправы и здѣсь было далеко простому, не привиллегированному обывателю; за отсутствіемъ на мѣстѣ представителей законной власти, и здѣсь самоуправство было въ порядкѣ вещей; помѣщикъ и здѣсь фактически былъ высшей властью и неограниченно господствовалъ въ предѣлахъ, а частью и за предѣлами собственнаго имѣнія. Но даже и такое несовершенное въ юридическомъ отношеніи состояніе остзейскихъ провинцій все-таки оставалось идеаломъ для страны, гдѣ, послѣ неудачной попытки Петра (см. выше), *воевода* оставался единственнымъ и полновластнымъ хозяиномъ цѣлой территоріи уѣзда, гдѣ «въ одной воеводской канцеляріи совокуплены» были «дѣла всякаго рода и званія».

Теперь эти дѣла должны были распредѣлиться по принадлежности. Финансы, полиція и судъ получали свои отдѣльные органы въ уѣздѣ и въ губерніи; въ судѣ и полиціи получали значительное участіе выборные представители дворянства. Ближайшее мѣсто по отношенію къ населенію занялъ при этомъ судебно-полицейскій органъ, соотвѣтствовавшій лифляндскому «орднунгсгерихту». Согласно желаніямъ наказовъ этотъ органъ былъ *цѣликомъ* составленъ изъ выборныхъ: во главѣ его «земскій капитанъ-исправникъ» избираемый дворянствомъ; при немъ 2—3 «засѣдателя», выбранныхъ отъ дворянъ и двое отъ государствен-

ныхъ крестьянъ, гдѣ они были. Но Екатерина хотѣла отдѣлить судъ отъ управленія и организовать судебныя мѣста согласно идеѣ, усвоенной ею еще въ Наказѣ: именно такъ, чтобы «всякаго человѣка судити черезъ равныхъ ему». Поэтому рядомъ съ названнымъ органомъ («нижнимъ земскимъ судомъ»), получившимъ преимущественно полицейское значеніе (хотя и сохранившимъ до 1889 года свою коллегіальную форму), она поставила чисто судебный органъ *первой* инстанціи для дворянъ («уѣздный судъ»), въ соотвѣтствіе такимъ же органамъ для горожанъ (городовой магистратъ) и не помѣщичьихъ крестьянъ (нижняя *народная* расправа—такъ назывался этотъ органъ въ первоначальномъ текстѣ). Затѣмъ суды *средней* инстанція (уничтоженные вскорѣ, въ 1796 г.) тоже устраивались по сословіямъ: дворяне получили въ этой инстанціи «верхній земскій судъ» (остзейскій оберландгерихтъ), въ соотвѣтствіе «губернскому магистрату» и «верхней народной расправѣ» для горожанъ и крестьянъ. Весь составъ дворянскаго уѣзднаго суда былъ выборный отъ дворянства; въ верхнемъ же судѣ только два предсѣдателя были назначенные, отъ короны. Напротивъ, въ крестьянскихъ судахъ обѣихъ инстанцій предсѣдателями были лица назначенные правительствомъ, т.-е. опять-таки служащіе дворяне; «не запрещалось» и крестьянскихъ засѣдателей выбирать «изъ дворянъ или ученыхъ, или чиновныхъ людей». Суды *высшей* инстанціи въ губерніи (гражданская и уголовная палата) были уже вполнѣ коронными по составу.

«Сей порядокъ сходственъ съ порядкомъ нашихъ остзейскихъ провинцій», признавала сама Екатерина. Принимаясь за его осуществленіе, она и пригласила поэтому, въ качествѣ экспертовъ, одного ландрата изъ Эстляндіи, имя котораго осталось неизвѣстнымъ, и лифляндца Сиверса, которому предоставлено было произвести первый опытъ введенія новыхъ учрежденій—въ Тверской и Новгородской губерніяхъ. Сиверсъ, несомнѣнно, преувеличиваетъ свою роль при самой разработкѣ проекта. Безспорно только одно, что по его совѣту исключена изъ черновиковъ Екатерины промежуточная инстанція между уѣздомъ и губерніей: *провинція*, которая дѣйствительно являлась лишней, послѣ того какъ сами губерніи были уменьшены до размѣровъ прежней провинціи *).

Напротивъ, самая существенная черта, *отличающая* «Учрежденіе» отъ его остзейскаго образца,—именно, проведеніе болѣе стройной, чѣмъ практичной,—и никогда не осуществившейся вполнѣ—системы сословныхъ «судовъ пэровъ» для крестьянъ, горожанъ и дворянства—есть, конечно, личное дѣло самой Екатерины. Въ этой идеѣ нельзя не видѣть центральнаго зерна, около котораго кристаллизовалось все остальное идейное содержаніе «Учрежденія о губерніяхъ.

*) Прямымъ послѣдствіемъ этой перемѣны было накопленіе въ губернскомъ городѣ судебныхъ мѣстъ двухъ высшихъ инстанцій («палаты» и «верхніе» сословные суды, скоро отмѣненные).

Устройствомъ «судовъ равныхъ», дѣйствительно, не ограничиваются идеологическіе элементы «Учрежденія». Въ первоначальный проектъ закона, при самомъ началѣ его разработки, императрица вставила еще три характерныхъ органа, почерпнутые изъ другихъ источниковъ и, несомнѣнно, представляющіе то, что Екатерина считала своимъ особенно важнымъ идейнымъ вкладомъ въ Учрежденіе о губерніяхъ. Всѣ три прибавлены на поляхъ къ первоначальному тексту, разрываютъ стройность системы, и Екатерина тщетно ищетъ у Сиверса указаній, какъ бы возстановить эту стройность. Новые органы эти: 1) сиротскіе суды, дворянскій (опека) и городской; 2) приказъ общественнаго призрѣнія и 3) совѣстный судъ. Что касается опеки, указанія на это Екатерина могла найти въ наказахъ, въ томъ числѣ въ имѣвшемъ особое вліяніе на нее наказѣ сената, изъ котораго усвоены ею многія частности. Но устройство приказа общественнаго призрѣнія—этого предшественника теперешнихъ земствъ, предназначеннаго вѣдать мѣстную благотворительность, медицину и народное образованіе,—стоитъ въ несомнѣнной связи съ ея личными просвѣтительными тенденціями. Объ этомъ приказѣ Екатерина особенно заботится: ставитъ его рядомъ съ высшими мѣстами въ губерніи,—съ губернскимъ правленіемъ и судебными палатами; даетъ ему безвозвратно капиталъ въ 15.000 для начала его дѣятельности. Еще интереснѣе происхожденіе совѣстнаго суда: самое названіе этого учрежденія — cour de l'équité указываетъ на заимствованіе изъ Блэкстона. Назначеніе совѣстнаго суда — смягчать жесткость закона въ примѣненіи къ отдѣльнымъ случаямъ и восполнять недостатокъ законовъ: совѣстный судъ долженъ дѣйствовать тамъ, гдѣ законы молчатъ. Въ такой постановкѣ нельзя не видѣть результатовъ чтенія Блэкстона. Уже самыя вступительныя слова этой главы «Учрежденія»: «Понеже личная безопасность каждаго вѣрноподданнаго весьма драгоцѣнна есть человѣколюбивому монаршему сердцу» и т. д., а также дальнѣйшій параграфъ (401: «Буде кто пришлетъ прошеніе въ совѣстный судъ, что онъ содержится въ тюрьмѣ болѣе 3 дней, и въ тѣ три дни ему не объявлено, за что онъ содержится въ тюрьмѣ или что онъ въ тѣ 3 дни не допрашиванъ, тогда с. с., не выходя изъ присутствія, долженствуетъ послать повелѣніе» и т. д.) — показываютъ, что глава «Комментаріевъ» о habeas corpus произвела на императрицу сильное впечатлѣніе. Своимъ совѣстнымъ судомъ Екатерина особенно гордилась и ожидала отъ него важныхъ послѣдствій. Въ своей переепискѣ она не разъ повторяетъ, что это будетъ «могила ябеды». Въ порядкѣ губернскихъ учрежденій совѣстный судъ поставленъ еще независимѣе, чѣмъ приказъ общественнаго призрѣнія. Въ обоихъ учрежденіяхъ засѣдаютъ, подъ предсѣдательствомъ короннаго судьи и губернатора, выборные представители всѣхъ трехъ сословій поровну.

Если даже оставить въ сторонѣ только что перечисленные органы, необходимо будетъ все-таки признать, что Учрежденіе о губерніяхъ

вводило въ наше государственное право совершенно новыя начала. Въ виду этого, Екатерина сочла даже нужнымъ теоретически оправдать необходимость подобныхъ нововведеній. Въ предисловіи къ Учрежденію она ссылается на «многіе примѣры» «въ доказательство истины сей, что распространеніе предѣловъ государства, умноженіе въономъ народа и происшедшее изобиліе въ способахъ ко внутреннему и извнѣ текущему обогащенію (обыкновенно и повсюду) перемѣняли какъ образъ ихъ управленія, такъ часто и заставляли дополнять самыя законоположенія, учинившіяся напослѣдокъ или неудобными) или недостаточными, коихъ довлѣло (т.-е. которыя были достаточны, при основаніи державы и въ первомъ ея состояніи» *). И этотъ аргументъ далеко не былъ лишнимъ. Новыя учрежденія, прежде всего, предполагали существованіе корпоративно-организованныхъ общественныхъ группъ, выбиравшихъ своихъ представителей въ новыя общественныя и правительственныя должности. Но самое понятіе корпораціи, какъ юридическаго лица, настолько чуждо было нашему праву, что Екатеринѣ пришлось объяснять это правовое понятіе выписками изъ Блэкстона и Делольма.

Не мудрено, что и для власти, и для дворянства далеко не сразу стало ясно все значеніе введенныхъ правительствомъ выборовъ и сословнаго представительства. Фактически у дворянства явились «предводители» уже тогда, когда надобно было устроить выборы въ Комиссію уложенія. Но манифестъ 14-го декабря 1766 г. создавалъ эту должность лишь на два года—«для лучшаго между собой порядка» при выборѣ депутата и на «случай, если даны будутъ отъ верховной власти ка-

---

*) Въ черновыхъ текстахъ выработкѣ этого интереснаго мѣста предшествовала довольно продолжительная работа, очень характерная для исторіи екатерининскихъ идей о естественномъ правѣ. Указавъ на недостаточность историческихъ свѣдѣній оначалѣ человѣческихъ обществъ (Блэкстонъ въ этомъ случаѣ ищетъ указаній въ Библіи), Екатерина ссылается, какъ на единственный остающійся источникъ, на «здравый разсудокъ», который «заставляетъ думать, что во всякомъ народѣ управленіе его» ... «сходствовало съ народнымъ», пишетъ она сперва привычную мысль, но тотчасъ же оговаривается: «или заимствовало чего ни на есть отъ народнаго». Но и эта оговорка кажется Екатеринѣ недостаточной: она надписываетъ надъ строкой фразу, выражающую совершенно противоположную мысль (эти слова мы ставимъ въ скобки): «сходствовало съ народнымъ (или надъ нимъ власть имѣющихъ) умоначертаніемъ». Далѣе исправленный текстъ читается (зачеркнутое Екатериной въ скобкахъ): «или же, по крайней мѣрѣ, заимствовало много или мало отъ онаго, установляемо же было или (вдругъ силою) исподволя по общему желанію (согласіемъ общимъ, надобностямъ) или силою. Перемѣны же происходили по положенію дѣлъ и разнообразныхъ военныхъ и мирныхъ обстоятельствъ внутреннихъ и внѣшнихъ, или же по умноженію или умаленію людей или земли ими занятыми. Краткое сіе описаніе замыкаетъ въ себѣ безъ изъятія лѣтописанія всѣхъ государствъ». Мы видимъ, какъ мысль императрицы колеблется, отвыкая отъ «абсурдной» теоріи общественнаго договора и приноровляя старые термины къ новому пониманію, вытекающему изъ чтенія Блэкстона.

кія особыя повелѣнія» относительно «всѣхъ живущихъ въ уѣздѣ дворянъ». На второе двухлѣтіе (1769) выборы были опять назначены особымъ указомъ, и только при третьихъ выборахъ (1771) сдѣлано было распоряженіе повторять ихъ впредь, не дожидаясь особыхъ указовъ. Часть дворянства, правда, уже въ наказахъ обнаружила стремленіе къ постоянной корпоративной организаціи дворянства, потребовавъ отъ правительства не только права выбора въ судебно-полицейскія должности, но также и права періодическаго созыва дворянскихъ собраній—для выслушанія отчетовъ выборныхъ лицъ, для обсужденія сословныхъ нуждъ дворянства и даже для представленія петицій. Однако, «Учрежденіе о губерніяхъ» признавало лишь *выборныя* собранія дворянства, и только на прямой запросъ Безбородко о правѣ обсужденія нуждъ и петицій (1778: «кромѣ выборовъ, ежели общее собраніе дворянства или нѣкоторые уѣзды будутъ имѣть надобность или пожелаютъ собраться для совѣта съ собратіями своими о нуждахъ и пользахъ взаимныхъ... можно ли дозволить имъ о томъ совѣтовать и дѣлать представленія или жалобы именемъ общества чрезъ депутатовъ?») Екатерина лаконически отвѣчала: «дозволить», введя затѣмъ это дозволеніе и въ текстъ жалованной грамоты дворянству 1785 года.

Такимъ образомъ, лишь мало-по-малу дѣло, начатое въ рамкахъ прежнихъ законодательныхъ коммиссій XVII—XVIII вѣковъ, разрослось до предѣловъ настоящаго дворянскаго самоуправленія, гораздо болѣе напоминавшаго средневѣковыя сословныя учрежденія Запада, чѣмъ губныя учрежденія Грознаго или «всеуѣздныя избы» московскаго черносошнаго сѣвера.

Но, отставъ отъ одного берега, пристали ли новые порядки къ другому? Конечно, нѣтъ,—и этимъ объясняются колебанія теоретиковъ государственнаго права, слѣдуетъ ли признать дворянскія учрежденія Екатерины за самоуправленіе вообще. Стоитъ взглянуть на сосѣднюю Лифляндію, послужившую ближайшимъ источникомъ этихъ учрежденій, чтобы замѣтить и оцѣнить всю разницу. Въ Лифляндіи даже коронныя должности, замѣщаемыя мѣстнымъ дворянствомъ, пріобрѣтали земскій характеръ. Напротивъ, у насъ, какъ сейчасъ увидимъ, земскія должности стремились пріобрѣсти коронный характеръ. Средоточіемъ дворянской силы въ Лифляндіи была та самая «коллегія ландратовъ», которую когда-то Петръ тщетно старался привить Россіи. И эта коллегія настолько стояла въ разрѣзъ съ духомъ екатерининскихъ учрежденій, что, къ великому огорченію Сиверса и раздраженію мѣстнаго дворянства, она была первая уничтожена, когда Екатерина рѣшилась навязать краю свои новыя учрежденія. Такимъ образомъ, введеніе губернскихъ учрежденій, бывшее торжествомъ дворянскихъ тенденцій у насъ, явилось въ остзейскихъ губерніяхъ первымъ симптомомъ ихъ паденія. Такъ велико было различіе между сословными

учрежденіями, вводимыми искусственно, и тѣми же учрежденіями, сложившимися исторически *).

Въ чемъ же корень различія? Мы это поймемъ сразу, если скажемъ, что съ самаго начала дѣйствія новыхъ учрежденій и власть, и дворянство смотрѣло на нихъ, какъ на новаго рода службу, повинность, и что общественную дѣятельность очень скоро пришлось свести къ масштабу такого единственнаго тогда и всемогущаго соціальнаго мѣрила, какимъ былъ чинъ (ср. выше).

Отъ службы,—единственной, какую дворянство до тѣхъ поръ знало, т.-е. военной,—дворянство было, правда, только что уволено. Но оно такъ сроднилось съ мыслью, что только служба и даетъ ему его соціальное положеніе въ государствѣ, что никакъ не могло понять своего освобожденія и, въ массѣ, отнеслось къ освобожденію отъ службы недовѣрчиво и подозрительно. Въ самой Комиссіи вопросъ этотъ не разъ становился предметомъ горячихъ споровъ, и самые ретроградные элементы дворянства оригинальнымъ образомъ сходились съ самыми передовыми во мнѣніи, что освобождать дворянство отъ службы не слѣдуетъ. Иначе оно теряетъ право владѣть крестьянами: такова была задняя мысль у всѣхъ, въ томъ числѣ и у самихъ крестьянъ, какъ мы знаемъ («Оч.», I, стр. 214). Эта задняя мысль и явилась источникомъ всѣхъ возраженій: какъ крѣпостниковъ, въ родѣ Вырódова, находившихъ, что дворянинъ долженъ служить «изъ благодарности» «за предпочтеніе передъ прочими», такъ и радикаловъ, въ родѣ Урсинуса или городского депутата Антонова, утверждавшихъ, что каждый дворянинъ долженъ «собственными заслугами» возобновлять предпочтеніе, оказанное предкамъ. Общее мнѣніе было, что, предоставленное самому себѣ, дворянство предастся праздности и бездѣлью въ своихъ имѣніяхъ. Противовѣсомъ противъ всѣхъ этихъ опасеній и явилось созданіе новыхъ коронныхъ и выборныхъ должностей по мѣстному управленію. Даже такіе близкіе къ губернской реформѣ люди, какъ Сиверсъ, видѣли въ ней, главнымъ образомъ, поправку къ указу о вольности отъ службы. Служба на мѣстѣ являлась лучшимъ средствомъ примирить интересы дворянства съ нуждами правительства: сельскую жизнь съ государственной службой. По остроумному выраженію одного изслѣдователя, дворянство переводилось только изъ министерства военнаго въ

*) Первоначально Екатерина не имѣла въ виду дѣлать свои губернскія учрежденія орудіемъ руссификаціи окраинъ. Въ черновомъ текстѣ находимъ прямую оговорку въ этомъ смыслѣ: «Все сіе не касается до тѣхъ губерній, кои имѣютъ особыя конфирмованныя привилегіи, какъ-то Малороссія, Лифляндія и прочія;—и не до Сибири». И далѣе: «исъключая изъ сего новаго учрежденія всѣ тѣ области, земли и княженія нашего государства, коими особыми привилегіями и жалованными грамотами отъ предковъ нашихъ и насъ самихъ снабжены или нашими конфирмаціями подтверждены». Ср. выше, пренія въ Комиссіи. Какъ извѣстно, губернскія учрежденія были распространены на Малороссію въ 1782 г. и на Лифляндію и Эстляндію въ 1783 г.

министерство внутреннихъ дѣлъ. И раньше, чѣмъ имп. Николай I рельефно выразилъ эту мысль, одѣвши всѣхъ дворянъ безъ различія въ одинъ мундиръ министерства внутреннихъ дѣлъ, екатерининскіе цвѣтные мундиры дворянъ по губерніямъ уже намѣчали такой исходъ, хотя ближайшей ихъ цѣлью и было символизировать корпоративность и привилегированность сословія, имѣвшаго входъ ко двору.

Наиболѣе интеллигентные изъ дворянъ такъ и поняли съ самаго начала новыя права дворянства, какъ новый видъ службы. «Учрежденіе собраній дворянскихъ есть истинное право», замѣчалъ, напр., Щербатовъ, «если бы оно зависѣло отъ собственнаго согласія или отъ тѣхъ, кого они сами начальниками себѣ изберутъ; но какъ сего нѣтъ, то они собираются не для сужденія о своихъ дѣлахъ, не для разсмотрѣнія общей и частной пользы, но токмо какъ нѣкоторыя орудія, которыя сносятъ, для угнетенія самихъ же ихъ». Это доказывалось, по мнѣнію Щербатова самой постановкой дворянскаго представительства въ законѣ, который «уподлялъ чинъ губернскаго предводителя» и ставилъ его въ полную зависимость отъ намѣстника и губернатора. Какъ извѣстно, «хозяинъ губерніи» по Учрежденію былъ, дѣйствительно, единственнымъ и безконтрольнымъ посредникомъ между областью и верховной властью: положеніе, которое одинаково вызывало оппозицію новому закону какъ среди придворныхъ временщиковъ, такъ и среди вліятельныхъ элементовъ провинціи. По замѣчанію Щербатова, намѣстники и губернаторы, «бывъ деспоты въ губерніяхъ, всегда могутъ имѣть нѣкоторую партію для избранія, кого пожелаютъ... а потому всѣ судьи и будутъ по ихъ волѣ выбираться» *). Щербатовъ забывалъ только прибавить, что огромное большинство рядового дворянства не видѣло въ такой постановкѣ ничего обиднаго для своего корпоративнаго достоинства. Дворянство, какъ это мы знаемъ изъ сообщеній Сиверса, на перебой бросилось занимать губернскія должности, не различая выборныхъ отъ невыборныхъ и видя въ тѣхъ и другихъ лишь новый путь для службы и выслуги.

Необходимымъ послѣдствіемъ такого взгляда власти и самого дворянства на выборныя должности, какъ на новый типъ государственной службы, было включеніе ихъ въ рамки табели о рангахъ. «Учре-

*) Предсказанія Щербатова подтверждаются наблюденіями надъ петербургскими выборами двухъ пріѣзжихъ французовъ (1792), въ отзывѣ которыхъ, конечно, отражаются и тогдашніе толки *столичнаго* дворянства: «Читая указъ объ этихъ собраніяхъ, видишь, что не можетъ быть лучшихъ правилъ и большаго простора для корпоративнаго обсужденія общественныхъ и государственныхъ дѣлъ. Но до сихъ поръ власть ставила столько препятствій предположеніямъ собраній, генералъ-губернаторы такъ сильно вліяли на рѣшеніе ихъ, что результаты этихъ собраній можно считать совершенно сведенными къ нулю. Извѣстно заранѣе, кого выберутъ, потому что кандидаты указаны свыше, и власть охотно жертвуетъ формой (назначенія), разъ дворянство этимъ удовлетворяется, только бы остаться по существу полновластнымъ господиномъ».

жденіе о губерніяхъ» сочло должность предводителя и дворянскихъ засѣдателей совѣстнаго и верхняго земскаго суда въ 7 классѣ, капитана-исправника и уѣздныхъ засѣдателей—въ 9-мъ, засѣдателей при исправникѣ—въ 10-мъ. Но дворянство этимъ не ограничилось. Тотчасъ же возникъ дальнѣйшій вопросъ о томъ, какъ устроить свободный переходъ съ одной «службы» на другую, съ коронной на земскую и наоборотъ. Рѣшить вопросъ полнымъ приравненіемъ «обѣихъ государственныхъ службъ» Екатерина, однако, не рѣшилась. Она ограничилась установленіемъ правила, что губернскую должность извѣстнаго ранга могъ получить только тотъ, кто по своей предыдущей службѣ дослужился до ближайшаго низшаго ранга табели *). Для дворянъ, конечно, важнѣе было добиться обратнаго, т.-е., чтобы на государственную службу дворянинъ принимался въ рангѣ, какой занималъ по выборной (и вообще губернской) должности. Практика сената, который систематически игнорировалъ ранги низшихъ должностей, (заполняемыхъ по назначенію губернскаго правленія) вызывала сильное недовольство дворянъ.

Дальнѣйшее развитіе законодательства, хотя и не оправдало ожиданій дворянъ относительно губернской службы, тѣмъ не менѣе, совершалось, именно въ направленіи бюрократизаціи земской службы. Предводитель, также какъ исправникъ, превратились, въ концѣ-концовъ въ чиновниковъ, отягощенныхъ изобиліемъ правительственныхъ порученій. Не давая желаемыхъ правъ по службѣ, правительство не стѣснялось усложнять обязанности губернскихъ учрежденій. Въ результатѣ, послѣ перваго увлеченія мѣстной службой, дворянство быстро отхлынуло отъ нея **). Умственный и нравственный цензъ избирае-

*) Тотъ, кто вовсе не служилъ, не могъ совсѣмъ участвовать въ самоуправленіи: дворяне, не имѣвшіе оберъ-офицерскаго ранга, по жалованной грамотѣ 1785 г. могли присутствовать въ собраніи, но безъ права голоса и, тѣмъ болѣе, безъ права быть выбранными въ какую-либо должность.

**) Объ этомъ имѣется любопытное свидѣтельство В. Н. Каразина (1801): онъ жалуется на случайность и произволъ коронныхъ назначеній въ *высшія* губернскія должности, важныя для службы, но отнятыя у мѣстнаго общества; наоборотъ, *низшія* должности, не представлявшія служебнаго интереса, предоставлялись общественному выбору и скоро стали пренебрегаться дворянами. «Отъ сего произошло, что со времени открытія намѣстничествъ, мало-по-малу важность дворянскихъ выборовъ упала до того, что напослѣдокъ стали производить ихъ съ пренебреженіемъ. Никто изъ людей достойныхъ не хотѣлъ быть выбраннымъ въ уѣздные чины или въ верхній земскій судъ, и сіи мѣста предоставляли, какъ милостыню, дворянамъ, не имѣющихъ другихъ способовъ къ жизни. Вообще примѣчено, что первые выборы въ губерніяхъ были и самые лучшіе: *тогда не успѣли еще разсмотрѣть* всѣхъ сихъ послѣдствій, и намѣренія монархини произвели всеобщій энтузіазмъ къ добру; простылъ сей жаръ, когда увидѣли, что безпристрастіе выбирающихъ и безкорыстіе избранныхъ были равно посмѣяны... что *уѣздныя* присутственныя мѣста суть пустая инстанція», а дѣло вершится въ губерніи, въ коронныхъ палатахъ.

мыхъ сильно упалъ, какъ только обнаружилось, что мѣстная служба не можетъ служить предварительнымъ стажемъ для государственной. И тутъ-то выяснился вполнѣ обязательно-служебный характеръ выборной службы. «Уклоненіе» отъ выборовъ и отъ выборныхъ должностей стало трактоваться властями, какъ преступленіе; уже въ XVIII в. и въ началѣ XIX-го законъ опредѣляетъ наказаніе за такое уклоненіе, потомъ пробуетъ повысить цензъ избирателей, ранги избираемыхъ, сроки ихъ службы (1831),—и все напрасно. Создавъ нѣсколько несомнѣнно полезныхъ для государства и общества учрежденій, законъ Екатерины не создалъ самоуправленія въ Россіи.

Это не значитъ, однако же, чтобы губернскія учрежденія не имѣли значенія для дворянскаго сословія. Совершенно напротивъ. Отдавъ полицію, судъ и частью управленіе въ губерніи въ руки дворянства, «Учрежденіе о губерніяхъ» послужило началомъ огромной перемѣны въ жизни русской провинціи. Служба по выборамъ все-таки закрѣпила дворянское общество на мѣстахъ, установила связи между его членами, соединила ихъ съ городомъ, куда до сихъ поръ дворяне ѣздили только въ лавки къ купцамъ и въ канцеляріи къ приказнымъ крючкамъ, помогавшимъ имъ оттягать у сосѣда имѣніе. «Дворянство входитъ мало-по-малу во вкусъ—собираться въ городѣ и строиться тамъ», пишетъ Сиверсъ о Твери и Новгородѣ. «Начало знатное дворянство не токмо въ губернскомъ городѣ часто съѣзжаться, но и строить порядочные дома для ихъ всегдашняго житья», повторяетъ почти тѣми же словами Державинъ о Тамбовѣ. «Эпоха сія,—подтверждаетъ Болотовъ,—была по всей справедливости самая достопамятная во всей новѣйшей исторіи нашего отечества и послѣдствіями своими произвела во всемъ великія перемѣны...» «Такое хорошее и веселое житье было въ особенности въ первыя 3 или 6 лѣтъ (т.-е. на первыхъ двухъ выборахъ) по открытіи намѣстничества (Тульскаго, 1777) и было намъ столь пріятно, что на вѣкъ осталось для насъ незабвенно». Послѣднія слова, которыя могли бы повторить тысячи тогдашнихъ дворянъ, показываютъ намъ, гдѣ мы должны искать сущности «великой перемѣны», совершившейся въ жизни нашего провинціальнаго дворянства со введеніемъ губернскихъ учрежденій. Это были не дворянскія привилегіи сами по себѣ: законъ ничего или очень мало могъ бы прибавить въ этомъ отношеніи къ тому, что уже существовало фактически. Не было это и торжество порядка и законности, такъ какъ, надо признаться, губернскія учрежденія не составили и въ этомъ отношеніи какой-либо особой эры: для низшихъ слоевъ населенія бо́льшая близость власти отозвалась на первыхъ порахъ лишь большимъ количествомъ приказныхъ и чиновныхъ насилій, а также большими расходами на новыя земскія власти. «Незабвенны» были для средняго дворянства годы устройства намѣстничествъ, какъ годы окончательнаго насажденія въ провинціи той дворянской культуры, начало которой мы имѣли случай прослѣ-

дить въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Подъ культурой мы разумѣемъ тутъ отнюдь не какія-либо новыя явленія умственной и нравственной жизни: это просто пріобщеніе провинціи къ тѣмъ новымъ формамъ общественности, которыя вырабатывались съ начала вѣка вблизи двора и среди привилегированнаго населенія столицы (см. выше).

Екатерина и тутъ первая подаетъ знакъ для общаго подражанія. Въ дни московскихъ празднествъ по поводу Кучукъ-Кайнарджійскаго мира (1775) она развертываетъ въ грандіозныхъ размѣрахъ ту самую программу, которая въ миніатюрѣ будетъ выполняться, на личный или на казенный счетъ, ея намѣстниками при открытіи учрежденій въ губернскихъ городахъ. «Я здѣсь четыре недѣли,—пишетъ Екатерина мадамъ Бьельке изъ Москвы, въ ожиданіи торжествъ,—два раза въ недѣлю у меня пріемы, и ни разу не было меньше 400—500 дамъ; я дала три маскарада, куда допускалось только дворянство, и ни на одинъ не было роздано меньше 6—7.000 билетовъ». Въ дни торжествъ, въ іюлѣ 1775 г. Москва еще больше переполняется провинціальнымъ дворянствомъ; и даже такія простыя души, какъ семья Болотова, удостоиваются взглянуть, въ первый разъ въ жизни, на настоящій балъ-маскарадъ, театръ и въ довершеніе всего, великолѣпный фейерверкъ. Черезъ два года у себя въ Тулѣ они будутъ показывать все это, и балъ, и маскарадъ, и театръ, и фейерверкъ, еще болѣе простымъ душамъ, чѣмъ онѣ сами. Еще черезъ десятокъ лѣтъ, проѣзжая черезъ Смоленскъ, Екатерина будетъ имѣть удовольствіе видѣть себя окруженной цѣлымъ цвѣтникомъ дамъ и дѣвицъ, въ великолѣпныхъ столичныхъ костюмахъ, и съ самыми изысканными манерами, которыя только въ ея скептическомъ спутникѣ, Сегюрѣ, вызываютъ подозрѣніе, что истинная культура отсутствуетъ подъ этой маской цивилизаціи. Но дѣло, конечно, не въ томъ,—не въ этой «истинной культурѣ». Дѣло въ томъ, что дворянство довольно; что «вранье» въ провинціи на время прекращается и уступаетъ мѣсто славословію.

Екатерина, декламировавшая и издавшая строгіе законы противъ роскоши и расточительности,—хотѣла ли одного только этого результата, сочиняя въ то же самое время, между куртагами и маскарадами, свое «Учрежденіе о губерніяхъ»? Разумѣется, она мѣтила дальше и думала захватить глубже. «Учрежденіе», по ея мысли, было только обломкомъ, отдѣльнымъ кускомъ большого цѣлаго; и если она издавала его первымъ, то лишь для того—какъ она сама выразилась въ предисловіи,—чтобъ «приготовить тѣмъ самымъ и облегчить лучшее и точнѣйшее исполненіе полезнѣйшихъ впредь издаваемыхъ узаконеній». Послѣдующія обстоятельства—и особенно увлеченіе внѣшней политикой такъ и свели все зданіе законодательства Екатерины къ обломкамъ. Но это не мѣшаетъ намъ попытаться возстановить изъ намековъ и набросковъ, по крайней мѣрѣ, его общіе контуры.

Ближайшій свидѣтель второго періода екатерининской «легисло-

маніи», Сиверсъ, нѣсколько лѣтъ спустя (1779), уѣзжая изъ Петербурга, напоминаетъ императрицѣ обо всемъ, что такъ недавно еще она имѣла намѣреніе создать тотчасъ же вслѣдъ за «Учрежденіемъ о губерніяхъ». «Если ваше величество меня спросите, какой отдѣлъ я считаю важнѣе,—мнѣ будетъ трудно отвѣтить. Все одинаково необходимо: судебные уставы, уголовное и гражданское уложеніе, вексельный уставъ, инструкція казначействамъ, директорамъ экономіи (государственныхъ имуществъ), городовое положеніе, глава о дворянствѣ, преобразованіе столичныхъ учрежденій, наконецъ, прибавлю съ стѣсненнымъ сердцемъ,—сельскій законъ,—законъ человѣчности». Къ этому послѣднему, «закону человѣчности», Сиверсъ много разъ возвращается въ своей перепискѣ съ Екатериной, напоминая ей постоянно, что «въ основѣ смутъ оренбургскихъ, казанскихъ и поволжскихъ лежало невыносимое иго рабства»; что «приверженцы Пугачева состояли исключительно изъ крѣпостныхъ, недовольныхъ своими господами», что «источникъ броженія всегда будетъ оставаться одинъ и тотъ же, пока не будетъ издано закона о сельскомъ хозяйствѣ». Но съ другой стороны тотъ же Сиверсъ оговаривался, что «пока такого закона нѣтъ, необходимо поддерживать положеніе дворянства какъ оно есть; если позволить крѣпостнымъ хотя бы самомалѣйшій протестъ или разсужденіе, то, зная человѣческое сердце, нельзя ручаться за послѣдствія». Исходя изъ такого же «знанія человѣческаго сердца» и пониманія пугачевщины, Екатерина, какъ мы знаемъ, уже сдѣлала свой выборъ. «Законъ человѣчности» къ этому времени уже не представлялся ей—не только *легко* осуществимымъ, но даже и осуществимымъ вообще. Она молчаливо вычеркнула его изъ списка своихъ будущихъ преобразованій. Хорошо еще, что «знаніе человѣческаго сердца» не позволило ей искать рѣшенія крестьянскаго вопроса въ томъ, въ чемъ искали его многіе современники,—и въ томъ числѣ Сиверсъ: въ систематической раздачѣ всѣхъ государственныхъ крестьянъ во владѣніе дворянству. Это не помѣшало, правда, усиленной раздачѣ этихъ же крестьянъ фаворитамъ и усиленной продажѣ дворянамъ государственныхъ земель; не помѣшало и юридическому укрѣпленію дворянской власти надъ крѣпостными на основахъ *частнаго* права. Въ итогѣ, по заключенію современнаго спеціалиста, «въ царствованіе Екатерины было сдѣлано гораздо болѣе для усиленія и даже для распространенія крѣпостнаго права, чѣмъ для его ограниченія».

Словомъ, «законъ человѣчности» надо исключить изъ перечня, сдѣланнаго Сиверсомъ. Остаются основныя права сословій и кодификація матеріальнаго и процессуальнаго права. Послѣднее осталось не только не выполненнымъ, но почти и не начатымъ,—если не считать подготовительныхъ выписокъ изъ старыхъ законовъ, сдѣланныхъ въ Комиссіи и, можетъ быть, подобныхъ же выписокъ, представленныхъ Екатеринѣ Соймоновымъ въ восьмидесятыхъ годахъ, съ распредѣленіемъ

ихъ на этотъ разъ «по блэкстоновымъ заглавіямъ». Главный интересъ Екатерины сосредоточился на болѣе легкой и благодарной задачѣ, на составленіи жалованныхъ грамотъ разнымъ сословіямъ. Для этого матеріалъ въ значительной степени былъ заготовленъ частными комиссіями. Наибольшаго вниманія удостоились, конечно, матеріалы для жалованной грамоты дворянству: здѣсь приняты были Екатериной во вниманіе не только проектъ и докладъ частной комиссіи, но и пренія «о правахъ благородныхъ» въ большой Комиссіи, гдѣ эти пренія заняли, какъ мы знаемъ (см. выше) не мало засѣданій. Однако, текстъ грамоты, выработанный Екатериной, остается оригинальнымъ: главное его отличіе отъ матеріаловъ состоитъ въ томъ, что особенно разработаннымъ оказывается у Екатерины отдѣлъ о корпоративныхъ правахъ дворянскихъ обществъ (въ матеріалахъ онъ едва намѣченъ въ главныхъ чертахъ), тогда какъ перечисленіе отдѣльныхъ личныхъ правъ, требовавшихся депутатами, значительно сокращено или представлено въ болѣе обобщенной, юридически-систематизированной формѣ. Эту разницу нельзя не поставить въ связь съ изученіемъ заинтересовавшихъ Екатерину образцовъ европейскаго государственнаго права. Та же разница между проектами и составленнымъ Екатериной текстомъ въ еще болѣе рѣзкой формѣ замѣчается въ Городовомъ положеніи, черновикъ котораго составленъ былъ Екатериной уже въ 1779 году. Матеріальныя особенности и условія русской городской жизни отходятъ здѣсь еще болѣе на второй планъ передъ чисто формальными вопросами корпоративнаго городского устройства. Вниманіе императрицы какъ будто устремлено, главнымъ образомъ, на то, чтобы выдержать, насколько возможно больше, симметрію между городскимъ и дворянскимъ корпоративнымъ устройствомъ. Идеологія разошлась здѣсь еще дальше съ практикой—уже въ самой формулировкѣ закона. Какъ мы говорили въ другомъ мѣстѣ («Оч.» I, стр. 201, изд. 4-е), городская автономія явилась гораздо въ большей степени, чѣмъ дворянская, мертворожденнымъ плодомъ. Органы самоуправленія здѣсь еще скорѣе и безпрепятственнѣе приняли характеръ правительственныхъ административныхъ органовъ, чѣмъ это было съ дворянской службой по выборамъ. Въ третьей жалованной грамотѣ, «сельской» (предназначавшейся конечно только для свободныхъ крестьянъ вѣдомства директора экономіи)—формальные вопросы получили еще больше преобладанія, и интересъ къ симметріи окончательно возобладалъ надъ интересомъ къ матеріальному содержанію сельской жизни. Вся эта грамота есть не больше, какъ отдѣлъ городской грамоты о ремесленной управѣ, съ замѣной только термина «городской» терминомъ «сельскій». Не мудрено, что въ результатѣ получилось нѣчто совершенно не примѣнимое къ сельскому быту вообще и къ русскому быту, съ его своеобразностями, съ его общиннымъ землевладѣніемъ,—въ особенности. Крестьянинъ трактовался какъ цеховой, за его работой устанавливался самый мелочной надзоръ; для полученія

права на веденіе самостоятельнаго хозяйства онъ подвергался экзамену и т. п. Естественно, что этотъ проектъ такъ и остался въ бумагахъ Екатерины, не получивъ дальнѣйшаго движенія. Онъ не оказалъ даже никакого вліянія на позднѣйшее киселевское устройство казенныхъ селеній, проникнутое отчасти сходныхъ духомъ детальной правительственной опеки.

Необходимо остановиться еще на одной чертѣ екатерининскаго плана реформы, не обратившей на себя должнаго вниманія изслѣдователей. Во главѣ реформированнаго государства она хотѣла поставить реформированныя центральныя учрежденія. Разсказывая о своихъ намѣреніяхъ московскому главнокомандующему кн. М. Н. Волконскому, она представляетъ свой планъ (1775) въ слѣдующихъ чертахъ: «Окромѣ трехъ государственныхъ коллегій, прочія исчезнутъ (ср. «Оч»., I, 171). Сенатъ останется. При немъ будетъ палата, дабы сенатъ имѣлъ, гдѣ отослать тѣхъ людей и дѣла, кои разбора требуютъ. *Въ палату оборотить я намѣрена Коммиссію уложенія»*. Только сопоставляя эти торопливыя слова съ извѣстнымъ намъ совѣтомъ, поданнымъ Екатеринѣ Дидро, (см. выше) мы можемъ понять полное значеніе ея намѣренія. Что это намѣреніе не было случайнымъ, только мелькнувшимъ въ ея головѣ и тотчасъ же оставленнымъ, видно изъ дальнѣйшей судьбы его. Къ своей идеѣ о переустройствѣ сената Екатерина вернулась въ 1787 г., т.-е. наканунѣ второй турецкой войны и французскихъ замѣшательствъ. Въ это время былъ составленъ ею проектъ указа о сенатской реформѣ. Текстъ указа пока неизвѣстенъ, но о содержаніи его можно заключать съ большой вѣроятностью, если сопоставить то, что говоритъ о немъ секретарь Екатерины, Храповицкій,—съ одной позднѣйшей запиской Безбородко (1799), очевидно, основанной на томъ же указѣ и частью передающей подлинныя выраженія его. Здѣсь, послѣ несомнѣнно екатерининскихъ замѣчаній объ устройствѣ высшихъ судовъ, совѣстнаго и уголовнаго, находимъ фразу: «все собраніе депутатовъ, подъ предсѣдательствомъ канцлера юстиціи, составляетъ надзираніе правъ государственныхъ... Когда издается новый законъ, то проектъ онаго посылается на разсмотрѣніе въ сіе собраніе, потомъ на ревизію въ общее сената собраніе и, наконецъ, утверждается самодержавною властію». По прямому смыслу этого мѣста, подъ «всѣмъ собраніемъ депутатовъ» приходится разумѣть собраніе однихъ только сословныхъ депутатовъ двухъ упомянутыхъ высшихъ судовъ. Но, даже при такомъ пониманіи остается несомнѣннымъ, что въ этой ограниченной формѣ собранія депутатовъ сохранился здѣсь слѣдъ той «палаты» при сенатѣ, въ которую Екатерина хотѣла еще въ 1775 г. превратить свою Комиссію уложенія *).

---

*) Еще ближе былъ бы смыслъ этой фразы къ первоначальному намѣренію императрицы, если бы оказалось, что она цѣликомъ переписана Безбородкомъ изъ первоначальнаго проекта, безъ соображенія съ другими частями его черновика.

Когда же совершилась эта замѣна болѣе широкаго плана болѣе узкимъ? Десять дней спустя послѣ цитированной выше замѣтки Храповицкаго, подъ 26 апр. 1787 г. встрѣчаемъ въ его дневникѣ сравненіе, сдѣланное Екатериной между ея «собраніемъ депутатовъ» и Assemblée des Notables, созванной Людовикомъ XVI, въ видѣ неизбѣжной уступки общественному мнѣнію Франціи. Вынужденный характеръ такой уступки Екатерина очень хорошо понимала. Въ январѣ 1788 г. Храповицкій заноситъ въ дневникъ: «разговоръ о обстоятельствахъ Франціи, и что ей должно войти въ войну, дабы избѣгнуть сдѣланнаго королемъ обѣщанія о собраніи чиновъ государственныхъ». Екатерина, конечно, не нуждалась въ такомъ героическомъ средствѣ, «дабы избѣгнуть» того, что Дидро считалъ ея «обѣщаніемъ», торжественно даннымъ передъ всей страной. Тѣмъ не менѣе въ положеніи была извѣстная аналогія, и тонкая проницательность Екатерины относительно положенія Людовика XVI, несомнѣнно, имѣла источникомъ ея личный тяжелый опытъ. Въ своемъ предисловіи къ Учрежденію о губерніяхъ она не даромъ нашла нужнымъ оправдываться войной въ пріостановкѣ своей законодательной дѣятельности. «Свѣту извѣстно, что въ 1766 г. уже приступили мы къ созыву депутатовъ со всей имперіи, и уже оставалось намъ ожидать отъ трудовъ Комиссіи уложенія плодовъ, соотвѣтствующихъ нашему попеченію о благѣ общемъ и частномъ, какъ объявленіе съ турецкой стороны въ 1768 году войны Россіи и шестилѣтнее продолженіе оной, отвлекая людей и возможности отъ продолжительнаго сочиненія цѣлаго узаконенія, и умножая собою бремя, заняло время и мысли упражненіемъ не менѣе важнымъ» и т. д. Теперь, послѣ десяти лѣтъ мира, Екатерина опять поднимала нить своей завоевательной политики; подобно первой турецкой войнѣ, и вторая должна была отнять у ней «время упражняться пріятнѣйшимъ сердцу трудомъ—снабдить имперію нужными и полезными учрежденіями». Прошло еще два съ половиной мѣсяца послѣ послѣдней замѣтки Храповицкаго, и секретарь Екатерины вноситъ въ журналъ, между извѣстіями о заграничной почтѣ, о спѣшномъ письмѣ къ Потемкину и о сочиненіи новой комедіи Екатериной,—ея замѣтку по поводу новаго разговора о реформѣ сената: «не время теперь дѣлать реформы». И вопросъ опять откладывается, пока уже въ послѣдній годъ царствованія мы не встрѣчаемъ Екатерину вновь за сочиненіемъ «Устава о сенатѣ». На этотъ разъ, вѣроятно, и явилось ограниченіе первоначальнаго плана, о которомъ свидѣтельствуетъ записка Безбородки *).

*) Можетъ быть, съ цѣлью замѣнить отброшенную идею контроля черезъ депутатовъ, Екатерина прибѣгла тогда же къ идеѣ контроля *при помощи сенаторскихъ ревизій*, встрѣчаемой въ запискѣ Безбородки. «Государь не можетъ объять своимъ собственнымъ осмотромъ столь обширную имперію, обзираетъ оную по губерніямъ, чрезъ довѣренныхъ его особъ, и именно, одного сенатора, двухъ дворянскихъ, двухъ мѣщанскихъ и двухъ поселянскихъ депутатовъ, которые всѣ раз-

«Не время для реформъ»—это не значитъ, конечно, чтобы не было времени дѣлать реформы, когда есть время для писанія комедій. Это симптомъ новаго направленія внутренней политики, признакъ наступленія третьяго и послѣдняго періода царствованія Екатерины. Къ настроенію императрицы за этотъ періодъ мы еще вернемся. Теперь намъ нужно ознакомиться предварительно съ развитіемъ русскаго общественнаго мнѣнія за время, соотвѣтствующее главнымъ екатерининскимъ реформамъ.

Донесенія Гуннинга см. въ «Сборникѣ Ист. Общ.», т. XIX. Новѣйшая архивная работа о пугачевщинѣ принадлежитъ *Н. Ѳ. Дубровину*: «Пугачевъ и его сообщники», три тома, Спб. 1884. Объ обращеніи Екатерины къ казанскому дворянству см. «Записки о жизни и службѣ А. И. Бибикова», М. 1865. Сочиненіемъ Блэкстона Екатерина пользовалась во французскомъ переводѣ: «Commentaires sur les loix anglaises», de M. Blackstone, Bruxelles, 1774—76, шесть томовъ. Объ остзейскихъ мѣстныхъ учрежденіяхъ XVIII вѣка см. *Julius Eckardt*, Livland im achtzehnten Jahrhundert, I, Lpz., 1876. Черновики Екатерины, относящіеся къ выработкѣ текста Учрежденія о губерніяхъ и Городоваго положенія, хранятся въ Государственномъ архивѣ мин. иностр. дѣлъ, въ X отдѣлѣ; тамъ же матеріалы для жалованной грамоты дворянству и перебѣленныя рукописи сельскихъ положеній съ замѣтками Екатерины. Послѣднія изданы *В. И. Вешняковымъ* въ Сб. Ист. Об., т. XX. Сношенія Екатерины съ Сиверсомъ см. въ соч. *K. Blum*: Ein russischer Staatsmann, т. II, Lpz. и Heidelberg, 1857. Общія свѣдѣнія о губернскихъ реформахъ Екатерины см. въ соч. *Лохвицкаго*, Губернія, Спб. 1865; въ курсахъ государственнаго права *Градовскаго* и *Коркунова*. О роли дворянства см. *Романовича-Славатинскаго*, Дворянство въ Россіи, Спб., 1870, мемуары Державина, Болотова, сочиненія Щербатова и др. Оцѣнка дѣятельности губернскихъ учрежденій см. въ докладѣ Балугьянскаго для коммиссіи 1826 г. въ Сб. И. Об., т. XC. Проекты правъ сословій, выработанные частными коммиссіями, напечатаны въ Сб. И. О. т. XXXII и XXXVI. Переписка Екатерины съ Волконскимъ издана въ «Осьмнадцатомъ вѣкѣ», П. Бартенева, т. I. Записка Волконскаго о преобразованіи учрежденій въ Сб. И. О. т. V. Наказъ сената см. въ Сб. И. О. т. LXIII. О реформѣ сената см. богатую библіографическими указаніями статью *В. С. Иконникова*, Сенатъ въ царствованіе Екатерины II, Русскій Архивъ 1888, № 11. Записка Безбородко «О потребностяхъ имперіи Россійской» напечатана въ Сб. Ист. Общ. т. XXIX. Записка Карамзина см. въ Чтеніяхъ О. И. и Др. 1863, кн. III.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П. Милюковъ.

дѣляются такъ, чтобы каждые три года всякая губернія осмотрѣна была въ подробности».

ДОЧЬ ЛЕДИ РОЗЫ.

Романъ м-рсъ Гёмпфри Уордъ.

Перев. съ англійскаго З. Журавской.

(*Продолженіе*) *).

Глава III.

Было около четырехъ часовъ. Сэръ Уильфридъ только что вышелъ отъ леди Генри.

Онъ опять шелъ на Брутонъ-стритъ и думалъ о маленькой сценкѣ между mademoiselle Ле-Бретонъ и леди Генри, которой онъ былъ свидѣтелемъ, и о той надменной рѣзкости, съ которой леди Генри отдавала своей компаньонкѣ одно приказаніе за другимъ—относительно собакъ, обмѣна книгъ въ библіотекѣ, порученія портнихѣ, заказовъ у разныхъ поставщиковъ и т. д., и т. д., какъ бы спеціально для того, чтобы при сэръ Уильфридѣ Бери поставить на свое мѣсто женщину, осмѣлившуюся сдѣлаться ея соперницей. Подъ конецъ, вѣроятно, надѣясь на слѣпоту леди Генри, mademoiselle Ле-Бретонъ неожиданно подняла опущенные глаза и кинула на него гордый и пылкій взглядъ. Губы ея шевелились; сэръ Уильфридъ привсталъ съ кресла, но за ней уже захлопнулась дверь.

Сэръ Уильфридъ не могъ думать объ этомъ безъ нѣкотораго волненія.

«Что она хотѣла? Напомнить мнѣ о Герардслѣ? Положительно я долженъ переговорить съ нею наединѣ, несмотря на леди Генри».

Онъ шелъ по направленію къ Бондъ-Стритъ, размышляя о странныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ женщинъ—о безсильной зависти и злобѣ, глодавшихъ леди Генри, и домашнемъ рабствѣ mademoiselle Ле-Бретонъ, представлявшемъ такой контрастъ съ авторитетомъ, которымъ она пользовалась въ обществѣ. Положеніе трудное и запутанное, и, однако, какъ въ ней сказывается родовая гордость и высокая степень интеллигентности! Старый дипломатъ былъ глубоко заинтересованъ. Онъ чувствовалъ нѣкоторую жалость къ своему старому другу,

*) См. «Міръ Божій», № 6, іюнь.

леди Генри, и относился къ ней снисходительно, но не могъ выкинуть изъ головы mademoiselle Жюли.

«Чего ради она, при такихъ условіяхъ, живетъ у нея?»

Этотъ самый вопросъ онъ предложилъ леди Генри; та презрительно отвѣтила:

— Потому что она любитъ сладко ѣсть и пить и не хочетъ отказаться отъ этого. Само собой, мое обращеніе ей не по вкусу, но она прекрасно знаетъ, что того, что она имѣетъ у меня въ домѣ, ей не найти нигдѣ. Я даю ей точку опору, и этимъ она не станетъ рисковать изъ-за моихъ кислыхъ словъ. Я могу говорить съ ней, какъ мнѣ угодно, и ужъ конечно, церемониться не буду. Да вы только посмотрите на нее— развѣ она создана для бѣдности? Въ роскоши она чувствуетъ себя, какъ рыба въ водѣ. А что бы съ ней было, еслибъ она ушла отъ меня? Бѣгала бы по урокамъ, либо была бы приходящей учительницей въ какой-нибудь школкѣ! Это совсѣмъ не по ней.

— Но вѣдь она могла бы взять другое мѣсто, такое же, какъ у васъ,—намекнулъ сэръ Уильфридъ.

— Вы забываете, что за рекомендаціей пришли бы ко мнѣ. О! я допускаю, что у нея есть шансы. Эта глупышка, Эвелина Кроуборо, давно бы взяла ее къ себѣ, но я шепнула два словечка ея мужу, и тотъ воспротивился. Онъ прямо заявилъ женѣ, что не желаетъ, чтобы у нихъ въ домѣ жила чужестранка и при томъ интриганка. Нѣтъ, нѣтъ, пока мы прикованы другъ къ другу. Я не могу избавиться отъ нея, а ей нѣтъ надобности избавляться отъ меня. Разумѣется, можетъ дойти и до того, что намъ обѣимъ станетъ не въ мочь. Но пока собственный интересъ заставляетъ насъ кое-какъ уживаться. О! не говорите мнѣ, что это гадко! Я сама это знаю. Съ каждымъ днемъ ея пребыванія въ моемъ домѣ я становлюсь все болѣе и болѣе непріятной старухой.

И болѣе требовательной также. Сэръ Уильфриду было смѣшно и жалко вспомнить о томъ, сколько порученій она надавала mademoiselle Жюли.

«Во всякомъ случаѣ», думалъ онъ, «эта дѣвушка добровѣстно зарабатываетъ свой хлѣбъ. Это добрыхъ полдня работы. Но Господи помилуй!» онъ даже остановился. Какъ же это она обѣщала вчера зайти къ герцогинѣ? Вѣдь я слышалъ своими ушами. И леди Генри объ этомъ ни слова! О! это забавно!

Онъ задумчиво пошелъ дальше, по дорогѣ завернулъ въ клубъ, чтобы написать нѣсколько писемъ. Но въ пять часовъ взялъ извозчика и велѣлъ везти себя на Гросвеноръ—скверъ. У подъѣзда огромнаго дворца изъ краснаго кирпича, гдѣ жили Кроуборо, онъ велѣлъ остановиться и спросилъ герцогиню. Великолѣпный дворецкій, предсѣдательствовавшій въ *hall*'ѣ, старый слуга, припомнилъ его и впустилъ безъ всякихъ затрудненій.

— Есть кто-нибудь у ея свѣтлости?—спросилъ сэръ Уильфридъ, когда дворецкій передавалъ его съ рукъ на руки лакею, чтобы тотъ проводилъ его наверхъ.

— Никого, сэръ Уильфридъ, кромѣ миссъ Ле-Бретонъ и м-ра Делафильда. Ея свѣтлость велѣли мнѣ говорить: «нѣтъ дома», но я увѣренъ, что васъ онѣ примутъ.

Сэръ Уильфридъ улыбнулся.

Когда онъ вошелъ въ гостиную, герцогиня и бывшіе съ нею не замѣтили сразу ни лакея, докладывавшаго о немъ, ни его самого, и онъ имѣлъ возможность полюбоваться очаровательной сценкой.

Малютка дѣвочка въ бѣломъ атласномъ платьѣ до пятъ и бѣлой атласной шапочкѣ, обшитой кружевомъ и завязанной подъ подбородкомъ, приподнявъ одной рукой юбочку, танцовала передъ герцогиней и mademoiselle Ле-Бретонъ сидѣвшей за фортепіано. Въ другой рукѣ малютка держала кусочекъ сухарика и съ помощью его управляла движеніями своего кавалера, маленькаго чернаго шпица, граціознаго, съ шелковой шерсткой, который, стоя на заднихъ лапкахъ и не сводя глазъ съ сухарика, повторялъ каждое движеніе своей маленькой госпожи. А она, съ ея большими голубыми глазами, то строгими, то торжествующими, съ бѣлокурыми волосами, выбивающимися изъ-подъ шапочки пышными завитками, съ крошечной ножкой, выглядывавшей изъ-подъ платья, съ поднятой кверху пухленькой ручкой, точно живая сошла съ портрета пра-прабабушки, висѣвшаго на стѣнѣ напротивъ—одного изъ самыхъ удачныхъ твореній Рейнольдса.

За стуломъ mademoiselle Ле-Бретонъ стоялъ Джэкобъ Делафильдъ, а герцогиня, сидѣвшая тутъ же рядомъ на низенькомъ креслѣ, весело отбивала руками тактъ гавота, который играла mademoiselle Жюли, и смѣялась, одобряя свою маленькую дочку. Сама она, съ ея нѣжнымъ бѣлорозовымъ личикомъ въ легкомъ облакѣ свѣтлыхъ волосъ, оживленная, смѣющаяся, съ крошечными бѣлыми ручками, хлопавшими въ тактъ каждому движенію дѣвочки, казалась почти ребенкомъ. Вся въ кружевахъ и шелку, въ свѣтло-голубомъ платьѣ, падавшемъ вокругъ нея изящными складками, маленькая фея, одѣтая Вортомъ, она расшалилась, какъ ребенокъ, и ея серебристый смѣхъ звонко разносился по комнатѣ.

Рядомъ съ ней живой контрастъ ея—Жюли Ле-Бретонъ — тонкая, высокая, смуглая, тоже смѣялась. Тѣ самые глаза, что бросили недавно сэръ Уильфриду такой гордый и пылкій взглядъ, теперь сіяли удовольствіемъ. Джэкобъ Делафильдъ изъ-за ея плеча тоже смѣялся и кричалъ дѣвочкѣ: «Браво, Тотти, отлично!» Всѣ трое, ребенокъ и собака, видимо, отъ души наслаждались обществомъ другъ друга; трудно было бы найти болѣе довольную и счастливую группу.

— Сэръ Уильфридъ!

Удивленная герцогиня вскочила, и въ одинъ мигъ, къ огорченію

сэръ Уильфрида, очаровательная сценка распалась. Дѣвочка сѣла на полъ, съ трудомъ оберегая себя и сухарикъ отъ дикихъ прыжковъ собаки. Делафильдъ вмигъ принялъ обычный безстрастный видъ. Mademoiselle Ле-Бретонъ встала изъ-за рояля.

— Нѣтъ, нѣтъ!—умоляюще воскликнулъ сэръ Уильфридъ, протягивая руку, чтобы остановить ее.—Какъ это нехорошо съ вашей стороны! Продолжайте!

— О! мы здѣсь дурачились съ бэби, — сказала герцогиня. — Ей давно пора въ дѣтскую. Садитесь сэръ Уильфридъ. Жюли, вы сами снесете бэби, или мнѣ позвонить м-рсъ Робсонъ?

— Я снесу ее.

Mademoiselle Ле-Бретонъ опустилась на колѣни передъ дѣвочкой. Та живо вскочила, подобрала свое платьице, смѣясь, но пугливо оглянувшись черезъ плечо на собаку, и однимъ прыжкомъ очутилась въ объятіяхъ mademoiselle Жюли. Затѣмъ, взвизгнувъ отъ восторга, подобрала свои ножки, чтобы шпицъ не могъ ихъ достать, вся дрожа отъ радости и лукавства, прижалась бѣлокурой головкой къ плечу mademoiselle Жюли, и та ее унесла.

Сэръ Уильфридъ, со шляпой въ рукѣ, постоялъ немного, глядя имъ вслѣдъ. Онъ только сейчасъ вспомнилъ, что Лэкинтоны и семья герцогини были въ родствѣ между собой. Онъ какъ-то притихъ и молча сидѣлъ возлѣ хозяйки, пока та заваривала для него свѣжій чай. Но лишь только дверь слѣдующей гостиной затворилась за mademoiselle Жюли, какъ герцогиня съ живостью повернулась къ нему.

— Ну что, очевидно, тетя Флора уже нажаловалась вамъ.

Сэръ Уильфридъ поставилъ на столъ уже поднесенную къ губамъ чашку чаю и посмотрѣлъ сначала на герцогиню, потомъ на Джэкоба Делафильда.

— О! Джэкобу все извѣстно,—поспѣшила успокоить его герцогиня.— Здѣсь главная квартира Жюли; *мы* составляемъ ея штабъ. *Вы* же пришли отъ непріятеля!

Сэръ Уильфридъ вынулъ изъ кармана бѣлый фуляръ и махнулъ имъ.

— Вотъ мой мирный флагъ. Прошу обращаться со мной хорошо.

— Мы сами рады начать съ вами переговоры,—засмѣялась герцогиня.—Не правда ли, Джэкобъ?

И придвинулась къ нему ближе.

— Что вамъ говорила тетя Флора?

Сэръ Уильфридъ медлилъ отвѣтомъ и, казалось, изучалъ свои сапоги. Въ этой позѣ, съ его свѣтлыми, почти сѣдыми волосами, тщательно раздѣленными проборомъ посрединѣ надъ гладкимъ добродушнымъ лбомъ, онъ казался совсѣмъ ручнымъ и смирнымъ Но Джэкобъ Делафильдъ издавна зналъ его.

— Не думаю, чтобы вы поступали правильно,—сказалъ, наконецъ.

———

сэръ Уильфридъ, подымая глаза на герцогиню.—Я здѣсь пришлый человѣкъ, это мнѣ должно быть предоставлено право задавать вопросы.

— Пожалуйста,—сказала герцогиня, опершись подбородкомъ на руку.—Мы съ Джэкобомъ разскажемъ вамъ все, что знаемъ.

Делафильдъ подтвердилъ это кивкомъ головы. Сэръ Уильфридъ посмотрѣлъ на одного, потомъ на другую и поспѣшилъ напомнить себѣ, что они росли вмѣстѣ и съ колыбели были друзьями или могли быть.

— Ну-съ, прежде всего,—началъ онъ, не спѣша,—я пораженъ удивленіемъ при видѣ того, какъ быстро все дѣлаетъ mademoiselle Ле-Бретонъ. Полтора часа тому назадъ,—онъ посмотрѣлъ на часы,—леди Генри при мнѣ надавала ей столько порученій, что обыкновенному смертному хватило бы на полдня.

Герцогиня захлопала въ ладоши и весело сказала:

— Эти порученія исполняетъ теперь за нее моя горничная. Черезъ часъ она вернется. Къ тому времени, какъ Жюли возвратится домой, все будетъ сдѣлано, а я проведу около двухъ часовъ въ ея восхитительномъ обществѣ. Что тутъ дурного?

— А гдѣ же собаки?—спросилъ, озираясь, сэръ Уильфридъ?

— Собаки тети Флоры? Въ комнатѣ экономки объѣдаются бисквитами... Онѣ обожаютъ нашу экономку.

— И леди Генри освѣдомлена объ этомъ раздѣленіи труда?—съ улыбкой продолжалъ допрашивать сэръ Уильфридъ.

— Конечно, нѣтъ,—краснѣя, созналась герцогиня.—Но вѣдь она дѣлаетъ жизнь Жюли невозможной: надо же какъ-нибудь поправлять это. Что такое тетя Флора наговорила вамъ? Мы были увѣрены, что она призоветъ васъ на совѣтъ, она ужъ давно намекала. По всей вѣроятности, она наговорила вамъ, что Жюли интригуетъ противъ нея, много себѣ позволяетъ, ссоритъ ее съ ея друзьями и т. д., и т. д.?

Сэръ Уильфридъ, улыбаясь, подалъ ей свою чашку и попросилъ еще чаю.

— Прошу замѣтить,—сказалъ онъ,—что до сихъ поръ я успѣлъ задать только два вопроса. Если вы хотите, чтобы шансы были совершенно равны, за мной остается право, по крайней мѣрѣ, еще на четыре.

Герцогиня отодвинулась, смущенная и нѣсколько раздосадованная Зато Джэкобъ Делафильдъ наклонился къ нему и сказалъ спокойно, но съ удареніемъ:

— Мы сами жаждемъ, сэръ Уильфридъ, сообщить вамъ все, что намъ извѣстно.

Сэръ Уильфридъ взглянулъ на него. Въ глазахъ молодого человѣка горѣлъ огонь, ясный и ровный, но все же огонь. Сэръ Уильфридъ помнилъ его юношей, лѣнивымъ, немного соней; теперь въ его лицѣ прибавилось много больше выраженія, значительности, силы; это само по себѣ говорило много.

— Во-первыхъ, можете ли вы сообщить мнѣ исторію происхожденія этой леди?

Герцогиня и Джэкобъ Делафильдъ переглянулись. Затѣмъ герцогиня выговорила неувѣренно:

— Да, мы знаемъ... Она довѣрилась намъ. Въ этомъ нѣтъ ничего дискредитирующаго ее...

Выраженіе лица сэръ Уильфрида измѣнилось.

— А! вы то же знаете?—воскликнула герцогиня.

— Я зналъ ея отца и мать,—просто сказалъ сэръ Уильфридъ.

Герцогиня вздохнула съ облегченіемъ. Джэкобъ Делафильдъ всталъ, прошелся по комнатѣ и вернулся къ сэръ Уильфриду.

— Теперь мы можемъ говорить откровенно. Положеніе очень трудное, и мы—Эвелина и я—не знали, имѣемъ ли мы право разъяснять его. Но разъ леди Генри...

— О, да, насчетъ этого можете не безпокоиться. Фактъ родства mademoiselle Ле-Бретонъ...

— Да вѣдь въ этомъ-то родствѣ и все дѣло! Къ нему-то тетя Флора и ревнуетъ!—съ негодованіемъ воскликнула герцогиня.—О, она такая тиранка, эта тетя Флора! Именно потому, что Жюли принадлежитъ къ тому же кругу, что и она, что и всѣ мы, по крови, что бы тамъ ни говорилъ законъ, она и видитъ въ ней соперницу и мучаетъ ее съ утра до ночи. Я вамъ говорю, сэръ Уильфридъ, что вынесла эта бѣдная дѣвушка, этого никто и представить себѣ не можетъ, кромѣ насъ, потому что все это происходило на нашихъ глазахъ. За послѣдніе три года леди Генри обязана ей всѣмъ—прямо-таки всѣмъ! Что бы съ ней было, еслибъ не Жюли? Она говоритъ, что Жюли обманываетъ ее, старается ее вытѣснить, отбиваетъ у нея друзей—и всякій вздоръ въ томъ же родѣ! Желала бы я знать, какъ бы это она одна держала салонъ, слѣпая старуха, которая даже не въ состояніи сама написать приглашеніе или узнать кого-нибудь въ лицо? Сначала леди Генри все свалила на Жюли, гордилась ея умомъ, всячески выдвигала ее; а потомъ, когда оказалось, что Жюли имѣетъ большой успѣхъ, что въ Брутонъ-стритѣ начинаютъ бывать столько же ради нея, сколько ради леди Генри, тогда леди Генри обратилась противъ нея, жалуется на нее всѣмъ и каждому, толкуетъ объ измѣнѣ и вѣроломствѣ и обращается съ Жюли невозможно, прямо топчетъ ее ногами! Развѣ Жюли можетъ не быть умной и привлекательной, когда она умна и привлекательна? еще вчера м-ръ Монтрезоръ говорилъ мнѣ: «Стоитъ этой женщинѣ войти въ комнату, гдѣ я сижу, чтобы я сразу пришелъ въ хорошее расположеніе духа!» А почему? Потому что она никогда не думаетъ о себѣ, но всегда старается выставить въ наилучшемъ свѣтѣ другого. И чтобы леди Генри такъ съ ней обращалась!—Герцогиня съ негодованіемъ развела руками—Вопросъ, конечно, въ томъ, можетъ ли это продолжаться.

———

— Я не увѣренъ,—нерѣшительно началъ сэръ Уильфридъ,—чтобы леди Генри желала бы немедленно положить конецъ такому положенію вещей.

Делафильдъ злобно засмѣялся.

— Дѣло не въ ней, а въ томъ, можетъ ли mademoiselle Жюли и ея друзья дольше мириться съ нимъ.

— Видите ли вы,—съ жаромъ заговорила герцогиня.—Жюли такое преданное, любящее созданіе. Она помнитъ, что леди Генри вначалѣ была добра къ ней, дала ей возможность выдвинуться, а теперь она старѣется, хвораетъ... Жюли ужасно жалѣетъ ее. Она не хочетъ бросить ее одну, на произволъ слугъ...

— Насколько я понимаю, слуги также преданы mademoiselle Жюли?—спросилъ сэръ Уильфридъ.

— Да; леди Генри и въ этомъ видитъ для себя обиду?—презрительно вставилъ Делафильдъ.—А какъ же имъ не любить ея? Когда у дворецкаго ребенокъ былъ боленъ, та же mademoiselle Жюли навѣщала его въ больницѣ, носила ему цвѣты и виноградъ...

— Изъ оранжерей леди Генри?

— Ну такъ что же? У леди Генри столько всего этого, что она не знаетъ, куда дѣвать. Да вѣдь и не въ одномъ же виноградѣ дѣло! Тутъ важна трата времени, забота, вниманіе. Затѣмъ, когда младшій выѣздной задумалъ выселиться въ Америку, кто же, какъ не mademoiselle Жюли помогъ ему? Она нашла ему мѣсто, выпросила для него у м-ра Монтрезора рекомендательное письмо къ его американскимъ друзьямъ, и, разумѣется, малый теперь преданъ ей на всю жизнь. Желалъ бы я знать, когда это леди Генри дѣлала что-нибудь подобное? Само собой, слуги любятъ mademoiselle, и она этого заслуживаетъ.

— Я вижу, вижу,—сказалъ сэръ Уильфридъ, слегка кивая головой и не отводя глазъ отъ ковра,—эта молодая дѣвица очень сообразительна, умѣетъ попасть въ самую точку.

Делафильдъ кинулъ ему недовольный и слегка недоумѣвающій взглядъ.

— Развѣ въ этомъ есть что-нибудь дурное?—спросилъ онъ почти рѣзко.

— О, ничего, ничего!—поспѣшилъ завѣрить сэръ Уильфридъ.—Но скажите, пожалуйста, почему леди Генри все говоритъ объ интригахъ? Всегда ли mademoiselle дѣйствовала въ отношеніи ея открыто и прямо?

— Послушайте,—повела плечиками герцогиня,—развѣ съ такой старой тиранкой можно дѣйствовать совершенно открыто и прямо? Съ ней поневолѣ приходится хитрить. Въ послѣднее время, чтобы быть увѣренной, что весь день Жюли принадлежитъ ей, она наваливаетъ на нее такую кучу работы, что, еслибъ не я, бѣдной дѣвушкѣ некогда было бы вздохнуть, не говорю ужъ—развлечься. Прошлымъ лѣтомъ

вышла цѣлая исторія изъ-за того, что Жюли во время вакацій, когда леди Генри думала, что она въ Парижѣ, у школьной подруги, на самомъ дѣлѣ прогостила недѣльку у Дёнкомовъ—это замужняя племянница леди Генри—у нихъ помѣстье въ Кентѣ. Дёнкомы познакомились съ нею, конечно, у той же леди Генри, потомъ встрѣтили ее въ Луврѣ, узнали ближе, пришли въ восторгъ отъ нея и стали упрашивать, чтобъ она заѣхала къ нимъ на обратномъ пути—ихъ помѣстье возлѣ Кэнтербёри. Они съ Жюли рѣшили, что лучше не говорить объ этомъ леди Генри—она такъ нелѣпо ревнива, но потомъ это какъ-то вышло наружу, и леди Генри разсвирипѣла.

— Я долженъ замѣтить,—поспѣшно вставилъ Делафильдъ,—что, по моему, въ данномъ случаѣ лучше было дѣйствовать открыто; я и тогда это говорилъ.

— Можетъ быть,—неохотно согласилась герцогиня и опять повела плечами.—Но что же дѣлать теперь? Леди Генри должна измѣнить свое обращеніе, иначе Жюли не можетъ и не должна оставаться у нея. У Жюли много приверженцевъ, не правда ли, Джэкобъ? Они не позволятъ замучить ее до смерти.

— Конечно, нѣтъ. И въ то-же время,—Делафильдъ повернулся къ старому дипломату,—всѣ мы видимъ и понимаемъ выгоды настоящей комбинаціи. Гдѣ найдетъ леди Генри другую такую особу, какъ mademoiselle Ле-Бретонъ, которая бы съумѣла такъ поставить ея домъ и ея салонъ. За послѣдніе два года ея пятницы были самыя удачныя и блестящія въ Лондонѣ. А для mademoiselle Ле-Бретонъ, разумѣется, много значитъ покровительство леди Генри...

— Много?—воскликнулъ сэръ Уильфридъ.—Все, милый мой Джэкобъ!

— Н-не знаю,—протянулъ Делафильдъ.—Быть можетъ, это покупается слишкомъ дорогою цѣной.

Сэръ Уильфридъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на него. Онъ зналъ Джэкоба Делафильда ребенкомъ, зналъ школьникомъ, зналъ студентомъ—всегда, несмотря на свою обычную безпечность и лѣнь, юноша глубоко возмущался несправедливостью и притѣсненіемъ, въ каждый данный моментъ его легко было поднять на защиту обиженнаго. Что руководитъ имъ теперь? Завербовала ли его герцогиня и онъ просто вступился за слабаго, потому что это въ его натурѣ? Или же...

— Само собой, мы должны приложить всѣ старанія, чтобы уладить дѣло,—помолчавъ, замѣтилъ сэръ Уильфридъ.—Быть можетъ, mademoiselle Ле-Бретонъ разрѣшитъ мнѣ при случаѣ вставить за нее словечко. Думаю, что я еще имѣю нѣкоторое вліяніе на леди Генри. Но только, милая моя крестница,—онъ положилъ свою руку на руку герцогини,—не посылайте вы вашу горничную исполнять порученія.

— Но вѣдь это необходимо! Подумайте только: 16-го открывается мой базаръ. Я прямо не могу обойтись безъ Жюли. Вы не знаете, какая она мастерица все это устраивать. Я непремѣнно хочу, чтобъ

она декламировала. Она такъ великолѣпно говоритъ по-французски! И потомъ она такая умница, такая изобрѣтательная! У нея все идетъ, какъ по маслу, стоитъ ей взяться за дѣло. Но если я заикнусь объ этомъ тетѣ Флорѣ, она станетъ бросать намъ палки въ колеса. Ей нестерпима мысль, что Жюли можетъ имѣть успѣхъ и быть на виду. Ужъ безъ этого не обойдется!

— И все-таки, Эвелина,—вмѣшался Делафильдъ, видимо, опять чувствуя себя неловко,—я полагаю лучше сказать леди Генри.

— Ну тогда и отложите попеченіе: все-равно ничего не выйдетъ!—капризно воскликнула герцогиня и отвернулась.

Делафильдъ, шагая изъ угла въ уголъ, вдругъ поднялъ руку, какъ бы предостерегая. Въ сосѣднюю комнату вошла mademoiselle Ле-Бретонъ.

— Жюли! Идите сюда!—Герцогиня вскочила и побѣжала ей навстрѣчу.—Джэкобъ такой гадкій!.. Онъ говоритъ, что намъ лучше сказать леди Генри относительно 16-го.

Молодая женщина обняла рукой за талію mademoiselle Ле-Бретонъ и, наморщивъ лобикъ, озабоченно смотрѣла на нее. Эти двѣ женщины—одна хрупкая, хорошенькая, нервно подвижная, съ пышной прической и платьемъ, другая смуглая, стройная, сильная, вся съ ногъ до головы въ черномъ—представляли между собою рѣзкій контрастъ.

Пока герцогиня говорила, Жюли, улыбаясь, смотрѣла на Джэкоба Делафильда.

— Я въ вашей власти,—сказала она кротко.—Само собой, я не желаю ничего скрывать отъ леди Генри. Пожалуйста, рѣшите за меня.

Вокругъ рта сэръ Уильфрида легла насмѣшливая складка. Онъ отвернулся и началъ играть разрѣзнымъ ножичкомъ.

— Жюли,—нерѣшительно заговорила герцогиня,—надѣюсь, вы не разсердитесь—мы тутъ немного посовѣтовались съ сэръ Уильфридомъ. Я была увѣрена, что тетя Флора говорила ему...

— Разумѣется. Я сама была въ этомъ увѣрена.

Жюли слегка выпрямила станъ и посмотрѣла на сэръ Уильфрида. Она говорила спокойно, но каждое ея движеніе было какъ-то особенно интересно и значительно. Сила характера давала себя знать и подъ маской покоя.

Сэръ Уильфридъ противъ воли началъ оправдываться:

— Видите-ли, mademoiselle, со стороны леди Генри было естественно довѣриться мнѣ. Она, вѣроятно, говорила вамъ, что я нѣсколько лѣтъ былъ ея повѣреннымъ и опекуномъ надъ ея имуществомъ. Въ силу этого, ей приходилось совѣтоваться со мной о многомъ. И, насколько я могу судить, изъ ея словъ и изъ того, что говоритъ герцогиня, ясно, что для нея, при ея теперешнемъ безпомощномъ состояніи, всего вѣрнѣе сохранить свои отношенія съ вами.

Онъ говорилъ серьезно и ласково; насмѣшливыя складки на его

гладко выбритомъ и хорошо выдрессированномъ лицѣ совсѣмъ исчезли. Жюли Ле-Бретонъ съ достоинствомъ отвѣтила:

— Да, для нея они важны. Но боюсь, что въ такомъ видѣ они не могутъ продолжаться.

Наступила пауза. Затѣмъ сэръ Уильфридъ подошелъ къ mademoiselle.

— Я слышалъ, что вы собираетесь домой? Вы мнѣ позволите проводить васъ?

— Конечно.

Герцогиня, огорченная тѣмъ оборотомъ, какой приняло дѣло,—теперь у нея было мало надежды на успѣхъ базара,—напрасно возставала противъ такого внезапнаго ухода. Жюли закуталась въ свою мѣховую накидку, причемъ сэръ Уильфридъ, знатокъ въ этихъ вещахъ, сразу замѣтилъ, что мѣхъ красивый и дорогой, и стала прощаться. Оставила ли она свою руку дольше, чѣмъ слѣдуетъ, въ рукѣ Джэкоба Делафильда? Выражалось ли во взглядѣ молодого человѣка нѣчто большее, чѣмъ готовность, помощь и поддержка, какой, по справедливости, заслуживаетъ угнетенный?

Сэръ Уильфридъ не былъ увѣренъ ни въ томъ, ни въ другомъ.

Когда они вышли на побѣлѣвшій отъ инея, ярко освѣщенный Гросвеноръ-скверъ, Жюли Ле-Бретонъ повернулась къ своему спутнику.

— Вы знали мою мать и отца. Я помню, вы пріѣзжали къ намъ.

Что такое было въ ея голосѣ — въ этомъ красивомъ, звучномъ голосѣ? Онъ звучалъ твердо, но въ немъ какъ-то чувствовалась близость волненія, что всему придавало драматическую окраску.

— Да, да,—повторялъ онъ нѣсколько смущенно.—Я хорошо зналъ ее—еще дѣвочкой зналъ на школьной скамьѣ... Бѣдная леди Роза!

Его спутница неожиданно остановилась, и голосъ ея, когда она заговорила, звучалъ нѣсколько хрипло.

— Если вы были другомъ моей матери, вы меня выслушаете терпѣливо, хотя вы и повѣренный леди Генри.

— Разумѣется!—воскликнулъ сэръ Уильфридъ, и они пошли дальше.

Глава IV.

— Но прежде всего, — сказала mademoiselle Ле-Бретонъ, не безъ досады глядя на чету терьеровъ, съ лаемъ прыгавшихъ вокругъ нея, — надо отвести домой собакъ; при нихъ никакой разговоръ невозможенъ.

— У васъ всѣ дѣла уже сдѣланы?

Его спутница улыбнулась.

— Все, что нужно леди Генри, находится здѣсь.—Она указала на сумку, висѣвшую у нея на рукѣ и на глазахъ сэръ Уильфрида переданную ей въ hall'ѣ, послѣ какихъ-то таинственныхъ переговоровъ ше-

потомъ, элегантно одѣтою молодою женщиной, безъ сомнѣнія, горничной герцогини.

— Позвольте, я буду нести.

Mademoiselle Ле-Бретонъ придержала мѣшокъ.

— Очень вамъ благодарна, но такія вещи меня нимало не смущаютъ.

Они ускорили шагъ. При собакахъ, дѣйствительно, разговоръ былъ невозможенъ. Когда ихъ вели на цѣпочкѣ, они все время воевали съ тѣмъ, кто ихъ велъ. Когда ихъ спускали, онѣ не пропускали ни одного пожилого джентльмена и ни одного мальчишки разсыльнаго.

— Вы всегда сами водите ихъ гулять?—спросилъ сэръ Уильфридъ, когда онъ и его спутница раскраснѣлись и выбились изъ силъ.

— Всегда.

— Вы любите собакъ?

— Любила прежде. Можетъ быть, опять когда-нибудь буду любить

— А я такъ желалъ бы, чтобъ у нихъ у всѣхъ была одна только шея! — мрачно выговорилъ сэръ Уильфридъ, только что извлекшій Макса, старшаго изъ террьеровъ, изъ телѣжки съ пирожками, въ которой владѣлецъ, по оплошности, оставилъ дверцы открытыми, заболтавшись въ сосѣдней кухнѣ. Тѣмъ временемъ mademoiselle Жюли возилась съ Нерономъ, младшимъ, нырнувшимъ въ самую глубь необыкновенно вонючаго мусорнаго ведра, стоявшаго у входа въ больницу.

— Неужели же вы всегда производите на лондонскихъ улицахъ такую кутерьму? — недовѣрчиво спросилъ еще разъ сэръ Уильфридъ, когда они, наконецъ, благополучно сдали собакъ лакею у подъѣзда леди Генри.

— Два раза въ день, утромъ и вечеромъ, — усмѣхнулась mademoiselle Жюли. И обратилась къ лакею: — Передайте, пожалуйста, леди Генри, что я буду дома черезъ полчаса.

Они свернули въ западную часть города, гдѣ на улицахъ было свѣтло и людно. Сэръ Уильфридъ скоро замѣтилъ, что среди красивыхъ и хорошо одѣтыхъ женщинъ, то и дѣло попадавшихся имъ навстрѣчу, его спутница болѣе чѣмъ не терялась. Теперь она напоминала ему не столько свою мать, сколько отца. Сэръ Уильфридъ впервые познакомился съ Маріоттомъ Дальримплемъ въ Дамаскѣ, когда тотъ, двадцати шести лѣтъ отъ роду, только начиналъ рядъ своихъ знаменитыхъ путешествій по Востоку, прославившихъ его имя. Это былъ блестящій молодой человѣкъ; отъ него вѣяло несокрушимой силой, съ которой все легко, презрѣніемъ къ посредственности, неспособностью подчиняться...

— Я бы желала, чтобъ вы замѣтили себѣ,—начала Жюли,—что я вошла въ домъ леди Генри, исполненная самыхъ лучшихъ намѣреній.

— Я въ этомъ увѣренъ, — сказалъ сэръ Уильфридъ, отрываясь мыслью отъ Дамаска. — И вамъ, должно быть, предстояла очень трудная задача.

Mademoiselle Ле-Бретонъ пожала плечами. — Разумѣется, я знала заранѣе, что мнѣ будетъ трудно. И что касается разныхъ непріятностей — собакъ и тому подобное, — это бы еще не бѣда; съ этимъ я охотно готова мириться. Но я не могу допустить, чтобы меня унижали въ присутствіи тѣхъ, которые сдѣлались моими друзьями только потому, что леди Генри сама этого добивалась!

— Леди Генри вначалѣ вполнѣ довѣряла вамъ.

— Черезъ два мѣсяца она уже все сдала мнѣ на руки — домъ, хозяйство, пріемы, корреспонденцію, такъ сказать, почти всю свою общественную жизнь. Она повѣряла мнѣ всѣ свои тайны («ну ужъ это-то нѣтъ, голубушка! Это едва-ли!» подумалъ сэръ Уильфридъ); она обращалась къ моей помощи во всѣхъ своихъ дѣлахъ. И, по совѣсти скажу: я дѣлала все, что могла, чтобъ облегчить ея жизнь.

— Такъ я понялъ и изъ ея словъ.

— Такъ почему-же,—съ внезапной страстью въ голосѣ воскликнула, повернувшись къ нему, mademoiselle Ле Бретонъ,—почему леди Генри не можетъ оставить меня въ покоѣ? Развѣ преданность и... и тѣ качества, которыя ей требовались во мнѣ, встрѣчаются такъ ужъ часто? Я сказала себѣ, что хоть она и слѣпа, и безпомощна, отъ этого она ничего не должна терять. Не только хозяйство и дѣла ея должны идти такъ же хорошо, какъ прежде, но и салонъ ея сохранитъ прежнюю привлекательность, и ея пятницы будутъ попрежнему блестящи. Свѣтъ готовъ былъ покинуть ее. Я помогла ей вернуть его обратно. Она не можетъ жить безъ общества, безъ успѣха, а теперь она меня ненавидитъ за то, что я сдѣлала. Развѣ это справедливо! Развѣ это разумно?

— По всей вѣроятности, она чувствуетъ, что успѣхомъ ея салонъ обязанъ теперь уже не ей.

— Да, такъ она говоритъ. Но, пожалуйста, вдумайтесь хорошенько въ эти слова. У нея собираются гости — что же мнѣ пойти спать и оставить ее съ ними одну? Я не разъ это предлагала, но, разумѣется, это невозможно. А разъ уже мнѣ необходимо быть тамъ, должна же я, мнѣ кажется, держать себя, какъ леди, а не какъ горничная. Право, леди Генри требуетъ слишкомъ многаго! Въ маленькой квартиркѣ моей матери въ Брюггѣ, гдѣ у насъ бывали всего два-три человѣка, я привыкла къ такому же хорошему обществу и болтовнѣ, не менѣе блестящей, чѣмъ та, какую слыхала на своемъ вѣку леди Генри!

Они проходили мимо электрическаго фонаря, и сэръ Уильфридъ, поднявъ глаза, былъ и взволнованъ, и нѣсколько непріятно пораженъ выраженіемъ лица своей собесѣдницы. Когда это видано, чтобы компаньонка, живущая на жалованьи, позволяла себѣ такъ говорить! Онъ снова почувствовалъ приливъ симпатіи къ леди Генри.

— Неужели же у леди Генри такъ-таки нѣтъ ровно никакихъ причинъ быть недовольной?—суховато спросилъ онъ.

Mademoiselle Ле-Бретонъ не сразу отвѣтила.

— Я не хочу выставлять себя святой,—сказала она, наконецъ, совсѣмъ другимъ тономъ, смиреннымъ, но въ этомъ смиреніи было не меньше гордости, чѣмъ въ ея прежнихъ самоувѣренныхъ отвѣтахъ. — Я... я выросла въ бѣдности... мать моя умерла, когда мнѣ было всего пятнадцать лѣтъ. Мнѣ приходилось защищаться, какъ защищаются бѣдняки — при помощи молчанія. Я выучилась не говорить о томъ, что касается меня лично. Я не могла позволить себѣ быть искренной— какъ богатыя англійскія дѣвушки. Больше скажу—иногда я скрытничала тамъ, гдѣ лучше было говорить и дѣйствовать открыто, конечно, только въ пустякахъ, и если бы леди Генри отнеслась снисходительнѣе...

Голосъ ея дрогнулъ, и это, видимо, было ей непріятно. Они сдѣлали нѣсколько шаговъ молча.

— «Только въ пустякахъ?» спрашивалъ себя сэръ Уильфридъ.

Уста ихъ молчали, но умы какъ бы продолжали бесѣдовать между собой, потому что нѣкоторое время спустя Жюли Ле-Бретонъ безъ всякихъ вступленій сказала:

— Разумѣется, я говорю только о тѣхъ случаяхъ, когда леди Генри имѣла нѣкоторое право знать, какъ я поступила или намѣрена поступить. Что касается до моихъ мыслей и чувствъ, леди Генри не имѣетъ никакихъ правъ на мое довѣріе.

«Это предупрежденіе, молъ, примите къ свѣдѣнію!» — подумалъ сэръ Уильфридъ, а въ слухъ сказалъ:

— Насколько я понялъ, тутъ дѣло не въ мысляхъ и чувствахъ, а въ поступкахъ.

— Въ родѣ визита къ Дѣнкомамъ?—нетерпѣливо перебила mademoiselle Ле-Бретонъ—О! тутъ я вполнѣ признаю себя виноватой,—и такихъ примѣровъ леди Генри могла бы привести нѣсколько. Видите-ли— она сама помогла мнѣ пріобрѣсти друзей, и потому только, что это ей непріятно, я должна со всѣми порвать. Но она забываетъ объ одномъ. Друзья слишкомъ, слишкомъ новы для меня — слишкомъ дороги...

Голосъ опять измѣнилъ ей. Какъ онъ вздрагивалъ и проникалъ въ душу. Сэръ Уильфридъ, самъ того не сознавая, жадно прислушивался къ каждому слову.

— Нѣтъ,—продолжала дѣвушка.—Если вопросъ будетъ поставленъ такъ: или отказаться отъ друзей, которыхъ я пріобрѣла въ ея домѣ, или уйти—я уйду. Это лучше выяснить сразу.

Сэръ Уильфридъ посмотрѣлъ на нее.

— Вы мнѣ позволите предложить вамъ одинъ вопросъ, mademoiselle.

— Конечно. Сколько хотите.

— Питали ли вы, питаете ли вы теперь хоть нѣкоторую симпатію къ леди Генри?

— Симпатію? Я могла бы страшно привязаться къ ней. Леди Генри чрезвычайно интересная женщина. Видѣть изо дня въ день, какъ она борется съ своими недугами—это прямо великолѣпно.

Ничего не могло быть пріятнѣе модуляціи ея голоса при этихъ словахъ — перехода отъ первой удивленной ноты къ серьезному и женственно-нѣжному окончанію. И опять въ нихъ прозвучало затаенное и рвущееся наружу чувство. Нарождавшееся въ душѣ сэръ Уильфрида чувство антипатіи къ ней нѣсколько смягчилось.

— Все-таки, — началъ онъ мягко, — надо быть снисходительной. Надо же принять въ разсчетъ старость и слабость...

— О! что касается этого, вы не можете сказать мнѣ ничего такого, чего бы я сама постоянно не говорила сама себѣ! — вырвалось у нея почти рѣзко. — Но есть вещи, которыя... иногда ея раздражительность становится не только мучительной для меня, но и унизительной для нея самой... О! Еслибъ вы только знали!.. — дѣвушка съ негодованіемъ перевела духъ.—Мнѣ трудно даже заставить себя говорить о такихъ misères. Но вѣдь ее все раздражаетъ — она ко всему ревнуетъ. Ей обидно, что я заказала себѣ новое платье, что м-ръ Монтрезоръ прислалъ мнѣ билетъ на право входа въ палату общинъ, что Эвелина Кроуборо сдѣлала мнѣ подарокъ къ Рождеству... она на все обижается. Давеча на Рождество Эвелина подарила мнѣ этотъ мѣхъ,—она единственный человѣкъ въ Лондонѣ, отъ котораго я могу принять хоть фартингъ, или вещь стоимостью въ одинъ фартингъ...

Она умолкла и неожиданно задала ему вопросъ:

— Какъ вы думаете, почему я взяла отъ нея подарокъ?

— Она вамъ родственница, — спокойно сказалъ сэръ Уильфридъ.

— А вы это знали! Ну такъ вотъ,—почему же Эвелинѣ не быть доброй ко мнѣ, хотя я — то, что есть! Я напомнила объ этомъ леди Генри, но она считаетъ меня чѣмъ-то въ родѣ приживалки, которая льнетъ къ герцогинѣ, чтобы получать подарки выше своего положенія. Она мнѣ наговорила такихъ вещей, которыя трудно забыть, я промолчала, но не перестала носить мѣха.

Какъ властно повела она худенькими плечами подъ ниспадавшими съ нихъ складками шеншилля! Мѣховая накидка получила символическое значеніе знамени, которое ни на минуту нельзя выпускать изъ рукъ.

— Я никогда не отвѣчала ей—понимаете?—никогда!—продолжала она торопливо.—Вы видѣли сегодня, какъ леди Генри отдаетъ мнѣ приказанія. Ни съ одной служанкой въ домѣ она не посмѣла бы говорить такимъ тономъ. Развѣ я обидѣлась?

— Вы выказали большую выдержку и снисходительность, я восхищался вами.

— Ахъ, какая тутъ выдержка! Я боюсь, что вы меня не поймете. Во всей этой исторіи самое странное то, что я боюсь леди Генри—до смерти боюсь; когда она говоритъ со мной, я чувствую себя, какъ ребенокъ, который закрываетъ лицо руками, чтобы избѣжать удара. Я инстинктивно не то что повинуюсь, но готова ползать у ней въ ногахъ. Еслибъ

вы провели свою юность, какъ я; еслибъ вы существовали, учились, веселились только изъ милости; еслибъ вамъ приходилось какъ-нибудь поддерживать свое достоинство передъ другими дѣвушками, у которыхъ была семья, деньги, друзья, имя, все—тогда какъ у васъ...

Она вдругъ смолкла, намѣренно остановилась, прежде чѣмъ у нея оборвался голосъ. Сэръ Уильфриду было неловко отъ сознанія, что онъ не можетъ высказать ей надлежащаго сочувствія, котораго, казалось, требовало все ея существо. Но она тотчасъ оправилась.

— Я думаю, мнѣ лучше описать вамъ вкратцѣ нашу жизнь за послѣдніе полгода,—сказала она, повернувшись къ нему,—разумѣется съ моей точки зрѣнія. Но вѣдь вы уже выслушали леди Генри.

И она очень сдержанно изложила ему главныя ссоры и недоразумѣнія, отравлявшія жизнь въ Брутонъ-стритѣ въ указанный ею періодъ времени. Это была непріятная исторія, и Жюли, очевидно, разсказывала её съ отвращеніемъ. Въ ея тонѣ была нотка оскорбленной деликатности—словно у человѣка, забрызганнаго грязью противъ его воли.

Трудно было сказать что-нибудь въ защиту леди Генри. Все это дѣйствительно выходило «гнусно». Двѣ женщины, обѣ умныя, образованныя, разныхъ лѣтъ, прикованныя другъ къ другу, вздорили изъ-за каждаго пустяка; старшая жестоко ревновала къ успѣху въ обществѣ своей компаньонки, который казался ей оскорбленіемъ ея знатному роду и былому вліянію въ свѣтѣ, младшая защищалась, сначала льстя и покоряясь, затѣмъ, когда убѣдилась, что безнадежно, пуская въ ходъ всю свою ловкость и знаніе свѣта, что, по крайней мѣрѣ, по внѣшности, весьма походило на интриги; изъ этихъ элементовъ складывалось положеніе нестерпимое для обѣихъ, и по мѣрѣ того, какъ Жюли разсказывала, сэръ Уильфридъ сознавался себѣ, что найти выходъ изъ этого положенія трудно. Онъ самъ не зналъ, на чьей сторонѣ его симпатіи.

— Нѣтъ! Я и то была слишкомъ уступчива!—съ грустью закончила свой разсказъ mademoiselle Ле-Бретонъ.—Мнѣ стыдно вспомнить, что я терпѣла. Но теперь дѣло зашло слишкомъ далеко. Надо что-нибудь предпринять. Если я уйду—леди Генри придется трудно.

Сэръ Уильфридъ посмотрѣлъ на свою спутницу.

— Леди Генри сама хорошо это знаетъ.

— Да, — былъ спокойный отвѣтъ, — знаетъ, но не представляетъ себѣ ясно, какъ это будетъ. Видите ли, если дойдетъ до разрыва она не потерпитъ полумѣръ. Тѣмъ, кто приметъ мою сторону, придется поссориться съ ней. А за меня будутъ многіе.

Сэръ Уильфридъ непріязненно усмѣхнулся.—Вы, очевидно, все это хорошо обдумали.

Mademoiselle Ле-Бретонъ не отвѣтила. Нѣсколько минутъ они шли молча. Вдругъ она начала, такъ неожиданно и такъ тихо, что сэръ Уильфридъ даже вздрогнулъ:

— Если бы леди Генри могла когда-нибудь почувствовать, что она унизила меня, что я сознаю себя въ ея власти. Но этого она никогда не могла добиться. Она знаетъ, что я считаю себя ничуть не ниже ея по происхожденію, что я не стыжусь своихъ родителей, что мои принципы позволяютъ мнѣ имѣть собственное мнѣніе о такихъ вещахъ...

— Ваши принципы?—пробормоталъ сэръ Уильфридъ.

— Вы правы!—Она вдругъ повернулась къ нему, съ виду спокойная, но съ затаенной страстью въ голосѣ.—Мнѣ волей-неволей пришлось все обдумать! Я знаю, конечно, что свѣтъ думаетъ заодно съ леди Генри. А потому я должна жить безъ имени, безъ родныхъ и держать языкъ за зубами. Еслибъ свѣтъ зналъ, онъ бы считалъ, что я не смѣю въ глаза никому взглянуть. А я смѣю! Я такъ же горжусь моей матерью, какъ и моимъ отцомъ. Я боготворю память обихъ! Этого рода условности въ моихъ глазахъ—ничто!..

— Милая моя барышня!

— О! Я не жду сочувствія ни отъ васъ и ни отъ кого!—усмѣхнулась она, и въ ея голосѣ, какъ ни былъ онъ тихъ, старый дипломатъ почуялъ приближеніе бури.—Вы свѣтскій человѣкъ—вы знали моихъ родителей—и тѣмъ не менѣе я прекрасно понимаю, что и въ вашихъ глазахъ я покрыта безславіемъ. Ну и пусть! И пусть! Мнѣ все равно! Каждый судитъ, какъ ему угодно, но только...

Она съ трудомъ совладала съ собой и снова смолкла. Они шли теперь въ розоватыхъ февральскихъ сумеркахъ къ мраморной аркѣ. Было слишкомъ темно чтобы разглядѣть ея лицо подъ вуалеткой, да сэръ Уильфридъ и не хотѣлъ его видѣть. Но прежде чѣмъ онъ усиѣлъ собраться съ мыслями, его спутница уже опять заговорила, совсѣмъ другимъ тономъ:

— Не знаю, съ чего это я такъ разболталась съ вами. Должно быть оттого, что вы видѣли насъ въ Герардслоо.—Она подняла вуаль, и ему показалось, что она отираетъ слезы. — Этого никогда еще не бывало со мною въ Лондонѣ.—Ну-съ, итакъ вернемся къ нашему разговору. Если произойдетъ разрывъ...

— Зачѣмъ же непремѣнно разрывъ? Милая миссъ Ле-Бретонъ, выслушайте меня. Я отлично вижу, что у васъ много причинъ быть недовольной, но вѣдь и у леди Генри есть свои обиды.

И учтиво-авторитетнымъ тономъ, съ тактомъ, достойнымъ его профессіи, старый дипломатъ началъ обсуждать положеніе.

Началъ и самъ дивился тому, съ какимъ участіемъ къ ней, словно они близкія друзья! Что такое есть въ этой дѣвушкѣ, что она заставляетъ мужчину противъ его воли брать ее подъ защиту? Многое изъ того, что она говорила, казалось ему дерзкимъ или болѣзненно исковерканнымъ. Но теперь, когда ея возбужденіе видимо улеглось, когда она слушала его, такая растерянная, безпомощная, онъ чувствовалъ въ ней именно ту женскую слабость и робость, въ которой она

винила себя по отношенію къ леди Генри, и чисто по-мужски чувствовалъ себя обезоруженнымъ. Она говорила рѣзко, запальчиво — безъ сомнѣнія, потому что была поставлена въ трудное положеніе. Но когда пришелъ его чередъ говорить, она не сердилась и не возражала. Чѣмъ ласковѣй звучалъ его голосъ, тѣмъ больше она уступала, иногда прямо-таки шла ему навстрѣчу, словно рѣзкость ея рѣчей всего больнѣе задѣвала ее самое, и за всѣмъ этимъ притаилась печальная жизнь и тоскующее сердце, которое только и просило немного пониманія и сочувствія.

«Я скоро буду называть ее: «душа моя» и гладить ея ручку!» думалъ старый дипломатъ, дивясь самому себѣ. Уныніе, выражавшееся въ ея лицѣ и походкѣ начинало его тяготить; ему искренно хотѣлось ободрить и утѣшить ее. Онъ все больше и больше напрягалъ свой умъ, чтобы распутать эту путаницу отношеній двухъ одинаково воспріимчивыхъ женщинъ. Для кого же онъ такъ старался? Какъ будто не для леди Генри—и ужъ, конечно, не для миссъ Ле-Бретонъ? Такъ для кого же? Не для тѣхъ ли, теперь уже умершихъ, бѣдныхъ влюбленныхъ, которые много лѣтъ тому назадъ такъ тронули его сердце? не ихъ ли призраки рѣяли вокругъ него, на крыльяхъ зимняго вѣтра?

Какъ бы тамъ ни было, отечески мудрые совѣты такъ и сыпались изъ его устъ, и миссъ Ле-Бретонъ внимала ему съ самой лестной покорностью.

— Ну, теперь мы, кажется, пришли къ соглашенію,—весело сказалъ онъ, когда они повернули назадъ, на Брутонъ-стритъ.

Mademoiselle Ле-Бретонъ вздохнула.

— Вы очень добры.—О! я сдѣлаю все, что могу. Но...

Она съ покачала головой. Съ видомъ сомнѣнія.

— Нѣтъ, нѣтъ! Не надо «но»! Предположимъ, что вы для начала скажите ей о базарѣ.

— Обязательно скажу. Она меня не пуститъ. Но Эвелина найдетъ кого-нибудь другого.

— Ну, это мы еще увидимъ! Если вы мнѣ разрѣшите, я попытаю счастья.

Жюли Ле-Бретонъ не отвѣтила, но ея глаза улыбнулись ему съ грустной лаской, которая не ускользнула отъ него, даже и въ темнотѣ. Въ этомъ уступчивомъ настроеніи ея голосъ и движенія были полны такой затаенной нѣжности, такого благородства, что сэръ Уильфридъ совсѣмъ растаялъ.

И вдругъ у него мелькнула мысль, заставившая его опять сжаться.

— М-ръ Делафильдъ, если не ошибаюсь, очень причастенъ всей этой исторіи?

Mademoiselle Ле-Бретонъ засмѣялась и сразу отвѣтила.

— Онъ очень добръ ко мнѣ. Онъ какъ-то слышалъ, какъ леди Генри говорила со мной—разсердясь. Это на него, повидимому, не-

пріятно подѣйствовало. Онъ пытался раза два укротить ее. О! онъ былъ очень добръ ко мнѣ.

— Онъ имѣетъ на нее вліяніе?

— Не особенно большое.

— Вы о немъ хорошаго мнѣнія?

Онъ повернулся къ ней разсчитанно рѣзкимъ движеніемъ. Она какъ будто немного удивилась.

— Я? Но вѣдь его всѣ считаютъ хорошимъ человѣкомъ. Герцогъ, говорятъ, во всемъ ему довѣряетъ.

— Когда я покидалъ Англію, онъ былъ еще студентомъ, лѣнивымъ, немножко соней. Мнѣ любопытно было посмотрѣть, насколько онъ съ тѣхъ поръ развился. Извѣстно вамъ, на чемъ сосредоточиваются теперь его интересы.

Mademoiselle Ле-Бретонъ колебалась.

— Право, боюсь, что я не знаю,—сказала она наконецъ, улыбаясь и какъ будто съ сожалѣніемъ.—Но Эвелина Кроуборо, конечно, все вамъ разскажетъ о немъ. Они такіе старые друзья!

«Нѣтъ, изъ нея немного вытянешь»,—мысленно сказалъ себѣ сэръ Уильфридъ.

Невдалекѣ уже виденъ былъ фонарь надъ подъѣздомъ леди Генри, когда сэръ Уильфридъ, погоривъ немного о Монтрезорѣ, у котораго онъ долженъ былъ сегодня обѣдать, словно вскользь замѣтилъ:

— Красивый малый этотъ капитанъ Уорквортъ, съ которымъ я встрѣтился давеча у леди Генри.

— Ахъ да, леди Генри въ большой дружбѣ съ нимъ,—быстро подхватила mademoiselle Жюли.—Она совѣтуется съ нимъ относительно воспоминаній о своемъ покойномъ супругѣ.

— Воспоминанія...?—Сэръ Уильфридъ остановился, какъ вкопанный.— Что за чудеса! Леди Генри пишетъ воспоминанія о своемъ покойномъ мужѣ?

— Ну да. Они наполовину уже написаны. Я думала, вы знаете.

— Нѣтъ! Честное слово!—Это ужъ слишкомъ! Теперь остается только написать воспоминанія о Генри Делафильдѣ... Господи помилуй!

И сэръ Уильфридъ пошелъ дальше, постукивая палкой по столбикамъ словно это облегчало его. Жюли Ле-Бретонъ спокойно продолжала:

— Если не ошибаюсь, покойный лордъ Генри и отецъ капитана Уорквorta вмѣстѣ усмиряли возстаніе въ Индіи, и у капитана есть письма...

— Ну еще бы! еще бы!—пробормоталъ сэръ Уильфридъ.—Чего ради этотъ господинъ вернулся домой именно теперь?

— Можетъ быть, леди Генри это и извѣстно,—сказала Жюли, довѣрчиво глядя ему въ глаза, какъ человѣкъ, который радъ былъ бы отвѣтить на вопросъ, еслибъ могъ.—Они подолгу разговариваютъ между собой. Но—почему-жъ бы ему и не пріѣхать сюда?

— Потому что ему слѣдовало бы сидѣть въ своемъ полку и заниматься службой, вмѣсто того, чтобы рыскать по свѣту, выискивая, на чемъ бы выдвинуться, къ чему пристегнуть свое имя.

— О!—любезно, но какъ-то уклончиво протянула Жюли.—Развѣ вы думаете, что ему нужно что-нибудь особенное?

Сэръ Уильфридъ пожалъ плечами.

— Я не посвященъ въ его честолюбивые замыслы. Но вы и леди Генри, повидимому, хорошо его знаете.

Глаза изъ-подъ соломенныхъ рѣсницъ зорко смотрѣли на нее.

— Я разговаривала съ нимъ въ паркѣ сегодня утромъ,—словно размышляя вслухъ, сказала Жюли Ле-Бретонъ.—Онъ проситъ меня переписать письма его отца для леди Генри и заставить ее какъ можно скорѣе вернуть ему оригиналы. Онъ все время тревожится, когда письма не у него въ рукахъ.

— Гм...—усмѣхнулся сэръ Уильфридъ.

Они стояли у подъѣзда леди Генри. Сэръ Уильфридъ такъ дернулъ за звонокъ, словно хотѣлъ выразить всю силу своего невысказаннаго недовѣрія. Онъ ни одной минуты не вѣрилъ, что во время встрѣчи, которую онъ подсмотрѣлъ утромъ въ паркѣ, рѣчь шла о письмахъ генерала Уорkворта и что тутъ играло какую бы то ни было роль чувство сыновней любви.

Жюли Ле-Бретонъ протянула ему руку.

— Благодарю васъ, очень—выговорила она серьезно и мягко.

Минуту тому назадъ сэръ Уильфридъ говорилъ себѣ, что не пожметъ ея, и однако-жъ пожалъ, чувствуя, что въ немъ борятся противоположныя чувства.

— Наоборотъ, это я долженъ васъ благодарить за то, что вы разрѣшили мнѣ побесѣдовать съ вами. Если я могу быть полезенъ вамъ и леди Генри, пожалуйста, приказывайте во всякое время.

Жюли Ле-Бретонъ еще разъ улыбнулась ему и вошла.

Сэръ Уильфридъ сбѣжалъ съ лѣстницы, дивясь самому себѣ.

«Она умѣетъ обойти человѣка. Интересно знать, какое на нее впечатлѣніе произвели мои слова. Имъ... Посмотримъ, что извѣстно Монтрезору. Они, кажется, въ большой дружбѣ. Ея «принципы»—а, каково? Опасные принципы для женщины такого происхожденія!..»

Часа два спустя сэръ Уильфридъ Бёри входилъ въ гостиную Монтрезора. Онъ пришелъ съ сознаніемъ необходимости заставить министерство принять извѣстную программу дѣйствій относительно русской политики въ Персіи. Но первый, кого онъ увидалъ, былъ лордъ Лэкинтонъ. Онъ стоялъ на коврикѣ у камина и грѣлся у огня. При видѣ этого оживленнаго лица, сѣдой гривы волосъ, высокой фигуры, все еще статной и даже молодой, этого ничего не подозрѣвающаго добродушія, всѣ его мысли спутались, и ему какъ-то начало казаться, что въ свѣтѣ все пошло навыворотъ.

Тѣмъ не менѣе, послѣ обѣда онъ улучилъ четверть часа, чтобы побесѣдовать съ хозяиномъ и добросовѣстно воспользовался этимъ временемъ. Затѣмъ, назначивъ другъ другу свиданіе на другой день для болѣе продолжительнаго разговора, оба почувствовали, что исполнили свой долгъ и большаго отъ нихъ требовать нельзя, и, повидимому, у обоихъ возникла одновременно одна и та же мысль.

— А какъ вы нашли леди Генри?—съ улыбкой спросилъ Монтрезоръ, закуривая сигаретку.

— Она совсѣмъ ослѣпла, и ревматизмъ ея ухудшился. Но помимо этого я не замѣтилъ особенной перемѣны. Въ общемъ, она несетъ свою старость удивительно бодро.

— Да, только у бѣдной испортился характеръ, засмѣялся Монтрезоръ. Въ послѣднее время она, положительно испытываетъ наше терпѣніе. И хуже всего то, что ея вспышки обрушиваются, главнымъ образомъ, на бѣдную дѣвушку, которая живетъ у нея—чрезвычайно интересное и милое созданіе!

Сэръ Уильфридъ посмотрѣлъ черезъ столъ. Лордъ Лэкинтонъ разсказывалъ скабрезные анекдоты двумъ чиновникамъ министерства иностранныхъ дѣлъ; тѣ смѣялись и подзадоривали его. Безпечная болтовня и веселость старика были, очевидно, заразительны; онъ былъ общимъ баловнемъ на такихъ обѣдахъ и зналъ это.

— Если не ошибаюсь, вы принимаете дружеское участіе въ mademoiselle Ле-Бретонъ?—сказалъ Бёри, поворачиваясь къ хозяину.

— О! Мы съ герцогиней и Делафильдомъ дѣлаемъ, что можемъ, чтобы защитить ее и сохранить между ними добрыя отношенія. Я увѣренъ, что леди Генри уже изливала вамъ свое горе, не правда ли?

— Увы, да!

— Я зналъ, что она не сможетъ скрыть это отъ васъ, хотя бы на одинъ день. Она прямо разсудокъ теряетъ, когда говоритъ объ этомъ. И это ужасно жаль!

— Такъ вы думаете, что вся вина на сторонѣ леди Генри?

Министръ пожалъ плечами.

— Во всякомъ случаѣ, я лично не вижу ничего, чтобы ее оправдывало. На знаменитыхъ пятницахъ mademoiselle Жюли всегда старается выдвинуть на первый планъ леди Генри. А въ другихъ отношеніяхъ она прямо-таки извелась, ухаживая за старухой. Иной разъ прямо зло беретъ смотрѣть на это!

— Такъ что на вашъ взглядъ лучшей компаньонки нельзя желать?

Монтрезоръ засмѣялся.

— О! что касается до совершенства!..

— Леди Генри жалуется, что она постоянно интригуетъ. Вы этого не замѣчали?

По лицу министра скользнула нѣсколько странная улыбка.

— Относительно леди Генри нѣтъ. А вообще — o! mademoiselle Жюли большой дипломатъ.

Улыбка, очевидно, вызываемая какой-то невысказанной забавной мыслью, все больше расплывалась по его суровому лицу.

— Что вы хотите сказать этимъ?

— Она умѣетъ помогать своимъ друзьямъ лучше многихъ. За послѣдніе два-три года mademoiselle Ле-Бретонъ на моихъ глазахъ вывела въ люди двухъ-трехъ человѣкъ, если не больше. И теперь она тянетъ одного на буксирѣ.

Сэръ Уильфридъ придвинулся къ нему ближе. Они отвернулись отъ стола, какъ будто разговаривая о сигарахъ.

— Молодого Уорквопта?

Министръ опять усмѣхнулся и не сразу отвѣтилъ.

— О! она не докучаетъ мнѣ просьбами—для этого она слишкомъ умна. Но она добирается до меня самыми забавными косвенными путями Я отлично всегда вижу слѣды ея работы. Есть два-три человѣка, вы понимаете, съ вѣсомъ, которые бываютъ по вечерамъ у леди Генри,—все это ея добрыя друзья... О! я увѣренъ, что она добьется своего.

— Между нами — вы не думаете, что она сама заинтересована этимъ молодымъ человѣкомъ?

Монтрезоръ опять пожалъ плечами.

— Не знаю. Это не обязательно. Она любитъ чувствовать себя силой, по моему, здѣсь большую роль играетъ ненормальность ея положенія. Это очень любопытно — въ сущности, совсѣмъ по женски и забавно—и совершенно безобидно.

— Вы и другіе не обижаетесь на это?

— Нѣтъ—у нея это выходитъ не обидно. Только теперь—именно теперь—она немножко пересолила. Противъ меня выдвинуты сразу четыре батареи. Она, должно быть, только объ этомъ и думаетъ.

Сэръ Уильфридъ слегка покраснѣлъ. Онъ вспомнилъ комедію, разыгранную ею у подъѣзда, ея слова: «Развѣ ему нужно что-нибудь особенное?» и въ тонѣ его зазвучала нотка личной обиды.

— Ну, а я не могу не чувствовать, что у леди Генри есть причины быть недовольной. Какъ ухитрилась эта дѣвушка добиться такого положенія въ свѣтѣ въ такой короткій срокъ... Это странно— если хотите, даже загадочно...

— О, конечно, леди Генри трудно съ этимъ мириться. Безъ семьи, безъ связей...

Онъ, не торопясь, надѣлъ очки и впился испытующимъ взглядомъ въ лицо своего собесѣдника.

Сэръ Уильфридъ чуть замѣтно, но многозначительно указалъ на лорда Лэкинтона. Монтрезоръ сдѣлалъ изумленное движеніе. Оба посмотрѣли черезъ столъ на старика, потомъ другъ на друга.

— Вы знаете?—чуть слышно спросилъ Монтрезоръ.

Сэръ Уильфридъ кивнулъ головой. И тутъ же чутье подсказало ему, что больше посвященныхъ нѣтъ.

Когда они вернулись въ гостиную, выглядѣвшую нѣсколько пустой въ ожиданіи раута, который въ этотъ вечеръ устраивала у себя м-рсъ Монтрезоръ, сэръ Уильфридъ завелъ разговоръ съ лордомъ Лэкинтономъ. Старикъ говорилъ интересно, хотя и поверхностно, постоянно перескакивая съ каждой темы на себя, свои взгляды, воспоминанія и знакомства, что было характерно, но въ немъ не отталкивало. Сэръ Уильфридъ подмѣтилъ въ немъ кой-какіе новые и жалкіе признаки старости. Старикъ прежде трещалъ безъ умолку, а теперь иногда вдругъ смолкалъ, и отъ него вѣяло грустью—словно нежданнымъ холоднымъ дыханьемъ какихъ-то невѣдомыхъ дальныхъ морей.

Гостиная понемногу наполнялась; къ нимъ подошелъ молодой журналистъ-критикъ, повидимому, хорошо знакомый съ лордомъ Лэкинтономъ. У нихъ тотчасъ завязался оживленный разговоръ о картинахъ, въ особенности о выставкѣ въ Антверпенѣ, откуда молодой человѣкъ только что вернулся.

— На обратномъ пути я на нѣсколько часовъ заѣхалъ въ Брюгге,— говорилъ журналистъ. — Теперь тамъ картины размѣщены гораздо лучше, чѣмъ прежде. Вы когда тамъ были въ послѣдній разъ?

Лордъ Лэкинтонъ вздрогнулъ.

— Въ Брюгге? Я не былъ тамъ уже двадцать лѣтъ.

И онъ неожиданно сѣлъ, вертя въ рукахъ разрѣзной ножикъ и не отводя глазъ отъ ковра. Нижняя челюсть его немного отвисла. Словно какое-то облако встало между нимъ и его собесѣдниками.

Сэръ Уильфридъ, у котораго въ памяти еще свѣжъ былъ разсказъ леди Генри, какъ-то особенно ярко чувствовалъ настроеніе старика. Быть можетъ, передъ глазами обоихъ стоялъ въ эту минуту одинъ и тотъ же образъ — леди Розы, угасающей въ бѣдной комнаткѣ, съ окнами, выходящими на одинъ изъ каналовъ, которыми изрѣзанъ Брюгге, сложившей тамъ остатки жизни, красоты и ума, нѣкогда сдѣлавшихъ ее любимицей отца, который, по какимъ то непонятнымъ причинамъ, оставилъ ее страдать и умирать одну.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ВИКТОРЪ ПЕТРВОИЧЪ ОСТРОГОРСКІЙ, КАКЪ УЧИТЕЛЬ.

(Набросокъ воспоминаній ученика).

«Забирайте съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее мужество, — забирайте съ собою человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ, не подымете потомъ! Грозна, страшна грядущая впереди старость и ничего не отдаетъ назадъ и обратно! Могила милосерднѣе ея; на ней напишется: «здѣсь погребенъ человѣкъ»; но ничего не прочитаешь въ хладныхъ, безчувственныхъ чертахъ безчеловѣчной старости». *Гоголь.*

Развитіе общества зависитъ отъ сохраненія собранныхъ плодовъ и накопленія свѣжихъ силъ; оно живетъ старыми традиціями и движется новыми идеями. Лучшимъ носителемъ прогресса является, несомнѣнно, тотъ, кто самъ творитъ новые принципы и показываетъ путь для ихъ приложенія. Но почтенное мѣсто пріобрѣтаетъ въ жизни общества и человѣкъ, который задается цѣлью беречь и распространять то благое, что хранится въ сложившейся традиціи, что открывается въ не имъ созданныхъ идеяхъ, если онъ умѣетъ это дѣлать честно и талантливо. Достоинъ благодарной памяти тотъ, кто принимаетъ на себя миссію объединять смѣняющія другъ друга поколѣнія, передавая, съ одной стороны, дѣтямъ оставленное отцами наслѣдіе, служа, съ другой, назрѣвающимъ новымъ потребностямъ юношества. Такова роль, налагаемая жизнью на «учителя-идеалиста», одного изъ которыхъ мы въ Петербургѣ недавно провожали въ могилу.

Съ именемъ Виктора Петровича Острогорскаго въ тѣхъ, кто у него учился давно, когда онъ былъ молодъ, но, повидимому, также и до конца его трудового поприща, прекратившагося лишь вмѣстѣ съ послѣднимъ вздохомъ, нераздѣльно связывается образъ привлекательно-хорошій, бодрый, идейный и одушевленный. Для большинства же гимназистовъ-«ларинцевъ», пребывавшихъ въ стѣнахъ этого учебнаго заведенія въ 70-хъ годахъ XIX в., онъ былъ центромъ духовной жизни. Свѣтомъ, исходившимъ отъ его симпатичной личности, красилась и согрѣвалась мрачная и холодная атмосфера тяжелой учебной дѣйствительности, окружавшей обыкновенно дѣтей въ разсадникахъ классическаго просвѣщенія того времени. Слушая В. П., общаясь съ нимъ, вспоминая его, ученики дѣйствительно привыкали соединять съ понятіями «школа», «учитель» признакъ чего-то уважаемаго и дорогого, такого, что притягиваетъ къ жизни въ юности, оставляетъ завѣты зрѣлому возрасту, даетъ цѣльность суще-

ствованію до старости. Въ годы, когда особенно сильна была система, введенная реформою гр. Толстого въ наше среднее образованіе, ученикамъ петербургской Ларинской гимназіи жилось сравнительно легче и вольнѣе, чѣмъ другимъ, благодаря душевной добротѣ и мягкости тогдашняго ея директора, теперь давно уже умершаго И. Ѳ. Кнорринга, котораго слѣдуетъ помянуть признательнымъ словомъ. Но онъ давалъ лишь благопріятную форму, которую по настоящему наполнялъ живымъ содержаніемъ—это добросовѣстно признаютъ и ученики, и сослуживцы—одинъ В. П. Онъ становился душевною опорою и разумнымъ двигателемъ для многихъ изъ учениковъ, которымъ не удавалось найти въ собственныхъ семьяхъ твердыхъ основъ умственнаго и нравственнаго развитія, и которыхъ школа сковывала въ большинствѣ случаевъ цѣпями мертвеннаго формализма. Такая сила проистекала отъ цѣлаго ряда всегда рѣдкихъ, а въ тѣ времена положительно драгоцѣнныхъ свойствъ его природы, отъ серьезнаго и благороднаго направленія его работы. Онъ шелъ навстрѣчу дѣтямъ съ полнымъ довѣріемъ, когда ихъ угнетала постоянная подозрительность; онъ обращался къ нимъ съ свободнымъ предложеніемъ прекрасной пищи духовной, когда учебная система стремилась низвести школьное дѣло до сухой и бездушной «гимнастики ума», налагавшейся педантическимъ принужденіемъ. Когда они опутаны были мелочными заботами о механическомъ дисциплинированіи ихъ поведенія и мало находили отвѣтовъ на пробуждавшіеся научные и нравственные, общественные и личные запросы, онъ открывалъ имъ поэзію жизни, научая чувствовать ея красоту, увлекая искать въ ней правду. Онъ нерѣдко заставлялъ горячимъ и искреннимъ словомъ трепетать молодыя сердца отъ возникавшей любви «къ высокому и прекрасному» и при этомъ будилъ въ лучшихъ охоту къ труду, поселяя жажду опредѣленія смысла жизни и подводя къ тому огромному матеріалу, который почерпается для этой цѣли въ великолѣпномъ источникѣ отечественнаго и мірового искусства.

Въ то время, когда проходили гимназическіе годы пишущаго эти строки (1870-ые), В. П. преподавалъ русскій языкъ и словесность въ Ларинской гимназіи, начиная съ четвертаго класса, и велъ учениковъ до конца курса. Когда мы перешли къ нему отъ другого учителя, обстановка, совсѣмъ для насъ непривычная по своей привлекательной простотѣ и безхитростной сердечности, прежде всего, поразила насъ при занятіяхъ съ нимъ. Первый урокъ — помню его, какъ бы это было вчера,—состоялся послѣ большой перемѣны, въ самой срединѣ труднаго, часто скучнаго, нерѣдко страшнаго школьнаго дня. Въ классъ быстро вошелъ, нѣсколько разъ кланяясь, худощавый, невысокій ростомъ и согнувшійся впередъ человѣкъ, съ острой бородкой и длинными (тогда еще совсѣмъ темными) кудрями, съ серьезнымъ и внимательнымъ, но добрымъ взглядомъ косившихъ глазъ, съ большимъ, туго набитымъ портфелемъ подъ мышкой. Положивъ свой багажъ («чемоданъ», какъ онъ самъ шутя называлъ свой педагогическій грузъ) на учительскій столъ, снявъ съ себя часы и помѣстивъ ихъ вмѣстѣ съ цѣпочкой туда же (всѣ эти предметы стали потомъ очень милы полюбившимъ его ученикамъ), В. П., позвавъ насъ на помощь, придвинулъ каѳедру къ ученическимъ скамьямъ. «Хочу быть поближе къ вамъ,

чтобы лучше видѣть и слышать васъ», сказалъ онъ съ веселою улыбкою. Затѣмъ онъ попросилъ принести ему кружку квасу, «а то горло пересыхаетъ». Уже отъ однихъ этихъ словъ, чуждыхъ недоступнаго величія, которое любили напускать на себя педагоги, и въ непринужденно-дѣловитомъ, дружелюбномъ тонѣ, какимъ онъ говорилъ, чуялось что-то задушевное и бодрящее. Всѣ переглядывались, одобрительно посмѣиваясь; сама собою спадала съ пуганыхъ гимназистовъ наросшая кора трусливой скрытности, всегда подстерегавшей опасность, легко заподозрѣвавшей въ старшемъ «злого ворога». Отъ всей фигуры новаго учителя, немножко смѣшного по манерамъ, вѣяло живымъ и теплымъ привѣтомъ. Сразу слагался вокругъ него порядокъ, въ которомъ послѣдній неудачникъ, загнанный двойками и единицами, вновь сознавалъ себя человѣкомъ, и въ душѣ его шевелилось что-то радостное, подающее надежду. Въ дѣтяхъ трудно, что бы съ ними ни дѣлали, задавить во всѣхъ и до конца чуткость души и привязанность къ положительнымъ сторонамъ жизни. Торопливо внесъ В. П., при содѣйствіи учениковъ, которые сконфуженно, но весело вставали на его перекличку, списокъ ихъ въ свою книжечку; книжечка эта въ коричневой плетеной обложкѣ не возбуждала въ насъ ужаса, какъ роковыя карманныя скрижали другихъ менторовъ, испещренныя символами нашихъ прегрѣшеній. Затѣмъ онъ объявилъ, что начнетъ занятія съ провѣрочной диктовки. Сердца учениковъ слегка екнули: вспомнились скорбные листки, окровавленные грозными знаками красныхъ чернилъ, высокія суммы ошибокъ, низкія цифры отмѣтокъ. Но новый учитель прибавилъ: «Надо вамъ ясно знать самимъ, въ чемъ вы слабы, тогда вы и обратите сами вниманіе на свою грамотность; мнѣ же некогда съ этимъ долго возиться: у насъ будетъ много другого важнаго дѣла, гдѣ вамъ нужна будетъ моя помощь». Такая точка зрѣнія вдохнула спокойствіе въ потревоженныя души: она поднимала личное достоинство учащихся. Мы пріучены были во всемъ ходить на помочахъ, ждать приказанія, а тутъ насъ призывали къ сотрудничеству. Подобное отношеніе къ ученикамъ, которое укрѣпляло въ нихъ сознаніе ихъ человѣческаго равенства съ учителемъ, являлось въ воспитательной дѣятельности В. П. превосходнымъ моральнымъ началомъ.

Онъ диктовалъ намъ стихотвореніе Майкова:

На мысѣ семъ дикомъ, увѣнчанномъ бѣдной осокой,
Покрытомъ кустарникомъ ветхимъ и зеленью сосенъ,
Печальный Мениснъ, престарѣлый рыбакъ, схоронилъ
Погибшаго сына...

Маленькая красивая пьеса (ее хорошо помнятъ ученики В. П.: на ней онъ выяснялъ образованіе «сочиненія»), прекрасно произнесенная, врѣзывалась въ сознаніе пишущихъ не однѣми формами и окончаніями ея словъ, но и рисующеюся въ ней трогательною интимною картиною, изяществомъ языка, пластичностью изображенія. Отобравъ листки, В. П. тутъ же въ классѣ сталъ поправлять диктовки. Приступая къ дѣлу, онъ спокойно и твердо объявилъ: «Полъ-балла за ошибку, четверть-балла за пропущенный или неправильный знакъ». Но строгая формула не устрашила, не вызвала тайнаго раздраженія въ ученикахъ, а почувствовалась, какъ опредѣленный, общій и справедливый законъ. Живо

забѣгалъ въ рукѣ озабоченно сгорбившагося надъ столомъ В. П. карандашъ, быстро постукивая остріемъ по бумагѣ, и всѣ выслушивали приговоръ, иногда непріятный, безъ тягостнаго ощущенія грозящей бѣды. Даже тѣ, кому доставались причудливыя и на видъ зловѣщія отмѣтки $^3/_4$,0 или—$1^1/_2$, не ощущали себя казнимыми, понимая, что эти цифры представляютъ лишь условные знаки подсчета промаховъ, а не являются орудіями возмездія; самая точность ихъ какъ бы знаменовала, что они стоятъ выше учительскаго произвола. Къ тому же они никогда не вносились въ классный журналъ «на позорище». Указывая ошибки, В. П. не сердился, не возмущался невѣжествомъ, не стыдилъ, не читалъ прописныхъ нотацій, а сжато, отчетливо и доброжелательно ихъ разъяснялъ, подсказывая на будущее время правила орѳографіи, полныя здраваго смысла и практическаго удобства. Это былъ образецъ «естественнаго» педагогическаго метода, вполнѣ свободнаго отъ рутины и доктринерства. Пропустивъ мимо вниманія единственную ошибку въ тетрадкѣ одного изъ лучшихъ учениковъ, онъ поставилъ ему 5 и съ одобреніемъ отозвался о его диктовкѣ. У того, наперекоръ закоренѣлой всеобщей привычкѣ гимназистовъ къ обманамъ, подъ впечатлѣніемъ довѣрчиваго и дружелюбнаго тона урока, невольно вырвалось признаніе. «А, у васъ ошибка! Значитъ получаете $4^1/_2$». Когда же другіе стали восклицать, что за откровенность слѣдуетъ оставить товарищу полный баллъ, В. П. выразилъ на лицѣ такое изумленіе, что представители школьной этики почувствовали безъ дальнихъ словъ низменность своего взгляда о необходимости награды за честность. Послѣ окончанія урока, уже выйдя изъ класса и остановившись въ коррлдорѣ среди окружившихъ его живою толпою новыхъ питомцевъ, онъ сталъ говорить имъ въ яркихъ, выпуклыхъ словахъ, въ чемъ будетъ заключаться предстоящій курсъ. Каждый изъ насъ приподнятый и взволнованный, думалъ: «Хорошій человѣкъ, и интересно будетъ у него учиться!» А это уже значило много для гимназистовъ 70-хъ годовъ, въ которыхъ достаточно была притуплена воспріимчивость.

Описанный первый урокъ, при всей заурядности содержанія, типично рисуетъ то настроеніе, которое съ самаго начала устанавливалъ Острогорскій въ классѣ, попадавшемъ къ нему въ руки, даже исполняя скучныя требованія программы. По крайней мѣрѣ, въ его часы мы жили именно въ такомъ «тепломъ душевномъ климатѣ».

Лучшею сферою дѣятельности В. П. было, безъ сомнѣнія, преподаваніе литературы. Языкъ самъ по себѣ мало привлекалъ его, и онъ былъ слабымъ филологомъ. Но при постановкѣ грамматической части курса онъ обладалъ свойствомъ, въ высшей степени важнымъ для учителя средней школы,—правильнымъ пониманіемъ реальной пользы и чувствомъ мѣры. Хорошо представляя себѣ неподготовленность учениковъ къ научному курсу о языкѣ, онъ дѣлалъ изъ этого вѣрный выводъ, что грамматика должна быть сведена въ гимназіи къ тому минимуму, который необходимъ для осмысленнаго правописанія. Дѣйствительно, писали мы у него грамотно, а грамматической тяжести не ощущали. Даже древне-славянская письменность и разборы ея главныхъ формъ давались намъ съ его словъ безъ большихъ усилій и траты времени. Центръ тяже-

сти своего курса В. П. удавалось сосредоточивать въ годы торжества грамматизма въ гимназическомъ ученіи на теоріи и исторіи словесности. Дать литературную начитанность, развить художественный вкусъ, сообщить связныя знанія историческаго характера, объединить все это гуманною идеею и любовью къ родному и общечеловѣческому—вотъ цѣли, которыя онъ преслѣдовалъ и которыхъ искусно достигалъ.

Уже въ четвертомъ классѣ, рядомъ съ повторительнымъ обзоромъ русскаго синтаксиса и краткимъ обобщающимъ очеркомъ этимологіи древне-славянской сравнительно съ русской, В. П. отдавалъ много времени ознакомленію съ литературнымъ матеріаломъ и обработкѣ вводныхъ вопросовъ теоріи словесности. Такое сочетаніе элементовъ придавало его урокамъ постоянно возобновлявшуюся жизненность. Въ пятомъ и шестомъ классѣ теоретическій курсъ развивался, скажу даже лучше—«расцвѣталъ». Въ шестомъ же начиналась исторія литературы, которая заканчивалась въ восьмомъ Гоголемъ съ бѣглыми перспективами впередъ въ область послѣ-гоголевскаго блестящаго вѣка. Въ настоящихъ быстро набросанныхъ листкахъ воспоминаній о скончавшемся учителѣ мнѣ нѣтъ возможности разбирать планъ его курса, защищая его въ цѣломъ, критикуя въ деталяхъ *). Я бы хотѣлъ только, говоря о преподаваніи дорогого наставника далекой юности, дать нѣсколько эскизовъ, которые начертали бы общій характеръ его работы и помогли бы запечатлѣть его духовный обликъ, выяснить причины его вліянія.

В. П., конечно, нельзя было назвать ни ученымъ спеціалистомъ, ни глубокимъ мыслителемъ. Значеніе его заключалось не въ оригинальности идей и не въ новизнѣ метода. Это былъ только удивительно начитанный и цѣльно сложившійся очень талантливый популяризаторъ, убѣжденный и одушевленный распространитель въ сознаніи захирѣвшихъ учащихся поколѣній 70-хъ и 80-хъ годовъ идеализма 40-хъ прошедшаго черезъ общественность 60-хъ годовъ. Но въ скромной, не производящей эффекта и не дающей славы роли учителя, опирающагося на принципы и данныя, добытыя другими—великими поэтами и критиками, педагогами-новаторами—онъ обнаруживалъ рѣдкое своеобразіе въ замѣчательномъ умѣнія роднить съ идеями умы своихъ питомцевъ, насаждать въ нихъ благое преданіе, трогать духовнымъ свѣтомъ ихъ сердца. Простота построенія и наглядная колоритность разсказа были важными качествами, присущими преподаванію В. П. Онъ могъ достигать большихъ результатовъ, орудуя сравнительно малымъ матеріаломъ. Онъ всегда держалъ свое изложеніе на высотѣ «идейности», никогда не лишая его «интереса», и двигалъ учениковъ впередъ, побуждая ихъ идти легкимъ и бодрымъ шагомъ, такъ что они не испытывали растерянности, тяжести, гнета или скуки отъ непосильности задачи. Безъ чрезмѣрнаго напряженія онъ вводилъ учениковъ въ трудные вопросы, правда не очень углубляясь въ нихъ, но давая все-таки чувствовать ихъ глубину, раскрывая впереди горизонты и подерживая тѣхъ, которые, послѣ

*) Въ написанныхъ В. П—чемъ сочиненіяхъ онъ самъ оставилъ сводъ того, что дѣлалъ въ классѣ, и что завѣщалъ своимъ ученикамъ. См. особенно его «Бесѣды о преподаваніи словесности» (изд. 2. Москва, 1886 г.).

даннаго толчка, самостоятельно пускались въ дорогу для ихъ обслѣдованія, отдавая дань уваженія не только способностямъ, но и труду. Онъ владѣлъ даромъ облекать въ элементарную форму, вполнѣ чуждую, впрочемъ, обезличенія и обезцвѣченія предмета, довольно сложное содержаніе, зажигать въ себѣ огонь «возвышенной мысли» и вызывать искру энтузіазма въ слушателяхъ при освѣщеніи каждаго вопроса, который онъ затрогивалъ. Если искать краткаго термина для обозначенія духа преподаванія Острогорскаго, можно сказать, что онъ училъ познанію добра въ жизни черезъ раскрытіе красоты въ ея лучшихъ продуктахъ, произведеніяхъ поэзіи.

Послѣ непосредственнаго обаянія человѣчнаго обращенія съ ними учителя, учениковъ привлекало къ нему его художественное чтеніе. Читалъ онъ дѣйствительно превосходно прозаическую и стихотворную рѣчь, трагическое и комическое, Тургенева и Пушкина, Шекспира, Мольера и Островскаго. Для меня останется навсегда незабвеннымъ впечатлѣніе отъ второго урока В. П., когда онъ читалъ намъ, четвертоклассникамъ, «Пѣвцовъ» Тургенева. Даже тѣ изъ насъ, кто выросъ въ деревнѣ и рано полюбилъ читать, тутъ впервые особенно глубоко почувствовали инстинктомъ, проясненнымъ мастерски прочитаннымъ произведеніемъ, и разнообразную прелесть, какая таится въ природѣ, и богатую поучительность, какую открываетъ повседневная жизнь, и безконечный запасъ духовныхъ радостей, которыя несетъ намъ литература.

Курсъ всегда двигался у В. П. опредѣленно и энергично, не застаиваясь, не расплываясь въ подробностяхъ, но никогда вмѣстѣ съ тѣмъ не переходя въ сухость и схематизмъ. Сжатая конкретность была особенностью его внѣшней формы. Важнымъ подспорьемъ при прохожденіи предмета являлись у него письменныя работы, которыя онъ умѣлъ ставить на почву, удивительно плодотворную для развитія въ ученикахъ знаній и склонностей, мысли и языка. Темами для сочиненій онъ бралъ различные живые вопросы: историческіе, бытовые, психологическіе, нравственные, въ одно время и близкіе ученикамъ, и вводящіе ихъ въ новыя области. Разработка ихъ всегда основывалась на реальномъ литературномъ матеріалѣ; задача формулировалась жизненно, и всякій работающій, способный къ идеализму ученикъ захватывался такими темами, увлекался и непремѣнно получалъ отъ каждой работы что-нибудь существенное для своего образованія. Такъ называемыхъ «отвлеченныхъ» разсужденій онъ избѣгалъ, опасаясь давать упражненія въ фразерствѣ. Но если они выростали изъ курса или сами назрѣвали въ умѣ учениковъ, онъ допускалъ и ихъ и ставилъ оригинально и искренно сюжеты, кажущіеся безсодержательными или опошленными. Онъ охотно давалъ возможность ученикамъ развивать свое творчество на «вольныхъ» темахъ, хорошо пользовался дѣтскими воспоминаніями гимназистовъ, наталкивалъ ихъ на разработку личныхъ наблюденій изъ народной жизни. Онъ любилъ при помощи сочиненій обращать вниманіе юношей на изученіе искусства, посылалъ на выставки картинъ и рекомендовалъ излагать свои впечатлѣнія. Помню, какъ увлекались мы еще въ среднихъ классахъ тогда только возникавшею школою «передвижниковъ», сколько пережили хорошихъ часовъ, обсуждая на урокахъ В. П. представлявшіяся сюжеты картинъ

и ихъ оцѣнокъ: мы вводились такимъ образомъ въ совершенно новый міръ мыслей и образовъ. Онъ могъ отлично разбирать сочиненія, особенно когда авторы ихъ легко или самоувѣренно распоряжались важными и дорогими ему вопросами. Когда одинъ мой товарищъ подалъ ему бойкую, но поверхностную характеристику Рудина, какъ иллюстрацію пословицы—«не все то золото, что блеститъ», В. П., задѣтый заживо хлесткостью тона молодого критика, прочиталъ намъ блестящую лекцію о просвѣтительномъ значеніи людей рудинскаго типа въ жизни нашего общества. Такъ знакомились мы попутно, занимаясь съ В. П., съ широкимъ кругомъ интересовъ науки и литературы, искуства и жизни.

Каждый годичный курсъ В. П. начиналъ увлекательнымъ разъясненіемъ его общей программы, которая вырисовывалась, какъ чудесная картина, открывавшая заманчивыя дали. Тутъ же указывались литературныя произведенія, историческія, критическія и иныя книги, какія онъ считалъ необходимымъ матеріаломъ для чтенія учениковъ. Онъ при этомъ такъ хорошо, ясно и симпатично характеризовалъ значеніе и интересъ этихъ книгъ, что легко удавалось ему пробуждать и поддерживать въ живыхъ и способныхъ мальчикахъ вдохновеніе и пытливый духъ; даже слабые и вялые ощущали себя затронутыми. Правда, многіе планы, о которыхъ онъ мечталъ, оставались часто невыполненными, но причиною такого разлада между идеаломъ и дѣйствительностью было обыкновенно не легкомысліе и паденіе пыла въ самомъ преподавателѣ, а нерадѣніе большинства питомцевъ, быстро погружавшихся въ апатію подъ охлаждающимъ дѣйствіемъ школы и жизни. В. П. задавался цѣлью не только указать, что читать, но и научить, какъ это дѣлать. Мы рано привыкли, подъ его вліяніемъ въ своей самостоятельной работѣ «читать съ перомъ въ рукѣ», отмѣчая въ особыя тетрадки и новыя мысли, которыя привлекали вниманіе, и понравившіеся отрывки, и вызванныя недоумѣнія. Онъ совѣтовалъ заводить для такого «домашняго чтенія» толстую тетрадь на цѣлый годъ, въ которой заносился бы непринужденно весь накопляющійся матеріалъ выписокъ, конспектовъ, вопросовъ, впечатлѣній, плановъ, заглавій найденныхъ или указанныхъ книгъ и т. д. Онъ говорилъ, что такъ будутъ сохраняться результаты личныхъ занятій, закрѣпляться картина ежегодной исторіи души, которую потомъ пріятно и важно будетъ пересматривать и передумывать. Мало-по-малу, незамѣтно мягкое, чуждое всякаго нравственнаго насилія или умственнаго принужденія вліяніе В. П. простиралось за предѣлы гимназическихъ стѣнъ и уроковъ русскаго языка: оно шло вмѣстѣ съ учениками въ ихъ дома—богатые и бѣдные, веселые или печальные,—создавая любимое дѣло, посильное мальчикамъ и облагораживавшее ихъ среди разнообразныхъ условій матеріальной обезпеченности и семейной обстановки, наполняя ихъ внутреннюю жизнь хорошимъ идейнымъ содержаніемъ.

Самыми выдающимися частями курса В. П. были теорія поэзіи, особенно драмы, затѣмъ обозрѣніе народной словесности и больше всего новой русской литературы. Изучая въ классѣ произведенія для опредѣленія отличій главныхъ поэтическихъ видовъ, онъ вносилъ въ разборъ ихъ [illegible] находчивости,

обнаруживалъ чуткость при постановкѣ задачи, вкусъ при построеніи плана ея разработки, гибкость и индивидуализацію при его выполненіи. Работалъ онъ надъ прекраснымъ матеріаломъ, выбиравшимся не изъ одной русской, но и изъ міровой литературы. Когда мы учились въ пятомъ классѣ, вышелъ впервые переводъ В. П. книги Эккардта, «Руководство къ чтенію поэтическихъ сочиненій», съ приложеніемъ составленнаго переводчикомъ очерка теоріи поэзіи. Намъ очень много хорошаго дала эта книга. Она пріучила серьезно и вдумчиво относиться къ изучаемымъ произведеніямъ, а главное, она окружила насъ крупными фигурами геніальныхъ европейскихъ поэтовъ, которые своимъ словомъ поднимали душу, окрыляли воображеніе, учили тому, что такое господство ума надъ явленіями жизни *). Въ годы, когда преподаваніе словесности находилось еще подъ давленіемъ схоластическаго формализма, когда въ работахъ нашего замѣчательнаго ученаго, профессора и академика А. Н. Веселовскаго только закладывались основанія сравнительной эволюціонной поэтики, В. П. уже стремился воспользоваться новыми точками зрѣнія, провести историческій методъ черезъ гимназическій курсъ, знакомя отчасти съ происхожденіемъ и развитіемъ поэтическихъ родовъ во всемірной литературѣ. Собственно, на урокахъ В. П. мы—классики—нѣсколько познакомились съ греческими и римскими писателями. Онъ именно далъ намъ почувствовать красоту и величіе Гомера, Пиндара, Софокла, Аристофана, Плавта, Вергилія, Горація, Ювенала. Отъ него пріобрѣли мы нѣкоторую способность понимать и цѣнить древній міръ **). Первостепенныя произведенія литературы другихъ великихъ эпохъ также проходили передъ нашимъ умственнымъ взоромъ въ лучшихъ и типичнѣйшихъ образцахъ различныхъ поэтическихъ категорій. Мы близко знкаомились съ Шекспиромъ, Шиллеромъ и Гете, не оставались вполнѣ чужды «Божественной комедіи», пріобрѣтали понятіе о Мильтонѣ и Тассо, Байронѣ и Гюго, Сервантесѣ и Диккенсѣ. Беру только пришедшіе первыми на память крупнѣйшіе примѣры, случайно выхваченные изъ разныхъ странъ, сферъ и временъ, чтобы быстро показать широту размаха курсовъ В. П. Разбиравшіяся произведенія не оставались у него въ видѣ ничѣмъ не связанныхъ обрывковъ, а вставлялись въ рамку эпохи, освѣщались умственными и общественными движеніями, ихъ породившими, истолковывались біографіями и характеристиками авторовъ. Поэты не только своими произведеніями, но и примѣромъ своего жизненнаго поприща и идейнаго подвига должны были, по мысли В. П., становиться нашими учителями. Разсматривая теорію и исторію драмы, В. П., знакомилъ насъ и съ развитіемъ сценичекаго искусства. Греческій театръ, средневѣковая мистерія, театръ

---

*) См. въ 3-мъ изд. этой книги (Спб. 1897) интересное предисловіе, въ которомъ В. П. говоритъ «о происхожденіи ея и пользованіи ею».

**) В. П. разсказываетъ самъ (см. «Новости», 1901 г. № 108), какія формальныя препятствія ставились ему въ Ларинской гимназіи, когда онъ—учатель «русской» словесности задался цѣлью знакомить учениковъ съ перлами «греческой и римской» литературы, подъ предлогомъ, что это дѣло—есть монополія преподавателей древнихъ языковъ, и что ознакомленіе съ классическими авторами должно происходить только въ подлинникѣ.

во время Шекспира, возникновеніе сцены у насъ—обо всемъ этомъ мы получали у него хорошее представленіе. Онъ пріучалъ насъ разумно посѣщать драматическія представленія, пользуясь и этою воспитательною силою для нашего развитія. Съ Грибоѣдовымъ, Гоголемъ, Островскимъ мы сроднились въ театрѣ, куда и самъ онъ часто насъ сопровождалъ. Когда въ первый разъ пріѣхалъ въ Петербургъ знаменитый итальянскій трагикъ Росси (въ 1876 г.), намъ заранѣе разсказалъ о немъ В. П., настойчиво рекомендуя непремѣнно слѣдить за спектаклями его труппы. Шекспиръ раскрылся передъ нами во всей его необъятной силѣ и глубинѣ именно при посредствѣ интерпретаціи великаго артиста. Это было одно изъ самыхъ замѣчательныхъ юношескихъ впечатлѣній нашихъ, воспринятыхъ отъ искусства, и не изгладятся изъ памяти тѣ бесѣды, которыя мы вели съ В. П. подъ обаяніемъ великолѣпной игры перваклассанго художника.

Когда введено было въ гимназіяхъ отдѣльное преподаваніе логики, В. П. и здѣсь остался чистъ отъ сухости и педантизма. Онъ не мучилъ насъ формальными тонкостями, а знакомилъ преимущественно съ психологическими основами мышленія и пытался дать намъ понятіе о роли великихъ геніевъ человѣческой мысли, вводилъ насъ въ главные моменты исторіи философіи древней и новой, дѣлая это осторожно, безъ нарушенія чувства мѣры. Это также сильно завлекало лучшихъ изъ учениковъ и расширяло съ пользою ихъ умственную подготовку къ высшему образованію.

Курсъ исторіи литературы, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ его частяхъ равнымъ образомъ, очень удавался В. П.—Очеркъ русской народной словесности строился на интересномъ бытовомъ фундаментѣ и къ нему привлекался сравнительный матеріалъ изъ былевого эпоса и пѣсенной лирики другихъ народовъ. Впрочемъ, этотъ отдѣлъ носилъ преимущественно описательный характеръ: у В. П. не хватало систематической научной эрудиціи, чтобы построить генетическую картину постепеннаго развитія миѳологическаго міросозерцанія древняго народа въ его поэтическомъ выраженіи. Но дать почувствовать красоту образовъ, созданныхъ народнымъ творчествомъ, и выяснить важность ихъ изученія онъ умѣлъ очень хорошо. Прекрасный анализъ русскихъ былинъ глубоко внѣдрился въ нашу память. Когда въ молодости В. П. мечталъ о магистерствѣ, онъ началъ работать надъ диссертаціей о богатыряхъ новгородскаго цикла и любилъ возвращаться къ этой темѣ на своихъ урокахъ, которые выходили чрезвычайно интересными и содержательными. Древней русской литературы онъ не любилъ и не былъ достаточно строгимъ историкомъ, чтобы искусно пользоваться древнею письменностью, какъ культурнымъ матеріаломъ для выясненія развитія нашего стараго просвѣщенія.

Литературная исторія XVIII в. въ Россіи не составляла также сильной стороны въ курсѣ В. П. и проводилась довольно блѣдно, за исключеніемъ главы о Новиковѣ и сатирическихъ журналахъ, на которыхъ онъ иногда останавливался подробно. Не очень любилъ онъ и Жуковскаго, какъ оригинальнаго поэта, но превосходно пользовался его переводами для характеристики различныхъ направленій, которыя вліяли на его музу, и поэтовъ, которые вдохновляли его

лиру переводчика. Вообще, обозрѣніе развитія русской литературы давало ему поводъ для многихъ въ высшей степени цѣнныхъ экскурсовъ въ область исторіи идей и настроеній, волновавшихъ и двигавшихъ европейское общество. Ложно-классицизмъ, просвѣщеніе XVIII в., Sturm und Drang, романтика, особенно байронизмъ,—все это проходило передъ нами въ быстрыхъ, но яркихъ этюдахъ. Это было очень хорошо—мы только отъ В. П. получали свѣдѣнія о великихъ явленіяхъ въ исторіи человѣческой мысли, и для пробужденныхъ учениковъ такіе уроки, которыми сильно увлекался и самъ учитель, доставляли истинное наслажденіе. Нѣкоторые изъ насъ много работали въ указанныхъ областяхъ, основательно знакомились съ литературными текстами, вчитывались въ большія руководства по исторіи литературы Геттнера, Порфирьева, въ книги А. Н. Пыпина и др. В. П. по симпатіямъ былъ западникомъ, сохраняя горячую любовь къ родинѣ, умѣя вдыхать въ учениковъ страстное желаніе служить ей, содѣйствуя укрѣпленію той струи гуманнизма и умственнаго свѣта, которая течетъ къ намъ изъ Европы.

Идя далѣе въ исторіи русской литературы, В. П. на примѣрѣ Грибоѣдова хорошо показывалъ, что можетъ дать поэзія для изученія общества, и какъ произведеніе поэта играетъ общественно-педагогическую роль. Но вѣнцомъ его историческаго курса былъ всегда отдѣлъ о Пушкинѣ. Это былъ, несомнѣнно, его любимый поэтъ, и его онъ проходилъ мастерски, не жалѣя времени, углубляясь въ подробности, предлагая разнообразнѣйшія темы для письменныхъ работъ. Нѣкоторые изъ его уроковъ о Пушкинѣ принимали видъ замѣчательно живыхъ діалоговъ, полныхъ интереснѣйшаго содержанія; иногда они переходили въ вдохновенныя лекціи. Обращаясь къ воспитанникамъ старшаго класса, онъ считалъ себя въ правѣ говорить о трудныхъ вопросахъ психологическихъ, философскихъ, общественныхъ, эстетическихъ. Онъ, который владѣлъ рѣдкимъ даромъ доступнаго, популярнаго изложенія, всегда энергично вооружался противъ общераспространеннаго среди оффиціальныхъ руководителей школы стремленія непремѣнно вынуть серьезное содержаніе изъ гимназическаго курса, понизить уровень и тонъ ихъ разработки. Онъ смѣло и вѣрно утверждалъ, что дѣти гораздо больше понимаютъ, чѣмъ мы думаемъ, исправлялъ убожество программъ, внося въ нихъ богатый идейный матеріалъ. Лермонтовъ и Гоголь оказывались обыкновенно сжатыми въ концѣ курса, но такъ какъ произведенія обоихъ писателей были извѣстны ученикамъ В. П. изъ курса предшествующихъ классовъ, то и тутъ получались прекрасные образцы общей оцѣнки великихъ писателей. Экскурсы о Толстомъ, Достоевскомъ и спеціально о Тургеневѣ прерывали или, вѣрнѣе, украшали разработку программы, начиная уже съ пятаго, отчасти даже съ четвертаго класса. Тургенева въ освѣщеніи В. П. Острогорскаго мы пріучались любить особенно горячо не только за громадный литературный талантъ и тонкую художественность, но и за свѣтлую общественную роль. Его образъ былъ для насъ не только величественнымъ, но близкимъ и дорогимъ.

Разбирая поэтовъ, В. П. основательно знакомилъ насъ и съ критиками. Лессингъ, Гервинусъ, Сентъ-Бевъ, Тэнъ на западѣ, Бѣлинскій, Добролюбовъ, Дружининъ, Писаревъ въ Россіи извѣстны были намъ не по одному имени, и изу-

ченіе ихъ трудовъ входило въ обычай не только полезный, но и пріятный. Раскрывая передъ нами славныя страницы нашего литературнаго прошлаго, В. П. сближалъ насъ съ крупными моментами новѣйшей исторіи самосознанія нашего общества. Философскія движенія 40-хъ годовъ, кружки Станкевича, Грановскаго, Герцена были намъ знакомы въ ихъ просвѣтительномъ значеніи, равно какъ и дѣятели эпохи великихъ реформъ. В. П. училъ насъ знать и уважать результаты работы замѣчательныхъ представителей педагогическаго дѣла—Ушинскаго, Пирогова, Стоюнина, Водовозова и др. Мало-по-малу скромная личная душевная жизнь каждаго воспріимчиваго ученика В. П. сливалась, такимъ образомъ, съ широкимъ потокомъ развитія русскаго общества. Самъ отзывчивый къ современности, онъ не могъ не побуждать своихъ питомцевъ прислушиваться къ тѣмъ явленіямъ жизни, которыя имѣли близкое отношеніе къ литературѣ. Онъ отмѣчалъ намъ, когда мы перешли въ старшіе классы, выдающіяся статьи критическаго и публицистическаго характера, печатавшіяся въ новыхъ книжкахъ журналовъ и руководилъ нами при ихъ чтеніи. Нечего и говорить о появлявшихся крупныхъ произведеніяхъ беллетристики. Сочиненія Тургенева, Толстого, Достоевскаго, Некрасова, Салтыкова ожидались нами, какъ праздники. Мы посѣщали устраивавшіяся тогда литературнымъ фондомъ интереснѣйшія чтенія, въ которыхъ принимали участіе первоклассные писатели. Въ годъ послѣдняго пріѣзда въ Петербургъ И. С. Тургенева мы съ бурною радостью участвовали въ устроенной ему восторженной встрѣчѣ на литературномъ вечерѣ въ пользу женскихъ курсовъ и поднесли ему адресъ отъ группы гимназистовъ, получивъ на это благословеніе отъ В. П. Онъ не пропускалъ случая, чтобы остановить наше вниманіе на дѣятельности хорошаго литературнаго, общественнаго или педагогическаго работника по поводу скорбнаго факта его кончины или радостнаго появленія новаго труда или осуществленія полезнаго предпріятія. В. П. не боялся того, что жизнь будетъ врываться въ школу; напротивъ, онъ понималъ необходимость естественнаго взаимодѣйствія между частью и цѣлымъ. Онъ только заботился, чтобы реакція первой на вторую была чистою и правильною, старался сдерживать въ должныхъ границахъ и направлять къ добру силу впечатлѣнія, производимаго на юнаго школьника фактами дѣйствительности.

Самый способъ преподаванія много способствовалъ усиленію вліянія В. П. Онъ былъ положительно великолѣпнымъ разсказчикомъ. Уроки его слагались въ видѣ подвижныхъ бесѣдъ, разнообразныхъ по формѣ въ зависимости отъ ихъ содержанія, отъ настроенія учителя и класса. Изъ нихъ обыкновенно выростало полное красокъ живое и закругленное цѣлое; иногда они поднимались до высоты импровизаціи. Никогда не забуду, напримѣръ, превосходныя лекціи его объ Евгеніи Онѣгинѣ. Пренебрегая чопорностью чинопочитанія, отъ которой погибаетъ всякая нравственная связь между учащимъ и учащимися, онъ не сушилъ обстановки на своихъ урокахъ требованіемъ рабской дисциплины, ненавидѣлъ этикетъ, и самъ держалъ себя съ большою простотою. Онъ садился нерѣдко прямо на столъ около кого-нибудь изъ учениковъ, забираясь съ ногами на скамью; тепло и оживленно смотрятъ его глаза, съ одушевленіемъ лилась его рѣчь, всегда посвященная важному, хорошему предмету, усыпляя лишь немногихъ—толстоко-

жихъ, непроницаемыхъ для правды, добра и красоты, волнуя и идеализируя большинство. В. П. былъ добръ безъ сентиментальности, гуманенъ или мягокъ съ учениками безъ заискиванья и популярничанья, требователенъ по существу, хотя снисходителенъ въ оффиціальной оцѣнкѣ успѣховъ. Онъ не прибѣгалъ къ принудительнымъ средствамъ, единицамъ и наказаніямъ; но праздность и невѣжество всегда встрѣчали въ его отношеніи опредѣленный протестъ, а пошлость или лицемѣріе онъ умѣлъ подрывать возмущеннымъ укоромъ или ѣдкой насмѣшкой. Правда, тупицы, праздные вѣтренники или ловкіе карьеристы могли у него ничего не дѣлать и искусно отвращать отъ себя его гнѣвъ. Но могутъ ли, положа руку на сердце, сказать самые строгіе и безжалостные латинисты и математики, что они добивались хорошихъ результатовъ послѣдовательнымъ примѣненіемъ насильственныхъ мѣропріятій? Не вызывали ли они въ гимназистахъ «драконовскою» системою только усиленную борьбу за существованіе, не поощряли ли они развитія виртуозной изворотливости въ видахъ приспособленія къ средѣ и не содѣйствовали ли выработкѣ въ учащихся убѣжденія, что хитрѣйшій будетъ побѣдителемъ на полѣ жизни? А все это не порождаетъ ли полнаго равнодушія къ знанію и потери нравственнаго чувства? Когда вспоминается наша гимназическая этика, черезъ четверть вѣка краснѣешь отъ беззастѣнчиваго отношенія ко лжи и правдѣ, которое вырабатывала въ насъ школа, отъ весьма малой чувствительности къ грубому нарушенію самой элементарной честности въ столкновеніяхъ съ воспитателями, которая переносилась въ университетъ, а потомъ и въ жизнь. В. П. своею личностью и своимъ отношеніемъ къ намъ и къ дѣлу смягчалъ всѣ эти черты. Онъ не могъ искоренить ихъ совсѣмъ, но, несомнѣнно, въ мое время всѣ ученики Ларинской гимназіи (за немногими исключеніями, объясняемыми особенно счастливыми дарованіями или семейными обстоятельствами) получили въ школѣ именно отъ него не только главные элементы своего образованія, но и потребность его продолженія; подъ его же вліяніемъ залагались у нихъ и начала совѣсти, на которыя они могли опереться впослѣдствіи.

Выше уже упоминалось, что воздѣйствіе учителя шло дальше стѣнъ школы и часовъ уроковъ. Его мысль направляла домашнія занятія отдѣльныхъ учениковъ и приводила къ сближенію между ними. Такъ, среди моихъ товарищей уже въ пятомъ классѣ возникъ, подъ впечатлѣніемъ преподаванія В. П., дружескій кружокъ, въ которомъ мы занимались вмѣстѣ литературными, историческими, нравственными, философскими вопросами *). Онъ продержался до самаго окончанія нами курса гимназіи, оказавъ важное вліяніе на образованіе умственнаго склада его членовъ, перешелъ съ нами въ университетъ и растаялъ тамъ только въ силу многоразличія новыхъ вѣяній, когда уже выполнилъ свою функцію. Правда, жизнь этого кружка питалась самостоятельною работою главныхъ участниковъ, но вниманіе къ нему и помощь В. П. не ослабѣвали до конца.

Все, что я сказалъ о роли В. П. Острогорскаго, какъ учителя, въ жизни

*) См. Эккордтъ, «Руководство къ чтенію поэт. соч.» (изд. 3), стр. 106, гдѣ такого рода совмѣстныя товарищескія занятія прямо рекомендуются.

цѣлаго ряда поколѣній гимназистовъ-ларинцевъ въ 70-ые годы, вылилось искренно изъ глубины души. Думаю, что я не преувеличилъ его значенія: пусть судятъ объ этомъ другіе близкіе ученики его, мои сверстники, въ числѣ которыхъ есть учителя, профессора и общественные дѣятели. Иногда, говоря о дорогомъ дѣлѣ, невольно присоединяешь къ характеристикѣ хорошаго работника на его поприщѣ всѣ черты, которыя рисуются идеальною сущностью самаго дѣла. Но я убѣжденъ, что всѣ указанныя свойства жили въ личности исчезнувшаго учителя, составляя основу его природы. Я не хотѣлъ писать ему похвальнаго слова. У него было много недостатковъ, о которыхъ мы знали. Память о нихъ стушевывается подъ горькимъ впечатлѣніемъ недавней утраты. Да и не въ нихъ суть. Они могли ослаблять или колебать въ иныхъ случаяхъ его авторитетъ и вліяніе, разстраивать даже отношенія съ нимъ у нѣкоторыхъ лицъ при болѣе тѣсныхъ интимныхъ столкновеніяхъ; но они, твердо вѣрю, не разрушаютъ справедливости высказаннаго здѣсь общаго сужденія о В. П., какъ о талантливомъ и неутомимомъ труженикѣ на тернистомъ у насъ пути педагога, какъ объ искреннемъ идеалистѣ и честномъ человѣкѣ. Жизнь моя такъ сложилась, что я мало видѣлся съ нимъ послѣдніе годы, но печальная вѣсть о его кончинѣ заставила съ ожившею ясностью и вновь поднявшеюся благодарностью припомнить все, что онъ сдѣлалъ для насъ, своихъ учениковъ. Слѣдуя за гробомъ В. П., я переживалъ нераздѣльно связанную съ нимъ раннюю юность, когда залагалось въ душѣ при его помощи то, что теперь привязываетъ къ жизни, и чѣмъ гордится совѣсть. Я считалъ своимъ долгомъ отдать ему посильно заслуженную имъ честь на страницахъ журнала, который онъ редактировалъ и любилъ. Обращаюсь я, главнымъ образомъ, къ тѣмъ, увѣренъ, многочисленнымъ ученикамъ и ученицамъ В. П., которые смотрѣли на него такъ же, какъ я, и къ учителямъ, которые увлекаются задачею, составлявшею душу его жизни до самаго ея неизбѣжнаго конца. Послѣдніе въ его книгахъ найдутъ для себя полезныя пособія *). Два его юбилея показали, какъ его знали и чтили люди, близкіе ему по профессіямъ. Самъ онъ въ прекрасныхъ статьяхъ о «Прошломъ, настоящемъ и желанномъ будущемъ нашей школы», написанныхъ годъ тому назадъ, когда оживилась надежда на ея реформу **), хорошо формулировалъ принципы, какіе его всегда вдохновляли. Въ интересной автобіографической книжечкѣ ***) онъ самъ разсказалъ, какъ слагалась его личность и дѣятельность, а въ своемъ посмертномъ письмѣ къ ученикамъ, напечатанномъ въ газетахъ, обнаружилъ, какъ

*) Я не могу говорить о нихъ здѣсь спеціально, но долженъ особенно настоятельно рекомендовать всѣмъ учащимъ его сочиненіе—«Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми» (5 изд. Спб. 1901 г.), положительно незамѣнимое при начальномъ и среднемъ обученіи. Ср. еще его же «Письма объ эстетическомъ воспитаніи» (изд. 2. Спб. 1896). Списокъ работъ В. П., помѣщенный въ майской книжкѣ «Міра Божьяго» за текущій годъ, свидѣтельствуетъ о томъ, какимъ онъ былъ плодовитымъ педагогическимъ писателемъ, и на какіе дѣйствительно живые и важные вопросы онъ отзывался.

**) См. «Новости», №№ 106 и 108 за 1901 г.

***) «Изъ исторіи моего учительства» (Спб. 1895 г.).

близка была его сердцу и народная школа, для которой онъ также не мало работалъ и писалъ *). Самъ В. П. въ годы тяжелаго настоящаго нашей средней школы боролся за поддержаніе идеалистической традиціи ея прошлаго въ шестидесятые годы, старался спасти учениковъ отъ мертвящаго дѣйствія жесткой рутины. Привѣтствуя тѣхъ, кому выпадаетъ на долю нынѣ создать реформою ея желанное будущее, онъ призываетъ ихъ стать подъ знамя гуманныхъ началъ, отрѣшившись отъ узкаго фанатизма тѣхъ, кто насаждалъ нынѣ существующіе порядки, и внявъ разумнымъ и справедливымъ желаніямъ страны. Свою статью В. П. заканчиваетъ слѣдующими убѣжденными словами: «Недовѣріемъ къ обществу, подозрительностью, страхомъ передъ частнымъ починомъ и смѣлымъ правдивымъ словомъ людей, желающихъ добра своему отечеству и готовыхъ всею душою идти на помощь всякимъ благимъ начинаніямъ въ такомъ великомъ дѣлѣ, какъ народное образованіе, еще никогда и нигдѣ не подымалось и не распространялось просвѣщеніе; серьезное же вниманіе къ насущнымъ потребностямъ послѣдняго и участіе въ организаціи этого просвѣщенія со стороны всего общества, только одни могутъ дать важнѣйшій залогъ ближайшаго нравственнаго и матеріальнаго преуспѣянія дорогой всѣмъ намъ матери—родинѣ, чего уже давно такъ страстно жаждутъ всѣ истинно-русскіе люди».

Мы, любившіе и уважавшіе В. П. ученики, можемъ назвать его по правдѣ «хорошимъ учителемъ», и намъ дорого, чтобы помнилось его скромное, но прекрасное дѣло. Мы должны пожелать, чтобы «у его гробового входа» всегда возрождалась и «играла младая жизнь», и чтобы на такое поддерживающееся доброе преданіе взирала не одна «равнодушная природа», но и заинтересованное русское общество.

Ив. Гревсъ.

---

*) Нахожу умѣстнымъ привести здѣсь текстъ этого письма: «Когда прочтется это письмо, автора не будетъ въ живыхъ. Я былъ такъ счастливъ, что видѣлъ много разъ трогательное къ себѣ вниманіе ярко выразившееся въ 1889 г., въ день чествованія четверть-вѣкового юбилея моей педагогической дѣятельности. Это вниманіе учившихся у меня и публики не оставляло меня до конца жизни и всегда было лучшею наградою за мою посильную дѣятельность, и вотъ теперь, умирая и вѣря въ искренность выражаемыхъ мнѣ чувствъ, обращаюсь къ моимъ ученицамъ, ученикамъ, собратьямъ по литературѣ и всѣмъ, кто меня знаетъ, любитъ и помнитъ, съ посмертной послѣднею просьбою. Она относится не ко мнѣ,—мнѣ уже ничего не нужно,—а къ дѣлу которое всю мою жизнь было мнѣ дорого. Уже старикомъ, въ 1896 г., на мои собственныя средства, получаемыя съ уроковъ и литературнаго труда, я основалъ въ городѣ Валдаѣ безплатное училище, двухклассную общеобразовательную школу, помѣщающуюся въ моемъ домѣ, но требующую особаго помѣщенія, котораго при жизни мнѣ не удалось построить. Со смертью моею дорогое для меня дѣтище гибнетъ, и вотъ обращаюсь къ вамъ, мои ученики и ученицы, собратья по литературѣ и всѣ, кто меня любилъ,—не оставьте моей Валдайской школы въ вашей энергичной поддержкѣ въ формѣ-ли попечительства, литературно-музыкальныхъ вечеровъ, которые я такъ любилъ устраивать съ моими учениками, путемъ лекцій,-словомъ, какъ надумается. Вамъ, выражавшимъ ко мнѣ при жизни такъ часто свою пріязнь, ввѣряю мою школу въ той увѣренности, что вы не дадите ей погибнуть послѣ моей смерти. Васъ любившій, теперь умершій Викторъ Острогорскій».

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Воспоминанія Вл. Короленко «О Глѣбѣ Ивановичѣ Успенскомъ».—Цѣльность личности Успенскаго какъ писателя и человѣка.—Его творчество.—Громадное значеніе Успенскаго какъ художника и быто-писателя русской жизни.—Его законченность какъ писателя.

Изъ числа писателей—народниковъ, выступившихъ цѣлымъ гнѣздомъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, одинъ Глѣбъ Успенскій не только не затерялся въ «дали временъ», какъ почти всѣ его современники и сверстники, но сохранилъ неувядающую свѣжесть интереса и громадное значеніе, какъ быто-писатель русской жизни. Стоитъ взять его произведеніе, что такъ часто приходится дѣлать нашему брату журналисту для справки, для цитаты, и уже не можешь оторваться отъ его нерѣдко геніальныхъ по яркости и жизненности страницъ. Увлекшись чтеніемъ, забываешь и о справкѣ и просто наслаждаешься его чуднымъ языкомъ, этимъ истинно-русскимъ, яркимъ и образнымъ языкомъ, его художественнымъ умѣніемъ творить жизнь, изъ незначительной, пустой сценки возсоздать такую подавляющую подчасъ картину человѣческой скорби или несчастья, что, потрясенный до глубины души, откладываешь книгу, чтобы передохнуть отъ его мучительной правды. Его, какъ и другихъ великихъ нашихъ писателей, нельзя читать «сплошь», что называется: онъ до того волнуетъ, захватываетъ и заставляетъ вдумываться, что приходится то и дѣло откладывать книгу, чтобы овладѣть впечатлѣніемъ и получше охватить всю глубину нарисованнаго образа. И когда, желая дать себѣ отчетъ, начинаешь вспоминать, что именно у него ярче всего, что законченѣе и цѣльнѣе—встаетъ такая масса этихъ образовъ, такое разнообразіе «лицъ, нарѣчій, состояній», что невольно чувствуешь себя подавленнымъ громадностью захвата этого удивительнаго русскаго писателя, великаго знатока русской жизни и по истинѣ геніальнаго художника, по той проникновенности, съ которой онъ рисуетъ душу мужика, рабочаго, интеллигента, солдата, и всякаго живого человѣка въ данную минуту привлекшаго его вниманіе. Кого здѣсь только нѣтъ? Порфиричъ, Ершишка, Хрипуновъ, Михалъ Иванычъ, Кудимычъ, Мымрецовъ, Тяпушкинъ, чиновникъ («Задача»), «вольный казакъ», Иванъ Босыхъ, Иванъ Ермоланчъ, Варвара, спившійся дьяконъ, безконечная вереница разныхъ дѣльцовъ и дѣятелей, вплоть до того русскаго мужика, что силою однихъ «природныхъ дарованій» сразу, въ одинъ присѣстъ, производитъ цѣнность въ сто рублей, и...

Аракчеевъ. Да и этотъ послѣдній, и такъ выписанный, что вы можете прочесть всего Шильдера, Богдановича, сколько угодно копаться въ «Русской Старинѣ» и все же не получите такого яркаго и цѣльнаго впечатлѣнія, какъ отъ нѣсколькихъ строкъ Глѣба Ивановича. «Страху имѣлъ въ себѣ,—разсказываетъ старый бурмистръ.—Столь много было въ немъ, значитъ, испугу этого самаго. Носъ у него, у покойника, былъ этакій мясистый, толстый, сизый, значитъ, съ сизиной. И гнусавый былъ, гнусилъ... Идетъ ли, ѣдетъ ли, все будто мертвый, потому глаза у него были тусклые и такъ оказывали, какъ, примѣромъ сказать, гнилыя мѣста вотъ на яблокахъ бываютъ: будто глядитъ, а будто нѣтъ, будто есть глаза, а будто только гнилыя ямы. Вотъ въ этакомъ то видѣ— ѣдетъ ли, идетъ ли—точно мертвецъ холодный, и носъ этотъ самый сизый, мясистый, виситъ. А чуть раскрылъ ротъ—и загудитъ, точно изъ подъ земли или изъ могилы: «Па-а-л-локъ!» Да въ носъ, гнусавый былъ... «Па-а-л-локъ!» Это ужъ, стало быть, что-нибудь заприметилъ... И только его и словъ было, а то все какъ мертвый... Вотъ какой былъ сурьезный, дьяволъ!» Цѣльность впечатлѣнія отъ этого несравненнаго образа, такъ, мимоходомъ начертаннаго Глѣбомъ Ивановичемъ, еще усиливается тѣмъ, что разсказчикъ (въ очеркѣ «старый бурмистръ») весь на сторонѣ Аракчеева («такъ... былъ порядокъ»).

Такими безподобными перлами переполнены три увѣсистыхъ тома компактнаго изданія твореній Успенскаго. И среди безконечнаго разнообразія этихъ образовъ, то подавляющихъ васъ, то трогательныхъ до слезъ, то возбуждающихъ самое неудержимое дѣтское веселье, все время не покидаетъ васъ образъ самого творца, всегда грустный, словно трепещущій отъ удивленія и скорби при видѣ того, что творится вокругъ него, или словно недоумѣвающій, какъ же это никто, кромѣ него, не видитъ, не пугается всего безобразія жизни, не замѣчаетъ, какъ далеко-далеко уклонилась эта жизнь отъ красоты настоящаго человѣка? Потому что самъ онъ, Глѣбъ Ивановичъ, переполненъ трепетнымъ восторгомъ передъ этой чарующей красотой истиннаго человѣка и потому такъ до болѣзненности чутокъ ко всякимъ уклоненіямъ, уродующимъ «образъ и подобіе божье». Изъ этой чуткости и восторга передъ человѣческой красотой, передъ красотой природы и жизни вообще проистекаетъ и дѣтская незлобивость Глѣба Ивановича, съ которой онъ относится ко всѣмъ и всему. Гнѣвъ, суровое осужденіе, безпощадная жестокость къ описываемымъ имъ звѣроподобнымъ чудищамъ, къ образамъ почти апокалипсическаго характера, какъ приведенный выше Аракчеевскій портретъ,—чужды ему вполнѣ. Онъ и за нихъ страдаетъ, какъ и за тѣхъ, кто пострадалъ отъ нихъ. Онъ и въ ихъ искаженныхъ злобою лицахъ видитъ черты, сближающія ихъ съ общечеловѣческой красотой, которая въ этихъ несчастныхъ превратилась въ свою противоположность. Ему пожалуй, еще больнѣе при видѣ ихъ, чѣмъ при видѣ ихъ жертвъ, потому что страданіе приближаетъ къ красотѣ, очищаетъ и возвышаетъ, тогда какъ дикое безобразіе палачей выступаетъ на фонѣ общаго страданія еще ярче и гнуснѣе, до жгучей боли ранитъ сердце писателя. Самому предателю, котораго такъ безпощадно казнитъ Салтыковъ, Успенскій не смогъ бы сказать роковое: «иди! нѣтъ тебѣ прощенія!» Самое большее—онъ молча отвернулся бы отъ него. «И его тоже мать родила»,

какъ говоритъ у Достоевскаго каторжникъ, указывая на закованный трупъ своего товарища.

Источникъ этой незлобивости Успенскаго отнюдь не безразличье или слащавая гуманность, преисполненная мира и всепрощенія. Напротивъ, Глѣбъ Ивановичъ—это живое воплощеніе дѣйственной любви и неустанныхъ поисковъ за дѣлами и проявленіями именно такой дѣятельной любви. Всѣ его произведенія проникнуты этимъ исканіемъ, безпокойнымъ, напряженнымъ, страстнымъ. Въ самыхъ совершенныхъ и законченныхъ своихъ произведеніяхъ онъ не выдерживаетъ спокойнаго эпическаго тона, и то и дѣло стремительно уклоняется въ сторону, не въ силахъ удержать свое рвущееся на голосъ любви сердце. Нарисовавъ удивительную картину человѣческихъ безобразій, онъ же первый приходитъ въ ужасъ и ищетъ пути къ устраненію ихъ, къ истинной правдѣ человѣческихъ отношеній, къ замѣнѣ «зоологической» правды — правдой человѣческой, которая пребудетъ во вѣкъ. И если когда негодованіе прорывается у Успенскаго, то въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда, вмѣсто этой правды, подсовываютъ другую, подъ разными соусами скрывающуюся, «звѣриную» по существу. Такъ было, напр., послѣ знаменитой рѣчи Достоевскаго (на пушкинскомъ празднествѣ) о «русскомъ все-человѣкѣ». Во второй половинѣ своей замѣчательной статьи, посвященной описанію торжества («На другой день»), у него прорываются такія злыя слова, звучитъ мѣстами такой ѣдкій сарказмъ, какого вы не найдете нигдѣ во всѣхъ его произведеніяхъ. Его возмутила именно неискренность оратора, его игра словами, то, что на своемъ оригинальномъ языкѣ Успенскій характеризуетъ, какъ подмѣну «все-человѣческаго»—«все-заячьими свойствами». Характеризуя эту знаменитую рѣчь, Успенскій превращается въ сатирика,—вообще, ему мало свойственная роль. По его словамъ, Достоевскій разными вставками, незамѣтными уклоненіями, путанными словечками сводитъ своего все-человѣка на нѣтъ. «Такіе заячьи прыжки даютъ автору возможность превратить мало-по-малу все свое «фантастическое дѣланіе» въ самую ординарную проповѣдь полнѣйшаго мертвѣнія. Помаленьку, да полегоньку, съ кочки на кочку, прыгъ да прыгъ, все-заяцъ мало-по-малу допрыгиваетъ до непроходимой дебри, въ которой не видать ужъ и заячьяго хвоста...»

У Успенскаго нѣтъ ни проповѣди любви, ни всепрощенія, ни какихъ бы то ни было высокихъ словечекъ: онъ—сама простота, какъ въ изображеніи, такъ и въ языкѣ, до того ему чуждо все искусственное, дѣланное, надуманное. Отъ того и самая форма его произведеній такая смѣшанная—наполовину беллетристика, наполовину публицистика. О чемъ бы онъ ни разсказывалъ, онъ не можетъ воздержаться, чтобы не высказать всѣхъ мыслей, какія ему пришли въ голову по этому поводу. Если такіе постоянные переходы отъ разсказа къ размышленію мѣшаютъ иногда читателю, ослабляя впечатлѣніе, зато они тѣмъ ярче и цѣльнѣе обрисовываютъ писателя, раскрывая его душу цѣликомъ, не оставляя никакихъ сомнѣній, что и какъ именно думалъ Успенскій по тому или иному поводу. Но какъ разнообразны темы его произведеній, охватывая всю нашу русскую дѣйствительность, такъ же разнообразенъ и трудно объемлемъ и самъ Успенскій. Онъ поистинѣ «дистанція огромнаго размѣра», и этимъ можно

объяснить, что литература о немъ такъ бѣдна. Вступительная статья Н. К. Михайловскаго и его же статьи въ «Русскомъ Богатствѣ» текущаго года, небольшое сравнительно мѣсто, удѣленное Успенскому г. Скабичевскимъ въ его «Исторіи литературы», статья г. Уманьскаго «Писатель переходнаго времени» въ «Русской мысли» этого года — вотъ, пожалуй, и все, что есть объ Успенскомъ. Можно указать еще очеркъ г. Волжскаго «Два очерка объ Успенскомъ и Достоевскомъ», въ которомъ есть очень важныя замѣчанія о разныхъ взглядахъ Успенскаго, но въ общемъ г. Волжскій только комментируетъ и дополняетъ извѣстную «Вступительную статью» Н. К. Михайловскаго, на что, впрочемъ, онъ самъ же и указываетъ.

Смерть Успенскаго оживила литературу о немъ, и мы уже теперь имѣемъ превосходную характеристику его, какъ писателя и человѣка, данную В. Г. Короленко въ статьѣ его «О Глѣбѣ Ивановичѣ Успенскомъ», заключающей личныя воспоминанія автора. Самъ чуткій и вдумчивый художникъ, Короленко, быть можетъ, лучше и глубже всѣхъ съумѣлъ изобразить этого оригинальнѣйшаго человѣка, котораго мы всѣ знаемъ только по его писаніямъ. И человѣкъ въ изображеніи его такъ тѣсно и полно сливается съ писателемъ, что ихъ уже не отдѣлить, разъ вы прочли эти воспоминанія. Изъ небольшихъ, обыденныхъ фактовъ, изъ незамѣтныхъ черточекъ онъ создалъ такой обаятельный образъ, что Глѣбъ Ивановичъ выступилъ еще свѣтлѣе и чище, чѣмъ мы могли знать его раньше, и въ то же время многое, о чемъ мы только догадывались, выступаетъ теперь въ его произведеніяхъ яснѣе, понятнѣе и еще болѣе захватываетъ васъ, когда вы знаете теперь душу Успенскаго. Самъ Короленко познакомился съ нимъ уже на склонѣ его литературной дѣятельности, незадолго до роковаго конца, такъ неожиданно пресѣкшаго его писательскую работу. Это было во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда усталость, разочарованіе и какое-то безсиліе разслабленной воли господствовали въ обществѣ.

«Всякій,—говоритъ Короленко,—кто жилъ уже сознательною жизнью въ то смутное и туманное время, помнитъ общій тонъ тогдашняго настроенія. У такъ называемой интеллигенціи начиналась съ «меньшимъ братомъ» крупная ссора (о которой послѣдній, впрочемъ, по обыкновенію, даже не зналъ). Хотя Успенскій никогда не идеализировалъ мужика, наоборотъ, съ большой горечью и силой говорилъ о мужицкомъ свинствѣ и о распоясовской темнотѣ даже въ періодъ наибольшаго увлеченія «устоями» и тайнами «народной правды», тѣмъ не менѣе въ это время онъ со всей силой своего огромнаго таланта продолжалъ призывать вниманіе общества ко всѣмъ вопросамъ народной жизни, со всѣми ея болящими противорѣчіями и во всей ея связи съ интеллигентною совѣстью и мыслью. Такъ что съ реакціей противъ мужика начиналась реакція и противъ Успенскаго: къ нему обращались запросы, упреки, письма. Въ одной изъ своихъ статей въ «Отеч. Запискахъ» Глѣбъ Ивановичъ съ большимъ остроуміемъ отмѣчалъ и отражалъ это настроеніе при самомъ его возникновеніи. Онъ характеризовалъ его словами: «надо и намъ». Что въ самомъ дѣлѣ: мужикъ заполонилъ всю литературу. Мужикъ да мужикъ, народъ да народъ. «Мы тоже хотимъ.... надо и намъ...» Началось *само*-углубленіе, *само*-усовершенствованіе, рѣшеніе вопросовъ изолированной личности, внѣ связисъ

общественными вопросами, до тѣхъ поръ властно занимавшими умы и сердца. «Восемьдесятъ тысячъ верстъ вокругъ самого себя», съ обычною мѣткостью характеризовалъ Глѣбъ Ивановичъ одну сторону этого настроенія. Огорченный и разочарованный, русскій интеллигентный человѣкъ углублялся въ себя, уходилъ въ культурные скиты или обиженно требовалъ «новой красоты», становясь особенно капризнымъ относительно эстетики и формы».

Такое настроеніе переживалъ и одинъ пріятель автора, раздѣляя указанное предубѣжденіе противъ Успенскаго за его настойчивые призывы «все-таки смотрѣть на мужика».

«Однажды,—продолжаетъ Короленко,—онъ вошелъ въ мою гостиную, когда за чайнымъ столомъ, въ кружкѣ моей семьи и знакомыхъ, сидѣлъ Глѣбъ Ивановичъ, только что пріѣхавшій въ Нижній Новгородъ. Онъ говорилъ о чемъ-то своимъ обычнымъ тономъ, въ которомъ проглядывала какая-то сдержанная, глубокая печаль, по временамъ вдругъ уступавшая мѣсто вспышкамъ особеннаго, только Успенскому присущаго, тихаго юмора. Я представилъ своего пріятеля. Успенскій всталъ, пожалъ ему руку, невнятно пробормоталъ свою фамилію и опять обратился къ занимавшей его темѣ, которая уже овладѣла вниманіемъ слушателей. Взглянувъ случайно на своего пріятеля, я замѣтилъ на его лицѣ напряженное вниманіе, смѣшанное съ чрезвычайнымъ изумленіемъ. Черезъ четверть часа онъ поднялся съ своего мѣста и, выйдя въ сосѣднюю комнату, поманилъ меня за собою.

«—Кто это у васъ?—спросилъ онъ съ величайшимъ любопытствомъ.—Я не разслышалъ его фамиліи.

«—А что? Почему вы спрашиваете такимъ тономъ?

«—Это какой-то необыкновенный человѣкъ. Отъ него вѣетъ геніальностью.

«—Поздравляю васъ,—отвѣтилъ я смѣясь,—вы познакомились съ Глѣбомъ Ивановичемъ Успенскимъ».

Такимъ образомъ, говоритъ авторъ, «мой пріятель былъ завоеванъ навсегда, и при томъ не писатель предрасположилъ его къ личности, наоборотъ—необыкновенное обаяніе личности обратило скептика къ изученію произведеній писателя».

И это вполнѣ понятно, такъ какъ, по словамъ Короленки, Глѣбъ Ивановичъ былъ «дорогимъ и рѣдкимъ исключеніемъ», когда писатель и личность нераздѣлены другъ отъ друга. Этимъ объясняетъ авторъ особый тонъ и манеру творчества Успенскаго, который не вынашивалъ своихъ твореній, не отдѣлывалъ ихъ съ тщательностью и любовью ради нихъ самихъ: «ему нужна была не красота, не цѣльность впечатлѣнія, не образъ. Съ лихорадочной страстностью среди обломковъ стараго онъ искалъ матеріаловъ для созиданія новой совѣсти, правилъ для новой жизни или хотя бы для новыхъ желаній этой жизни. То, что онъ предполагалъ извѣстнымъ, общимъ у себя и читателя, надъ тѣмъ онъ не останавливался для детальной отдѣлки, то отмѣчалъ только бѣглыми штрихами, заполнялъ кое-какъ, лишь бы не оставить пустоты. Наоборотъ, то, что еще только мелькало впереди смутными очертаніями будущей правды,—за тѣмъ онъ гнался страстно и торопливо, не выжи-

дая, пока оно самопроизвольно сложится въ душѣ въ ясный самодовлѣющій образъ. Онъ пытался обрисовать его поскорѣе для насущныхъ потребностей данной исторической минуты тѣми словами, какія первыя приходили на умъ. Отъ этого онъ часто повторялся, все усиливая находимыя идеи, заставлялъ читателя переживать съ нимъ вмѣстѣ и его поиски, и его разочарованія, и всю подготовительную работу, пускалъ своихъ жильцовъ, когда у постройки еще не были убраны лѣса. Все это искупалось важностью и насущностью занимавшихъ Успенскаго вопросовъ, а общность настроеній писателя и его читателей заполняла пробѣлы въ этой торопливой работѣ... Но особенно интересна во всемъ этомъ самая личность автора, съ ея своеобразной глубиной, съ ея необыкновенной чуткостью къ вопросамъ совѣсти, съ ея смятеніемъ и болью... И всякій, кто зналъ Успенскаго лично, кто помнитъ это обаяніе и значительность основного душевнаго тона, который сразу чувствовался во всякомъ словѣ, движеніи, взглядѣ задумчивыхъ глазъ, въ самомъ даже молчаніи Успенскаго,—согласится съ отзывомъ моего пріятеля: отъ этой своеобразной, единственной въ своемъ родѣ личности дѣйствительно вѣяло геніальностью...»

Дѣйствительно, все въ личности Успенскаго было «не какъ у другихъ-прочихъ» и сразу привлекало вниманіе, начиная съ его «удивительныхъ глазъ, широко разставленныхъ и глубокихъ. Въ нихъ было что-то ласковое и печальное въ то же время; лицо мнѣ показалось усталымъ,—описываетъ Короленко первое свое знакомство съ Успенскимъ.—Помню, однако, что оно какъ-то сразу, безъ всякаго промежуточнаго впечатлѣнія и разлада, слилось со всѣмъ лучшимъ, что отлагалось въ души отъ его произведеній. Мнѣ казалось только, что лицо и взглядъ автора «Будки», «Разоренія» и столькихъ картинъ, полныхъ яркаго и своеобразнаго юмора—должно бы быть нѣсколько веселѣе. Однако, я чувствовалъ, что отъ этого оно не стало бы лучше, чѣмъ съ этой грустью, сосредоточенной, вдумчивой и какъ будто давно отложившейся на самомъ днѣ этой глубокой души».

Также глубокъ и значителенъ былъ онъ весь, даже въ небольшихъ замѣчаніяхъ, бѣглыхъ отзывахъ, какъ значительны тѣ образныя, яркія вставки въ его произведеніяхъ, когда онъ вдругъ однимъ словечкомъ, коротенькой сценкой, неожиданнымъ сравненіемъ, какъ молніей, освѣтитъ цѣлое сложное явленіе, запечатлѣетъ въ вашей памяти рѣдкій типъ или подчеркнетъ, словно ударомъ рѣзца, главную особенность того или иного характера. Иные жалуются на «трудность» чтенія Успенскаго, и въ этомъ есть доля правды, потому что онъ требуетъ напряженнаго вниманія,—иначе рискуешь пропустить драгоцѣнную черту, «крылатое» словечко, глубокую и оригинальную мысль, которыми блещутъ страницы его очерковъ и разсказовъ. Онъ самъ — вся страсть и напряженіе даже въ самыхъ эпическихъ своихъ произведеніяхъ, и это утомляетъ. Его нельзя читать бѣгло, перелистывать, выхватывая отдѣльное «морсо», такъ какъ все у него, при видимой разбросанности и неустройствѣ, крѣпко связано цементомъ его страстнаго исканія и неумолчно рвущейся къ дѣлу любви.

Въ разговорѣ его, приводимомъ авторомъ, вы слышите это постоянное напряженіе чувства, звучащаго все время, какъ туго натянутая струна, которая кажется, вотъ-вотъ оборвется и замретъ съ жалобнымъ, хватающимъ за сердце,

тономъ. Авторъ приводитъ его безподобный отзывъ о Достоевскомъ, котораго собесѣдники случайно коснулись.

«— Вы его любите?—спросилъ меня Глѣбъ Ивановичъ.

«Я отвѣчалъ, что не люблю, но нѣкоторыя его вещи, напр., «Преступленіе и наказаніе», перечитываю съ величайшимъ интересомъ.

«— Перечитываете?—переспросилъ меня Успенскій, какъ будто удивляясь, и потомъ, слѣдя за дымомъ папиросы своими задумчивыми глазами, сказалъ:— А я не могу... Знаете ли... у меня особенное ощущеніе... Иногда ѣдешь въ поѣздѣ... И задремлешь... И вдругъ чувствуешь, что господинъ, сидѣвшій противъ тебя... самый обыкновенный господинъ... даже съ добрымъ лицомъ... И вдругъ тянется къ тебѣ рукой... и прямо... прямо за горло хочетъ схватить... или что-то сдѣлать надъ тобой... И не можешь никакъ двинуться.

«Онъ говорилъ это такъ выразительно и такъ глядѣлъ своими большими глазами, что я, какъ бы подъ внушеніемъ, самъ почувствовалъ легкое вѣяніе этого кошмара и долженъ былъ согласиться, что это описаніе очень близко къ ощущенію, которое испытывается порой при чтеніи Достоевскаго.

«— А все-таки есть много правды,—возразилъ я.

«— Правды?—Глѣбъ Ивановичъ задумался и потомъ, указывая двумя пальцами на дверь кабинета, которая была открыта и прислонена къ стѣнѣ, сказалъ:—Посмотрите вотъ на эту дверь, много-ли тутъ за нею уставится?

«— Конечно, не много,—отвѣтилъ я, еще не понимая этого перехода мысли.

«— Пара калошъ...

«— Пожалуй.

«— Положительно пара калошъ. Ничего больше...—И вдругъ, повернувшись ко мнѣ лицомъ и оживляясь, онъ докончилъ:—А онъ сюда столько набьетъ... человѣческаго страданія... горя... подлости человѣческой... что прямо на четыре каменные дома хватитъ».

Такая напряженность чувства и вѣчная работа мысли не могли не истощать этого удивительнаго человѣка, что и разрѣшилось нервной болѣзнью, такъ рано положившей конецъ его писательской дѣятельности. Короленко положительно отрицаетъ нелѣпые слухи объ алкоголизмѣ Глѣба Ивановича. Онъ много курилъ и въ обществѣ пилъ со всѣми, но «вообще, когда теперь я вспоминаю эту папиросу и вино и то, что я, безъ привычки, тоже курилъ и пилъ въ присутствіи Глѣба Ивановича, и что ни куреніе, ни табакъ не оказывали на меня никакого дѣйствія,—то мнѣ кажется, что это было какое-то ровное, безпрестанное и чрезвычайно интенсивное горѣніе мозга и нервовъ, заразительное, вовлекавшее тотчасъ же и другихъ въ свою сферу. И въ этомъ горѣніи совершенно утопало впечатлѣніе наркотиковъ. Это были просто капли, шипѣвшія на раскаленной плитѣ. Но плита раскалялась не ими...»

Внутренній огонь, сжигавшій Успенскаго, придавалъ всей его фигурѣ что то особенное. «Разсказывая что нибудь, онъ глядѣлъ на собесѣдника своимъ глубокимъ мерцающимъ взглядомъ, говорилъ тихо, какъ будто сквозь слегка сжатые зубы и при этомъ жестикулировалъ какъ-то особенно, то и дѣло прикладывая два пальца къ груди, какъ будто указывая на какую то боль, которую онъ чувствовалъ отъ собственныхъ разсказовъ гдѣ то въ области сердца. Его

рѣчь была отрывиста, безъ закругленныхъ періодовъ, полная причудливыхъ изгибовъ и неожиданныхъ опредѣленій, часто вспыхивала своеобразнымъ юмором. И никогда она не производила впечатлѣнія простой болтовни на досугѣ, среди которой такъ хорошо иногда отдохнуть отъ работы и отъ мыслей. Его молчаніе было отмѣчено тѣми же чертами, какъ и его разговоръ. Въ его отрывистыхъ замѣчаніяхъ, какъ и въ его молчаніи чувствовалась какая то неразрывная связь. Въ одномъ изъ своихъ очерковъ онъ говоритъ, что иногда можно «молчать о многомъ». Дѣйствительно, бываютъ разговоры, въ которыхъ содержанія меньше, чѣмъ въ полномъ молчаніи, и бываетъ молчаніе, въ которомъ ходъ мысли чувствуется яснѣе, чѣмъ въ иномъ даже умномъ разговорѣ. Такое именно значительное молчаніе чувствовалось въ паузахъ Успенскаго. Его рѣчь и его паузы продолжали другъ друга... Разъ вслушавшись въ основное содержаніе занимавшей его мысли, вы уже были во власти этого теченія, во время самыхъ паузъ уже чувствовали это «молчаніе обо многомъ» и невольно ждали, гдѣ эта не отдыхающая мысль сверкнетъ на поверхности какимъ нибудь неожиданнымъ поворотомъ, образомъ, картиной, иногда въ одной короткой фразѣ или даже въ одномъ только словѣ.

«Я думаю, что эта манера молчать такъ же утомительна, какъ и напряженная работа. А между тѣмъ, это было нормальное состояніе Успенскаго, по крайней мѣрѣ, въ томъ періодѣ его жизни, когда я зналъ его. Для него почти не существовало тѣхъ минутъ полнаго безразличія организма, когда въ немъ совершаются, не задѣвая сознанія, одни только растительные, возстановляющіе процессы. Нѣкоторыя «житія» рисуютъ намъ подвижниковъ, никогда не разстававшихся съ молитвой, которая входила даже въ ихъ забытье и сонъ. Совершенно также нѣкоторые вопросы совѣсти и мысли никогда не засыпали въ Успенскомъ. И это то, я думаю, придавало такую выдѣляющую значительность его лицу, его словамъ, его взгляду, самому его молчанію.

«Но это же и сжигало его неустаннымъ огнемъ.»

Въ дальнѣйшемъ разсказѣ авторъ показываетъ намъ, какъ «господствующая идея» овладѣвала Успенскимъ и на каждомъ шагу, въ каждомъ поступкѣ и словѣ проявляла надъ нимъ свою неодолимую силу, подчиняя себѣ и всѣхъ его окружающихъ. Передать всю прелесть этого разсказа невозможно, пришлось бы перепечатать его до слова, такъ какъ все здѣсь значительно и вноситъ новый и новый штрихъ въ характеристику Успенскаго.

«Всю жизнь онъ стремился къ правдѣ, хотя бы и болящей, но истинной», заканчиваетъ свои воспоминанія г. Короленко, и вотъ почему такое громадное значеніе имѣютъ его произведенія, въ которыхъ запечатлѣлся цѣлый періодъ русской жизни со всѣми его исканіями, болями, надеждами и разочарованіями, и каждое слово здѣсь—правда. Въ самый разгаръ народническихъ увлеченій одинъ Успенскій неизмѣнно оставался правдивымъ и, страстно болѣя душой за «мужицкое свинство», представилъ всѣ отрицательныя стороны народной жизни также ярко и выпукло, какъ и привлекавшія его положительныя. Онъ не колеблясь призналъ односторонность этой народной правды, окрестивъ ее «зоологической», потому что, по его словамъ, «народное дѣло непремѣнно должно быть выяснено въ амой строгой безпристрастности и, если угодно, безстрашіи».

Ни одинъ народникъ писатель не далъ намъ такой упоительно правдивой картины «красоты ржаного поля», «гармоніи земледѣльческихъ идеаловъ». «поэзіи земледѣльческаго труда» и рядомъ съ этимъ только онъ далъ и обратную сторону, обрисовавъ въ своихъ «Мишанькахъ» и другихъ не менѣе яркихъ типахъ всѣ темныя, поразительно мрачныя и чисто «звѣриныя» явленія того же земледѣльческаго уклада.

Значеніе Успенскаго, какъ бытописателя народной жизни, такъ велико что безъ изученія его не мыслимо сколько-нибудь правильное представленіе о народѣ. И вполнѣ понятно, почему въ разгаръ спора марксистовъ съ народниками Успенскій былъ единственнымъ изъ народническихъ писателей, котораго читали съ карандашомъ въ рукѣ, изучая и вчитываясь въ его произведенія, какъ если-бы это были ученія, статистичскія и экономическія изслѣдованія. Богатство фактическаго матеріала въ нихъ соединяется съ такимъ проникновеніемъ въ глубину народной психологіи, что въ этомъ отношеніи Успенскій пока не имѣетъ соперниковъ. Эта сторона произведеній его никогда не утратитъ значенія, хотя бы настроеніе, съ какимъ все это было написано, и испарилось. По мѣткому выраженію г. Короленко, Успенскій мѣстами становится «труденъ», т. е. намъ трудно войти въ его настроеніе «исканія» правды въ народной жизни, но *правдивость* картины той же жизни осталась навсегда запечатлѣнной въ его произведеніяхъ, отмѣченныхъ печатью почти геніальности

Говоря «почти», мы въ сущности совершаемъ нѣкую несправедливость, по отношенію къ Успенскому, безсознательно дѣлая уступку мнѣнію, будто Успенскій не все сказалъ, не все далъ, что могъ бы сказать. Это мнѣніе раздѣляютъ многіе, напр:, тотъ же Короленко, такъ глубоко заглянувшій въ Успенскаго, какъ никто,—исключая развѣ Н. К. Михайловскаго,—говоритъ, что «Успенскій не сказался въ своихъ произведеніяхъ со всею силою своей необыкновенной личности, и своего таланта. Чистый образъ, тщательно выношенный въ душѣ и выплавленный изъ однороднаго художественнаго матеріала, вообще легче привлекаетъ вниманіе и живетъ дольше. чѣмъ та смѣсь образа и публицистики, посредствомъ которой работалъ Успенскій». Намъ кажется, въ этихъ словахъ есть доля невѣрной оцѣнки Успенскаго, къ которому не примѣнимы никакія общія мѣрки. Это вѣрно, что онъ не далъ «чистаго образа» и въ его творчествѣ преобладаетъ «смѣсь образа и публицистики». Но ее такъ и надо оцѣнивать какъ преобладающую особенность Успенскаго-писателя, и тогда мы должны признать, что эта «смѣсь», въ родѣ Ивана Босыхъ изъ «Власти земли», Порфирича изъ «Нравовъ Растеряевской улицы» или Мымрецова—геніальные образы, наряду съ которыми можно поставить Каратаева изъ «Войны и мира» да типы, встрѣчающіеся у Гоголя и Салтыкова. Затѣмъ, въ его мелкихъ по объему произведеніяхъ, каковы разсказы, собранные имъ подъ общимъ заглавіемъ «Растеряевскіе типы и сцены», «Столичная бѣднота», «Мелочи» и другіе,—публицистики нѣтъ совсѣмъ, или если угодно—она сказывается мѣстами въ субъективизмѣ автора, въ его нескрываемой подчасъ симпатіи или антипатіи къ герою. Такіе чудные разсказы, какъ «Нужда пѣсенки поетъ», «Задача», «Про одну старуху», «Будка»,

«Дворникъ» и масса другихъ того же рода—останутся въ русской литературѣ чудными образцами творчества, надъ которыми время безсильно.

Мы думаемъ, поэтому, что въ трехъ компактныхъ томахъ, оставленныхъ намъ Успенскимъ, онъ сказался весь, безъ остатка, такъ, какъ немногіе изъ нашихъ великихъ писателей. Его огромный художественный талантъ развернулся въ его произведеніяхъ во весь ростъ, а его душа, скорбная, ищущая, не мирящаяся ни съ какой неправдой, вѣчно напряженная въ неустанныхъ поискахъ справедливости, гармоніи человѣческихъ отношеній — вылилась съ такой полнотой, яркостью и стремительностью, что я не знаю, чего еще могли бы мы потребовать отъ Успенскаго, для выясненія его, какъ писателя и человѣка. Если бы не роковая болѣзнь, прекратившая его работу въ годы полной физической и умственной бодрости, мы, вѣроятно, получили бы еще рядъ чудныхъ разсказовъ и очерковъ, представляющихъ ту же «смѣсь образа и публицистики», что и раньше, и содержаніемъ своимъ они уяснили бы намъ многое, что мы пережили за эти десять послѣднихъ мучительныхъ лѣтъ болѣзни Успенскаго. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что крупный переворотъ, совершившійся за это время въ русскомъ обществѣ, не избѣгъ бы вниманія такого чуткаго и глубокаго наблюдателя, какимъ является Успенскій-художникъ. И кто знаетъ, можетъ быть, многое получило бы иное направленіе подъ вліяніемъ его мощнаго таланта, такъ глубоко умѣвшаго «потрясать» сердца... Но все это не прибавило бы ни одной лишней черты къ его характеристикѣ, не увеличило бы и не умалило его, какъ писателя,—это явилось бы только приложеніемъ все тѣхъ же силъ, которыя съ исчерпывающей полнотой вылились въ его произведеніяхъ.

Думаемъ, что въ такомъ мнѣніи нѣтъ ничего, умаляющаго значенія Успенскаго въ томъ видѣ, какъ мы его знаемъ теперь, и даже напротивъ. Мнѣ лично всегда нѣсколько обидно за любимаго писателя, когда говорятъ, что онъ не далъ всего,—потому что не далъ того-то и того-то, — не весь проявился въ своихъ произведеніяхъ,—и обиднѣе всего такое мнѣніе именно объ Успенскомъ, который далъ больше, чѣмъ можно бы ожидать отъ такой нервной, напряженно-страстной писательской организаціи. Объемъ его работы вызываетъ, по истинѣ, удивленіе: свыше 3.000 убористыхъ страницъ, до трехсотъ печатныхъ листовъ,—и какихъ листовъ!—на протяженіи менѣе, чѣмъ тридцати лѣтъ! Мало писателей, которые могли бы гордиться такой продуктивностью, и при томъ такой значительной по содержанію, вліянію и силѣ впечатлѣнія. Что больше могли бы мы требовать отъ Успенскаго?

Какъ писатель, онъ представляется намъ вполнѣ законченнымъ, завершеннымъ, оригинальнымъ явленіемъ русской пореформенной жизни, которую онъ отразилъ въ своемъ творчествѣ съ необычайной полнотой. Всѣ изгибы этой жизни, ея бурныя теченія и широкіе разливы, мели и бездонные яры мы находимъ въ произведеніяхъ его мысли, которая, по удивительно вѣрному слову Короленки, «шла какъ рѣка, которая то течетъ на поверхности, то исчезаетъ подъ землей, чтобы черезъ нѣкоторое время опять сверкнуть уже въ другомъ мѣстѣ», вынося наверхъ тѣ чудные перлы, которыми переполнена сокровищница, именуемая «Сочиненіями Глѣба Успенскаго». А. Б.

—

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Харьковскіе кобзари. Въ программу XII археологическаго съѣзда, который состоится въ августѣ нынѣшняго года въ Харьковѣ, входитъ, между прочимъ, всестороннее знакомство съ кобзарями и лирниками, ихъ бытомъ, поэтическимъ матеріаломъ и степенью ихъ вліянія на окружающую среду. Свѣдѣнія о кобзаряхъ Харьковской губерніи, собранныя для съѣзда г. Е. Кристомъ, опубликованы недавно въ «Харьковскихъ Губ. Вѣдомостяхъ».

Всѣ извѣстные г. Кристу кобзари учились у стариковъ со словъ. «Сначала разскаже, а потомъ начне співаты, а мы повторяемо», какъ пояснилъ одинъ изъ современныхъ бандуристовъ. Обыкновенно молодой слѣпецъ поступалъ на обученіе къ уже извѣстному бандуристу. Курсъ ученія продолжался отъ 2-хъ до 3-хъ и иногда до 4-хъ лѣтъ. Учитель одѣвалъ и обувалъ своего ученика, но за то, обучивъ немного, посылалъ пѣть и отбиралъ у него весь заработокъ. Правило «передавай не все, что самъ знаешь», котораго крѣпко держались встарину учителя—дьячки, практиковалось и бандуристами. Поэтому, бандуристы не довольствуются тѣмъ, что узнаютъ отъ своего учителя, а стараются учиться другъ у друга. Кромѣ того, кое какія пѣсни въ послѣднее время сообщаютъ бандуристамъ и слушатели. Такъ Древкину какая то барыня дала выписку божественной пѣсни: «Гора Аѳонъ». Его родной братъ читалъ ему вслухъ, а Древкинъ, обладая хорошею памятью, скоро запомнилъ. Затѣмъ ему удалось схватить мотивъ и теперь онъ распѣваетъ эту пѣсню постоянно.

Окончивъ курсъ ученія, бандуристы покидаютъ своихъ учителей и начинаютъ путешествовать самостоятельно по окружнымъ деревнямъ, ярмаркамъ и храмовымъ праздникамъ. Несмотря на то, что многіе бандуристы живутъ недалеко отъ Харькова, въ городѣ они бываютъ рѣдко, да и то стараются пѣть на базарахъ вмѣстѣ со слѣпцами безъ бандуры, потому что полиція ихъ преслѣдуетъ. На преслѣдованіе со стороны полиціи бандуристы жаловались еще въ семидесятыхъ годахъ и такъ продолжается и до сихъ поръ. Почему это дѣлается такъ, неизвѣстно и тѣмъ болѣе это странно, разъ слѣпцы-зрячіе, нищіе и попрошайки всѣхъ родовъ шляются по Харькову безпрепятственно, а зазвать бандуриста къ себѣ на домъ зачастую не представляется возможнымъ, ибо они

боятся полиціи. Минуя Харьковъ, бандуристы лѣтомъ кочуютъ изъ деревни въ деревню, зимою же дальше своей деревни не ходятъ.

Всѣ бандуристы говорятъ о паденіи заработка. Раньше, по ихъ словамъ, было неизмѣримо лучше. Причину упадка они объясняютъ каждый по своему, но въ общемъ все сводится къ тому, что раньше народъ былъ добрѣе. Наиболѣе рельефно характеризуетъ свое положеніе относительно заработка лирникъ Зозуля: «Наше діло хіба яке! Якъ людямъ гарно, то и намъ хорошо. Набредешь на щедраго, той заробышь!» Стало быть, все зависитъ отъ того, какъ живется людямъ. А раньше по словамъ бандуристовъ людямъ жилось лучше, потому и они были добрѣе. Помимо этого, по словамъ Древкина, раньше жили чумаки, которые любили послушать бандуриста и щедро платили.

Что касается вопроса о современномъ отношеніи народа къ бандуристамъ, то здѣсь крестьяне рѣзко дѣлятся на два класса: богатыхъ и бѣдныхъ. Богатые крестьяне не только не подаютъ бандуристамъ ничего, но зачастую прямо гонятъ со двора, называя ихъ лодырями (лѣнтяями). Но зато бѣдные относятся къ нимъ хорошо и удѣляютъ все, что могутъ. И во всякомъ случаѣ никогда не отпустятъ со двора, не снабдивъ предварительно хотя бы кускомъ хлѣба.

Затѣмъ еще одно замѣчаніе. Думы про предковъ-героевъ постепенно исчезаютъ изъ репертуара бандуристовъ и замѣняются фабричными пѣснями. Къ сожалѣнію, г. Христъ относится къ этимъ послѣднимъ совершенно отрицательно и потому не считаетъ нужнымъ привести ни одного образца изъ этихъ пѣсенъ, распѣваемыхъ кобзарями въ видѣ уступки требованіямъ времени.

Предѣлы крестьянскаго самоуправленія. Интересную иллюстрацію даетъ г. Х—въ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» къ тому общеизвѣстному въ сущности факту, что крестьянская община, крестьянскій «міръ» нерѣдко связанъ въ своихъ внутреннихъ распорядкахъ, въ своемъ «самоуправленіи» самой мелочной опекой своего ближайшаго начальства «земскаго». Изъ этихъ отношеній «міра» и начальства истекаютъ иногда странныя, частью комическія, а частью и печальныя явленія.

Проситъ, напримѣръ, сельскій учитель «міръ» отвести ему десятину земли при школѣ для устройства на этой землѣ сада, огорода или пасѣки, гдѣ бы онъ могъ учить ребятъ огородничеству или пчеловодству.

«Міръ отказываетъ учителю, вполнѣ резонно мотивируя свой отказъ такими, примѣрно, соображеніями:

— Нѣтъ, Авдокимычъ, не подхожее это дѣло. Не выдетъ наше дѣло земли тебѣ дать. Конечно, мы знаемъ, мужикъ ты хорошій, міръ ты обидѣть не согласенъ. Ну, да, вѣдь, нынче ты, а завтра другой; а тамъ пріѣдетъ земскій да прикажетъ этотъ твой садъ то канавой окопать али оградой огородить, да мало ли чего еще на мірскую шею навалить можетъ. А ужъ она и такъ хряститъ у насъ, шея то. Ты, вотъ что, Авдокимычъ, мы ужъ тебѣ въ полѣ десятинки двѣ отрѣжемъ: сѣй себѣ чего хочешь на доброе здоровье, а тутъ у училища, не выходитъ наше дѣло земли тебѣ отвести.

Знаю я и такой фактъ.

На склонѣ лѣтъ одинъ бывшій цѣловальникъ, нажившій изрядныя деньжонки, вознамѣрился «подумать о душѣ». Человѣкъ онъ былъ одинокій, родственниковъ у него не было, и вотъ онъ вздумалъ въ ближайшемъ селѣ построить богадѣльню. Надѣлалъ онъ тысячъ сто кирпича, перевозилъ этотъ кирпичъ въ село и поѣхалъ потолковать со «стариками» насчетъ мѣста подъ богадѣльню. Каково же было удивленіе и раздраженіе этого человѣка, когда міръ категорически отказался отъ богадѣльни и мѣста подъ нее не далъ.

— Да что же это вы, старики? Ай на васъ креста нѣту? Не для себя, вѣдь, я это дѣло то затѣваю. Для Бога.

— Понимаемъ мы все это, Ѳирсъ Иванычъ, да нельзя намъ тебѣ мѣсто отвесть. Не выходитъ наше дѣло то.

— Да отчего же, старики? Не Богъ вѣсть сколько мѣста подъ нее надо.

— Да ужъ будемъ тебѣ, Ѳирсъ Иванычъ, обсказывать прямо: не въ мѣстѣ тутъ дѣло. Много ли тутъ мѣста? А дѣло вотъ въ чемъ. Хорошо, построишь ты богадѣльню, наберешь въ нее стариковъ, старухъ, скажемъ. Ну, покуда ты живъ, все ладно будетъ: будешь ты ихъ кормить и все прочее. А, вѣдь, подъ Богомъ то, Ѳирсъ Иванычъ, всѣ, вѣдь, ходимъ. Ну-ка, не ровенъ часъ, помрешь ты. Тогда-то что? Куда этихъ старухъ, стариковъ дѣвать? Кто ихъ кормить-то будетъ? Да какъ навалятъ эту твою богадѣльню на мірскую шею-то... Вотъ и нельзя намъ тебѣ мѣста отвесть. Не обезсудь, Ѳирсъ Иванычъ».

«И вотъ многія добрыя начинанія лопаются оттого, что ни единичный мужикъ, ни «міръ» не чувствуютъ себя хозяевами своего дѣла. Если бы «міръ» зналъ, что онъ можетъ, напримѣръ, дать землю подъ школьный огородъ, подъ богадѣльню, но можетъ и отобрать эту землю въ томъ случаѣ, если бы это понадобилось «міру», однимъ словомъ, если бы «міръ» чувствовалъ себя полнымъ хозяиномъ, дѣло было бы совсѣмъ другое. На почвѣ этихъ же отношеній «міра» и «начальства» выростаютъ и другія явленія. Минувшій сельскохозяйственный годъ былъ однимъ изъ плохихъ годовъ. Во многихъ мѣстахъ Россіи было то, что на оффиціальномъ языкѣ называется «недородомъ». Недородъ этотъ захватилъ и благословенную Тамбовскую губернію, откуда я и пишу это письмо. Не родились, собственно, въ минувшемъ году яровые хлѣба: рожь родилась еще удовлетворительно, но за недородомъ яровыхъ хлѣбовъ и, главное, за недостаткомъ яровой соломы урожай ржи пришлось дѣлить между людьми и скотомъ, всю зиму скотъ кормился ржаной рѣзкой, посыпавшейся мукой. Ржи поэтому не хватило, и къ веснѣ народъ во многихъ мѣстахъ оказался въ безвыходномъ положеніи: «отощалъ». Въ мірскихъ запасныхъ магазинахъ была засыпанная общественниками рожь, но «начальство» находило раздѣлъ ея весною неблаговременнымъ и отказывало обществамъ въ ихъ просьбахъ раздѣлить эту рожь. Тогда въ минувшемъ апрѣлѣ мѣсяцѣ во многихъ селахъ произошло «разграбленіе» крестьянами собственныхъ запасныхъ магазиновъ. Очень любопытны подробности этихъ «разграбленій»,

Обобщать сказаннаго, думаю, говоритъ г. Х—въ нечего. Общество, «міръ» являются не хозяевами своего «добра». Хозяйничанье общественнымъ «добромъ», конечно, требуетъ извѣстнаго порядка, соблюденія извѣстныхъ нормъ, но во

всякомъ случаѣ хозяиномъ общественнаго «добра» являются по существу дѣла прежде всего сами общинники. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, хозяиномъ является «земскій» въ предположеніи, что онъ лучше знаетъ нужды «міра», чѣмъ самъ «міръ». Хорошо ли это, и насколько нужно,—пусть каждый судитъ по своему.

«Тавричане». Тавричанами на Сѣверномъ Кавказѣ называютъ выходцевъ изъ Таврической губерніи, занимающихся овцеводствомъ. И если въ степяхъ Сѣвернаго Кавказа вообще нѣтъ недостатка въ хищникахъ, то первое мѣсто среди нихъ по алчности, грубымъ и до крайности безцеремоннымъ пріемамъ опутыванія своихъ жертвъ, безспорно, принадлежитъ тавричанамъ. По словамъ «Донской Рѣчи», на Сѣверномъ Кавказѣ, тавричане начали появляться со своими отарами овецъ въ началѣ 80-хъ годовъ, когда въ Таврической губерніи значительно сократился просторъ степей, необходимый для широко поставленнаго овцеводства. Въ то время на Сѣверномъ Кавказѣ цѣны на земли стояли еще довольно низкія, напр., въ кубанской и терской областяхъ десятина черноземной «цѣлины» продавалась не дороже 25—30 р., а арендная плата выше одного рубля за десятину и не доходила, благодаря чему большая часть мѣстныхъ частновладѣльческихъ земель и была закуплена тавричанами, а такъ называемые запасные станичные надѣлы очутились у нихъ въ долгосрочной арендѣ. Сдѣлавшись, такимъ образомъ, «земельными господами», тавричане на первыхъ же порахъ постарались поставить себя во враждебныя отношенія къ мѣстному коренному населенію—казакамъ и сельскимъ жителямъ; захватывая общественныя станичныя земли, они въ тоже время заводили въ судахъ безконечныя тяжбы о нарушеніи станичниками границъ ихъ земельныхъ владѣній; производя громадные потравы станичныхъ «покосовъ» и хлѣбныхъ полей, они за ничтожныя потравы на своихъ земляхъ скотомъ станичниковъ брали слишкомъ большіе штрафы или же загоняли захваченный скотъ въ свои хутора—«экономіи» и т. д. Съ арендуемыми землями тавричане также мало церемонились—брали съ нихъ и изъ нихъ все, что только можно взять, а взамѣнъ ничего не давали: молодыя рощи, лѣса сводились на нѣтъ, а сами земли выпахивались до полнаго истощенія или вытаптывались громадными стадами овецъ такъ, что потомъ на нихъ, кромѣ репейника и густого бурьяна, долгіе годы ничего на родилось. Протесты станичниковъ противъ хищничества тавричанъ въ большинствѣ случаевъ не давали положительныхъ результатовъ, вслѣдствіе чего въ борьбѣ съ этими хищниками они все чаще и чаще начали прибѣгать къ своимъ «средствіямъ»; съ своей стороны тавричане въ долгу не оставались, и сплошь да рядомъ въ столкновеніяхъ этихъ двухъ элементовъ дѣло доходило, да и теперь доходитъ до кровавыхъ расправъ. Благодаря этому, и понынѣ тавричанинъ для станичника и сельскаго жителя является синонимомъ темной силы, и о добрыхъ сосѣдскихъ отношеніяхъ между ними не можетъ быть и рѣчи.

Но станичные и сельскіе жители еще не лишены возможности такъ или иначе бороться съ алчностью тавричанъ, но чье положеніе въ этомъ отноше-

нія остается безпомощнымъ, такъ это положеніе того пришлаго рабочаго люда, который имѣетъ несчастье наниматься къ тавричанамъ на «сроки», т.-е. закабаляться въ батраки на болѣе или менѣе продолжительное время. Тавричанинъ за 40—50 р. въ теченіе 5—6 мѣсяцевъ норовитъ изъ батрака выжать всѣ его силы и все здоровье. Батракъ вѣчно въ работѣ, никогда онъ не знаетъ отдыха, даже праздниковъ нѣтъ для него. Особенно тяжела работа батрака въ лѣтнюю пору, когда завезенный въ степь верстъ за 100—150 отъ жилого мѣста, онъ, подъ присмотромъ хозяина или его приказчика, то печется подъ знойными лучами южнаго солнца, то мокнетъ подъ холоднымъ дождемъ, изнемогая подъ непосильной работой. Заболѣетъ онъ—ему некому помочь, да это и не считается нужнымъ; приходится отлеживаться въ балаганѣ или подъ стогомъ сѣна, выслушивая градъ грубыхъ ругательствъ хозяина, упрекающаго его въ лѣни и притворствѣ. Выдержала натура,—опять батракъ запрягается въ ту же постылую работу, а умеръ—туда ему и дорога—свезутъ въ ближайшую станицу и похоронятъ на кладбищѣ, а то, такъ просто закопаютъ тутъ же въ степи... Бросить ненавистную работу, уйти изъ экономіи батраку нельзя, такъ какъ хозяинъ, не прибѣгая къ законному суду, расправится съ нимъ по своему, а эта расправа бываетъ слишкомъ жестокой: уголовныя хроники владикавказскаго, екатеринодарскаго и ставропольскаго окружныхъ судовъ нерѣдко даютъ потрясающія картины этой жестокости. Особенно же тяжело положеніе тѣхъ батраковъ, которые не имѣютъ при себѣ паспортовъ: вѣчно находясь подъ страхомъ быть преданными въ руки полиціи и начать длинное путешествіе на родину по тюрьмамъ и этапамъ, они волей-неволей принуждены терпѣть свою горькую участь до удобнаго случая, когда представится возможность бѣжать отъ хозяина.

Въ денежныхъ разсчетахъ съ рабочими тавричане сплошь и рядомъ практикуютъ обсчитыванія и всевозможныя плутни. Хотя рабочими и предъявляются къ нимъ въ мировые суды иски объ уплатѣ заработанныхъ денегъ, однако, имъ не всегда представляется возможность доказать справедливость этихъ исковъ, такъ какъ при наймѣ батраки не заключаютъ съ тавричанами никакихъ письменныхъ условій, да и когда ихъ заключать, если наемъ на работу совершается при неизбѣжномъ «могарычѣ», на который наниматель не скупится.

По словамъ одной изъ кавказскихъ газетъ, тавричане, въ виду недостатка степей для овцеводства на Сѣверномъ Кавказѣ, намѣреваются перекочевать въ Туркестанскій край. Если это сообщеніе вѣрно, то—замѣчаетъ «Донская Рѣчь»—остается пожелать имъ счастливаго пути, такъ какъ мѣстное населеніе, кромѣ зла и вреда отъ нихъ, ничего хорошаго не видѣло и не видитъ.

Изъ школьныхъ воспоминаній. Если газеты устали уже мечтать на темы о постановкѣ школьнаго дѣла въ будущемъ, если о современной школѣ онѣ вообще говорятъ мало и неохотно, то воспоминанія о школьной жизни въ прошломъ, хотя бы и очень недалекомъ, продолжаютъ то здѣсь, то тамъ появляться на газетныхъ столбцахъ. Въ «Сѣверномъ Краѣ», напримѣръ, напе-

чатаны интересныя воспоминанія о небольшой провинціальной гимназіи, въ которой было всего 160 учащихся.

«Пріѣхалъ къ намъ однажды ревизоръ,—разсказываетъ авторъ. Наши учителя—въ регаліяхъ и какъ то странно измѣнились, что особенно сказывалось въ обращеніи съ нами. Насъ вѣжливо просили, даже умоляли получше въ это время учить уроки. Какъ теперь помню: входитъ ревизоръ къ намъ въ классъ, начинаетъ спрашивать и останавливается на мнѣ.

— Вы какого происхожденія? — вдругъ спрашиваетъ ревизоръ, обращаясь ко мнѣ.

Вопросъ былъ для меня совершенно неожиданный и, пожалуй, даже не совсѣмъ понятенъ.

Кой-какъ удалось установить, что я—сынъ мѣщанина. Боже, что сдѣлалось съ физіономіей петербургскаго ревизора, когда онъ услышалъ, что я—сынъ мѣщанина!

— На какомъ основаніи онъ въ гимназіи? — шипѣлъ ревизоръ, уже не смотря на меня, а только тыча пальцемъ по тому направленію, гдѣ должна находиться моя персона...

Изъ дальнѣйшаго разговора ревизора съ директоромъ я понялъ только, что поступилъ въ гимназію ранѣе чего-то. Навсегда останется въ памяти эта сцена. Было и больно, и обидно. На глазахъ слезы. Почему же мнѣ нельзя быть въ гимназіи? Что мой отецъ сдѣлалъ такое позорное? Подобные вопросы неслись въ моей головѣ. Теперь то я знаю, почему разсердился ревизоръ, увидѣвъ меня на гимназической скамьѣ».

При своемъ поступленіи въ гимназію, авторъ засталъ въ ней еще нѣсколько талантливыхъ и опытныхъ педагоговъ. Но скоро на смѣну имъ явились молодые педагоги-чиновники, и въ школѣ водворилась мертвечина и ложь, насквозь пропитавшая гимназію. Лгали учителя, лгали передъ собой и передъ учениками, лгали и ученики. Правдивость и искренность старательно изгонялись изъ школы. «Мы смотрѣли на учителей, какъ на мучителей, а они на насъ, какъ на преступниковъ. Все должно было согласоваться съ предписаніями и циркулярами. А какъ? Надъ этимъ не задумывались».

Особенно памятна автору фигура учителя латинскаго языка, бывшаго въ то же время инспекторомъ.

За его строптивый нравъ прозвали его «Барсомъ». Время его инспекторства всѣмъ памятно. Карцеръ былъ всегда занятъ. Гимназисты каждую минуту должны были быть готовыми сѣсть въ карцеръ, потому что никто не зналъ, чего отъ насъ требуютъ. Требованія эти доходили иногда до курьезовъ.

Одинъ близорукій гимназистъ шелъ однажды ко всенощной. Дѣло было осенью. На улицѣ темно, несмотря на фонари. Вдругъ около панели останавливается пролетка, съ которой сходитъ какой то господинъ.

— А, чего это ты, братецъ, не кланяешься, когда инспекторъ ѣдетъ?

Это былъ Барсъ.

— Виноватъ, я не видѣлъ; темно; я близорукъ, — лепеталъ озадаченный гимназистъ.

— Чего тутъ темно, близорукъ! Не слышишь развѣ, что моя линейка (экипажъ)?

Мы должны были даже знать инспекторскую линейку.

Со мной былъ такой случай. Купилъ я въ магазинѣ доску для выпиливанія рамокъ. Иду съ доской домой. Слышу, визжитъ инспекторская линейка. Снимаю фуражку.

— Чего это ты съ палками по улицѣ болтаешься?

— Это—не палка, а доска, господинъ инспекторъ.

— Какая, такая тамъ еще доска. Зачѣмъ?

Я даю объясненіе.

— А, это можно,—послышался отвѣтъ, и инспекторская линейка затрещала еще сильнѣе».

Такъ жилось въ гимназіи, и, во всякомъ случаѣ, не лучше чувствовали себя и семинаристы. Вотъ что разсказываетъ о своихъ семинарскихъ годахъ сотрудникъ «Забайкалья»:

«Никого мы такъ не боялись, какъ инспектора М—ва; во-первыхъ, онъ сильно и больно билъ, а во-вторыхъ, безъ вины часто оставлялъ безъ обѣда и ужина. Безъ обѣда онъ оставлялъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Бѣдный ученикъ уже не могъ на кухнѣ достать чего-нибудь поѣсть послѣ общаго обѣда. Это все еще ничего. Но въ одно прекрасное время г. М—въ объявляетъ, что онъ приказываетъ всѣмъ ученикамъ приходить къ нему по одиночкѣ и разсказывать свои грѣхи!.. Ослушаться было невозможно. Помню хорошо, какъ былъ я самъ на этой самой «исповѣди». Захожу; инспекторъ стоитъ у стола.

— Ну, говори, въ чемъ грѣшенъ?

Молчу.

— Говори! Тебѣ говорятъ!

— На базаръ безъ спросу бѣгалъ,—едва слышно отвѣчаю я.

Записываетъ въ толстую тетрадь.

— На кухню бѣгалъ за ржаными сухарями, — продолжаю я также тихо исповѣдываться.

— Ну, а еще что?—кричитъ исповѣдникъ.

Молчу.

— А не знаешь ли, какъ меня дразнятъ?

Молчу.

— А не писалъ ли записокъ прогимназисткамъ? — продолжается допросъ.

— Нѣтъ.

«Далѣе слѣдовало еще много вопросовъ. Эти исповѣди бывали иногда передъ настоящею исповѣдью, а иногда тотчасъ же послѣ нея. Какъ это ни грустно, а приходилось мириться. Сыскныя наклонности «исповѣдника» до того были развиты, что когда мы съ товарищемъ жили на квартирѣ, то и тамъ онъ не оставлялъ насъ въ покоѣ: однажды пріѣхалъ къ намъ, перерылъ все въ ящикахъ, забралъ тетради, книжки, которыхъ такъ до сихъ поръ и не отдалъ. А билъ такъ жестоко, что, пожалуй, теперь никто не повѣритъ. Двумъ братьямъ Малыше-

вымъ чуть не оторвалъ уши, а нѣкоего Казанцева едва не зашибъ объ лавку. Собрались было мы писать жалобу, да раздумали. Сподвижникомъ педагога былъ нѣкто Ф. М. В—овъ. Съ хитрымъ лисьимъ лицомъ, мягкой кошачьей походкой, онъ умѣлъ ловить учениковъ и... умѣлъ наказывать. Я бывало знаю урокъ хорошо, но все-таки въ брюки на колѣна подкладываю тряпки, чтобы было мягче стоять на нихъ. Я былъ не любимъ имъ, поэтому и знаніе не спасало. Во время урока пѣнія только смычокъ свисталъ и гудѣлъ въ воздухѣ, а затѣмъ обрушивался на головы и руки нелюбимыхъ. А любимцы его были: нѣкто Пр—овъ Н. и др.; первый учился плохо, но не былъ наказываемъ. Съ грѣхомъ пополамъ кончилъ я курсъ и навсегда распрощался съ милыми моими воспитателями.

«Были два учителя очень хорошіе, которые не только не позволяли себѣ бить ученика, но даже и не наказывали, но эти два субъекта не сентиментальничали съ нами, а просто относились по-человѣчески, и мы ихъ больше уважали и цѣнили. Бывало придешь изъ церкви усталый, разбитый, а тутъ кричатъ: «стройся!» Встаешь въ ряды, глядишь—бѣжитъ М—въ, становится лицомъ къ намъ и начинаетъ угощать длинной рѣчью часа два. И эти рѣчи почти ежедневно! Въ залѣ—пыль, духота, громкая, бичующая наши фиктивныя пороки, рѣчь инспектора—такъ все и гонитъ на улицу поиграть, а нельзя. И клянешь поневолѣ своихъ воспитателей, бурсацкую жизнь съ ея мертвыми языками.

«Да, вотъ какое воспитаніе мы получали въ концѣ XIX вѣка».

Изверженіе грязнаго вулкана на Кавказѣ. Къ сѣверо-западу отъ с. Кобн, Бакинскаго уѣзда, въ 2 верстахъ отъ него, находится гора «Гузы-Гранъ». Гора эта, высотою около 300 саж., вулканическаго происхожденія, такъ какъ не разъ изъ вершины ея происходили изверженія, о чемъ, по словамъ «Каспія», свидѣтельствуетъ и сейчасъ находящаяся по уклонамъ ея застывшая во многихъ мѣстахъ лава. Такіе грязные вулканы или сопки мѣстные татары зовутъ «ахтарма», вслѣдствіе чего и гора, недалеко отъ сел. Кобн, именуется «Гузы-Гранъ ахтармаси». Извѣстно, что такихъ «ахтарма» много по всему побережью Каспійскаго моря и въ частности въ Бакинскомъ уѣздѣ на отдѣльныхъ возвышенностяхъ около ст. Пута («Алладжанъ ахтармаси» и др.). Изъ этихъ грязныхъ вулкановъ по временамъ извергаются песокъ и камни и показывается огненное пламя, но такъ какъ по близости ихъ нѣтъ жилыхъ поселеній, то этого рода явленія природы въ Бакинскомъ уѣздѣ проходятъ мало замѣтными, не причиняя никакого вреда. Но на этотъ разъ изверженіе «Гузы-Гранъ ахтармаси» было не изъ такихъ и имѣло болѣе серьезныя послѣдствія. Изверженіе это произошло какъ разъ въ полдень 15-го мая. Воздухъ сразу огласился страшнымъ шумомъ и громомъ на подобіе выстрѣла изъ орудія, моментально все окружающее покрылось густой пылью, вслѣдъ за которой показалось огромное огненное зарево, словно рѣкой полившееся изъ вершины горы. Въ одинъ мигъ вся ближайшая окрестность была объята пламенемъ, которое къ тому-же несло съ собой и разбрасывало горячій песокъ и большіе камни. Въ это время у

За мѣсяцъ. Особымъ совѣщаніемъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности опубликована программа вопросовъ, которые должны служить предметомъ ближайшихъ работъ совѣщанія.

Какъ видно изъ этой программы, особое совѣщаніе основной своей задачей считаетъ улучшеніе сельскохозяйственной и экономической техники, около вопросовъ которой и сосредоточены всѣ намѣченные совѣщаніемъ 27 пунктовъ програмы. Впрочемъ, особое совѣщаніе не считаетъ эту программу исчерпывающей свою работу и предоставляетъ мѣстнымъ дѣятелямъ въ губернскихъ и уѣздныхъ комитетахъ пополнять ее новыми темами и вопросами. Въ виду этого мнѣнія мѣстныхъ дѣятелей о предстоящей совѣщанію работѣ пріобрѣтаютъ особенный интересъ.

Постановленіе саратовскаго земскаго собранія, говоритъ «Сарат. Листокъ», состоялось по поводу обширнаго и обстоятельнаго доклада губернской управы, указывавшей на громадное общегосударственное значеніе работъ особаго совѣщанія и на необходимость непосредственнаго участія земствъ въ его занятіяхъ. Собраніе постановило: во-1-хъ, представить особому совѣщанію свои соображенія по поводу нуждъ сельскохозяйственной промышленности Саратовской губерніи и, во-2-хъ, возбудить передъ министерствомъ финансовъ ходатайство о приглашеніи представителя саратовскаго земства, по выбору собранія къ участію въ работахъ особаго совѣщанія.

Цѣнный докладъ на ту же тему о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности представила курскому чрезвычайному, губернскому собранію курская губернская управа. Не останавливаясь на частностяхъ, лишь загораживающихъ основной вопросъ о нуждахъ сельскаго хозяйства, управа указывала на необходимость цѣлой системы коренныхъ улучшеній, которыя невозможны, пока крестьянинъ остается безъ правъ, безъ знаній, безъ капитала и орудій производства, а существующій сельскій порядокъ не даетъ воспитаться ни иниціативѣ, ни привычкѣ къ самосостоятельности. Собраніе признало пока преждевременнымъ баллотировать самый докладъ по существу и постановило, прежде всего, ходатайствовать о допущеніи къ участію въ работахъ особаго совѣщанія выборныхъ представителей земства.

— Неопредѣленное положеніе, въ какомъ находился со времени отставки генерала П. С. Ванновскаго вопросъ о школьной реформѣ, теперь вполнѣ разрѣшается нижеслѣдующимъ Высочайшимъ рескриптомъ, даннымъ 10-го іюня на имя управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія Г. Э. Зенгера:

«Григорій Эдуардовичъ. Назначивъ васъ управлять министерствомъ народнаго просвѣщенія, Я возложилъ на васъ въ числѣ важнѣйшихъ обязанностей задачу разработать и представить на Мое утвержденіе черезъ государственный совѣтъ проекты преобразованія средней школы и высшихъ учебныхъ заведеній. Дабы при выполненіи этой работы воспользоваться тѣмъ, что Я призналъ полезнымъ въ предположеніяхъ вашихъ ближайшихъ предмѣстниковъ, Мною разрѣшено вамъ подвергнуть новому разсмотрѣнію составленные ими проекты, касающіеся средней школы. Независимо отъ сего признаю нужнымъ преподать нѣкоторыя руководительныя указанія. Прежде всего подтверждаю Мое требованіе,

чтобы въ школѣ съ образованіемъ юношества соединялись воспитаніе его въ духѣ вѣры, преданности престолу и отечеству и уваженія къ семьѣ, а также забота о томъ, чтобы съ умственнымъ и физическимъ развитіемъ молодежи пріучать ее съ раннихъ лѣтъ къ порядку и дисциплинѣ. Школа, изъ которой выходитъ юноша съ одними лишь курсовыми познаніями, не сродненный религіозными-нравственнымъ воспитаніемъ съ чувствомъ долга, съ дисциплиной и съ уваженіемъ къ старшимъ, не только не полезна, но часто вредна, развивая столь пагубныя для каждаго дѣла своеволіе и самомнѣніе. Для указанной Мною цѣли слѣдуетъ немедленно позаботиться о томъ, чтобы постепенно въ столицахъ и губернскихъ городахъ были устраиваемы воспитательные пансіоны при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, строго подбирая для воспитательнаго дѣла наилучшихъ людей и отнюдь не допуская къ нему лицъ, неподготовленныхъ къ указаннымъ Мною задачамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я считаю необходимымъ разработку вопроса о лучшемъ матеріальномъ обезпеченіи лицъ, призванныхъ нести учебную и воспитательную службу. Относительно устройства школы, Я желаю, чтобы она была трехъ разрядовъ: низшая съ законнымъ курсомъ образованія, средняя школа разныхъ типовъ, также съ законченнымъ образованіемъ и средняя съ подготовительнымъ для университета курсомъ школа. Что касается университетовъ, то послѣ печальнаго опыта минувшихъ лѣтъ, Я ожидаю отъ учебной администраціи и профессоровъ сердечнаго и предусмотрительнаго участія къ духовному міру ввѣренной ихъ попеченіямъ молодежи. Да помнятъ они, что во всѣхъ случаяхъ сомнѣній, борьбы и увлеченій молодежь въ правѣ искать и находить въ своихъ руководителяхъ недостающихъ ей—опыта, стойкости убѣжденій и сознанія зависимости иногда цѣлой жизни отъ одной минуты безразсуднаго увлеченія. Родительскому сердцу Моему было отрадно узнать, что значительное большинство студентовъ въ концѣ нынѣшняго учебнаго года въ самостоятельномъ сознаніи своего долга вернулись къ учебнымъ занятіямъ и порядку. Я хочу вѣрить, что послѣ лѣтняго отдыха и успокоеннаго обращенія къ своей совѣсти, а также подъ благотворнымъ вліяніемъ родителей и близкихъ, учащаяся молодежь внемлетъ Моему голосу, призывающему ее вмѣстѣ со всѣми Моими вѣрноподданными подъ сѣнь труда и законности. Безпорядкамъ, позорящимъ науку и университеты, которыми въ прежнее время справедливо гордилась Россія, и губящимъ столько дорогихъ отечеству и Мнѣ молодыхъ жизней, долженъ быть, во благо ввѣреннаго Мнѣ Богомъ народа, положенъ конецъ».

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукой написано:

«*НИКОЛАЙ*».

— Такъ какъ 11-го іюня с. г. истекъ срокъ дѣйствія Высочайшаго повелѣнія о средней общеобразовательной школѣ, то, какъ видно изъ опубликованнаго по этому случаю правительственнаго сообщенія, для устройства учебной части въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія на 1902—1903 учебный годъ, съ Высочайшаго соизволенія, въ маѣ 1902 года была образована особая коммиссія; въ составъ ея, подъ предсѣдательствомъ управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, вошли, въ качествѣ представителей отъ каждаго округа, по одному директору гимназіи и реальнаго учи-

подножья горы около имѣющагося здѣсь водопоя отдыхала баранта изъ нѣсколькихъ стадъ, принадлежащихъ жителямъ сел. Коби. Пламя вулкана моментально охватило баранту и несчастныя животныя въ страшномъ переполохѣ сами бросались въ огонь. Явленіе продолжалось всего 3—5 минутъ. Столь же быстро пламя прекратилось и лишь кое-гдѣ съ вершины сыпались песокъ и камни. Обезумѣвшіе отъ страха пастухи только послѣ этого увидѣли, какія тяжелыя послѣдствія имѣло происшедшее страшное явленіе природы; у подножія горы и недалеко въ оврагѣ лежала сотня труповъ обгорѣлыхъ барановъ; мѣстами несчастныя животныя корчились въ предсмертныхъ судоргахъ; оставшіеся въ живыхъ бараны метались въ разныя стороны отъ испуга.

Въ послѣдній разъ изверженіе изъ этого грязнаго вулкана имѣло мѣсто, какъ говорятъ, лѣтъ 8 тому назадъ; бывали изверженія и раньше, но мѣстные старожилы не помнятъ, чтобы явленіе это сопровождалось такимъ страшнымъ взрывомъ и особенно подобнымъ огромнымъ пламенемъ, какъ теперь. Что-же касается до жертвъ, то рѣдко такое явленіе въ данной мѣстности не сопровождалось уничтоженіемъ того или другого количества мелкаго скота, откуда и названіе «Гузы-Гранъ ахтармаси» (вулканъ, уничтожающій барашковъ).

Непосредственно послѣ изверженія и слѣдующіе дни вся окрестность горы была сильно пропитана удушливыми газами, причемъ особенно слышался запахъ сѣры. Шумъ отъ взрыва и пламя были слышны и видны изъ сел. Коби, расположеннаго на низменности. Селеніе это отстоитъ отъ г. Баку 15—18 верстахъ.

Изверженіе Гузы-Гранъ ахтармаси произвело крайне удручающее впечатлѣніе на жителей Коби и другихъ селеній, которые, напуганные недавней шемахинской катастрофой, опасаются землетрясенія.

Русскіе рабочіе въ Пруссіи. Ежегодно съ наступленіемъ весны изъ привислянскаго края и изъ юго-западныхъ губерній въ Пруссію направляется за заработками множество сельскихъ рабочихъ, причемъ значительная часть ихъ уходитъ безъ паспортовъ. Явленіе это не разъ уже отмѣчалось и въ печати, и въ консульскихъ донесеніяхъ, причемъ во всѣхъ случаяхъ оно объяснялось несовершенствомъ дѣйствующей паспортной системы. Кое-какія мѣры для устраненія этого явленія были приняты русской администраціей, но ихъ очевидно недостаточно, такъ какъ уходъ рабочихъ безъ паспортовъ продолжается. На одинъ весьма существенный и до сихъ поръ еще не устраненный недостатокъ паспортной системы указываетъ теперь въ газетѣ «Kraj» г. Мейштовичъ, котораго мы цитируемъ здѣсь въ изложеніи «Русскихъ Вѣдомостей».

Вкратцѣ исторія измѣненій въ выдачѣ паспортовъ уходящимъ въ Пруссію рабочимъ такова. По русско-германскому трактату 1894 г., рабочимъ принадлежало право пребыванія въ предѣлахъ Германіи съ начала полевыхъ работъ по 1-е декабря. Однако, съ этимъ правомъ не согласовалась русская паспортная практика, согласно которой рабочимъ выдавались безплатные паспорты (легитимаціонныя карты) только на недѣльный срокъ. Лишь въ 1897 г. на основаніи русско-германскаго соглашенія, русскія власти ввели выдачу безплатныхъ пас-

портовъ двухъ видовъ, срокомъ на одинъ мѣсяцъ во всякое время года и на восемь мѣсяцевъ—съ 1-го апрѣля по 1-е декабря. И если до введенія правилъ 1897 г. рабочіе пребывали въ Пруссіи въ теченіе всего сезона земледѣльческихъ работъ съ недѣльными легитимаціонными картами, чѣмъ обусловливалось ихъ безправное положеніе за границей, то для очень многихъ рабочихъ дѣло обстоитъ нисколько не лучше и теперь, потому что необходимость заставляетъ ихъ отправляться за границу къ началу земледѣльческихъ работъ, т. е. гораздо ранѣе 1-го апрѣля; такимъ образомъ рабочіе, выбравъ одномѣсячные паспорты и оставаясь съ ними въ Пруссіи до окончанія полевыхъ работъ, опять попадаютъ въ совершенно безправное положеніе и полную зависимость отъ произвола хозяевъ и прусской администраціи. Подъ постоянной угрозой выселенія рабочіе принуждены терпѣливо переносить всякаго рода притѣсненія со стороны хозяина, безпрекословно соглашаться на наложеніе штрафовъ за малѣйшую и часто мнимую неисправность въ работѣ, довольствоваться весьма скуднымъ пищевымъ пайкомъ, и т. под. При всякомъ выражніи неудовольствія, при малѣйшей попыткѣ отстоять свои законныя права, рабочій подвергается немедленному выселенію изъ Пруссіи, какъ неимѣющій паспорта.

Тѣмъ не менѣе, эти весьма существенныя неудобства, усугубляемыя еще перспективой этапнаго слѣдованія на родину, повидимому, нисколько не уменьшаютъ числа рабочихъ, уходящихъ за границу по одномѣсячнымъ легитимаціоннымъ картамъ. Даже болѣе того, газеты констатируютъ массу случаевъ совершенно нелегальнаго ухода рабочихъ за границу,—безъ всякихъ паспортовъ. Надо думать, что при этомъ рабочіе руководствуются тѣмъ соображеніемъ, что если выборка одномѣсячнаго паспорта, связанная съ родомъ формальностей, не гарантируетъ отъ безправнаго положенія за границей, то положеніе рабочаго, которому удалось пробраться черезъ границу безъ паспорта, на дѣлѣ будетъ нисколько не хуже того, въ какое попадаетъ обладающій одномѣсячной легитимаціонной картой. Какъ бы то ни было, дѣйствующая паспортная система, преслѣдующая цѣли если не урегулированія, то регистраціи сезоннаго переселенческаго движенія въ Пруссію, не достигаетъ и этой цѣли. Помимо этого, она очень тяжело отзывается на интересахъ рабочихъ, которымъ посчастливится найти за границей заработокъ, отдавая ихъ всецѣло во власть произволу прусскаго помѣщика и полиціи. Причины, заставляющія крестьянъ изъ года въ годъ искать заработка за границей, коренятся въ общей весьма неудовлетворительной экономической обстановкѣ крестьянства, и потому паспортная система не можетъ служить средствомъ не только для уничтоженія этой эмиграціи, но даже для сколько-нибудь замѣтнаго сокращенія ея. Поэтому только такая паспортная система будетъ цѣлесообразной и соотвѣтствующей интересамъ крестьянъ, которая не будетъ создавать никакихъ препятствій для эмиграціи рабочихъ и до возможной степени облегчитъ процедуру выправки паспорта. Случаи ухода рабочихъ за границу безъ паспортовъ могутъ прекратиться только при томъ условіи, если паспортъ будетъ получаться быстро и безъ особенныхъ затрудненій и имѣть силу на весь срокъ пребыванія рабочаго за границей.

богатство, этотъ человѣкъ угасалъ одинъ-одинехонекъ вдали отъ Россіи, въ туманномъ Гринвичѣ, съ разбитой душой, съ разбитыми упованіями... Изъ всѣхъ когда-то многочисленныхъ друзей и поклонниковъ, лишь одинъ поспѣшилъ съ континента въ Англію, чтобы проститься съ умирающимъ и сдѣлать послѣднія распоряженія касательно похоронъ. То была дочь его неизмѣннаго друга Герцена, Наталья Александровна. Умирающій былъ еще въ сознаніи, когда она явилась въ Гринвичъ, узналъ свою дорогую «Тату», но вскорѣ впалъ въ безпамятство.

«Когда Николай Платоновичъ испустилъ послѣдній вздохъ,—пишетъ въ своей статьѣ г-жа Некрасова,—Наталья Александровна вручила англичанкѣ Мэри,—которая давно уже жила при Огаревѣ и ходила за нимъ,—необходимыя деньги на похороны и на всѣ неизбѣжные въ подобныхъ случаяхъ расходы, сама же не осталась дожидаться похоронъ, а, захвативъ всѣ «старыя тетради», отказанныя покойнымъ поэтомъ «дѣтямъ Герцена», простилась съ покойникомъ и поспѣшила уѣхать домой, предоставивъ «мертвымъ хоронить мертвыхъ». Ее пугало общество Мэри,—этой грубой, необразованный и довольно распущенной женщины, съ которой у Н. П. не могло быть ничего общаго; поэтому, чтобы избѣжать возможныхъ непріятностей, какихъ-нибудь неожиданностей, Н. А. поспѣшала уѣхать, какъ только въ Гринвичѣ не стало того, для котораго она пріѣхала съ континента.

«И мертвые хоронили мертвыхъ!

«*Одна* Мэри была при той торжественной минутѣ, когда нашего русскаго поэта опускали въ могилу на гринвическомъ кладбищѣ: greenvich burial board № 469. Ни экипажей, ни провожатыхъ, ни вѣнковъ, ни друзей, ни родныхъ ни знакомыхъ,—*одна* только Мэри составляла весь похоронный кортежъ»...

Къ еще болѣе далекимъ временамъ переноситъ насъ напечатанная въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» очень интересная замѣтка г. Безроднаго, подъ заглавіемъ «Кюхельбекеръ и Грибоѣдовъ». Оба имени эти настолько близки всякому, интересующемуся судьбами литературнаго и общественнаго развитія Россіи, что всякая подробность, касающаяся ихъ біографій представляетъ, несомнѣнно, большое значеніе; эпизодъ-же, разсказываемый г. Безроднымъ, извлекшимъ матеріалъ для своей замѣтки о Кюхельбекерѣ и Грибоѣдовѣ изъ дѣлъ главнаго военнаго суда 1829 года, является въ печати, если не ошибаемся, въ первый разъ; правда, приговоръ надъ Сергѣемъ Оболенскимъ, о которомъ у насъ сейчасъ будетъ рѣчь, былъ въ свое время опубликованъ въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ»; но мы говоримъ, конечно, о печати не спеціальной, а общей. Дѣло вотъ въ чемъ: въ 1823 году изъ елисаветградскаго гусарскаго полка былъ уволенъ отъ службы «за самовольную отлучку изъ полка» и разныя продерзости по отношенію къ начальнику дивизіи генералъ-лейтенанту Будбергу штабсъ-ротмистръ князь Сергѣй Сергѣевичъ Оболенскій. Дѣло этимъ, однако, не кончилось, и императоръ Николай въ декабрѣ 1826 года повелѣлъ выдержать Оболенскаго годъ въ динабургской крѣпости и затѣмъ отправить на Кавказъ рядовымъ въ Нижегородскій

драгунскій полкъ. Отсидѣвъ положенный ему срокъ, рядовой князь Оболенскій двинулся въ апрѣлѣ 1828 года въ Грузію, въ сопровожденіи урядника Аксюка. (Въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ» сказано Оксюка). Раздраженный ли, какъ утверждалъ Оболенскій впослѣдствіи, грубостями Аксюка, или подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, которыми насытили его при проѣздѣ черезъ Орелъ мѣстные гусарскіе офицеры, но только, по выѣздѣ изъ Орла, Оболенскій напалъ на Аксюка и поранилъ его принадлежавшей послѣднему саблей. За это Оболенскаго снова вернули въ Орелъ и тщательно обыскали. При обыскѣ въ его бумажникѣ было найдено безымянное письмо и два листка съ какими-то продолговатыми прорѣзами съ разставленными накрестъ буквами К. Н. Л. W. и т. д. Тутъ же были написаны и какія-то цифры. Власти всполошились, но Оболенскій упорно отказывался сказать, что это за письмо, а относительно листковъ показалъ, что они надписаны и прорѣзаны имъ безъ всякой цѣли. Тогда Оболенскаго послали на Кавказъ, а о дѣлѣ начато было слѣдствіе, которое выяснило, что найденное у Оболенскаго письмо написано Кюхельбекеромъ Грибоѣдову. По докладѣ обо всемъ этомъ государю, его величество повелѣлъ «имѣть за Оболенскимъ строжайшій присмотръ и допросить Кюхельбекера». Объ этомъ повелѣніи Бенкендорфъ увѣдомилъ главнокомандующаго отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ графа Паскевича-Эриванскаго и коменданта Динабургской крѣпости. Вскорѣ послѣ этого Бенкендорфъ представилъ государю докладную записку о результатахъ произведеннаго по дѣлу Оболенскаго разслѣдованія. Паскевичъ извѣщалъ, что Оболенскій остался при своемъ первоначальномъ показаніи, будто бы онъ не помнитъ, кто передалъ ему найденное у него письмо; динабургскій же комендантъ донесъ, что Кюхельбекеръ показалъ слѣдующее: «Статскій совѣтникъ Грибоѣдовъ былъ ему самымъ ближайшимъ и лучшимъ другомъ, коему онъ одолженъ въ особенности величайшемъ благодѣяніемъ, о коемъ онъ говоритъ въ концѣ письма, и чувства благодарности къ Грибоѣдову были единственною причиною, заставившею его стараться письменно напомнить о себѣ, и какъ онъ не могъ надѣяться получить позволеніе на написаніе ему письма, а какъ отправленіе Оболенскаго въ Грузію казалось ему единственнымъ средствомъ для извѣщенія Грибоѣдова о себѣ, то онъ рѣшился отдать письмо Оболенскому, который содержался въ одномъ зданіи съ нимъ, гдѣ, расположены арестантскія роты, занимая отдѣльную комнату, возлѣ занимаемой Кюхельбекеромъ, а обѣ комнаты имѣютъ выходъ въ одинъ общій малый коридоръ. Касательно найденныхъ у Оболенскаго двухъ бумажныхъ листковъ съ прорѣзанными отверстіями Кюхельбекеръ утвердительно объявилъ, что ему совершенно неизвѣстно, съ какой цѣлью имѣлъ ихъ при себѣ Оболенскій».

Письмо, изъ-за котораго загорѣлся сыръ-боръ, было самаго невиннаго содержанія и гласило слѣдующее:

«Я долго колебался, писать-ли къ тебѣ. Но, можетъ быть, въ жизни мнѣ не представится уже другой случай увѣдомить тебя, что я еще не умеръ, что люблю тебя попрежнему; и не ты-ли былъ лучшимъ моимъ другомъ? Хочу вѣрить въ человѣчество, не сомнѣваюсь, что ты—ты тотъ же, что мое письмо будетъ тебѣ пріятно: отвѣта не требую—къ чему? Прошу тебя, мой другъ,

лища. Въ своихъ работахъ коммиссія исходила изъ того положенія, что прекращеніе дѣйствія Высочайшаго повелѣнія 11-го іюня 1901 года само по себѣ предполагаетъ возстановленіе того порядка, который дѣйствовалъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ до 1901 года. Но, съ другой стороны, коммиссія полагала, что таковое возстановленіе закона возможно въ томъ лишь случаѣ, если дѣйствіе его будетъ согласовано съ совокупностью тѣхъ условій, въ которыхъ въ настоящее время находятся среднія учебныя заведенія, и если временное возвращеніе къ старому порядку совершится при полномъ вниманіи къ интересамъ учащихся. Исходя изъ этихъ соображеній, коммиссія высказалась за сохраненіе въ первыхъ двухъ классахъ гимназій на предстоящій учебный годъ строя, бывшаго въ предыдущемъ году; изученіе латинскаго языка предположено начать съ III-го класса, продолжая начатый курсъ природовѣдѣнія, а для 4-го класса, выработать двѣ таблицы уроковъ, на случай сохраненія гимназій двухъ разрядовъ, одну—съ обоими древними языками, другую—съ однимъ латинскимъ; изъ новыхъ же языковъ нѣмецкій начинать съ I-го, а французскій—съ II-го класса. Въ реальныхъ училищахъ почти все оставляется по старому.

Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія, куда поступили эти предположенія директоровъ среднихъ учебныхъ заведеній, внесъ въ нихъ нѣкоторыя существенныя поправки. Такъ, онъ полагаетъ необходимымъ возстановить въ гимназіяхъ преподаваніе греческаго языка въ IV-мъ классѣ, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что при устройствѣ учебной части на 1902—3 учебный годъ слѣдуетъ отнюдь не уклоняться отъ двухъ существующихъ типовъ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ что предположеніе коммиссіи о возможномъ третьемъ типѣ (гимназіи съ однимъ древнимъ языкомъ), какъ затрогивающее по существу и отчасти предрѣшающее общій вопросъ о будущей реформѣ, не должно бы подлежать обсужденію.

Заключеніе коммиссіи и мнѣніе ученаго комитета поступятъ на разсмотрѣніе совѣта министра народнаго просвѣщенія.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г-на министра внутреннихъ дѣлъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: собираніе въ текущемъ году статистическихъ свѣдѣній о земельныхъ имуществахъ въ губерніяхъ: Бессарабской, Екатеринославской, Казанской, Курской, Орловской, Пензенской, Полтавской, Самарской, Симбирской, Тульской, Харьковской и Черниговской, прекратить, предоставивъ примѣненіе этой мѣры въ отдѣльныхъ сельскихъ мѣстностяхъ остальныхъ 22-хъ губерній усмотрѣнію начальниковъ губерній.

— 15-го мая виленскимъ военно-окружнымъ судомъ разсмотрѣно дѣло о Гиршѣ Давидовѣ Лекухѣ (онъ же Лекертъ и Лекеръ), преданномъ суду за покушеніе на убійство виленскаго губернатора, генералъ-лейтенанта фонъ-Валя. Военно-окружный судъ, признавъ Лекуха виновнымъ, приговорилъ его, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, къ смертной казни чрезъ повѣшеніе. Поданная осужденнымъ кассаціонная жалоба разсмотрѣна главнымъ военнымъ судомъ въ засѣданіи 21-го сего мая и оставлена безъ послѣдствій.

28-го сего мая приговоръ приведенъ въ исполненіе, въ порядкѣ ст. 963 и 964 уст. угол. суд., въ гор. Вильнѣ.

— 8-го іюня кіевскимъ военно-окружнымъ судомъ разсмотрѣно дѣло о крестьянинѣ с. Снагости, Снагостской волости, Рыльскаго уѣзда, Курской губерніи, Никитѣ Кузминѣ Чепегинѣ, преданномъ этому суду кіевскимъ, волынскимъ и подольскимъ генералъ-губернаторомъ. на основаніи п. 1 ст. 17 прил. 1 къ ст. 1 (примѣч. 2) устава о предупрежденіи и прес. преступленій изд. 1890 г. для сужденія по законамъ военнаго времени. Судъ призналъ его виновнымъ въ покушеніи на убійство отставного генералъ-лейтенанта Вейса, имѣвшемъ мѣсто 12-го мая этого года въ подъѣздѣ сада кіевскаго купеческаго собранія, причемъ самаго убійства не послѣдовало лишь по особымъ непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, а потому постановилъ: подвергнуть Чепегина за означенное преступное дѣяніе лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы срокомъ на двадцать лѣтъ съ послѣдствіями, указанными въ законѣ.

Приговоръ этотъ будетъ представленъ на утвержденіе кіевскаго, волынскаго и подольскаго генералъ-губернатора.

— Съ 20-го мая по 20 іюня въ пользу школы В. П. Острогорскаго въ Валдаѣ поступило въ контору редакціи:

Отъ Ив. М. Гревса (гонораръ за статью «В. П. Острогорскій какъ учитель»)	75 р.
Отъ А. Г. Мейена изъ Буровщины	5 р.
Отъ служащихъ въ Щигровской женской прогимназіи	8 р.
Итого	88 руб.

Изъ русскихъ журналовъ.

(«Русская Мысль»—май; «Историческій Вѣстникъ»—май; «Новое Дѣло»—май).

Тридцать перваго мая текущаго года исполнилось двадцать пять лѣтъ со дня смерти талантливаго поэта и человѣка съ громкой въ свое время политической извѣстностью, Николая Платоновича Огарева. Объ этомъ обстоятельствѣ вспомнила г-жа Некрасова, посвятивъ покойному поэту въ майской книжкѣ «Русской Мысли» рядъ теплыхъ строкъ въ замѣткѣ, озаглавленной «О послѣднихъ годахъ жизни Н. П. Огарева». Намъ уже приходилось отмѣчать по другому поводу то грустное обстоятельство, что образъ такой замѣчательной личности, какъ Огаревъ, и тѣмъ болѣе всѣ далеко незаурядныя подробности его жизни еще далеки отъ того, чтобы на нихъ могъ быть пролитъ полный свѣтъ, но и кромѣ этого, приходится сказать, что мы простотаки мало интересуемся жизнью нашихъ замѣчательныхъ людей, мало знаемъ даже и изъ того, надъ чѣмъ уже утеряли свою силу всякія «не-зависящія обстоятельства». Многимъ ли извѣстны, въ самомъ дѣлѣ, потрясающія по своему трагизму послѣднія минуты жизни Огарева, нынѣ воспроизводимыя г-жею Некрасовою въ ея вышеупомянутой статьѣ? Человѣкъ, горячее сердце котораго представляло съ юности неизсякаемый родникъ любви къ родинѣ, человѣкъ, отдавшій всѣ свои силы на служеніе ей, пожертвовавшій для нея всѣмъ, что только могли доставить ему происхожденіе, связи и огромное

нашъ крестьянинъ. Да, увлеклись больнымъ, искалѣченнымъ матеріаломъ, а на здоровый никакого вниманія. Нечего сказать, остроумно!..»

Именно, «нечего сказать, остроумно!..» Обратите вниманіе, читатель, на подчеркнутую нами фразу въ разсужденіяхъ Нефедова.

Но Нефедовъ и за всѣмъ тѣмъ остается Нефедовымъ, писателемъ, имя котораго займетъ почетное мѣсто на страницахъ русской литературы,—его нельзя винить за непониманіе, повидимому, очень простыхъ вещей, ибо «не вліютъ вина новаго въ мѣхи старые», но что сказать о самомъ авторѣ воспоминаній о Нефедовѣ г. Васюковѣ? Тутъ уже «старыми мѣхами» ничего не объяснишь, ибо какъ разсказываетъ въ той же статьѣ самъ г. Васюковъ, его собственная литературная дѣятельность началась только въ восьмидесятыхъ годахъ, а надо искать какого-нибудь другого объясненія. Не угодно ли читателю прослушать собственную г. Васюкова характеристику того направленія, къ которому, какъ выше упомянуто, по извинительнымъ причинамъ отнесся отрицательно Нефедовъ? «Подошли 90-е годы, и въ русской литературѣ началось другое вѣяніе, обратное интересамъ къ «мужику». Фабричный бытъ, къ которому покойный относился отрицательно, получилъ въ литературѣ иное освѣщеніе, затѣмъ за фабрикой выступилъ босякъ, теперешній герой русской литературы. Города, развившіеся на счетъ мужика, многолюдные центры, стали рѣшать всѣ вопросы, не спрашивая деревни и не интересуясь послѣдней. Нѣкоторые, прямо отчаянные журналисты, объявили войну русской общинѣ, требуя ея уничтоженія, какъ консервативной и невѣжественной единицы. Такіе люди почему-то назвались марксистами, хотя Карлъ Марксъ *преклонялся передъ общиной и усматривалъ въ этой вѣковой русской формѣ земледѣлія и землевладѣнія блестящую будущность русскаго народа*».

И далѣе:

«Россія *безъ многомилліоннаго земледѣльческаго народа*—это въ родѣ того, что Китай безъ чая!»

Можно, конечно, подивиться смѣлости г. Васюкова, выступающаго съ обличеніями явленія, запасъ свѣдѣній о которомъ у него громко говоритъ самъ за себя, хотя бы только въ подчеркнутыхъ нами мѣстахъ его писанія, но можно отнестись къ этому и иначе: можно лишь указать читателю на живучесть невѣжества у нѣкоторыхъ писателей и идти себѣ своей дорогой. Это мы и сдѣлаемъ.

Переходя отъ воспоминаній о прошломъ, которыя заняли все наше обозрѣніе, къ какой-никакой, а все-таки современности, мы выпишемъ съ удовольствіемъ слѣдующія строки изъ майской книжки «Новаго Дѣла»:

«Франко-русскія торжества не обошлись безъ участія русской печати; правда, въ Петербургѣ эту печать представляли «Новое Время», «Биржевыя Вѣдомости», «Свѣтъ» и «Петербургская Газета», (авторъ, кажется, забылъ упомянуть еще «Гражданина»), а въ Москвѣ «Москов. Вѣдомости» да «Московскій Листокъ», но тѣмъ не менѣе былъ избранъ «комитетъ» (предсѣдательствовалъ А. С. Суворинъ), который, повидимому, французскіе журна-

Аракчеевъ. Да и этотъ послѣдній, и такъ выписанный, что вы можете прочесть всего Шильдера, Богдановича, сколько угодно копаться въ «Русской Старинѣ» и все же не получите такого яркаго и цѣльнаго впечатлѣнія, какъ отъ нѣсколькихъ строкъ Глѣба Ивановича. «Страху имѣлъ въ себѣ,—разсказываетъ старый бурмистръ.—Столь много было въ немъ, значитъ, испугу этого самаго. Носъ у него, у покойника, былъ этакій мясистый, толстый, сизый, значитъ, съ сизиной. И гнусавый былъ, гнусилъ... Идетъ ли, ѣдетъ ли, все будто мертвый, потому глаза у него были тусклые и такъ оказывали, какъ, примѣромъ сказать, гнилыя мѣста вотъ на яблокахъ бываютъ: будто глядитъ, а будто нѣтъ, будто есть глаза, а будто только гнилыя ямы. Вотъ въ этакомъ то видѣ— ѣдетъ ли, идетъ ли—точно мертвецъ холодный, и носъ этотъ самый сизый, мясистый, виситъ. А чуть раскрылъ ротъ—и загудитъ, точно изъ подъ земли или изъ могилы: «Па-а-л-локъ!» Да въ носъ, гнусавый былъ... «Па-а-л-локъ!» Это ужъ, стало быть, что-нибудь запримѣтилъ... И только его и словъ было, а то все какъ мертвый... Вотъ какой былъ сурьезный, дьяволъ!» Цѣльность впечатлѣнія отъ этого несравненнаго образа, такъ, мимоходомъ начертаннаго Глѣбомъ Ивановичемъ, еще усиливается тѣмъ, что разсказчикъ (въ очеркѣ «старый бурмистръ») весь на сторонѣ Аракчеева («такъ... былъ порядокъ»).

Такими безподобными перлами переполнены три увѣсистыхъ тома компактнаго изданія твореній Успенскаго. И среди безконечнаго разнообразія этихъ образовъ, то подавляющихъ васъ, то трогательныхъ до слезъ, то возбуждающихъ самое неудержимое дѣтское веселье, все время не покидаетъ васъ образъ самого творца, всегда грустный, словно трепещущій отъ удивленія и скорби при видѣ того, что творится вокругъ него, или словно недоумѣвающій, какъ же это никто, кромѣ него, не видитъ, не пугается всего безобразія жизни, не замѣчаетъ, какъ далеко-далеко уклонилась эта жизнь отъ красоты настоящаго человѣка? Потому что самъ онъ, Глѣбъ Ивановичъ, переполненъ трепетнымъ восторгомъ передъ этой чарующей красотой истиннаго человѣка и потому такъ до болѣзненности чутокъ ко всякимъ уклоненіямъ, уродующимъ «образъ и подобіе божье». Изъ этой чуткости и восторга передъ человѣческой красотой. передъ красотой природы и жизни вообще проистекаетъ и дѣтская незлобивость Глѣба Ивановича, съ которой онъ относится ко всѣмъ и всему. Гнѣвъ, суровое осужденіе, безпощадная жесткость къ описываемымъ имъ звѣроподобнымъ чудищамъ, къ образамъ почти апокалипсическаго характера, какъ приведенный выше Аракчеевскій портретъ,—чужды ему вполнѣ. Онъ и за нихъ страдаетъ, какъ и за тѣхъ, кто пострадалъ отъ нихъ. Онъ и въ ихъ искаженныхъ злобою лицахъ видитъ черты, сближающія ихъ съ общечеловѣческой красотой, которая въ этихъ несчастныхъ превратилась въ свою противоположность. Ему пожалуй, еще больнѣе при видѣ ихъ, чѣмъ при видѣ ихъ жертвъ, потому что страданіе приближаетъ къ красотѣ, очищаетъ и возвышаетъ, тогда какъ дикое безобразіе палачей выступаетъ на фонѣ общаго страданія еще ярче и гнуснѣе, до жгучей боли ранитъ сердце писателя. Самому предателю, котораго такъ безпощадно казнитъ Салтыковъ, Успенскій не смогъ бы сказать роковое: «иди! нѣтъ тебѣ прощенія!» Самое большее—онъ молча отвернулся бы отъ него. «И его тоже мать родила»,

какъ говоритъ у Достоевскаго каторжникъ, указывая на закованный трупъ своего товарища.

Источникъ этой незлобивости Успенскаго отнюдь не безразличье или слащавая гуманность, преисполненная мира и всепрощенія. Напротивъ, Глѣбъ Ивановичъ—это живое воплощеніе дѣйственной любви и неустанныхъ поисковъ за дѣлами и проявленіями именно такой дѣятельной любви. Всѣ его произведенія проникнуты этимъ исканіемъ, безпокойнымъ, напряженнымъ, страстнымъ. Въ самыхъ совершенныхъ и законченныхъ своихъ произведеніяхъ онъ не выдерживаетъ спокойнаго эпическаго тона, и то и дѣло стремительно уклоняется въ сторону, не въ силахъ удержать свое рвущееся на голосъ любви сердце. Нарисовавъ удивительную картину человѣческихъ безобразій, онъ же первый приходитъ въ ужасъ и ищетъ пути къ устраненію ихъ, къ истинной правдѣ человѣческихъ отношеній, къ замѣнѣ «зоологической» правды — правдой человѣческой, которая пребудетъ во вѣкъ. И если когда негодованіе прорывается у Успенскаго, то въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда, вмѣсто этой правды, подсовываютъ другую, подъ разными соусами скрывающуюся, «звѣриную» по существу. Такъ было, напр., послѣ знаменитой рѣчи Достоевскаго (на пушкинскомъ празднествѣ) о «русскомъ все-человѣкѣ». Во второй половинѣ своей замѣчательной статьи, посвященной описанію торжества («На другой день»), у него прорываются такія злыя слова, звучитъ мѣстами такой ѣдкій сарказмъ, какого вы не найдете нигдѣ во всѣхъ его произведеніяхъ. Его возмутила именно неискренность оратора, его игра словами, то, что на своемъ оригинальномъ языкѣ Успенскій характеризуетъ, какъ подмѣну «все-человѣческаго»—«все-заячьими свойствами». Характеризуя эту знаменитую рѣчь, Успенскій превращается въ сатирика,—вообще, ему мало свойственная роль. По его словамъ, Достоевскій разными вставками, незамѣтными уклоненіями, путанными словечками сводитъ своего все-человѣка на нѣтъ. «Такіе заячьи прыжки даютъ автору возможность превратить мало-по-малу все свое «фантастическое дѣланіе» въ самую ординарную проповѣдь полнѣйшаго мертвѣнія. Помаленьку, да полегоньку, съ кочки на кочку, прыгъ да прыгъ, все-заяцъ мало-по-малу допрыгиваетъ до непроходимой дебри, въ которой не видать ужъ и заячьяго хвоста...»

У Успенскаго нѣтъ ни проповѣди любви, ни всепрощенія, ни какихъ бы то ни было высокихъ словечекъ: онъ—сама простота, какъ въ изображеніи, такъ и въ языкѣ, до того ему чуждо все искусственное, дѣланное, надуманное. Отъ того и самая форма его произведеній такая смѣшанная—наполовину беллетристика, наполовину публицистика. О чемъ бы онъ ни разсказывалъ, онъ не можетъ воздержаться, чтобы не высказать всѣхъ мыслей, какія ему пришли въ голову по этому поводу. Если такіе постоянные переходы отъ разсказа къ размышленію мѣшаютъ иногда читателю, ослабляя впечатлѣніе, зато они тѣмъ ярче и цѣльнѣе обрисовываютъ писателя, раскрывая его душу цѣликомъ, не оставляя никакихъ сомнѣній, что и какъ именно думалъ Успенскій по тому или иному поводу. Но какъ разнообразны темы его произведеній, охватывая всю нашу русскую дѣйствительность, такъ же разнообразенъ и трудно объемлемъ и самъ Успенскій. Онъ поистинѣ «дистанція огромнаго размѣра», и этимъ можно

объяснить, что литература о немъ такъ бѣдна. Вступительная статья Н. К. Михайловскаго и его же статьи въ «Русскомъ Богатствѣ» текущаго года, небольшое сравнительно мѣсто, удѣленное Успенскому г. Скабичевскимъ въ его «Исторіи литературы», статья г. Уманьскаго «Писатель переходнаго времени» въ «Русской мысли» этого года — вотъ, пожалуй, и все, что есть объ Успенскомъ. Можно указать еще очеркъ г. Волжскаго «Два очерка объ Успенскомъ и Достоевскомъ», въ которомъ есть очень важныя замѣчанія о разныхъ взглядахъ Успенскаго, но въ общемъ г. Волжскій только комментируетъ и дополняетъ извѣстную «Вступительную статью» Н. К. Михайловскаго, на что, впрочемъ, онъ самъ же и указываетъ.

Смерть Успенскаго оживила литературу о немъ, и мы уже теперь имѣемъ превосходную характеристику его, какъ писателя и человѣка, данную В. Г. Короленко въ статьѣ его «О Глѣбѣ Ивановичѣ Успенскомъ», заключающей личныя воспоминанія автора. Самъ чуткій и вдумчивый художникъ, Короленко, быть можетъ, лучше и глубже всѣхъ съумѣлъ изобразить этого оригинальнѣйшаго человѣка, котораго мы всѣ знаемъ только по его писаніямъ. И человѣкъ въ изображеніи его такъ тѣсно и полно сливается съ писателемъ, что ихъ уже не отдѣлить, разъ вы прочли эти воспоминанія. Изъ небольшихъ, обыденныхъ фактовъ, изъ незамѣтныхъ черточекъ онъ создалъ такой обаятельный образъ, что Глѣбъ Ивановичъ выступилъ еще свѣтлѣе и чище, чѣмъ мы могли знать его раньше, и въ то же время многое, о чемъ мы только догадывались, выступаетъ теперь въ его произведеніяхъ яснѣе, понятнѣе и еще болѣе захватываетъ васъ, когда вы знаете теперь душу Успенскаго. Самъ Короленко познакомился съ нимъ уже на склонѣ его литературной дѣятельности, незадолго до роковаго конца, такъ неожиданно пресѣкшаго его писательскую работу. Это было во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда усталость, разочарованіе и какое-то безсиліе разслабленной воли господствовали въ обществѣ.

«Всякій,—говоритъ Короленко,—кто жилъ уже сознательною жизнью въ то смутное и туманное время, помнитъ общій тонъ тогдашняго настроенія. У такъ называемой интеллигенціи начиналась съ «меньшимъ братомъ» крупная ссора (о которой послѣдній, впрочемъ, по обыкновенію, даже не зналъ). Хотя Успенскій никогда не идеализировалъ мужика, наоборотъ, съ большой горечью и силой говорилъ о мужицкомъ свинствѣ и о распоясовской темнотѣ даже въ періодъ наибольшаго увлеченія «устоями» и тайнами «народной правды», тѣмъ не менѣе въ это время онъ со всей силой своего огромнаго таланта продолжалъ призывать вниманіе общества ко всѣмъ вопросамъ народной жизни, со всѣми ея болящими противорѣчіями и во всей ея связи съ интеллигентною совѣстью и мыслью. Такъ что съ реакціей противъ мужика начиналась реакція и противъ Успенскаго: къ нему обращались запросы, упреки, письма. Въ одной изъ своихъ статей въ «Отеч. Запискахъ» Глѣбъ Ивановичъ съ большимъ остроуміемъ отмѣчалъ и отражалъ это настроеніе при самомъ его возникновеніи. Онъ характеризовалъ его словами: «надо и намъ». Что въ самомъ дѣлѣ: мужикъ заполонилъ всю литературу. Мужикъ да мужикъ, народъ да народъ. «Мы тоже хотимъ.... надо и намъ...» Началось *само*-углубленіе, *само*-усовершенствованіе, рѣшеніе вопросовъ изолированной личности, внѣ связисъ

общественными вопросами, до тѣхъ поръ властно занимавшими умы и сердца. «Восемьдесятъ тысячъ верстъ вокругъ самого себя», съ обычною мѣткостью характеризовалъ Глѣбъ Ивановичъ одну сторону этого настроенія. Огорченный и разочарованный, русскій интеллигентный человѣкъ углублялся въ себя, уходилъ въ культурные скиты или обиженно требовалъ «новой красоты», становясь особенно капризнымъ относительно эстетики и формы».

Такое настроеніе переживалъ и одинъ пріятель автора, раздѣляя указанное предубѣжденіе противъ Успенскаго за его настойчивые призывы «все-таки смотрѣть на мужика».

«Однажды,—продолжаетъ Короленко,—онъ вошелъ въ мою гостиную, когда за чайнымъ столомъ, въ кружкѣ моей семьи и знакомыхъ, сидѣлъ Глѣбъ Ивановичъ, только что пріѣхавшій въ Нижній Новгородъ. Онъ говорилъ о чемъ-то своимъ обычнымъ тономъ, въ которомъ проглядывала какая-то сдержанная, глубокая печаль, по временамъ вдругъ уступавшая мѣсто вспышкамъ особеннаго, только Успенскому присущаго, тихаго юмора. Я представилъ своего пріятеля. Успенскій всталъ, пожалъ ему руку, невнятно пробормоталъ свою фамилію и опять обратился къ занимавшей его темѣ, которая уже овладѣла вниманіемъ слушателей. Взглянувъ случайно на своего пріятеля, я замѣтилъ на его лицѣ напряженное вниманіе, смѣшанное съ чрезвычайнымъ изумленіемъ. Черезъ четверть часа онъ поднялся съ своего мѣста и, выйдя въ сосѣднюю комнату, поманилъ меня за собою.

«—Кто это у васъ?—спросилъ онъ съ величайшимъ любопытствомъ.—Я не разслышалъ его фамиліи.

«—А что? Почему вы спрашиваете такимъ тономъ?

«—Это какой-то необыкновенный человѣкъ. Отъ него вѣетъ геніальностью.

«—Поздравляю васъ,—отвѣтилъ я смѣясь,—вы познакомились съ Глѣбомъ Ивановичемъ Успенскимъ».

Такимъ образомъ, говоритъ авторъ, «мой пріятель былъ завоеванъ навсегда, и притомъ не писатель предрасположилъ его къ личности, наоборотъ—необыкновенное обаяніе личности обратило скептика къ изученію произведеній писателя».

И это вполнѣ понятно, такъ какъ, по словамъ Короленки, Глѣбъ Ивановичъ былъ «дорогимъ и рѣдкимъ исключеніемъ», когда писатель и личность нераздѣлены другъ отъ друга. Этимъ объясняетъ авторъ особый тонъ и манеру творчества Успенскаго, который не вынашивалъ своихъ твореній, не отдѣлывалъ ихъ съ тщательностью и любовью ради нихъ самихъ: «ему нужна была не красота, не цѣльность впечатлѣнія, не образъ. Съ лихорадочной страстностью среди обломковъ стараго онъ искалъ матеріаловъ для созиданія новой совѣсти, правилъ для новой жизни или хотя бы для новыхъ желаній этой жизни. То, что онъ предполагалъ извѣстнымъ, общимъ у себя и читателя, надъ тѣмъ онъ не останавливался для детальной отдѣлки, то отмѣчалъ только бѣглыми штрихами, заполнялъ кое-какъ, лишь бы не оставить пустоты. Наоборотъ, то, что еще только мелькало впереди смутными очертаніями будущей правды,—за тѣмъ онъ гнался страстно и торопливо, не выжя-

*

дая, пока оно самопроизвольно сложится въ душѣ въ ясный самодовлѣющій образъ. Онъ пытался обрисовать его поскорѣе для насущныхъ потребностей данной исторической минуты тѣми словами, какія первыя приходили на умъ. Отъ этого онъ часто повторялся, все усиливая находимыя идеи, заставлялъ читателя переживать съ нимъ вмѣстѣ и его поиски, и его разочарованія, и всю подготовительную работу, пускалъ своихъ жильцовъ, когда у постройки еще не были убраны лѣса. Все это искупалось важностью и насущностью занимавшихъ Успенскаго вопросовъ, а общность настроеній писателя и его читателей заполняла пробѣлы въ этой торопливой работѣ... Но особенно интересна во всемъ этомъ самая личность автора, съ ея своеобразной глубиной, съ ея необыкновенной чуткостью къ вопросамъ совѣсти, съ ея смятеніемъ и болью... И всякій, кто зналъ Успенскаго лично, кто помнитъ это обаяніе и значительность основного душевнаго тона, который сразу чувствовался во всякомъ словѣ, движеніи, взглядѣ задумчивыхъ глазъ, въ самомъ даже молчаніи Успенскаго,—согласится съ отзывомъ моего пріятеля: отъ этой своеобразной, единственной въ своемъ родѣ личности дѣйствительно вѣяло геніальностью...»

Дѣйствительно, все въ личности Успенскаго было «не какъ у другихъ-прочихъ» и сразу привлекало вниманіе, начиная съ его «удивительныхъ глазъ, широко разставленныхъ и глубокихъ. Въ нихъ было что-то ласковое и печальное въ то же время; лицо мнѣ показалось усталымъ,—описываетъ Короленко первое свое знакомство съ Успенскимъ.—Помню, однако, что оно какъ-то сразу, безъ всякаго промежуточнаго впечатлѣнія и разлада, слилось со всѣмъ лучшимъ, что отлагалось въ души отъ его произведеній. Мнѣ казалось только, что лицо и взглядъ автора «Будки», «Разоренія» и столькихъ картинъ, полныхъ яркаго и своеобразнаго юмора—должно бы быть нѣсколько веселѣе. Однако, я чувствовалъ, что отъ этого оно не стало бы лучше, чѣмъ съ этой грустью, сосредоточенной, вдумчивой и какъ будто давно отложившейся на самомъ днѣ этой глубокой души».

Также глубокъ и значителенъ былъ онъ весь, даже въ небольшихъ замѣчаніяхъ, бѣглыхъ отзывахъ, какъ значительны тѣ образныя, яркія вставки въ его произведеніяхъ, когда онъ вдругъ однимъ словечкомъ, коротенькой сценкой, неожиданнымъ сравненіемъ, какъ молніей, освѣтитъ цѣлое сложное явленіе, запечатлѣетъ въ вашей памяти рѣдкій типъ или подчеркнетъ, словно ударомъ рѣзца, главную особенность того или иного характера. Иные жалуются на «трудность» чтенія Успенскаго, и въ этомъ есть доля правды, потому что онъ требуетъ напряженнаго вниманія,—иначе рискуешь пропустить драгоцѣнную черту, «крылатое» словечко, глубокую и оригинальную мысль, которыми блещутъ страницы его очерковъ и разсказовъ. Онъ самъ — вся страсть и напряженіе даже въ самыхъ эпическихъ своихъ произведеніяхъ, и это утомляетъ. Его нельзя читать бѣгло, перелистывать, выхватывая отдѣльное «морсо», такъ какъ все у него, при видимой разбросанности и неустройствѣ, крѣпко связано цементомъ его страстнаго исканія и неумолчно рвущейся къ дѣлу любви.

Въ разговорѣ его, приводимомъ авторомъ, вы слышите это постоянное напряженіе чувства, звучащаго все время, какъ туго натянутая струна, которая кажется, вотъ-вотъ оборвется и замретъ съ жалобнымъ, хватающимъ за сердце,

тономъ. Авторъ приводитъ его безподобный отзывъ о Достоевскомъ, котораго собесѣдники случайно коснулись.

«— Вы его любите?—спросилъ меня Глѣбъ Ивановичъ.

«Я отвѣчалъ, что не люблю, но нѣкоторыя его вещи, напр., «Преступленіе и наказаніе», перечитываю съ величайшимъ интересомъ.

«— Перечитываете?—переспросилъ меня Успенскій, какъ будто удивляясь, и потомъ, слѣдя за дымомъ папиросы своими задумчивыми глазами, сказалъ:— А я не могу... Знаете ли... у меня особенное ощущеніе... Иногда ѣдешь въ поѣздѣ... И задремлешь... И вдругъ чувствуешь, что господинъ, сидѣвшій противъ тебя... самый обыкновенный господинъ... даже съ добрымъ лицомъ... И вдругъ тянется къ тебѣ рукой... и прямо... прямо за горло хочетъ схватить... или что-то сдѣлать надъ тобой... И не можешь никакъ двинуться.

«Онъ говорилъ это такъ выразительно и такъ глядѣлъ своими большими глазами, что я, какъ бы подъ внушеніемъ, самъ почувствовалъ легкое вѣяніе этого кошмара и долженъ былъ согласиться, что это описаніе очень близко къ ощущенію, которое испытывается порой при чтеніи Достоевскаго.

«— А все-таки есть много правды,—возразилъ я.

«— Правды?—Глѣбъ Ивановичъ задумался и потомъ, указывая двумя пальцами на дверь кабинета, которая была открыта и прислонена къ стѣнѣ, сказалъ:—Посмотрите вотъ на эту дверь, много-ли тутъ за нею уставится?

«— Конечно, не много,—отвѣтилъ я, еще не понимая этого перехода мысли.

«— Пара калошъ...

«— Пожалуй.

«— Положительно пара калошъ. Ничего больше...—И вдругъ, повернувшись ко мнѣ лицомъ и оживляясь, онъ докончилъ:—А онъ сюда столько набьетъ... человѣческаго страданія... горя... подлости человѣческой... что прямо на четыре каменные дома хватитъ».

Такая напряженность чувства и вѣчная работа мысли не могли не истощать этого удивительнаго человѣка, что и разрѣшилось нервной болѣзнью, такъ рано положившей конецъ его писательской дѣятельности. Короленко положительно отрицаетъ нелѣпые слухи объ алкоголизмѣ Глѣба Ивановича. Онъ много курилъ и въ обществѣ пилъ со всѣми, но «вообще, когда теперь я вспоминаю эту папиросу и вино и то, что я, безъ привычки, тоже курилъ и пилъ въ присутствіи Глѣба Ивановича, и что ни куреніе, ни табакъ не оказывали на меня никакого дѣйствія,—то мнѣ кажется, что это было какое-то ровное, безпрестанное и чрезвычайно интенсивное горѣніе мозга и нервовъ, заразительное, вовлекавшее тотчасъ же и другихъ въ свою сферу. И въ этомъ горѣніи совершенно утопало впечатлѣніе наркотиковъ. Это были просто капли, шипѣвшія на раскаленной плитѣ. Но плита раскалялась не ими...»

Внутренній огонь, сжигавшій Успенскаго, придавалъ всей его фигурѣ что то особенное. «Разсказывая что нибудь, онъ глядѣлъ на собесѣдника своимъ глубокимъ мерцающимъ взглядомъ, говорилъ тихо, какъ будто сквозь слегка сжатые зубы и при этомъ жестикулировалъ какъ-то особенно, то и дѣло прикладывая два пальца къ груди, какъ будто указывая на какую то боль, которую онъ чувствовалъ отъ собственныхъ разсказовъ гдѣ то въ области сердца. Его

рѣчь была отрывиста, безъ закругленныхъ періодовъ, полная причудливыхъ изгибовъ и неожиданныхъ опредѣленій, часто вспыхивала своеобразнымъ юмо-ромъ. И никогда она не производила впечатлѣнія простой болтовни на досугѣ, среди которой такъ хорошо иногда отдохнуть отъ работы и отъ мыслей. Его молчаніе было отмѣчено тѣми же чертами, какъ и его разговоръ. Въ его отрывистыхъ замѣчаніяхъ, какъ и въ его молчаніи чувствовалась какая то неразрывная связь. Въ одномъ изъ своихъ очерковъ онъ говоритъ, что иногда можно «молчать о многомъ». Дѣйствительно, бываютъ разговоры, въ которыхъ содержанія меньше, чѣмъ въ полномъ молчаніи, и бываетъ молчаніе, въ которомъ ходъ мысли чувствуется яснѣе, чѣмъ въ иномъ даже умномъ разговорѣ. Такое именно значительное молчаніе чувствовалось въ паузахъ Успенскаго. Его рѣчь и его паузы продолжали другъ друга... Разъ вслушавшись въ основное содержаніе занимавшей его мысли, вы уже были во власти этого теченія, во время самыхъ паузъ уже чувствовали это «молчаніе обо многомъ» и невольно ждали, гдѣ эта не отдыхающая мысль сверкнетъ на поверхности какимъ нибудь неожиданнымъ поворотомъ, образомъ, картиной, иногда въ одной короткой фразѣ или даже въ одномъ только словѣ.

«Я думаю, что эта манера молчать такъ же утомительна, какъ и напряженная работа. А между тѣмъ, это было нормальное состояніе Успенскаго, по крайней мѣрѣ, въ томъ періодѣ его жизни, когда я зналъ его. Для него почти не существовало тѣхъ минутъ полнаго безразличія организма, когда въ немъ совершаются, не задѣвая сознанія, одни только растительные, возстановляющіе процессы. Нѣкоторыя «житія» рисуютъ намъ подвижниковъ, никогда не разстававшихся съ молитвой, которая входила даже въ ихъ забытье и сонъ. Совершенно также нѣкоторые вопросы совѣсти и мысли никогда не засыпали въ Успенскомъ. И это то, я думаю, придавало такую выдѣляющую значительность его лицу, его словамъ, его взгляду, самому его молчанію.

«Но это же и сжигало его неустаннымъ огнемъ.»

Въ дальнѣйшемъ разсказѣ авторъ показываетъ намъ, какъ «господствующая идея» овладѣвала Успенскимъ и на каждомъ шагу, въ каждомъ поступкѣ и словѣ проявляла надъ нимъ свою неодолимую силу, подчиняя себѣ и всѣхъ его окружающихъ. Передать всю прелесть этого разсказа невозможно, пришлось бы перепечатать его до слова, такъ какъ все здѣсь значительно и вноситъ новый и новый штрихъ въ характеристику Успенскаго.

«Всю жизнь онъ стремился къ правдѣ, хотя бы и болящей, но истинной», заканчиваетъ свои воспоминанія г. Короленко, и вотъ почему такое громадное значеніе имѣютъ его произведенія, въ которыхъ запечатлѣлся цѣлый періодъ русской жизни со всѣми его исканіями, болями, надеждами и разочарованіями, и каждое слово здѣсь—правда. Въ самый разгаръ народническихъ увлеченій одинъ Успенскій неизмѣнно оставался правдивымъ и, страстно болѣя душой за «мужицкое свинство», представилъ всѣ отрицательныя стороны народной жизни также ярко и выпукло, какъ и привлекавшія его положительныя. Онъ не колеблясь призналъ односторонность этой народной правды, окрестивъ ее «зоологической», потому что, по его словамъ, «народное дѣло непремѣнно должно быть выяснено въ самой строгой безпристрастности и, если угодно, безстрашіи».

Ни одинъ народникъ писатель не далъ намъ такой упоительно правдивой картины «красоты ржаного поля», «гармоніи земледѣльческихъ идеаловъ», «поэзіи земледѣльческаго труда» и рядомъ съ этимъ только онъ далъ и обратную сторону, обрисовавъ въ своихъ «Мишанькахъ» и другихъ не менѣе яркихъ типахъ всѣ темныя, поразительно мрачныя и чисто «звѣриныя» явленія того же земледѣльческаго уклада.

Значеніе Успенскаго, какъ бытописателя народной жизни, такъ велико что безъ изученія его не мыслимо сколько-нибудь правильное представленіе о народѣ. И вполнѣ понятно, почему въ разгаръ спора марксистовъ съ народниками Успенскій былъ единственнымъ изъ народническихъ писателей, котораго читали съ карандашомъ въ рукѣ, изучая и вчитываясь въ его произведенія, какъ если-бы это были ученія, статистичскія и экономическія изслѣдованія. Богатство фактическаго матеріала въ нихъ соединяется съ такимъ проникновеніемъ въ глубину народной психологіи, что въ этомъ отношеніи Успенскій пока не имѣетъ соперниковъ. Эта сторона произведеній его никогда не утратитъ значенія, хотя бы настроеніе, съ какимъ все это было написано, и испарилось. По мѣткому выраженію г. Короленко, Успенскій мѣстами становится «труденъ», т. е. намъ трудно войти въ его настроеніе «исканія» правды въ народной жизни, но *правдивость* картины той же жизни осталась навсегда запечатлѣнной въ его произведеніяхъ, отмѣченныхъ печатью почти геніальности

Говоря «почти», мы въ сущности совершаемъ нѣкую несправедливость, по отношенію къ Успенскому, безсознательно дѣлая уступку мнѣнію, будто Успенскій не все сказалъ, не все далъ, что могъ бы сказать. Это мнѣніе раздѣляютъ многіе, напр:, тотъ же Короленко, такъ глубоко заглянувшій въ Успенскаго, какъ никто,—исключая развѣ Н. К. Михайловскаго,—говоритъ, что «Успенскій не сказался въ своихъ произведеніяхъ со всею силою своей необыкновенной личности, и своего таланта. Чистый образъ, тщательно выношенный въ душѣ и выплавленный изъ однороднаго художественнаго матеріала, вообще легче привлекаетъ вниманіе и живетъ дольше. чѣмъ та смѣсь образа и публицистики, посредствомъ которой работалъ Успенскій». Намъ кажется, въ этихъ словахъ есть доля невѣрной оцѣнки Успенскаго, къ которому не примѣнимы никакія общія мѣрки. Это вѣрно, что онъ не далъ «чистаго образа» и въ его творчествѣ преобладаетъ «смѣсь образа и публицистики». Но ее такъ и надо оцѣнивать какъ преобладающую особенность Успенскаго-писателя, и тогда мы должны признать, что эта «смѣсь», въ родѣ Ивана Босыхъ изъ «Власти земли», Порфирича изъ «Нравовъ Растеряевской улицы» или Мымрецова—геніальные образы, наряду съ которыми можно поставить Каратаева изъ «Войны и мира» да типы, встрѣчающіеся у Гоголя и Салтыкова. Затѣмъ, въ его мелкихъ по объему произведеніяхъ, каковы разсказы, собранные имъ подъ общимъ заглавіемъ «Растеряевскіе типы и сцены», «Столичная бѣднота», «Мелочи» и другіе,—публицистики нѣтъ совсѣмъ, или если угодно—она сказывается мѣстами въ субъективизмѣ автора, въ его нескрываемой подчасъ симпатіи или антипатіи къ герою. Такіе чудные разсказы, какъ «Нужда пѣсенки поетъ», «Задача», «Про одну старуху», «Будка»,

«Дворникъ» и масса другихъ того же рода—останутся въ русской литературѣ чудными образцами творчества, надъ которыми время безсильно.

Мы думаемъ, поэтому, что въ трехъ компактныхъ томахъ, оставленныхъ намъ Успенскимъ, онъ сказался весь, безъ остатка, такъ, какъ немногіе изъ нашихъ великихъ писателей. Его огромный художественный талантъ развернулся въ его произведеніяхъ во весь ростъ, а его душа, скорбная, ищущая, не мирящаяся ни съ какой неправдой, вѣчно напряженная въ неустанныхъ поискахъ справедливости, гармоніи человѣческихъ отношеній — вылилась съ такой полнотой, яркостью и стремительностью, что я не знаю, чего еще могли бы мы потребовать отъ Успенскаго, для выясненія его, какъ писателя и человѣка. Если бы не роковая болѣзнь, прекратившая его работу въ годы полной физической и умственнной бодрости, мы, вѣроятно, получили бы еще рядъ чудныхъ разсказовъ и очерковъ, представляющихъ ту же «смѣсь образа и публицистики», что и раньше, и содержаніемъ своимъ они уяснили бы намъ многое, что мы пережили за эти десять послѣднихъ мучительныхъ лѣтъ болѣзни Успенскаго. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что крупный переворотъ, совершившійся за это время въ русскомъ обществѣ, не избѣгъ бы вниманія такого чуткаго и глубокаго наблюдателя, какимъ является Успенскій-художникъ. И кто знаетъ, можетъ быть, многое получило бы иное направленіе подъ вліяніемъ его мощнаго таланта, такъ глубоко умѣвшаго «потрясать» сердца... Но все это не прибавило бы ни одной лишней черты къ его характеристикѣ, не увеличило бы и не умалило его, какъ писателя,—это явилось бы только приложеніемъ все тѣхъ же силъ, которыя съ исчерпывающей полнотой вылились въ его произведеніяхъ.

Думаемъ, что въ такомъ мнѣніи нѣтъ ничего, умаляющаго значенія Успенскаго въ томъ видѣ, какъ мы его знаемъ теперь, и даже напротивъ. Мнѣ лично всегда нѣсколько обидно за любимаго писателя, когда говорятъ, что онъ не далъ всего,—потому что не далъ того-то и того-то, — не весь проявился въ своихъ произведеніяхъ,—и обиднѣе всего такое мнѣніе именно объ Успенскомъ, который далъ больше, чѣмъ можно бы ожидать отъ такой нервной, напряженно-страстной писательской организаціи. Объемъ его работы вызываетъ, по истинѣ, удивленіе: свыше 3.000 убористыхъ страницъ, до трехсотъ печатныхъ листовъ,—и какихъ листовъ!—на протяженіи менѣе, чѣмъ тридцати лѣтъ! Мало писателей, которые могли бы гордиться такой продуктивностью, и при томъ такой значительной по содержанію, вліянію и силѣ впечатлѣнія. Что больше могли бы мы требовать отъ Успенскаго?

Какъ писатель, онъ представляется намъ вполнѣ законченнымъ, завершеннымъ, оригинальнымъ явленіемъ русской пореформенной жизни, которую онъ отразилъ въ своемъ творчествѣ съ необычайной полнотой. Всѣ изгибы этой жизни, ея бурныя теченія и широкіе разливы, мели и бездонные яры мы находимъ въ произведеніяхъ его мысли, которая, по удивительно вѣрному слову Короленки, «шла какъ рѣка, которая то течетъ на поверхности, то исчезаетъ подъ землей, чтобы черезъ нѣкоторое время опять сверкнуть уже въ другомъ мѣстѣ», вынося наверхъ тѣ чудные перлы, которыми переполнена сокровищница, именуемая «Сочиненіями Глѣба Успенскаго». **А. Б.**

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Харьковскіе кобзари. Въ программу XII археологическаго съѣзда, который состоится въ августѣ нынѣшняго года въ Харьковѣ, входитъ, между прочимъ, всестороннее знакомство съ кобзарями и лирниками, ихъ бытомъ, поэтическимъ матеріаломъ и степенью ихъ вліянія на окружающую среду. Свѣдѣнія о кобзаряхъ Харьковской губерніи, собранныя для съѣзда г. Е. Кристомъ, опубликованы недавно въ «Харьковскихъ Губ. Вѣдомостяхъ».

Всѣ извѣстные г. Кристу кобзари учились у стариковъ со словъ. «Сначала разскаже, а потомъ начне співаты, а мы повторяемо», какъ пояснилъ одинъ изъ современныхъ бандуристовъ. Обыкновенно молодой слѣпецъ поступалъ на обученіе къ уже извѣстному бандуристу. Курсъ ученія продолжался отъ 2-хъ до 3-хъ и иногда до 4-хъ лѣтъ. Учитель одѣвалъ и обувалъ своего ученика, но за то, обучивъ немного, посылалъ пѣть и отбиралъ у него весь заработокъ. Правило «передавай не все, что самъ знаешь», котораго крѣпко держались встарину учителя—дьячки, практиковалось и бандуристами. Поэтому, бандуристы не довольствуются тѣмъ, что узнаютъ отъ своего учителя, а стараются учиться другъ у друга. Кромѣ того, кое какія пѣсни въ послѣднее время сообщаютъ бандуристамъ и слушатели. Такъ Древкину какая то барыня дала выписку божественной пѣсни: «Гора Аѳонъ». Его родной братъ читалъ ему вслухъ, а Древкинъ, обладая хорошею памятью, скоро запомнилъ. Затѣмъ ему удалось схватить мотивъ и теперь онъ распѣваетъ эту пѣсню постоянно.

Окончивъ курсъ ученія, бандуристы покидаютъ своихъ учителей и начинаютъ путешествовать самостоятельно по окружнымъ деревнямъ, ярмаркамъ и храмовымъ праздникамъ. Несмотря на то, что многіе бандуристы живутъ недалеко отъ Харькова, въ городѣ они бываютъ рѣдко, да и то стараются пѣть на базарахъ вмѣстѣ со слѣпцами безъ бандуры, потому что полиція ихъ преслѣдуетъ. На преслѣдованіе со стороны полиціи бандуристы жаловались еще въ семидесятыхъ годахъ и такъ продолжается и до сихъ поръ. Почему это дѣлается такъ, неизвѣстно и тѣмъ болѣе это странно, разъ слѣпцы-зрячіе, нищіе и попрошайки всѣхъ родовъ шляются по Харькову безпрепятственно, а зазвать бандуриста къ себѣ на домъ зачастую не представляется возможнымъ, ибо они

боятся полиціи. Минуя Харьковъ, бандуристы лѣтомъ кочуютъ изъ деревни въ деревню, зимою же дальше своей деревни не ходятъ.

Всѣ бандуристы говорятъ о паденіи заработка. Раньше, по ихъ словамъ, было неизмѣримо лучше. Причину упадка они объясняютъ каждый по своему, но въ общемъ все сводится къ тому, что раньше народъ былъ добрѣе. Наиболѣе рельефно характеризуетъ свое положеніе относительно заработка лирникъ Зозуля: «Наше діло хіба яке! Якъ людямъ гарно, то и намъ хорошо. Набредешь на щедраго, той заробышь!» Стало быть, все зависитъ отъ того, какъ живется людямъ. А раньше по словамъ бандуристовъ людямъ жилось лучше, потому и они были добрѣе. Помимо этого, по словамъ Древкина, раньше жили чумаки, которые любили послушать бандуриста и щедро платили.

Что касается вопроса о современномъ отношеніи народа къ бандуристамъ, то здѣсь крестьяне рѣзко дѣлятся на два класса: богатыхъ и бѣдныхъ. Богатые крестьяне не только не подаютъ бандуристамъ ничего, но зачастую прямо гонятъ со двора, называя ихъ лодырями (лѣнтяями). Но зато бѣдные относятся къ нимъ хорошо и удѣляютъ все, что могутъ. И во всякомъ случаѣ никогда не отпустятъ со двора, не снабдивъ предварительно хотя бы кускомъ хлѣба.

Затѣмъ еще одно замѣчаніе. Думы про предковъ-героевъ постепенно исчезаютъ изъ репертуара бандуристовъ и замѣняются фабричными пѣснями. Къ сожалѣнію, г. Кристъ относится къ этимъ послѣднимъ совершенно отрицательно и потому не считаетъ нужнымъ привести ни одного образца изъ этихъ пѣсенъ, распѣваемыхъ кобзарями въ видѣ уступки требованіямъ времени.

Предѣлы крестьянскаго самоуправленія. Интересную иллюстрацію даетъ г. Х—въ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» къ тому общеизвѣстному въ сущности факту, что крестьянская община, крестьянскій «міръ» нерѣдко связанъ въ своихъ внутреннихъ распорядкахъ, въ своемъ «самоуправленіи» самой мелочной опекой своего ближайшаго начальства «земскаго». Изъ этихъ отношеній «міра» и начальства истекаютъ иногда странныя, частью комическія, а частью и печальныя явленія.

Проситъ, напримѣръ, сельскій учитель «міръ» отвести ему десятину земли при школѣ для устройства на этой землѣ сада, огорода или пасѣки, гдѣ бы онъ могъ учить ребятъ огородничеству или пчеловодству.

«Міръ отказываетъ учителю, вполнѣ резонно мотивируя свой отказъ такими, примѣрно, соображеніями:

— Нѣтъ, Авдокимычъ, не подхожее это дѣло. Не выдетъ наше дѣло земли тебѣ дать. Конечно, мы знаемъ, мужикъ ты хорошій, міръ ты обидѣть не согласенъ. Ну, да, вѣдь, нынче ты, а завтра другой; а тамъ пріѣдетъ земскій да прикажетъ этотъ твой садъ то канавой окопать али оградой огородить, да мало ли чего еще на мірскую шею навалить можетъ. А ужъ она и такъ хряститъ у насъ, шея то. Ты, вотъ что, Авдокимычъ, мы ужъ тебѣ въ полѣ десятинки двѣ отрѣжемъ: сѣй себѣ чего хочешь на доброе здоровье, а тутъ у училища, не выходитъ наше дѣло земли тебѣ отвести.

Знаю я и такой фактъ.

На склонѣ лѣтъ одинъ бывшій цѣловальникъ, нажившій изрядныя деньжонки, вознамѣрился «подумать о душѣ». Человѣкъ онъ былъ одинокій, родственниковъ у него не было, и вотъ онъ вздумалъ въ ближайшемъ селѣ построить богадѣльню. Надѣлалъ онъ тысячъ сто кирпича, перевозилъ этотъ кирпичъ въ село и поѣхалъ потолковать со «стариками» насчетъ мѣста подъ богадѣльню. Каково же было удивленіе и раздраженіе этого человѣка, когда міръ категорически отказался отъ богадѣльни и мѣста подъ нее не далъ.

— Да что же это вы, старики? Ай на васъ креста нѣту? Не для себя, вѣдь, я это дѣло то затѣваю. Для Бога.

— Понимаемъ мы все это, Ѳирсъ Иванычъ, да нельзя намъ тебѣ мѣсто отвесть. Не выходитъ наше дѣло то.

— Да отчего же, старики? Не Богъ вѣсть сколько мѣста подъ нее надо.

— Да ужъ будемъ тебѣ, Ѳирсъ Иванычъ, обсказывать прямо: не въ мѣстѣ тутъ дѣло. Много ли тутъ мѣста? А дѣло вотъ въ чемъ. Хорошо, построишь ты богадѣльню, наберешь въ нее стариковъ, старухъ, скажемъ. Ну, покуда ты живъ, все ладно будетъ: будешь ты ихъ кормить и все прочее. А, вѣдь, подъ Богомъ то, Ѳирсъ Иванычъ, всѣ, вѣдь, ходимъ. Ну-ка, не ровенъ часъ, помрешь ты. Тогда-то что? Куда этихъ старухъ, стариковъ дѣвать? Кто ихъ кормить-то будетъ? Да какъ навалятъ эту твою богадѣльню на мірскую шею-то... Вотъ и нельзя намъ тебѣ мѣста отвесть. Не обезсудь, Ѳирсъ Иванычъ».

«И вотъ многія добрыя начинанія лопаются оттого, что ни единичный мужикъ, ни «міръ» не чувствуютъ себя хозяевами своего дѣла. Если бы «міръ» зналъ, что онъ можетъ, напримѣръ, дать землю подъ школьный огородъ, подъ богадѣльню, но можетъ и отобрать эту землю въ томъ случаѣ, если бы это понадобилось «міру», однимъ словомъ, если бы «міръ» чувствовалъ себя полнымъ хозяиномъ, дѣло было бы совсѣмъ другое. На почвѣ этихъ же отношеній «міра» и «начальства» выростаютъ и другія явленія. Минувшій сельскохозяйственный годъ былъ однимъ изъ плохихъ годовъ. Во многихъ мѣстахъ Россіи было то, что на оффиціальномъ языкѣ называется «недородомъ». Недородъ этотъ захватилъ и благословенную Тамбовскую губернію, откуда я и пишу это письмо. Не родились, собственно, въ минувшемъ году яровые хлѣба: рожь родилась еще удовлетворительно, но за недородомъ яровыхъ хлѣбовъ и, главное, за недостаткомъ яровой соломы урожай ржи пришлось дѣлить между людьми и скотомъ, всю зиму скотъ кормился ржаной рѣзкой, посыпавшейся мукой. Ржи поэтому не хватило, и къ веснѣ народъ во многихъ мѣстахъ оказался въ безвыходномъ положеніи: «отощалъ». Въ мірскихъ запасныхъ магазинахъ была засыпанная общественниками рожь, но «начальство» находило раздѣлъ ея весною неблаговременнымъ и отказывало обществамъ въ ихъ просьбахъ раздѣлить эту рожь. Тогда въ минувшемъ апрѣлѣ мѣсяцѣ во многихъ селахъ произошло «разграбленіе» крестьянами собственныхъ запасныхъ магазиновъ. Очень любопытны подробности этихъ «разграбленій»,

Обобщать сказаннаго, думаю, говоритъ г. Х—въ нечего. Общество, «міръ» являются не хозяевами своего «добра». Хозяйничанье общественнымъ «добромъ», конечно, требуетъ извѣстнаго порядка, соблюденія извѣстныхъ нормъ, но во

всякомъ случаѣ хозяиномъ общественнаго «добра» являются по существу дѣла прежде всего сами общинники. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, хозяиномъ является «земскій» въ предположеніи, что онъ лучше знаетъ нужды «міра», чѣмъ самъ «міръ». Хорошо ли это, и насколько нужно,—пусть каждый судитъ по своему.

«Тавричане». Тавричанами на Сѣверномъ Кавказѣ называютъ выходцевъ изъ Таврической губерніи, занимающихся овцеводствомъ. И если въ степяхъ Сѣвернаго Кавказа вообще нѣтъ недостатка въ хищникахъ, то первое мѣсто среди нихъ по алчности, грубымъ и до крайности безцеремоннымъ пріемамъ опутыванія своихъ жертвъ, безспорно, принадлежитъ тавричанамъ. По словамъ «Донской Рѣчи», на Сѣверномъ Кавказѣ, тавричане начали появляться со своими отарами овецъ въ началѣ 80-хъ годовъ, когда въ Таврической губерніи значительно сократился просторъ степей, необходимый для широко поставленнаго овцеводства. Въ то время на Сѣверномъ Кавказѣ цѣны на земли стояли еще довольно низкія, напр., въ кубанской и терской областяхъ десятина черноземной «цѣлины» продавалась не дороже 25—30 р., а арендная плата выше одного рубля за десятину и не доходила, благодаря чему большая часть мѣстныхъ частновладѣльческихъ земель и была закуплена тавричанами, а такъ называемые запасные станичные надѣлы очутились у нихъ въ долгосрочной арендѣ. Сдѣлавшись, такимъ образомъ, «земельными господами», тавричане на первыхъ же порахъ постарались поставить себя во враждебныя отношенія къ мѣстному коренному населенію—казакамъ и сельскимъ жителямъ; захватывая общественныя станичныя земли, они въ тоже время заводили въ судахъ безконечныя тяжбы о нарушеніи станичниками границъ ихъ земельныхъ владѣній; производя громадные потравы станичныхъ «покосовъ» и хлѣбныхъ полей, они за ничтожныя потравы на своихъ земляхъ скотомъ станичниковъ брали слишкомъ большіе штрафы или же загоняли захваченный скотъ въ свои хутора—«экономіи» и т. д. Съ арендуемыми землями тавричане также мало церемонились—брали съ нихъ и изъ нихъ все, что только можно взять, а взамѣнъ ничего не давали: молодыя рощи, лѣса сводились на нѣтъ, а сами земли выпахивались до полнаго истощенія или вытаптывались громадными стадами овецъ такъ, что потомъ на нихъ, кромѣ репейника и густого бурьяна, долгіе годы ничего на родилось. Протесты станичниковъ противъ хищничества тавричанъ въ большинствѣ случаевъ не давали положительныхъ результатовъ, вслѣдствіе чего въ борьбѣ съ этими хищниками они все чаще и чаще начали прибѣгать къ своимъ «средствіямъ»; съ своей стороны тавричане въ долгу не оставались, и сплошь да рядомъ въ столкновеніяхъ этихъ двухъ элементовъ дѣло доходило, да и теперь доходитъ до кровавыхъ расправъ. Благодаря этому, и понынѣ тавричанинъ для станичника и сельскаго жителя является синонимомъ темной силы, и о добрыхъ сосѣдскихъ отношеніяхъ между ними не можетъ быть и рѣчи.

Но станичные и сельскіе жители еще не лишены возможности такъ или иначе бороться съ алчностью тавричанъ, но чье положеніе въ этомъ отноше-

нія остается безпомощнымъ, такъ это положеніе того пришлаго рабочаго люда, который имѣетъ несчастье наниматься къ тавричанамъ на «сроки», т.-е. закабаляться въ батраки на болѣе или менѣе продолжительное время. Тавричанинъ за 40—50 р. въ теченіе 5—6 мѣсяцевъ норовитъ изъ батрака выжать всѣ его силы и все здоровье. Батракъ вѣчно въ работѣ, никогда онъ не знаетъ отдыха, даже праздниковъ нѣтъ для него. Особенно тяжела работа батрака въ лѣтнюю пору, когда завезенный въ степь верстъ за 100—150 отъ жилого мѣста, онъ, подъ присмотромъ хозяина или его приказчика, то печется подъ знойными лучами южнаго солнца, то мокнетъ подъ холоднымъ дождемъ, изнемогая подъ непосильной работой. Заболѣетъ онъ—ему некому помочь, да это и не считается нужнымъ; приходится отлеживаться въ балаганѣ или подъ стогомъ сѣна, выслушивая градъ грубыхъ ругательствъ хозяина, упрекающаго его въ лѣни и притворствѣ. Выдержала натура,—опять батракъ запрягается въ ту же постылую работу, а умеръ—туда ему и дорога—свезутъ въ ближайшую станицу и похоронятъ на кладбищѣ, а то, такъ просто закопаютъ тутъ же въ степи... Бросить ненавистную работу, уйти изъ экономіи батраку нельзя, такъ какъ хозяинъ, не прибѣгая къ законному суду, расправится съ нимъ по своему, а эта расправа бываетъ слишкомъ жестокой: уголовныя хроники владикавказскаго, екатеринодарскаго и ставропольскаго окружныхъ судовъ нерѣдко даютъ потрясающія картины этой жестокости. Особенно же тяжело положеніе тѣхъ батраковъ, которые не имѣютъ при себѣ паспортовъ: вѣчно находясь подъ страхомъ быть преданными въ руки полиціи и начать длинное путешествіе на родину по тюрьмамъ и этапамъ, они волей-неволей принуждены терпѣть свою горькую участь до удобнаго случая, когда представится возможность бѣжать отъ хозяина.

Въ денежныхъ разсчетахъ съ рабочими тавричане сплошь и рядомъ практикуютъ обсчитыванія и всевозможныя плутни. Хотя рабочими и предъявляются къ нимъ въ мировые суды иски объ уплатѣ заработанныхъ денегъ, однако, имъ не всегда представляется возможность доказать справедливость этихъ исковъ, такъ какъ при наймѣ батраки не заключаютъ съ тавричанами никакихъ письменныхъ условій, да и когда ихъ заключать, если наемъ на работу совершается при неизбѣжномъ «могарычѣ», на который наниматель не скупится.

По словамъ одной изъ кавказскихъ газетъ, тавричане, въ виду недостатка степей для овцеводства на Сѣверномъ Кавказѣ, намѣреваются перекочевать въ Туркестанскій край. Если это сообщеніе вѣрно, то—замѣчаетъ «Донская Рѣчь»—остается пожелать имъ счастливаго пути, такъ какъ мѣстное населеніе, кромѣ зла и вреда отъ нихъ, ничего хорошаго не видѣло и не видитъ.

Изъ школьныхъ воспоминаній. Если газеты устали уже мечтать на темы о постановкѣ школьнаго дѣла въ будущемъ, если о современной школѣ онѣ вообще говорятъ мало и неохотно, то воспоминанія о школьной жизни въ прошломъ, хотя бы и очень недалекомъ, продолжаютъ то здѣсь, то тамъ появляться на газетныхъ столбцахъ. Въ «Сѣверномъ Краѣ», напримѣръ, напе-

чатаны интересныя воспоминанія о небольшой провинціальной гимназіи, въ которой было всего 160 учащихся.

«Пріѣхалъ къ намъ однажды ревизоръ,—разсказываетъ авторъ. Наши учителя—въ регаліяхъ и какъ то странно измѣнились, что особенно сказывалось въ обращеніи съ нами. Насъ вѣжливо просили, даже умоляли получше въ это время учить уроки. Какъ теперь помню: входитъ ревизоръ къ намъ въ классъ, начинаетъ спрашивать и останавливается на мнѣ.

— Вы какого происхожденія? — вдругъ спрашиваетъ ревизоръ, обращаясь ко мнѣ.

Вопросъ былъ для меня совершенно неожиданный и, пожалуй, даже не совсѣмъ понятенъ.

Кой-какъ удалось установить, что я—сынъ мѣщанина. Боже, что сдѣлалось съ физіономіей петербургскаго ревизора, когда онъ услышалъ, что я—сынъ мѣщанина!

— На какомъ основаніи онъ въ гимназіи? — шипѣлъ ревизоръ, уже не смотря на меня, а только тыча пальцемъ по тому направленію, гдѣ должна находиться моя персона...

Изъ дальнѣйшаго разговора ревизора съ директоромъ я понялъ только, что поступилъ въ гимназію ранѣе чего-то. Навсегда останется въ памяти эта сцена. Было и больно, и обидно. На глазахъ слезы. Почему же мнѣ нельзя быть въ гимназіи? Что мой отецъ сдѣлалъ такое позорное? Подобные вопросы неслись въ моей головѣ. Теперь то я знаю, почему разсердился ревизоръ, увидѣвъ меня на гимназической скамьѣ».

При своемъ поступленіи въ гимназію, авторъ засталъ въ ней еще нѣсколько талантливыхъ и опытныхъ педагоговъ. Но скоро на смѣну имъ явились молодые педагоги-чиновники, и въ школѣ водворилась мертвечина и ложь, насквозь пропитавшая гимназію. Лгали учителя, лгали передъ собой и передъ учениками, лгали и ученики. Правдивость и искренность старательно изгонялись изъ школы. «Мы смотрѣли на учителей, какъ на мучителей, а они на насъ, какъ на преступниковъ. Все должно было согласоваться съ предписаніями и циркулярами. А какъ? Надъ этимъ не задумывались».

Особенно памятна автору фигура учителя латинскаго языка, бывшаго въ то же время инспекторомъ.

За его строптивый нравъ прозвали его «Барсомъ». Время его инспекторства всѣмъ памятно. Карцеръ былъ всегда занятъ. Гимназисты каждую минуту должны были быть готовыми сѣсть въ карцеръ, потому что никто не зналъ, чего отъ насъ требуютъ. Требованія эти доходили иногда до курьезовъ.

Одинъ близорукій гимназистъ шелъ однажды ко всенощной. Дѣло было осенью. На улицѣ темно, несмотря на фонари. Вдругъ около панели останавливается пролетка, съ которой сходитъ какой то господинъ.

— А, чего это ты, братецъ, не кланяешься, когда инспекторъ ѣдетъ?

Это былъ Барсъ.

— Виноватъ, я не видѣлъ; темно; я близорукъ, — лепеталъ озадаченный гимназистъ.

— Чего тутъ темно, близорукъ! Не слышишь развѣ, что моя линейка (экипажъ)?

Мы должны были даже знать инспекторскую линейку.

Со мной былъ такой случай. Купилъ я въ магазинѣ доску для выпиливанія рамокъ. Иду съ доской домой. Слышу, визжитъ инспекторская линейка. Снимаю фуражку.

— Чего это ты съ палками по улицѣ болтаешься?

— Это—не палка, а доска, господинъ инспекторъ.

— Какая, такая тамъ еще доска. Зачѣмъ?

Я даю объясненіе.

— А, это можно,—послышался отвѣтъ, и инспекторская линейка затрещала еще сильнѣе».

Такъ жилось въ гимназіи, и, во всякомъ случаѣ, не лучше чувствовали себя и семинаристы. Вотъ что разсказываетъ о своихъ семинарскихъ годахъ сотрудникъ «Забайкалья»:

«Никого мы такъ не боялись, какъ инспектора М—ва; во-первыхъ, онъ сильно и больно билъ, а во-вторыхъ, безъ вины часто оставлялъ безъ обѣда и ужина. Безъ обѣда онъ оставлялъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Бѣдный ученикъ уже не могъ на кухнѣ достать чего-нибудь поѣсть послѣ общаго обѣда. Это все еще ничего. Но въ одно прекрасное время г. М—въ объявляетъ, что онъ приказываетъ всѣмъ ученикамъ приходить къ нему по одиночкѣ и разсказывать свои грѣхи!.. Ослушаться было невозможно. Помню хорошо, какъ былъ я самъ на этой самой «исповѣди». Захожу; инспекторъ стоитъ у стола.

— Ну, говори, въ чемъ грѣшенъ?

Молчу.

— Говори! Тебѣ говорятъ!

— На базаръ безъ спросу бѣгалъ,—едва слышно отвѣчаю я.

Записываетъ въ толстую тетрадь.

— На кухню бѣгалъ за ржаными сухарями, — продолжаю я также тихо исповѣдываться.

— Ну, а еще что?—кричитъ исповѣдникъ.

Молчу.

— А не знаешь ли, какъ меня дразнятъ?

Молчу.

— А не писалъ ли записокъ прогимназисткамъ? — продолжается допросъ.

— Нѣтъ.

«Далѣе слѣдовало еще много вопросовъ. Эти исповѣди бывали иногда передъ настоящею исповѣдью, а иногда тотчасъ же послѣ нея. Какъ это ни грустно, а приходилось мириться. Сыскныя наклонности «исповѣдника» до того были развиты, что когда мы съ товарищемъ жили на квартирѣ, то и тамъ онъ не оставлялъ насъ въ покоѣ: однажды пріѣхалъ къ намъ, перерылъ все въ ящикахъ, забралъ тетради, книжки, которыхъ такъ до сихъ поръ и не отдалъ. А билъ такъ жестоко, что, пожалуй, теперь никто не повѣритъ. Двумъ братьямъ Малыше-

вымъ чуть не оторвалъ уши, а нѣкоего Казанцева едва не зашибъ объ лавку. Собрались было мы писать жалобу, да раздумали. Сподвижникомъ педагога былъ нѣкто Ф. М. В—овъ. Съ хитрымъ лисьимъ лицомъ, мягкой кошачьей походкой, онъ умѣлъ ловить учениковъ и... умѣлъ наказывать. Я бывало знаю урокъ хорошо, но все-таки въ брюки на колѣна подкладываю тряпки, чтобы было мягче стоять на нихъ. Я былъ не любимъ имъ, поэтому и знаніе не спасало. Во время урока пѣнія только смычокъ свисталъ и гудѣлъ въ воздухѣ, а затѣмъ обрушивался на головы и руки нелюбимыхъ. А любимцы его были: нѣкто Пр—овъ Н. и др.; первый учился плохо, но не былъ наказываемъ. Съ грѣхомъ пополамъ кончилъ я курсъ и навсегда распрощался съ милыми моими воспитателями.

«Были два учителя очень хорошіе, которые не только не позволяли себѣ бить ученика, но даже и не наказывали, но эти два субъекта не сентиментальничали съ нами, а просто относились по-человѣчески, и мы ихъ больше уважали и цѣнили. Бывало придешь изъ церкви усталый, разбитый, а тутъ кричатъ: «стройся!» Встаешь въ ряды, глядишь—бѣжитъ М—въ, становится лицомъ къ намъ и начинаетъ угощать длинной рѣчью часа два. И эти рѣчи почти ежедневно! Въ залѣ—пыль, духота, громкая, бичующая наши фиктивныя пороки, рѣчь инспектора—такъ все и гонитъ на улицу поиграть, а нельзя. И клянешь поневолѣ своихъ воспитателей, бурсацкую жизнь съ ея мертвыми языками.

«Да, вотъ какое воспитаніе мы получали въ концѣ XIX вѣка».

Изверженіе грязнаго вулкана на Кавказѣ. Къ сѣверо-западу отъ с. Коби, Бакинскаго уѣзда, въ 2 верстахъ отъ него, находится гора «Гузы-Гранъ». Гора эта, высотою около 300 саж., вулканическаго происхожденія, такъ какъ не разъ изъ вершины ея происходили изверженія, о чемъ, по словамъ «Каспія», свидѣтельствуетъ и сейчасъ находящаяся по уклонамъ ея застывшая во многихъ мѣстахъ лава. Такіе грязные вулканы или сопки мѣстные татары зовутъ «ахтарма», вслѣдствіе чего и гора, недалеко отъ сел. Коби, именуется «Гузы-Гранъ ахтармаси». Извѣстно, что такихъ «ахтарма» много по всему побережью Каспійскаго моря и въ частности въ Бакинскомъ уѣздѣ на отдѣльныхъ возвышенностяхъ около ст. Пута («Алладжанъ ахтармаси» и др.). Изъ этихъ грязныхъ вулкановъ по временамъ извергаются песокъ и камни и показывается огненное пламя, но такъ какъ по близости ихъ нѣтъ жилыхъ поселеній, то этого рода явленія природы въ Бакинскомъ уѣздѣ проходятъ мало замѣтными, не причиняя никакого вреда. Но на этотъ разъ изверженіе «Гузы-Гранъ ахтармаси» было не изъ такихъ и имѣло болѣе серьезныя послѣдствія. Изверженіе это произошло какъ разъ въ полдень 15-го мая. Воздухъ сразу огласился страшнымъ шумомъ и громомъ на подобіе выстрѣла изъ орудія, моментально все окружающее покрылось густой пылью, вслѣдъ за которой показалось огромное огненное зарево, словно рѣкой полившееся изъ вершины горы. Въ одинъ мигъ вся ближайшая окрестность была объята пламенемъ, которое къ тому-же несло съ собой и разбрасывало горячій песокъ и большіе камни. Въ это время у

За мѣсяцъ. Особымъ совѣщаніемъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности опубликована програма вопросовъ, которые должны служить предметомъ ближайшихъ работъ совѣщанія.

Какъ видно изъ этой програмы, особое совѣщаніе основной своей задачей считаетъ улучшеніе сельскохозяйственной и экономической техники, около вопросовъ которой и сосредоточены всѣ намѣченные совѣщаніемъ 27 пунктовъ програмы. Впрочемъ, особое совѣщаніе не считаетъ эту програму исчерпывающей свою работу и предоставляетъ мѣстнымъ дѣятелямъ въ губернскихъ и уѣздныхъ комитетахъ пополнять ее новыми темами и вопросами. Въ виду этого мнѣнія мѣстныхъ дѣятелей о предстоящей совѣщанію работѣ пріобрѣтаютъ особенный интересъ.

Постановленіе саратовскаго земскаго собранія, говоритъ «Сарат. Листокъ», состоялось по поводу обширнаго и обстоятельнаго доклада губернской управы, указывавшей на громадное общегосударственное значеніе работъ особаго совѣщанія и на необходимость непосредственнаго участія земствъ въ его занятіяхъ. Собраніе постановило: во-1-хъ, представить особому совѣщанію свои соображенія по поводу нуждъ сельскохозяйственной промышленности Саратовской губерніи и, во-2-хъ, возбудить передъ министерствомъ финансовъ ходатайство о приглашеніи представителя саратовскаго земства, по выбору собранія къ участію въ работахъ особаго совѣщанія.

Цѣнный докладъ на ту же тему о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности представила курскому чрезвычайному, губернскому собранію курская губернская управа. Не останавливаясь на частностяхъ, лишь загораживающихъ основной вопросъ о нуждахъ сельскаго хозяйства, управа указывала на необходимость цѣлой системы коренныхъ улучшеній, которыя невозможны, пока крестьянинъ остается безъ правъ, безъ знаній, безъ капитала и орудій производства, а существующій сельскій порядокъ не даетъ воспитаться ни иниціативѣ, ни привычкѣ къ самосостоятельности. Собраніе признало пока преждевременнымъ баллотировать самый докладъ по существу и постановило, прежде всего, ходатайствовать о допущеніи къ участію въ работахъ особаго совѣщанія выборныхъ представителей земства.

— Неопредѣленное положеніе, въ какомъ находился со времени отставки генерала П. С. Ванновскаго вопросъ о школьной реформѣ, теперь вполнѣ разрѣшается нижеслѣдующимъ Высочайшимъ рескриптомъ, даннымъ 10-го іюня на имя управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія Г. Э. Зенгера:

«Григорій Эдуардовичъ. Назначивъ васъ управлять министерствомъ народнаго просвѣщенія, Я возложилъ на васъ въ числѣ важнѣйшихъ обязанностей задачу разработать и представить на Мое утвержденіе черезъ государственный совѣтъ проекты преобразованія средней школы и высшихъ учебныхъ заведеній. Дабы при выполненіи этой работы воспользоваться тѣмъ, что Я призналъ полезнымъ въ предположеніяхъ вашихъ ближайшихъ предмѣстниковъ, Мною разрѣшено вамъ подвергнуть новому разсмотрѣнію составленные ими проекты, касающіеся средней школы. Независимо отъ сего признаю нужнымъ преподать нѣкоторыя руководительныя указанія. Прежде всего подтверждаю Мое требованіе,

*

чтобы въ школѣ съ образованіемъ юношества соединялись воспитаніе его въ духѣ вѣры, преданности престолу и отечеству и уваженія къ семьѣ, а также забота о томъ, чтобы съ умственнымъ и физическимъ развитіемъ молодежи пріучать ее съ раннихъ лѣтъ къ порядку и дисциплинѣ. Школа, изъ которой выходитъ юноша съ одними лишь курсовыми познаніями, не сродненный религіозными-нравственнымъ воспитаніемъ съ чувствомъ долга, съ дисциплиной и съ уваженіемъ къ старшимъ, не только не полезна, но часто вредна, развивая столь пагубныя для каждаго дѣла своеволіе и самомнѣніе. Для указанной Мною цѣли слѣдуетъ немедленно позаботиться о томъ, чтобы постепенно въ столицахъ и губернскихъ городахъ были устраиваемы воспитательные пансіоны при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, строго подбирая для воспитательнаго дѣла наилучшихъ людей и отнюдь не допуская къ нему лицъ, неподготовленныхъ къ указаннымъ Мною задачамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я считаю необходимымъ разработку вопроса о лучшемъ матеріальномъ обезпеченіи лицъ, призванныхъ нести учебную и воспитательную службу. Относительно устройства школы, Я желаю, чтобы она была трехъ разрядовъ: низшая съ законнымъ курсомъ образованія, средняя школа разныхъ типовъ, также съ законченнымъ образованіемъ и средняя съ подготовительнымъ для университета курсомъ школа. Что касается университетовъ, то послѣ печальнаго опыта минувшихъ лѣтъ, Я ожидаю отъ учебной администраціи и профессоровъ сердечнаго и предусмотрительнаго участія къ духовному міру ввѣренной ихъ попеченіямъ молодежи. Да помнятъ они, что во всѣхъ случаяхъ сомнѣній, борьбы и увлеченій молодежь въ правѣ искать и находить въ своихъ руководителяхъ недостающихъ ей—опыта, стойкости убѣжденій и сознанія зависимости иногда цѣлой жизни отъ одной минуты безразсуднаго увлеченія. Родительскому сердцу Моему было отрадно узнать, что значительное большинство студентовъ въ концѣ нынѣшняго учебнаго года въ самостоятельномъ сознаніи своего долга вернулись къ учебнымъ занятіямъ и порядку. Я хочу вѣрить, что послѣ лѣтняго отдыха и успокоеннаго обращенія къ своей совѣсти, а также подъ благотворнымъ вліяніемъ родителей и близкихъ, учащаяся молодежь внемлетъ Моему голосу, призывающему ее вмѣстѣ со всѣми Моими вѣрноподданными подъ сѣнь труда и законности. Безпорядкамъ, позорящимъ науку и университеты, которыми въ прежнее время справедливо гордилась Россія, и губящимъ столько дорогихъ отечеству и Мнѣ молодыхъ жизней, долженъ быть, во благо ввѣреннаго Мнѣ Богомъ народа, положенъ конецъ».

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукой написано:

«НИКОЛАЙ».

— Такъ какъ 11-го іюня с. г. истекъ срокъ дѣйствія Высочайшаго повелѣнія о средней общеобразовательной школѣ, то, какъ видно изъ опубликованнаго по этому случаю правительственнаго сообщенія, для устройства учебной части въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія на 1902—1903 учебный годъ, съ Высочайшаго соизволенія, въ маѣ 1902 года была образована особая коммиссія; въ составъ ея, подъ предсѣдательствомъ управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, вошли, въ качествѣ представителей отъ каждаго округа, по одному директору гимназіи и реальнаго учи-

подножья горы около имѣющагося здѣсь водопоя отдыхала баранта изъ нѣсколькихъ стадъ, принадлежащихъ жителямъ сел. Коби. Пламя вулкана моментально охватило баранту и несчастныя животныя въ страшномъ переполохѣ сами бросались въ огонь. Явленіе продолжалось всего 3—5 минутъ. Столь же быстро пламя прекратилось и лишь кое-гдѣ съ вершины сыпались песокъ и камни. Обезумѣвшіе отъ страха пастухи только послѣ этого увидѣли, какія тяжелыя послѣдствія имѣло происшедшее страшное явленіе природы; у подножія горы и недалеко въ оврагѣ лежала сотня труповъ обгорѣлыхъ барановъ; мѣстами несчастныя животныя корчились въ предсмертныхъ судоргахъ; оставшіеся въ живыхъ бараны метались въ разныя стороны отъ испуга.

Въ послѣдній разъ изверженіе изъ этого грязнаго вулкана имѣло мѣсто, какъ говорятъ, лѣтъ 8 тому назадъ; бывали изверженія и раньше, но мѣстные старожилы не помнятъ, чтобы явленіе это сопровождалось такимъ страшнымъ взрывомъ и особенно подобнымъ огромнымъ пламенемъ, какъ теперь. Что-же касается до жертвъ, то рѣдко такое явленіе въ данной мѣстности не сопровождалось уничтоженіемъ того или другого количества мелкаго скота, откуда и названіе «Гузы-Гранъ ахтармаси» (вулканъ, уничтожающій барашковъ).

Непосредственно послѣ изверженія и слѣдующіе дни вся окрестность горы была сильно пропитана удушливыми газами, причемъ особенно слышался запахъ сѣры. Шумъ отъ взрыва и пламя были слышны и видны изъ сел. Коби, расположеннаго на низменности. Селеніе это отстоитъ отъ г. Баку 15—18 верстахъ.

Изверженіе Гузы-Гранъ ахтармаси произвело крайне удручающее впечатлѣніе на жителей Коби и другихъ селеній, которые, напуганные недавней шемахинской катастрофой, опасаются землетрясенія.

Русскіе рабочіе въ Пруссіи. Ежегодно съ наступленіемъ весны изъ привислянскаго края и изъ юго-западныхъ губерній въ Пруссію направляется за заработками множество сельскихъ рабочихъ, причемъ значительная часть ихъ уходитъ безъ паспортовъ. Явленіе это не разъ уже отмѣчалось и въ печати, и въ консульскихъ донесеніяхъ, причемъ во всѣхъ случаяхъ оно объяснялось несовершенствомъ дѣйствующей паспортной системы. Кое-какія мѣры для устраненія этого явленія были приняты русской администраціей, но ихъ очевидно недостаточно, такъ какъ уходъ рабочихъ безъ паспортовъ продолжается. На одинъ весьма существенный и до сихъ поръ еще не устраненный недостатокъ паспортной системы указываетъ теперь въ газетѣ «Kraj» г. Мейштовичъ, котораго мы цитируемъ здѣсь въ изложеніи «Русскихъ Вѣдомостей».

Вкратцѣ исторія измѣненій въ выдачѣ паспортовъ уходящимъ въ Пруссію рабочимъ такова. По русско-германскому трактату 1894 г., рабочимъ принадлежало право пребыванія въ предѣлахъ Германіи съ начала полевыхъ работъ по 1-е декабря. Однако, съ этимъ правомъ не согласовалась русская паспортная практика, согласно которой рабочимъ выдавались безплатные паспорты (легитимаціонныя карты) только на недѣльный срокъ. Лишь въ 1897 г. на основаніи русско-германскаго соглашенія, русскія власти ввели выдачу безплатныхъ пас-

чтобы въ школѣ съ образованіемъ юношества соединялись воспитаніе его въ духѣ вѣры, преданности престолу и отечеству и уваженія къ семьѣ, а также забота о томъ, чтобы съ умственнымъ и физическимъ развитіемъ молодежи пріучать ее съ раннихъ лѣтъ къ порядку и дисциплинѣ. Школа, изъ которой выходитъ юноша съ одними лишь курсовыми познаніями, не сродненный религіозными-нравственнымъ воспитаніемъ съ чувствомъ долга, съ дисциплиной и съ уваженіемъ къ старшимъ, не только не полезна, но часто вредна, развивая столь пагубныя для каждаго дѣла своеволіе и самомнѣніе. Для указанной Мною цѣли слѣдуетъ немедленно позаботиться о томъ, чтобы постепенно въ столицахъ и губернскихъ городахъ были устраиваемы воспитательные пансіоны при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, строго подбирая для воспитательнаго дѣла наилучшихъ людей и отнюдь не допуская къ нему лицъ, неподготовленныхъ къ указаннымъ Мною задачамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я считаю необходимымъ разработку вопроса о лучшемъ матеріальномъ обезпеченіи лицъ, призванныхъ нести учебную и воспитательную службу. Относительно устройства школы, Я желаю, чтобы она была трехъ разрядовъ: низшая съ законнымъ курсомъ образованія, средняя школа разныхъ типовъ, также съ законченнымъ образованіемъ и средняя съ подготовительнымъ для университета курсомъ школа. Что касается университетовъ, то послѣ печальнаго опыта минувшихъ лѣтъ, Я ожидаю отъ учебной администраціи и профессоровъ сердечнаго и предусмотрительнаго участія къ духовному міру ввѣренной ихъ попеченіямъ молодежи. Да помнятъ они, что во всѣхъ случаяхъ сомнѣній, борьбы и увлеченій молодежь въ правѣ искать и находить въ своихъ руководителяхъ недостающихъ ей—опыта, стойкости убѣжденій и сознанія зависимости иногда цѣлой жизни отъ одной минуты безразсуднаго увлеченія. Родительскому сердцу Моему было отрадно узнать, что значительное большинство студентовъ въ концѣ нынѣшняго учебнаго года въ самостоятельномъ сознаніи своего долга вернулись къ учебнымъ занятіямъ и порядку. Я хочу вѣрить, что послѣ лѣтняго отдыха и успокоеннаго обращенія къ своей совѣсти, а также подъ благотворнымъ вліяніемъ родителей и близкихъ, учащаяся молодежь внемлетъ Моему голосу, призывающему ее вмѣстѣ со всѣми Моими вѣрноподданными подъ сѣнь труда и законности. Безпорядкамъ, позорящимъ науку и университеты, которыми въ прежнее время справедливо гордилась Россія, и губящимъ столько дорогихъ отечеству и Мнѣ молодыхъ жизней, долженъ быть, во благо ввѣреннаго Мнѣ Богомъ народа, положенъ конецъ».

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукой написано:

«НИКОЛАЙ».

— Такъ какъ 11-го іюня с. г. истекъ срокъ дѣйствія Высочайшаго повелѣнія о средней общеобразовательной школѣ, то, какъ видно изъ опубликованнаго по этому случаю правительственнаго сообщенія, для устройства учебной части въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія на 1902—1903 учебный годъ, съ Высочайшаго соизволенія, въ маѣ 1902 года была образована особая коммиссія; въ составъ ея, подъ предсѣдательствомъ управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, вошли, въ качествѣ представителей отъ каждаго округа, по одному директору гимназіи и реальнаго учи-

подножья горы около имѣющагося здѣсь водопоя отдыхала баранта изъ нѣсколькихъ стадъ, принадлежащихъ жителямъ сел. Коби. Пламя вулкана моментально охватило баранту и несчастныя животныя въ страшномъ переполохѣ сами бросались въ огонь. Явленіе продолжалось всего 3—5 минутъ. Столь же быстро пламя прекратилось и лишь кое-гдѣ съ вершины сыпались песокъ и камни. Обезумѣвшіе отъ страха пастухи только послѣ этого увидѣли, какія тяжелыя послѣдствія имѣло происшедшее страшное явленіе природы; у подножія горы и недалеко въ оврагѣ лежала сотня труповъ обгорѣлыхъ барановъ; мѣстами несчастныя животныя корчились въ предсмертныхъ судоргахъ; оставшіеся въ живыхъ бараны метались въ разныя стороны отъ испуга.

Въ послѣдній разъ изверженіе изъ этого грязнаго вулкана имѣло мѣсто, какъ говорятъ, лѣтъ 8 тому назадъ; бывали изверженія и раньше, но мѣстные старожилы не помнятъ, чтобы явленіе это сопровождалось такимъ страшнымъ взрывомъ и особенно подобнымъ огромнымъ пламенемъ, какъ теперь. Что-же касается до жертвъ, то рѣдко такое явленіе въ данной мѣстности не сопровождалось уничтоженіемъ того или другого количества мелкаго скота, откуда и названіе «Гузы-Гранъ ахтармаси» (вулканъ, уничтожающій барашковъ).

Непосредственно послѣ изверженія и слѣдующіе дни вся окрестность горы была сильно пропитана удушливыми газами, причемъ особенно слышался запахъ сѣры. Шумъ отъ взрыва и пламя были слышны и видны изъ сел. Коби, расположеннаго на низменности. Селеніе это отстоитъ отъ г. Баку 15—18 верстахъ.

Изверженіе Гузы-Гранъ ахтармаси произвело крайне удручающее впечатлѣніе на жителей Коби и другихъ селеній, которые, напуганные недавней шемахинской катастрофой, опасаются землетрясенія.

Русскіе рабочіе въ Пруссіи. Ежегодно съ наступленіемъ весны изъ привислянскаго края и изъ юго-западныхъ губерній въ Пруссію направляется за заработками множество сельскихъ рабочихъ, причемъ значительная часть ихъ уходитъ безъ паспортовъ. Явленіе это не разъ уже отмѣчалось и въ печати, и въ консульскихъ донесеніяхъ, причемъ во всѣхъ случаяхъ оно объяснялось несовершенствомъ дѣйствующей паспортной системы. Кое-какія мѣры для устраненія этого явленія были приняты русской администраціей, но ихъ очевидно недостаточно, такъ какъ уходъ рабочихъ безъ паспортовъ продолжается. На одинъ весьма существенный и до сихъ поръ еще не устраненный недостатокъ паспортной системы указываетъ теперь въ газетѣ «Kraj» г. Мейштовичъ, котораго мы цитируемъ здѣсь въ изложеніи «Русскихъ Вѣдомостей».

Вкратцѣ исторія измѣненій въ выдачѣ паспортовъ уходящимъ въ Пруссію рабочимъ такова. По русско-германскому трактату 1894 г., рабочимъ принадлежало право пребыванія въ предѣлахъ Германіи съ начала полевыхъ работъ по 1-е декабря. Однако, съ этимъ правомъ не согласовалась русская паспортная практика, согласно которой рабочимъ выдавались безплатные паспорты (легитимаціонныя карты) только на недѣльный срокъ. Лишь въ 1897 г. на основаніи русско-германскаго соглашенія, русскія власти ввели выдачу безплатныхъ пас-

портовъ двухъ видовъ, срокомъ на одинъ мѣсяцъ во всякое время года и на восемь мѣсяцевъ—съ 1-го апрѣля по 1-е декабря. И если до введенія правилъ 1897 г. рабочіе пребывали въ Пруссіи въ теченіе всего сезона земледѣльческихъ работъ съ недѣльными легитимаціонными картами, чѣмъ обусловливалось ихъ безправное положеніе за границей, то для оченъ многихъ рабочихъ дѣло обстоитъ нисколько не лучше и теперь, потому что необходимость заставляетъ ихъ отправляться за границу къ началу земледѣльческихъ работъ, т. е. гораздо ранѣе 1-го апрѣля; такимъ образомъ рабочіе, выбравъ одномѣсячные паспорты и оставаясь съ ними въ Пруссіи до окончанія полевыхъ работъ, опять попадаютъ въ совершенно безправное положеніе и полную зависимость отъ произвола хозяевъ и прусской администраціи. Подъ постоянной угрозой выселенія рабочіе принуждены терпѣливо переносить всякаго рода притѣсненія со стороны хозяина, безпрекословно соглашаться на наложеніе штрафовъ за малѣйшую и часто мнимую неисправность въ работѣ, довольствоваться весьма скуднымъ пищевымъ пайкомъ, и т. под. При всякомъ выраженіи неудовольствія, при малѣйшей попыткѣ отстоять свои законныя права, рабочій подвергается немедленному выселенію изъ Пруссіи, какъ неимѣющій паспорта.

Тѣмъ не менѣе, эти весьма существенныя неудобства, усугубляемыя еще перспективой этапнаго слѣдованія на родину, повидимому, нисколько не уменьшаютъ числа рабочихъ, уходящихъ за границу по одномѣсячнымъ легитимаціоннымъ картамъ. Даже болѣе того, газеты констатируютъ массу случаевъ совершенно нелегальнаго ухода рабочихъ за границу,—безъ всякихъ паспортовъ. Надо думать, что при этомъ рабочіе руководствуются тѣмъ соображеніемъ, что если выборка одномѣсячнаго паспорта, связанная съ родомъ формальностей, не гарантируетъ отъ безправнаго положенія за границей, то положеніе рабочаго, которому удалось пробраться черезъ границу безъ паспорта, на дѣлѣ будетъ нисколько не хуже того, въ какое попадаетъ обладающій одномѣсячной легитимаціонной картой. Какъ бы то ни было, дѣйствующая паспортная система, преслѣдующая цѣли если не урегулированія, то регистраціи сезоннаго переселенческаго движенія въ Пруссію, не достигаетъ и этой цѣли. Помимо этого, она очень тяжело отзывается на интересахъ рабочихъ, которымъ посчастливится найти за границей заработокъ, отдавая ихъ всецѣло во власть произволу прусскаго помѣщика и полиціи. Причины, заставляющія крестьянъ изъ года въ годъ искать заработка за границей, коренятся въ общей весьма неудовлетворительной экономической обстановкѣ крестьянства, и потому паспортная система не можетъ служить средствомъ не только для уничтоженія этой эмиграціи, но даже для сколько-нибудь замѣтнаго сокращенія ея. Поэтому только такая паспортная система будетъ цѣлесообразной и соотвѣтствующей интересамъ крестьянъ, которая не будетъ создавать никакихъ препятствій для эмиграціи рабочихъ и до возможной степени облегчитъ процедуру выправки паспорта. Случаи ухода рабочихъ за границу безъ паспортовъ могутъ прекратиться только при томъ условіи, если паспортъ будетъ получаться быстро и безъ особенныхъ затрудненій и имѣть силу на весь срокъ пребыванія рабочаго за границей.

богатство, этотъ человѣкъ угасалъ одинъ-одинехонекъ вдали отъ Россіи, въ туманномъ Гринвичѣ, съ разбитой душой, съ разбитыми упованіями... Изъ всѣхъ когда-то многочисленныхъ друзей и поклонниковъ, лишь одинъ поспѣшилъ съ континента въ Англію, чтобы проститься съ умирающимъ и сдѣлать послѣднія распоряженія касательно похоронъ. То была дочь его неизмѣннаго друга Герцена, Наталья Александровна. Умирающій былъ еще въ сознаніи, когда она явилась въ Гринвичъ, узналъ свою дорогую «Тату», но вскорѣ впалъ въ безпамятство.

«Когда Николай Платоновичъ испустилъ послѣдній вздохъ,—пишетъ въ своей статьѣ г-жа Некрасова,—Наталья Александровна вручила англичанкѣ Мэри,—которая давно уже жила при Огаревѣ и ходила за нимъ,—необходимыя деньги на похороны и на всѣ неизбѣжные въ подобныхъ случаяхъ расходы, сама же не осталась дожидаться похоронъ, а, захвативъ всѣ «старыя тетради», отказанныя покойнымъ поэтомъ «дѣтямъ Герцена», простилась съ покойникомъ и поспѣшила уѣхать домой, предоставивъ «мертвымъ хоронить мертвыхъ». Ее пугало общество Мэри,—этой грубой, необразованный и довольно распущенной женщины, съ которой у Н. П. не могло быть ничего общаго; поэтому, чтобы избѣжать возможныхъ непріятностей, какихъ-нибудь неожиданностей, Н. А. поспѣшала уѣхать, какъ только въ Гринвичѣ не стало того, для котораго она пріѣхала съ континента.

«И мертвые хоронили мертвыхъ!

«*Одна* Мэри была при той торжественной минутѣ, когда нашего русскаго поэта опускали въ могилу на гринвическомъ кладбищѣ: greenvich burial board № 469. Ни экипажей, ни провожатыхъ, ни вѣнковъ, ни друзей, ни родныхъ ни знакомыхъ,—*одна* только Мэри составляла весь похоронный кортежъ»...

Къ еще болѣе далекимъ временамъ переноситъ насъ напечатанная въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» очень интересная замѣтка г. Безроднаго, подъ заглавіемъ «Кюхельбекеръ и Грибоѣдовъ». Оба имени эти настолько близки всякому, интересующемуся судьбами литературнаго и общественнаго развитія Россіи, что всякая подробность, касающаяся ихъ біографій представляетъ, несомнѣнно, большое значеніе; эпизодъ-же, разсказываемый г. Безроднымъ, извлекшимъ матеріалъ для своей замѣтки о Кюхельбекерѣ и Грибоѣдовѣ изъ дѣлъ главнаго военнаго суда 1829 года, является въ печати, если не ошибаемся, въ первый разъ; правда, приговоръ надъ Сергѣемъ Оболенскимъ, о которомъ у насъ сейчасъ будетъ рѣчь, былъ въ свое время опубликованъ въ «Сэнатскихъ Вѣдомостяхъ»; но мы говоримъ, конечно, о печати не спеціальной, а общей. Дѣло вотъ въ чемъ: въ 1823 году изъ елисаветградскаго гусарскаго полка былъ уволенъ отъ службы «за самовольную отлучку изъ полка» и разныя продерзости по отношенію къ начальнику дивизіи генералъ-лейтенанту Будбергу штабсъ-ротмистръ князь Сергѣй Сергѣевичъ Оболенскій. Дѣло этимъ, однако, не кончилось, и императоръ Николай въ декабрѣ 1826 года повелѣлъ выдержать Оболенскаго годъ въ динабургской крѣпости и затѣмъ отправить на Кавказъ рядовымъ въ Нижегородскій

драгунскій полкъ. Отсидѣвъ положенный ему срокъ, рядовой князь Оболенскій двинулся въ апрѣлѣ 1828 года въ Грузію, въ сопровожденіи урядника Аксюка. (Въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ» сказано Оксюка). Раздраженный ли, какъ утверждалъ Оболенскій впослѣдствіи, грубостями Аксюка, или подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, которыми насытили его при проѣздѣ черезъ Орелъ мѣстные гусарскіе офицеры, но только, по выѣздѣ изъ Орла, Оболенскій напалъ на Аксюка и поранилъ его принадлежавшей послѣднему саблей. За это Оболенскаго снова вернули въ Орелъ и тщательно обыскали. При обыскѣ въ его бумажникѣ было найдено безымянное письмо и два листка съ какими-то продолговатыми прорѣзами съ разставленными накрестъ буквами К. Н. Л. W. и т. д. Тутъ же были написаны и какія-то цифры. Власти всполошились, но Оболенскій упорно отказывался сказать, что это за письмо, а относительно листковъ показалъ, что они надписаны и прорѣзаны имъ безъ всякой цѣли. Тогда Оболенскаго послали на Кавказъ, а о дѣлѣ начато было слѣдствіе, которое выяснило, что найденное у Оболенскаго письмо написано Кюхельбекеромъ Грибоѣдову. По докладѣ обо всемъ этомъ государю, его величество повелѣлъ «имѣть за Оболенскимъ строжайшій присмотръ и допросить Кюхельбекера». Объ этомъ повелѣніи Бенкендорфъ увѣдомилъ главнокомандующаго отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ графа Паскевича-Эриванскаго и коменданта Динабургской крѣпости. Вскорѣ послѣ этого Бенкендорфъ представилъ государю докладную записку о результатахъ произведеннаго по дѣлу Оболенскаго разслѣдованія. Паскевичъ извѣщалъ, что Оболенскій остался при своемъ первоначальномъ показаніи, будто бы онъ не помнитъ, кто передалъ ему найденное у него письмо; динабургскій же комендантъ донесъ, что Кюхельбекеръ показалъ слѣдующее: «Статскій совѣтникъ Грибоѣдовъ былъ ему самымъ ближайшимъ и лучшимъ другомъ, коему онъ одолженъ въ особенности величайшемъ благодѣяніемъ, о коемъ онъ говоритъ въ концѣ письма, и чувства благодарности къ Грибоѣдову были единственною причиною, заставившею его стараться письменно напомнить о себѣ, и какъ онъ не могъ надѣяться получить позволеніе на написаніе ему письма, а какъ отправленіе Оболенскаго въ Грузію казалось ему единственнымъ средствомъ для извѣщенія Грибоѣдова о себѣ, то онъ рѣшился отдать письмо Оболенскому, который содержался въ одномъ зданіи съ нимъ, гдѣ, расположены арестантскія роты, занимая отдѣльную комнату, возлѣ занимаемой Кюхельбекеромъ, а обѣ комнаты имѣютъ выходъ въ одинъ общій малый коридоръ. Касательно найденныхъ у Оболенскаго двухъ бумажныхъ листковъ съ прорѣзанными отверстіями Кюхельбекеръ утвердительно объявилъ, что ему совершенно неизвѣстно, съ какой цѣлью имѣлъ ихъ при себѣ Оболенскій».

Письмо, изъ-за котораго загорѣлся сыръ-боръ, было самаго невиннаго содержанія и гласило слѣдующее:

«Я долго колебался, писать-ли къ тебѣ. Но, можетъ быть, въ жизни мнѣ не представится уже другой случай увѣдомить тебя, что я еще не умеръ, что люблю тебя попрежнему; и не ты-ли былъ лучшимъ моимъ другомъ? Хочу вѣрить въ человѣчество, не сомнѣваюсь, что ты—ты тотъ же, что мое письмо будетъ тебѣ пріятно: отвѣта не требую—къ чему? Прошу тебя, мой другъ,

лица. Въ своихъ работахъ коммиссія исходила изъ того положенія, что прекращеніе дѣйствія Высочайшаго повелѣнія 11-го іюня 1901 года само по себѣ предполагаетъ возстановленіе того порядка, который дѣйствовалъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ до 1901 года. Но, съ другой стороны, коммиссія полагала, что таковое возстановленіе закона возможно въ томъ лишь случаѣ, если дѣйствіе его будетъ согласовано съ совокупностью тѣхъ условій, въ которыхъ въ настоящее время находятся среднія учебныя заведенія, и если временное возвращеніе къ старому порядку совершится при полномъ вниманіи къ интересамъ учащихся. Исходя изъ этихъ соображеній, коммиссія высказалась за сохраненіе въ первыхъ двухъ классахъ гимназій на предстоящій учебный годъ строя, бывшаго въ предыдущемъ году; изученіе латинскаго языка предположено начать съ III-го класса, продолжая начатый курсъ природовѣдѣнія, а для 4-го класса, выработать двѣ таблицы уроковъ, на случай сохраненія гимназій двухъ разрядовъ, одну—съ обоими древними языками, другую—съ однимъ латинскимъ; изъ новыхъ же языковъ нѣмецкій начинать съ I-го, а французскій—съ II-го класса. Въ реальныхъ училищахъ почти все оставляется по старому.

Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія, куда поступили эти предположенія директоровъ среднихъ учебныхъ заведеній, внесъ въ нихъ нѣкоторыя существенныя поправки. Такъ, онъ полагаетъ необходимымъ возстановить въ гимназіяхъ преподаваніе греческаго языка въ IV-мъ классѣ, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что при устройствѣ учебной части на 1902—3 учебный годъ слѣдуетъ отнюдь не уклоняться отъ двухъ существующихъ типовъ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ что предположеніе коммиссіи о возможномъ третьемъ типѣ (гимназіи съ однимъ древнимъ языкомъ), какъ затрогивающее по существу и отчасти предрѣшающее общій вопросъ о будущей реформѣ, не должно бы подлежать обсужденію.

Заключеніе коммиссіи и мнѣніе ученаго комитета поступятъ на разсмотрѣніе совѣта министра народнаго просвѣщенія.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г-на министра внутреннихъ дѣлъ, Высочайше повелѣть соизволить: собираніе въ текущемъ году статистическихъ свѣдѣній о земельныхъ имуществахъ въ губерніяхъ: Бессарабской, Екатеринославской, Казанской, Курской, Орловской, Пензенской, Полтавской, Самарской, Симбирской, Тульской, Харьковской и Черниговской, прекратить, предоставивъ примѣненіе этой мѣры въ отдѣльныхъ сельскихъ мѣстностяхъ остальныхъ 22-хъ губерній усмотрѣнію начальниковъ губерній.

— 15-го мая виленскимъ военно-окружнымъ судомъ разсмотрѣно дѣло о Гиршѣ Давидовѣ Лекухѣ (онъ же Лекертъ и Лекеръ), преданномъ суду за покушеніе на убійство виленскаго губернатора, генералъ-лейтенанта фонъ-Валя. Военно-окружный судъ, признавъ Лекуха виновнымъ, приговорилъ его, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, къ смертной казни чрезъ повѣшеніе. Поданная осужденнымъ кассаціонная жалоба разсмотрѣна главнымъ военнымъ судомъ въ засѣданіи 21-го сего мая и оставлена безъ послѣдствій.

28-го сего мая приговоръ приведенъ въ исполненіе, въ порядкѣ ст. 963 и 964 уст. угол. суд., въ гор. Вильнѣ.

— 8-го іюня кіевскимъ военно-окружнымъ судомъ разсмотрѣно дѣло о крестьянинѣ с. Снагости, Снагостской волости, Рыльскаго уѣзда, Курской губерніи, Никитѣ Кузминѣ Чепегинѣ, преданномъ этому суду кіевскимъ, волынскимъ и подольскимъ генералъ-губернаторомъ. на основаніи п. 1 ст. 17 прил. I къ ст. 1 (примѣч. 2) устава о предупрежденіи и прес. преступленій изд. 1890 г. для сужденія по законамъ военнаго времени. Судъ призналъ его виновнымъ въ покушеніи на убійство отставного генералъ-лейтенанта Вейса, имѣвшемъ мѣсто 12-го мая этого года въ подъѣздѣ сада кіевскаго купеческаго собранія, причемъ самаго убійства не послѣдовало лишь по особымъ непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, а потому постановилъ: подвергнуть Чепегина за означенное преступное дѣяніе лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы срокомъ на двадцать лѣтъ съ послѣдствіями, указанными въ законѣ.

Приговоръ этотъ будетъ представленъ на утвержденіе кіевскаго, волынскаго и подольскаго генералъ-губернатора.

— Съ 20-го мая по 20 іюня въ пользу школы В. П. Острогорскаго въ Валдаѣ поступило въ контору редакціи:

Отъ Ив. М. Гревса (гонораръ за статью «В. П. Острогорскій какъ учитель») . , ...	75 р.
Отъ А. Г. Мейена изъ Буровщины	5 р.
Отъ служащихъ въ Щигровской женской прогимназіи	8 р.
Итого	88 руб.

Изъ русскихъ журналовъ.

(«Русская Мысль»—май; «Историческій Вѣстникъ»—май; «Новое Дѣло»—май).

Тридцать перваго мая текущаго года исполнилось двадцать пять лѣтъ со дня смерти талантливаго поэта и человѣка съ громкой въ свое время политической извѣстностью, Николая Платоновича Огарева. Объ этомъ обстоятельствѣ вспомнила г-жа Некрасова, посвятивъ покойному поэту въ майской книжкѣ «Русской Мысли» рядъ теплыхъ строкъ въ замѣткѣ, озаглавленной «О послѣднихъ годахъ жизни Н. П. Огарева». Намъ уже приходилось отмѣчать по другому поводу то грустное обстоятельство, что образъ такой замѣчательной личности, какъ Огаревъ, и тѣмъ болѣе всѣ далеко незаурядныя подробности его жизни еще далеки отъ того, чтобы на нихъ могъ быть пролитъ полный свѣтъ, но и кромѣ этого, приходится сказать, что мы простотаки мало интересуемся жизнью нашихъ замѣчательныхъ людей, мало знаемъ даже и изъ того, надъ чѣмъ уже утеряли свою силу всякія «не-зависящія обстоятельства». Многимъ ли извѣстны, въ самомъ дѣлѣ, потрясающія по своему трагизму послѣднія минуты жизни Огарева, нынѣ воспроизводимыя г-жею Некрасовою въ ея вышеупомянутой статьѣ? Человѣкъ, горячее сердце котораго представляло съ юности неизсякаемый родникъ любви къ родинѣ, человѣкъ, отдавшій всѣ свои силы на служеніе ей, пожертвовавшій для нея всѣмъ, что только могли доставить ему происхожденіе, связи и огромное

нашъ крестьянинъ. Да, увлеклись больнымъ, искалѣченнымъ матеріаломъ, а на здоровый никакого вниманія. Нечего сказать, остроумно!..»

Именно, «нечего сказать, остроумно!..» Обратите вниманіе, читатель, на подчеркнутую нами фразу въ разсужденіяхъ Нефедова.

Но Нефедовъ и за всѣмъ тѣмъ остается Нефедовымъ, писателемъ, имя котораго займетъ почетное мѣсто на страницахъ русской литературы,—его нельзя винить за непониманіе, повидимому, очень простыхъ вещей, ибо «не вліютъ вина новаго въ мѣхи старые», но что сказать о самомъ авторѣ воспоминаній о Нефедовѣ г. Васюковѣ? Тутъ уже «старыми мѣхами» ничего не объяснишь, ибо какъ разсказываетъ въ той же статьѣ самъ г. Васюковъ, его собственная литературная дѣятельность началась только въ восьмидесятыхъ годахъ, а надо искать какого-нибудь другого объясненія. Не угодно ли читателю прослушать собственную г. Васюкова характеристику того направленія, къ которому, какъ выше упомянуто, по извинительнымъ причинамъ отнесся отрицательно Нефедовъ? «Подошли 90-е годы, и въ русской литературѣ началось другое вѣяніе, обратное интересамъ къ «мужику». Фабричный бытъ, къ которому покойный относился отрицательно, получилъ въ литературѣ иное освѣщеніе, затѣмъ за фабрикой выступилъ босякъ, теперешній герой русской литературы. Города, развившіеся на счетъ мужика, многолюдные центры, стали рѣшать всѣ вопросы, не спрашивая деревни и не интересуясь послѣдней. Нѣкоторые, прямо отчаянные журналисты, объявили войну русской общинѣ, требуя ея уничтоженія, какъ консервативной и невѣжественной единицы. Такіе люди почему-то назвались марксистами, хотя Карлъ Марксъ *преклонялся передъ общиной и усматривалъ въ этой вѣковой русской формѣ земледѣлія и землевладѣнія блестящую будущность русскаго народа*».

И далѣе:

«Россія *безъ многомилліоннаго земледѣльческаго народа*—это въ родѣ того, что Китай безъ чая!»

Можно, конечно, подивиться смѣлости г. Васюкова, выступающаго съ обличеніями явленія, запасъ свѣдѣній о которомъ у него громко говоритъ самъ за себя, хотя бы только въ подчеркнутыхъ нами мѣстахъ его писанія, но можно отнестись къ этому и иначе: можно лишь указать читателю на живучесть невѣжества у нѣкоторыхъ писателей и идти себѣ своей дорогой. Это мы и сдѣлаемъ.

Переходя отъ воспоминаній о прошломъ, которыя заняли все наше обозрѣніе, къ какой-никакой, а все-таки современности, мы выпишемъ съ удовольствіемъ слѣдующія строки изъ майской книжки «Новаго Дѣла»:

«Франко-русскія торжества не обошлись безъ участія русской печати; правда, въ Петербургѣ эту печать представляли «Новое Время», «Биржевыя Вѣдомости», «Свѣтъ» и «Петербургская Газета», (авторъ, кажется, забылъ упомянуть еще «Гражданина»), а въ Москвѣ «Москов. Вѣдомости» да «Московскій Листокъ», но тѣмъ не менѣе былъ избранъ «комитетъ» (предсѣдательствовалъ А. С. Суворинъ), который, повидимому, французскіе журна-

листы такъ-таки и сочли за настоящій комитетъ печати, не предполагая, что его компетенція ограничивается трехдневнымъ срокомъ и правомъ на устройство раута. Какъ кулинарная, такъ и сценическая часть прошли превосходно. Но не обошлось и безъ эпизода скандальнаго свойства. Только что прибыли французскіе суда, какъ на одно изъ нихъ, обманувъ бдительный дозоръ, причалили два русскихъ журналиста и, представившись изумленному начальству судна, заявили о желаніи «комитета» имѣть у себя на раутѣ французскихъ офицеровъ. Имъ отказали—журналисты продолжали умаливать; начальству пришлось пожать плечами и... отвернуться. Объ этомъ съ наивною откровенностью повѣдалъ на страницахъ «Новаго Времени» одинъ изъ делегатовъ г. Ю Бѣляевъ, видимо, не находя въ своемъ поведеніи ничего конфузнаго для достоинства журналиста. Въ Москвѣ характерно то, что русскую печать здѣсь представлялъ г. Грингмутъ, и французы, вѣроятно, были увѣрены, что имѣютъ дѣло съ самымъ уважаемымъ и популярнымъ русскимъ журналистомъ. Удостоились они также поклониться праху скончавшаго въ это время редактора «Московскаго Листка» В. Н. Пастухова-сына. Конечно, почтить усопшаго, каковъ бы онъ ни былъ при жизни, всегда благопристойно. Но думается, что и здѣсь французскіе журналисты были не вполнѣ въ курсѣ дѣла, и едва ли они подозрѣвали, что на гробъ русскаго журналиста возложены были вѣнки отъ правленія товарищества *ресторана* «Эрмитажъ» и отъ владѣльца *кафешантана* Шарля Омона!»

Да, много траги-комическаго и просто комическаго представляло собою, по слухамъ,—говоримъ, по слухамъ, ибо ни мы и никто изъ нашихъ знакомыхъ писателей въ «торжествѣ», разумѣется, никакого участія не принимали,—это «единеніе» французскихъ и русскихъ, съ позволенія сказать, «представителей» общественнаго мнѣнія. Разсказываютъ, что одинъ изъ просвѣщенныхъ русскихъ журналистовъ, желая провозгласить на обѣдѣ тостъ за извѣстную m-me Аданъ, но, не зная хорошенько ея имени, замѣнилъ его болѣе знакомымъ «журналистикѣ» именемъ и провозгласилъ тостъ за m-me Анго... Не ручаемся за достовѣрность этого анекдота, но, что, при томъ личномъ составѣ который представлялъ передъ французами русскую литературу, такая «ошибка» была вполнѣ *возможна*,—можетъ ли быть въ этомъ хоть какое-нибудь сомнѣніе?.. Вѣдь была же рѣчь г. Грингмута въ Москвѣ,—и это уже не по слухамъ, а по сообщенію московскихъ газетъ,—покрыта бурными звуками... Марсельезы... Какъ тутъ не воскликнуть вмѣстѣ съ поэтомъ:

О, наша родина, Богомъ хранимая!
Сколько простора въ тебѣ необъятнаго,
Сколько таится въ тебѣ—о, любимая!
Непостижимаго и непонятнаго...

быть, если можешь, полезнымъ вручителю: онъ былъ вѣрнымъ товарищемъ твоего В... (т.-е., очевидно, Вильгельма) впродолженіи шести почти мѣсяцевъ; онъ утѣшалъ меня, когда мнѣ нужно было утѣшеніе. Онъ тебя увѣдомитъ, гдѣ я и при какихъ обстоятельствахъ. Прости! До свиданія въ томъ мірѣ, въ который ты первый вновь заставилъ меня вѣровать.

В. К».

За послабленіе арестантамъ, благодаря чему они могли встрѣчаться, коменданту динабургской крѣпости было сдѣлано замѣчаніе, Бюхельбекеръ, повидимому, именно за написаніе этого письма былъ переведенъ изъ динабургской крѣпости въ ревельскую цитадель, а дѣло объ Оболенскомъ аудитаріатскій департаментъ послалъ на заключеніе Паскевича. Послѣдній собственоручно написалъ, что полагалъ бы, «лиша Оболенскаго дворянскаго званія и княжескаго достоинства, сослать въ Сибирь въ каторжную работу на шесть лѣтъ и по прошествіи сего срока оставить тамъ на поселеніи».

Въ окончательной формѣ докладъ аудиторіатскаго департамента главнаго штаба гласилъ, что, признавъ Оболенскаго виновнымъ «въ причиненіи обнаженною саблею въ бокъ раны уряднику Аксюку, въ упорномъ сокрытіи полученія письма отъ государственнаго преступника Кюхельбекера для отдачи статскому совѣтнику Грибоѣдову, а также въ изъявленіи ропота на правительство», департаментъ, представляя все это на высочайшее усмотрѣніе, полагалъ: «его, Оболенскаго, лишивъ дворянства и княжескаго достоинства, также воинскаго званія, какъ вреднаго для службы и нетерпимаго въ обществѣ, сослать въ Сибирь на поселеніе». На этомъ докладѣ собственною его императорскаго величества рукою было написано: «быть по сему». Приговоръ надъ Оболенскимъ былъ приведенъ въ исполненіе.

Въ той же книжкѣ «Историческаго Вѣстника» достойна быть отмѣченною небольшая замѣтка г. Васюкова «Воспоминанія о Ф. Д. Нефедовѣ». Достойна она этого въ двухъ отношеніяхъ: положительномъ и отрицательномъ. Въ положительномъ, по причинѣ производящаго очень хорошее впечатлѣніе изображенія авторомъ чрезвычайно симпатичной личности покойнаго Нефедова, какъ человѣка, и въ отрицательномъ, въ качествѣ яркаго образчика того удивительно упорнаго непониманія нѣкоторыми писателями одного изъ общественно-литературныхъ направленій послѣднихъ лѣтъ.

Мы выпишемъ то мѣсто изъ статьи г. Васюкова, въ которомъ онъ изображаетъ дѣятельность Ф. Д. Нефедова въ качествѣ секретаря общества любителей россійской словесности. Съ его избраніемъ на эту должность жизнь общества чрезвычайно оживилась. «Публичныя засѣданія стали происходить еженедѣльно въ зданіи московскаго университета, вся московская интеллигенція мало-по-малу стала постояннымъ посѣтителемъ этихъ дѣйствительно живыхъ и въ высшей степени интересныхъ собраній. Популярность этихъ засѣданій дошла, наконецъ, до того, что не хватало въ большой залѣ университета мѣста для желающихъ, и билеты для входа на публичное засѣданіе общества разбирались заранѣе, доставаясь съ большимъ трудомъ. Я не стану говорить о той

пользѣ, которую непосредственно получала молодежь во время этихъ живыхъ общеній литературы съ публикой. Нефедовъ, этотъ беззавѣтный слуга и адептъ русской литературы, заставилъ молодежь и полюбить и интересоваться послѣдней. Литераторы тоже оживились и стали читать въ засѣданіяхъ общества свои новыя произведенія, послѣ чего они уже появлялись въ печати. Я помню, какъ ломилась публика, чтобы послушать разсказъ графа Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича», который авторъ далъ прочесть въ обществѣ... Знаменитый авторъ самъ не читалъ своего разсказа, а поручилъ прочесть А. С. Пругавину Огромное впечатлѣніе произвелъ тогда этотъ разсказъ на болѣе чѣмъ многочисленныхъ слушателей, изъ которыхъ многіе сидѣли по двое на одномъ стулѣ, всѣ окна были заняты студентами, народъ стоялъ за дверьми, желая услышать хоть что-нибудь... Повторяю, засѣданія общества притягивали къ себѣ людей и одно время въ секретарство Нефедова играли видную роль въ московскомъ интеллигентномъ мірѣ. Большой эффектъ въ тогдашніе дни произвелъ чтеніемъ своихъ воспоминаній покойный Гиляровъ-Платоновъ, мастерски прочитавшій интересные эпизоды... Въ громадной аудиторіи въ теченіе нѣсколькихъ часовъ раздавался дружный, искренній смѣхъ, и я, какъ теперь, помню лектора, оживленнаго и тоже смѣющагося безъ удержу. Свѣжесть и искренность чувствовалась въ этихъ засѣданіяхъ, главнымъ образомъ, успѣхомъ своимъ обязанныхъ Ф. Д. Нефедову, его энергіи и труду, котораго было не мало положено, чтобы поднять общество, которое столько лѣтъ мирно дремало и въ настоящее время снова обнаруживаетъ весьма слабые признаки жизни. Да, такого секретаря, какимъ былъ Нефедовъ, трудно найти, какъ трудно встрѣтить человѣка, такъ любившаго русскую литературу и буквально только и жившаго ея интересами».

Какъ писатель, Нефедовъ былъ вполнѣ «народникъ», а такъ какъ преобладающимъ настроеніемъ въ извѣстныхъ кругахъ общества было то же народничество, и къ тому же Филиппъ Діомидовичъ отличался далеко не зауряднымъ литературнымъ дарованіемъ, то онъ, естественно, являлся однимъ изъ наиболѣе популярныхъ выразителей извѣстнаго рода чаяній и ожиданій. Но вотъ на смѣну народничества явилось новое направленіе, въ литературѣ зазвучали совсѣмъ другія ноты, въ воздухѣ запахло чѣмъ-то совершенно инымъ. То, что произошло,—мы глубочайшимъ образомъ убѣждены въ этомъ,—внесло въ высшей степени свѣжую, *крѣпительную* струю въ положительно впадавшее въ прострацію общество,—вспомните типъ «восьмидесятника»,—но оно было страшно чуждо высокосимпатичнымъ, но всѣмъ своимъ существомъ сросшимся съ инымъ строемъ воззрѣній, людямъ, въ родѣ Нефедова, и они не увидѣли въ новомъ явленіи ничего, кромѣ какого-то болѣзненнаго упадка общества...

«— Ну, что, какое это общество?—говорилъ по поводу явленія, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, по словамъ г. Васюкова, покойный Нефедовъ:—вялое, индиферентное. Развѣ у него здоровые инстинкты?! Знаете, когда у человѣка испорченъ, развращенъ желудокъ, тогда онъ всякую пакость предпочитаетъ здоровой пищѣ. Теперь увлеклись босяками, фабричными, однимъ словомъ, народомъ больнымъ, жалкимъ, *неспособнымъ на то, что можетъ вынести*

Въ тѣ дни духъ либерализма былъ силенъ въ Англіи, и юные либералы чувствовали, что на нихъ лежитъ миссія, и они шли проповѣдывать свои идеи и заставляли людей слушать себя. Клубъ восьмидесятниковъ долженъ оставаться вѣренъ своему славному прошлому, сказалъ Кэмпбель Баннерманъ. Онъ долженъ приготовиться теперь къ новой борьбѣ съ наиболѣе утонченнымъ типомъ джингоизма, выражающемся въ имперіализмѣ, и это будетъ лучшимъ празднованіемъ совершеннолѣтія клуба. Положеніе теперь серьезнѣе, чѣмъ было во времена Гладстона и Биконсфильда. Биконсфильдъ стремился обезпечить Англіи преобладающее мѣсто въ совѣтѣ народовъ, но Чэмберленъ презираетъ Европу и желаетъ превратить Англію въ ядро совершенно изолированной отъ остального міра и самодовлѣющей британской имперіи, которая будетъ повелѣвать всей Европѣ своими тарифами, опираясь на свои шесть армейскихъ корпусовъ и громадный флотъ. Возрожденіе либерализма возможно лишь въ томъ случаѣ, если молодые его члены снова начнутъ компанію противъ такого чудовищнаго понятія объ имперіи. Реакціонное движеніе въ Англіи является результатомъ имперіализма, и сторонники либерализма обязаны употребить всѣ свои усилія, чтобы спасти свободу торговли и національное воспитаніе, которымъ угрожаетъ серьезная опасность въ образѣ новыхъ тарифовъ и новаго школьнаго законопроекта.

Либеральная англійская печать, конечно, подчеркнула это празднество и рѣчи либеральныхъ ораторовъ, указывая на то, что оно совпало съ заключеніемъ мира въ Южной Африкѣ. Еще не время подводить итоги войны, но, во всякомъ случаѣ, въ кружкахъ англійскаго либерализма уже проскальзываетъ надежда, что этотъ миръ, условія котораго до сихъ поръ еще не вполнѣ выяснены, подѣйствуетъ отрезвляющимъ образомъ на Англію. Она очнется отъ «угара имперіализма», и здоровыя силы націи снова возьмутъ верхъ.

Лондонъ переполненъ въ настоящее время разными политическими дѣятелями и представителями англійскихъ колоній и въ числѣ этихъ колоніальныхъ гостей особеннымъ вниманіемъ пользуется новозеландскій министръ президентъ Ричардъ Седдонъ, завзятый имперіалистъ. Но, помимо этого качества, Седдонъ возбуждаетъ всеобщій интересъ какъ настоящій самородокъ, всѣмъ обязанный только себѣ. Онъ родился въ Ланкаширѣ, гдѣ отецъ его, считавшійся очень образованнымъ человѣкомъ, былъ директоромъ школы, соотвѣтствующей нашей гимназіи. Но юный Седдонъ не извлекъ никакой пользы изъ своего привилегированнаго положенія, онъ не хотѣлъ учиться и 14-ти лѣтъ бѣжалъ изъ родительскаго дома. Сначала онъ поступилъ ученикомъ въ машиностроительную мастерскую, но жизнь въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ казалась ему слишкомъ скучной. Извѣстія о находкѣ золота въ Австраліи довершили остальное, и вотъ въ 1860 г. Седдонъ, которому было тогда 15 лѣтъ, нанялся матросомъ на судно, отходящее въ Австралію. Однако ему сначала не повезло въ профессіи золотоискателя и онъ снова поступилъ въ мастерскую. Такъ онъ проработалъ въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ колоній «Викторія» около 4-хъ лѣтъ, затѣмъ опять бросилъ свои инструменты и отправился добывать золото, на этотъ разъ въ Новую Зеландію. Тамъ ему счастье

улыбнулось и окончательно поселившись въ Новой Зеландіи, онъ скоро пріобрѣлъ вліяніе въ средѣ своихъ товарищей золотоискателей и въ мѣстныхъ политическихъ кружкахъ. Седдонъ былъ выбранъ ими депутатомъ въ парламентъ и такъ какъ онъ сдержалъ всѣ свои обѣщанія избирателямъ, то вліяніе его и значеніе усилились. Имѣя уже тридцать лѣтъ отъ роду и занимая выдающееся мѣсто въ колоніи, Седдонъ созналъ, что въ его образованіи существуютъ очень большіе пробѣлы, которые необходимо пополнить, чтобы быть государственнымъ дѣятелемъ. Онъ принялся учиться и въ теченіе десяти лѣтъ преодолѣлъ громадный трудъ, превратившись изъ неуча въ всесторонне образованнаго человѣка. Обладая желѣзною волей и недюжиннымъ умомъ, Седдонъ достигъ зенита власти въ Новой Зеландіи, гдѣ онъ пользуется безграничнымъ вліяніемъ. По убѣжденіямъ своимъ онъ соціалистъ. Новозеландія обязана ему введеніемъ всѣхъ прогрессивныхъ мѣропріятій, избирательнаго права женщинъ, третейскихъ судовъ во всѣхъ рабочихъ вопросахъ и т. д. Но во внѣшней политикѣ Седдонъ такой же крайній и убѣжденный сторонникъ британскаго имперіализма и благодаря ему Новая Зеландія оказала такую поддержку Англіи въ трансваальской войны. Седдонъ исходитъ изъ той идеи, что британскій флагъ служитъ лучшей гарантіей свободы и защитой отъ личнаго произвола и не мѣшаетъ странѣ развиваться и устраиваться по своему. Доказательствомъ служитъ Новая Зеландія. Но во всемъ остальномъ Седдонъ приверженецъ полной свободы дѣйствій и вслѣдствіе его вліянія Новая Зеландія отказалась вступить въ австралійскую федерацію и сохраняетъ свою безусловную самостоятельность.

Музей мира и войны. Въ Люцернѣ, въ прошломъ мѣсяцѣ, состоялось торжественное открытіе международнаго музея мира и войны, устроеннаго по мысли покойнаго варшавскаго финансиста Бліоха, автора извѣстнаго произведенія «Война будущаго съ точки зрѣнія технической, экономической и политической».

Покойный основатель этого единственнаго въ мірѣ музея хотѣлъ сосредоточить въ немъ всѣ факторы войны, наглядно показать постепенное развитіе военнаго дѣла, громадныя усовершенствованія военной техники и подтвердить такимъ образомъ взгляды, высказанные имъ въ его книгѣ, что война, при такихъ условіяхъ, должна быть очень не продолжительна и раньше окончанія должна привести къ банкротству воюющія государства, такъ какъ она потребуетъ громадныхъ затратъ и громаднаго войска.

Многими, однако, было высказано предположеніе, что музей этотъ болѣе заслуживаетъ названія музея войны, нежели мира. Онъ наглядно изображаетъ чудовищное развитіе военной техники. При чемъ же тутъ миръ? Гдѣ скрывается идея мира въ этомъ учрежденіи? Такого рода взгляды высказывались передъ самымъ открытіемъ музея, на торжество котораго съѣхались всѣ главные представители движенія мира въ Европѣ, Фредерикъ Пасси, раздѣлившій премію мира съ Дюнаномъ, Стэдъ, Берта Зуттнеръ и др. На это сынъ покойнаго основателя Генрихъ Бліохъ выразилъ въ своей рѣчи слѣдующее: «Дѣйствительно выставленныя картины и предметы, собранные въ этомъ музеѣ, имѣютъ

За границей.

Миръ и домашнія дѣла въ Англіи. Англичане переживаютъ въ настоящее время періодъ успокоенія по случаю заключенія мира. Какою бы дорогою цѣной ни былъ купленъ этотъ миръ, но въ данный моментъ никто объ этомъ не думаетъ и не подводитъ итоговъ войны, продолжавшейся 2½ года и стоившей стольких человѣческихъ жизней. У всѣхъ вырвался вздохъ облегченія, когда получено было извѣстіе, что кровопролитіе прекратилось, хотя многое еще не выяснено и многое возбуждаетъ сомнѣнія. Судя по англійскимъ телеграммамъ, въ Южной Африкѣ теперь разыгрываются трогательныя сцены примиренія между бурами и англичанами, и недавніе враги братаются между собой. Нѣкоторые англійскіе корреспонденты передаютъ, будто буры выражаютъ радость не только по случаю окончанія войны, но и по поводу того, что они теперь становятся «подданными англійской короны». Даже англійскія газеты находятъ такіе разсказы черезчуръ смѣлыми и предостерегаютъ корреспондентовъ не слишкомъ увлекаться собственною фантазіей. Какъ бы то ни было, но Англія теперь переживаетъ медовый мѣсяцъ мира, и поэтому всѣ южно-африканскія событія представляются ей пока въ розовомъ свѣтѣ. Англійская печать переполнена хвалебными гимнами бурамъ; англичане восхищаются ихъ характеромъ, превозносятъ ихъ добродѣтели и лойялизмъ, и это въ такихъ органахъ печати, которые раньше обвиняли ихъ въ томъ, что они ведутъ безчеловѣчную войну, и утверждали, что буровъ не надо щадить и что къ нимъ надо примѣнить самыя строгія репрессаліи, въ родѣ казни Шееперса и т. д. Однимъ словомъ, въ англійской печати въ данный моментъ замѣчается полнѣйшій переворотъ, вызванный, вѣроятно, желаніемъ облегчить примиреніе между двумя національностями въ Южной Африкѣ.

Однако, и тутъ существуютъ исключенія, къ числу которыхъ принадлежатъ капскіе имперіалисты, требующіе пріостановки дѣйствія капской конституціи. Какъ это ни странно, но въ капской колоніи существуетъ очень сильное движеніе въ пользу этой мѣры, и одинъ изъ капскихъ министровъ даже вышелъ въ отставку со спеціальною цѣлью, чтобы имѣть возможность предсѣдательствовать на митингахъ, устраиваемыхъ для пропаганды идеи о временной отмѣнѣ конституціи. Обыкновенно такіе митинги устраиваются для заявленія какихъ либо протестовъ, требованій расширенія индивидуальныхъ правъ и т. п. или же для распространенія идей свободы, а теперь, въ Капской колоніи, на нихъ требуется возстановленіе опеки правительства и отмѣна гражданскаго права. «Вотъ къ чему насъ привелъ имперіализмъ и слѣпая пристрастная политика!» восклицаетъ по этому поводу одна изъ либеральныхъ англійскихъ газетъ.

Король Эдуардъ нѣсколько разъ выражалъ желаніе, чтобы къ его корона-

ціи во всемъ его обширномъ государствѣ господствовалъ миръ. Въ Южной Африкѣ это удалось достигнуть, благодаря тому, что англичане не стали настаивать на прежнемъ требованіи Чэмберлена «безусловной сдачи». Очень возможно, что если бы Чэмберленъ сохранилъ въ силѣ свое прежнее вліяніе, то кровопролитіе продолжалось бы еще долгое время, и буры продолжали бы борьбу. Такъ или иначе, миръ теперь возстановленъ въ отдаленныхъ колоніяхъ британской имперіи, и даже на границахъ Индіи, населенныхъ воинственными племенами, теперь пока все спокойно. Но того же нельзя сказать объ Англіи. Ирландцы продолжаютъ свою агитацію, и результаты ея довольно значительны. Предстоявшія коронаціонныя торжества послужили толчкомъ къ усиленію національнаго движенія въ Ирландіи. Ирландскіе націоналисты подготовляли цѣлый рядъ демонстрацій, и въ Дублинѣ, напримѣръ, муниципалитетъ рѣшилъ не устраивать никакого празднества по случаю мира и даже дублинскій лордъ мэръ отклонилъ приглашеніе пріѣхать въ Лондонъ для участія въ коронаціонныхъ торжествахъ въ качествѣ королевскаго гостя. Кромѣ того, городской совѣтъ въ Дублинѣ запретилъ устройство дѣтскаго праздника въ Фениксъ-паркѣ, проектированнаго лойялистами, и не позволилъ закрывать школы на время коронаціоннаго торжества.

Ирландцы, разумѣется, находятся на сторонѣ буровъ, и не проходило дня, чтобы они не устроили какой-нибудь демонстраціи въ ихъ пользу. Такъ, напримѣръ, депутатъ Вуганъ требовалъ въ палатѣ общинъ, чтобы трехъ содержателей кабаковъ въ его округѣ лишили права торговать на томъ основаніи, что въ день празднованія покоренія мужественнаго народа, у котораго отняли свободу и страну!—эти трое кабатчиковъ украсили свою лавочку британскими флагами. Далѣе депутатъ требовалъ, чтобы правительство приняло мѣры, предупреждающія повтореніе подобныхъ манифестацій. Разумѣется, правительство отклонило самымъ рѣшительнымъ образомъ всѣ эти требованія депутата, вслѣдствіе чего ирландскіе націоналисты устроили демонстрацію въ самомъ парламентѣ.

Либеральный «клубъ восьмидесятниковъ» (Eighty Club) отпраздновалъ свое совершеннолѣтіе, т.-е. 21 годъ своего существованія. Этотъ клубъ съ той минуты, какъ онъ поднялъ свое знамя въ 1881 году, сдѣлался однимъ изъ главныхъ политическихъ учрежденій либеральной партіи и поддерживалъ ея идеи. Основатели этого клуба, молодые энтузіасты, такъ много потрудившіеся въ пользу распространенія либеральныхъ идей и съ пыломъ, свойственнымъ молодости, боровшіеся за распространеніе избирательныхъ правъ, теперь превратились въ солидныхъ государственныхъ дѣятелей, занявшихъ выдающееся мѣсто въ политической жизни государства. Правда, на торжествѣ совершеннолѣтія клуба не оказалось многихъ изъ его прежнихъ дѣятелей. Нѣкоторые сошли со сцены жизни, а другіе измѣнили своимъ прежнимъ взглядамъ. Такъ, напримѣръ, отсутствовалъ лордъ Розберри, перешедшій въ лагерь имперіалистовъ.

Предсѣдатель клуба сэръ Кэмпбелль Баннерманъ напомнилъ о славныхъ дняхъ «Мидлосіанской кампаніи», когда клубъ поддержалъ Гладстона, выступившаго противникомъ «агрессивной, чванной и наглой иностранной политики»

скорѣе воинственный характеръ, но развѣ этотъ музей все-таки не есть музей мира? Развѣ многіе посѣтители этого музея, наглядно убѣдившись въ преобладающемъ могуществѣ современнаго оружія, не придутъ, наконецъ, къ заключенію, что война при такихъ условіяхъ болѣе, чѣмъ когда-либо будетъ, имѣть преступный характеръ и почти становится невозможной!..»

Музей, распадающійся на нѣсколько отдѣловъ, иллюстрируетъ, съ одной стороны, эволюцію военнаго искусства во всѣхъ направленіяхъ, относительно вооруженія, снарядовъ и способовъ веденія войны, съ другой—онъ долженъ показать послѣдствія войны, ея непосредственное вліяніе на населеніе странъ, ведущихъ между собою войну, и общее вліяніе на цивилизованныя націи.

Честь открытія музея выпала на долю старика Пасси, который дрожащими руками перерѣзалъ шелковую ленту, закрывавшую входъ въ музей, и сказалъ, что онъ надѣется открыть двери въ будущій храмъ мира. «Пусть люди убѣдятся, наконецъ, что война сѣетъ войну,—воскликнулъ онъ,—что она одинаково вредна какъ побѣжденнымъ, такъ и побѣдителямъ и что на подготовленіе ея тратятся громадныя суммы, которыя исключительно тратятся на изысканіе наиболѣе усовершенствованныхъ способовъ убиванія людей, между тѣмъ какъ эти самыя суммы могли бы облагодѣтельствовать человѣчество, облегчить нужду и соціальныя бѣдствія и вмѣсто смерти принести людямъ жизнь!»

При музеѣ находится помѣщеніе, въ которомъ общество мира можетъ устраивать свои собранія.

Изъ дебрей Испаніи. Въ первыхъ числахъ іюня этого года въ Барселонѣ состоялись торжественныя похороны каталонскаго поэта Яцинто Вердагуэры, носившія, при существующихъ условіяхъ въ Испаніи, характеръ народной демонстраціи. Вердагуэръ былъ національный поэтъ, онъ писалъ свои произведенія на каталонскомъ нарѣчіи, но самое главное—онъ происходилъ изъ крестьянской семьи и принадлежалъ къ духовному званію. Родители его, простые земледѣльцы рабочіе, отдали его въ семинарію, гдѣ онъ скоро обратилъ на себя вниманіе своими способностями и нѣсколько разъ получалъ награду за свои стихи. Въ 1870 году онъ былъ посвященъ въ санъ священника, а въ 1877 году опубликовалъ свою знаменитую поэму «Atlantida», которая была переведена почти на всѣ европейскіе языки. Спустя шесть лѣтъ послѣ этого онъ получилъ премію за свою оду къ Барселонѣ, которая была издана на счетъ городского совѣта и отпечатана во множествѣ экземпляровъ.

Произведенія Вердагуэры составляютъ гордость Каталоніи, и похороны его были обставлены торжественно. Даже испанскій министръ просвѣщенія присутствовалъ на нихъ въ качествѣ представителя отъ правительства и говорилъ прочувствованную рѣчь, обращаясь къ толпѣ. Но при жизни бѣдный поэтъ испытывалъ только одни гоненія и нужду. Когда онъ заболѣлъ, то его друзья и поклонники его таланта сложились, чтобы доставить ему возможность лѣчиться, такъ какъ у него не было никакихъ средствъ къ существованію. Всю жизнь онъ бѣдствовалъ, не умѣя примѣняться къ требованіямъ своего положенія. Семь лѣтъ тому назадъ друзья выхлопотали ему очень хорошее мѣсто; онъ былъ назначенъ священни-

комъ домовой церкви маркиза Камильяса, архи-милліонера и креатуры іезуитовъ. Когда онъ получилъ это назначеніе, то его коллеги священники страшно завидовали ему, но онъ недолго удержался въ этой должности. Между прочимъ, на его обязанности лежала раздача милостыни и помощь нуждающимся. Вердагуэра съ особенною добросовѣстностью выполнялъ эту миссію и помогалъ всѣмъ бѣднымъ и нуждающимся, не разбирая ихъ религіозныхъ воззрѣній. Когда маркизъ узналъ объ этомъ, то страшно разсердился и призвалъ своего священника къ отвѣту. Грозныя рѣчи маркиза нисколько не испугали Вердагуэры, который, однако, всегда отличался застѣнчивостью и скромностью. Нисколько не смущаясь, онъ сталъ доказывать маркизу, что Христосъ не дѣлалъ никакого различія между самаритянами и галилеянами, между праведными и грѣшниками, и тотъ, кто раздаетъ милостыню, также не долженъ дѣлать такихъ различій, иначе милостыня перестаетъ быть милостыней, если она будетъ раздаваться только въ награду за правовѣрность. Разумѣется, подобныя рѣчи произвели какъ разъ обратное дѣйствіе, и возмущенный воспитанникъ іезуитовъ съ позоромъ выгналъ изъ своего дома священника, осмѣлившагося ему преподавать христіанскія истины. Но онъ этимъ не ограничился, и бѣдному Вердагуэрѣ пришлось на себѣ испытать, что значитъ гнѣвъ сильныхъ міра. Маркизъ взвелъ на него разныя обвиненія и сначала отдалъ его подъ судъ. Долго тянулась судебная проволочка, но все-таки, въ концѣ концовъ присяжные оправдали Вердагуэру. Тогда начались преслѣдованія римской куріи. Епископъ Моргадесъ лишилъ его права служить обѣдню, заключилъ его въ монастырь и затѣмъ приказалъ монастырскому врачу объявить его сумасшедшимъ. Вердагуэра покорно переносилъ всѣ эти преслѣдованія и не пробовалъ возставать противъ нихъ, покоряясь власти церкви. Но друзья его возмутились, и, по ихъ настояніямъ, его изслѣдовала коммиссія врачей, которая объявила его умственно здоровымъ. Однако, долгіе годы притѣсненій и нужды не могли не отразиться на его физическомъ здоровьѣ. У него сдѣлалась чахотка. Даже на смертномъ одрѣ іезуиты не оставляли его въ покоѣ и за нѣсколько дней до смерти заставили его подписать составленное ими завѣщаніе. Больной Вердагуэра уже совершенно не въ силахъ былъ имъ противорѣчить. Къ нему никого не пускали, но при помощи преданнаго слуги ему удалось все-таки увѣдомить объ этомъ бургомистра городка, гдѣ онъ жилъ. Тогда бургомистръ захватилъ съ собою нотаріуса и двухъ свидѣтелей и силою ворвался къ умирающему поэту. Сейчасъ же было составлено новое завѣщаніе и, успокоенный насчетъ судьбы своихъ поэтическихъ произведеній, Вердагуэра подписалъ это новое завѣщаніе и черезъ нѣсколько дней умеръ. Хотя онъ и не пробовалъ бороться противъ іезуитовъ и не порывалъ съ римскою церковью, тѣмъ не менѣе населеніе Барселоны чествовало въ его лицѣ не только своего народнаго поэта, но и жертву іезуитовъ, и его похороны носили характеръ антиклерикальной демонстраціи.

Антиіезуитское теченіе попрежнему очень сильно въ Испаніи и выражается волненіями въ разныхъ мѣстахъ. Между клерикальною и антиклерикальною печатью полемика не прекращается, и испанскія антиклерикальныя газеты не упускаютъ ни одного удобнаго случая, чтобы разразиться нападками

противъ католическаго духовенства. Такимъ поводомъ недавно послужило поведеніе католическихъ прелатовъ на боѣ быковъ. Законами церкви имъ это запрещено, но это не мѣшаетъ имъ усердно посѣщать любимое народное зрѣлище и въ Испаніи не найдется ни одного священникъ, который бы не былъ любителемъ боя быковъ. Тѣ архіепископы и епископы, которые состоятъ членами сената, имѣютъ даровые билеты на эти представленія боя быковъ, и никогда еще ни одинъ изъ нихъ не отказался отъ этого права. Остальные епископы, на которыхъ не распространяется такая привилегія, заваливаютъ своими просьбами министровъ насчетъ полученія входного билета на бой быковъ. Напрасно имъ указываютъ на законы церкви; испанское духовенство нисколько не стѣсняется обходить ихъ, когда это нужно. Не даромъ Мольеръ сказалъ устами Тартюфа: «Il est avec le ciel des accommodements». Эти слова, можетъ быть, болѣе всего подходятъ къ испанскимъ прелатамъ.

Общественная жизнь въ Германіи. Императоръ Вильгельмъ давно уже прославился своею способностью произносить рѣчи, но на этотъ разъ его словоохотливость поразила даже германскую печать. Послѣ своей маріенбургской рѣчи на праздникѣ тевтонскаго ордена, надѣлавшей столько шума въ печати, вслѣдствіе своего вызывающаго тона по адресу польской національности въ Пруссіи, императоръ Вильгельмъ успѣлъ произнести еще нѣсколько рѣчей въ самое короткое время. Посѣщая города рейнскихъ провинцій, онъ въ каждомъ неизмѣнно говорилъ рѣчь; въ Крефельдѣ, Нюренбергѣ, Аахенѣ и Везелѣ онъ выдвигалъ на сцену историческія воспоминанія, говорилъ о великой исторической роли Германіи, о великихъ дѣяніяхъ своихъ предковъ и въ ушахъ его слушателей должно было раздаваться бряцаніе германскаго оружія. Только рѣчь, произнесенная имъ въ Боннѣ на комершѣ, устроенномъ студенческою корпораціей «Borussia», по случаю 75-ти-лѣтней годовщины этой корпораціи, носила нѣсколько иной характеръ, но и она была полна историческихъ воспоминаній о рыцарскихъ турнирахъ, на которыхъ присутствовали дамы, увѣнчивавшія побѣдителей. Присутствіе императрицы и придворныхъ дамъ, смотрѣвшихъ изъ ложи на студенческій комершъ, навело императора на эту мысль и послужило ему темой для импровизаціи.

Одна изъ нѣмецкихъ газетъ замѣчаетъ по этому поводу, что обиліе рѣчей и измѣнчивость выражающагося въ нихъ настроенія дѣйствуетъ ошеломляющимъ образомъ на нѣмецкую публику. То въ этихъ рѣчахъ говорится о духѣ строптивости, который замѣчается въ странѣ, и о тучахъ, которыя заволакиваютъ горизонтъ, то въ нихъ раздается угроза или они носятъ характеръ высокомѣрнаго вызова, какъ, напр., его «China Reden» (китайскія рѣчи), гдѣ императоръ вызывалъ призракъ царя гунновъ и т. д., то вдругъ настроеніе рѣчей мѣняется и онѣ проникаются жизнерадостнымъ духомъ, какъ аахенская рѣчь императора Вильгельма, въ которой онъ называетъ Германію «страною свѣта и солнца, а нѣмцевъ избраннымъ народомъ!» «И всѣ эти перемѣны взглядовъ и настроеній императорскихъ рѣчей,—говоритъ одна изъ газетъ,—не вызываются никакими внѣшними измѣненіями условій; повидимому, никакихъ

перемѣнъ не произошло въ германскомъ государствѣ, все остается попрежнему, а, между тѣмъ, рѣчь императора то звучитъ побѣдоносно, проникнутая—оптимизмомъ и восторженностью, то въ ней раздается бряцаніе оружія, высказываются пессимистическіе взгляды и непривычная суровость дѣйствуетъ какъ грозное предостереженіе...»

Трудно вообще германскому обществу примѣниться къ этимъ перемѣнамъ настроеній, но особенно трудно приходится графу Бюлову, который не успѣваетъ услѣдить за всѣми перемѣнами и часто попадаетъ не въ тонъ. Поэтому въ Берлинѣ увѣряютъ, что положеніе его не прочно, что довѣріе къ нему пошатнулось. Очень характеренъ въ данномъ случаѣ слѣдующій анекдотъ, который разсказывается теперь въ Берлинѣ. Какъ извѣстно, графъ Бюловъ, старавшійся до сихъ поръ угождать аграріямъ, внезапно измѣнилъ свою тактику и демонстративно удалился изъ прусскаго ландтага, когда аграріи внесли свое предложеніе, имѣющее цѣлью провести въ сеймѣ всѣ ихъ протекціонистскія поправки къ таможенному законопроекту правительства. Наканунѣ предложеніе разсматривалось въ совѣтѣ министровъ и графъ Бюловъ имѣлъ послѣ того аудіенцію у императора, во время которой онъ указалъ на необходимость новой капитуляціи въ пользу аграріевъ, увѣренный, на основаніи выказанныхъ императоромъ симпатій къ этой партіи, въ которой онъ усматриваетъ поддержку престола, что императоръ согласится съ нимъ. Каково же было его удивленіе, когда Вильгельмъ II сухо и отрывисто, тономъ, не допускающимъ никакихъ возраженій, сказалъ: «Вы ошибаетесь, графъ. Надо имъ дать по рукамъ, безъ церемоніи!» Озадаченный Бюловъ вернулся домой и на другой день выполнилъ приказаніе императора, въ свою очередь приведя въ изумленіе аграріевъ внезапною перемѣною тактики.

Въ этомъ году весной состоялся въ Галлѣ конгресъ прусскихъ народныхъ учительницъ, отличавшейся многолюдностью. Было прочитано нѣсколько интересныхъ докладовъ, изъ которыхъ особенно обратилъ на себя вниманіе докладъ одной учительницы на тему: «Что можетъ сдѣлать народная школа въ борьбѣ съ алкоголизмомъ?» Къ числу мѣръ, которыя могутъ быть дѣйствительны въ борьбѣ съ этимъ ужаснымъ зломъ, подрывающимъ здоровье народа, учительница причисляетъ развитіе чувства прекраснаго. Школа должна стараться развивать это чувство у дѣтей и научить ихъ понимать прекрасное. «Пьянство оскорбляетъ эстетическое чувство,—сказала она,—и если съ дѣтскихъ лѣтъ начнемъ развивать его, то оно можетъ послужить впослѣдствіи задерживающимъ факторомъ въ дѣлѣ распространенія пьянства». Докладъ вызвалъ оживленныя пренія.

Изъ области женскаго движенія во Франціи. На состоявшемся недавно ежегодномъ собраніи «Conférence de Versailles» предсѣдательница французскаго женскаго союза г-жа Моно сообщила интересныя свѣдѣнія о дѣятельности этого союза, преимущественно въ области благотворительности. Французскій женскій союзъ, основанный въ 1900 году, насчитываетъ уже теперь 26.000 членовъ и къ 1-му іюля 1901 года примкнулъ къ международной федераціи женскихъ

союзовъ. Союзъ распадается на четыре секціи: первая занимается благотворительностью, вторая воспитаніемъ, третья законодательствомъ, четвертая женскимъ трудомъ. По настоятельной просьбѣ американскаго женскаго союза французскій союзъ постановилъ рѣшеніе, что «избирательное право женщины должно быть положено въ основу всѣхъ стремленій къ эмансипаціи». Но въ виду существующихъ условій французскій союзъ ограничивается только требованіемъ для французской женщины права голоса на общинныхъ выборахъ.

Изъ отчета о разныхъ благодѣтельныхъ учрежденіяхъ, основанныхъ союзомъ, видно, что «cercle du travail féminin», (Boulevard des Capucines), членами котораго состоятъ преимущественно модистки и т. п., процвѣтаетъ и развивается. Это клубъ работающихъ женщинъ, при которомъ находится ресторанъ, научные курсы и лѣтняя колонія для членовъ клуба, число которыхъ въ два года возрасло до 442. Годовой членскій взносъ шесть франковъ.

Другое благотворительное учрежденіе называется «L'Abri» (пріютъ). Оно было основано въ 1900 г. и цѣль его—помогать семьямъ, которыя почему-либо не въ состояніи уплатить квартирной платы или не могутъ найти помѣщенія за подходящую цѣну. Вопросъ о жилищахъ рабочихъ въ Парижѣ, какъ и въ другихъ большихъ городахъ, занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто. «Société philantropique» и «Société des logements ouvriers á bon marché» (общество дешевыхъ помѣщеній для рабочихъ) устроили нѣсколько домовъ для рабочихъ, но, разумѣется, этого слишкомъ мало, чтобы удовлетворить потребности, существующей въ этомъ отношеніи. Но хуже всего положеніе многодѣтныхъ семействъ рабочихъ, которымъ еще труднѣе найти помѣщеніе; въ виду этого и возникло новое «Общество для устройства квартиръ для большихъ семействъ», которое, однако, требуетъ, чтобы семья имѣла не менѣе трехъ дѣтей, такъ какъ лишь при этомъ условіи она можетъ разсчитывать на помощь общества.

Послѣ квартирнаго вопроса, представляющаго злобу дня во всѣхъ большихъ и промышленныхъ городахъ, былъ поднятъ вопросъ о прислугѣ. «Необходимо устройство школъ для прислуги», заявляетъ рѣшеніе собранія. Въ Швейцаріи уже существуютъ школы домоводства и вотъ по образцу этихъ школъ будетъ открыта въ Парижѣ такая же школа съ годичнымъ курсомъ, причемъ ученицы должны быть не моложе 14-ти и не старше 18-ти лѣтъ. Плата за ученіе 100 фр.

На конференціи были прочитаны отчеты о дѣятельности другаго женскаго общества поставившаго себѣ цѣлью освобожденіе женщины изъ когтей полиціи нравовъ. Ему удалось уже освободить такимъ образомъ 37 женщинъ и вернуть ихъ на путь честнаго труда, доставивъ имъ и пріютъ и честный заработокъ.

Вопросъ объ устройствѣ садовъ для рабочихъ (jardins ouvriers) также служилъ предметомъ обсужденія на конференціи. Изъ преній выяснилось, что многіе французскіе города поощряютъ это «возвращеніе къ природѣ», и уже отвели участки земли для устройства такихъ садовъ. Точно также и въ области другихъ вопросовъ союзъ всегда встрѣчалъ сочувствіе общества и готовность придти къ нему на помощь во всѣхъ дѣлахъ благотворительности. Союзъ распространилъ свою дѣятельность и на французскія колоніи. На собраніи при-

сутствовала между прочимъ, одна молодая миссіонерша изъ Мадагаскара, сообщившая о дѣятельности миссій и насажденіи цивилизаціи среди гавасовъ. Однако, по ея словамъ, поведеніе бѣлыхъ цивилизаторовъ и тамъ оставляетъ желать многаго, какъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, гдѣ европейцы основываютъ свои колоніи. «Бѣлые думаютъ, что имъ все дозволено въ колоніяхъ,—сказала она,—и намъ очень трудно бываетъ оградить отъ нихъ туземную женскую молодежь. Я, напримѣръ, состою при дѣтскомъ пріютѣ, который въ сущности является пріютомъ Магдалинъ, а между тѣмъ, наши питомицы—семи, пяти и даже трехлѣтнія дѣвочки!» Миссіонерша просила собраніе обратиться къ губернатору Мадагаскара, генералу Гальени, съ просьбою обратить вниманіе и прекратить подобныя злоупотребленія бѣлыхъ, позорящія европейскую цивилизацію. Такъ какъ версальская конференція не представляетъ постояннаго собранія, то рѣшено ходатайствовать объ этомъ отъ имени французскаго женскаго союза.

Китайская періодическая печать. Какъ ни былъ недоступенъ Китай вліянію западной цивилизаціи, это вліяніе все-таки отразилось въ одномъ направленіи, а именно въ отношеніи китайской печати, на которую оказали свое дѣйствіе сношенія съ западомъ. Въ Китаѣ уже со времени IX столѣтія существуютъ періодическія изданія, носящія характеръ газетъ, но теперешняя форма усвоена была ими лишь за послѣдніе годы XIX столѣтія, и поэтому китайскія современныя газеты можно разсматривать, какъ продукты иностраннаго вліянія Въ большинствѣ газетныхъ предпріятій въ Китаѣ участвуютъ иностранные капиталы. Издатели и редакторы газетъ исключительно китайцы. Въ Китаѣ, гдѣ каждый, желающій занимать общественное положеніе, непремѣнно долженъ получить литературное образованіе, не трудно, конечно, найти подходящихъ для этихъ должностей людей. Сотрудники и наборщики также китайцы.

Всего сильнѣе развита китайская печать въ портовыхъ городахъ, гдѣ есть европейскія поселенія. Законовъ о печати въ Китаѣ нѣтъ, и китайская печать свободна и не подчинена никакому регламенту или цензурѣ, но это выгодное положеніе имѣетъ свои темныя стороны; мандарины пользуются привилегіей поступать съ печатью, какъ имъ вздумается, и поэтому горе газетѣ, которая напечатала какую-нибудь статью, которая можетъ придтись не по вкусу мандаринамъ. Китайскія власти, не долго думая, являются, запираютъ типографіи и арестовываютъ издателя. Но хитрые китайцы нашли лазейку. Во избѣжаніе такого внезапнаго прекращенія газеты, китайцы устраиваютъ свои газетныя предпріятія подъ прикрытіемъ какой-нибудь европейской фирмы и какой-нибудь иностранецъ подписывается въ качествѣ редактора. Эта уловка дѣйствительно гарантируетъ до нѣкоторой степени газеты отъ насильственной смерти, и, благодаря ей, газеты могутъ существовать въ Китаѣ и даже осмѣливаются высказывать довольно либеральные взгляды.

Самая старѣйшая изъ китайскихъ газетъ,—это «Пекинская газета», основанная въ 970 году. Съ европейской точки зрѣнія ее нельзя назвать оффиціальнымъ органомъ, хотя она и считается таковымъ. Газета эта выходитъ съ разрѣшенія правительства и печатаетъ императорскіе декреты, распоряженія и

постановленія различныхъ правительственныхъ учрежденій. Правда газета лишена при этомъ права сопровождать эти декреты или распоряженія какими бы то ни было камментаріями; да они врядъ ли нужны, потому что всякій декретъ и т. п. оффиціальный документъ всегда заключаетъ въ себѣ весьма подробную мотивировку.

«Пекинская газета» выходитъ ежедневно и въ особенности распространена въ кругу образованныхъ китайцевъ. Она печатается на двѣнадцати маленькихъ тоненькихъ страничкахъ, причемъ каждая страница раздѣляется красными линіями на десять столбцовъ. Замѣчательно, что почти въ каждомъ номерѣ этой полуоффиціальной газеты печатаются сообщенія о беззаконныхъ поступкахъ и злоупотребленіяхъ мандариновъ.

Важнѣйшая по своему вліянію и распространенію китайская газета издается въ Шанхаѣ и называется «Ши-Ђу-Ши-нао» что означаетъ «новѣйшія новости». Она также печатается на тонкихъ и узкихъ листкахъ и каждый номеръ заключаетъ въ себѣ шесть страницъ. По примѣру англійскихъ газетъ, первая страница этой газеты заполняется исключительно объявленіями и рекламами На второй страницѣ помѣщаются политическія извѣстія, императорскія указы, оффиціальныя назначенія и, наконецъ, телеграммы изъ-за границы. Такъ какъ китайская печать не имѣетъ собственнаго телеграфнаго бюро, то она пользуется телеграммами изъ англійскихъ и японскихъ газетъ, но при этомъ всегда, добросовѣстнымъ образомъ, указываетъ источникъ. Для внутреннихъ извѣстій газета имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ провинціяхъ. Передовыя статьи, въ которыхъ обсуждаются важнѣйшіе вопросы внутренней и внѣшней политики, помѣщаются въ самомъ концѣ газеты. По словамъ знатоковъ китайскаго языка, эта газета въ литературномъ отношеніи стоитъ на высотѣ требованій. Редакція имѣетъ въ своемъ распоряженіи цѣлый штабъ сотрудниковъ и дѣйствительно слѣдитъ за всѣмъ, что дѣлается въ Китаѣ и другихъ мѣстахъ. Но эта газета преимущественно читается образованными классами китайскаго населенія. Для народа существуютъ другія газеты, болѣе дешевыя и удовлетворяющія вкусамъ толпы, какъ, напримѣръ, «Чингъ-Вен-Шао» (новости) и др.

Въ Китаѣ издаются также и иллюстрированныя сатирическія газеты. Изъ нихъ самая распространенная «Нпо-ро», которая всячески старается позабавить читателей своими юмористическими выходками и каррикатурами, разумѣется, насчетъ «иностранныхъ дьяволовъ», представляющихъ, повидимому, неисчерпаемый источникъ для китайскаго остроумія. Эта любимая иллюстрированная газета китайцевъ выходитъ разъ въ недѣлю и заключаетъ въ себѣ отъ 10 до 12 страницъ рисунковъ и лишь двѣ-три страницы текста.

Китайскій журналистъ для того, чтобы имѣть успѣхъ на своемъ поприщѣ, долженъ обладать очень основательными знаніями китайской классической литературы. Самостоятельные взгляды и оригинальность мышленія не столь важны для успѣха китайскаго писателя, какъ умѣнье во-время и кстати привести цитаты изъ классической литературы Китая, и чѣмъ больше такихъ цитатъ, тѣмъ талантливѣе считается писатель. Такимъ образомъ, китайскому

журналисту нечего особенно заботиться о стилѣ и надо только знать наизусть классическихъ писателей да умѣть выбирать изъ нихъ цитаты.

Китайскія газеты имѣютъ большой кругъ читателей, потому что въ странѣ почти нѣтъ неграмотныхъ. Въ заголовкѣ каждой китайской газеты непремѣнно находится слѣдущая надпись: «Подними каждый валяющійся клочокъ бумаги, если на немъ что-нибудь напечатано; это приноситъ неизмѣримую пользу!» Китайцы въ большинствѣ случаевъ выполняютъ этотъ совѣтъ. Въ лавкахъ и общественныхъ учрежденіяхъ газеты всегда заботливо собираются и ихъ читаютъ до тѣхъ поръ, пока онѣ совсѣмъ не истреплются. Тогда онѣ уже поступаютъ къ представителю одного китайскаго общества, цѣль котораго—заботиться о томъ, чтобы каждый напечатанный клочокъ бумаги имѣлъ достойный конецъ. Общество отправляетъ полученную макулатуру въ Винъ-Міао, гдѣ она сжигается въ спеціально устроенныхъ для этой цѣли печахъ.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Л. Н. Толстой. О воспитаніи и обученіи.—Женское движеніе въ европейскихъ государствахъ.—Образованіе негровъ и роль ихъ въ Соединенныхъ штатахъ.—Эпизоды изъ бурской войны.

Въ іюньской книжкѣ журнала «La Revue» (бывш. «Revue des Revues», 15 Iuin) помѣщено письмо—«О воспитаніи и обученіи»—гр. Л. Н. Толстого, съ замѣткой отъ редакціи, что оно было адресовано авторомъ одному изъ его друзей въ 1901 г. и еще нигдѣ не появлялось въ печати. Левъ Николаевичъ уполномочилъ редакцію французскаго журнала напечатать теперь же это письмо, хотя оно не представляется законченной статьей по данному предмету, но врядъ ли автору вскорѣ удастся вернуться къ вопросу. Въ настоящемъ письмѣ Л. Н. Толстой настаиваетъ на тѣсной связи проблемъ воспитанія съ выработкой религіознаго міросозерцанія; между тѣмъ, по его мнѣнію, «у насъ, среди нашего такъ называемаго образованнаго общества, религія не только не признается исходной точкой воспитанія, не только не считается важнымъ и необходимымъ предметомъ среди другихъ предметовъ, но, наоборотъ, ее считаютъ однимъ изъ самыхъ ничтожныхъ предметовъ, безполезной вещью, переживаніемъ прошлаго (чему никто серьезно не вѣритъ), которое, изъ приличія, кое-какъ преподается въ школѣ. Въ основу всего должно быть введено такое религіозное ученіе, которое стояло бы въ уровень съ человѣческимъ знаніемъ, безъ національныхъ и классовыхъ ограниченій». «Наша жизнь,—продолжаетъ далѣе Л. Н.,—не имѣетъ другого смысла, кромѣ исполненія того безконечнаго Начала, частью котораго мы себя признаемъ. Но воля этого Начала состоитъ въ единеніи всѣхъ живыхъ существъ и у людей она выражается, прежде всего, въ терпѣніи и во взаимной помощи. Единеніе и взаимная помощь составляютъ смыслъ и дѣло жизни, потому что такова воля того Начала, которое управляетъ и руководитъ міромъ и составляетъ основу нашего существованія. Все дѣло воспитанія не только должно быть основано на этомъ Началѣ, но должно руководиться Имъ. Все, что содѣйствуетъ единенію живыхъ существъ, братству людей, должно

быть поощряемо при воспитанiи и, наоборотъ, все, что разъединяетъ, должно быть устранено».

Установивъ, что воспитанiе человѣка происходитъ при помощи «внушенiя» (Suggestion), въ силу котораго дѣти, обладающiя по преимуществу способностью поддаваться внушенiю, ставятся въ зависимость отъ взрослыхъ, Л. Н. Толстой напоминаетъ—«какъ важно для дѣтей, чтобы они подчинялись не лживымъ и дурнымъ внушенiямъ, а влiянiямъ правдивымъ и добрымъ». Авторъ различаетъ у дѣтей внушенiе сознательное или намѣренное, со стороны взрослыхъ, и внушенiе безсознательное, или непроизвольное, которое заключается въ той склонности у дѣтей подражать взрослымъ, которая, независимо отъ какого-либо руководства, и представляетъ большую опасность въ виду возможности дурныхъ примѣровъ. Внушенiе сознательное есть въ собственномъ смыслѣ обученiе; внушенiе безсознательное, которое по мнѣнiю Толстого, принято называть воспитанiемъ, онъ считаетъ правильнѣе обозначить просвѣщенiемъ или просвѣтлѣнiемъ (éclairement), но такъ какъ «въ нашемъ обществѣ всѣ стремленiя направлены лишь къ обученiю, то просвѣщенiе находится невольно въ пренебреженiи и это происходитъ отъ того, что наша жизнь сама по себѣ есть плохая жизнь, т.-е. не просвѣщенная». Авторъ склоненъ, согласно своимъ старымъ симпатiямъ, находить преимущество простого уклада жизни въ бѣдныхъ семьяхъ, у рабочихъ людей—«поскольку ими не овладѣли пороки, свойственные бѣднотѣ», и, въ противоположность этому, указываетъ на ложныя условiя жизни въ буржуазныхъ классахъ, въ семьяхъ рентьеровъ, арендаторовъ, чиновниковъ, даже художниковъ и писателей: «такая семья, ведущая буржуазный образъ жизни, не предаваясь ни пьянству, ни инымъ порокамъ, не оскорбляя и не обижая другихъ людей, считаетъ себя вполнѣ нравственной семьей и хочетъ дать нравственное воспитанiе дѣтямъ. Однако, несмотря на искреннее желанiе и старанiя, это воспитанiе никогда не удается, ибо безнравственность жизни подобной семьи, которая не пользуется по-отечески трудомъ, вмѣняемымъ другимъ людямъ, эта безнравственность, которую уже не замѣчаютъ взрослые въ силу привычки, должна бросаться въ глаза дѣтямъ, обладающимъ душевной чистотой, и извращаетъ ихъ понятiе о добрѣ. Дѣти слышатъ правила нравственности, правила объ уваженiи къ другимъ людямъ, но безсознательно они не только будутъ подражать (тому, что вокругъ нихъ дѣлается), но и примутъ, какъ правило, тотъ фактъ, что одни призваны пачкать сапоги и платья а другiе ихъ чистить, одни приготовляютъ кушанья, другiе ихъ съѣдаютъ и т. п. Дѣтямъ, живущимъ въ такой средѣ, также невозможно внушить истинное пониманiе нравственности, какъ воспитать въ любви и воздержанiи ребенка, который не видитъ вокругъ себя никого, кромѣ пьяницъ, ребенка, котораго бы стали самого спаивать». Авторъ развиваетъ далѣе ту несомнѣнную истину, что для успѣшности дѣла воспитанiя, необходимо, чтобы воспитатели сами работали надъ собой и стремились къ наивозможному самоусовершенствованiю. Не разсматривая самые прiемы воспитанiя, Л. Н. Толстой ограничивается указанiемъ, что они существуютъ и что нужно ихъ розыскивать. Переходя къ вопросамъ «обученiя», авторъ устанавливаетъ весьма субъективную систему

знанія, основанную на очень произвольной классификаціи наукъ, которую неумѣстно было бы воспроизводить безъ критическаго анализа ея основаній. Знаменательно лишь то, что, исключая группу такъ называемыхъ гуманитарныхъ наукъ (историко-филологическія, юридическія и теологическія дисциплины знанія), авторъ заканчиваетъ самымъ горячимъ призывомъ къ изученію иностранныхъ языковъ (къ которымъ причисленъ даже «эсперанто», правда, съ оговоркой—«буде возможно») и рекомендуетъ заставлять дѣтей сперва понять, при чтеніи, общее значеніе прочитаннаго, потомъ останавливаться на разборѣ болѣе существенныхъ словъ, съ указаніемъ ихъ основъ и грамматическихъ формъ.

Г-жа Ширмахеръ помѣщаетъ въ «Revue des Revues» обзоръ различныхъ фактовъ, указывающихъ на прогрессъ или пріостановку женскаго движенія въ разныхъ странахъ.

Въ Цюрихѣ кантональный совѣтъ высказался огромнымъ большинствомъ голосовъ противъ участія женщинъ въ выборахъ, касающихся духовныхъ дѣлъ и церкви. Такъ какъ женщины являются главными посѣтительницами церквей, то рѣшеніе кантональныхъ совѣтниковъ, по мнѣнію г-жи Ширмахеръ страдаетъ отсутствіемъ логики.

Въ Бельгіи пренія по вопросу объ избирательныхъ правахъ женщинъ продолжаются, но они носятъ чисто теоретическій характеръ. Италія вотировала недавно законъ о работѣ женщинъ, что уже составляетъ шагъ впередъ, такъ какъ въ Италіи даже дѣти не пользуются достаточнымъ покровительствомъ законовъ и съ девяти лѣтъ могутъ уже работать на фабрикахъ. Въ отношеніи образованія, высшаго и средняго, итальянцы не могутъ пожаловаться на свое правительство, хотя большинство дѣвушекъ буржуазіи (50.000) и получаютъ свое образованіе въ монастыряхъ, но правительствомъ открыты гимназіи для дѣвочекъ. Въ Римѣ и Флоренціи существуютъ два учебныхъ заведенія, подготовляющія молодыхъ дѣвушекъ къ полученію степени баккалавра. Итальянскіе университеты открыты для женщинъ, но только 132 (на 21.813 студентовъ) слушаютъ университетскій курсъ. Въ Италіи женщина не допускается къ занятію адвокатурой, но тѣмъ не менѣе каѳедру права въ болонскомъ университетѣ занимаетъ женщина, Тереза Лабріола. Разумѣется, такое противорѣчіе является результатомъ борьбы антифеминистской партіи съ феминисткой.

Два народа, имена которыхъ еще не были занесены въ списки женскаго движенія, въ послѣднее время начали выказывать эмансипаторскія склонности. Въ Сербіи, напримѣръ, совершенно неожиданно былъ выдвинутъ на сцену вопросъ о политическихъ правахъ женщинъ. Но сербскій сенатъ отклонилъ ходатайство о дарованіи избирательныхъ правъ женщинамъ, между тѣмъ какъ митрополитъ и епископы подали свои голоса въ пользу женщинъ.

Словены также зашевелились. Словенская писательница Цофка Кведеръ издала первый феминистскій манифестъ въ своей книгѣ, являющейся настоящимъ крикомъ души. «Женщина вѣдь прежде всего человѣческое существо говоритъ словенская писательница, и она имѣетъ такое же право какъ муж-

чина на свободу, счастье, истину и знаніе. Видѣть, знать, понимать—вотъ девизъ современной женщины!» говоритъ Цофка.

Разумѣется, это страстное воззваніе вызвало энергичный отпоръ со стороны реакціонерной партіи, но зато прогрессистская партія усиливаетъ свою дѣятельность и собирается даже превратить одинъ семейный органъ «Slovenka» въ органъ передовыхъ идей и феминизма.

Въ Норвегіи женщины въ первый разъ принимали участіе въ муниципальныхъ выборахъ. Выборы въ Христіаніи составили настоящее событіе. «Это былъ торжественный актъ, говоритъ одинъ старый норвежскій избиратель. Можно было видѣть стариковъ, которые приходили вмѣстѣ со своими женами, чтобы положить бюллетени въ избирательную урну, застѣнчивыхъ и мужественныхъ молодыхъ дѣвушекъ, явившихся, чтобы выполнить свой первый актъ гражданки, и смѣявшихся надъ своею неловкостью». Женщины всѣхъ классовъ принимали участіе въ выборахъ, работницы, буржуазки и жены богатыхъ чкоммерсантовъ.

Большинство норвежскихъ женщинъ вотировало за консерваторовъ и такимъ образомъ большинство муниципальнаго совѣта въ Христіаніи измѣнило свой характеръ, изъ либеральнаго стало консервативнымъ. Однако не слѣдуетъ думать, что этотъ фактъ является выраженіемъ реакціонныхъ взглядовъ женщинъ. Норвежская консервативная партія не есть ни партія церкви, ни реакція, это просто партія уніонистовъ, требующихъ сохраненія уніи между Норвегіей и Швеціей.

Норвежскія женщины не только могутъ выбирать, но и сами могутъ быть выбираемы на муниципальныхъ выборахъ. Въ Христіаніи двѣ женщины выбраны въ муниципальный совѣтъ.

Въ австрійскихъ общинахъ женщины, плательщицы податей, пользуются правомъ голоса на муниципальныхъ выборахъ. 22 женщины въ Краковѣ издали спеціальное воззваніе, обращенное къ избирательницамъ и приглашающее ихъ лично являться къ избирательнымъ урнамъ, а не передавать свои права другимъ. Недавно служащіе въ почтовомъ и телеграфномъ вѣдомствѣ въ Австріи праздновали 30-лѣтіе вступленія женщинъ на государственную службу. Въ 1872 году въ видѣ опыта были приняты 40 женщинъ, а теперь ихъ 3.000 и первоначальное жалованье удвоено. На юбилеѣ присутствовали высшіе чиновники, что придало ему оффиціальный характеръ, и всѣ большія газеты посвятили ему длинныя и хвалебныя статьи. Но въ другихъ отношеніяхъ австрійскимъ женщинамъ все-таки приходится еще бороться съ многочисленными препятствіями, такъ, напримѣръ, въ Австріи женщины допускаются на медицинскій факультетъ, но лишь въ качествѣ простыхъ слушательницъ, и даже тѣ, которыя имѣютъ докторскій дипломъ, не пользуются никакими правами.

Успѣхи женскаго движенія въ Австріи далеко не такъ значительны, какъ въ Германіи, гдѣ большимъ шагомъ впередъ является организація общества, имѣющаго цѣлью расширеніе политическихъ правъ женщинъ. Резиденція этого общества находится въ Гамбургѣ, такъ какъ старинныя законы этого города дозволяютъ женщинамъ вступать въ политическія ассоціаціи,

чего не дозволяютъ имъ въ Пруссіи, Баваріи и во множествѣ другихъ маленькихъ государствъ. Это общество отправило женскую депутацію къ канцлеру, которая изложила ему стремленія германскихъ женщинъ и подтвердила ему, что женщины страдаютъ отъ того подчиненнаго положенія, которое имъ создаетъ законъ и которое они занимаютъ въ общественной жизни и въ германскихъ университетахъ. Германскій канцлеръ обѣщалъ имъ свою поддержку, но прибавилъ, что онъ «не всесиленъ», а министръ просвѣщенія на каждомъ шагу тормазитъ стремленія женщинъ и является сторонникомъ самыхъ реакціонныхъ взглядовъ.

Въ «Forum» напечатана статья одного американскаго профессора о высшемъ образованіи негровъ. По его словамъ, роль негровъ въ развитіи американскаго государства—это вопросъ будущаго, но, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что негры должны будутъ принимать участіе въ судьбѣ Соединенныхъ Штатовъ, и поэтому вопросъ о высшемъ образованіи негровъ получаетъ особенное значеніе. Еще Викторъ Гюго говорилъ, что XIX-ое столѣтіе освободило негра, но XX-ое столѣтіе должно сдѣлать изъ него человѣка, однако, въ Америкѣ существуетъ предубѣжденіе, что негры представляютъ невѣжественную массу которая лишь постепенно и съ трудомъ можетъ развить свой кругозоръ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ негръ неспособенъ къ высшему образованію и предназначенъ быть ремесленникомъ. Врядъ ли онъ въ состояніи возвыситься надъ среднимъ уровнемъ, поэтому лишнее было бы доставлять ему возможность получить высшее образованіе. «Такъ разсуждаетъ огромное большинство въ Соединенныхъ Штатахъ,—говоритъ профессоръ,—но справедливо ли это? Быть можетъ, негры еще въ теченіе многихъ лѣтъ будутъ исключительно только рабочимъ, промышленнымъ классомъ, но вѣдь исторія указываетъ, что именно средній и рабочіе классы доставили наилучшій матеріалъ для англо-американской цивилизаціи. Аргументомъ противъ высшаго образованія негровъ служитъ также то, что негръ, въ огромномъ большинствѣ, бѣденъ, бѣднымъ же, все равно къ какой бы расѣ они ни принадлежали, не слѣдуетъ поступать въ коллегіи, такъ какъ результатомъ является недовольство прежними условіями жизни, несчастье и неудачи на жизненномъ поприщѣ. Но именно это недовольство, вносящее новые, оживляющіе элементы въ старыя узкія рамки жизни, вызывали зачастую перемѣны къ лучшему въ соціальной организаціи. Во всякомъ случаѣ, благородное недовольство не можетъ принести вреда ни индивиду, ни расѣ, наоборотъ, оно часто служитъ предвѣстникомъ измѣненій къ лучшему, между тѣмъ какъ довольство настоящимъ не разъ бывало началомъ упадка».

Въ англо-бурской войнѣ женщины, какъ извѣстно, играли выдающуюся роль. Онѣ сопровождали своихъ мужей и отцовъ на поле битвы, заряжали для нихъ ружья, подавали снаряды и т. д., а часто и сами исполняли обязанности стрѣлковъ. Тѣ, которыя оставались на фермахъ, помогали укрываться бѣглецамъ и развѣдчикамъ и въ особенности въ этомъ отношеніи отличались

жены и дочери африкандеровъ, перешедшихъ на сторону буровъ и именуемыхъ поэтому англичанами мятежниками. Женщины, оставаясь на фермахъ и занимаясь хозяйствомъ, искусно скрывали участіе своихъ мужчинъ въ возстаніи, и англичанамъ лишь рѣдко удавалось уличить ихъ. Одинъ англійскій офицеръ, находившійся въ одномъ изъ отрядовъ, охотившихся за Деветомъ, разсказываетъ въ «Blakwood Magazine» слѣдующее о своемъ столкновеніи съ африкандерскими женщинами.

Онъ былъ посланъ во главѣ одного отряда въ погоню за мятежниками, и шпіонъ привелъ его на африкандерскую ферму, гдѣ должны были скрываться мятежники. Однако, англичанинъ не нашелъ тамъ никого, кромѣ жены и дочери отсутствовавшаго «по дѣламъ фермы» хозяина и молодого работника бура. Фермерша встрѣтила англійскаго офицера очень спокойно, но холодно, и пожалуй, даже враждебно. Дочь же, наоборотъ, была съ ними очень любезна и разговорчива, выказывая безпечную веселость. Переночевавъ на фермѣ, отрядъ отправился дальше, захвативъ съ собою молодого бура, въ качествѣ проводника и заложника. Тутъ молодая дѣвушка не выдержала и, отозвавъ офицера въ сторону, горько плача, созналась ему, что она любитъ молодого бура и боится за него. «Если бы вы мнѣ сказали, куда вы идете, чтобы я могла потомъ провѣдать его!» говорила она. Наивный англійскій офицеръ повѣрилъ ея искренности и откровенно сознается въ этомъ. Онъ сказалъ ей, куда идетъ отрядъ, и въ результатѣ получилось то, что задуманное нападеніе врасплохъ на команды Лоттера и Герцога не удалось; дѣвушка предупредила ихъ!

Въ другой разъ, несмотря на форсированнный маршъ, онъ все-таки не засталъ на фермѣ отрядъ мятежниковъ, который долженъ былъ тамъ находиться. Офицеръ былъ твердо увѣренъ, что онъ тамъ его настигнетъ врасплохъ, такъ какъ имѣлъ на этотъ счетъ самыя достовѣрныя свѣдѣнія, но мятежной команды и слѣдъ простылъ. Вмѣсто нея онъ нашелъ на фермѣ одну свою старинную знакомую, миссъ Преторіусъ, которую меньше всего ожидалъ встрѣтить тамъ. «Какъ вы сюда попали? спросилъ онъ ее, крайне удивленный». «Частью верхомъ, частью въ капской телѣгѣ» отвѣчала она, смѣясь, на что онъ замѣтилъ ей нѣсколько сердито, что онъ и такъ знаетъ, что она не могла дойти сюда пѣшкомъ. На дальнѣйшій вопросъ, зачѣмъ она здѣсь очутилась, она рѣзко возразила ему, что, въ качествѣ «англійской подданной», она не считаетъ нужнымъ отвѣчать на столь дерзкій вопросъ. «Достаточно уже и того, что ваше знаменитое англійское войско не въ состояніи защитить капскихъ фермеровъ, воскликнула она.—А тутъ вы еще осмѣливаетесь англійскихъ же подданныхъ преслѣдовать разспросами!» Миссъ Преторіусъ говорила такимъ тономъ, что бѣдный англійскій офицеръ смутился и сталъ извиняться передъ нею и только впослѣдствіи ему пришлось убѣдиться, что онъ оба раза попался впросакъ. Онъ встрѣтилъ дѣвушку, которая тогда на фермѣ умоляла его сказать ей, куда онъ уводитъ ея жениха, молодого бура. Этотъ буръ былъ разстрѣлянъ англичанами, и когда офицеръ сообщилъ объ этомъ молодой дѣвушкѣ, то она, къ удивленію его, приняла это извѣстіе вполнѣ спокойно и затѣмъ созналась ему, что она тогда солгала, чтобы узнать куда отправляется его отрядъ.

«И вы, англійская подданная, предупредили команду Лоттера!» воскликнулъ онъ.—«Я не совершила никакого преступленія и ни единаго слова не сказала про англичанъ,—отвѣчала она спокойно.—Я только проѣхала черезъ лагерь Лоттера и больше ничего». Но въ лагерѣ знали, откуда она явилась и что означаетъ ея появленіе. «Увѣряю—васъ, прибавила она,—что каждую ночь сотни молодыхъ африкандерскихъ дѣвушекъ скачутъ такимъ образомъ по степи и выполняютъ службу развѣдчиковъ. На насъ дѣвушекъ скорѣе можно положиться, нежели на кафровъ, и мы поддерживаемъ сообщенія между командами».

Англійскій офицеръ искренно сознается, что, отправляясь въ Южную Африку, онъ преисполненъ былъ презрѣнія къ врагу. Буровъ онъ считалъ низшей расой и ставилъ ихъ довольно низко, относясь къ нимъ съ высокомѣріемъ истиннаго англичанина. Но ему пришлось измѣнить свое мнѣніе и онъ не стыдится сознаться въ этомъ. Онъ былъ пораженъ, какъ мало англичане знали тотъ народъ, съ которымъ начали войну. Они совсѣмъ не знали африкандерскихъ женщинъ, а между тѣмъ именно имъ они обязаны многими своими неуспѣхами въ этой войнѣ. Промахи, надѣланные англичанами во время войны, имѣютъ ту хорошую сторону, что научили ихъ правильной оцѣнкѣ того народа, съ которымъ они теперь должны совмѣстно трудиться надъ созданіемъ мирной и счастливой Южной Африки.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

За мамонтомъ.

Когда ученый міръ впервые познакомился съ ископаемыми остатками животныхъ древнихъ геологическихъ періодовъ и понялъ ихъ истинное значеніе, никто не рѣшился бы и мечтать, что мы будемъ когда-нибудь въ состояніи изслѣдовать не только кости ихъ, но и мягкія части ихъ организма, между тѣмъ въ настоящее время это невозможное предположеніе осуществилось, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ одному изъ угасшихъ исполиновъ ледниковой эпохи—*мамонту* (Elephas primigenius).

Впрочемъ, нахожденіе замерзшихъ и болѣе или менѣе хорошо сохранившихся труповъ вымершихъ животныхъ восходитъ къ довольно давнимъ временамъ и лишь по чисто случайнымъ причинамъ находки эти не попадали въ руки ученыхъ. Первой такой находкой были остатки носорога съ кожею и мясомъ, найденные въ 1771 г. на берегу р. Вилюя. Въ 1799 году былъ впервые найденъ однимъ тунгусомъ на полуостровѣ Быкова, у устья р. Лены хорошо сохранившійся трупъ мамонта; къ сожалѣнію, лишь черезъ 7 лѣтъ, слухъ объ этомъ дошелъ до случайно путешествовавшаго тогда по Сибири натуралиста Адамса. Когда онъ посѣтилъ мѣсто находки, то трупъ мамонта оказался ужъ въ значительной степени съѣденнымъ—сохранились только глазъ, ухо, кусокъ кожи и на костяхъ кое-гдѣ уцѣлѣли сухожилія и связки. Адамсъ добылъ при этомъ случаѣ почти полный скелетъ мамонта, который и сохраняется съ тѣхъ поръ въ зоологическомъ музеѣ Императорской академіи наукъ. Тогда же были найдены впервые и волоса мамонта и было установлено, что онъ имѣлъ довольно густой и длинный волосяной покровъ, приспособленный къ существованію при суровыхъ климатическихъ условіяхъ.

Позднѣе, въ 1865 году, еще разъ былъ открытъ полный трупъ мамонта между устьями рѣкъ Тазъ и Енисей. Академія Наукъ снарядила экспедицію подъ начальствомъ Ф. Б. Шмидта, но и эта экспедиція опоздала,—ей удалось добыть лишь разрозненныя части трупа, все остальное было съѣдено хищными животными.

Въ 1869 году остатки мамонта съ кусками кожи и мяса были найдены барономъ Майделемъ въ области рѣкъ Колымъ, Ковшечьей и Шандранъ, а въ 1885 году такія же находки были сдѣланы барономъ Толемъ у р. Яны.

Неудачныя попытки добыть полный и хорошо сохранившійся трупъ мамонта заставляли даже сомнѣваться въ принципіальной возможности такой находки,—такъ академикъ Л. Шренкъ въ 1872 году смотрѣлъ на возможность получить пригодный для изслѣдованія трупъ мамонта съ большимъ недовѣріемъ.

Должно, однако, замѣтить, что причиною всѣхъ прежнихъ неудачъ въ значительной мѣрѣ было плохое состояніе путей сообщенія въ тѣ времена: пока извѣстіе шло изъ Сибири до Петербурга и пока къ мѣсту находки поспѣвала прибыть экспедиція, трупъ мамонта, быть можетъ, ранѣе и хорошо сохранившійся, оказывался или разложившимся или съѣденнымъ хищнымъ животными.

Огромный прогрессъ, проявившійся въ путяхъ сообщенія Сибири за послѣднее время, явился въ данномъ отношеніи чрезвычайно благопріятнымъ обстоятельствомъ. При существованіи Сибирской желѣзной дороги и телеграфа, первая же попытка добыть трупъ мамонта увѣнчалась блестящимъ успѣхомъ и успѣхъ этотъ, какъ мы увидимъ, обусловленъ въ значительной степени, именно, быстротою передвиженія,—опоздай экспедиція на мѣсяцъ, и всѣ ея труды могли бы остаться безъ результатовъ.

На-дняхъ опубликованы первыя извѣстія объ экспедиціи, снаряженной академіей наукъ въ прошломъ году для раскопки трупа мамонта *).

Находка мамонта совершалась при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ серединѣ августа 1900 года ламутъ Тарабыкинъ, преслѣдуя оленя, нашелъ на берегу р. Березовки, впадающей въ Колыму, бивень мамонта вѣсомъ въ 4 пуд. 25 фунт., онъ сталъ искать второго бивня и наткнулся во время этихъ поисковъ на торчащую изъ земли голову мамонта съ обрывками кожи на ней. Такая находка испугала Тарабыкина, такъ какъ у ламутовъ существуетъ повѣріе, что тотъ, кто найдетъ трупъ мамонта и потревожитъ его, непремѣнно заболѣетъ. Тарабыкинъ вернулся въ свою юрту, находящуюся въ 20-ти верстахъ отъ мѣста находки, и сообщилъ о нахожденіи мамонта двумъ другимъ ламутамъ. На слѣдующій день они втроемъ отправились къ мамонту и отрубили единственный сохранившійся у него клыкъ вѣсомъ въ $1^3/_4$ пуда. Въ концѣ августа всѣ три ламута отправились на Колыму и продали клыкъ казаку Явловскому, причемъ разсказали ему объ обстоятельствахъ, при которыхъ клыкъ этотъ былъ найденъ. Къ счастью для науки Явловскій понялъ, какое важное значеніе имѣетъ сообщеніе ламутовъ. Онъ не повѣрилъ имъ, однако, на слово, а самъ отправился вмѣстѣ съ ними на мѣсто, гдѣ былъ найденъ мамонтъ и убѣдился собственными глазами въ томъ, что значительная часть мамонта цѣла. Чтобы не было сомнѣнія въ его словахъ, онъ вырѣзалъ изъ головы трупа и съ ноги его по куску кожи, взялъ часть содержимаго желудка и представилъ все это въ средне-колымское полицейское управленіе. Помощникъ исправника Н. Л. Горнъ, прежде чѣмъ доносить оффиціально о находкѣ, самъ освидѣтель-

---

*) «Отчеты начальника экспедиціи Имп. академіи наукъ на Березовку для раскопки трупа мамонта, О. Ф. Герца». «Извѣстія Имп. академіи наукъ», т. XVI, 1902 г. № 4.

ствовалъ трупъ мамонта и, найдя все такъ, какъ разсказывалъ Явловскій, донесъ якутскому губернатору, который препроводилъ его рапортъ въ Петербургъ.

По полученіи въ серединѣ апрѣля 1901 года извѣстія о нахожденіи мамонта, Императорская академія наукъ исходатайствовала ассигнованіе суммы въ 16.300 р. для снаряженія экспедиціи на р. Березовку. Начальникомъ экспедиціи былъ назначенъ и. д. старшаго зоолога зоологическаго музея академіи наукъ О. Ф. Герцъ и къ нему въ качествѣ помощниковъ были прикомандированы и. д. старшаго препаратора Е. В. Пфиценмейеръ и студентъ юрьевскаго университета Д. П. Севастьяновъ.

Уже 3-го мая экспедиціи удалось выѣхать изъ Петербурга, 14-го мая экспедиція прибыла въ Иркутскъ, гдѣ запаслась всѣмъ необходимымъ для дальняго и труднаго пути—предстояло сдѣлать 2.800 верстъ частью на пароходѣ, частью на лошадяхъ до Якутска и около 3.000 верстъ верхомъ и пѣшкомъ отъ Якутска до Средне-Колымска.

1-го іюня экспедиція не безъ задержекъ и затрудненій въ пути прибыла въ Якутскъ, гдѣ снова пришлось сдѣлать продолжительную остановку для того, чтобы нанять людей, запастись провизіей, распредѣлить вещи по вьюкамъ и т. д. Всѣ старанія ускорить дѣло разбивались о непреодолимую апатію и привычку къ полусонному существованію мѣстныхъ жителей. Трудно было добиться отъ нихъ быстраго исполненія работы или заказа даже при помощи просьбъ и хорошаго вознагражденія, и если только члены экспедиціи не присутствовали сами при исполненіи работы, то все дѣло ограничивалось одними обѣщаніями.

Выѣхавъ изъ Якутска 20-го іюня, экспедиція добралась на пароходѣ до станціи Таринской на р. Алданъ. Оттуда пришлось двигаться уже вьючнымъ путемъ по направленію къ Верхоянску на 20-ти вьючныхъ лошадяхъ, съ тремя ямщиками и двумя казаками. Каковъ былъ этотъ путь и условія, въ которыхъ приходилось двигаться экспедиціи, объ этомъ лучше свидѣтельствуютъ слѣдующія слова начальника экспедиціи: «Мы весьма тихо двигались впередъ до Верхоянскаго перевала. Бывали дни, въ которые мы съ утра до вечера сидѣли на лошади и, несмотря на это, проходили всего какихъ-нибудь 25—35 верстъ. Вслѣдствіе продолжительныхъ дождей дорога стала до того непроходимой, что лошади на каждомъ шагу погружались по брюхо въ грязь; особенную опасность представляла переправа черезъ быстро текущую р. Тукуланъ. Нарочный, посланный впередъ якутскимъ исправникомъ, долженъ былъ просидѣть цѣлыхъ 9 дней на берегу Тукулана, прежде чѣмъ онъ могъ рискнуть переправиться черезъ рѣку; ямщикъ съ лошадью утонули при этой переправѣ. Какъ выяснилось впослѣдствіи, лошадь, бывшая при ямщикѣ, совершала этотъ путь впервые, чѣмъ и объясняется это несчастье. Вся почта, навьюченная на находящуюся при ямщикѣ лошадь, безвозвратно погибла; трупы ямщика и лошади не были найдены, такъ какъ быстрое теченіе все унесло въ Алданъ. Провожающій насъ старшій ямщикъ провелъ экспедицію благополучно черезъ рѣку въ разстояніи приблизительно $1^1/_2$ версты отъ мѣста несчастья внизъ по теченію; при этомъ мы основательно промокли».

За крутымъ Верхоянскимъ переваломъ дорога стала нѣсколько лучше, такъ что экспедиція могла дѣлать въ день уже 55—75 верстъ. 9-го іюля она прибыла въ Верхоянскъ, сдѣлавъ 938 верстъ въ 19 дней. Теперь ей предстояла самая трудная часть пути—дорога отъ Верхоянска до Средне Колымска, 2.000 верстъ по заброшенному, ужасному вьючному тракту; чтобы пройти этотъ путь, потребовалось два мѣсяца неустанной работы.

Здѣсь не всегда можно было достать потребное количество лошадей, и потому пришлось раздѣлить экспедицію на двѣ части, изъ которыхъ одна, съ начальникомъ во главѣ, отправилась впередъ налегкѣ форсированными переходами, другая же двигалась болѣе медленно.

Начавшіеся съ 17-го іюля дожди сильно препятствовали передвиженію—они обусловливали сильнѣйшую прибыль воды въ рѣкахъ и страшно портили и безъ того невозможную дорогу, пролегающую черезъ болотистую тайгу. Впродолженіи нѣсколькихъ дней экспедиціи приходилось изъ-за сильнаго ливня оставаться на мѣстѣ, а въ тѣ дни, когда погода была лучше, удавалось при всѣхъ стараніяхъ проходить не болѣе 10—15 верстъ въ сутки.

У р. Индигирки экспедиція натолкнулась на непреодолимое препятствіе—дорога такъ испортилась дождями, что о продолженіи пути на лошадяхъ не могло быть и рѣчи; къ счастью, удалось сдѣлать часть пути на лодкахъ.

Уровень воды въ Индигиркѣ такъ сильно поднялся изъ-за дождей, что паромщикъ-якутъ долго не соглашался переправлять экспедицію на другую сторону рѣки. Какъ долго можетъ продолжаться такое половодье, видно изъ того обстоятельства, что почтѣ, вышедшей изъ Якутска за два мѣсяца до выѣзда оттуда экспедиціи, и присоединившемуся къ ней священнику, ѣхавшему къ мѣсту служенія, пришлось прождать у Индигирки 44 дня, прежде чѣмъ представилась возможность переправиться черезъ рѣку.

«Между Индигиркой и Колымой,—пишетъ О. Ф. Герцъ,—на разстояніи приблизительно 700 верстъ, мы встрѣчали лишь весьма незначительное число юртъ, и на всемъ этомъ протяженіи дорога была болѣе или менѣе твердая. Мѣстность была монотонная и болотистая, безъ всякаго разнообразія. Тайга покрыта мелкимъ лѣсомъ, состоящимъ изъ лиственницы (Larix dahurica), смѣшанной съ ивами и кустарной березой. Попадалось множество озеръ, которыя приходилось постоянно объѣзжать. Дорога была безотрадная, и въ концѣ концовъ мы совершенно апатично сидѣли на нашихъ лошадяхъ и безсознательно продѣлывали всякія кавалерійскія штуки при переходѣ лошади изъ одной ямы болота въ другую».

Въ довершеніе всего на одномъ изъ невысокихъ переваловъ началась снѣжная вьюга, длившаяся 4 дня и занесшая путешественниковъ, спасавшихся въ небольшой палаткѣ, двухъаршиннымъ слоемъ снѣга.

Между тѣмъ, приходилось торопиться, какъ только было возможно,—промедленіе могло не только заставить выдержать въ тундрѣ тяжелую зимовку, но и угрожало успѣху экспедиціи. Если бы не удалось вырыть трупъ мамонта до наступленія зимы, то зимою, вслѣдствіе полнаго промерзанія почвы, это сдѣлалось бы уже совершенно невозможнымъ, пришлось бы дожидаться лѣта, а

между тѣмъ, весенніе потоки и разливъ могли бы окончательно испортить или даже унести трупъ.

Лишь благодаря непоколебимому терпѣнію, энергіи и удивительной выносливости начальника экспедиціи, удалось все же достичь цѣли во-время. Послѣ чрезвычайно труднаго перехода въ 300 верстъ отъ Средне-Колымска, 9-го сентября первая часть экспедиціи прибыла на р. Березовку къ мѣсту находки мамонта, который оказался нетронутымъ, въ томъ самомъ видѣ, какъ его оставилъ казакъ Явловскій.

Трупъ мамонта находился на обрывистомъ лѣвомъ берегу рѣки, довольно круто спускавшемся отъ уровня почвы окружающей тайги къ рѣкѣ, которая бѣжитъ на 55 метр. ниже. Отъ берега трупъ находился въ 62 метрахъ и на 35 метрахъ надъ уровнемъ рѣки. Строеніе берега наводитъ на многія размышленія. Дѣло въ томъ, что подъ сравнительно тонкимъ верхнимъ слоемъ земли, прикрытымъ мхомъ, залегаетъ слой глинистой почвы, смѣшанной съ перегноемъ, камнями, корнями и кусочками дерева, толщиною въ 2, мѣстами въ 4 метра; чрезъ эту массу тянутся слоистые пласты льда толщиною въ 15—18 сантиметровъ. Подъ этимъ же наноснымъ слоемъ земли обнаруживается сплошная вертикальная ледяная стѣна, вышиною надъ мѣстомъ нахожденія мамонта въ 5—7 метровъ.

Такая ледяная стѣна была найдена и въ другихъ мѣстахъ обрывистаго берега рѣки. Ледъ, изъ котораго она состоитъ, буровато-землистаго цвѣта и содержитъ множество воздушныхъ пузырьковъ, форма которыхъ частью продолговатая, частью круглая. Между пузырьками, часто остающимися въ связи между собою, проникаютъ тонкіе слои песка или глины, образующіе мѣстами небольшія глыбы. Въ болѣе глубокихъ слояхъ ледяной скалы ледъ становится крѣпче и прозрачнѣе, мѣстами онъ даже совсѣмъ бѣлый и хрупкій; пробывъ, однако, хотя бы и короткое время, подъ вліяніемъ воздуха, и этотъ ледъ вновь принимаетъ желтовато-бурую окраску и тогда производитъ впечатлѣніе стараго льда.

Спрашивается, откуда взялся этотъ толстый, быть можетъ, даже очень толстый слой льда, прикрытый почвой, на которой и развилась теперешняя растительность? Г. Герцъ считаетъ мало вѣроятнымъ, что бы онъ могъ возникнуть изъ нанесенныхъ и смерзшихся слоевъ снѣга или отъ замерзанія разлившейся по долинѣ воды, — скорѣе всего, это ледъ древній, сохранившійся отъ ледниковаго періода. Это остатокъ гигантскаго бывшаго здѣсь нѣкогда ледника, прикрытый нанесенною почвой. Въ настоящее время ледяная стѣна постепенно подтаиваетъ отъ тепла и дождей и это обусловливаетъ сползаніе земляныхъ массъ, иногда цѣлыхъ холмовъ. При подобномъ-то сползаніи и обнаружился, по всей вѣроятности, трупъ мамонта, отъ котораго, впрочемъ, выставлялась наружу лишь одна голова.

Кожа на черепѣ оказалась съѣденной хищными животными, не нашлось и хобота, о чемъ приходится особенно пожалѣть:—изучить устройство хобота мамонта было бы чрезвычайно интересно.

Нѣкоторыя части головы оказались все же покрытыми кожею,—такъ, она

сохранилась на щекахъ, на правомъ вѣкѣ, отчасти на темени и на верхней губѣ; очень хорошо сохранилась нижняя губа.

Самымъ интереснымъ открытіемъ было нахожденіе *остатковъ пищи* между зубами мамонта,—доказательство того, что мамонтъ погибъ внезапно или, по крайней мѣрѣ очень быстро. Остатки эти состоятъ изъ частей растеній, изслѣдованіе которыхъ, равно какъ и изслѣдованіе прекрасно сохранившагося содержимаго желудка дастъ, несомнѣнно, интереснѣйшіе результаты.

Какъ только экспедиція мало-мальски осмотрѣлась, начаты были одновременно двѣ работы: постройка хижины для зимняго жилья и трудная и мѣшкотная работа по извлеченію мамонта. Первоначально съ бугра, образовавшагося надъ трупомъ, слой за слоемъ осторожно снималась земля, въ которой найдено было большое количество густой и длинной шерсти мамонта, отдѣлившейся отъ кожи.

Когда трупъ былъ обнаженъ отъ земли, дальнѣйшія работы были прекращены до прибытія второй партіи экспедиціи. Наступали уже холода, и можно было опасаться скораго замерзанія почвы; чтобы облегчить работу по извлеченію мамонта и воспрепятствовать примерзанію трупа, рѣшено было возвести надъ нимъ большую отопляемую избу, въ которой и можно было бы уже затѣмъ продолжать дальнѣйшія работы безпрепятственно.

Положеніе трупа мамонта, выяснившееся, когда была удалена земля, прикрывавшая его, чрезвычайно характерно. Обѣ переднія ноги были выставлены впередъ, обѣ заднія были подвернуты подъ трупомъ. Во всякомъ случаѣ, ясно было, что трупъ не былъ сюда принесенъ водою, а животное погибло именно на этомъ мѣстѣ и не отъ голода и истощенія—желудокъ его оказался набитымъ пищею. Вся поза мамонта свидѣтельствовала о томъ, что онъ провалился въ трещину или разсѣлину, находившуюся, по всей вѣроятности, въ ледяномъ слоѣ прикрытомъ тогда, быть можетъ, еще болѣе тонкимъ, чѣмъ теперь, слоемъ почвы. Попавъ въ разсѣлину, мамонтъ попробовалъ выкарабкаться и этимъ объясняется расположеніе его переднихъ ногъ: на правую, нѣсколько согнутую въ колѣнѣ, онъ, повидимому, упирался, тогда какъ лѣвою пробовалъ ступить далѣе впередъ. Поврежденія, полученныя имъ при паденіи, были, однако, настолько серьезныя, что, не успѣвъ выбраться, животное издохло. Дѣйствительно, у мамонта оказались сломанными тазъ и правое предплечье.

20-го сентября прибыла вторая часть экспедиціи, подъ начальствомъ г. Пфиценмейера, претерпѣвшая въ пути тѣ же самыя затрудненія и лишенія, какъ и первая. Тотчасъ же было приступлено къ постройкѣ избы надъ трупомъ мамонта, и къ 30-му сентября изба была уже готова. Попробовали ее отапливать, и оказалось, что это вполнѣ возможно. Чтобы трупъ не подвергался слишкомъ сильному нагрѣванію лучистою теплотою печи, онъ былъ отдѣленъ отъ послѣдней перегородкой. Для того, однако, чтобы мамонтъ не замерзалъ, приходилось безъ перерыву топить днемъ и ночью и все время наблюдать за огнемъ, чтобы не надѣлать пожара и не погубить такимъ образомъ драгоцѣнную находку.

Подъ покровомъ выстроенной избы работы по отрытію мамонта продолжа-

---

лись безпрепятственно, теперь уже въ теплѣ. Въ виду темноты, царившей въ избѣ пришлось проломить въ стѣнѣ окошко и, за неимѣніемъ стеколъ, вставить въ него большую льдину.

Постепенно, съ большою осторожностью, начали снимать землю съ различныхъ частей трупа. Мѣстами на кожѣ животнаго сохранилась въ полной цѣлости густая и длинная шерсть его, свидѣтельствовавшая о томъ, что мамонтъ вполнѣ былъ приспособленъ къ холодному климату. Такая шерсть, состоящая изъ длинныхъ волосъ въ 10—12 сант. длины и короткаго подшерстка, была найдена на нижней поверхности лѣвой передней ноги, такая же шерсть была найдена и у заднихъ ногъ. Цвѣтъ шерсти былъ отъ свѣтлаго желто-бураго до темно-бураго. Около нижней губы въ мерзлой землѣ торчали волоса, принадлежащіе подбородку и груди,—ихъ длина была 36 сант., но они были оборваны на концахъ и, судя по толщинѣ концовъ, можно было думать, что нормальная ихъ длина около 50 сантим. ($^3/_4$ аршина); эти волосы были черны и лишь ближе къ ногамъ становились свѣтлѣе. Длинная шерсть была и на плечахъ животнаго, спускаясь съ нихъ въ видѣ длинной гривы. Брюхо было покрыто лишь желтовато-бурымъ подшерсткомъ, длиною въ 2—3 сантим.

Кожа сохранилась большею частью превосходно, но кое-гдѣ ея не хватало,—такъ, на головѣ, въ передней части туловища и отчасти на бокахъ. Подъ кожей находился слой сала до 9 сантим. толщиною, оно было бѣлаго цвѣта, безъ запаха, губчатой, ноздреватой консистенціи и свободно рѣзалось.

Жилистое и проросшее жиромъ мясо изъ-подъ плеча было темно-краснаго цвѣта и на видъ казалось такимъ же свѣжимъ, какъ сильно промерзшее бычачье или конское мясо. «Долгое время мы совѣтовались,—пишетъ г. Герцъ,—не отвѣдать ли намъ этого мяса, такъ какъ оно имѣло очень аппетитный видъ, однако, никто не могъ рѣшиться взять его въ ротъ и ему предпочитали конину *). Брошенное собакамъ мясо мамонта съѣдалось ими весьма охотно».

Желудокъ мамонта оказался подвергшимся сильному гніенію, какъ это и должно было ожидать. Стѣнки его были темно-кофейно-бураго цвѣта, почти черныя; онѣ сгнили и мѣстами разорваны. Въ желудкѣ заключалось болѣе пуда остатковъ пищи, частью въ хорошемъ сохраненіи.

Само собою разумѣется, что при состояніи путей сообщенія, достаточно охарактеризованномъ выше, нельзя было и думать о перевезеніи мамонта цѣликомъ или большими частями. Приходилось расчленить трупъ на такіе куски, которые могли бы быть перевезены на нартахъ, запряженныхъ оленями. По мѣрѣ того, какъ части трупа освобождались все болѣе и болѣе отъ земли, ихъ отдѣляли одну за другою. Такъ былъ снятъ черепъ, отдѣлены переднія конечности, взятыя почти цѣликомъ, вынута значительная часть желудка.

Интересно, что сохранились даже остатки крови, именно между желудкомъ

*) Мы можемъ добавить, что когда мамонтъ былъ привезенъ въ Петербургъ, нашелся одинъ смѣльчакъ, рискнувшій попробовать его мяса; но... ему пришлось за это поплатиться серьезнымъ разстройствомъ желудка и онъ никому не рекомендовалъ повторять этого опыта!

и грудною костью были найдены частицы крови, «напоминающія собою марганцевокислый калій въ мелкихъ кусочкахъ»; при размягченіи эти частицы оставляютъ послѣ себя легко смываемое грязное темно-красное пятно; на ощупь онѣ напоминаютъ грубый сухой песокъ. Въ другомъ мѣстѣ трупа, именно у плечевыхъ костей кровь была другого вида,—она имѣла свѣтлый глинисто-желтый цвѣтъ и на ощупь казалась какъ бы превращенной въ известь.

Несмотря на относительно хорошее состояніе сохраненія трупа, онъ все же испускалъ сильнѣйшую вонь, распространявшуюся далеко по всей окрестности. Позднѣе вонь эта ослабѣла, но «можетъ быть,—пишетъ г. Герцъ,—мы до того къ ней привыкли, что и не замѣчаемъ ея болѣе».

По мѣрѣ того, какъ приближались къ хвостовому концу трупа, работа по расчлененію его становилась все труднѣе и труднѣе. Мясо, находящееся подъ тазомъ, было совершенно заморожено и твердо, какъ камень,—отдѣлять его отъ костей было чрезвычайно трудно. Кости бедра были такъ крѣпко соединены связками съ берцовыми, что пришлось вырѣзать всѣ эти кости цѣликомъ и расчленивать ихъ уже послѣ того, какъ онѣ были вынуты изъ трупа.

«Послѣ того, какъ мы срѣзали 7—8 пудовъ мяса,—пишетъ г. Герцъ,—мы могли приступить къ поднятію и нижней брюшной кожи, которая оказалась еще очень объемистой и которую мы рѣшили раздѣлить на куски только тогда, когда она будетъ вся обнаружена. Поднявъ при помощи рабочихъ кусокъ кожи, вѣсящій пудовъ 12—14, мы, къ величайшей нашей радости, открыли мы полный хвостъ мамонта и этимъ выяснили другой загадочный пунктъ. Радость, овладѣвшая нами при этомъ новомъ открытіи, была настолько велика, что мы, положивъ громадный кусокъ снова на землю, трижды громко прокричали «ура.» Мы не рѣшились разрѣзать еще цѣлый кусокъ кожи, дабы имѣть возможность доставить этотъ чудный объектъ цѣликомъ въ Императорскую академію наукъ».

Хвостъ оказался гораздо короче, чѣмъ предполагали раньше, и чѣмъ его воспроизводили на рисункахъ и возстановленныхъ по разрозненнымъ частямъ скелетахъ (напр., на скелетѣ, имѣющемся въ зоологическомъ музеѣ академіи наукъ). Онъ состоялъ, очевидно, изъ 22—25 хвостовыхъ позвонковъ и длиною былъ лишь въ 36 сантим. по нижней сторонѣ; у основанія своего онъ былъ расширенъ, такъ что въ обхватѣ имѣлъ 32 сантиметра. На концѣ хвоста имѣлись твердые, обломанные приблизительно до $^1/_4$ своей длины, волосы, указывающіе на то, что здѣсь находилась густая метелка волосъ. Длина этихъ волосъ достигаетъ 20—35 сантим., они ржаво-бураго цвѣта, какъ и волосы на передней сторонѣ лѣвой передней ноги. Волосы эти чрезвычайно толсты: нѣкоторые изъ нихъ у корня обладаютъ діаметромъ въ $^1/_2$ миллим.; на нижней сторонѣ хвоста они располагались гуще всего на самомъ концѣ его и съ боковъ.

11-го октября были произведены послѣднія операціи по разборкѣ трупа; части трупа были перенесены въ помѣщеніе экспедиціи и возможно прочно упакованы въ тюки такого размѣра и вѣса, что являлось возможнымъ перевезти ихъ на нартахъ.

Когда яма, изъ которой извлекли мамонта, была расчищена, ее еще углубили на $2^1/_4$ метра; оказалось, что на глубинѣ 1,9 метра начался сплошной

ледъ такого же точно качества, какъ ледъ стѣны обнаруживающейся на обрывѣ. Обстоятельство это доказываетъ, что ледяная стѣна, продолжается и подъ поверхностью берега, быть можетъ, даже и подъ рѣкою.

Ко времени окончанія работъ зимняя дорога уже вполнѣ установилась и являлось возможнымъ отправиться въ обратный путь. Для перевозки мамонта, составлявшаго въ общемъ грузъ около 100 пудовъ, было выстроено 10 саней, лошади были запасены заблаговременно, и 15-го октября первая партія экспедиціи тронулась въ путь.

Обратный путь экспедиціи былъ не многимъ легче предыдущаго тяжелаго путешествія къ мѣсту находки мамонта. Морозы стояли въ 45—50° R. ниже 0°, такъ что неоднократно бывали случаи отмораживанія лица. Сидѣнье или лежанье впродолженіи цѣлыхъ мѣсяцевъ въ узкихъ нартахъ сильно утомляло, а во время остановокъ въ первобытныхъ «поварняхъ», построенныхъ для защиты путешественниковъ отъ непогоды между отдѣльными станціями, расположенными часто въ разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ одна отъ другой, рѣдко приходилось отдохнуть, какъ слѣдуетъ. Примитивныя камины ихъ обыкновенно такъ плохо грѣли и такъ сильно дымили, что по часамъ приходилось сидѣть передъ ними на корточкахъ, чтобы сколько-нибудь отогрѣться. Ощущался и недостатокъ въ провизіи, тѣмъ болѣе, что годъ былъ безродный, и сами туземцы голодали.

Нерѣдко приходилось идти много верстъ пѣшкомъ, или вслѣдствіе чрезмѣрныхъ снѣжныхъ сугробовъ, или же, наоборотъ, изъ-за того, что снѣгъ оказывался сметеннымъ съ дороги. Большимъ затрудненіемъ являлись также «тарыны»—замерзшіе разливы рѣкъ. Приходилось идти на протяженіи многихъ верстъ по гладкой, какъ зеркало, ледяной поверхности, на которой ежеминутно падали и люди и лошади, а иногда случалось при этомъ и проходить текущую черезъ тарынъ ледяную воду.

Вообще на этомъ тяжеломъ пути экспедиціи пришлось испытать всѣ прелести путешествія зимою по сѣверной Сибири.

24-го декабря прибыла въ Якутскъ первая часть экспедиціи и 6-го января—вторая. Черезъ десять дней экспедиція выѣхала въ Иркутскъ и 18-го февраля благополучно прибыла въ Петербургъ, привезя въ полной сохранности свою цѣнную научную добычу.

Должно отдать полную справедливость энергіи, распорядительности и умѣнію г. Герца,—болѣе быстро и успѣшно не было возможности выполнить возложенную на него трудную задачу. Въ теченіе 10 мѣсяцевъ экспедиціей было пройдено 6.000 верстъ на саняхъ и 3.000 верстъ верхомъ по самой непроходимой тайгѣ и въ самую неблагопріятную пору. Уже само по себѣ это путешествіе является, въ виду перенесенныхъ экспедиціей лишеній, подвигомъ, свидѣтельствующимъ о самоотверженной преданности дѣлу науки.

Привезенныя въ замороженномъ видѣ части мамонта оказались въ превосходномъ состояніи. Кромѣ полнаго скелета, значительной части кожи, большого количества волосъ, оказался сохранившимся языкъ, желудокъ, penis, части

мозга со вполнѣ ясно различимой мозговой оболочкой, вышеупомянутые сгустки крови, наконецъ вполнѣ цѣлая мускулатура конечностей.

Мышцы сохранились идеально, и подъ микроскопомъ можно было даже наблюдать и измѣрить поперечную полосатость ихъ. Пишущему эти строки привелось видѣть отпрепарированныя конечности мамонта,—приходилось только удивляться той, по истинѣ, чудной картинѣ, которую онѣ представляли. Сморщенныя мышцы отличались отъ свѣжихъ только своимъ коричневымъ цвѣтомъ, по формѣ же и по ясности своихъ взаимоотношеній онѣ не оставляли желать ничего лучшаго. Особенно красива была одна изъ мышцъ передней конечности, разбивающаяся внизу на пять головокъ, идущихъ къ пальцамъ. Трудно было повѣрить словамъ геологовъ, доказывавшихъ, что мышцы эти пролежали въ нѣдрахъ земли не менѣе 10.000—70.000 лѣтъ!

Мы обладаемъ, такимъ образомъ, теперь научнымъ сокровищемъ, которому трудно подобрать равное на протяженіи всей исторіи естествознанія. Это самое обстоятельство налагаетъ, однако, на наше высшее ученое учрежденіе и большую отвѣтственность передъ лицомъ всемірной науки: недостаточно обладать цѣннымъ матеріаломъ, надо его теперь использовать соотвѣтственно съ достоинствомъ русской науки. Намъ кажется, что единственнымъ вѣрнымъ исходомъ было бы избраніе академіей наукъ коммиссіи изъ выдающихся русскихъ ученыхъ различныхъ спеціальностей, которой и должно бы предоставить обсудить планъ и способъ дальнѣйшей обработки драгоцѣнной научной добычи.

П. Ю. Шмидтъ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Отклоненіе маятника въ Индіи.—Сейсмографъ, какъ барометръ.—Жидкіе кристаллы.—Еще о цвѣтной фотографіи.—Клещи на корняхъ винограда.—Глазъ крота.—Чума у птицъ.—Движеніе кишекъ, видимое благодаря лучамъ Рентгена.—Общество для изученія психологіи животныхъ.—Отравленіе пивомъ.

S. G. Burrard произвелъ рядъ многочисленныхъ наблюденій надъ отклоненіямъ маятника въ Индіи. Какъ извѣстно, маятникъ отклоняется отъ вертикальной линіи, если земная кора въ данномъ мѣстѣ не однородна и онъ испытываетъ, съ одной стороны, бо́льшее притяженіе, благодаря присутствію болѣе плотныхъ частей, металлическихъ залежей и т. п. Такое отклоненіе маятника отъ вертикали причиняетъ большія затрудненія при тригонометрическихъ съемкахъ, такая неправильность въ опредѣленіи вертикальной линіи, сказываясь на показаніяхъ теодолита, влечетъ за собой ошибки въ астрономическомъ опредѣленіи мѣста. Нерѣдко отклоненія маятника встрѣчаются даже въ такой равнинной странѣ, какъ Россія; напомнимъ извѣстныя аномаліи недалеко отъ Москвы. Когда подобныя явленія были замѣчены въ Индіи, то причину отклоненій маятника сначала приписывали Гималаямъ, но при детальныхъ изслѣ-

дованіяхъ оказалось, что вліяніе этого мощнаго хребта существуетъ только на относительно близкихъ разстояніяхъ отъ него, въ другихъ же мѣстахъ, напр., въ Центральной Индіи, наблюдаемыя отклоненія маятника не могутъ быть объяснены вліяніемъ Гималаевъ и должны быть приписаны мѣстнымъ вліяніямъ. Дальнѣйшія изслѣдованія произведенныя г. Burrard въ различнѣйшихъ пунктахъ Индіи, привели къ совершенно новымъ и неожиданнымъ выводамъ. Мы приводимъ ихъ здѣсь въ самыхъ общихъ чертахъ. Если провести линію, почти черезъ Калькутту къ Девсѣ, пересѣкающую Индостанъ въ направленіи юго-востокъ-сѣверо-западъ, то эта линія для мѣстъ, расположенныхъ къ югу и къ сѣверу отъ нея, явится центромъ протяженія. На станціяхъ, расположенныхъ къ сѣверу отклоненіе маятника будетъ въ сторону юга, на южныхъ станціяхъ— въ сторону сѣвера. Дѣло происходитъ такимъ образомъ, какъ будто по этой линіи тянется подземная, очень плотная горная цѣпь, перерѣзающая весь полуостровъ съ востока на западъ на протяженіи 16.000 километровъ. Эта-то подземная цѣпь, идущая параллельно Гималаямъ, и вызываетъ въ предѣлахъ отъ 16-го до 30-го градуса сѣверной широты отклоненіе маятника. Но дѣйствительно ли существуетъ такая подземная цѣпь, богатая металлами, или же просто земная кора въ данномъ направленіи плотнѣе, чѣмъ къ югу и къ сѣверу отъ него? Для рѣшенія этого вопроса необходимы продолжительныя и спеціальныя изслѣдованія, которыя потребуютъ еще многихъ лѣтъ и, можетъ быть, многихъ работниковъ.

Сейсмографъ въ роли барометра. Этому интересному вопросу посвящена одна изъ послѣднихъ статей *F. Napier Denison*. Въ 1898 г. въ метеорологической обсерваторіи въ Викторіи имъ былъ установленъ сейсмографъ системы Мильна, въ цѣляхъ сравненія колебаній послѣдняго съ измѣненіями атмосфернаго давленія, отмѣчаемыми аерографомъ. Рядомъ продолжительныхъ наблюденій авторъ констатировалъ, что, когда атмосферное давленіе по берегу Тихаго океана, начиная отъ англійской Колумбіи до сѣвера Калифорніи, высоко, а въ открытомъ морѣ относительно низко, горизонтальный маятникъ сейсмографа имѣетъ тенденцію двигаться къ востоку. Когда же съ запада приближается буря, то этотъ маятникъ, часто за 18—24 часа до того, какъ мѣстный барометръ начнетъ падать, уже совершаетъ колебанія по направленію къ востоку, а, если, затѣмъ, наступаетъ періодъ высокаго давленія, то маятникъ сейсмографа начинаетъ совершать колебанія къ западу раньше, чѣмъ станетъ возможнымъ указать этотъ періодъ на обыкновенныхъ метеорологическихъ картахъ.

Жидкіе кристаллы. Относительно недавно, въ началѣ 90-хъ годовъ, проф. Леманомъ были открыты жидкіе кристаллы, или точнѣе жидкости, владѣющія двупреломленіемъ и плеохроизмомъ, т.-е. такими оптическими свойствами, которыя считались до того связанными исключительно съ кристаллическимъ строеніемъ вещества. Затѣмъ появились работы Квинке, Таммана и нѣкоторыхъ другихъ, объяснявшихъ эти оптическія явленія тѣмъ, что въ изслѣдуемыхъ мутныхъ жидкостяхъ всегда находятся мельчайшіе твердые кристаллики. Эти-то кристаллики

и вызываютъ двупреломленіе или плеохроизмъ. Только что вышедшая въ свѣтъ работа итальянскаго ученаго *А. Амеріо* заставляетъ склоняться скорѣе въ пользу предположенія Лемана, чѣмъ выводовъ Квинке и Таммана. Амеріо производилъ свои изслѣдованія надъ пара-азоксифенетоломъ («кристаллическія» свойства котораго были констатированы уже предыдущими наблюдателями) и пара-азофенетоломъ и могъ показать передъ большой аудиторіей двупреломленіе и плеохроизмъ этихъ двухъ веществъ въ жидкомъ состояніи. Для рѣшенія вопроса, имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ настоящей жидкостью или же съ мельчайшими кристаллами, находящимися въ мутной жидкости въ взвѣшенномъ состояніи, Амеріо прибѣгнулъ къ калориметрическимъ измѣреніямъ. Для пара-азофенетола итальянскій ученый нашелъ слѣдующія величины удѣльной теплоты: 1) въ жидкомъ и прозрачномъ состояніи при 170°—0,47; 2) въ жидкомъ, но мутномъ состояніи 150°—0,49; 3) въ твердомъ состояніи при 132°—0,39. Для пара-азоксифенетола величины удѣльной теплоты будутъ слѣдующія: 1) въ жидкомъ, прозрачномъ состояніи при 170°—0,47; 2) въ жидкомъ, но мутномъ состояніи при 154°—0,51. Эти числа совпадаютъ съ данными *Шенка*, который для пара-азоксифенетола тоже нашелъ, что удѣльная теплота въ прозрачномъ состояніи меньше, чѣмъ въ мутномъ, дающемъ явленія двупреломленія и плеохроизма.

Такимъ образомъ, изслѣдованія Амеріо и Шенка указываютъ скорѣе на особое жидкое (мутное) состояніе вышеозначенныхъ веществъ, чѣмъ на присутствіе въ такихъ жидкостяхъ мельчайшихъ твердыхъ кристалликовъ, и Амеріо предлагаетъ назвать такія жидкости, владѣющія двупреломленіемъ и плеохроизмомъ, «двупреломляющими или анизотропными жидкостями».

Еще о цвѣтной фотографіи. Въ одномъ изъ послѣднихъ №№-овъ журнала «Promettens» нѣмецкій ученый *Мите* предлагаетъ слѣдующій способъ цвѣтной фотографіи. Способъ этотъ относится къ такъ называемымъ непрямымъ, предложеннымъ Липманомъ, при которыхъ, какъ извѣстно, пользуются тремя различныхъ цвѣтовъ негативами (краснымъ, зеленымъ и фіолетовымъ) для полученія или трехъ снимковъ, окрашенныхъ въ дополнительные цвѣта (сустрактивный способъ), или трехъ діапозитивовъ, дающихъ при наложеніи ихъ другъ на друга точное воспроизведеніе цвѣтовъ предмета (аддитивный способъ). Первый способъ примѣняется къ трехцвѣтному печатанію—особенно иллюстрацій, гдѣ онъ даетъ прекрасные результаты, второй даетъ изображенія окрашенныхъ предметовъ на экранахъ. Насколько все это кажется сложнымъ на первый взглядъ, настолько же практическое примѣненіе названнаго способа цвѣтной фотографіи и въ особенности второго — аддитивнаго способа является дѣломъ очень простымъ. Существеннымъ условіемъ примѣненія этого метода является приготовленіе цвѣточувствительной пластинки, которая позволяла бы закрѣпить красныя части воспроизводимаго объекта, при относительно непродолжительной экспозиціи. Уже больше 25-ти лѣтъ тому назадъ Фогель показалъ, что обыкновенная фотографическая пластинка, чувствительная болѣе или менѣе явственнымъ образомъ лишь по отношенію къ голубому цвѣту, при по-

мощи нѣкоторыхъ манипуляцій, можетъ быть сдѣлана чувствительной и по отношенію къ другимъ цвѣтамъ. Въ настоящее время фабрикація чувствительныхъ пластинокъ достигла такихъ успѣховъ, что отношенія между продолжительностью экспозиціи для голубого, зеленаго и краснаго цвѣтовъ выражаются приблизительно числами 1, $2^1/_2$ и 3, такъ что, благодаря этимъ пластинкамъ, полученіе трехъ цвѣтныхъ клише въ соотвѣтственно приспособленномъ аппаратѣ лишь немного осложняетъ пріемы обыкновеннаго фотографированія.

Мите пользуется небольшимъ ручнымъ аппаратомъ съ камерой обыкновенныхъ размѣровъ, съ свѣтосильнымъ объективомъ и щелью, въ длину которой расположены три окрашенныхъ діафрагмы для краснаго, зеленаго и фіолетоваго цвѣта. Пластинка, на которой воспроизводятся три негативныхъ снимка рядомъ, помѣщается въ кассеткѣ, въ отверстіи, сзади щели. Негативы получаются послѣдовательнымъ передвиженіемъ трехъ діафрагмъ и при одинаковой продолжительности экспозиціи для всѣхъ трехъ негативовъ, такъ какъ путемъ предварительныхъ опытовъ можно урегулировать какъ величину экрановъ, такъ и количество пропускаемаго свѣта. Всѣ три негатива могутъ быть сняты и одновременно, если пользоваться спеціальными аппаратами, которые, впрочемъ, большихъ преимуществъ не представляютъ, такъ какъ они и не портативны и не даютъ достаточно сильнаго освѣщенія. Продолжительность экспозиціи, общая для всѣхъ 3-хъ негативовъ, при ясной погодѣ не превышаетъ 6—7 секундъ. Изъ полученныхъ такимъ образомъ негативовъ можно, какъ мы уже сказали выше, приготовить діапозитивы и получить изъ нихъ прозрачное цвѣтное изображеніе, при помощи спеціальнаго аппарата, или же пользоваться ими для проэкцій на экранѣ. Для послѣдней цѣли существуетъ также спеціальный аппаратъ, представляющій собою тройную проэкціонную камеру, три оси которой расположены такимъ образомъ, что при проэктированіи на экранѣ всѣ три отдѣльныя изображенія покрываютъ одно другое. Передъ каждымъ изъ 3-хъ объективовъ этого проэкціоннаго аппарата находятся діафрагмы соотвѣтствующихъ цвѣтовъ; въ результатѣ получается изображеніе, совершеннѣйшимъ образомъ воспроизводящее натуральные цвѣта предмета. Что касается трехцвѣтнаго печатанія (сустрактивный способъ), то даже самые совершенные, снимки сдѣланные по этому способу, даютъ лишь приближенныя воспроизведенія натуральныхъ цвѣтовъ, и всѣ существующія попытки (Люмьера, Селле и др.) подойти къ рѣшенію этой задачи еще довольно далеки отъ ея окончательнаго рѣшенія. Въ заключеніе авторъ указываетъ на то огромное научное техническое, и художественное значеніе, какое могутъ и будутъ имѣть прозрачно-цвѣтные снимки, какъ матеріалъ для проэкціонныхъ демонстрацій. Существуетъ огромная масса предметовъ и явленій, черное проэктированіе которыхъ можетъ дать на экранѣ только самое приблизительное и неполное представленіе о нихъ, съ развитіемъ же техники цвѣтного фотографированія по аддитивному способу сдѣлается возможнымъ болѣе совершенное воспроизведеніе такихъ предметовъ и явленій.

Клещи на корняхъ винограда. Съ 1895 года *Манжэнъ* и *Віала* начали изучать болѣзнь виноградныхъ лозъ, впервые появившуюся въ этомъ году въ Провансѣ и по характеру своему непохожую на всѣ извѣстныя до того болѣзни. По изслѣдованіямъ этихъ ученыхъ, въ данной болѣзни большую роль играетъ клещъ *Coepophagus echinopus*, который грызетъ корни лозы; клещъ этотъ нападаетъ на лозу уже послѣ того, какъ филоксера, угрицы, кошениль и другіе паразиты произвели свойственныя имъ пораженія корней лозы. Такимъ образомъ, къ пораженіямъ вышеупомянутыхъ паразитовъ присоединяются поврежденія, наносимыя клещами и окончательно уничтожающія части растенія; не будь клещей, эти растенія могли бы устоять, несмотря на дѣятельность другихъ паразитовъ. *Coepophagus echinopus*—сапрофитный паразитъ—живетъ обыкновенно на болѣе или менѣе разложившихся остаткахъ дерева. Дѣлается же онъ паразитомъ въ собственномъ смыслѣ этого слова только послѣ того, какъ корни растенія приготовлены для него или поврежденіями другихъ паразитовъ, или же ненормальнымъ развитіемъ самого растенія. Клещъ этотъ не является специфическимъ паразитомъ виноградной лозы, но можетъ жить и на другихъ растеніяхъ. Манжэнъ и Віала его не только на всѣхъ французскихъ лозахъ, но теплота также и на корняхъ больныхъ лозъ, присланныхъ изъ Калифорніи, Палестины, Португаліи, Австраліи, Чили и пр. По мнѣнію этихъ ученыхъ данный паразитъ можно найти во всѣхъ больныхъ виноградникахъ. Единственное средство, уничтожающее этихъ клещей, состоитъ въ поливкѣ пораженныхъ ими виноградниковъ сѣрнистымъ углеродомъ въ количествѣ 300 килограммовъ въ одинъ пріемъ на каждый гекторъ виноградника или же, еще лучше, въ 2 пріема по 200 кило каждый разъ. Благодаря этому средству болѣзнь виноградника уничтожается къ концу 2-го года. Поливка производилась лѣтомъ (между іюнемъ и сентябремъ).

Глазъ крота. Въ *American Morphological Society* напечатано интересное изслѣдованіе James B. Slonaker'а о глазѣ крота. Весь глазъ этого животнаго покрытъ кожей и имѣетъ видъ чернаго пятна. Глазъ—совершенно выродившійся и не можетъ служить органомъ зрѣнія; самое большое, что, животное можетъ только различать свѣтъ отъ темноты.

Поражаетъ громадное уменьшеніе размѣровъ глаза, касающееся больше всей совокупности этого органа, чѣмъ ретины; послѣдняя имѣетъ относительно значительные размѣры, но только, вслѣдствіе общаго вырожденія, вся въ складкахъ и сморщена. Стекловидное тѣло и передняя камера также сильно атрофированы, а иногда даже совершенно отсутствуютъ. Хрусталикъ атрофированъ и форма его у различныхъ индивидуумовъ измѣнена самымъ различнымъ образомъ. Строеніе глаза, какъ у новорожденныхъ, такъ и взрослыхъ животныхъ одинаково. Различіе только въ томъ, что глазъ взрослаго крота вѣситъ больше, чѣмъ новорожденнаго. Глазные мускулы и оптическій нервъ ясно различимы, но при рожденіи нервъ состоитъ почти исключительно изъ клѣточекъ, въ немъ почти нѣтъ волоконъ; позже появляются и волокна, но это превращеніе происходитъ только въ глазу и не идетъ далѣе. Разрѣзъ

глаза крота сведенъ къ одной точкѣ и расположенъ такимъ образомъ, что лучи свѣта не могли бы войти въ глазъ по линіи зрительной оси, если бы даже кожа, покрывающая глазъ этого животнаго, была снята. Въ ретинѣ присутствуютъ всѣ нормальные элементы, но только слой гангліозныхъ клѣтокъ очень толстъ. Характернымъ для хрусталика глаза крота являются особыя клѣтки, съ ясно выраженными ядрами, напоминающія хрящевыя клѣтки.

Чума у птицъ. Болѣзнь эта клинически изслѣдована 10 лѣтъ тому назадъ въ Италіи, гдѣ она производитъ громадныя опустошенія среди птицъ. За послѣдній годъ въ Германіи во многихъ мѣстахъ эпизотія эта также истребила массу птицъ. Только недавно изучили эту болѣзнь съ точки зрѣнія бактеріологической два итальянскихъ ученыхъ—*Маджіари* и *Валенти* (изъ моденскаго гигіеническаго института) и два австрійскихъ *Лоде* и *Груберъ* (изъ иннсбрукскаго гигіеническаго института). Какъ тѣ, такъ и другіе ученые, независимо другъ отъ друга, пришли къ заключенію что, микробъ, вызывающій эту болѣзнь принадлежитъ къ невидимымъ микробамъ.

Лоде и Груберъ дали названіе этой болѣзни «kyanolophiea», что означаетъ «синюха гребешка». Но по мнѣнію *Центани*, синюха гребешка не является вовсе постояннымъ и характернымъ признакомъ этой болѣзни, лучше всего назвать ее *чумой*.

Болѣзнь обыкновенно оканчивается смертью въ 3, 4 дня самое большее, но въ нѣкоторыхъ особыхъ и рѣдкихъ случаяхъ можетъ продолжаться 7—8 дней. Животное, заболѣвшее чумой, никогда не выздоравливаетъ; стоитъ заболѣть одной только птицѣ, то, въ большинствѣ случаевъ, заболѣваютъ и всѣ остальныя. Заболѣвшая птица отказывается отъ пищи, впадаетъ въ состояніе слабости и сонливости, свертывается въ клубокъ и не обращаетъ никакого вниманія на окружающее. Температура быстро подымается до 43°, а затѣмъ во время агоніи также быстро падаетъ иногда даже до 30°. Анатомо-паталогическія измѣненія не представляютъ ничего характернаго, кровь—ничего ненормальнаго; культуры крови не содержатъ микробовъ; различнѣйшіе методы окраски съ цѣлью открыть присутствіе микроба, дали отрицательные результаты. И все же, несмотря на это, достаточно вспрыснуть нѣсколько капель такой крови подъ кожу здоровой курицѣ, чтобы она умерла черезъ 3—4 дня. Достаточно даже простого укола обмокнутой въ эту кровь иглы, чтобы вызвать смерть, иногда уже черезъ 30 часовъ. По изслѣдованіямъ Маджіори и Валенти, чтобы убить курицу въ 60 часовъ, достаточно вспрыснуть ей 4 куб. сант. крови, разведенной въ пропорціи 1:125.000.000. Болѣзнь можетъ проникнуть и черезъ пищеварительный каналъ: стоитъ только налить нѣсколько капель крови на пищу.

Всѣ вышеупомянутые авторы вмѣстѣ съ Центани пришли къ заключенію, что если нельзя открыть никакого микроба этой болѣзни, то только вслѣдствіе чрезвычайно малой величины его. Это предположеніе вполнѣ подтверждается слѣдующими опытами. Центани разрѣзывалъ на маленькіе кусочки сердце и легкія зараженной курицы дѣлалъ изъ нихъ эмульсію въ 100 куб. с.

физіологическаго раствора соли и профильтровывалъ все это. Профильтрованная жидкость оставалась совершенно прозрачной даже послѣ 8 дней нахожденія ея въ воздушной банѣ, но тѣмъ не менѣе достаточно было вспрыснуть ее въ количествѣ 1 куб. сант. здоровой курицѣ, чтобы послѣдняя погибла черезъ 34 часа. Многочисленные опыты подобнаго рода убѣждаютъ въ томъ, что микробъ легко проходитъ черезъ фильтръ Шамберлэна и Беркефельда, сохраняя вполнѣ всю свою ядовитость. Микробъ чумы птицъ выдерживаетъ температуру въ 55° впродолженіи получаса, но его уничтожаетъ температура въ 60°, если его подвергать ея дѣйствію въ теченіе часа. Въ запаянныхъ трубкахъ микробъ этотъ можетъ сохраняться очень долго.

Кроликъ, собака, лисица, которыхъ кормили курицей, зараженной чумой не заболѣвали ею. Чувствительными же къ ней оказались: индюкъ, гусь, курица, утка. Голубь самъ не заражается чумой, но если вспрыснуть ему подъ кожу кровь или профильтрованную вытяжку органовъ чумной птицы, то у него появляются головокруженія и онъ начинаетъ терять равновѣсіе. При вскрытіи такого голубя у него находятъ патологическія измѣненія въ полукружныхъ каналахъ.

По мнѣнію Центани и нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ, извѣстно 10 невидимыхъ микробовъ; къ нимъ принадлежатъ, между прочими, микробъ чумы рогатаго скота и микробъ желтой лихорадки.

О движеніяхъ кишекъ, изучаемыхъ при помощи лучей Рентгена. Уже нѣсколько лѣтъ, благодаря рентгеновскимъ лучамъ, стало возможнымъ наблюдать у лягушки и собаки нѣкоторыя изъ движеній желудка. Испытуемое животное заставляли проглатывать съ пищей большое количество основной азотнокислой соли висмута и затѣмъ помѣщали животное между аппаратомъ, дающимъ рентгеновскіе лучи, и фосфоресцирующимъ экраномъ. На этомъ послѣднемъ желудокъ животнаго, ставшій благодаря висмуту, непроницаемымъ, для рентгеновскихъ лучей вырисовывается съ поразительною ясностью. Такимъ образомъ, по краю тѣни, отбрасываемой желудкомъ и соотвѣтствующей большой кривизнѣ его, можно видѣть движущуюся медленно и равномѣрно другую небольшую тѣнь, по направленію отъ дна желудка къ привратнику, причемъ движенія этой тѣни постепенно замедляются и у самаго привратника прекращаются.

Недавно Канону удалось изучить движенія тонкихъ и толстыхъ кишекъ, при помощи рентгеновскихъ лучей, не прибѣгая къ вскрытію животнаго, какъ это дѣлалось предыдущими авторами. Въ тонкихъ кишкахъ наблюдаются два рода движеній, независимыхъ другъ отъ друга: движенія перистальтическія и кольцеобразныя сокращенія. Перистальтическія движенія совершаются по направленію естественнаго передвиженія содержимаго кишекъ и состоятъ въ червеобразномъ движеніи, т.-е. въ послѣдовательномъ кругломъ съуженіи кишки, начиная сверху. Перистальтическія движенія также ясно видимы на кишечникѣ животнаго, брюшная полость котораго вскрыта, и кишечникъ такимъ образомъ подвергается охлажденію и высыханію. Особенно же эти движенія

сильны у животнаго, умирающаго отъ удушенія, асфиксіи. На ряду съ этими движеніями, давно извѣстными и описанными, Канонъ указываетъ на существованіе кольцеваго съуженія, которое происходитъ внезапно въ различныхъ точкахъ тонкихъ кишекъ, расположенныхъ равномѣрно по отношенію другъ къ другу. Кольца эти отграничиваютъ извѣстные участки кишекъ; затѣмъ въ этихъ участкахъ также появляется кольцевое съуженіе, и это явленіе совершается съ громадной быстротой, у кошки, напримѣръ, до 30 разъ въ минуту. Ясно, какъ, благодаря этимъ различнымъ движеніямъ, хорошо смѣшиваются между собою пищеварительные соки и пищевыя вещества. Антиперистальтическія движенія, ни разу не наблюдавшіяся въ тонкихъ кишкахъ, наблюдаются главнымъ образомъ, въ толстыхъ же кишкахъ, продолжаются эти движенія въ теченіе нѣсколькихъ минутъ и останавливаются у заслонки слѣпой кишки, у которой прекращаются также перистальтическія движенія тонкихъ кишекъ. Кромѣ, того Канонъ наблюдалъ общія сократительныя движенія толстыхъ кишекъ, начинающіяся въ моментъ поступленія содержимаго тонкихъ кишекъ въ толстыя, послѣ того, какъ оно прошло заслонку слѣпой кишки.

Общество для изученія зоологіи животныхъ. При парижскомъ институтѣ психологіи (Institut psychologique) только что образовалась особая секція зоопсихологіи. Эта секція избрала президентомъ Эдмонда Перье, вице-президентомъ Эспинаса, секретарями Маршаля и Менего. Среди ея членовъ находятся, между прочими, члены института — Делажъ, Жіаръ, Гумбертъ, профессора Бувье, Усталэ, Вальянъ и многіе др. Эта группа поставила себѣ цѣлью: 1) изучать всѣ психическія проявленія животныхъ при помощи точныхъ методовъ наблюденія и опыта; 2) способствовать появленію работъ въ этой области; 3) связывать и сравнивать полученные результаты для того, чтобы выводить заключенія, соотвѣтствующія даннымъ науки.

Въ статьѣ, опубликованной отъ имени этой группы, говорится, что къ сотрудничеству будутъ привлечены всѣ, несмотря на различія философскаго толка; единственное условіе, требуемое отъ сотрудниковъ то, это чтобы доставлялись точные факты, по возможности подлежащіе контролю, и чтобы работы были прозведены методами научнаго наблюденія и опыта. По отношенію къ позвоночнымъ прекраснымъ случаемъ для изслѣдованій является изученіе тѣхъ измѣненій, которыя претерпѣваетъ психика животныхъ при одомашненіи и дрессировкѣ. Лица, занимающіяся животноводствомъ, и охотники могутъ внести богатый вкладъ въ изученіе психологіи животныхъ, при условіи, конечно, что эти лица будутъ не чужды научной критики.

По отношенію къ птицамъ было бы полезно собрать разсѣянные матеріалы, касающіеся миграцій и причинъ, вызывающихъ послѣднія, а также данныя о разведеніи голубей, монографіи о дикихъ видахъ, факты измѣненія инстинкта, въ зависимости отъ внѣшнихъ условій и т. п. Для психологіи насѣкомыхъ большой интересъ представляли бы монографіи, касающіяся психическихъ способностей опредѣленнаго вида, изученіе индивидуальныхъ измѣненій даннаго инстинкта, въ зависимости отъ климата и отъ условій опыта, создаваемыхъ экспериментаторомъ.

Вообще всѣ классы животныхъ могутъ быть подвергнуты подобному изученію; даже изученіе тѣхъ, у которыхъ проявленія психической дѣятельности наиболѣе просты и элементарны, даетъ основанія для разрѣшенія многихъ интересныхъ проблеммъ.

Нужно надѣяться, что секція зоопсихологіи своими собственными изслѣдованіями и публикаціями, а также созданіемъ особой библіотеки и спеціальныхъ лабораторій окажетъ громадное вліяніе на прогрессъ психологической науки.

Не умалило бы достоинства и русской науки учрежденіе подобныхъ секцій при нашихъ обществахъ естествоиспытателей, тѣмъ болѣе, что и среди русскихъ ученыхъ есть не мало лицъ, съ большимъ успѣхомъ работающихъ уже въ области зоопсихологіи.

Отравленіе пивомъ. Годъ тому назадъ въ газетахъ появилось сообщеніе изъ Англіи о случаяхъ отравленія мышьякомъ при употребленіи пива, причемъ нѣкоторые изъ этихъ случаевъ сопровождались даже смертью. Недавно напечатанъ отчетъ комиссіи, назначенной для разслѣдованія причинъ, вызвавшихъ эти случаи. Какъ выяснилось изъ тщательныхъ анализовъ различныхъ сортовъ англійскаго пива, содержащими мышьякъ оказались всѣ тѣ сорта, при изготовленіи которыхъ употреблялся сахаръ одной ливерпульской фирмы. На заводѣ этой фирмы сахаръ получался путемъ обработки крахмала сѣрной кислотой, которая доставлялась, въ свою очередь, однимъ химическимъ заводомъ въ Лидсѣ. Кислота эта заключала до 2,6% мышьяка, часть котораго, разумѣется, переходила и въ сахаръ, такъ что послѣдній оказался содержащимъ отъ 0,05 до 0,15% мышьяковистой кислоты. Пиво же, приготовленное при употребленіи такого сахара, содержало 0,0031—0,0143 грамма мышьяковистой кислоты на 1 литръ (0,25 гр. дѣйствуютъ въ большинствѣ случаевъ уже смертельно). Отсюда очевидна опасность употребленія неочищенныхъ кислотъ при фабрикаціи пищевыхъ продуктовъ и необходимость воспрещенія употреблять такія кислоты. Опасна также работа съ такими кислотами. Такъ, недавно три итальянца умерли въ Бреславлѣ отъ отравленія мышьяковистымъ водородомъ. Для увеселенія ярмарочной публики на площади пускали воздушный шаръ. Шаръ, какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, наполнялся водородомъ, который добывали дѣйствіемъ неочищенной соляной кислоты на цинкъ. Вмѣстѣ съ водородомъ, при дѣйствіи такой кислоты, несомнѣнно, получался и тотъ ядовитый газъ, жертвой котораго сдѣлались итальянцы. **В. А.**

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Іюль 1902 г.

Содержаніе:—Беллетристика.—Критика и исторія литературы.—Исторія русская.—Философія.—Географія и этнографія.—Естествознаніе.—Медицина.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Ив. Бунинъ. «Новыя стихотворенія».— *З. Гиппіусъ.* «Третья книга разсказовъ».— *Фильдингъ.* «Душа одного народа».

Новыя стихотворенія. Ивана Бунина. Москва. 1902 г. Ц. 1 р. Новыя стихотворенія г. Бунина очень милы, хотя и не прибавляютъ ничего къ имени его, какъ поэта, послѣ извѣстнаго его сборника «Листопадъ». Во многомъ они даже уступаютъ его прежнимъ стихотвореніямъ, какъ по выразительности и яркости стиха, такъ и по содержанію, въ которомъ нѣтъ прежней ясности настроенія. Скорѣе—во всѣхъ преобладаетъ что-то надуманное, подчасъ холодное умствованіе замѣняетъ силу чувства, что расхолаживаетъ читателя. Невольно становится жаль прежняго г. Бунина съ его полугрустными, полумечтательными настроеніями, съ его тонкимъ, любовнымъ пониманіемъ природы, съ его умѣніемъ такъ нѣжно изображать безконечные переливы красокъ то осени, какъ въ «Листопадѣ», то первыхъ дней весны или жгучихъ морозныхъ ночей. Г-нъ Бунинъ, по видимому, хочетъ стать выше всего этого, стремится на нѣкія вершины, гдѣ въ уединенномъ величіи хочетъ безстрастно взирать на нашу грѣшную землю. И тамъ разражается сонетомъ:

На высотѣ, на снѣговой вершинѣ,
Я вырѣзалъ стальнымъ клинкомъ сонетъ.
Проходятъ дни. Быть можетъ, и донынѣ
Снѣга хранятъ мой одинокій слѣдъ.

На высотѣ, гдѣ небеса такъ сини,
Гдѣ радостью сіяетъ зимній свѣтъ,
Глядѣло только солнце, какъ стилетъ
Чертилъ мой стихъ на изумрудной льдинѣ.

И весело мнѣ думать, что поэтъ
Меня пойметъ. Пусть никогда въ долинѣ
Его толпы не радуетъ привѣтъ!
На высотѣ, гдѣ небеса такъ сини,
Я вырѣзалъ въ вечерній часъ сонетъ
Лишь для того, кто бродитъ на вершинѣ.

Увы! старо все это, какъ міръ, и кажется, со временъ Горація, не было поэта, который горделиво не заявлялъ-бы такихъ же требованій: «procul profani!» Но и не было также поэта, который писалъ бы свои сонеты только для себя, а не для насъ грѣшныхъ. Въ особенности, когда онъ предаетъ ихъ прозаическому тисненію,—хотя бы и на картонѣ, какъ выпустилъ свои «Новыя стихотворенія» г. Бунинъ,—и лаконически, но твердо заявляетъ: «Цѣна 1 р.».

И въ новомъ сборникѣ, къ счастью для читателей, есть не мало прекрасныхъ, простыхъ пьесъ, чуждыхъ настроенію неземного величія и прочихъ мало

свойственныхъ таланту г. Бунина аксессуаровъ. Таковы «Жемчугъ», «Съ кургана», «Въ старомъ городѣ», «Ночь», «Въ поздній часъ» и другія, въ которыхъ поэтъ свободно отдается охватившему его настроенію любви, нѣжной ласки или грусти, ни мало не заботясь о «вершинахъ» и собственномъ величіи. Въ нихъ чувствуется прежній г. Бунинъ, еще не чурающійся толпы и потому понятный намъ и близкій. *А. Б.*

Гиппіусъ. Третья книга разсказовъ. 1902 г. Ц. 2 р. Изд. А. Е. Колпинскаго. Большую часть книги занимаетъ повѣсть «Сумерки духи», напечатанная два года назадъ въ «Жизни» и тогда же вызвавшая только недоумѣніе какъ читателей, такъ и критики. Перечитывая ее теперь вновь, мы должны признаться, что это недоумѣніе еще усиливается, и мы глубоко убѣждены, что и самъ авторъ едва ли понимаетъ, въ чемъ собственно здѣсь сумерки и каково должно бы быть просвѣтленіе? Крупнѣйшимъ недостаткомъ повѣсти является—скука и нехудожественность.

Вообще, большія вещи не по силамъ г-жѣ Гиппіусъ, у которой не хватаетъ силъ написать широкую картину, сложную и глубокую. Она по таланту новеллистка, и ея небольшіе разсказы гораздо лучше, ярче и живѣе. Въ настоящемъ сборникѣ, къ сожалѣнію, изъ пяти разсказовъ хорошъ только одинъ, и, то испорченный страннымъ и вычурнымъ заглавіемъ «Святая плоть». Въ прошломъ году этотъ разсказъ былъ напечатанъ въ нашемъ журналѣ подъ заглавіемъ «Чистая сердцемъ». Теперь г-жѣ Гиппіусъ понадобилось перемѣнить названіе, чтобы создать параллель къ фантастической драмѣ, помѣщенной въ томъ же сборникѣ,—«Святая кровь», о которой мы уже говорили по поводу сборника «Сѣверные цвѣты».

Въ одномъ изъ разсказовъ «Слишкомъ ранніе»,—слишкомъ пустомъ, чтобы стоило на немъ останавливаться, — мы натолкнулись на курьезное замѣчаніе, что «бывшіе декаденты очень практичны». Это очень вѣрно, но съ добавленіемъ, что «не только бывшіе». Они весьма недурно умѣютъ вести свои дѣлишки, съ «новой красотой» сочетая старые, но вѣрные пріемы для добыванія «презрѣнныхъ средствъ», необходимыхъ для существованія всякой красоты.

А въ общемъ «Третья книга» разсказовъ г-жи Гиппіусъ отдаетъ такой щемящей скукой, что бѣднаго автора становится жалко. Только злая скука можетъ выжимать такія, наприм., признанія: «Что же такое декаденты, настоящіе, страшные?.. Декаденты—это тѣ, которые дошли до раздвоенія и не удержались, упали въ плѣнительность предѣльной дисгармоніи, и гибнутъ, потому что для нихъ уже нѣтъ соединенія. Декадентовъ губитъ ихъ тѣло. Декадентовъ губитъ ихъ душа То, что, соединяясь, создаетъ силу, — въ раздѣльности—только двѣ слабости. Два кинжала, доточенные до тонкости ломкой иглы; два кинжала, которые можно бы перековать въ одинъ мечъ!» Право, нужно скучать, какъ «фаянсовый мопсъ», чтобы дописаться до такого словоизверженія. «Писать легче, нежели говорить: мы пишемъ. Отвлеченно писать легче, нежели прямо—и я пустилась въ общія разсужденія. Исписала страницы—и не сказала главнаго», пишетъ героиня того же разсказа «Слишкомъ ранніе», — и все это цѣликомъ примѣнимо къ бѣдному автору, въ книгѣ котораго мы все время путаемся въ такихъ изліяніяхъ и въ концѣ концовъ—ничего. До главнаго онъ такъ и не можетъ добраться, снѣдаемый скукой и безсиліемъ одолѣть ее. *А. Б.*

Фильдингъ. Душа одного народа. Пер. съ англійскаго П. А. Буланже. Изд. «Посредника». Москва. 1902 г. Ц. 1 р. Мало книгъ, которыя читались бы съ такимъ неослабнымъ интересомъ и давали бы такъ много. Это полное и глубокое изложеніе буддійской доктрины, но не въ видѣ отвлеченнаго разсужденія, а въ увлекательномъ, художественномъ разсказѣ о жизни и бытѣ бирманцевъ. Буддизмъ изображенъ въ томъ видѣ, какъ онъ отразился въ душѣ

бирманцевъ, въ ихъ нравахъ, общественномъ устройствѣ, взаимныхъ отношеніяхъ и въ отношеніяхъ къ чужестранцамъ. По увлекательности и поэтичности описаній книга Фильдинга можетъ быть поставлена наравнѣ съ знаменитой поэмой Эдвина Арнольда о Буддѣ. Она очень близка съ ней и по духу, но Арнольдъ излагаетъ въ поэтическихъ образахъ жизнь и ученіе Будды, а Фильдингъ повѣствуетъ о томъ, какъ подъ вліяніемъ этого ученія сложилась жизнь цѣлаго народа и развилась его душа. «Жизнь бирманца и вѣра его—это одно великое цѣлое», говоритъ авторъ въ заключеніе, и въ своей книгѣ развиваетъ эту основную мысль съ блескомъ и силой. Оригинальность книги усиливается тѣмъ, что предъ читателемъ постепенно раскрывается одна изъ чудеснѣйшихъ восточныхъ культуръ, своей древностью не уступающая нашей и во многихъ отношеніяхъ стоящая выше. Она проще, естественнѣе и, главное, справедливѣе нашей. Многое, о чемъ мы только мечтаемъ, въ ней осуществлено, и люди тамъ не страдаютъ отъ раздвоенности между требованіями вѣры и условіями своей жизни, что и придаетъ такую обаятельность картинѣ, рисуемой авторомъ. Если даже авторъ увлекается самъ и идеализируетъ жизнь бирманцевъ, все же его книга не теряетъ значеніе, открывая возможность идеальнаго существованія безъ вѣчныхъ мукъ неудовлетворенности, безъ колебаній между велѣніями совѣсти и требованіями общественнаго уклада, безъ тяжелыхъ матеріальныхъ нуждъ и мучительной борьбы за существованіе. Какую роль играетъ въ этомъ буддизмъ и какъ бирманцы съумѣли устроить жизни согласно его наставленіямъ, все это въ прекрасной формѣ найдетъ читатель въ этой замѣчательной и глубокой книгѣ. *А. Б.*

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

А. Мезіеръ. «Русская словесность».—*Н. Степановъ.* «В. А. Жуковскій, какъ наставникъ».—*И. Бѣляевъ.* «Крестьянинъ-писатель начала XVIII в.».—*В. Н. Майковъ.* «Сочиненія».

Русская словесность съ XI по XIX столѣтія включительно. Библіографическій указатель произведеній русской словесности въ связи съ исторіей литературы и критикой. Книги и журнальныя статьи. Часть II. Русская словесность XVIII и XIX ст. Съ предисловіемъ Н. А. Рубакина. Составила А. В. Мезіеръ. Спб. 1902. III+650 стр. Цѣна 4 руб. Первый томъ труда г-жи Мезіеръ, содержавшій въ себѣ указатель книгъ и журнальныхъ статей, относившихся къ древней (до-петровской) русской литературѣ, вышелъ въ свѣтъ въ 1900 г. Теперь появился и заключительный 2-ой томъ, въ которомъ трудолюбивая составительница нѣсколькихъ кропотливыхъ библіографическихъ трудовъ, г-жа Мезіеръ, собрала, насколько это было доступно, подробный перечень книгъ, брошюръ, сборниковъ и журнальныхъ (и даже газетныхъ) статей, относящихся къ области русской беллетристики, поэзіи, критики и соприкасающихся съ ними отраслей литературы за два послѣднія столѣтія—восемнадцатое и девятнадцатое.

Трудъ г-жи Мезіеръ заслуживаетъ тѣмъ большую благодарность, что послѣ смерти извѣстнаго библіографа В. И. Межова (давшаго, кромѣ разныхъ спеціальныхъ библіографическихъ работъ, также и указанія критикъ и рецензій по русской литературѣ и ея исторіи въ его каталогахъ Базунова и Исакова и прибавленіяхъ къ этимъ каталогамъ), у насъ, начиная съ восьмидесятыхъ годовъ XIX вѣка, вовсе не имѣлось общихъ библіографическихъ работъ по современной русской литературѣ. Между тѣмъ, указатель критическихъ статей какъ о прежнихъ, такъ и о современныхъ писателяхъ необходимъ и для читаю-

*

щей публики, и для всѣхъ, занимающихся литературой. Поэтому то книга г-жи Мезіеръ является совершенно необходимой и для многихъ должна стать настольнымъ пособіемъ.

Въ книгѣ г-жи Мезіеръ перечислены въ алфавитномъ порядкѣ не только отдѣльно изданныя произведенія русскихъ беллетристовъ, поэтовъ и критиковъ, но даже указаны ихъ статьи въ журналахъ и періодическихъ изданіяхъ. Это перечисленіе доведено до текущаго 1902 года. При указаніяхъ полныхъ собраній сочиненій и сборниковъ подробно перечисляется все ихъ содержаніе (причемъ относительно сочиненій Бѣлинскаго, Лермонтова, Пушкина, Л. Н. Толстого и др. крупныхъ писателей даже встрѣчаются по нѣсколько разъ излишнія повторенія при перечисленіяхъ содержанія разныхъ изданій ихъ сочиненій).

Въ такомъ громадномъ и сложномъ трудѣ, какъ книга г-жи Мезіеръ, встрѣчаются, конечно, ошибки, промахи и пропуски, ничуть, однако, не умаляющіе цѣнности этого почтеннаго труда. Такъ, уже при бѣгломъ просмотрѣ книги г-жи Мезіеръ (проштудировать весь этотъ трудъ, заключающій въ себѣ до 26.000 заглавій на 650 страницахъ, въ 2 столбца, мелкаго шрифта и большого формата, потребуется много времени и усилій даже для присяжныхъ библіографовъ) мы натолкнулись на разныя ошибки или пропуски. Напр., статьи А. М. Скабичевскаго (въ «Отеч. Зап.» 1874 г.) «Мысли, навѣваемыя текущій литературой», подписанныя псевдонимомъ *Паргололвскій мизантропъ* (псевдонимъ этотъ былъ раскрытъ еще въ 70-хъ годахъ) приписаны Н. К. Михайловскому (стр. 604). Не указаны разныя и довольно цѣнныя критическія статьи а наиболѣе крупныхъ русскихъ писателяхъ. Пропущена, напр., о г. Короленко, статья 1898 г. Ѳ. Д. Батюшкова «О смѣнѣ поколѣній и объ искателѣ», какъ пропущена статья того-же г. Батюшкова (и тоже 1898 г.) о Чеховѣ и Короленко «На разстояніи полувѣка». Не указаны нѣкоторыя критическія статьи о сочиненіяхъ Щедрина (стр. 363—364 и 507), и въ списокъ статей Д. И. Писарева (стр. 628), не вошедшихъ будто бы въ собраніе его сочиненій, по ошибкѣ включены 9 его статей, включенныхъ въ 2 послѣднія Павленковскія изданія сочиненій Писарева. Эта ошибка тѣмъ удивительнѣе, что тѣ же самыя статьи указаны (стр. 597) при перечисленія содержанія Павленковскаго изданія 1894 г. сочиненій Писарева. Три статьи Салтыкова въ «Отеч. Зап.» 1870—1871 г.г. приписаны какому то г. М. М. (стр. 606). Не указаны статьи о Баратынскомъ П. О. Морозова и П. В. Быкова, а о декабристѣ Батенковѣ пропущена весьма цѣнная статья Е. И. Якушкина. Далеко не всѣ статьи указаны и о Герценѣ (хотя ихъ можно было бы взять изъ «Источниковъ словаря русскихъ писателей» С. А. Венгерова). Статья «Памяти В. С. Курочкина», принадлежащая Л. М. Медвѣдеву (въ «Сѣв. Курьерѣ» 1900 г. подъ нею подписана фамилія автора), приписана Д. Сильчевскому (стр. 496), которому, въ дѣйствительности, принадлежитъ, совсѣмъ другая статья (хотя въ томъ же «Сѣв. Курьерѣ»): «Изъ воспоминаній о В. С. Курочкинѣ». Число такихъ ошибокъ мы могли бы еще увеличить, но, повторяемъ, онѣ не уменьшаютъ значенія и важности труда г-жи Мезіеръ, почему и нельзя не пожелать этой книгѣ успѣха. *Д. П. С.*

Н. П. Степановъ. В. А. Жуковскій, какъ наставникъ Царя-Освободителя. Спб. 1902 г. стр. 94. Цѣна 60 коп. Автору названной книжки почему-то показалось, что о педагогической дѣятельности Жуковскаго «мало извѣстно кому *что-нибудь*», и онъ задался цѣлью «возстановить образъ педагога-поэта». Но для возстановленія этого образа г. Степановъ воспользовался далеко не всѣмъ печатнымъ матеріаломъ, не говоря уже о бумагахъ Жуковскаго, хранящихся въ Императорской публичной библіотекѣ. Отсюда въ его книжкѣ цѣлый рядъ пробѣловъ, фактическихъ ошибокъ и невѣрныхъ выводовъ, свидѣтельствующихъ также и о недостаточномъ знакомствѣ автора съ біографіей Жуков-

скаго. Такъ, напримѣръ, г. Степановъ даетъ невѣрнѣя свѣдѣнія о матери Жуковскаго, о его товарищахъ по благородному пансіону, о первыхъ его путешествіяхъ за границу. Педагогическія занятія поэта съ великой княгиней Александрой Ѳеодоровной названы «успѣшными» тогда какъ сама ученица Жуковскаго считала ихъ неуспѣшными и въ своихъ воспоминаніяхъ записала, что Жуковскій былъ слишкомъ поэтъ, чтобы быть хорошимъ учителемъ. Начало занятій Жуковскаго съ наслѣдникомъ указано невѣрно. При изложеніи «учебнаго плана», составленнаго Жуковскимъ, г. Степановъ впалъ въ странную ошибку: онъ доказываетъ, что «проектъ плана», составленъ въ началѣ 1826 года, хотя уже изъ первой страницы этого проекта, гдѣ *говорится*: «по пріѣздѣ моемъ», «въ бытность мою въ Дрезденѣ», видно, что документъ этотъ составленъ по возвращеніи Жуковскаго изъ-за границы, то-есть въ концѣ 1827 года. При передачѣ педагогическихъ взглядовъ Жуковскаго г. Степановъ, желая воздать ему «хвалу», впадаетъ временами въ излишній восторгъ, съ другой стороны желаніе быть безпристрастнымъ заставляетъ его находить противорѣчія и недостатки тамъ, гдѣ ихъ трудно отыскать. Говоря о результатахъ педагогической дѣятельности Жуковскаго, авторъ книжки склоненъ приписывать ему такія заслуги, которыя ему едва ли принадлежатъ. По мнѣнію г. Степанова, «многіе справедливо приписываютъ идею освобожденія крестьянъ Жуковскому», а болѣе авторитетныя свидѣтельства говорятъ, что воспитанникъ поэта, до вступленія на престолъ, былъ убѣжденъ въ необходимости сохранить крѣпостное право.

Въ общемъ книжка г. Степанова производитъ впечатлѣніе наскоро и довольно небрежно составленнаго, хотя прекрасно изданнаго труда. *С. Ашевскій.*

И. С. Бѣляевъ. Крестьянинъ-писатель начала XVIII вѣка И. Т. Посошковъ. Его жизнь и дѣятельность. М. 1902 г. Стр. 75 Ц, 40 к. Книжка г. Бѣляева, изданная обществомъ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія, можетъ быть рекомендована для первоначальнаго ознакомленія съ однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ сподвижниковъ Петра Великаго. Въ этой книжкѣ сообщаются новыя біографическія данныя о Посошковѣ и дается краткое изложеніе главнѣйшихъ и наиболѣе характерныхъ его взглядовъ на различныя стороны тогдашней русской жизни, причемъ приводятся не только свѣтлые взгляды «перваго русскаго экономиста», не потерявшіе своего значенія и до настоящаго времени, но и такіе отзывы, которые свидѣтельствуютъ о крайней нетерпимости и даже жестокости Посошкова по отношенію къ преступникамъ, ремесленникамъ и иностранцамъ. Для автора книжки Посошковъ — типичный представитель русскаго народа со всѣми его достоинствами и недостатками и въ то же время «яркій образецъ хорошаго, добраго москвича, соединяющаго свойственныя ему терпѣніе и выносливость съ трудолюбіемъ сѣверянина и отвагой южанина, смышленность и предпріимчивость ярославца съ твердостью духа и свободолюбіемъ новгородца». За будущую судьбу такого народа, который выдѣляетъ изъ своей среды Посошковыхъ, не говоря уже о Ломоносовыхъ, нечего опасаться. «Наша обязанность—говоритъ г. Бѣляевъ—помочь только ему въ поступательномъ движеніи терпѣливымъ *отеческимъ* (?!) отношеніемъ, гдѣ возможно, и просвѣщеніемъ. И то и другое для него то же, что для голоднаго кусокъ хлѣба».

Къ недостаткамъ книжки г. Бѣляева надо отнести стремленіе автора, за отсутствіемъ положительныхъ данныхъ, прибѣгать къ не особенно удачнымъ предположеніямъ. Не слѣдовало бы также употреблять такихъ выраженій, какъ, напримѣръ: «одинъ *червъ* изъ среды великаго русскаго народа». А что касается «отеческаго» попеченія, то не лучше ли о семъ не распространяться.

С. А.

Сочиненія В. Н. Майкова. 2 т. Кіевъ. Изд. Фукса. Стр. XXXIV+298+

330. Цѣна 1 рубль. Неожиданная смерть Валеріана Майкова въ юномъ еще возрастѣ вызвала общее сожалѣніе всѣхъ, кто его зналъ, и продиктовала восторженные некрологи, написанные въ 1847 году Гончаровымъ, Плещеевымъ и др. Но очень скоро безвременно умершій писатель былъ совершенно забытъ, несмотря даже на то, что о немъ печатно напоминали Достоевскій и Тургеневъ, какъ о много обѣщавшей прекрасной личности и какъ о преемникѣ Бѣлинскаго. Впервые вывелъ Майкова изъ забвенія г. Скабичевскій въ статьяхъ о русской критикѣ, появившихся въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Позже, въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, Майкову была посвящена большая статья г. Арсеньева, перепечатанная въ его «Критическихъ этюдахъ». Оба названные писателя отнеслись къ Майкову очень сочувственно, отвели ему «почетное мѣсто въ исторіи русской критики» и признали въ немъ предшественника такихъ дѣятелей русской литературы, какъ Чернышевскій и Михайловскій. Пять лѣтъ спустя послѣ появленія статьи г. Арсеньева появились «Критическіе опыты» Майкова съ обширной внушительной статьей. Авторъ этой статьи (по всей вѣроятности, покойный академикъ Леонидъ Майковъ) отмѣтилъ «неполноту и незаконченность во многихъ сужденіяхъ В. Майкова», но въ то же время нашелъ въ его статьяхъ «богатство внутренняго содержанія» и высоко оцѣнилъ его непосредственное чувство изящнаго и его «самобытную» эстетическую доктрину, хранящую въ себѣ до сихъ поръ «залоги плодотворной разработки».

Казалось, была прочно установлена репутація Майкова, какъ ученика и подражателя Бѣлинскаго, но далеко опередившаго учителя еще при жизни послѣдняго. Но изъ среды поклонниковъ великаго критика не замедлили раздаться рѣзкіе протесты. По отзыву г. Протопопова, взгляды Майкова отличаются такой чисто юношеской сбивчивостью и хаотичностью, при наличности которой «мудрено завоевать себѣ почетное мѣсто въ исторіи литературы». Еще рѣзче отнесся къ Майкову г. Ивановъ въ своей «Исторіи русской критики». Г. Ивановъ нашелъ у Майкова «многословіе статей, запутанность доказательства, смуту основныхъ положеній, уродливое нагроможденіе отступленій и подробностей и въ общемъ утомительность и неудобоваримость, исключительныя въ публицистикѣ сороковыхъ годовъ». По мнѣнію историка русской критики, «если бы Майковъ не попалъ въ «Отечественныя Записки» и не занялъ мѣста перваго критика въ популярнѣйшемъ журналѣ и непосредственно послѣ Бѣлинскаго, его личность врядъ ли привлекла бы вниманіе современниковъ и врядъ ли дошла бы до потомства». «Весь эстетическій капиталъ Майкова,—говоритъ г. Ивановъ въ другомъ мѣстѣ,—или точное воспроизведеніе раннихъ и позднихъ идей Бѣлинскаго... или столь же оригинальныя, сколько и неубѣдительныя открытія». Вообще, «въ лицѣ Майкова на сцену публицистики выступала въ полномъ смыслѣ отрицательная сила», и «оставленное имъ наслѣдство представляетъ развѣ только самые смутные намеки на роскошный плодъ».

Приведенныя рѣзко противоположныя сужденія о литературномъ наслѣдствѣ Майкова объясняются какъ различіемъ критеріевъ и точекъ зрѣнія у его цѣнителей и судей, такъ и указанною уже хаотичностью его идей, что признается даже поклонниками покойнаго критика. Это послѣднее обстоятельство, дающее поводъ къ діаметрально-противоположнымъ выводамъ, едва ли когда-нибудь позволитъ установиться единогласію въ оцѣнкѣ Майкова.

Г. Александровскій, написавшій вступительную статью для новаго изданія сочиненій Майкова, конечно, относится къ нему крайне благосклонно, даже восторженно. Онъ признаетъ его статьи «очень интересными... и для современнаго читателя» и въ своихъ отзывахъ о значеніи Майкова идетъ гораздо дальше прежнихъ его поклонниковъ. Онъ готовъ видѣть въ Майковѣ предшественника и Бокля, и Гюйо. Онъ находитъ у него «мѣткія замѣчанія» даже тамъ, гдѣ есть только завѣдомо невѣрныя сужденія, напримѣръ, въ рецензіи Минаевскаго пере-

вода «Слова о полку Игоря», гдѣ высказываются такія вещи: «Слово» замѣчательно, «не столько по внутреннему своему достоинству, сколько по той роли, которую играетъ оно въ исторіи нашей новѣйшей литературы... Безотчетное уваженіе къ «Слову о полку Игоря», передаваемое изъ рода въ родъ въ нашихъ школахъ и учебникахъ, не имѣетъ для себя *никакого* прочнаго основанія и утверждается не на самостоятельныхъ убѣжденіяхъ, а единственно на привычкѣ преклоняться безусловно предъ авторитетомъ чужихъ мнѣній». Подобныя сужденія не дѣлаютъ особенной чести эстетическому чутью Майкова, а признаніе подобныхъ сужденій «мѣткими замѣчаніями» столь же мало лестно для его восторженнаго поклонника. Еще наивнѣе со стороны г. Александровскаго выдавать статью Майкова «Объ отношеніи производительности къ распредѣленію богатства» за послѣднее слово экономическаго матеріализма и рекомендовать ее для прочтенія «всякому».

Что касается самаго изданія, то оно, за исключеніемъ одной рецензіи, воспроизводитъ изданіе 1891 года, только статьи распредѣлены въ иномъ порядкѣ и вмѣсто полнаго указателя, имѣющагося въ первомъ изданіи, дано что-то въ родѣ указателя. Бумага и шрифтъ для дешеваго изданія очень хороши.

С. Ашевскій.

ИСТОРІЯ РУССКАЯ.

В. Денъ. «Населенія Россіи по пятой ревизіи».—«Наша желѣзнодорожная политика».
С. Середонинъ. «Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ».

В. Э. Денъ. Населеніе Россіи по пятой ревизіи. Подушная подать въ XVIII вѣкѣ и статистика населенія въ концѣ XVIII вѣка. Томъ первый. М. 1902. Томъ второй, часть вторая. М. 1902. Два тома, только что вышедшіе въ свѣтъ подъ этимъ заглавіемъ, представляютъ собою часть обширнаго историко-статистическаго труда, предпринятаго В. Э. Деномъ. Авторъ имѣетъ въ виду сравнить не только въ общихъ результатахъ, но и по уѣздамъ и по сословіямъ данныя о населеніи, заключающіяся въ окладныхъ книгахъ пятой ревизіи, произведенной въ 1796 году, съ свѣдѣніями, добытыми первой всероссійской однодневной переписью 1897 года. Въ видахъ нѣкотораго сокращенія труда, г. Денъ ограничивается при этомъ изученіемъ населенія только великороссійскихъ и новороссійскихъ губерній. Для выполненія поставленной задачи оказалось необходимымъ исполнить рядъ предварительныхъ изысканій: во-первыхъ, относительно степени достовѣрности ревизій въ связи съ ихъ пріемомъ и организаціей; во-вторыхъ, объ измѣненіяхъ въ областномъ дѣленіи Россіи за изучаемое столѣтіе; въ-третьихъ, о составѣ и податномъ значеніи различныхъ сословныхъ группъ, на которыя дѣлилось и дѣлится населеніе Россіи. Часть этой подготовительной работы и исполнена въ напечатанныхъ двухъ томахъ: именно, въ нихъ содержится обзоръ ревизій, исторія областныхъ дѣленій и изслѣдованія состава и значенія нѣкоторыхъ мелкихъ соціальныхъ группъ (отставныхъ солдатъ, солдатскихъ женъ и дѣтей и военнаго населенія и инородцевъ Оренбургскаго края).

Трудъ г. Дена можетъ быть оцѣниваемъ съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія: во-первыхъ, можно разсматривать его въ отношеніи къ главной цѣли автора, какъ рядъ подготовленныхъ къ ней этюдовъ; во вторыхъ, выводы автора можно взвѣсить какъ таковые сами по себѣ, независимо отъ конечной цѣли, потому что они касаются важныхъ историческихъ вопросовъ, недостаточно освѣщенныхъ въ литературѣ.

Разсматривая работу г. Дена съ первой точки зрѣнія, т.-е. въ отношеніи

къ главной задачѣ — сравнить населеніе по пятой ревизіи съ населеніемъ по переписи 1897 года, — нельзя не признать, что авторъ иногда переходитъ должные предѣлы, вдается въ подробности, совершенно ненужныя для его спеціальной задачи, и тѣмъ отдаляетъ завершеніе своего труда: такъ, напр., 126 страницъ II тома заняты изученіемъ отставныхъ солдатъ; между тѣмъ, по собственному признанію автора, это состояніе— немногочисленно, и данныя о немъ пятой ревизіи весьма неудовлетворительны. А между тѣмъ, г. Денъ занимается изученіемъ ряда подробностей относительно положенія отставныхъ солдатъ: напр., онъ говоритъ объ органахъ, производившихъ отставку (стр. 9 — 15), объ обязанностяхъ полевыхъ и гарнизонныхъ войскъ (стр. 17 и сл.), о матеріальномъ положеніи отставныхъ (стр. 33) и т. д.,—все вопросы, не имѣющіе никакого отношенія къ главной темѣ изслѣдованія. Итакъ, разсматривая изданную въ свѣтъ часть сочиненія г. Дена, какъ подготовительный экскурсъ къ главной работѣ, приходится пожелать большой экономіи во времени и мѣстѣ и устраненія излишнихъ подробностей, не относящихся къ дѣлу.

Но вопросы объ исторіи областныхъ дѣленій и отдѣльныхъ соціальныхъ группъ имѣютъ также самостоятельное научное значеніе, важны сами по себѣ. Быть можетъ, съ этой второй точки зрѣнія, работа г. Дена не оставляетъ желать ничего лучшаго? На этотъ вопросъ также нельзя отвѣтить утвердительно. Дѣло не въ томъ одномъ, что авторъ могъ бы найти обширный архивный матеріалъ, котораго онъ не использовалъ (мы не рѣшаемся ставить это обстоятельство въ особенный упрекъ автору какъ неспеціалисту-историку); дѣло въ томъ, что, изслѣдуя вопросы объ областныхъ дѣленіяхъ и соціальныхъ группахъ, нельзя ограничиваться критикой и систематическимъ изложеніемъ относящагося сюда матеріала, надо еще уяснить причинную связь изучаемыхъ явленій съ другими сторонами общественной жизни даннаго времени: изучая напр., спеціально исторію областныхъ дѣленій, административныхъ единицъ, нельзя игнорировать естественныя, хозяйственныя, этнографическія, чисто-административныя условія, вліявшія на административныя расчлененія государства. Такимъ образомъ, сдѣлавъ слишкомъ много для своей спеціальной задачи, г. Денъ слишкомъ мало далъ для изслѣдуемыхъ имъ вопросовъ, взятыхъ независимо отъ этой спеціальной задачи.

Приведенныя замѣчанія не имѣютъ цѣлью умалить большія достоинства, присущія разбираемому сочиненію. Къ числу этихъ достоинствъ принадлежитъ, во-первыхъ, превосходный планъ работы, во-вторыхъ, чрезвычайная точность и обстоятельность труда; въ-третьихъ, нельзя не замѣтить, что все нужное для своей цѣли авторъ сдѣлалъ, насколько то позволили имѣвшіяся въ его рукахъ источники; въ-четвертыхъ, наконецъ, и первоначальная критика и систематизація матеріала объ административномъ дѣленіи и соціальныхъ группахъ имѣютъ несомнѣнную цѣнность, расчищая путь для дальнѣйшихъ работъ въ данной сферѣ.

Главная часть работы г. Дена впереди. Когда эта часть появится въ печати, мы, безъ сомнѣнія, познакомимся и съ тѣми высшими обобщеніями, которыя сдѣлаетъ авторъ. Ихъ важность для экономической исторіи Россіи за послѣднее столѣтіе не можетъ подлежать сомнѣнію. Но, помимо этого, разбираемое сочиненіе важно еще въ одномъ отношеніи,—какъ симптомъ того сближенія и общенія, которыя происходятъ между отдѣльными отраслями обществовѣдѣнія. Конечно, это не первый примѣръ того, что экономистъ занимается исторіей, но несомнѣнно, что послѣ окончанія работы г. Дену будетъ принадлежать одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду изслѣдователей исторіи народнаго хозяйства въ Россіи. Пожелаемъ скорѣйшаго и успѣшнѣйшаго завершенія его интереснаго труда. *Н. Рожковъ.*

Наша желѣзнодорожная политика по документамъ архива комитета министровъ. Историческій очеркъ составленный начальникомъ отдѣленія кан-

целяріи комитета министровъ Н. А. Кислинскимъ подъ главною редакціею статсъ-секретаря Куломзина. Изданіе канцеляріи комитета министровъ Спб. 1902 г. Столѣтіе административныхъ преобразованій императора Александра I вызвало появленіе въ свѣтъ нѣсколькихъ оффиціальныхъ изданій, количество которыхъ, насколько извѣстно, должно еще увеличиться въ ближайшемъ будущемъ. Однимъ изъ такихъ изданій является двухтомное сочиненіе съ приведеннымъ выше заглавіемъ. Составленное чрезвычайно добросовѣстно на основаніи обширнаго и цѣннаго архивнаго матеріала, оно даетъ возможность съ надлежащей полнотой и ясностью представить себѣ ходъ русской желѣзнодорожной политики въ царствованія императоровъ Николая I и Александра II. Процессъ развитія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи, на основаніи фактическихъ данныхъ, изложенныхъ въ разбираемой книгѣ, можно раздѣлить на три періода (оговариваемся, что это дѣленіе принадлежитъ не автору книги, а намъ): 1) періодъ подготовительный, съ 1835 до 1856 года включительно, 2) періодъ частнаго желѣзнодорожнаго строительства, съ 1857 по 1877 годъ, 3) періодъ перехода къ сосредоточенію желѣзнорожнаго хозяйства въ рукахъ государства, съ 1878 по 1881 годъ. Первый періодъ характеризуется прежде всего борьбой между сторонниками и противниками сооруженія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи; дѣло въ томъ, что въ тридцатыхъ годахъ многіе видные государственные дѣятели, къ числу которыхъ принадлежали министръ финансовъ Канкринъ и главноуправляющій вѣдомствомъ путей сообщенія графъ Толь, отрицали пользу и значеніе желѣзныхъ дорогъ для Россіи. Въ началѣ 40-хъ годовъ убѣжденіе въ пользѣ желѣзныхъ дорогъ утвердилось прочно, благодаря въ особенности докладу инженеровъ Крафта и Мельникова, изучившихъ обстоятельно желѣзнодорожное дѣло въ Америкѣ. Признаками этого служатъ Высочайшее повелѣніе 1 февраля 1842 г. о сооруженіи дороги между Петербургомъ и Москвой и послѣдовавшая вскорѣ затѣмъ замѣна Толя Клейнмихелемъ и Канкрина Вронченкомъ. Вторая характеристическая черта перваго періода—это установленіе способовъ желѣзнодорожнаго строительства,—средствами казны (Николаевская и Варшавско-Вѣнская дороги) и при помощи частныхъ обществъ (всѣ прочія); при этомъ намѣтились нѣкоторыя основныя черты устройства частныхъ желѣзнодорожныхъ компаній: правительственная гарантія дохода, установленіе сроковъ перехода въ казну и выкупа, обязательность пріобрѣтенія части рельсовъ и подвижного состава на русскихъ заводахъ и т. д. Въ - третьихъ, тогда же положено было основаніе административной организаціи, вѣдавшей желѣзныя дороги: сразу намѣтились задачи и функціи вѣдомствъ путейскаго и финансоваго, и также роль комитета министровъ и спеціальныхъ желѣзнодорожныхъ комитѣтовъ. Въ результатѣ получилось до 1.000 верстъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Второй періодъ (1857—1877 гг.)—время усиленнаго и энергичнаго, сильно поощряемаго правительствомъ частнаго желѣзнодорожнаго строительства. Въ этогъ періодъ строительство отличалось уже планомѣрностью: неоднократно вырабатывались и въ значительной мѣрѣ осуществлялись планы сѣти необходимыхъ дорогъ. Важной особенностью времени являлось то обстоятельство, что желѣзнодорожная политика направлялась по преимуществу министерствомъ финансовъ, которое при Княжевичѣ и особенно при Рейтернѣ усиленно содѣйствовало образованію частныхъ желѣзнодорожныхъ компаній. Вѣдомство путей сообщенія иногда шло рука объ руку съ финансовымъ вѣдомствомъ (такъ было при гр. В. А. Бобринскомъ и Посьетѣ), но нерѣдко отстаивало и принципъ казеннаго строительства (напр., при Мельниковѣ и гр. А. П. Бобринскомъ). Побѣда, впрочемъ, долго неизмѣнно оставалась за Рейтерномъ. Это было вообще чрезвычайно горячее время и въ желѣзнодорожной политикѣ, какъ и въ другихъ областяхъ русской общественной и государственной жизни. Рейтернъ принадлежавшій къ либеральному кружку великаго князя Константина Николаевича, былъ горячимъ и убѣж-

деннымъ сторонникомъ частной иниціативы въ промышленной жизни вообще и въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ въ частности. Роль правительства понималась министромъ финансовъ лишь въ смыслѣ энергичнаго содѣйствія и покровительства, заботливо устранявшаго различныя препятствія. Такое пониманіе дѣла соотвѣтствовало и основной потребности государственнаго хозяйства того времени: установить равновѣсіе въ бюджетѣ и укрѣпить государственный кредитъ. Все это было достигнуто, и къ концу періода Россія обладала уже болѣе, чѣмъ 20.000 верстъ желѣзнодорожныхъ путей. Но результаты финансовой политики Рейтерна были уничтожены русско-турецкой войной 1877—1878 годовъ, которой онъ былъ непримиримымъ противникомъ. Въ то же время въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ обнаружились важные пробѣлы и недостатки: 1) многія дороги были построены плохо и обнаружили слабую провозоспособность; 2) хозяйство многихъ компаній велось крайне неразсчетливо, и онѣ не исполняли своихъ обязательствъ передъ правительствомъ, вслѣдствіе чего все болѣе должали правительству, пока, наконецъ во многихъ случаяхъ задолженность не сдѣлалась совершенно безнадежною; 3) правительственный надзоръ за дѣйствіями компаній и воздѣйствіе государства на частныя желѣзнодорожныя общества оказались недостаточными. Тогда начался третій періодъ: въ концѣ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ правительство пришло къ убѣжденію въ необходимости строить желѣзныя дороги на средства казны и подъ ея распоряженіемъ и сознало потребность въ выкупѣ старыхъ линій въ казну.

Такова общая схема разбираемаго труда. Несмотря на обширный объемъ, на множество цифровыхъ данныхъ, на разныя подробности относительно разрѣшенія отдѣльныхъ желѣзнодорожныхъ линій, книга читается легко и съ неослабѣвающимъ интересомъ. Причина этого заключается въ необыкновенно яркомъ конкретномъ изображеніи всѣхъ отдѣльныхъ перипетій русской желѣзнодорожной политики. Но при всѣхъ достоинствахъ труда существуютъ и недостатки. Главный изъ нихъ заключается въ томъ, что разбираемое сочиненіе въ сущности не есть настоящее изслѣдованіе, а только первоначальная обработка и систематизація матеріала, лишь отчасти связываемая съ изображеніемъ общихъ теченій въ *политической* жизни страны. Этотъ недостатокъ въ сущности тѣсно связанъ съ указанными достоинствами книги: увлекаясь конкретными подробностями, лицами и событіями, авторъ нерѣдко заслоняетъ ими болѣе общія теченія и вліянія. Это видно уже изъ того, что приходится помимо автора установлять общіе періоды развитія желѣзнодорожнаго дѣла. Затѣмъ обращая нѣкоторое вниманіе на общія политическія условія и на обстоятельства, относящіяся къ *государственному* хозяйству, авторъ не ставитъ въ связь изучаемыхъ имъ явленій съ общими теченіями *народнаго* хозяйства, не ищетъ объясненія тамъ, гдѣ въ сущности надо его искать,—въ сферѣ экономической. Вѣдь вся финансовая система Рейтерна и его желѣзнорожная политика объясняются въ конечномъ счетѣ переходомъ Россіи къ тому моменту экономическаго развитія, когда денежное хозяйство, давно проникавшее уже въ массы населенія, захватило большинство послѣдняго и сосредоточило въ рукахъ меньшинства значительные капиталы, искавшіе помѣщенія. Хозяйственныя условія времени вызывали необходимость усиленнаго желѣзнодорожнаго строительства, привлеченія къ нему русскихъ и иностранныхъ капиталовъ, поощренія фабричной производительности, и исключали возможность непосредственной дѣятельности казны въ дѣлѣ сооруженія желѣзныхъ дорогъ.

Во всякомъ случаѣ, книга, составленная г. Кислинскимъ, заслуживаетъ обстоятельнаго изученія со стороны всякаго, кто интересуется историческими и экономическими вопросами. *Н. Рожковъ.*

С. М. Середонинъ. Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ. Томъ первый. Спб. 1902 г. Трудъ г. Середонина имѣетъ такое же

юбилейное происхожденіе, какъ и сочиненіе г. Кислинскаго. Въ сущности это только начало обширнаго обзора, первый его томъ охватывающій періодъ времени отъ 1802 до 1825 г., т.-е. царствованіе императора Александра I. Какъ первоначальная обработка и систематизація матеріала, работа г. Середонина имѣетъ большое значеніе, но хотя авторъ—спеціалистъ по русской исторіи,—онъ все-таки не далъ намъ ученаго изслѣдованія. Быть можетъ, это и не входило въ его планы, но тогда надо было быть послѣдовательнымъ и не говорить въ началѣ книги о боярской думѣ, тѣмъ болѣе, что сказанное о ней повергаетъ читателя въ немалое недоумѣніе: г. Середонинъ считаетъ неважнымъ существующее въ литературѣ разногласіе по вопросу о томъ, была ли дума учрежденіемъ. Что́ же въ такомъ случаѣ важно, по мнѣнію автора? Вѣдь это одинъ изъ коренныхъ вопросовъ въ исторіи боярской думы.

Во всякомъ случаѣ, нельзя не пожалѣть, что авторъ добровольно съузилъ сферу своей работы, что онъ оставилъ въ тѣни сферу, въ которой дѣйствовалъ комитетъ министровъ при Александрѣ I. Мы не отрицаемъ трудности такой задачи, но ея, по крайней мѣрѣ, частичнаго разрѣшенія мы въ правѣ требовать отъ спеціалиста-историка. Необходимо было дать хотя бы общее изображеніе соціальныхъ и политическихъ условій, вызвавшихъ въ жизни центральныя учрежденія александровской эпохи. Нельзя было упускать изъ вида и общую постановку и функціи верховной власти, безъ изображенія которыхъ совершенно непонятна съ научной точки зрѣнія дѣятельность высшихъ государственныхъ учрежденій, которыя призваны раздѣлять съ монархомъ сферу его непосредственной дѣятельности и къ числу которыхъ, несомнѣнно, принадлежалъ и принадлежитъ комитетъ министровъ.

Если къ этому прибавить, что и въ литературномъ отношеніи трудъ г. Середонина не блещетъ особыми достоинствами, то придется признать разбираемую книгу не для большой публики. Спеціалисту она, конечно, сослужитъ свою службу.

Н. Рожковъ.

ФИЛОСОФІЯ.

Шопенгауэръ. «Афоризмы о житейской мудрости».—*В. Саводникъ.* «Ницщеанецъ 40-хъ годовъ».

Шопенгауэръ. Афоризмы о житейской мудрости. Переводъ проф. Z. и E. Левицкой-Роголя подъ общей редакціей Н. Зинченко. 1902 г. Спб. Цѣна по подпискѣ 50 коп. Афоризмы о житейской мудрости—одно изъ самыхъ изящныхъ и самыхъ остроумныхъ произведеній Шопенгауэра. Переводъ точный и изящный, который давалъ бы хоть нѣкоторое представленіе о слогѣ художника-мыслителя, могъ бы быть весьма и весьма желателенъ. Но, къ сожалѣнію, разбираемый переводъ составленъ, употребляя выраженіе Шопенгауэра, «по способу массоваго производства—дешево и дурно». Онъ не только не изященъ, а просто невѣренъ. Возьмемъ нѣсколько первыхъ строчекъ и мы убѣдимся, что переводъ даже не соотвѣтствуетъ оригиналу. Первыя строчки перевода гласятъ: «Я *изучаю* (!) здѣсь житейскую мудрость въ ея имманентномъ смыслѣ, т.-е. подразумѣваю подъ этимъ искусство сдѣлать жизнь настолько пріятной и счастливой, насколько это возможно. Этотъ *этюдъ* (!) могъ бы также назваться *эвдемонологіей*» и т. д. Вмѣсто этого слѣдуетъ: «Я *беру* здѣсь понятіе житейской мудрости въ вполнѣ имманентномъ смыслѣ, именно въ смыслѣ искусства сдѣлать жизнь возможно пріятной и счастливой. *Руководство* (Anleitung) къ этой послѣдней можно было бы также назвать *эвдемонологіей*». Строчкой ниже вмѣсто «объективный», употребляется терминъ «внѣшній», что въ дан-

номъ случаѣ совершенно не имѣетъ смысла. Съ терминами «субъективный» и «объективный» переводчики никакъ справиться не могутъ. На стр. 37-й читаемъ: «Что *субъективъ* несравненно важнѣе для нашего счастья, нежели *объективъ* (?!), это подтверждается рѣшительно всѣмъ». На стр. 44-й переводчики совсѣмъ не поняли смысла оригинала. Они переводятъ: «По-англійски не говорятъ: «Парижъ ему нравится», а говорятъ: «Онъ наслаждается въ Парижѣ». Въ оригиналѣ стоитъ: «По-англійски не говорятъ: «Онъ наслаждается Парижемъ», а «онъ услаждаетъ *себя* въ Парижѣ» («....er geniesst Paris, sondern er geniesst *sich* in Paris»). Шопенгауэръ придаетъ здѣсь особенное значеніе возвратному мѣстоименію. На стр. 21. «Четвероякій корень закона достаточнаго основанія» названъ «квадратнымъ корнемъ достаточной причинности». Такихъ ошибокъ въ книгѣ чрезвычайно много. Они происходятъ не только оттого, что переводчики мало знакомы съ переводимымъ предметомъ, но также и оттого, что они переводили *не съ нѣмецкаго* языка, какъ слѣдовало бы, а, вѣроятно, съ французскаго. Это можно видѣть изъ слѣдующаго. На стр. 91-й перевода говорится: «Мы можетъ говорить себѣ каждое утро: la journée m'appartient», между тѣмъ у Шопенгауэра въ оригиналѣ нѣтъ никакой французской фразы, а стоитъ по-нѣмецки: «Der Tag ist mein». На стр. 99-й перевода: «Восклицать съ энтуміазмомъ «l'honneur passe avant la vie», между тѣмъ какъ у Шопенгауэра опять-таки говорится по нѣмецки: «Uber's Leben geht noch die Ehre». На стр. 23-й перевода: Докторъ Мейеръ изъ *Майенцы* увѣрялъ меня, что «Брокгаузъ даетъ ему тысячу *луидоровъ*». Очевидно, «Майенца» вмѣсто «Майнцъ» получилось изъ французскаго Mayence; изъ того же источника получились «луидоры» вмѣсто «талеровъ». Шопенгауэръ цитируетъ сочиненія Аристотеля всюду по-латыни (Ethica Nicomachea и пр.), переводчики въ тѣхъ же мѣстахъ приводятъ эти сочиненія по французски (Morale á Nicomaque и пр.). Изъ этого ясно, что переводчики переводили не съ нѣмецкаго оригинала и даже не справляясь съ нимъ, о чемъ редакторъ перевода счелъ нужнымъ просто умолчать. Конечно, если бы читатель узналъ, что переводъ сочиненія Шопенгауэра сдѣланъ не съ оригинала, а съ какого-нибудь французскаго или румынскаго перевода, то онъ въ его глазахъ совершенно утратилъ бы всякое значеніе. Разъ переводъ сдѣланъ не съ оригинала, а съ французскаго перевода, то литературная добросовѣстность требуетъ, чтобы объ этомъ было упомянуто на обложкѣ книгѣ, въ особенности это обязательно для редактора перевода г. Зинченко, который на стр. 167-й въ примѣчаніи слѣдующимъ образомъ выражается о современныхъ литераторахъ: «Редакціи нѣкоторыхъ журналовъ и газетъ буквально переполнены явными прелюбодѣями мысли, шулерами нравственности и газетными кокотками... Почти въ каждомъ журналѣ и газетѣ попадаются статьи, написанныя литературными негодяями»... и т. д. въ этомъ родѣ. Намъ кажется, что авторъ *такихъ* словъ не долженъ былъ бы умалчивать того, что переводъ изданной имъ книги сдѣланъ не съ оригинала. *Г. Ч.*

В. Саводникъ. Ницшеанецъ 40-хъ годовъ. Максъ Штирнеръ и его философія эгоизма. Москва, 1902 г., стр. 90. Ц. 60 коп. Г. Саводникъ пишетъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» стихотворенія, въ «Вопросахъ философіи и психологіи»—философскія статьи и отдѣльными брошюрами издаетъ историко-литературные очерки (мы, впрочемъ, знаемъ лишь одинъ—о Е. А. Баратынскомъ). Изъ всѣхъ разнообразныхъ родовъ его творчества намъ лично нравятся болѣе всего статьи по философіи. Можно быть какого угодно мнѣнія о степени оригинальности его философскихъ взглядовъ, но его литературная манера выдаетъ одно симпатичное качество, часто отсутствующее у многихъ россійскихъ «философовъ»: когда онъ пишетъ, то не кокетничаетъ, не охорашивается, не предается попыткамъ съострить, не сообщаетъ съ кабалистически-таинственнымъ видомъ, что дважды два четыре,—а худо ли, хорошо ли—излагаетъ себѣ

спокойно «своими словами» тѣ изъ прочитанныхъ мыслей, которыя показались ему интересными. Въ нашъ ломающійся и кривляющійся вѣкъ и за то нужно быть писателю благодарнымъ. Г. Саводникъ, подобно очень и очень многимъ своимъ современникамъ и коллегамъ, получаетъ духовное пропитаніе отъ старыхъ и новыхъ нѣмцевъ, но онъ вовсе не поглощенъ заботою такъ приготовить полученное продовольствіе, чтобы нельзя было распознать: по ту или по сю сторону Вержболова эти духовные плоды произростаютъ? Науманъ—такъ Науманъ, Паульсенъ—такъ Паульсенъ, Авенаріусъ—такъ Авенаріусъ, Гефдингъ—такъ Гефдингъ—г. Саводникъ подаетъ ихъ всѣхъ обыкновенно, во всей неприкосновенности. Онъ даже можетъ заслужить упрекъ въ слишкомъ ужъ эпическомъ безпристрастіи: «судьбѣ, какъ турокъ или татаринъ—за все равно онъ благодаренъ»,—пошлетъ ли она на его письменный столъ бриліантъ въ родѣ Авенаріуса, или мѣдную пуговицу вродѣ какого-нибудь нѣмецкаго г. Гусева.

Въ брошюрѣ, лежащей предъ нами, г. Саводникъ занятъ Штирнеромъ. По примѣру прежнихъ лѣтъ авторъ и на сей разъ ни въ малѣйшей степени не заслуживаетъ упрека въ открытіи какой-либой философской Америки, но излагаетъ рядъ проработанныхъ и передуманныхъ (и, дѣйствительно, интересныхъ) мыслей Штирнера и нѣмецкихъ мыслей о Штирнерѣ. Въ основѣ очерка лежитъ вышедшая въ 1898 году книга Маккая (котораго г. Саводникъ, несмотря на общепринятый нѣмецкій произносъ этой шотландской фамиліи, называетъ Маккэемъ); книга Маккая называется: «Max Stirner, sein Leben und Sein Werk» и содержитъ всѣ скудныя данныя, какія только имѣются относительно жизни Штирнера, а также разборъ его идей. Положивъ въ основу изложенія работу Маккая, авторъ не остался чуждъ и другихъ литературныхъ трудовъ, относящихся къ занимающому его вопросу; ознакомился и съ произведеніями Штирнера. Въ результатѣ появился очеркъ не безполезный для первоначальнаго (но только самаго элементарнаго) ознакомленія съ интересной фигурою человѣка, котораго очень многіе и очень давно уже называютъ прямымъ предшественникомъ, духовнымъ предкомъ Ницше. Хотѣлось бы только, чтобы читатель первоначально принялъ къ свѣдѣнію слѣдующія замѣчанія. Іоганнъ Каспаръ Шмидтъ (псевдон.—Максъ Штирнеръ) есть философъ крайняго индивидуализма и самый крайній протестантъ противъ всѣхъ общественныхъ рамокъ и преградъ, которыя и въ его время въ 40хъ гг., и въ наше—стѣсняютъ личность и ея полную, безпредѣльную свободу. Протестуетъ онъ и противъ такихъ идеаловъ и моральныхъ ученій, которыя стремятся подчинить силы личности нуждамъ и благу общества. «Какъ много говорятъ намъ о должномъ, о долгѣ! Прежде всего на меня возлагается долгъ по отношенію къ Богу, затѣмъ на мою обязанность возлагаютъ дѣло человѣчества, дѣло истины, свободы, гуманности, справедливости; потомъ идетъ еще народное дѣло, общественное дѣло, которымъ я обязанъ служить, и только мое дѣло никогда не можетъ стать вполнѣ моимъ дѣломъ, иначе я прослыву грубымъ эгоистомъ. Но развѣ Богъ, или народъ, или общество, или человѣчество, которымъ я обязанъ служить, не пользуются моимъ служеніемъ эгоистически? Положимъ, напр., вы работаете для общества или для народа, для человѣчества,—жертвуете собой для его будущаго благосостоянія—развѣ общество не пользуется вами для своихъ, т. е. эгоистическихъ цѣлей? И кто оказывается въ данномъ случаѣ въ выигрышѣ,—вы или общество? Точно также въ выигрышѣ оказывается народъ и человѣчество, на счетъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, исполняющихъ по отношенію къ нимъ лишь роль самоотверженныхъ слугъ» (стр. 18). Эта и ей подобныя цитаты ни въ какомъ случаѣ не приводятъ и не могутъ привести къ тому выводу, который столь же бездоказательно, сколь категорически дѣлаетъ г. Саводникъ,—«Штирнеръ рѣшительный демократъ». (85). Не быть приверженцемъ идеи интеллектуальнаго аристократизма Ренана или расового, на-

слѣдственнаго аристократизма Ницше еще не значитъ быть демократомъ. Отрицаніе аристократизма еще не есть демократизмъ,—и по логикѣ г. Саводника слѣдуетъ признать демократомъ Павла Петровича, говорившаго, что у него—тотъ аристократъ, на кого онъ смотритъ, и до тѣхъ поръ, пока онъ на него смотритъ. Въ демократическихъ ученіяхъ Штирнеръ (подобно Ницше) видитъ тормазъ и тиски для личности и ея естественныхъ стремленій. Вообще г. Саводникъ чрезвычайно произволенъ въ опредѣленіи общественныхъ идеаловъ того или иного философа. Изъ Ницше, напримѣръ у котораго почти на каждый афоризмъ можно пріискать пару другихъ, его опровергающихъ, г. Саводникъ храбро приводитъ одно мнѣніе и дѣлаетъ на основаніи этого мнѣнія выводъ: «напротивъ того, Ницше—сторонникъ сильной государственной власти; поэтому въ русскомъ самодержавіи онъ видитъ залогъ великой будущности Россіи». Это значитъ совершенно игнорировать тотъ фактъ, что Ницше скорбитъ объ интеллектуальныхъ и моральныхъ силахъ людей, тратящихся на управленіе государствомъ и на служеніе его цѣлямъ. Бисмаркъ, отдающій всѣ свои силы на управленіе Германіей, и Бебель, отдающій всѣ свои силы на борьбу съ Бисмаркомъ, если судить съ этой основной точки зрѣнія Ницше,—одинаково употребляютъ свою жизнь на то, на что не слѣдуетъ. Капризы темперамента заставляли Ницше бранить демагоговъ гораздо рѣзче, нежели онъ журилъ людей власти, но дѣлать изъ него то, что сдѣлалъ на восемьдесять пятой страницѣ г. Саводникъ,—прямо не позволительно. Пользуясь мэтодомъ выдергиванія фразъ у пародоксальныхъ мыслителей и, даже, у непарадоксальныхъ, я берусь доказать г. Саводнику, что Добролюбовъ стоялъ за порку крестьянъ, ибо въ статьѣ «Народное дѣло» полемизируетъ противъ тѣхъ, кто отрицательно относился къ установленнымъ крестьянами наказаніямъ за питье водки (во время борьбы съ откупами): берусь доказать, что Гюи-де-Мопассанъ былъ католическимъ мыслителемъ, ибо въ одномъ мѣстѣ онъ разсказываетъ, какъ старый вольнодумецъ-аристократъ, лежавшій на смертномъ одрѣ, возмутился приходомъ (для спасенія его души) протестантскаго пастора *еще больше*, нежели раньше—приходомъ католическаго аббата; могу, съ другой стороны, безъ малѣйшаго труда «обнаружить» у Карамзина благосклонное отношеніе къ политическимъ убійствамъ, а у Тургенева—горячее славянофильство и т. д. и т. д. У насъ столько болтается отъ имени Ницше (да и отъ разныхъ другихъ именъ—смотря по надобности), что человѣку, которому, мы не сомнѣваемся, чужды манухинско-леухинскія цѣли популяризаціи модныхъ философовъ,—должно съ особенною осторожностью слѣдить за каждымъ летучимъ Schlagwort'омъ, которое онъ изъ связнаго контекста философской книги выноситъ въ видѣ хорошенькаго словеснаго сувенирчика на улицу. Улица, вѣдь, все переваритъ по спеціальнымъ законамъ своего желудка.

Изложеніе у г. Саводника весьма живое, выводы (кромѣ вышеотмѣченныхъ и еще двухъ-трехъ «поспѣшностей») ясные и, на нашъ взлядъ, вытекающіе изъ сути дѣла. «Односторонность міросозерцанія Штирнера, коренившаяся, безъ сомнѣнія, въ особенностяхъ его душевнаго склада, въ преобладаніи въ немъ разсудочныхъ элементовъ надъ эмоціональными, отразилась и на общемъ характерѣ его главнаго произведенія. Въ книгѣ Штирнера чувствуется отчаянное дерзновеніе мысли, совершенно неожиданное въ скромномъ преподавателѣ нѣмецкаго женскаго пансіона. Штирнеръ, поставивъ знакъ вопроса надъ всѣмъ тѣмъ, чему вѣровали, чему поклонялись лучшіе умы всѣхъ временъ, объявилъ безсмысленнымъ идолопоклонствомъ служеніе идеаламъ, бросилъ вызовъ всякому идеализму вообще», читаемъ въ концѣ разбираемой книжки. Авторъ не вѣритъ въ прочный успѣхъ проповѣди Штирнера и Ницше противъ принциповъ любви къ ближнему и нравственной отвѣтственности личности. Мы, съ своей стороны, примыкаемъ къ этому мнѣнію о невозможности прочнаго успѣха подобной

проповѣди въ *области теоріи*, но, въ области практики, если не Штирнеръ, то Ницше кое-чѣмъ могъ бы быть уже (или еще?) доволенъ... Тѣмъ, кто не имѣетъ въ виду изучать самого Штирнера, рекомендуемъ прочесть изложеніе его идей въ книжкѣ г. Саводника, конечно, читая cum grano salis. Но много ли есть книгъ, которыя возможно читать *безъ* этого? *Т.*

ЭТНОГРАФІЯ И ГЕОГРАФІЯ.

Г. Шурцъ. «Краткое народовѣдѣніе». — *А. Прозоровъ.* «Экономическій обзоръ Охотско-Камчатскаго края».— *Н. Головачевъ.* «Сибирь,—природа, люди, жизнь».

Д-ръ Генрихъ Шурцъ. Краткое народовѣдѣніе. Переводъ съ нѣмецкаго Д. А. Коропчевскаго. Съ 67 рисунками. Второе изданіе редакціи журналовъ «Дѣтское Чтеніе» и «Педагогическій Листокъ». (Учительская библіотека). Москва 1902. VII+368 стр. 8. Ц. 1 р. 25 к. Уже появленіе второго изданія книги Шурца свидѣтельствуетъ о томъ успѣхѣ, который она имѣла у русскихъ читателей. И этотъ успѣхъ вполнѣ заслуженный. Книга, какъ учебникъ, отличается большими достоинствами: краткостью и ясностью изложенія, стройнымъ планомъ и необыкновенною для такого сравнительно небольшого объема полнотою. Эта полнота въ особенности сказывается во второй описательной части, дающей очеркъ всѣхъ народовъ земного шара. Полнота позволяетъ этому краткому учебнику народовѣдѣнія быть также и справочной книгой, и въ этихъ видахъ авторъ приложилъ къ ней подробный и тщательно составленный указатель.

Переводчикъ, г. Коропчевскій, не ограничился только однимъ переводомъ, онъ внесъ въ книгу еще два прибавленія: 1) «классификацію человѣчества по культурнымъ ступенямъ Моргана, Деникера и Сетерленда» и 2) «этнографическую классификацію Деникера». Эти прибавленія, конечно, излишнія, хотя невольно напрашивается вопросъ, почему только это добавилъ переводчикъ. Авторъ самъ, вѣроятно, зналъ взгляды Моргана и, однако, не нашелъ нужнымъ приводить его классификацію. По самой задачѣ своей книга Шурца вовсе не имѣетъ въ виду ознакомить со всѣми существующими взглядами различныхъ ученыхъ, а дать, наоборотъ, *одну* систему. Съ этой точки зрѣнія прибавленія г. переводчика несомнѣнно нарушаютъ стройность плана.

Того же упрека заслуживаютъ также и нѣкоторыя (немногочисленныя вообще) примѣчанія переводчика. Г. Коропчевскій на первой же страницѣ введенія не можетъ удержаться отъ полемики противъ автора по поводу пониманія такихъ терминовъ, какъ «этнографія», «этнологія» и т. п. Г. Коропчевскій, такимъ образомъ, уже на первой страницѣ старается передъ читателемъ разрушить ту систему, которую строитъ Шурцъ. Даже если бы г. Коропчевскій былъ вполнѣ правъ, то и тогда мы сказали бы, что не слѣдуетъ переводить такой учебникъ, съ системою котораго не соглашаешься; но еще хуже то, что вопросъ оказывается только въ словѣ: г. Коропчевскій предлагаетъ все сочиненіе раздѣлить на двѣ части «на общее и частное или спеціальное народовѣдѣніе». Но вѣдь сочиненіе г. Шурца именно на двѣ части и раздѣлено и даже болѣе того именно на *эти двѣ части*, только Шурцъ первую часть называетъ «сравнительнымъ народовѣдѣніемъ (этнологіей)», а вторую «этнографіей» (описательнымъ народовѣдѣніемъ. И мнѣ кажется, что этимъ названіямъ нужно дать предпочтеніе передъ блѣдными словами «общее» и «частное», за которыя почему-то стоитъ г. Коропчевскій. Такимъ образомъ на нашъ взглядъ, и здѣсь г. переводчикъ разрушаетъ своимъ примѣчаніемъ систему автора.

Далѣе нельзя не отмѣтить нѣкоторой небрежности въ самомъ языкѣ русскаго перевода. Непріятное впечатлѣніе производятъ неудачныя выраженія и неточности перевода, въ особенности если принять въ соображеніе, что книжка появляется во второмъ изданіи. Правда переводчикъ заявляетъ, что новое изданіе «является повтореніемъ перваго»; но не слѣдуетъ же повторять и неточности.

Вообще, нельзя не пожелать книги и во второмъ изданіи того же успѣха, такъ какъ по внутреннимъ своимъ достоинствамъ она очень хороша, и внимательный читатель всегда самъ съумѣетъ исправить неточности перевода. *Д. Кудрявскій.*

А. А. Прозоровъ. Экономическій обзоръ Охотско-Камчатскаго края. Съ тремя картами. XI+388 стр. Я хотѣлъ бы, чтобы эта книга, служащая хорошимъ дополненіемъ къ изданному министерствомъ финансовъ въ 1900 г. изслѣдованію д-ра Слюнина—«Охотско-Камчатскій край», стала настольной у тѣхъ, отъ кого такъ или иначе зависитъ благополучіе далекой охотско-камчатской окраины нашего обширнаго отечества. Тогда, можетъ быть, бездушно-индиферентное, а подчасъ и неразумное отношеніе къ ея нуждамъ смѣнилось бы инымъ, и ей не пришлось бы лихомъ вспоминать тотъ день, когда нога перваго русскаго вступила на ея дѣвственную почву. Этотъ первый русскій былъ хищникъ, и моментъ его появленія на восточномъ склонѣ Станового хребта послужилъ началомъ эпохи самаго безпощаднаго расхищенія природныхъ ея богатствъ въ ущербъ коренному ея обитателю, для котораго съ тѣхъ поръ наступили черные дни. Къ стыду нашему, эта эпоха все еще длится и не вѣсть, когда кончится... Порукой тому—принципы, которыми еще недавно руководились, а можетъ быть, и понынѣ еще руководятся столпы мѣстной администраціи.

Вотъ, напримѣръ, что писалъ въ 1900 году военный губернаторъ приморской области, генералъ-лейтенантъ Унтербергеръ, по поводу попытокъ нѣкоторыхъ частныхъ лицъ насадить въ краѣ правильную эксплуатацію рыбныхъ богатствъ, пропадающихъ нынѣ безъ пользы, и тѣмъ дать заработокъ туземному населенію: «Съ мѣстными условіями этихъ сѣверныхъ странъ, съ точки зрѣнія экспорта, мы почти вовсе незнакомы, а потому до ихъ основательнаго изслѣдованія приходится ставить частнымъ предпріятіямъ такого рода строгія условія, при которыхъ мало найдется охотниковъ заняться этимъ дѣломъ». «Приморская область». Спб., стр. 33—34). При такомъ руководящемъ принципѣ, справедливо замѣчаетъ А. А. Прозоровъ, было бы правильнѣе вовсе воспретить всякую дѣятельность, такъ какъ это пресловутое «основательное изслѣдованіе» едва ли когда послѣдуетъ. А пока край отъ такого, во всякомъ случаѣ, болѣе, чѣмъ оригинальнаго. взгляда на вещи безспорно терпитъ: золото, найденное еще въ 1895 г., все еще не разрабатывается, въ виду поставленныхъ правительствомъ невозможныхъ условій; развитію рыбныхъ промысловъ мѣстная администрація ставитъ всяческія препоны; котиковое стадо, хотя и не русскими, а американцами и англичанами, но все же «основательно изслѣдованное», не охраняется и изъ года въ годъ таетъ и т. д., такъ что нѣтъ ничего удивительнаго, что на всемъ охотско-камчатскомъ побережьи всюду наблюдаются признаки упадка и оскудѣнія; и въ то время, когда американское побережье Тихаго океана быстро развивается и за послѣдніе 35—40 лѣтъ стало мѣстомъ дѣятельности сотенъ тысячи людей, привлеченныхъ туда его естественными богатствами, наши владѣнія, лежащія въ той же полосѣ и въ одинаковыхъ условіяхъ, прозябаютъ и замираютъ, а туземное ихъ населеніе вымираетъ, причемъ богатства края расхищаются американцами совершенно безнаказанно, съ молчаливаго на то согласія самой русской администраціи, считающей ихъ тамъ хозяйничанье пока неустранимымъ зломъ (Унтербергеръ, цитир. соч., стр. 15—16).

«Экономическій обзоръ Охотско-Камчатскаго края» написанъ вполнѣ обстоятельно; въ упрекъ автору можно было бы только поставить неудачную распланировку богатаго матеріала, которымъ онъ располагалъ, вызвавшую необходимость неоднократныхъ повтореній. Не мало въ книгѣ также такихъ мелкихъ подробностей, которыя безъ ущерба для ея содержанія могли бы быть выпущены. *Г. Е. Грумъ-Гржимайло.*

П. Головачевъ. Сибирь—природа, люди, жизнь. 300 страницъ, 66 рисунковъ, 2 карты. Изд. Ю. И. Базановой. Москва 1902. Цѣна 1 рубль. *).

Книга г. Головачева восполняетъ пробѣлъ, существующій въ литературѣ о современномъ состояніи Сибири. Чрезвычайно дешевая, прекрасно изданная, она въ легкой, общедоступной, а нерѣдко—даже изящной и увлекательной формѣ даетъ хотя и сжатую, но широкую и всестороннюю картину сибирской жизни и природы, при томъ картину, написанную, въ общемъ, очень сочными красками и рѣзкими штрихами. Эта книга, поэтому, съ удовольствіемъ и пользой прочтется всякимъ, кто, не теряя слишкомъ много времени, захочетъ составить себѣ общее понятіе о природѣ и людяхъ нашей обширной восточной окраины.

Привѣтствуя появленіе книги г. Головачева и будучи увѣренъ, что ей придется увидѣть и второе изданіе, я, тѣмъ не менѣе считаю, своею обязанностью обратить вниманіе и на нѣкоторые недочеты книги, вытекающіе, главнымъ образомъ изъ односторонности ея общаго плана. По задачѣ своей, книга должна-бы дать понятіе и о природѣ Сибири, и о *всѣхъ* важнѣйшихъ сторонахъ жизни ея населенія. Между тѣмъ, въ дѣйствительности въ книгѣ много—мѣстами даже слишкомъ много—чистой этнографіи, въ родѣ описаній антропологическихъ признаковъ, вѣрованій, матеріальной культуры различныхъ племенныхъ группъ сибирскаго населенія,—и едва ли достаточно данныхъ для характеристики его хозяйственной жизни. Чтобы не быть голословнымъ, упомяну, напримѣръ, о чрезмѣрно краткой характеристикѣ такой основной отрасли сибирскаго хозяйства, какъ земледѣліе; изъ книги г. Головачева мы почти ничего не узнаемъ о происходящей въ Сибири интереснѣйшей эволюціи системъ земледѣльческаго хозяйства, а равно о такихъ первостепенно-важныхъ обстоятельствахъ, какъ рѣзкія колебанія урожаевъ и не менѣе рѣзкія колебанія цѣнъ, накладывающія такой неблагопріятный отпечатокъ на весь ходъ сибирскаго крестьянскаго хозяйства. Затѣмъ, г. Головачевъ вовсе не касается вопроса о формахъ пользованія землею у сибирскихъ крестьянъ, если не считать нѣсколькихъ случайныхъ упоминаній о прежнемъ захватѣ и о его стѣсненіи благодаря массовому наплыву переселенцевъ.

Не безукоризненна и та глава книги г. Головачева, которая посвящена описанію сибирской природы. Не будучи спеціалистомъ по этой части, я не могу, однако, не отмѣтить такого существеннаго пробѣла, какъ умолчаніе, при характеристикѣ сибирской тайги, о такомъ первостепенно-важномъ фактѣ, какъ совершающаяся здѣсь, подъ вліяніемъ по преимуществу огня, смѣна растительныхъ формацій въ видѣ вытѣсненія первобытной хвойной тайги лиственными насажденіями съ соотвѣтственнымъ измѣненіемъ травяного покрова. Существеннымъ пробѣломъ я считаю затѣмъ отсутствіе характеристики рѣчныхъ долинъ Уссурійскаго и частью Амурскаго края; данныя по этому вопросу г. Головачевъ могъ-бы найти хотя бы у Будищева, а, между тѣмъ, характерный рельефъ и связанныя съ нимъ особенности въ распредѣленіи почвъ и растительности имѣютъ весьма важное вліяніе на весь ходъ заселенія края и обращенія его подъ культуру.

Эти и подобные пробѣлы находятся, несомнѣнно, въ извѣстной связи съ

---

*) Весь сборъ въ пользу общества вспомощ. учащ. сибиряк. въ учебн. зав. Москвы.

нѣкоторою случайностью подбора источниковъ, которыми г. Головачевъ пользовался для составленія своей книги. Изобиліе этихъ источниковъ на первый взглядъ подавляющее—списокъ ихъ занимаетъ въ концѣ книги семь страницъ петита. Но ближе всматриваясь въ этотъ списокъ, мы видимъ въ немъ массу газетныхъ статей, многія изъ которыхъ едва ли могутъ быть отнесены къ числу тѣхъ «достовѣрныхъ» данныхъ, о которыхъ говорится въ предисловіи къ книгѣ, и не находимъ нѣкоторыхъ первостепенно важныхъ сочиненій. Мы не находимъ, напримѣръ, для Уссурійскаго края работъ Буссе, Будищева, Надарова, Крюкова, для Енисейской губерніи—работъ Ярилова и Кулакова, не встрѣчаемъ въ числѣ пособій IV тома исторіи русской этнографіи Пыпина. По двумъ западно-сибирскимъ губерніямъ названы только 9 выпусковъ статистическихъ «матеріаловъ», тогда какъ ихъ имѣется 22 да еще сводный томъ подъ заглавіемъ «Крестьянское землепользованіе и хозяйство въ Тоб. и Томск. губ.». Изъ иностранныхъ сочиненій названы только бѣглые очерки Legras и не упомянуто о серьезныхъ работахъ Wiedenfeld'a и Aulagnon'a и т. д. Въ цѣломъ рядѣ случаевъ г. Головачевъ называетъ не фундаментальныя работы, а журнальныя статьи тѣхъ же авторовъ, рефераты или замѣтки второстепеннаго значенія. Такъ, въ спискѣ источниковъ поименованы двѣ статьи «Сибирской жизни» о хабаровской выставкѣ 1899 года и не названъ толстый томъ подъ заглавіемъ «Приамурскій край на амурско-приморской выставкѣ», въ которомъ имѣется весьма важная работа г. Дульскаго о сельскомъ хозяйствѣ амурской области. Изъ работъ В. И. Семевскаго относительно быта золотопромышленныхъ рабочихъ названа статья, напечатанная въ «Сибирскомъ сборникѣ», и не упомянуто о двухтомной монографіи того же автора—«Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ». Упоминается о предварительномъ отчетѣ г. Гордягина по изслѣдованію почвъ Тобольской губерніи и не поименована его большая книга «Матеріалы для познанія почвъ и растительности Западной Сибири». Упоминается о нѣкоторыхъ статьяхъ пишущаго эти строки по вопросу о формахъ землепользованія, потерявшихъ всякое значеніе съ выходомъ его книги «Крестьянская община въ Сибири», а самая эта книга въ спискѣ источниковъ не поименована.

«Только подъемъ и улучшеніе жизни Сибири—такъ заключаетъ г. Головачевъ свою книгу—во всѣхъ отношеніяхъ и со всѣхъ сторонъ, а не одностороннее добываніе и вывозъ на отдаленные рынки ея животныхъ и растительныхъ богатствъ, могутъ упрочить благосостояніе этой страны и сдѣлать ее драгоцѣнною составною частью Россіи». Мы конечно обѣими руками подписываемся подъ этимъ конечнымъ выводомъ Головачева. Въ частности, мы лично далеко не принадлежимъ къ числу фанатическихъ поклонниковъ Сибирской желѣзной дороги и думаемъ, что то усиленное вниманіе, которое оказывалось Сибири въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, не очень много дало *самой Сибири* и ея коренному и старожилому населенію. Но намъ думается, что г. Головачевъ вмѣняетъ въ вину послѣднему десятилѣтію очень многое такое, что начало обнаруживаться несравненно ранѣе и было болѣе или менѣе неизбѣжнымъ продуктомъ несравненно ранѣе начавшейся эволюціи.

Послѣднее десятилѣтіе не принесло Сибири какихъ-либо новыхъ бѣдствій, оно только рѣзче подчеркнуло тѣ язвы, которыя издавна подтачивали природу и хозяйство Сибири, и выставило въ болѣе яркомъ свѣтѣ неустойчивость мнимаго благосостоянія ея населенія.

А. Кауфманъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

В. Н. Львовъ. «Начальный учебникъ зоологіи».—*А. Додель.* «Что такое жизнь».—«Африка географическій сборникъ».—*П. Лесгафтъ.* «Руководство по физическому образованію дѣтей».

В. Н. Львовъ. Начальный учебникъ зоологіи для среднихъ заведеній. Часть I. Позвоночная, съ 222 рис. Москва 1902 г. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. Цѣна 1 р. За послѣдній годъ появилось нѣсколько учебниковъ по естественной исторіи, въ частности по зоологіи, составленныхъ лицами вполнѣ компетентными. Къ числу этихъ-то учебниковъ, вызванныхъ къ жизни, вѣроятно, возникшимъ было интересомъ къ естествознанію въ средней школѣ, относится и разсматриваемая книга привать-доцента В. Н. Львова.

Задавшись цѣлью составить такой учебникъ, который давалъ бы ученикамъ не одно только книжное знакомство съ предметомъ, а помогалъ бы также и практически ознакомиться хоть съ нѣкоторыми представителями животныхъ, В. Н. Львовъ начинаетъ свой учебникъ подробнымъ разсмотрѣніемъ строенія тѣла обыкновеннаго окуня, представителя одного изъ подклассовъ рыбъ. Понятно, что съ строеніемъ окуня не трудно ознакомить учениковъ и въ классѣ, на урокѣ, да и дома всякій можетъ достать себѣ рыбу и посмотрѣть на ней все то, о чемъ говорится въ книгѣ. Такое ознакомленіе съ строеніемъ рыбы дѣйствительно дастъ твердое основаніе дальнѣйшему изученію зоологіи позвоночныхъ.

Послѣ описанія строенія тѣла окуня, авторъ переходитъ къ систематическому описанію рыбъ перечисляя важнѣйшихъ и интереснѣйшихъ представителей изъ всѣхъ шести подклассовъ. За рыбами слѣдуютъ земноводныя, пресмыкающіяся, птицы и млекопитающія.

Вся книга напечатана двумя шрифтами—все менѣе существенное набрано петитомъ. Болѣе подробно описываетъ авторъ тѣхъ животныхъ, которыя представляютъ интересъ по своему образу жизни; иногда дѣлаются указанія на палеонтологическія данныя и происхожденіе животныхъ формъ.

Въ общемъ надо признать учебникъ составленный В. Н. Львовымъ, вполнѣ пригоднымъ для средней школы. Отмѣтимъ въ заключеніе нѣсколько недосмотровъ, которые легко могутъ быть исправлены во 2-мъ изданіи: такъ, на стр. 161 ой изображенъ скелетъ лошади, а подпись гласитъ: «скелетъ *осла*»; далѣе, чрезвычайно странно то, что разсказывается о зайцахъ: русакѣ и бѣлякѣ. Русакъ, говоритъ авторъ, отличается длинными ушами и длинными задними ногами; водится въ средней и южной Европѣ; бѣлякъ водится на сѣверѣ и на высокихъ горахъ и отличается тѣмъ, что зимой становится бѣлымъ, какъ снѣгъ. Здѣсь многое требуетъ исправленія: длинныя уши, длинныя заднія ноги также и у бѣляка, а съ другой стороны, и русакъ бѣлѣетъ на зиму (кромѣ концовъ ушей и полосы на спинѣ); наконецъ, есть мѣста, напр., та же Московская губернія, гдѣ встрѣчаются оба зайца рядомъ; было бы очень печально, если бы ученики повѣрили, что бѣляки встрѣчаются дѣйствительно только «на сѣверѣ и на высокихъ горахъ»...

Издана книга прекрасно и цѣна ея крайне дешевая. *Б. Федченко.*

«Что такое жизнь?» Изъ сборника популярныхъ лекцій и статей профессора цюрихскаго университета А. Доделя. Переводъ съ нѣмецкаго П. Б—цкаго, съ разрѣшенія автора. Выпускъ 1—3. Саратовъ 1901—1902 г. (Складъ изданія въ книжн. магаз. М. А. Кудрявцева въ Саратовѣ). Цюрихскій ботаникъ, профессоръ А. Додель пользуется какъ на своей родинѣ, такъ и въ Германіи вполнѣ заслуженной популярностью, какъ авторъ цѣлаго ряда общедоступныхъ сочиненій по вопросамъ естествознанія, общедоступныхъ въ

истинномъ смыслѣ этого слова. Судя по большому числу изданій, его книжки дѣйствительно читаются въ самыхъ широкихъ кругахъ нѣмецкаго народа. Характерной чертой его очерковъ, отличающей ихъ отъ другихъ нѣмецкихъ естественнонаучныхъ популяризацій, является его нѣсколько рѣзкій тонъ, съ которымъ онъ подчеркиваетъ всякое пріобрѣтеніе научной мысли, какъ бы стараясь защитить ихъ отъ нападокъ обскурантовъ, враговъ знанія и прогресса. Это объясняется тѣмъ, что авторъ одинъ изъ первыхъ открыто выступилъ въ свое время въ защиту дарвинизма и ему пришлось вынести на своихъ плечахъ часть тѣхъ гоненій, которыя воздвигались въ свое время противъ этого великаго ученія. Отзвуки этой-то борьбы проявляются часто и теперь, въ новыхъ изданіяхъ его статей, являясь подчасъ нѣкоторымъ анахронизмомъ. Несомнѣнно также, что тотъ односторонній естественно-научный матеріализмъ, представителемъ котораго является авторъ въ своихъ очеркахъ, едва ли удовлетворитъ человѣка, слѣдившаго за новѣйшими фазисами развитія натурфилософскихъ воззрѣній. Но не въ этомъ сила его книжки, а въ его искреннемъ стремленіи подѣлиться результатами научной работы съ самыми широкими слоями читателей изъ народа и интелигенціи, въ той глубокой вѣрѣ во всепобѣждающую силу знанія, которою дышетъ каждая строка. «Въ теченіе тысячелѣтій намъ повторяли: «ваши предки вкусили отъ древа познанія; это былъ грѣхъ, поэтому они и умерли». А теперь мы скажемъ: «наши предки вкушали отъ древа невѣдѣнія и невѣжества, которое ведетъ къ заблужденіямъ и смерти, поэтому они и умерли». «Изслѣдуйте законы природы, и вы будете жить», и т. д.

Передъ нами лежатъ три выпуска. Первый выпускъ заключаетъ общее введеніе, во второмъ мы находимъ главу «Изъ исторіи взглядовъ на жизнь». Третій трактуетъ о химизмѣ живыхъ существъ («Вещество живаго тѣла»). Переводъ сдѣланъ въ общемъ очень старательно. Не совсѣмъ понятно, почему вмѣсто удѣльнаго вѣса употребленъ «собственный вѣсъ» (стр. 71), нѣсколько странно звучитъ «число единица» (стр. 28), «микроскопистъ» (стр. 17); такія слова какъ «континентъ», «депо» и т. п. слѣдуетъ переводить на русскій языкъ. Внѣшность изданія (печать, бумага) хороша. Книжку Доделя, которую можно рекомендовать всѣмъ, интересующимся естествознаніемъ, слѣдовало бы издать по возможно болѣе дешевой цѣнѣ; между тѣмъ, вышедшіе 3 выпуска стоютъ уже 65 коп. (за 73 страницы). *С. Ч.*

Африка. Иллюстрированный географическій сборникъ, составленный преподавателями географіи А. Круберомъ, С. Григорьевымъ, А. Барковымъ и С. Чефрановымъ. Цѣна 2 руб. Москва. 1902. Африка—четвертая по счету книга цѣлой серіи географическихъ сборниковъ, изданіе которыхъ предпринято группой молодыхъ, энергичныхъ московскихъ преподавателей — гг. Круберомъ, Григорьевымъ, Барковымъ и Чефрановымъ. По своей внѣшности, иллюстраціямъ и общему плану «Африка» мало отличается отъ предшествовавшихъ ей «Европы», «Азіи» и «Америки» и представляетъ превосходное пособіе для преподаванія географіи и въ то же время весьма интересную книгу для чтенія, и не для однихъ только учениковъ тѣхъ классовъ, гдѣ проходится географія Африки. Нѣкоторые изъ вышедшихъ раньше сборниковъ (напр., «Америка») допущены въ безплатныя народныя читальни, и намъ кажется, что слѣдовало бы желать возможно широкаго распространенія этихъ сборниковъ именно среди народа, такъ какъ здѣсь мало подготовленный читатель найдетъ отвѣты на массу могущихъ интересовать его вопросовъ.

По объему «Африка» нѣсколько меньше «Америки» и «Европы», но по содержанію, кажется, еще интереснѣе. Начиная съ острова Мадейры, постепенно предъ читателемъ проходитъ вся Африка — Алжиръ, Тунисъ, Триполи, Сахара. Подробно остановившись на Египтѣ, составители переходятъ далѣе къ

Абиссиніи и Судану. Центральная Африка описывается, главнымъ образомъ, по Стенли, Килиманджаро—по Гансу Мейеру. Далѣе слѣдуетъ восточная окраина южной половины Африки—Занзибалъ, Замабези. Нѣсколько статей посвящено странѣ буровъ и, наконецъ, тремя статьями о Мадагаскарѣ заканчивается книга.

Желаемъ «Африкѣ» самаго широкаго распространія и надѣемся вскорѣ видѣть печатающіяся уже «Россію» и «Австралію». *Б. Федченко.*

Руководство по физическому образованію дѣтей школьнаго возраста. П. Лесгафтъ. Часть II. Спб. Цѣна 2 руб. Первая часть разбираемой книги была выпущена проф. Лесгафтомъ 13 лѣтъ тому назадъ. Въ ней былъ изложенъ историческій очеркъ и элементарный отдѣлъ физическаго образованія; авторъ стремился заложить основу ученія, которая помогла бы педагогамъ «развить въ ребенкѣ любовь къ труду, а молодого человѣка подготовить къ производству всякой элементарной физической работы по слову». Нужны были долгіе годы опыта и практики, чтобы вполнѣ осуществить планъ физическаго образованія дѣтей, предложенный и разработанный профессоромъ Лесгафтомъ. Мы всѣ знаемъ сколько упорнаго труда и энергіи затрачено нашимъ почтеннымъ ученымъ и педагогомъ при преслѣдованіи имъ поставленной цѣли И не его вина, что принципы, положенные имъ въ основу воспитанія, и система физическаго образованія, разработанная имъ и его школою до сихъ поръ не получила еще общаго признанія. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если мы вспомнимъ, что русская школа, въ особенности средняя школа преслѣдовала цѣли, ничего общаго съ дѣломъ воспитанія и образованія не имѣющія, такъ какъ игнорировала ту основную истину, что ребенокъ и юноша такія же личности, какъ и взрослый человѣкъ, и что запросы развивающагося организма вполнѣ законны и подлежатъ удовлетворенію.

«Въ школѣ, говоритъ профессоръ Лесгафтъ,—совершенно забыли о томъ, что такое физическое образованіе, которое въ свое время было единственою обязательною задачею въ школѣ. Въ школѣ желаютъ только учить по опредѣленной программѣ, по утвержденному шаблону и этимъ ограничиваются; но ребенокъ—не машина и не поддается этому. Приходится спрашивать вмѣстѣ съ Лессингомъ, почему почти нѣтъ самостоятельныхъ людей, которые умѣли бы творчески проявляться? На это можно отвѣтить: потому, что школа только учитъ и угнетаетъ ученика и забываетъ объ образованіи «человѣка». Задачей школы нашъ почтенный ученый считаетъ *выясненіе значенія личности человѣка и ограниченіе произвола въ его дѣйствіяхъ.* «Въ школѣ,—говоритъ проф. Лесгафтъ—необходимо помнить, что *порядокъ*, т.-е. соотношеніе или послѣдовательность дѣятельности — *жизнь*, она только при порядкѣ слагается, а *приказъ*, необусловленное и невыясненное требованіе — *смерть*, приказъ исключаетъ разсужденіе, на которомъ основано все школьное дѣло. Только разсужденіемъ вырабатываются мысли, а школа только и стремится возбудить мысль. Физическое образованіе стремится пріучить ребенка владѣть собою, направлять свои дѣйствія мыслью, что должно достигаться систематическими занятіями, а также играми и прогулками; ни въ чемъ и никогда не допуская никакого произвола, необходимо болѣе всего пріучать занимающихся къ порядку и законности». Поэтому авторъ единственной школой, приближающейся къ идеальной, школой, не знающей переутомленія и порока, считаетъ англійскую: «У учениковъ этой школы число ежедневныхъ занятій умственныхъ и физическихъ обыкновенно равны; у нихъ въ школѣ нѣтъ гимнастики, нѣтъ ручного труда, а существуетъ очень точно выработанная система игръ. Молодой человѣкъ оканчивая общеобразовательную школу вполнѣ приготовленъ къ жизни; по словамъ самихъ нѣмецкихъ педагоговъ, онъ крѣпокъ тѣломъ и хорошо владѣетъ собой, онъ уважаетъ законъ и высоко чтитъ товарищество. Получаетъ онъ это все, главнымъ образомъ, на площадкѣ». Школа, по

мнѣнію проф. Лесгафта, не можетъ существовать безъ физическаго образованія; физическія упражненія должны быть непремѣнно ежедневными и производиться въ промежуткахъ между умственными занятіями въ полномъ соотношеніи съ послѣдними. Ни физическія, ни умственныя занятія не должны носить утилитарнаго характера.

Физическое образованіе должно пріучить молодого человѣка «сознательно относиться къ своимъ дѣйствіямъ и производить свою работу съ возможно меньшей тратой матеріала и силъ». Методъ физическаго образованія тотъ же, что и умственнаго: онъ состоитъ, главнымъ образомъ, «въ разъединеніи производимыхъ движеній и дѣйствій и въ сравненіи ихъ между собой». Физическое образованіе, согласно профессору Лесгафту, можетъ быть раздѣлено на три отдѣла: элементарный, средній и старшій. Первый состоитъ изъ элементарныхъ движеній (сгибаніе, разгибаніе, отведеніе, приведеніе, круговыя движенія и т. п.) и ихъ осложненій (ходьба, бѣгъ, метаніе), а также игръ и прогулокъ. Второй (средній, отъ 12—15 лѣтъ) состоитъ изъ этихъ же движеній, но съ постепенно и послѣдовательно усиливающимся напряженіемъ (продолжительность, отягощеніе и пр.), причемъ всѣ эти упражненія примѣняются въ видѣ игръ партіями. Главная задача старшаго отдѣла состоитъ въ изученіи пространственныхъ отношеній и умѣньи распредѣлять свои дѣйствія во времени, т.-е. развить глазомѣръ, познакомиться съ сопротивляемостью различныхъ тѣлъ и пріучиться къ различенію ощущеній, связанныхъ съ различной скоростью въ работѣ. Достигается эта цѣль измѣреніями и взвѣшиваніями различныхъ тѣлъ, опредѣленіемъ угловъ геометрическихъ фигуръ и распредѣленіемъ тѣлъ въ пространствѣ; метаніемъ тѣлъ различной формы, вѣса, плотности, бѣгомъ, прыжками, борьбой и разными сложными играми съ партіями съ большой продолжительностью и большимъ напряженіемъ. Въ младшемъ возрастѣ $^1/_4$ урока должна быть занята элементарными упражненіями, $^1/_4$—бѣгомъ и метаніемъ и $^1/_2$—играми. Въ среднемъ—$^1/_3$ урока—сложными упражненіями съ отягощеніемъ и бѣгомъ, $^1/_3$—упражненіями съ увеличивающимся напряженіемъ (прыжки, метаніе и борьба) и $^1/_3$—играми. Въ старшемъ возрастѣ всѣ упражненія производятся съ измѣреніемъ и опредѣленіемъ скорости. Упражненія должны совершаться по преимуществу на чистомъ воздухѣ, на особой площадкѣ и безъ всякихъ гимнастическихъ аппаратовъ. Проф. Лесгафтъ—горячій противникъ этихъ аппаратовъ, такъ какъ упражненія на нихъ неестественны, вредны и совершенно не соотвѣтствуютъ строенію молодого организма.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, основы, на которыхъ нашъ извѣстный анатомъ строитъ физическое образованіе дѣтей и юношей. Разбираемая книга является второй, такъ сказать, практической и описательной частью громаднаго труда проф. Лесгафта о физическомъ образованіи. Въ ней авторъ детально описываетъ свою систему физическихъ упражненій. Глава IѴ-ая посвящена сложнымъ упражненіямъ или упражненіямъ съ увеличивающимся напряженіемъ (упражненія съ гирями и т. п., метаніе, прыганье, бѣгъ); Ѵ-ая—изученію пространственныхъ отношеній, ѴI-ая—примѣненію систематическихъ упражненій въ видѣ сложныхъ дѣйствій—т.-е. играмъ, прогулкамъ, плаванію, бѣгу на конькахъ, фехтованію и пр.; ѴII-ая— методикѣ физическихъ упражненій.

Вѣроятно, спеціалисты-врачи, физіологи и педагоги могли бы многое возразить почтенному автору въ отношеніи деталей его системы, но одно неоспоримо, что основныхъ принциповъ проф. Лесгафта поколебать нельзя, неоспоримо также и то, что наши школы ими не воспользуются. Впрочемъ, кто знаетъ?! Намъ уже приходилось указывать на «огромный плюсъ русской жизни», въ общемъ итогѣ дающій великолѣпнѣйшій минусъ—на наше единственное въ своемъ родѣ «авось». Дѣйствительно, почему той удивительной педагогической скачкѣ съ препятствіями, которую мы наблюдаемъ уже второй годъ, въ ея цѣлесообраз-

номъ круговомъ движеніи не наткнуться случайно и на принципы физическаго образованія проф. Лесгафта?! Авось! *В. Агафоновъ.*

МЕДИЦИНА И ГИГІЕНА.

Ф. Блюменталь. «Борьба съ туберкулезомъ» — *Ф. Гетье.* — «Современное состояніе вопроса о народныхъ санаторіяхъ для чахоточныхъ». — *М. Лахтинъ.* Краткій біографическій словарь знаменитыхъ статей».

Ф. М. Блюменталь. Общественная борьба съ туберкулезомъ, какъ съ народной болѣзнью въ Западной Европѣ и Америкѣ Часть I-я (Бельгія, Франція, Англія, Германія). Москва. 1901 г. Цѣна не обозначена. D-r S. A. Knopf. Туберкулезъ, какъ народная болѣзнь, и борьба съ нимъ. Переведено съ согласія автора, подъ редакціей Ф. М. Блюменталя. Москва. 1901 г. Ц. 40 коп. Доходъ съ русскаго изданія поступитъ въ пользу коммиссіи по распространенію гигіеническихъ знаній въ народѣ при обществѣ русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова. Въ отчетѣ о происходившемъ въ Москвѣ съѣздѣ врачей въ память Н. И. Пирогова *) было, между прочимъ, указано на важное значеніе работъ организованной при обществѣ русскихъ врачей коммиссіи по борьбѣ съ туберкулезомъ. Однимъ изъ видныхъ и дѣятельныхъ членовъ этой коммиссіи является д-ръ Ф. М. Блюменталь, взявшій на себя трудъ ознакомленія членовъ коммиссіи со всѣмъ тѣмъ, что сдѣлано въ данномъ направленіи въ европейскихъ государствахъ и въ Америкѣ. Результатомъ работъ г-на Блюменталя явилась пока первая изъ вышеназванныхъ книгъ, представляющая обзоръ дѣятельности 4-хъ европейскихъ государствъ въ дѣлѣ борьбы съ туберкулезомъ, какъ съ народной болѣзнью. Интересъ книги г. Блюменталя заключается въ томъ, что она даетъ полную и исчерпывающую картину положенія дѣла въ каждомъ изъ описанныхъ государствъ, причемъ автору приходилось нерѣдко имѣть дѣло съ матеріаломъ сырымъ, необработаннымъ, и во всякомъ случаѣ, не легко доступнымъ, приходилось рыться въ журналахъ, газетахъ, отчетахъ разныхъ обществъ, комиссій, собраній, законодательныхъ учрежденій и т. д.

Описаніе борьбы съ туберкулезомъ въ каждомъ государствѣ начинается съ съ статистической справки о степени развитія туберкулеза въ данной странѣ, затѣмъ дается историческій очеркъ вопроса и, наконецъ, излагается современное положеніе дѣла.

Исторія борьбы съ туберкулезомъ, какъ съ народной болѣзнью, какъ съ общественнымъ зломъ, очень коротка, такъ какъ насчитывается какихъ-нибудь 10—15 лѣтъ. «Крестовый» походъ противъ этой болѣзни начался въ Германіи, которая въ настоящее время справедливо можетъ гордиться своимъ успѣхомъ въ этомъ дѣлѣ и служить примѣромъ для другихъ странъ.

Туберкулезъ, какъ соціальное зло, находится въ тѣснѣйшей связи съ цѣлымъ рядомъ общественныхъ, бытовыхъ, экономическихъ и т. п. явленій и, вслѣдствіе этого, борьба съ нимъ, какъ показалъ опытъ, при помощи только тѣхъ средствъ, какими располагаетъ медицина, не ведетъ къ цѣли. Еще въ 1853 году Бремеръ предложилъ свой знаменитый діэтетико-гигіеническій способъ лѣченія чахотки, который до нашихъ дней остается единственнымъ и лучшимъ и, вѣроятно, такимъ останется до тѣхъ поръ, пока не будетъ найдено причинное леченіе болѣзни. Созданная Бремеромъ въ Герберсдорфѣ санаторія для легочныхъ больныхъ стала пунктомъ, куда со всѣхъ концовъ міра направля-

*) См. «Міръ Божій», февраль, 1902 г.

лись больные за исцѣленіемъ, куда стекались и врачи, дѣлавшіеся ревностными пропагаторами новаго способа леченія. И тѣмъ не менѣе, значеніе новаго метода было ограничено до тѣхъ поръ, пока услугами санаторій могли пользовиться только зажиточные люди, которые и безъ этихъ учрежденій располагаютъ большими средствами для борьбы со всякаго рода болѣзнями. Мы видимъ, что вслѣдъ за санаторіей въ Герберсдорфѣ возникаетъ созданный учениками и послѣдователями Бремера цѣлый рядъ другихъ санаторій, въ ихъ устройство вносятся усовершенствованія, но все это доступно пока богатымъ, т.-е. меньшинству. Только съ изданіемъ закона объ обязательномъ страхованіи рабочихъ отъ болѣзни и инвалидности прекрасный лечебный методъ дѣлается въ Германіи достояніемъ народныхъ массъ.

Не останавливаясь здѣсь на подробностяхъ закона о страхованіи рабочихъ, интереснаго не только съ точки зрѣнія борьбы съ туберкулезомъ, скажемъ только, что въ настоящее время въ Германіи застраховано отъ инвалидности 12.700.000 чел., въ 1900 г. тамъ было 324.319 лицъ, получающихъ инвалидную ренту, и 195.133, получающихъ ренту по старости. Уплачиваемыя ренты считаются въ сотни милліоновъ марокъ, резервный капиталъ кассъ равенъ 538 милліонамъ марокъ. Уплачиваемая инвалидамъ рента составляется изъ взносовъ самихъ рабочихъ, изъ взносовъ работодателей и государства, которое даетъ больше $^{1}/_{3}$ капитала.

Вотъ эти-то кассы страхованія отъ инвалидности въ связи съ кассами страхованія отъ болѣзней взяли на себя починъ демократизаціи лечебнаго метода Бремера и, благодаря ихъ усиліямъ, Германія покрыта цѣлой сѣтью народныхъ санаторій, гдѣ десятки тысячъ рабочихъ возстановляютъ свою утраченную работоспособность и, такимъ образомъ, опять являются дѣятельными членами общества.

Во главѣ движенія въ смыслѣ устройства народныхъ санаторій стоитъ находящійся въ Берлинѣ центральный комитетъ, этотъ, по выраженію д-ра Блюменталя, генеральный штабъ антитуберкулезной арміи въ Германіи.

Нѣкоторые крупные предприниматели, какъ Штуммъ, Круппъ и другіе, видя наглядно пользу, приносимую народными санаторіями, устраиваютъ таковыя для своихъ рабочихъ, ихъ примѣру слѣдуютъ менѣе крупные фабриканты и заводчики, соединяющіеся въ группы для устройства такихъ же санаторій для своихъ рабочихъ.

Помимо народныхъ санаторій дѣлу борьбы съ туберкулезомъ въ Германіи служитъ еще цѣлый рядъ другихъ вспомогательныхъ учрежденій, какъ амбулаторіи для ранняго распознаванія болѣзни, поликлиники, предназначенныя для той же цѣли и воспитывающія публику въ антитуберкулезномъ духѣ, пріюты для выздоравливающихъ, слабыхъ, хронически-больныхъ и т. д.

Если мы ко всему сказанному прибавимъ, что въ Германіи ведется вмѣстѣ съ тѣмъ борьба противъ вообще антигигіеническихъ условій жизни рабочихъ и въ особенности противъ дурныхъ квартиръ, являющихся разсадниками всевозможныхъ болѣзней, то мы получимъ нѣкоторое представленіе о походѣ противъ туберкулеза, какъ онъ ведется у нашихъ сосѣдей въ настоящее время.

Результаты этой плодотворной дѣятельности успѣли уже наглядно сказаться въ рѣзкомъ уменьшеніи смертности отъ туберкулеза, которая прогрессивно падаетъ съ 1889 года. Такъ, въ 1889 году на 10.000 чел. умирало отъ туберкулеза 31,4, а въ 1897 году—21,8, иначе говоря, за время съ 1889 по 1897 г. отъ туберкулеза умерло круглымъ счетомъ на 184.000 чел. менѣе, чѣмъ это было до введенія закона объ обязательномъ страхованіи.

Германія, такъ много сдѣлавшая въ дѣлѣ борьбы съ туберкулезомъ среди взрослыхъ, должна уступить пальму первенства Франціи въ смыслѣ тѣхъ заботъ.

какія проявляются въ этой странѣ, для охраненія здоровья туберкулезныхъ дѣтей.

Лѣтнія дѣтскія санаторіи, знаменитыя приморскія станціи для дѣтей составляютъ справедливую гордость Франціи.

Зато, въ общемъ, Франція сдѣлала до сихъ поръ сравнительно мало въ антитуберкулезной войнѣ. Тамъ, какъ и въ Бельгіи, все дѣло сводится пока къ пропагандѣ антитуберкулезныхъ идей, которымъ Германія занимается сравнительно мало. Неуспѣхъ дѣла во Франціи долженъ въ значительной мѣрѣ быть приписанъ невнимательному, небрежному отношенію къ дѣлу высшаго медицинскаго учрежденія въ странѣ — медицинской академіи, которая только въ послѣднее время согласилась признать важность и государственное значеніе туберкулезнаго вопроса. Важнымъ событіемъ въ антитуберкулезномъ движеніи во Франціи является назначеніе въ 1899 году, по инициативѣ президента совѣта министровъ Вальдека Руссо, коммиссіи для изысканія мѣръ, которыми удалось бы успѣшно бороться противъ распространенія туберкулеза въ странѣ. Коммиссія эта, въ трудахъ которой принимали участіе свѣтила медицинской науки, закончила уже свою задачу и передала свой проектъ въ парламентскую коммиссію общественной гигіены. Такимъ образомъ, теперь дѣло за парламентомъ и сенатомъ, чтобы борьба съ туберкулезомъ во Франціи стала на твердую почву и велась по строго опредѣленному плану.

Въ Бельгіи ведется удивительно успѣшно пропаганда антитуберкулезныхъ идей, и для этой цѣли служатъ школы, казармы, церковь, собранія, комитеты, афиши, листки, брошюры и т. д., а организованная національная лига для борьбы съ туберкулезомъ занимается устройствомъ народныхъ санаторій.

Что касается Англіи, то въ ней общественная борьба непосредственно съ туберкулезомъ до послѣдняго времени была развита сравнительно мало, что объясняется общимъ устройствомъ этой страны. Дѣло въ томъ, что въ Англіи, благодаря образцовой санитарной организаціи вообще, замѣчается общее паденіе болѣзненности и смертности населенія, отъ всѣхъ болѣзней, въ томъ числѣ и отъ туберкулеза.

Стройное и сильно развитое санитарное законодательство въ связи съ законами по строительной гигіенѣ, сознательное отношеніе къ дѣлу всего населенія, огромныя денежныя затраты на санитарное благоустройство — все это вмѣстѣ оказало и продолжаетъ оказывать самое благотворное вліяніе на профилактику (предупрежденіе) туберкулеза. Всѣ эти мѣропріятія, косвенно содѣйствовавшія уменьшенію туберкулеза въ странѣ, не вызывали необходимости спеціальныхъ мѣръ. Тѣмъ не менѣе и Англія, увлеченная блестящими успѣхами Германія, основала въ 1898 году «національную ассоціацію для предупрежденія чахотки и другихъ формъ туберкулеза», подчеркнувъ въ самомъ заглавіи особую важность предупредительныхъ мѣръ.

Краткая библіографическая замѣтка не даетъ возможности исчерпать все богатое содержаніе книги д-ра Блюменталя, къ которой мы и отсылаемъ интересующихся дѣломъ, а сами выразимъ пожеланіе, чтобы авторъ возможно скорѣе познакомилъ насъ съ положеніемъ вопроса въ другихъ еще не описанныхъ имъ государствахъ Европы и Америки.

Наше отечество, говоритъ д-ръ Блюменталь въ предисловіи къ своей книгѣ, еще не успѣвъ примкнуть къ союзной антитуберкулезной арміи, имѣетъ то преимущество, что можетъ наверстать потерянное, воспользовавшись богатымъ опытомъ западно-европейскихъ собратовъ, примѣняя и разнообразные пріемы борьбы соотвѣтственно условіямъ русской дѣйствительности.

Брошюра д-ра Кнопф'а, заглавіе которой мы выше выписали, представляетъ собой популярное изложеніе для болѣе или менѣе интелигентной публики вопроса о туберкулезѣ и борьбѣ съ нимъ. Брошюра эта, удостоенная первой пре-

міи международнаго конгресса для борьбы съ туберкулезомъ въ Германіи, расходится въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ въ Германіи и такого же успѣха ей надо пожелать и у насъ, въ особенности въ виду тѣхъ цѣлей, для которыхъ предназначается доходъ съ изданія.

Для борьбы съ туберкулезомъ, по справедливому замѣчанію д-ра Кнорга, нужна совмѣстная работа мудраго правительства, опытныхъ врачей и просвѣщеннаго народа. *В. И. Б—къ.*

Ф. А. Гетье. Современное состояніе вопроса о народныхъ санаторіяхъ для чахоточныхъ. Москва. 1901 г. Цѣна 75 коп. Прекрасная книга д-ра Гетье, тоже состоящаго членомъ московской коммиссіи по борьбѣ съ туберкулезомъ. является прекраснымъ дополненіемъ къ книгѣ д-ра Блюменталя. Въ то время какъ послѣдній даетъ очеркъ всѣхъ мѣропріятій, принимаемыхъ въ той или другой странѣ въ борьбѣ съ туберкулезомъ, д-ръ Гетье, опытный больничный врачъ, останавливаетъ свое вниманіе почти исключительно на главной лечебной мѣрѣ—на санаторіяхъ.

Книга написана прекраснымъ языкомъ и будетъ съ одинаковымъ интересомъ прочтена и врачомъ, и вообще образованнымъ человѣкомъ.

Какъ видно изъ этой книги, наше отечество въ дѣлѣ устройства санаторій занимаетъ послѣднее мѣсто. Кромѣ разныхъ предположеній объ открытіи санаторій то здѣсь, то тамъ, мы въ настоящее время располагаемъ прекрасной, но къ сожалѣнію, доступной только богатымъ санаторіей Халила въ Финляндіи и Таицкой санаторіей общества русскихъ врачей въ Петербургѣ, разсчитанной уже на людей съ небольшимъ достаткомъ. Москва получила недавно даръ въ 200.000 рублей спеціально на устройство санаторіи для недостаточныхъ чахоточныхъ больныхъ. *В. И. Б—къ.*

Д-ръ мед. М. Ю. Лахтинъ. Краткій біографическій словарь знаменитыхъ врачей всѣхъ временъ. Спб. 1902 г. Цѣна 75 коп. Книжка д-ра Лахтина, являя собой образецъ того, какъ не долженъ составляться біографическій словарь, не заслуживала бы никакого вниманія, если бы на обложкѣ не значились громкія званія автора: онъ не только докторъ медицины, но и приватъ-доцентъ московскаго университета. Возможно, что въ лицѣ г. Лахтина мы имѣемъ кандидата на вакантную въ Москвѣ каѳедру исторіи медицины.

Какъ трудъ приватъ-доцента, т.-е. человѣка ученаго, книжка д-ра Лахтина непремѣнно должна быть отмѣчена.

Въ предисловіи къ своей книжкѣ авторъ говоритъ о значеніи біографическаго элемента въ исторіи, ссылается на Карлейля, Вундта, Готшталя и др. и въ концѣ такъ опредѣляетъ задачу своего труда: «Въ нашемъ словарѣ помѣщены біографіи врачей всѣхъ странъ и временъ, но не всѣхъ врачей, а лишь наиболѣе извѣстныхъ, такъ какъ для того, чтобы описать всѣхъ рядовыхъ бойцовъ въ области медицины не хватило-бы человѣческой жизни»... И далѣе: «Въ настоящій словарь не вошли также біографіи нынѣ живущихъ русскихъ врачей, вслѣдствіе крайней трудности собиранія нужнаго для того матеріала».

Какъ же г. Лахтинъ выполнилъ свою задачу?

Въ словарѣ, дѣйствительно, нѣтъ ни одного современнаго русскаго дѣятеля въ области медицины и съ этой стороны г. Лахтинъ вполнѣ точно выполнилъ то, что обѣщалъ въ предисловіи, но, добросовѣстности ради, онъ долженъ былъ бы прибавить, что у него почти нѣтъ не только живущихъ знаменитыхъ нѣмецкихъ, французскихъ, англійскихъ и другихъ странъ врачей, но уже и умершихъ хотя бы только въ истекшемъ XIX столѣтіи.

Чѣмъ объясняется пропускъ такихъ именъ, какъ Кохъ, Крафтъ-Эбингъ, Цимсенъ, Нотнагель, Лейденъ, Бергманнъ, Бенедиктъ, Сенаторъ, Зонненбургъ, Крепелинъ, Эрбъ, Мендель, Мункъ, Петтенкоферъ, Коноръ, Гебра, Унна, Шре-

деръ, Штрикеръ, Щретеръ и т. д. безъ конца. Можетъ быть, по мнѣнію г. Лахтина, имена этихъ лицъ недостаточно извѣстны въ медицинѣ? Почему г. Лахтинъ счелъ возможнымъ обойти молчаніемъ извѣстныхъ профессоровъ родного университета, уже покойныхъ, какъ Захарьинъ, Басовъ, Оверъ, Маклаковъ и др.?

Но такими вопросами можно было бы заполнить не одну страницу.

Укажемъ на нѣкоторые курьезы въ книжкѣ г. Лахтина. Въ біографіи С. П. Боткина, между прочимъ, сказано, что онъ за границей занимался у тогдашнихъ корифеевъ клиники Траубе и Оппольцера. Естественно, что хотя эти господа должны были бы удостоится помѣщенія въ словарѣ г. Лахтина, но— увы!—г. Лахтинъ нашелъ, очевидно, эту честь для Траубе и Оппольцера слишкомъ большой... Не упомянувъ имени проф. Винтерница, творца современной научной гидротерапіи, г. Лахтинъ даетъ довольно подробное жизнеописаніе пастора Кнейпа, которому отведено немного меньше мѣста, чѣмъ Рудольфу Вирхову; пропустивъ такого незамѣтнаго врача, какъ Гельмгольцъ, г. Лахтинъ считаетъ долгомъ сообщить, что «д-ръ Мецнеръ Леонардъ, лейбъ-медикъ датскаго королевича Іоанна, прибылъ съ нимъ въ Москву 19-го сентября 1602 г.» И больше ни слова. Какъ это важно! Какая историческая точность! Именно 19-го сентября, а не 18-го или 20 го! Вообще у г. Лахтина замѣтно «влеченіе— родъ недуга» ко всякимъ лейбъ-медикамъ всѣхъ временъ и странъ, хотя бы у нихъ не было никакихъ заслугъ предъ медициной.

Врачъ *В. Б—къ.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(отъ 15-го мая по 15-ое іюня 1902 г.).

М. Чайковскій. Жизнь П. И. Чайковскаго. Изд. П. Юргенсона. Цѣна кажд. вып. 40 коп.

Г. Тарди. Общественное мнѣніе и толпа. Перев. съ франц. подъ ред. П. Когана. Мск. 1902 г. Ц. 1 р.

Г. М. Тумановъ. Замѣтка о городскомъ самоуправленіи на Кавказѣ. Тифлисъ. 1902 г. Ц. 75 к.

К. Лавриченко. Вѣра въ жизнь. Ром. Спб. 1902 г. Ц. 2 р.

Н. И. Перелыгина. Черевички. Повѣсть. Мск. 1902 г. Ц. 35 к.

Кэтъ-Дугласъ. Счастье бѣднаго малыша. Мск. 1902 г. Ц. 35 к.

М. Н. Богдановъ. Мышь. Разск. Мск. 1902 г. Ц. 8 к.

Его же. Летучая мышь. Разск. для дѣтей. Мск. 1902 г. Ц. 8 к.

Д-ръ Н. Пясковскій. О долголѣтіи и сохраненіи молодости. Изд. Д. И. Тихомирова. Мск. 1902 г. Ц. 12 к.

А. Иноземцева. Внѣ почвы. Драма въ 5 дѣйств. Н.-Новгородъ. 1902 г. Цѣна 50 к.

М. Богдановъ. Изъ жизни птицъ. Изд. К. Тихомирова. Мск. 1902 г. Ц. 10 к.

Его же. Какъ люди научились разводить рыбъ. Изд. то же. Ц. 10 к.

В. Н. Спасскій. Защита сельскихъ угодій живыми изгородями и лѣсными опушками. Изд. то же. Ц. 10 к.

Мэтью Арнольдъ. Задачи современной критики. Перев. съ англ. М. Изд. «Посредникъ». Ц. 15 к.

Р. В. Эмерсонъ. Высшая душа. Перев. съ англ. Накашидзе. Мск. 1902 г. Цѣна 20 к.

И. Горбуновъ-Посадовъ и В. Лукьянская. Другъ животныхъ. Ч. I. Мск. 1902 г. Ц. 85 к.

И. Крыловъ. Басни. Кн. I—III для младш., средн. и старш. возр. Изд. Жирнова. Ц. 5 к.

А. В. Кольцовъ. Избранныя стихотворенія. Кн. I и II. Изд. то же. Ц. 5 к.

Н. Г. Вороновъ. Элементы исторіи. Мск. 1901 г. Ц. 50 к.

Арсеньевъ. Разсказы и стихотворенія. Изд. 2-ое А. Ивановой. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 25 к.

Пр. М. Богдановъ. Скворецъ и воробей. Разск. Мск. 1902 г. Ц. 10 к.

В. Добролюбовъ. Ложь гг. Н. Энгельгардта и Розанова о Н. А. Добролюбовѣ и Н. Чернышевскомъ и духовенствѣ. Спб. 1902 г. Ц. 80 к.

Н. А. Палушинъ. Исай. Сказка. Изд. «Посредника». Ц. 1½ к.

С. Порѣцкій. Друзья растеній. Мск. 1902 г. Ц. 70 к.

Ученіе графа Толстого о жизни. Изд. 2-ое «Посредника». Мск. 1902 г. Ц. 15 к.

А. А. Зубрилинъ. Какъ улучшили свое хозяйство крестьяне Волоколамск. уѣзда. Мск. 1902 г. Ц. 2 к.

Проф. И. Поповъ. О молочномъ дѣлѣ въ крестьянск. хозяйствѣ. Мск. 1902 г. Ц. 2 к.

Его же. Объ уходѣ за копытами лошади. То же. Ц. 2 к.

Его же. Какъ дѣлаютъ посуду глиняную и фарфоровую. Мск. 1902 г. Ц. 6 коп.

Д. Горностаевъ. Какъ построить крестьянскую кирпичную избу. Мск. 1902 г. Ц. 6 к.

Любичъ-Кошуровъ. Ворона и ея знакомые. Изд. Ефимова. Мск. 1902 г. Ц. 55 к.

Ами-Пальмъ. Лалли и ея звѣздочки. Сказка. Мск. 1902 г. Ц. 40 к.

Карлъ Клейнъ. Подъ громомъ пушекъ. Перев. съ нѣм. Мск. 1902 г. Ц. 1 р.

Я. Крюковская. Повѣсти и разсказы. Изд. журн. «Русская Школа». Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

В. Л. Дѣдловъ. Школьныя воспоминанія. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

Теодоръ Герцль. Философскіе разсказы. Перев съ нѣм. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 коп.

Ш. Ш. Ночь въ музеѣ восковыхъ фигуръ. Спб. 1902 г. Ц. 40 к.

А. Новиковъ. Второй сборникъ статей 1901—1902. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

П. Ганзенъ. Опытъ оздоровленія деревни. Спб. Изд. Маркса. Ц. 75 к.

А. Зотовъ. Соглашеніе и третейскій судъ между предпринимателями и рабочими въ англ. крупной промышленности. Спб. 1902 г. Ц. 2 р. 50 к.

Д. Невзоровъ. Изъ быта села Птичьяго, Оренб. губ. Юрьевъ. 1902 г.

М. Соболевъ. Очерки изъ исторіи всемірной торговли. Мск. «Книжное Дѣло». Ц. 1 р.

Е. Любичъ. Изъ жизни. Изд. Каранта. Ц. 50 к.

К. Григорьевъ. Бредъ жизни. Спб. Изд. Арищенко. Ц. 80 к.

Н. Ди-Сеньи. Курсъ прямолинейной тригонометріи. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

Д. Галанинъ. Мысли и наблюденія по вопросу о средней школѣ. Мск. 1902 г. Ц. 20 к.

А. Билимовичъ. Товарное движеніе на русск. желѣзн. дорогахъ. Кіевъ. 1902 г. Ц. 2 р. 50 к.

К. Байэ. Исторія искусствъ. Въ перев. Кульженко. Кіевъ. М. 1902 г.

Е. Орловъ. Техническій анализъ. Вып. X. Изд. К. Тихомирова. Ц. 1 р. 50 к.

А. де-Норвенъ. Американскіе милліардеры. Перев. съ франц. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 коп.

Г. Брандесъ. Собраніе сочиненій. Перев. съ датск. подъ ред. М. Лучицкой. Изд. В. Фукса. Кіевъ. 1902 г. Ц. 6 р.

Максъ Нордау. Собраніе сочиненій. Перев. съ нѣм. Михайлова. Изд. Фукса. Кіевъ. 1902 г. Ц. 6 р.

Эрнестъ-Ренанъ. Собраніе сочиненій. Перев. съ франц. Изд. Фукса. Кіевъ. 1902 г. Ц. 5 р.

Э. Ожешко. Собраніе сочиненій. Перев. съ польск. Изд. Фукса. Кіевъ. 1902 г. Ц. 5 р.

Отчетъ о дѣятельности библіотеки служащихъ въ Управленіи дорогъ, на станціяхъ и вагоновъ за 1899 и 1900 гг. Юбилейное изданіе (1875—1900 г.).

Отчетъ о-ва для распространенія просвѣщ. между евреями въ Россіи за 1901 годъ.

Кустарные промыслы. Яросл. губ. Изд. губ. земства. Ярославль. 1902 г.

Роль Курскаго губ. земства въ дѣлѣ народнаго образованія за послѣдн. 6 лѣтъ.

Путеводитель по Волгѣ, Окѣ, Камѣ, Вяткѣ и Бѣлой. Изд. И. Иванова. Ц. съ перес. 35 коп.

Отчетъ о-ва вспомоществ. студентамъ. Спб. универс. за 1901 г. Спб. 1902 г.

Краткій очеркъ дѣятельности Вятск. земства по народн. образов. за пятилѣтіе 1896—1900 гг.

Отчетъ Пензенск. обществ. библіотеки им. Лермонтова 1900—1901 г.

Отчетъ Херсонской обществ. библіотеки за 1901 г.

Сельскохозяйств. обзоръ Нижег. губ. за 1900 г.

Докладъ общ. собранія къ 10-ти-лѣтію 1-й безплатной народной читальни Харьк. о-ва грамотности. Харьковъ. 1902 г.

Н. Березинъ. Три мѣсяца среди людоѣдовъ. Спб. 1901 г. Ц. 60 к.

В. И. Немировичъ - Данченко. Облетѣвшіе листья. Разсказы. Спб. Изд. П. П. Сойкина. Ц. 1 р. 50 к.

Д-ръ П. А. Граціановъ. Борьба съ сифилисомъ. Харьковъ. 1902 г.

В. Абрамовъ. Овчининъ. Ром. въ 2 част. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

А. Радцигъ. Производство и потребленіе овса на всемъ свѣтѣ. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

О. Лернеръ. Одесская старина. Одесса. 1902 г.

Ѳ. Грековъ. О первоначальномъ воспитаніи и обученіи дѣтей и о гигіенѣ юношества. Мск. 1902 г. Ц. 35 к.

Ад. Меркель. Юридическая экспедиція. Перев. В. Зейделя. Спб. 1902 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Е. Звягинцевъ. Къ вопросу объ участіи земства и общества въ постановкѣ народн. образованія.

М. Савинъ. Пѣсни рабочаго. Мск. 1902 г. Ц. 25 к.

Пр. Маршаль. Анатомія птицъ въ общедоступномъ изложеніи. Спб. 1902 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Э. Жебаръ. Пія и Викторинъ. Мск. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

А. Радцигъ. Лѣсъ и лѣсное хозяйство въ разныхъ государствахъ. Спб. 1902 г. Ц. 2 р. 50 к.

В. Лукьянская. Три тысячи лѣтъ тому назадъ. Изд. «Посредника». Мск. 1901 г.

Е. Лозинскій. Отчизна и обществовѣдѣніе въ среднихъ школахъ на западѣ. Мск. 1902 г.

Л. Мара. Миражи. Варшава. 1902 г. Цѣна 1 р.

А. Никольскій. Земля, община и трудъ. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

С. Браиловскій. Тазы или Iduh'э. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

М. П. Красильниковъ. Платежи, недоимки продовольственная задолженность населенія Уфимск. губ. Изд. губ. земства. Уфа. 1902 г.

Алексѣевъ. Мѣстное самоуправленіе русск. крестьянъ. Изд. т-ва Вольфъ. 1902 г. Ц. 2 р. 50 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*A sporting trip through Abyssinia*» *by P. H. G. Powell Cotton with Illustrations and Map* (*Rowland Ward*). (*Охотничья поѣздка въ Абиссинію*). Очень интересная книга, въ которой заключается описаніе малоизвѣстныхъ или даже совсѣмъ неизвѣстныхъ областей Абиссиніи. Авторъ—завзятый спортсменъ и охотникъ и поэтому онъ отводитъ много страницъ описанію своихъ охотничьихъ экскурсій, но описанія эти очень занимательны. Спортъ, однако, не мѣшаетъ автору знакомиться съ мѣстною жизнью и обычаями, которые авторъ описываетъ такъ же увлекательно и живо, какъ и свои охотничьи похожденія. Вообще книга его изобилуетъ интересными описаніями, тѣмъ болѣе, что путешествіе автора по малоизвѣстной странѣ не обошлось безъ приключеній, какъ комическаго, такъ и драматическаго характера. Авторъ позаботился снабдить свою книгу хорошими иллюстраціями. (Athaeneum).

«*The Rights of Man*» *a Study in Twentieth Century Problems by D-r Lyman Abbott* (*Tames Clarcand C°*) *6 s.* (*Права человѣка*). Цѣль автора—опредѣлить права человѣка въ обществѣ, въ государствѣ и церкви. Авторъ твердо вѣритъ въ будущее демократіи, несмотря на всѣ ея ошибки и отступленія въ данный моментъ, и надѣется на счастливый исходъ борьбы, которая происходитъ въ настоящеее время между реакціонерными и прогрессивными теченіями.

(Monthly Review).

«*L'Evolution Sociale en Australie* «*par Louis Vigouroux* (*Armand Colin*) *4 fr.* (*Соціальная эволюція въ Австраліи*). Это сочиненіе представляетъ результатъ очень подробнаго и методическаго изслѣдованія на мѣстѣ всѣхъ условій развитія Австраліи. Авторъ съ полнымъ безпристрастіемъ высказываетъ свое сужденіе о фактахъ, значеніе которыхъ выяснилось только послѣ организаціи австріамской федераціи. Исторія Австраліи и ея послѣдовательная эволюція представляетъ спеціальный интересъ для Европы и поэтому появленіе изслѣдованія автора отвѣчаетъ потребностямъ минуты. Во всякомъ случаѣ, авторъ дѣлаетъ весьма цѣнный вкладъ въ литературу объ Австраліи. (Journal des Débats).

«*The Scientific Memoirs of Thomas Huxley*» *Edited by Sir Michael Foster and F. Ray Lankestes. London.* (*Macmillan and C°*) *30 s.* (*Научные мемуары Томаса Гексли*). Это заключительный томъ всѣхъ научныхъ сочиненій покойнаго Томаса Гексли, въ которомъ собраны 28 статей, касающіяся самыхъ разнообразныхъ предметовъ. Часть изъ нихъ посвящена описательной палеонтологіи, морфологическимъ вопросамъ, классификаціи животнаго міра и т. д. Однако, кромѣ этихъ спеціальныхъ статей, въ сборникъ включены и статьи болѣе общаго характера, какъ, напр., два біографическихъ очерка: «Вильямъ Гарвей и теорія кровообращенія» и «Ричардъ Оуэнъ и его значеніе въ исторіи анатомической науки».

(Daily News).

«*The Economic History of Britich India*» *by Romesh Datt. London* (*Kegan Paul*) *7 s. 6 d.* (*Экономическая исторія британской Индіи*). Экономическое положеніе Индіи представляетъ въ настоящее время больное мѣсто британской Имперіи и поэтому подробное и безпристрастное изслѣдованіе этого вопроса, какое заключается въ названной книгѣ, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Авторъ изслѣдуетъ причины экономической слабости Индіи, упадка ея земледѣлія и промышленности и открыто порицаетъ существующую въ Индіи систему управленія и налоговъ, истощающихъ страну. (Daily News).

«*La Psychophysique*» *par Marcel Foucault. Paris* (*Alcan*) *7 fr. 50.* (*Психофизика*). Авторъ посвящаетъ свое изслѣдованіе наукѣ, которая опредѣляетъ взаимныя отношенія души и тѣла; онъ изучаетъ происхожденіе этой науки и ея эволюціи. Первая часть, конечно, посвящена главнѣйшему представителю психофизики Феэнеру и его работамъ въ этой области. (Polybiblion).

«*La logique chez l'enfant et sa culture*» *Etude de psychologie appliquée, par Frédéric Gueyrat. Paris* (*Alcan*) *2 fr. 50.* (*Логика у ребенка и его культура*). Авторъ изучаетъ въ своей книгѣ теоретически и практически ходъ умственнаго развитія у ребенка и преимущественно останавливается на постепенномъ развитіи дѣтской логики. Онъ указываетъ, посредствомъ какихъ методовъ вниманія и соотвѣтствующихъ педагогическихъ пріемовъ можно сгладить недостатки и усовершенствовать качества дѣтскаго ума. Осторожность выводовъ, наблюдательность и опытность—вотъ качества, которыми характеризуется трудъ автора, представляющій очень полезное руководство для педагоговъ и родителей.

(Polybiblion).

«L'âme saine» par P. K. Clérissac. Paris (Oudin) 2 fr. (Здоровая душа). Въ противоположность больной человѣческой душѣ, которая страдаетъ и жалуется, авторъ рисуетъ здоровую душу, и старается внушить читателю желаніе достигнуть этого идеала. Онъ говоритъ объ искусственныхъ условіяхъ существованія, которыя создаетъ себѣ человѣкъ и которыя дѣйствуютъ разслабляющимъ образомъ на его волю и энергію, и преподаетъ читателямъ правила нравственной и умственной гигіены, необходимыя для сохраненія здоровой души.

(Polybiblión).

«La liberté et le devoir, fondements de la morale et critique des systémes de morale contemporaine» par Albert Farges. Paris (Berche et Tralin) 7 fr. 50 (Свобода и долгъ, основы нравственности и критика современной нравственной системы). Въ первой части этой книги авторъ изслѣдуетъ свободу съ точки зрѣнія нравственной, психологической и метафизической и обнаруживаетъ очень большую эрудицію и основательное знакомство съ литературою предмета.

(Journal des Débats).

«Questions de philosophie morale et sociale» par I. P. Durand (de Gros) avec une introduction par Parodi. Paris. (Alcan). 2 fr. 50 (Вопросы нравственной и соціальной философіи). Въ этой книгѣ заключается цѣлый рядъ изслѣдованій, посвященныхъ вопросамъ матеріализма, атеизма, детерминизма, трансформизма, соціализма, психологіи и гипнотизма. Книга написа очень живо и отличается смѣлостью взглядовъ и выводовъ.

(Journal des Débats).

«Du Beau. Essai sur l'origine et l'evolution du sentiment esthétique» par Lucien Bray. Paris. (Alcan). 5 fr. (О прекрасномъ. Опытъ изслѣдованія происхожденія и эволюціи эстетическаго чувства). Авторъ обращаетъ свое главное вниманіе на генезисъ эстетической эволюціи. Изслѣдованіе природы неизбѣжно приводитъ къ заключенію, что красота связана съ воспроизводительною функціей. Авторъ изслѣдуетъ красоту въ мірѣ растительномъ и животномъ и изучаетъ тѣ факторы, интеллектуальные и нравственные, которые усложняютъ и развиваютъ первоначальное чувство прекраснаго.

(Polybiblon).

«Qeustion d'histoire et d'Enseignement» par Ch. V. Langlois (Lirbarie Hachette). 3 fr. 50. (Вопросы исторіи и преподаванія). Авторъ этой книги, адъюнктъ профессоръ парижскаго университета, собралъ въ ней свои статьи, которыя онъ писалъ о вопросахъ образованія, о преподаваніи исторіи, историческомъ методѣ и библіографіи. Вотъ названія отдѣльныхъ главъ его книги: «Университеты въ средніе вѣка»; «Исторія французской коллегіи»; Парижскій университетъ 1900 года, «Международная ассоціація академій и т. д.

(Revue de Paris).

«L'Impérialisme allemand» par Maurice Lair. (Нѣмецкій имперіализмъ). Побѣда германскихъ армій въ 1870 г. глубоко измѣнила духъ націи. Въ Германій, также какъ и теперь въ Англіи, находился имперіализмъ, выразившійся въ обѣихъ странахъ въ двойной формѣ: «индустріализма» и «вооруженнаго мира». Въ названной книгѣ авторъ подвергаетъ изслѣдованію нравственную эволюцію Германіи. Въ послѣдней главѣ онъ говоритъ о тревожныхъ симптомахъ, указывающихъ, что народъ не можетъ долго разсчитывать на «авторитетъ силы».

(Revue de Paris).

«India and its Problems» by W. S. Lilly (Sandiand C°). (Индія и ея проблемы). Въ этой небольшой книгѣ (308 стр. крупнаго шрифта) авторъ даетъ довольно полную картину Индіи, ея физическихъ особенностей, ея населенія, религіи и литературы и въ краткихъ словахъ излагаетъ ея исторію. Въ концѣ онъ говоритъ о нѣкоторыхъ наиболѣе важныхъ проблемахъ, разрѣшеніе которыхъ должно имѣть огромное значеніе для будущаго Индіи.

(Boskseller).

«Facts and Comments» by Herbert Spenrer (William and Nordate). (Факты и коментаріи). Въ своемъ предисловіи къ этому небольшому томику знаменитый философъ говоритъ, что, по всей вѣроятности, это будетъ его послѣднимъ трудомъ. Статьи, собранныя въ этой книгѣ, касаются разнообразныхъ предметовъ. Спенсеръ говоритъ о политикѣ, о южноафриканской войнѣ и т. п. современныхъ фактахъ. Одна изъ статей озаглавлена «Имперіализмъ и рабство» и заключаетъ въ себѣ много глубокихъ мыслей.

(Daily News).

«Dangerous Trades: the historical, social and Legal Aspects of Industrial Occupations as affecting Health» by a number of experts. Edited by Thomas Oliver (Murray). (Опасные роды промышленности). Въ этой книгѣ разсматривается исторія, соціальное вліяніе и законность такихъ промышленныхъ занятій, которыя вредно отзываются на здоровьи человѣка. По словамъ составителя книги, Великобританія была піонеромъ въ дѣлѣ фабричнаго законодательства. Въ числѣ статей, помѣщенныхъ въ этомъ сборникѣ, находится и статья мистриссъ Теннактъ, которая была фабричнымъ инспекторомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и въ особенности хорошо изучила фабричный трудъ женщинъ. Научныя статьи въ сборникѣ, касающіяся различныхъ видовъ фабричнаго труда и

ихъ вліянія на здоровье человѣка, написаны компетентными въ этихъ вопросахъ людьми и спеціалистами. Этотъ сборникъ особенно полезенъ людямъ, имѣющимъ какое-либо отношеніе къ вреднымъ отраслямъ промышленности, или непосредственно заинтересованнымъ въ нихъ въ качествѣ ли рабочихъ или хозяевъ. Въ книгѣ изложены факты и статистическія данныя, вмѣстѣ съ научнымъ освѣщеніемъ вопроса, что даетъ возможность читателю самому дѣлать выводы относительно интересующаго его вопроса.

(Daily News).

«La Pensée Antique» par Joseph Fabre. Paris (Alcan). 5 fr. (Древнее мышленіе). Это начало очерка эволюціи человѣчеловѣческой мысли, который долженъ составить исторію философій. Онъ распадается на три части, охватывающія періодъ отъ Моисея до Марка Аврелія. Въ первой части излагаются доктрины египтянъ, евреевъ, хананеянъ и халдеянъ, персовъ, индусовъ и китайцевъ. Во второй части изслѣдуется философское мышленіе греческаго міра, а въ третьей—римскаго.

(Journal des Débats).

«La vie artistique de l'humanité» par A. Roux. Paris (Scleiches). 1 fr. 50. (Художественная жизнь человѣчества). Въ этой небольшой, но содержательной книгѣ, излагается исторія элементарнаго искусства и читатель знакомится съ главнѣйшими современными школами. Книга снабжена гравюрами.

(Journal des Débats).

«L'Art et la vie» par R. Maulde de la Clavière. Paris (Perrin). 3 fr. 50. (Искусство и жизнь). «Искусство—это культъ, вызывающій чувство симпатіи и любви»—такими словами начинаетъ авторъ свою книгу, въ которой онъ въ особенности останавливается на роли женщины въ созданіи красоты жизни и добра. Во многихъ своихъ заключеніяхъ авторъ обнаруживаетъ тонкую психологическую наблюдательность и пониманіе женской души. Его книгу можно назвать до нѣкоторой степени руководствомъ женскаго воспитанія, хотя и лишеннымъ всякаго педантизма. (Journal des Débats).

«L'Education des jeunes filles» par Henri Marion, prof. à la Faculté des lettres de Paris (Armand Colin). 3 fr. 50 (Воспитаніе молодыхъ дѣвушекъ). Авторъ, читавшій въ Сорбоннѣ курсъ «Наука воспитанія» (science de l'Ecucation), посвящаетъ эту книгу проблемѣ воспитанія дѣвушекъ. Онъ изслѣдуетъ вопросъ, гдѣ должны воспитываться дѣвочки и кто можетъ быть помощникомъ семьи въ этомъ отношеніи. Далѣе онъ подробно говоритъ о нравственномъ воспитаніи дѣтства и отрочества, о современныхъ идеалахъ свободы и разума, о физическомъ, практическомъ и эстетическомъ воспитаніи и, наконецъ, о низшемъ, среднемъ и высшемъ образованіи дѣвушекъ и др. вопросахъ, касающихся женскаго воспитанія.

(Revus internationale).

«Psychologie de la femme» par Henri Marion. Paris (Armand Colin). (Психологія женщины). Очень интересная книга, посвященная психологіи женщины. Авторъ изслѣдуетъ особенности женской природы съ физіологической и психологической точки зрѣнія проявленія этихъ особенностей у маленькой дѣвочки; онъ говоритъ объ общей чувствительности, эгоистическихъ наклонностяхъ, высшихъ чувствахъ и т. д. Особенно подробно онъ разбираетъ качества женского ума и воли. Въ заключеніе онъ говоритъ о судьбахъ женщины и о ея правахъ въ современномъ обществѣ.

(Journal des Débats).

«Syndicats ouvriers, Fédérations, Bourses du travail» par Leon de Seilnac (Armand Colin). Paris. 3 fr. 50. (Рабочіе синдикаты федераціи и биржи труда). Авторъ изслѣдуетъ причины возникновенія синдикатовъ, ихъ существованіе и развитіе. Онъ описываетъ послѣдовательно наиболѣе замѣчательные типы рабочихъ синдикатовъ; существующихъ въ настоящее время, указываетъ на ихъ ростъ и на организацію федераціи ремеслъ. Вторая часть книги посвящена организаціи биржъ труда или мѣстныхъ федерацій ремесленныхъ синдикатовъ и, главнымъ образомъ, парижской биржи труда. Въ заключеніе авторъ посвящаетъ свое вниманіе программѣ французскихъ синдикатовъ и объединенію рабочихъ силъ.

(Journal des Débats).

Издательница М. К. Куприна-Давыдова. Редакторъ Ѳ. Д. Батюшковъ.

сильны, что не могло быть сомнѣнія въ его виновности. Два года спустя, этому самому человѣку пришлось вести экспрессъ по уклону въ семь миль длиною, въ томъ мѣстѣ, гдѣ желѣзная дорога проходитъ черезъ Аллеганы. Путь настолько прямъ, что виденъ весь на протяженіи семи миль, и когда поѣздъ уже прошелъ половину разстоянія, Конелли замѣтилъ, что на встрѣчу ему съ головокружительной быстротой несутся нѣсколько оторвавшихся отъ какого-нибудь поѣзда товарныхъ вагоновъ. Положеніе было отчаянное: идти впередъ или остановиться — одинаково означало вѣрную смерть. Даже давъ поѣзду задній ходъ, нельзя было избѣжать столкновенія съ раскатившимися подъ уклонъ вагонами. Конелли послалъ кочегара отцѣпить паровозъ и, давъ свистокъ, чтобы затормозили вагоны, одинъ на паровозѣ помчался на встрѣчу катившимся вагонамъ. Произошло ужасное столкновеніе, Конелли былъ конечно убитъ, но спасъ жизни двухсотъ человѣкъ. А, между тѣмъ, этотъ самый Конелли два года передъ тѣмъ хотѣлъ сжечь живыми сорокъ своихъ же товарищей рабочихъ. Какъ его назвать—дурнымъ или хорошимъ?

— Право, дружище, я отказываюсь рѣшить эту загадку. Конечно, на свѣтѣ масса прекрасныхъ вещей и между ними этотъ фаршъ. Осмѣлюсь попросить еще кусочекъ?

Питеръ улыбнулся.

— Джениферъ всегда заботится о будущемъ, и не думаю, что бы онъ далъ тебѣ еще. Джениферъ, можно дать м-ру Д'Аллуа еще кусочекъ?

— Можно, баринъ.—Джениферъ улыбнулся до ушей.—Если только этотъ баринъ не боится испортить себѣ аппетитъ.

— Ну, не надо,—сказалъ Уаттсъ.—Подождемъ, что будетъ дальше. А остатокъ пирога заверните мнѣ въ бумагу, я возьму его съ собой.

— Приходилось вамъ въ политикѣ встрѣчатьсю съ такими людьми, которыхъ вы считали безчестными?—спросила миссисъ Д'Аллуа.

— Нѣтъ. Я вообще мало знаю такихъ людей, которыхъ рѣшилъ бы назвать безчестными. Кромѣ того, я дѣлаю большую разницу между человѣкомъ, совершившимъ безчестный поступокъ, и безчестнымъ человѣкомъ.

— Это слишкомъ тонкое различіе,—сказала мадамъ.

— Не думаю. Безчестный человѣкъ, по моему, тотъ, кто постоянно и неизмѣнно работаетъ съ дурными цѣлями и побужденіями. Но есть много людей, въ жизни которыхъ больше положительныхъ чѣмъ отрицательныхъ показателей, которые иногда, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, поступаютъ безчестно. Одинъ солжетъ, поддавшись искушенію; другой возьметъ взятку; третій обманетъ. Почти у каждаго человѣка есть какое-нибудь слабое мѣсто, но не можемъ же мы изъ-за этого слабаго мѣста отвергнуть человѣка, какъ негоднаго и дурного, какъ нельзя сказать, что человѣкъ вполнѣ негоденъ физически, если онъ близорукъ, хромъ или глуховатъ. Если бы намъ предстоялъ выборъ между новымъ блестящимъ орудіемъ и старымъ заржавленнымъ, мы не стали бы колебаться. Но если у насъ есть только послѣднее, то развѣ не будетъ безуміемъ отказаться употреблять его только потому, что на свѣтѣ существуетъ лучшее.

— Но развѣ вы не поощряете зла въ человѣкѣ, отказываясь порицать его?—спросила миссисъ Д'Аллуа.

— Зло не нуждается въ поощреніи. Мое правило, какъ въ политикѣ, такъ и въ жизни, бороться съ безчестностью вездѣ, гдѣ я ее встрѣчу. Но я стараюсь бороться съ дѣйствіемъ, а не съ человѣкомъ. И, если я нахожу, что зло непоправимо, я не преслѣдую того, кто его сдѣлалъ. Можно достигнуть гораздо большаго дружбой и терпѣніемъ, чѣмъ ожесточеніемъ и преслѣдованіемъ. Человѣкъ не исправится оттого, что вы ему скажете, что онъ дуренъ. Дня четыре тому назадъ у меня былъ альдерменъ, который готовъ былъ поступить безчестно. Я могъ назвать его негодяемъ и былъ бы правъ. Но я не сдѣлалъ этого. Я сказалъ ему по-дружески, что я считаю честнымъ, и убѣдилъ его такъ, что онъ отказался отъ своего намѣренія и ушелъ моимъ другомъ. Если бы

я поссорился съ нимъ, онъ совершилъ бы свое дурное дѣло, я бы сталъ бороться съ нимъ на выборахъ и побѣдилъ бы его. Но онъ, а вмѣстѣ съ нимъ и до пятидесяти его приверженцевъ сдѣлались бы моими злѣйшими врагами и противились бы каждому моему предложенію въ будущемъ. Если бы я ссорился со всѣми ему подобными людьми, я бы потерялъ или понизилъ свое вліяніе въ участкѣ. Но, поступивъ съ нимъ по-дружески, я предупредилъ его дурной поступокъ, и мы будемъ продолжать работать вмѣстѣ. Конечно, человѣкъ можетъ быть настолько дуренъ, что съ нимъ невозможно будетъ такъ поступить, но такіе люди такъ же рѣдки въ политикѣ, какъ и въ жизни.

— Стерлингъ—молчальникъ, желающій ѣздить по политической аренѣ верхомъ на всемъ своемъ участкѣ,—замѣтилъ Уаттсъ.

— Я не утверждаю, что я правъ,— сказалъ Питеръ. — Прежде я думалъ совершенно иначе. При началѣ моей карьеры я былъ горячимъ реформаторомъ. Но я убѣдился, что свѣтъ нельзя измѣнить однимъ ударомъ, и если бы люди употребляли на собственное усовершенствованіе ту энергію, которую они тратятъ на исправленіе свѣта и своихъ друзей, то не нужно было бы никакихъ реформаторовъ.

— Старая англійская пословица говоритъ, что «люди, которые не могутъ справиться со своими собственными дѣлами, мѣшаются въ дѣла ближнихъ»— вполнѣ примѣнима въ этомъ случаѣ.— сказалъ Уаттсъ.

— А вы не считаете унизительнымъ для себя дружить съ подобными людьми?—спросила миссисъ Д'Аллуа.

— Вы знакомы съ м-ромъ Дрюиттъ?— спросилъ Питеръ.

— Да,—отвѣчали всѣ, кромѣ француженки.

— Вы считаете пріятнымъ свое знакомство съ нимъ?

— Еще бы, — отвѣчалъ Уаттсъ. — Онъ презабавный малый и всеобщій любимецъ.

— Десять лѣтъ тому назадъ этотъ человѣкъ имѣлъ самое скверное вліяніе на политику штата Нью-Іоркъ.

Въ Альбани, гдѣ онъ работалъ въ пользу одной крупной партіи, его считали отвѣтственнымъ за каждый подлогъ, за каждый подкупъ. Я не хочу сказать, что онъ самъ подкупалъ людей,—для этого грязнаго дѣла у него были спеціальные помощники, — но каждый истраченный долларъ проходилъ черезъ его руки, и онъ зналъ, на что онъ былъ истраченъ.

Въ концѣ концовъ, онъ такъ успѣшно дѣйствовалъ, что сталъ предсѣдателемъ корпораціи. Благодаря этому положенію и его уму, Нью-Іоркъ примирился съ нимъ и теперь даже няньчится съ нимъ. Я нахожу, что мнѣ нисколько не тяжелѣе пожимать руки тѣмъ, кого онъ подкупалъ, чѣмъ вамъ дружить съ человѣкомъ, завѣдывавшимъ подкупами.

— Предполагая, что всѣ товарищества, компаніи и желѣзно - дорожныя общества отвѣтственны за подкупы, тѣмъ болѣе необходимо выбирать людей, стоящихъ выше подкуповъ,—сказалъ Ле-Гранъ.—Почему не поступать такъ, какъ поступаютъ въ парламентѣ? Выбирайте только такихъ людей, которыхъ высокія качества и богатство ставятъ выше всѣхъ искушеній.

— Богатый человѣкъ не лучше бѣднаго. Вся разница въ томъ, что бѣдняка можно подкупить, а богатый самъ подкупаетъ другихъ. Посмотрите на поведеніе палаты лордовъ въ дѣлѣ о хлѣбныхъ законахъ; на возстаніе рабовладѣльцевъ; на погоню милліонеровъ-сенаторовъ за серебромъ. Первые хотѣли заставить бѣдняковъ платить двойную плату за насущный хлѣбъ; рабовладѣльцы готовы были скорѣе раззорить свою собственную страну, чѣмъ удовлетворить справедливости, милліонеры не задумались возбудить биржевую панику, раззоряя сотни и лишая занятій тысячи людей, только чтобы получить нѣсколько лишнихъ процентовъ на свое серебро. Они честно вотировали для блага своихъ ближнихъ или были подкуплены?

Миссисъ Д'Аллуа встала, говоря:

— Питеръ, мы рано пришли и должны

раньше уйти. Я боюсь, что мы вамъ надоѣли.

Питеръ проводилъ гостей до экипажа. Спускаясь по лѣстницѣ, онъ сказалъ Леонорѣ:

— Боюсь, что вамъ было скучно. Я прочелъ вамъ цѣлую лекцію, но мнѣ хотѣлось разъяснить вамъ нѣкоторые вопросы.

— Почему же?

— Потому что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вамъ придется много читать въ газетахъ про «боссовъ», и я не хочу чтобы вы также дурно думали о насъ, какъ большинство публики.

— Я никогда не буду дурно думать о васъ, Питеръ,—сказала Леонора задушевнымъ голосомъ.

— Благодарю васъ,—отвѣтилъ Питеръ.—И если вы прочитаете про меня что-нибудь такое, что смутитъ васъ, вы прямо скажете мнѣ?

— Непремѣнно. Только я думала, что вы никогда не говорите о политикѣ.

— Съ вами я буду говорить. Вы знаете, друзья должны все говорить другъ другу.

Когда Леонора усѣлась въ экипажъ, она разсуждала сама съ собой: «Мнѣ Ле-Гранъ говоритъ, что онъ, и миссъ Де-Во, и м-ръ Огденъ—всѣ пробовали заставить Питера говорить о политикѣ, но онъ не хотѣлъ. А между тѣмъ, они знаютъ его столько лѣтъ, и такіе друзья съ нимъ. Это очень странно!»

И Леонора глубоко задумалась, вѣроятно объ американской политикѣ.

Глава XLVII.

Питеръ не въ духѣ.

Недоумѣніе Леоноры возрастало, но все имѣетъ свои предѣлы, и скоро она начала догадываться, въ чемъ дѣло.

Прежде всего она замѣтила, что Питеръ слишкомъ много времени посвящаетъ ей. Онъ не только ежедневно катался съ нею въ паркѣ, но вездѣ встрѣчалъ ее.

Шла ли Леонара на выставку, ее встрѣчалъ тамъ Питеръ, отправлялась ли въ концертъ—Питеръ уже былъ тамъ. Выходила ли она изъ церкви — ее ждалъ Питеръ. И каждый разъ онъ считалъ своимъ долгомъ проводить ее домой.

Сначала Леонора думала, что эти встрѣчи—случайныя, но онѣ повторялись съ такимъ постоянствомъ, что ей пришлось отказаться отъ этой мысли, и наконецъ она замѣтила, что Питеръ при каждой встрѣчѣ ловко старается выспросить ее о томъ, что она намѣрена дѣлать на слѣдующій день.

Но это было не все: Питеръ, казалось, хотѣлъ заставить ее посвящать ему все ея время. Хотя лѣто уже наступило, онъ устроилъ второй обѣдъ. Онъ абонировалъ ложу въ театрѣ. Онъ занялъ у м-ра Пелля шарабанъ и возилъ ихъ всѣхъ завтракать къ миссисъ Костелль въ Вестчестеръ. Потомъ просто возилъ кататься и угощалъ обѣдомъ въ загородномъ помѣщеніи своего клуба.

Цвѣты такъ и сыпались на Леонору. Питеръ прежде всегда насмѣшливо улыбался, когда при немъ говорили, что каждую дѣвушку можно подкупить цвѣтами и конфектами,—теперь онъ пришелъ къ заключенію, что пріятно посылать цвѣты любимой дѣвушкѣ, и что въ этомъ нѣтъ никакого подкупа.

Потомъ Леонорѣ захотѣлось имѣть собаку, настоящую овчарку, и всѣ юридическія и политическія дѣла были забыты, пока Питеру не удалось отыскать подходящій экземпляръ.

Послѣднее и самое ясное подтвержденіе своихъ подозрѣній Леонора получила отъ Дороти.

— Сегодня я получила большой сюрпризъ, который очень обрадовалъ меня, да и вамъ доставитъ удовольствіе,—сказала Дороти Леонорѣ.

— Что такое?

— Питеръ спросилъ меня за обѣдомъ, возмемъ ли мы опять дачу Аннеке въ Ньюпортѣ, и когда я сказала, что возмемъ, онъ просилъ меня оставить одну комнату для него, чтобы онъ могъ пріѣзжать каждую пятницу вечеромъ и оставаться до утра понедѣльника. Прежде никогда не удавалось залучить его хотя одинъ разъ. Намъ съ Реемъ просто захотѣлось крикнуть ура!

Такимъ образомъ, загадка разъясня-

лась. Леонора не могла не чувствовать, что Питеръ обращался съ нею не такъ, какъ съ остальными. Правда, онъ не высказывалъ открыто своихъ чувствъ; лицо его оставалось спокойнымъ, голосъ звучалъ попрежнему ровно, когда онъ говорилъ съ нею. Однако Леонора сначала смутно чувствовала, а затѣмъ и окончательно убѣдилась, что, когда они оставались вдвоемъ, его голосъ и взглядъ становились особенно нѣжны.

Но, разгадавъ загадку, Леонора не пришла въ восторгъ.

«Боже мой», вздыхала она про себя, «я-то воображала, что мы будемъ такими друзьями! Что мы будемъ все говорить другъ другу. А онъ все дѣло испортилъ. Онъ, навѣрное, начнетъ приставать ко мнѣ, требовать отвѣта, будетъ разочарованъ—тутъ и конецъ нашей дружбѣ. Господи! И почему это мужчины такъ странно ведутъ себя? Почему имъ мало дружбы?»

Этотъ вопросъ уже предлагался многими женщинами и является слѣдствіемъ ихъ скромности, могущей заставить мужчинъ краснѣть за свой эгоизмъ. Чтобы получить отвѣтъ на него, мы совѣтуемъ каждой дѣвушкѣ посмотрѣть въ зеркало.

Леонора рѣшила убить всѣ надежды Питера прежде, чѣмъ онѣ успѣютъ расцвѣсти, сдѣлать ему намекъ, который послужилъ бы предостереженіемъ. Многія женщины поступали такъ и до нея и избавили этимъ своихъ поклонниковъ отъ многихъ непріятностей. Но Леонора, старательно обдумавъ свой предполагаемый разговоръ съ Питеромъ, чуть не испортила все дѣло, когда ей пришлось привести свое намѣреніе въ исполненіе. Восемнадцатилѣтнія дѣвушки рѣдко ведутъ себя хладнокровно въ любовныхъ дѣлахъ. Вотъ что произошло.

Леонора сказала однажды Питеру, который, проводивъ ее домой послѣ обычной прогулки, зашелъ напиться чаю:

— Если я спрошу вашего мнѣнія объ одномъ вопросѣ, вы отвѣтите мнѣ откровенно?

— Попробую.

— Вотъ въ чемъ дѣло: есть одинъ очень милый молодой человѣкъ, англичанинъ, съ которымъ я познакомилась въ Лондонѣ. Онъ пріѣхалъ за мной въ Америку и очень смущаетъ меня. Онъ совсѣмъ бѣдный, и папа думаетъ, что ему нужны только мои деньги. Неужели это можетъ быть?

До сихъ поръ дѣло шло гладко по программѣ. Но въ эту минуту все перевернулось. Чашка Питера со звономъ полетѣла на полъ, а онъ самъ откинулся на спинку кресла съ выраженіемъ жестокаго страданія на лицѣ.

— Питеръ! — закричала Леонора. — Что съ вами?

— Простите меня,— сказалъ Питеръ, стараясь сдержать свое волненіе.—Послѣ операціи мои глаза иногда плохо ведутъ себя. Говорятъ, что это невралгія зрительнаго нерва. Иногда я чувствую сильную боль. Не обращайте на меня вниманіе. Черезъ минуту все пройдетъ, если я смирно посижу.

— Я не могу помочь вамъ?

— Нѣтъ, у меня была глазная примочка, которую я постоянно носилъ при себѣ, но у меня такъ давно не было болей, что я перестаъ носить ее.

— Что же вызываетъ боль?

— Обыкновенно какое нибудь потрясеніе. Это чисто нервное явленіе.

— Какое же потрясеніе могло быть у васъ теперь?—спротила Леонора, такъ глубоко сознававшая свою вину, что чувствовала необходимость прикинуться невиновной.

Питеръ сейчасъ же подобрался и, наклонившись, началъ спокойно собирать черепки чашки. Онъ сложилъ ихъ всѣ на столъ и сказалъ:

— Я страшно испугался, когда чашка выскользнула у меня изъ рукъ. Это было очень глупо съ моей стороны. Вы не сердитесь, что я разбилъ вашу хорошенькую чашечку?

— Стоитъ ли говорить объ этомъ!— отвѣтила Леонора, а про себя подумала: «Батюшки! Дѣло гораздо серьезнѣе, чѣмъ я думала. Я никогда не рѣшусь сказать ему!»

Но она рѣшилась, и ей помогъ самъ Питеръ, мужественно вернувшись къ вопросу:

— Я недостаточно знаю м-ра Макс... вашего англичанина, чтобы судить о

немъ, но я бы не рѣшился подозрѣвать человѣка въ подобныхъ мысляхъ, даже если бы онъ былъ очень бѣденъ.

— Почему?

— Потому что каждый мужчина скорѣе полюбитъ васъ, чѣмъ ваше приданое.

— Вы такъ думаете?

— Да.

— Я очень рада. Это меня мучило. Не въ данномъ случаѣ, конечно, потому что этотъ претендентъ мнѣ вовсе не нравится. Но я боялась, что мнѣ придется относиться съ подозрѣніемъ къ каждому, кто ко мнѣ приближается.

Глаза Питера перестали горѣть, и вторая чашка чаю, которая только что душила его, показалась ему нектаромъ.

Теперь Леонора рѣшилась высказать то, къ чему она такъ старательно готовилась. Будь ей двадцать пять лѣтъ, она сдѣлала бы это безъ предварительныхъ приготовленій.

— Я не хочу, чтобы мужчины приставали ко мнѣ; пусть оставятъ меня въ покоѣ,—сказала она.—У меня нѣтъ ни малѣйшаго желанія выходить замужъ раньше, чѣмъ черезъ пять лѣтъ, и я рѣшила отказывать всѣмъ, кто будетъ теперь ко мнѣ свататься.

Пять лѣтъ! Питеръ спокойно пилъ чай, но въ душу его проникло отчаяніе. Слова Леоноры служили вѣрнымъ признакомъ того, что сердце ея молчало. Будь она влюблена, она не стала бы ждать и пяти мѣсяцевъ, не только пяти лѣтъ! Когда Питеръ вернулся домой, онъ готовъ былъ впасть въ отчаяніе, какъ... какъ много лѣтъ тому назадъ. Даже тотъ очевидный фактъ, что Леонора ни въ кого другого не влюблена, не утѣшалъ его. Однако на слѣдующій день положеніе еще ухудшилось.

Когда онъ встрѣтилъ Леонору въ паркѣ, она доказала ему, что женщина можетъ быть также безжалостна, какъ самый грубый уличный боецъ. Женщины обыкновенно не могутъ видѣть пролитой крови, но онѣ умѣютъ нравственно терзать человѣка такъ, какъ не терзаетъ ни одинъ хищный звѣрь.

— Знаете ли вы,—начала Леонора,—что мы катаемся съ вами въ послѣдній разъ?

— Надѣюсь, что нѣтъ — отвѣтилъ Питеръ, и такъ затянулъ поводья, что Забіяка только сердито зафыркалъ.

— Мы измѣнили свои планы. Вмѣсто того, чтобы переѣзжать на будущей недѣлѣ въ Ньюпортъ, мнѣ удалось наконецъ убѣдить папу попутешествовать немного, чтобы познакомиться съ моей родиной, а то мнѣ стыдно, что я совсѣмъ не знаю ее. Мы ѣдемъ въ субботу въ Вашингтонъ, оттуда въ Калифорнію, потомъ въ Іеллоустонскій паркъ и на Ніагару. Въ Ньюпортъ мы вернемся только въ половинѣ августа.

Питеръ не умеръ на мѣстѣ. Онъ ухватился за соломинку, по которой надѣялся выбраться.

— Это будетъ прелестное путешествіе, я бы то же съ удовольствіемъ прокатился.

— Я бы очень хотѣла, чтобы вы поѣхали съ нами, — сказала Леонора, проливая цѣлительный бальзамъ на рану, только что нанесенную ея рукой (женщины всегда такъ поступаютъ) —Только мы рѣшили, что намъ гораздо веселѣе будетъ ѣздить вчетверомъ, въ своей семьѣ.

— Сколько времени вы пробудете въ Вашингтонѣ?—спросилъ Питеръ, снова хватаясь за соломинку, но уже съ меньшей надеждой.

— Съ недѣлю. А что?

— Президентъ звалъ меня къ себѣ, и я думалъ съѣздить къ нему на будущей недѣлѣ.

«Боже мой!» — подумала Леонора, «какъ онъ настойчивъ!»

— Гдѣ вы остановитесь?

— Мы еще не рѣшили. А вы гдѣ будете?—спросила Леонора.

— Президентъ приглашалъ остановиться у него, но я, вѣроятно, остановлюсь въ гостинницѣ, чтобы быть свободнѣе.

Питеръ былъ юристъ и не видѣлъ необходимости выдавать свои намѣренія.

— Если я буду въ Вашингтонѣ въ одно время съ вами, мнѣ можетъ быть удастся повеселить васъ. Я могу добыть вамъ приглашеніе на завтракъ въ Бѣломъ Домѣ и, такъ какъ я знакомъ со всѣмъ оффиціальнымъ міромъ, то могу

показать вамъ кое-что интересное, что недоступно простымъ смертнымъ.

Бѣдный Питеръ! Онъ старался соблазнить Леонору обѣщаніемъ удовольствій, только бы она не прогоняла его!

— Зачѣмъ президентъ хочетъ васъ видѣть?

— Чтобы говорить о дѣлѣ.

— О губернаторствѣ?

— Да. Хотя мы громко не говоримъ объ этомъ.

— Правда ли, Питеръ, что отъ васъ зависитъ, кто будетъ губернаторомъ, какъ говорятъ газеты?

— Нѣтъ, неправда. Я готовъ дать двадцать пять тысячъ долларовъ, чтобы узнать имя демократическаго кандидата.

— Почему?

— Вы не разсердитесь, если я не скажу вамъ?

— Разсержусь. Я хочу знать, и вы должны мнѣ сказать,—сказала мучительница съ важнымъ видомъ.

— Хорошо, я скажу вамъ,—хотя это тайна, если вы скажете мнѣ одну вашу тайну, которую я хочу знать.

— Нѣтъ,—сказала Леонора, — я не считаю это нужнымъ. Вы должны мнѣ сказать, не требуя отъ меня никакихъ обѣщаній.

Леонорѣ не нравилось, что человѣкъ влюбился въ нее, но она готова была командовать имъ и мучить его.

— Такъ я ничего не скажу вамъ,— отвѣтилъ Питеръ, дѣлая громадныя усилія, чтобы быть твердымъ.

Леонора искоса посмотрѣла на Питера, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли его сопротивленіе, или онъ только представляется. Затѣмъ она перестала сознавать его присутствіе.

Питеръ сказалъ что-то.

Молчаніе.

Питеръ задалъ вопросъ.

Молчаніе.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ опять попытался заговорить.

Опять молчаніе.

— Вамъ въ самомъ дѣлѣ такъ хочется знать?—спросилъ онъ наконецъ, сдаваясь безъ всякихъ условій.

Онъ былъ награжденъ ласковымъ взглядомъ ея удивительныхъ глазъ.

— Да,—сказала она.

— Большая паника способствовала образованію такъ называемой рабочей партіи, и, судя по разнымъ признакамъ, они собираются предложить дурного человѣка. Теперь идетъ подпольная агитація, чтобы демократическая партія поддержала того, кого предложитъ рабочая партія.

— А кто это будетъ?

— Нѣкто Стивенъ Магиръ.

— Вы не хотите его?

— Нѣтъ. Сколько мнѣ ни приходилось сталкиваться съ нимъ, онъ всегда заявлялъ себя какимъ-нибудь сомнительнымъ поступкомъ. Но онъ съумѣлъ пріобрѣсти нѣкоторую популярность и силу, а такъ какъ онъ вездѣ и всюду кричалъ, что онъ демократъ, то и надѣется добыть поддержку партіи.

— Развѣ вы не можете приказать собранію не выбирать его?

Въ глазахъ Питера мелькнула улыбка.

— Не совсѣмъ удобно приказывать что-нибудь людямъ въ этой странѣ.

— Но развѣ вы не можете предупредить ихъ?

— Надѣюсь, по крайней мѣрѣ. Но при теперешнемъ положеніи вещей это можетъ имѣть для меня непріятныя послѣдствія.

— Отчего?

— Это большой секретъ, вы понимаете?

— Да,—сказала Леонора, которая сгорала отъ любопытства.—Я отлично умѣю хранить секреты.

— Вы въ этомъ увѣрены?—спросилъ Питеръ.

— Увѣрена.

— Я тоже умѣю.

Леонора была внѣ себя отъ негодованія:

— Я не позволю такъ обращаться со мной!—сказала она.—Скажите ли вы мнѣ или нѣтъ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Питеръ.

«Онъ упрямъ», думала Леонора.

— Значитъ мы съ вами больше не друзья?—спросила она.

— Очень пріятно,—сдержанно отвѣтилъ Питеръ.

— Что?!—Леонора съ изумленіемъ смотрѣла на него

— Я пришелъ къ заключенію,—сказалъ Питеръ,—что намъ не стоитъ быть друзьями. Поэтому лучше сразу покончить. Какъ вы думаете?

— Какая прелестная лошадь у миссъ Уинтропъ, не правда ли? сказала Леонора.

Но она не дождалась отвѣта на свой вопросъ, какъ не дождался и Питеръ.

Глава XLVIII.

Борьба.

Когда Питеръ вернулся изъ Вашингтона, онъ поразилъ всѣхъ своею мрачностью. Друзья напрасно старались развлечь его. Онъ ни разу не съѣздилъ въ Ньюпортъ къ Ривингтонамъ, хотя Дороти писала ему умоляющія письма и напоминала объ обѣщаніи.

Питеръ даже почти перестолъ разговаривать со своими компаніонами обо всемъ, что не касалось ихъ общаго дѣла. Дженниферъ приходилъ просто въ отчаяніе: какія бы тонкія кушанья онъ ни измышлялъ, какъ ни старался позаманчивѣе подать—Питеръ почти ничего не ѣлъ. Настроеніе Питера измѣнялось только тогда, когда онъ вынималъ изъ маленькаго саше, которое постоянно носилъ въ карманѣ, коллекцію разнообразныхъ вещицъ и прижималъ ихъ къ губамъ. Въ эти минуты онъ выглядѣлъ не такимъ свирѣпымъ. Просто надо удивляться, какую массу дѣлъ онъ сдѣлалъ, сколько книгъ прочелъ и сколько сигаръ выкурилъ въ промежутокъ времени между первымъ іюня и серединой августа. Лидеры партіи, которые были увѣрены, что Питеръ не приметъ участія въ предстоящей избирательной кампаніи, послѣ его возвращенія изъ Вашингтона, стали думать иначе. «Вѣрно президентъ просилъ его вмѣшаться», передавали другъ другу шопотомъ. «Только теперь уже поздно. Все размѣрено и взвѣшено».

Питеръ самъ нашелъ, что два мѣсяца, посвященные поклоненію прекраснымъ глазамъ, привели его къ серьезнымъ послѣдствіямъ. Онъ выпустилъ поводья изъ рукъ, что ему случалось и съ Забіякой, но вѣрный конь слушался его голоса, а теперь передъ Питеромъ было то, что часто называютъ «тигромъ». Однако, весь Нью-Іоркъ чего-то ждалъ и чуствовалъ, что нѣчто уже сдѣлано.

Ни одна газета не отказалась бы дать пять тысячъ долларовъ, чтобы узнать, что произошло за закрытыми дверями въ три часа времени. Но никто не могъ сказать этого, и газеты занялись фабрикаціей сенсаціонныхъ новостей, въ которыхъ было столько же правды, сколько бываетъ сходства въ портретахъ знаменитостей, напечатанныхъ въ иллюстрированныхъ еженедѣльныхъ приложеніяхъ газетъ. Три газеты особенно отличались и мы приводимъ заголовки ихъ статей.

Боссы воюютъ!
Горячіе слова и взгляды!
Но всѣ они подожмутъ хвостъ!
Есть красота и въ ревѣ бури,
Величіе есть въ шумѣ волнъ.......
Но когда взреветъ нашъ Стерлингъ,
Самъ тигръ сконфуженъ и смущенъ.

Такъ писали въ одной республиканской газетѣ.

Въ другой появилась такая замѣтка:

Магиръ впереди!
Старикъ ласковъ. Обѣдъ миротворцевъ въ Магаттанъ-Клубѣ. Друзья совѣтуются.
Трудъ и демократія плечо съ плечомъ.
Общими силами на врага!

Въ третьей маленькой, копеѣчной газеткѣ, почти незнакомой читающей публикѣ, но болѣе ехидной, чѣмъ всѣ остальныя газеты вмѣстѣ взятыя, и старающейся доказать, что она лучше всѣхъ освѣдомлена, писали:

Молчальникъ-Младшій опять машетъ дубиной!
Перестаньте шалить!
Онъ высаживаетъ Магира по третьему пункту!
А теперь поиграемъ въ мячикъ!

Хотя всѣ эти заголовки могутъ показаться очень длинными и таинственными,—въ нихъ было достаточно правды, чтобы вдохновить толпу.

Намъ нѣтъ надобности разсказывать содержаніе статей, появившихся подъ подобными заглавіями, потому что мы знаемъ всю истину. Вотъ что произошло на самомъ дѣлѣ.

Однажды вечеромъ, въ срединѣ іюня,

Питеръ зашелъ въ Мангаттанъ-Клубъ. Ему пришлось поздороваться съ кучей народа, который толпился въ залѣ, потомъ онъ занялся газетами. Пока онъ читалъ, къ нему подошелъ одинъ изъ друзей и сказалъ:

— Что, Стерлингъ, читаете о собственныхъ беззаконіяхъ?

— О, нѣтъ,—отвѣтилъ Питеръ, вставая и пожимая ему руку.—Я пересталъ читать о нихъ вотъ уже скоро девять лѣтъ. Жизнь слишкомъ коротка и всего не перечитаешь.

— Бельтонъ и Веберъ охорашивались въ передней, когда я пришелъ, теперь они, вѣрно, въ кафе.

Питеръ ничего не отвѣтилъ, а взялъ его подъ руку, и они вмѣстѣ пошли въ кафе. Питеръ пожалъ руку тремъ мужчинамъ, уже находившимся тамъ, и они усѣлись за круглый столикъ. Многіе изъ посѣтителей, замѣтивъ эту группу, толкали другъ друга и перешептывались.

— М-ръ Стерлингъ, въ гостиной репортеръ отъ «Солнца», онъ проситъ васъ принять его,—доложилъ клубный лакей.

— Я не могу принять его теперь,—спокойно отвѣтилъ Питеръ.—Но скажите ему, чтобы онъ зашелъ послѣ одиннадцати часовъ; можетъ быть, у меня будетъ нѣчто для него.

Четверо его собесѣдниковъ обмѣнялись взглядами.

— Не могу себѣ представить, Стерлингъ, чтобы у васъ могло быть интервью съ газетчиками,—нѣсколько нервно засмѣялся одинъ изъ нихъ.

Питеръ улыбнулся.

— Не многіе изъ насъ умѣютъ быть постоянными. Я не могу себѣ представить, чтобы кто-нибудь изъ васъ сдѣлалъ политическую ошибку, но вы не застрахованы отъ нея, и когда-нибудь это можетъ случиться.

Наступила значительная пауза, которая была нарушена только появленіемъ еще трехъ собесѣдниковъ.

Они всѣ вмѣстѣ поднялись на лифтѣ въ слѣдующій этажъ и расположились въ отдѣльной маленькой столовой.

Полтора часа, пока продолжался обѣдъ, они говорили о томъ и о семъ, какъ будто на свѣтѣ не существовало серьезныхъ вопросовъ. Но когда лакей подалъ имъ сигары и кофе и удалился, болтовня внезапно стихла, и на мгновеніе воцарилось молчаніе. Тогда одинъ изъ обѣдающихъ сказалъ:

— Жаль, что всѣмъ нельзя угодить, но власть всегда въ рукахъ большинства.

— Да,—быстро подхватилъ другой,—придется помириться на Магирѣ.

— Ничего другого не подѣлаешь,—подтвердилъ третій.

Но четвертый спросилъ:

— Такъ для чего же мы теперь собрались?

Казалось, никто не зналъ, что ему отвѣтить. Черезъ минуту первый снова заговорилъ:

— Только этимъ путемъ мы не можемъ быть увѣрены въ побѣдѣ.

— Онъ дастъ намъ какое угодно ручательство,—отозвался второй.

— А такъ какъ мы согласились, то мы, во всякомъ случаѣ, связаны,—сказалъ опять первый.

Питеръ, до сихъ поръ не принимавшій участія въ разговорѣ, вынулъ сигару изо рта:

— Кто это связанъ?—спросилъ онъ совершенно спокойно.

— Какъ кто? Вся организація, т.-е. партія—отвѣтилъ номеръ второй такимъ тономъ, точно хотѣлъ сказать: «Только попробуй спорить со мной!»

— Я не вижу возможности отступить теперь, Стерлингъ,—замѣтилъ номеръ первый.

— Да и къ чему это?—сказалъ третій.—Рабочая партія обѣщаетъ намъ поддержать мѣстныя назначенія, а Магиръ не только завзятый демократъ, но еще дастъ намъ солидныя ручательства.

— Нечего и говорить даже о предложеніи кого-либо другого—подтвердилъ номеръ первый,—такъ такъ за Магира подавляющее большинство въ избирательномъ собраніи.

— Тогда какъ ни одинъ изъ остальныхъ кандидатовъ не соберетъ и пятидесяти голосовъ, — добавилъ номеръ второй.

Всѣ они посмотрѣли на Питера и замолчали.

Питеръ глубоко задумался, пуская клубы дыма.

— Что вы скажете?—спросилъ номеръ первый.

Питеръ только покачалъ головой.

— Но я говорю вамъ, что дѣло уже сдѣлано!—съ нѣкоторымъ раздраженіемъ закричалъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Теперь поздно отступать! Мы бы хотѣли сдѣлать по вашему, Стерлингъ, но не можемъ на этотъ разъ. Мы должны думать о пользѣ партіи!

— Но не руководствоваться при этомъ собственными чувствами—сказалъ Питеръ.—Я думаю именно о партіи. Каждый голосъ, который получитъ Магиръ отъ рабочей партіи, будетъ стоить намъ одного демократическаго избирательнаго бюллетеня.

— Не можемъ же мы разсчитывать выиграть, если будемъ бороться съ обѣими партіями. Республиканцы просто пройдутъ по нашимъ головамъ.

Будь Питеръ горячимъ реформаторомъ, онъ бы непремѣнно сказалъ: «Пусть лучше это, чѣмъ избраніе негодяя». Но Питеръ былъ политикъ и не видѣлъ необходимости высказывать тѣ непріятныя вещи, которыя онъ думалъ про себя. Поэтому онъ сказалъ:

— Рабочая партія возьметъ отъ республиканцевъ столько же голосовъ, сколько и отъ насъ, а за каждый голосъ, отнятый у насъ рабочей партіей, мы можемъ получить республиканскій голосъ, если только выставимъ настоящаго человѣка.

— Вздоръ!—закричалъ номеръ первый.

— Почему вы такъ думаете?—спросилъ второй.

— Въ наше смутное время назначеніе подобнаго человѣка, какъ Магиръ, который играетъ на самыхъ низменныхъ страстяхъ и говоритъ соціалистическія рѣчи, можетъ достаточно напугать консерваторовъ, чтобы заставить ихъ выйти изъ рядовъ и поддержать болѣе надежнаго кандидата, т.-е. нашего.

— Но зачѣмъ идти на рискъ, когда съ Магиромъ дѣло вѣрнѣе?

Питеръ отвѣтилъ.

— Мы въ состояніи побѣдить со своимъ кандидатомъ, намъ не для чего торговаться съ рабочей партіей или поддерживать ее. Мы можемъ выбрать Магира съ помощью худшихъ избирателей города или своего собственнаго кандидата — съ помощью лучшихъ избирателей.

— Вы думаете, что это возможно?—спросилъ тотъ, который спрашивалъ, для чего они собрались.

— Конечно. Рабочая партія шумитъ сильно, но врядъ ли она согласится дать намъ устрицу и удовлетвориться раковиной. Посмотрите, что они намъ предлагаютъ: всѣ государственныя и мѣстныя должности, кромѣ шести членовъ конгресса, двухъ сенаторовъ и губернатора, хотя эта послѣдняя по праву принадлежитъ намъ, такъ какъ за послѣднія пять лѣтъ ее занимали демократы.

— Вы упускаете изъ виду, что было уже сдѣлано,—сказалъ номеръ первый.

Питеръ молча затянулся сигарой.

— Да, уже поздно, списки уже составлены,—подтвердилъ другой.

Питеръ пересталъ курить.

— Однако, собраніе еще не назначено,—спокойно замѣтилъ онъ.

Но въ этомъ спокойномъ замѣчаніи скрывалось какое-то незамѣтное жало, потому что номеръ второй закричалъ:

— Полноте! Мы рѣшились, не будемъ больше переливать изъ пустого въ порожнее!

Питеръ снова сталъ молча пускать дымъ.

— Что вы задумали, Стерлингъ?—спросилъ номеръ первый.

— Вы видите, что намъ отрѣзано отступленіе. Соединяйтесь съ нами или вовсе не выходите на сцену.

— Такъ какъ вы пожелали принять рѣшеніе, не посовѣтовавшись со мной,—сказалъ Питеръ,—то можетъ быть и мнѣ позволите воспользоваться этой привилегіей?

— Ну и убирайтесь къ чорту!—сердито закричалъ номеръ шестой. Питеръ спокойно курилъ.

— Однако, что же вы намѣрены дѣлать?—спросилъ номеръ первый.

Питеръ встряхнулъ золу съ сигары.

— Вы считаете себя обязанными поддерживать Магира?

— Да, мы обязаны,—въ униссонъ отвѣтили четыре голоса.

— И я также обязанъ...—сказалъ Питеръ.

— Что?!

— Бороться съ нимъ,—спокойно докончилъ онъ.

— Вѣдь я говорилъ вамъ, что большинство въ собраніи за Магира,—сказалъ номеръ первый.—Развѣ вы не вѣрите мнѣ?

— Вѣрю.

— Какой же толкъ въ вашей оппозиціи?

— Она пересилитъ Магира.

— Никкаая сила на свѣтѣ не въ состояніи будетъ сдѣлать это.—Питеръ молча курилъ.

— Вамъ не удастся побить его въ избирательномъ собраніи, Стерлингъ. Делегаты всѣ на его сторонѣ и выберутъ его по первому разу.

— Вы забыли про 4-ое ноября?—спросилъ Питеръ.

Номеръ первый вскочилъ съ мѣста:

— Вы хотите?..

— Неужели?!. — спросилъ номеръ третій.

Питеръ молчалъ.

— Послушайте, Стерлингъ, скажите, что вы задумали?

— Я собираюсь,—началъ Питеръ,—если избирательное собраніе позоветъ Стивена Магира, говорить противъ него во всѣхъ участкахъ города и предлагать каждому отдѣльному избирателю, на котораго я могу имѣть вліяніе, подавать голосъ за республиканскаго кандидата.

— Вы одинъ пойдете противъ цѣлой партіи?—спросилъ кто-то испуганнымъ голосомъ.

— Вы станете предателемъ!—закричалъ другой.

— Я всему готовъ былъ вѣрить, только не этому!—проворчалъ третій.

Питеръ молчалъ.

— Сознайтесь, вѣдь вы шутите?—спросилъ номеръ шестой.

— Я не шучу,—отвѣтилъ Питеръ,—и я столько же измѣняю партіи, сколько и вы. Вы настойчиво желаете поддержать кандидата рабочей партіи, а я—республиканской. Мы оба идемъ противъ нашей партіи.

— Побѣдимъ мы,—сказалъ номеръ первый.

Питеръ ничего не отвѣчалъ.

— Ну, я въ этомъ не увѣренъ!—замѣтилъ номеръ седьмой.

— Сколькихъ голосовъ вы можете лишить насъ, Стерлингъ?

— Не считалъ.—Питеръ, казалось, былъ очень доволенъ.

— Ужъ не собираетесь ли вы въ одиночку сражаться съ нами?

Питеръ улыбнулся.

— У меня нѣтъ времени повидать многихъ, но я не одинъ. Больманъ говоритъ, что пивовары поддержатъ меня, Гуммель обѣщалъ помощь, а президентъ—невмѣшательство.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ номеръ седьмой—наше дѣло проиграно. «Шестой» представляетъ, по крайней мѣрѣ, 3.500 голосовъ, а съ друзьями Стерлинга, рабочими Гуммеля и Больмана мы потеряемъ до 25.000 голосовъ въ городѣ, не считая тѣхъ демократовъ, которыхъ отпугнула рабочая партія. Всего, пожалуй, будетъ до 35.000, не говоря уже о громадной бреши въ избирательной кассѣ.

Преимущество практическаго политика въ томъ, что для него число голосовъ важнѣе собственныхъ желаній.

Номеръ первый согласился.—Да, наша пѣсенка спѣта. Вы перевернули всѣ наши разсчеты. Кого вы думаете предложить?

— Портера?—спросилъ Питеръ.

— Нѣтъ!—отвѣчали три голоса разомъ.

— Онъ намъ надоѣлъ,—сказалъ номеръ первый.

— Но это честный, прямой человѣкъ,—замѣтилъ Питеръ.

— Что же дѣлать. Довольно намъ одного опыта съ человѣкомъ, у котораго такъ мало сообразительности. Онъ, можетъ быть, очень образованный, но чортъ меня возьми, если у него есть хоть капля здраваго смысла. Вы бы предложили намъ еще университетскаго профессора!

— Слушайте, Стерлингъ, — началъ номеръ седьмой.—Дѣло такъ повернулось, что намъ необходимо предложить избирательному собранію человѣка, котораго поддержали бы всѣ делегаты. Такой человѣкъ только одинъ, и вы знаете, о комъ я говорю.

Питеръ всталъ и потушилъ сигару.

— Кажется больше ничего не остается,—сказалъ онъ задумчиво.—Какъ по вашему?

Послѣдовало молчаніе, потомъ номеръ первый сказалъ:

— Это единственное средство.

— Хорошо, — сказалъ Питеръ. — Я выставлю свою кандидатуру, если это необходимо, но не разглашайте объ этомъ пока; можетъ быть, мы придумаемъ что-нибудь лучшее.

— Врядъ-ли, — радостно подхватилъ номеръ первый, протягивая ему руку.

— Жаль, что Костеллъ умеръ,—замѣтилъ кто-то.—Онъ не повѣрилъ бы, что мы заставили васъ согласиться, когда онъ никакъ не могъ это сдѣлать.

Вотъ что на самомъ дѣлѣ произошло послѣ того обѣда, о которомъ такъ много говорили.

Питеръ сошелъ съ лѣстницы съ очень серьезнымъ лицомъ.

Швейцаръ доложилъ ему.

— Въ гостиной дожидаются шесть репортеровъ, м-ръ Стерлингъ, и всѣ они желаютъ васъ видѣть.

Кто-то, кто въ эту минуту входилъ, сказалъ: «Мнѣ жаль васъ, Питеръ». Питеръ тихонько улыбнулся.

— Скажите имъ, что ихъ желаніе не соотвѣтствуетъ моему.

Потомъ онъ повернулся къ вновь пришедшему:

— Все благополучно, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ партіи, Гуммель, но мнѣ придется кое-кого подмазать, чтобы достигнуть желаемыхъ результатовъ.

— Вотъ такъ штука! Неужели?..

Питеръ утвердительно кивнулъ головой.

— Я даю двадцать пять тысячъ долларовъ въ кассу,—сказалъ Гуммель довольнымъ голосомъ.

— Извините, м-ръ Стерлингъ!—подскочилъ какой-то господинъ.

— Охотно извиняю,—отвѣтилъ Питеръ.—И самъ прошу о томъ же, мнѣ необходимо немедленно уѣхать.

Питеръ имѣлъ жестокость тотчасъ же привести свои слова въ исполненіе, а репортеръ остался стоять съ выраженіемъ недоумѣнія и разочарованія на лицѣ.

Питеръ быстро шелъ по улицѣ. Придя домой, онъ сѣлъ въ кресло, закурилъ сигару, и лицо его сдѣлалось еще серьезнѣе. Оно не было грустно и угрюмо, какимъ его видѣли послѣдніе два мѣсяца. Теперь оно походило на лицо человѣка, который знаетъ, что ему осталось жить только нѣсколько часовъ, но которому смерть не внушаетъ ужаса.

Питеръ глубоко задумался: «Мнѣ придется пожертвовать всѣмъ, въ чемъ до сихъ поръ я видѣлъ смыслъ жизни: моей профессіей, друзьями, возможностью помогать другимъ, книгами и покоемъ. Меня не поймутъ, будутъ бранить и ненавидѣть. Всему, что я буду дѣлать, станутъ противиться изъ партійныхъ интересовъ. Друзья осудятъ меня, враги еще болѣе ожесточатся. Я лишусь пятидесяти тысячъ долларовъ въ годъ и сдѣлаюсь рабомъ. Я даже потеряю большую часть моего вліянія».

Такъ разсуждалъ человѣкъ, семнадцать лѣтъ безкорыстно проработавшій на политическомъ поприщѣ. Онъ видѣлъ, что лишается друзей, дохода, покоя и независимости для титула, благодаря которому рискуетъ потерять также и свое вліяніе. Однако, этотъ титулъ—одинъ изъ самыхъ крупныхъ политическихъ призовъ. Надо ли удивляться, что настоящіе американцы допускаютъ до высшихъ должностей пришлыхъ иностранцевъ и предпочитаютъ какой угодно трудъ, чтобы только не подставлять спину ударамъ общественнаго мнѣнія и прессы и не терять заработка и покоя для эфемерной власти?

Наконецъ, Питеръ всталъ. «Можетъ быть, она будетъ довольна», громко произнесъ онъ. Потомъ онъ разложилъ передъ собой нѣсколько фотографій, лен-

точку, золотой, три записочки, визитную карточку, кусочекъ пропускной бумаги, носовой платочекъ (который Леонора и Питеръ тщетно искали цѣлыхъ десять минутъ), перчатку и нѣсколько сухихъ розъ и фіалокъ. Онъ долго задумчиво смотрѣлъ на нихъ, и теперь трудно было узнать въ немъ того человѣка, который два часа тому назадъ усмирилъ разъяреннаго «тигра» и заставилъ его лизать свои руки.

Глава XLIX.

Тучи собираются.

Мѣсяцъ спустя Питеръ былъ обрадованъ письмомъ отъ Уаттса, который сообщалъ ему, что они вернулись въ Ньюпортъ и ждутъ Питера. «Я нарочно никого не приглашалъ въ этомъ году, чтобы ты имѣлъ свободу дѣйствій. Между нами, я увѣренъ, что Крошка гораздо больше скучала безъ своего друга, чѣмъ хотѣла сознаться въ этомъ».

— Вотъ чудеса! — думалъ Дженниферъ.—Откуда у него аппетитъ взялся сегодня!—Дженниферъ не успѣлъ отвѣтить на этотъ вопросъ, Питеръ послалъ его отправить телеграмму: «Могу я пріѣхать сегодня? П. С.»

— Когда вы вернетесь, Дженниферъ,—сказалъ Питеръ,—вы уложите мой чемоданъ и свой собственный. Можетъ быть, намъ придется ѣхать въ Ньюпортъ въ два часа.

Видимо, Питеру не хотѣлось опоздать на поѣздъ въ случаѣ благопріятнаго отвѣта.

Питеръ прошелъ въ контору и сталъ подготовлять дѣла такъ, чтобы въ его отсутствіе не могло произойти никакихъ недоразумѣній. Онъ не долго работалъ, когда мальчикъ-разсыльный доложилъ ему:

— М-ръ Стерлингъ, васъ желаетъ видѣть м-ръ Кассіусъ Керлю.

Питеръ пересталъ писать:

— Онъ сказалъ, что ему нужно?

— Нѣтъ!

— Такъ спроси его, пожалуйста.— И Питеръ снова сталъ писать.

Мальчикъ вернулся и подалъ Питеру сложенный лоскутокъ бумаги.

— Онъ говоритъ, что скажетъ это только лично вамъ, м-ръ Стерлингъ.

Питеръ развернулъ записку и прочелъ: «съ порученіемъ отъ Магира».

— Проси его. — Питеръ придавилъ кнопку въ своемъ столѣ, на которой было написано: «старшій секретарь».

Тотчасъ же этотъ послѣдній явился.

— Самуэльсъ,—сказалъ Питеръ.— Я попрошу васъ остаться здѣсь и послушать, о чемъ будутъ говорить.

Въ это время черезъ другую дверь вошелъ посѣтитель.

— Здравствуйте, м-ръ Стерлингъ,— сказалъ онъ.

— Здравствуйте,—отвѣтилъ Питеръ, холодно кивнувъ ему головой, не вставая съ мѣста.

— У меня къ вамъ порученіе, м-ръ Стерлингъ,—началъ человѣкъ, подвигая себѣ стулъ и усаживаясь,—но оно личнаго характера.

Питеръ ничего не отвѣтилъ и сталъ писать.

— Вы поняли меня? Я желаю говорить съ вами съ глазу на глазъ,—сказалъ посѣтитель послѣ довольно длинной паузы.

— М-ръ Самуэльсъ—мой довѣренный секретарь. Вы можете свободно говорить при немъ.—Питеръ говорилъ, не поднимая глазъ съ бумаги.

— Я не желаю постороннихъ свидѣтелей.

— Когда я получилъ вашу записку,— отвѣтилъ Питеръ,—я послалъ за м-ромъ Самуэльсомъ. Если вамъ надо говорить— говорите при немъ. Не хотите —не надо.

Питеръ усердно писалъ.

— Мы отлично знаемъ, чьи это штуки. Это начинка пирога вашего знаменитаго обѣда.

— Это все, что Магиръ велѣлъ вамъ сказать?—спросилъ Питеръ, отрываясь отъ дѣла.

— Ну нѣтъ, дудки!—сказалъ человѣкъ.—Это только начало. Теперь мы поняли, въ чемъ дѣло. Вамъ нечего отрекаться. Вы сами хотите слизнуть губернаторство, вотъ вы и натравили всѣхъ на Магира, а сами потихоньку работаете. О, мы отлично знаемъ, гдѣ раки зимуютъ!

— Скажите мнѣ, когда начинается ваше порученіе,—замѣтилъ Питеръ, не прерывая своего занятія.

— Магиръ велѣлъ сказать вамъ, чтобы вы шли заднимъ ходомъ, чтобы повернули оглобли.

— Скажите м-ру Магиру, что вы исполнили его порученіе.

— О, это не все, и совѣтую вамъ хорошенько запомнить это: Магиръ знаетъ кое что, и если вы выступите кандидатомъ, онъ ударитъ въ набатъ.

— Это вы говорите тоже по порученію м-ра Магира?—спросилъ Питеръ.

— Чрезъ полчаса послѣ того, какъ вы примете назначеніе, сыщики займутся вашимъ прошлымъ, мы все выкопаемъ и обо всемъ протрубимъ.

Питеръ всталъ, и человѣкъ сейчасъ же вскочилъ, опустивъ руку въ карманъ. Но въ ту же минуту Питеръ заговорилъ спокойнымъ, ровнымъ голосомъ.

— Это такъ похоже на м-ра Магира, что я вѣрю, что вы дѣйствительно отъ него. Вернитесь къ нему и скажите, что вы исполнили его порученіе; что я знаю его и его способы дѣйствій; что я понимаю его надежды смести меня со своего пути угрозой личнаго скандала; что, судя людей по себѣ, онъ не можетъ повѣрить, чтобы жизнь человѣка могла быть безупречной. Скажите ему, что на этотъ разъ онъ ошибся. Скажите ему, что онъ еще болѣе укрѣпилъ меня въ моемъ намѣреніи выставить свою кандидатуру; что я скорѣе самъ рѣшусь принять это назначеніе, чѣмъ допущу его выступить избранникомъ демократической партіи. Пусть направляетъ на меня своихъ ищеекъ, онѣ ничего не найдутъ въ моей жизни.

Питеръ повернулся къ двери съ намѣреніемъ выйти изъ комнаты; онъ чувствовалъ, что не въ состояніи больше сдерживаться.

Но Керлю остановилъ его.

— Постойте минутку, — закричалъ онъ.—Я еще не все сказалъ. У насъ есть доказательства.

Питеръ остановился и насмѣшливо улыбнулся.

— Я уже удивлялся, что Магиръ грозитъ мнѣ такъ неопредѣленно.

— Нѣтъ, сударь, — сказалъ Керлю очень нахально и увѣренно, однако баррикадируясь столомъ отъ Питера и его секретаря.—У насъ есть доказательства, которыя врядъ ли будутъ вамъ по вкусу, и мы опубликуемъ ихъ, какъ только вы примете назначеніе.

— Скажите м-ру Магиру, что я прошу его не трудиться ждать моего назначенія. Я во всякомъ случаѣ приму его.

— И опозорите вашего лучшаго друга?—спросилъ Керлю.

Питеръ вздрогнулъ и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него.

— Ага! — сказалъ Керлю. — Задѣло за живое?

Питеръ съ минуту спокойно стоялъ, хотя руки его замѣтно дрожали, и во всей фигурѣ чувствовалось напряженіе.

Все, что онъ сказалъ, было: «Однако?»

— Вспомните поѣздочку на «Маджестикѣ»?

Питеръ ничего не понималъ.

— Мы достали клятвенное свидѣтельство двухъ слугъ, — продолжалъ Керлю.—Они намъ кое-что поразсказали про ваши шашни. Не поблагодарятъ васъ м-ръ и миссисъ Ривингтонъ, когда ихъ пропечатаютъ!

Въ ту-же минуту раздался испуганный крикъ и выстрѣлъ, на который немедленно прибѣжали компаньоны Питера и всѣ служащіе. Они увидѣли, что Керлю откинулся на столъ, а Питеръ одной рукой держитъ его за горло, а другой замахнулся на него тяжелой хрустальной чернильницей.

Лицо Питера было искажено гнѣвомъ; жизнь Керлю, казалось, висѣла на волоскѣ; но это продолжалось только одно мгновеніе. Питеръ поставилъ чернильницу на столъ и, доставъ платокъ, старательно вытеръ чернильное пятно на рукѣ, только что душившей Керлю.

Этотъ почтенный джентельменъ медленно выпрямился, и немногія мѣста на его лицѣ, не залитыя чернилами, приняли зеленоватый оттѣнокъ, а руки его дрожали больше, чѣмъ рука Питера минуту тому назадъ.

— Питеръ!—закричалъ Огденъ.—Что случилось?

— Я на мгновеніе вышелъ изъ себя.—отвѣтилъ Питеръ.

— Кто же стрѣлялъ?

Питеръ повернулся къ служащимъ:— Уйдите всѣ,—сказалъ онъ.

— И не болтайте. Врядъ ли сосѣди слышали что-нибудь, но если кто-нибудь придетъ и станетъ распрашивать, направьте его ко мнѣ.

Когда служащіе ушли, Питеръ сказалъ своимъ компаньонамъ.

— Мистеръ Керлю пришелъ ко мнѣ съ такимъ порученіемъ, что, по его мнѣнію, нуждался въ защитѣ револьвера.

Повидимому, онъ былъ правъ.

— Вы не ранены?

— Я чувствовалъ какой-то ударъ.— Питеръ дотронулся до своего бока, потомъ разстегнулъ сюртукъ и досталъ изъ бокового кармана маленькое саше. Въ то же время на полъ упала сплюснутая пуля. Питеръ съ безпокойствомъ заглянулъ въ саше. Пуля пробила только нижній край фотографіи и перчатку. Питеръ засмѣялся счастливымъ смѣхомъ.

— У меня былъ въ карманѣ золотой, и пуля сплюснулась объ него. А еще говорятъ, что вѣра въ счастливую монету предразсудокъ!

Керлю направился къ двери.

— Стойте!—сказалъ Питеръ. Керлю остановился.

— Рей,—началъ Питеръ,—я въ страшномъ затрудненіи. Мнѣ нуженъ вашъ совѣтъ.

— Въ чемъ дѣло, Питеръ?

— Одинъ человѣкъ заставляетъ меня отступить и допустить величайшее политическое зло. Чтобы достигнуть этого, онъ грозитъ опубликовать лживыя показанія безсовѣстныхъ негодяевъ о моей преступной близости съ замужней женщиной.

— Вотъ вздоръ!—расхохотался Рей.— Да пусть печатаетъ хоть тысячу, и никто ему не повѣритъ.

— Онъ это самъ знаетъ. Но онъ знаетъ также, что, хотя это ложь, она покроетъ позоромъ имя самой чистой женщины, которая когда-либо жила на свѣтѣ. Онъ знаетъ, что любители сплетень подхватятъ эту ложь и злорадно разнесутъ ее по всему свѣту; что подпольная пресса будетъ обливать насъ грязью цѣлые годы; что въ пылу политической борьбы его партизаны слишкомъ охотно повѣрятъ завѣдомой лжи и будутъ повторять ее; наконецъ, что никакое судебное преслѣдованіе, никакой обвинительной приговоръ не смоютъ пятна съ честнаго имени женщины. И вотъ онъ надѣется, что я скорѣе откажусь отъ назначенія, чѣмъ подвергну такой опасности женщину, которую я уважаю, ея мужа и семью. Что же мнѣ дѣлать?

— Что дѣлать? Бороться съ нимъ. Пусть дѣлаетъ, что хочетъ.

Питеръ положилъ руку на плечо Рея.

— Даже если... если она дорога намъ обоимъ?

— Питеръ!!!

— Да, это такъ. Помнишь, какъ тебя неожиданно потребовали домой во время нашего путешествія по Испаніи? Ты поручилъ мнѣ проводить миссъ Де-Во и... Помнишь? Они подкупили или просто поддѣлали показанія двухъ слугъ на «Маджестикѣ».

Рей сдѣлалъ движеніе, чтобы броситься на Керлю, но желѣзная рука Питера, лежавшая на его плечѣ, удержала его.

— Я хотѣлъ убить его,—спокойно сказалъ Питеръ,—но я во время вспомнилъ, что онъ—только жалкое орудіе.

— Боже мой! Питеръ, что же я могу сказать?

— Рей, мнѣ ничего не значитъ отступить. Я готовъ былъ принять назначеніе, но только по чувству долга, какъ жертву. Я вмѣшался только, чтобы предупредить зло. Поэтому не думай. что мнѣ тяжело отказаться.

— Питеръ, дѣлай, какъ самъ знаешь. Мы не должны вступать въ компромиссъ съ неправдой, даже ради нея.

Питеръ крѣпко пожалъ ему руку.

— Я не думаю, чтобы они посмѣли выполнить свою угрозу,—сказалъ онъ;— но я могу ошибаться, и не хотѣлъ, безъ твоего согласія, мѣшать тебя въ это дѣло.

— Они, навѣрное, исполнятъ угрозу!— закричалъ Огденъ. Подлецъ,—придумавшій такую гадость, безъ колебанія воспользуется ею.

— Нѣтъ,—сказалъ Питеръ, — человѣкъ, который пользуется орудіемъ трусовъ, самъ трусъ въ душѣ. Но мы можемъ и предупредить его. Онъ обратился къ Керлю:

— Передайте м-ру Магиру о нашемъ свиданіи. Скажите ему, что я пощадилъ васъ только потому, что не вы главный зачинщикъ. Но передайте ему отъ меня, что если онъ обмолвится однимъ словомъ о миссисъ Ривингтонъ, я разыщу его, гдѣ бы онъ ни былъ, и убью, какъ собаку.

Питеръ спокойно пошелъ въ свою уборную и смылъ чернила со своихъ рукъ.

Керлю поспѣшно ушелъ и, какъ былъ, залитый чернилами, отправился къ своему патрону, которому разсказалъ о случившемся.

— И онъ сдѣлаетъ то, что сказалъ, м-ръ Магиръ,—докончилъ онъ.—Если-бы вы видѣли его взглядъ, когда онъ говорилъ это и когда душилъ меня! Я еще и теперь чувствую его.

— Какъ ты думаешь, онъ сдержалъ бы слово?—спросилъ Рей Огдена, когда они вернулись въ кабинетъ Рея.

— Я не думалъ бы этого, если бы не видѣлъ выраженія его лица, когда онъ стоялъ надъ этимъ подлецомъ. У него были глаза убійцы. И подумаешь, что это старикъ Питеръ, самый спокойный изъ всѣхъ людей! Надо поговорить съ нимъ, скажи ему, что...

— Ты самъ не смѣешь?

— А ты?

— Я не смѣю. Если онъ самъ начнетъ.

— Рей и Огденъ,—сказалъ спокойный голосъ,—я попросилъ бы васъ записать все то, что вы видѣли и слышали сегодня. Это можетъ пригодиться въ будущемъ.

— Питеръ! — воскликнулъ Рей.— Ты не долженъ исполнить то, чѣмъ грозилъ. Подумай, какой ужасный конецъ твоей карьеры! Пусть этотъ подлецъ дѣлаетъ все, что угодно, ты только не попади въ каторгу! Это...

Питеръ поднялъ руку.

— Ты плохо знаешь американцевъ, Рей. Если Магиръ распуститъ свою клевету—я убью его, и во всей странѣ не найдется присяжныхъ, которые засудили бы меня, узнавъ всю правду. Магиръ это хорошо знаетъ, и мы больше ничего не услышимъ объ этой гадости, я увѣренъ.

Питеръ вернулся въ свой кабинетъ. «Теперь я не удивляюсь,—думалъ онъ, глядя на залитые чернилами столъ и полъ,—что большинство людей считаютъ политическихъ дѣятелей негодяями и мошенниками. Однако, никто не употреблялъ бы такихъ низкихъ и гнусныхъ средствъ, если бы на свѣтѣ не было низкихъ и гнусныхъ людей, способныхъ придумать ихъ. Значитъ не политика виновата, а человѣчество».

Глава Е.

Солнце свѣтитъ снова.

Питеръ готовъ былъ погрузиться въ размышленія неутѣшительнаго характера, когда взглядъ его упалъ на сплющенную пулю, лежавшую на полу. Онъ съ улыбкой поднялъ ее. «Я зналъ, что это мой талисманъ», сказалъ онъ. Онъ снова вынулъ саше и поцѣловалъ измятую, исковерканную монету, потомъ сталъ разсматривать фотографіи. «Онѣ ничуть не попорчены,—съ радостью замѣтилъ онъ;—пуля не коснулась даже платья». Онъ печально задумался надъ перчаткой, но забылъ о ней въ ту минуту, какъ ему подали телеграмму. Въ ней было только два слова: «пріѣзжай непремѣнно», но этого было достаточно, чтобы заставить Питера забыть на время обо всемъ на свѣтѣ. Онъ машинально опустился въ кресло и устремилъ взглядъ въ гладкую стѣну, думая о темно-сѣрыхъ глазахъ.

Но на лицѣ его появилось какое-то новое выраженіе, не похожее на то, что являлось у него въ прежніе годы во время подобныхъ размышленій.—Трехмѣсячное мрачное настроеніе Питера разлетѣлось, какъ дымъ.

Уаттсъ и Леонора встрѣтили Питера на станціи.

«Другъ» необыкновенно мило привѣтствовалъ его. Хотя ея обращеніе не

было такъ просто и естественно, какъ прежде, однако было видно, что она очень рада видѣть Питера.

— Какъ пріятно опять видѣть васъ,— говорила Леонора протягивая ему руку.— Я надѣялась, что вы пріѣдете скорѣе!

Питеръ ничего не могъ отвѣтить, онъ былъ слишкомъ счастливъ. Онъ смѣло усѣлся въ шарабанъ рядомъ съ Леонорой, предоставляя Уаттсу сидѣніе рядомъ съ кучеромъ, и молчалъ до тѣхъ поръ, пока Уаттсъ не спросилъ его о путешествіи до Ньюпорта.

— Еще прелестнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, хотя я думалъ, что это невозможно, — отвѣтилъ Питеръ разсѣянно.

— Э?—сказалъ Уаттсъ, съ удивленіемъ оборачиваясь на Питера. Но Леонора, казалось, вовсе не была удивлена. Она только смотрѣла въ сторону, и губки ея вздрагивали отъ сдержаннаго смѣха.

— Это путешествіе-то?—допытывался Уаттсъ.

— Вѣдь вы говорили о Ньюпортѣ?— Леонора хотѣла помочь молчаливому Питеру, смотря на него изъ подъ опущенныхъ рѣсницъ.

Питеръ ничего не могъ отвѣтить. Онъ не могъ лгать, и Леонорѣ онъ еще больше понравился тѣмъ, что не хотѣлъ воспользоваться лазейкой, которую она ему открыла.

Уаттсъ продолжалъ.

— Понимаю! Да, конечно, Ньюпортъ все украшается съ каждымъ годомъ. А не было душно въ вагонѣ, старина?

— Не знаю, я не замѣтилъ.

— Не замѣтилъ въ этакую-то жару!

— Я думалъ о другомъ,—сказалъ Питеръ.

— О политикѣ? — освѣдомился Уаттсъ.

— О, Питеръ,—вмѣшалась Леонора,— васъ такъ страшно занимали всѣ эти толки. А какъ страшно трудно было доставать нью-іоркскія газеты на западѣ! Только я очень многаго не понимаю; я разспрашивала здѣсь цѣлую кучу народу, но, кажется, они толкомъ ничего не знаютъ. А кто знаетъ, тѣ подняли меня на смѣхъ. Вчера я встрѣтила м-ръ Пелля на турнирѣ въ теннисъ и надѣялась, что онъ мнѣ все объяснитъ. Но онъ такой противный! Вся его фигура выражала: «Стоитъ ли терять время на разговоры съ дѣвченкой!» Я сказала, что я вашъ лучшій другъ, и что вы мнѣ все разскажете когда пріѣдете, а онъ только разсмѣялся и сказалъ, что не сомнѣвается въ этомъ, такъ какъ вы извѣстны своей болтливостью. Я ненавижу мужчинъ, которые смѣются надъ женщинами, когда тѣ хотятъ серьезно говорить.

— Я думаю,—сказалъ Питеръ,—мы провалимъ Пелля при слѣдующихъ выборахъ. Членъ конгресса, который смѣется надъ моимъ другомъ, никуда не годится?

— Въ самомъ дѣлѣ, сдѣлайте это! Это будетъ ему хорошій урокъ,—мстительно сказала Леонора.—Человѣкъ, который смѣется надъ женщинами, не можетъ быть хорошимъ членомъ конгресса.

— Нѣтъ, мы лучше вотъ что сдѣлаемъ!—началъ Питеръ. — Я не хочу лишать его должности, потому что... потому что у него старая мать. Я лучше скажу вамъ что-то, что вы ему передадите. Онъ будетъ страшно изумленъ и захочетъ знать, откуда вы это узнали, и вы можете безконечно дразнить его.

— О, Питеръ!—воскликнула Леонора.—Прелестнѣе васъ нѣтъ никого на свѣтѣ.

— Въ чемъ дѣло? — интересовался Уаттсъ.

— Это большой секретъ,—отвѣтилъ Питеръ.—Я скажу его только одной миссъ Д'Аллуа, чтобы я зналъ, кого мнѣ притянуть къ отвѣту, если о немъ узнаетъ кто-нибудь, кромѣ Пелля.

— Ахъ, какъ весело! — вскричала Леонора, даже подпрыгнувъ отъ радости.

— Что-нибудь насчетъ знаменитаго обѣда?—допытывался Уаттсъ.

— Нѣтъ.

— Питеръ, мнѣ такъ хочется знать! Скажите мнѣ, что вы сдѣлали?

— Я съѣлъ обѣдъ.

— Не пробуйте поступать, какъ м-ръ Пелль, — вскричала Леонора, не то я возьму обратно все, что говорила вамъ сегодня.

— Ты ревѣлъ, а тигръ поджималъ хвостъ?—спросилъ Уаттсъ.

— Это послѣдняя выдумка моихъ друзей-непріятелей.

— Вѣдь вы мнѣ разскажете все, правда, Питеръ?—приставала Леонора.

— Можешь ты мнѣ дать завтра утромъ лошадь, Уаттсъ? Забіяка ѣдетъ на пароходѣ и не пріѣдетъ раньше завтрашняго вечера.

— Да, съ удовольствіемъ. У меня есть какъ разъ одна, подходящая къ твоему росту.

— Терпѣть не могу увертокъ.

— Я не увертываюсь,—сказалъ Питеръ,—я только предложилъ предварительный вопросъ. Если вы завтра встанете пораньше и поѣдете верхомъ со мной до завтрака, я вамъ разскажу все что произошло на этомъ обѣдѣ. Вы одна, кромѣ участниковъ, будете знать объ этомъ.

Это былъ откровенный и беззастѣнчивый подкупъ, но Питеръ былъ «боссомъ» и поступалъ, какъ таковой.

Искушеніе было слишкомъ сильно, чтобы устоять противъ него. Леонора отвѣтила:

— Непремѣнно встану—и снова улыбнулась. Однако, про себя подумала: «Ужъ задамъ я тебѣ, чтобы ты помнилъ, какъ мнѣ отказывать!»

Леонора хорошо обдумала, какъ она будетъ обращаться съ Питеромъ. Она рѣшила при всякомъ удобномъ случаѣ поминать о «пяти годахъ», впрочемъ собиралась быть дружески откровенной попрежнему, пока онъ будетъ довольствоваться этимъ. Но если Питеръ предъявитъ какія-нибудь другія требованія, Леонора рѣшила не обращать на него больше никакого вниманія, чтобы онъ ясно почувствовалъ, что за каждымъ неумѣстнымъ намекомъ слѣдуетъ немедленное возмездіе. «Я не позволю ему объясняться», рѣшила Леонора.

Мнѣ все равно, хочетъ онъ этого или нѣтъ. Если я дамъ ему высказаться, я должна буду сказать ему «нѣтъ», а тогда онъ уѣдетъ въ Нью-Іоркъ, станетъ дуться и, навѣрное, больше никогда не придетъ къ намъ. А я хочу, чтобы онъ оставался моимъ другомъ.

Послѣ обѣда Леонора сказала Питеру: «Я каждый вечеръ играю на билліардѣ съ папой. Хотите играть съ нами?»

— Я не умѣю,—отвѣтилъ Питеръ.

— Значитъ вамъ надо научиться. Вы будете играть со мной, потому что папа меня всегда обыгрываетъ. Я васъ выучу.

Нѣсколько часовъ прошли весело, всѣ смѣялись надъ Питеромъ, дѣлавшимъ промахи, и надъ попытками Леоноры учить его. «Каждая женщина должна была бы играть на билліардѣ», думалъ Питеръ. «Это такая граціозная картина»

— Вы хорошо поняли, въ чемъ дѣло, но вы слишкомъ сильно бьете,—ворчала Леонора.—Надо чуть-чуть дотрогиваться до шара, а вы такъ его ударяете, точно собрались разнести весь билліардъ.

— Право мнѣ необходимо научиться,—говорилъ Питеръ, который въ прежніе годы такъ упорно отказывался отъ этой игры.

— Я васъ отлично выучу, пока вы у насъ. — сказала Леонора. Конечно теперь Питеръ не отказывался. Онъ не отказался и отъ другого урока; когда они вернулись въ гостиную, Леонора спросила:—Вы научились вальсировать?

Питеръ улыбнулся, что такая пламенная американка употребляетъ французскія слова, но отвѣтилъ совершенно серьезно:

— Нѣтъ, я былъ слишкомъ занятъ.

— Какъ стыдно!—сказала Леонора. На этой недѣлѣ будутъ два вечера, и мама уже писала, чтобы васъ пригласили.

— Очень трудно научиться?—спросилъ Питеръ.

— Нѣтъ, это такъ же просто, какъ дышать, но гораздо пріятнѣе.

— Могли бы вы выучить меня?

— Конечно. Мама, сыграй пожалуйста вальсъ. Ну, смотрите! Леонора приподняла платье кончиками пальцевъ, чтобы можно было видѣть ея ножки.—Разъ, два, три—поворотъ: разъ, два, три—поворотъ. Только и всего! Теперь вы.

Питеръ добросовѣстно принялся за дѣло, стараясь повторить движенія маленькихъ ножекъ. Когда она показывала, это казалось такъ легко, но когда онъ

самъ попробовалъ, то нашелъ, что это гораздо труднѣе.

— Ахъ вы, медвѣдь,—хохотала Леонора.—Смотрите: разъ два, три, вотъ такъ! Разъ, два, три—вотъ такъ!

Питеръ восхищался ея граціозной фигуркой и крошечными ножками, но не обратилъ никакого вниманія на па.

— Ну,—сказала Леонора, останавливаясь.—Попробуйте теперь. Питеръ сталъ пробовать и готовъ былъ плясать всю ночь, только бы Леонора показывала ему.

Наконецъ, она сказала:

— Теперь возьмите меня за руки. Нѣтъ, просто за руки, чтобы я могла видѣть ваши ноги. Ну, теперь попробуемъ вмѣстѣ. Впередъ, назадъ, поворотъ! Впередъ, назадъ, поворотъ!

Питеръ сталъ лучше понимать и готовъ былъ плясать до изнеможенія. Но черезъ нѣсколько минутъ Леонора сказала:

— Теперь попробуемъ по настоящему. Возьмите мою руку, а другой рукой держите такъ. Теперь хорошо. Только никогда не держите даму слишкомъ крѣпко. Мы это ненавидимъ. Да, такъ отлично. Ну, мама, еще разъ. Разъ, два, три. Разъ, два, три!

Питеръ нашелъ, что это просто божественно, и готовъ былъ заплакать, когда урокъ кончился, и Леонора сказала:

— Если вы поупражняетесь у себя въ комнатѣ со стуломъ, дѣло совсѣмъ пойдетъ на ладъ.

— Я очень туго соображаю—отвѣтилъ Питеръ, которому мысль вальсировать со стуломъ вовсе не улыбалась.— Можетъ быть, у васъ найдется время завтра еще поучить меня: я гораздо скорѣе выучусь съ вами.

— Посмотримъ.

— Вы оставите мнѣ нѣсколько вальсовъ на вечерѣ?

— Вотъ что мы сдѣлаемъ,—сказала Леонора.—Я буду танцовать съ вами всѣ танцы, на которые меня никто не пригласитъ. Вы еще не достаточно хорошо танцуете, чтобы я отдавала вамъ предпочтеніе передъ другими кавалерами. Я обожаю вальсировать, а съ плохимъ танцоромъ это просто мученіе.

Питеръ только что считалъ вальсъ самымъ лучшимъ удовольствіемъ на свѣтѣ; теперь онъ измѣнилъ мнѣніе и сталъ считать его отвратительнымъ.

«А все-таки, несмотря ни на что, я выучусь танцовать», рѣшилъ онъ.

Глава LI.

Развитіе истинной любви.

На слѣдующій день Питеръ катался съ Леонорой верхомъ и разсказывалъ ей про знаменитый обѣдъ. Леонора слушала его съ большимъ интересомъ, а когда онъ кончилъ, сказала ему съ видомъ глубоко знающаго человѣка:

— Вы поступили именно такъ, какъ слѣдовало. Я вполнѣ одобряю васъ.

— Вы сняли съ моей души большую тяжесть,—серьезно отвѣтилъ Питеръ.—Вы говорили, что хотите, чтобы я этой зимой сопровождалъ васъ, когда вы станете выѣзжать, и я боялся, что вы будете недовольны, если мнѣ придется переселиться въ Альбани.

— Развѣ вы не можете жить въ Нью-Іоркѣ?—спросила Леонора съ нѣкоторымъ испугомъ.

— Нѣтъ не могу.

— Я этимъ очень недовольна,—сказала Леонора. — Что за польза быть друзьями, если приходится жить въ разныхъ городахъ?

— Я того же мнѣнія. Не думаю, чтобы мнѣ удалось уговорить васъ ѣхать со мной и заняться моимъ хозяйствомъ?

«Непремѣнно надо осадить его!» подумала Леонора.

— Нѣтъ,—сказала она Питеру.— Плохо придется даже тому, кого я полюблю, если онъ потребуетъ этого раньше пяти лѣтъ.

Она сбоку посмотрѣла на него, желая убѣдиться, попала-ли въ цѣль, и по страдальческаго выраженія лица Питера увидѣла, что ударъ былъ слишкомъ жестокъ. Поэтому она поспѣшила прибавить:

— Впрочемъ, вы можете дать для меня балъ, и тогда мы всѣ пріѣдемъ къ вамъ погостить на недѣльку.

Питеръ слегка оживился, но все-таки грустно сказалъ:

— Просто не знаю, что я буду безъ васъ дѣлать! Мнѣ такъ необходимы ваши совѣты и въ политикѣ, и въ хозяйствѣ.

— Хорошо, — смилостивилась Леонора; — если вы не можете обойтись безъ посторонней помощи, мы пробудемъ двѣ недѣли. Только вы должны катать меня на салазкахъ и устраивать для меня всякія удовольствія.

«Что бы сказали газеты», подумалъ Питеръ, «если бы губернаторъ сталъ кататься на салазкахъ?»

Послѣ поздняго завтрака Питера повели смотрѣть турниръ игроковъ въ теннисъ. Онъ думалъ, что ему не будетъ скучно, такъ какъ онъ будетъ сидѣть рядомъ съ Леонорой. Но вышло иначе. Прежде всего ему хотѣлось, чтобы она обращала поменьше вниманія на игроковъ. Потомъ онъ подумалъ, что свѣтскимъ франтамъ, увивавшимся около Леоноры, слѣдовало бы держаться подальше. Питеръ положительно бѣсился, видя, какъ весело и непринужденно Леонора болтаетъ о совершенно непонятныхъ ему вещахъ, и какъ охотно за ней ухаживаютъ мужчины. А какъ она смѣялась въ отвѣтъ на то, что они говорили! Леонора замѣтила, что Питеръ не въ духѣ, и очень удивилась.

— Что вы ворчите, какъ Дурачекъ (собака, которую подарилъ Питеръ),— сказала она, забывъ объ игрѣ въ теннисъ и глядя на него большими глазами.

— Меня сердитъ, когда я вижу, что здоровые, сильные люди занимаются перебрасываньемъ маленькихъ мячиковъ, а цѣлая толпа смотритъ на нихъ и думаетъ, что это ужасно нужно.—Питеръ говорилъ неправду и внутренно злился на себя за это.

— Развѣ вы никогда не играли въ теннисъ?

— Никогда. Я даже не знаю, что значитъ сервировать.

— Боже мой!—сказала Леонора.— Вы ужасно необразованы!

— Самъ знаю,—ворчалъ Питеръ,— здѣсь мнѣ дѣлать нечего, и я не знаю, зачѣмъ я пріѣхалъ. Я участковой «боссъ», и мое мѣсто въ «салонахъ». Не бойтесь прямо сказать мнѣ это.

Все это было очень нелѣпо, но Питеръ дѣйствительно страдалъ, и на лицѣ его появились морщины, которыхъ Леонора прежде не замѣчала. Онъ стоитъ того, чтобы его отправить провѣтриться, пока онъ не придетъ въ лучшее настроеніе! Но Леонора не сдѣлала этого, напротивъ, она повернулась спиной къ теннису и сказала:

— Пожалуйста, не говорите такъ, Питеръ. Вы отлично знаете, что я этого не думаю.—Леонора поняла его душевное настроеніе. «Бѣдный, думала она, надо его развеселить».

Поэтому она перестала интересоваться теннисомъ.

— Посмотрите,—сказала она.—Тамъ стоятъ м-ръ Пелль и миссъ Уинтропъ. Отведите меня къ нимъ, я сейчасъ устрою ему мой сюрпризъ. А вы пока займите миссъ Уинтропъ.

— Какъ, Питеръ! — воскликнулъ Пелль.—Когда вы пріѣхали?

— Вчера вечеромъ. Какъ поживаете миссъ Уинтропъ?

Впродолженіи двухъ минутъ Питеръ разговаривалъ или, вѣрнѣе, слушалъ, что говорила ему эта дѣвица. Наконецъ, слава Богу! подошелъ одинъ изъ тѣхъ юношей, которыхъ Питеръ только что проклиналъ, и освободилъ его. Питеръ подошелъ къ Леонорѣ какъ разъ въ ту минуту, когда она спрашивала м-ра Пелля:

— М-ръ Пелль, что вы думаете о политическихъ планахъ?

Пелль вздохнулъ про себя.

— Вы можете прочесть о нихъ въ газетахъ.

— Нѣтъ, я хочу знать ваше мнѣніе, въ особенности о великомъ походѣ, который предпринимаетъ демократическое избирательное собраніе.

— Это насчетъ назначенія Магира?

Леонора приняла важный видъ.

— Конечно, нѣтъ,— сказала она небрежно.—Всѣ знаютъ, что этотъ вопросъ былъ рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ на обѣдѣ въ Мангаттанъ-Клубѣ. Я подразумѣвала необыкновенное рѣшеніе вопроса о будущихъ сенаторахъ.

Пелль перестаjъ вздыхать и насторожился.

— Я васъ не понимаю, — сказалъ онъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? — недовѣрчиво спросила Леонора, наморщивъ носикъ.— Я была увѣрена, что вы уже знаете! Я просто поражена!

Пелль смотрѣлъ на нее полу-насмѣшливо, полу-вопросительно.

— Какое же это рѣшеніе?

— Назначеніе кандидата на освобождающуюся вакансію въ сенатѣ.

— Какой вздоръ! — расхохотался Пелль.—Избирательное собраніе ничего общаго съ сенаторами не имѣетъ. Ихъ выбираетъ законодательное собраніе.

«Неужели женщины, когда хотятъ соваться въ политику, не могутъ выучить хоть азбуки?» думалъ онъ.

— Конечно, — сказала Леонора. Но это совершенно новая идея. Сенатъ такъ дурно поступалъ, что всѣ лидеры рѣшили сдѣлать его болѣе демократическимъ учрежденіемъ. Для этого они хотятъ, чтобы нью-іоркское избирательное собраніе выбрало одного сенатора, а законодательному собранію останется только утвердить его. Если другіе штаты послѣдуютъ примѣру Нью-Іорка, то сенатъ сдѣлается вполнѣ уважаемымъ учрежденіемъ, послушнымъ общественному мнѣнію.

Пелль насмѣшливо улыбнулся:

— Въ какой сумасшедшей газетѣ вы вычитали это?

— Я вовсе не читала это,—отвѣтила Леонора, а въ глазахъ ея такъ и сверкало лукавство. — Газеты всегда опаздываютъ со своими свѣдѣніями. Но я не думала, что вы такъ плохо освѣдомлены, такъ какъ вы должны быть назначены на основаніи новаго рѣшенія.

Пелль съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на нее:

— Что вы хотите сказать?

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ не знаете, что избирательное собраніе представило резолюцію, по которой вы назначаетесь сенаторомъ?—отвѣтила Леонора, въ голосѣ и лицѣ которой выражалось удивленіе, смѣшанное съ чуть-чуть презрительнымъ сожалѣніемъ.

— Кто это сказалъ вамъ? — снова спросилъ Пелль съ любопытствомъ и сомнѣніемъ, составлявшими довольно смѣшной контрастъ съ его насмѣшливымъ поведеніемъ минуту тому назадъ.

— Говорятъ!—сказала Леонора, пожимая плечами.—Вы сами знаете, м-ръ Пелль, что нельзя всего говорить тѣмъ людямъ, которые не удостоились довѣрія вождей партіи.

— Я думаю, вы просто мистифицируете меня. Если бы на самомъ дѣлѣ предполагалось что-нибудь похожее на это, вы не могли бы знать.

— О!—сказала Леонора, продолжая мучить его. — Я бы могла разсказать гораздо больше. Но вѣдь вы терпѣть не можете вести политическіе разговоры съ дамами.

Пелль смирился.

— Скажите мнѣ, кто вамъ это сказалъ?

— Кажется, намъ пора идти домой,— сказала Леонора, обращаясь къ Питеру, который не меньше наслаждался ея тріумфомъ.

— Питеръ,—спросилъ Пелль,—слышали вы, что говоритъ миссъ Д'Аллуа?

— Частью слышалъ.

— Откуда она могла узнать?

— Я встрѣтился съ миссъ Д'Аллуа на завтракѣ въ Бѣломъ домѣ, въ прошломъ іюнѣ,—отвѣтилъ Питеръ совершенно серьезно,—и мы съ ней и съ президентомъ много говорили о политикѣ. Миссъ Д'Аллуа большой знатокъ политики. Надѣюсь, вы не выдали никакой тайны, миссъ Д'Аллуа?

— Боюсь, что я проговорилась,— сказала Леонора,—но больше ничего не скажу.

Пелль посмотрѣлъ имъ вслѣдъ, когда они пошли къ экипажу.

— Какъ странно,—думалъ онъ, — она не могла узнать все это отъ Питера. Онъ никогда не проговаривается. Что за чортъ, откуда же она взяла это? Сенаторъ Вэнъ Пелль. Это звучитъ не дурно. Да правда ли это еще?»

— Я думаю,—съ торжествомъ объявила Леонора своему другу,—что ему бы еще хотѣлось поговорить со мной о политикѣ. Славно я его помучу, пусть только попробуетъ!

Питеру пришло въ голову, что Леонора, не смотря на свою кажущуюся

откровенность, говоритъ не всегда то, что думаетъ. Онъ быстро повернулся къ ней и спросилъ.

— Вы серьезно говорите, что откажете всякому, кто посватается за васъ раньше, чѣмъ черезъ пять лѣтъ?

Все торжество Леоноры разлетѣлось на всѣ четыре стороны.—«Какой неслыханно дерзкій вопросъ послѣ того, какъ я такъ часто говорила это. Что же мнѣ отвѣтить?»—думала она. Она строго посмотрѣла въ глаза Питера:

— Я не откажу потому, что даже не позволю ему говорить. Если кто-нибудь посмѣетъ свататься за меня, я прямо скажу ему, что не желаю его слушать.

— Она и въ самомъ дѣлѣ сдѣлаетъ это,—вздыхалъ про себя Питеръ.—Почему это лучшія дѣвушки не хотятъ выходить замужъ?

Питеръ былъ сердитъ и, что еще хуже, показалъ это. Леонора тоже пришла въ дурное расположеніе духа.

«Вотъ», мысленно разсуждала она, «я такъ и знала, что это случится. Онъ теперь будетъ дуться. Лучше всего дать ему высказаться, тогда онъ уѣдетъ въ Нью-Іоркъ и не будетъ надоѣдать мнѣ».

Итакъ, «лучшіе друзья» ѣхали домой изъ Казино, не глядя другъ на друга и не говоря ни слова. Ясно, что Питеръ былъ правъ,—не стоитъ быть друзьями.

Однако, трудно было долго дуться. Во-первыхъ надо было помочь Леонорѣ выйти изъ экипажа, а это было очень пріятно, потому что ей пришлось протянуть ручку Питеру, который въ ту же минуту рѣшилъ, что жить еще стоитъ. Затѣмъ лакей въ дверяхъ подалъ Питеру двѣ депеши самого обширнаго размѣра, и Леонора, въ свою очередь, нашла интересъ къ жизни.

— О чемъ онѣ?—спросила она.

— Насчетъ избирательнаго собранія. Я такъ поспѣшно уѣхалъ, что нѣкоторыя подробности остались невыясненными.

— Читайте вслухъ,—спокойно сказала Леонора, когда Питеръ распечаталъ первую.

Питеръ улыбнулся.

— Если я это сдѣлаю, вы дадите мнѣ урокъ вальса послѣ завтрака?

— Не торгуйтесь,—замѣтила Леонора съ неодобреніемъ.

— Прекрасно.—Питеръ сунулъ телеграммы въ карманъ и направился къ лѣстницѣ.

Леонора дала ему подняться до первой площадки. Но когда она убѣдилась, что онъ серьезно намѣренъ идти въ свою комнату, она позвала:

— Питеръ!

Питеръ остановился и сверху посмотрѣлъ на нее, потомъ спустился и спросилъ:

— Ну, въ чемъ дѣло?

Леонора и сердилась, и смѣялась: «Вы должны сами желать прочесть ихъ мнѣ, разъ мы съ вами такіе друзья».

— Да, но и вы должны сами желать выучить меня вальсировать, разъ мы съ вами такіе друзья.

— Я не люблю капризовъ,—сказала Леонора.

Питеръ засмѣялся. «И я не люблю»,—сказалъ онъ.—Чтобы доказать вамъ, что я лучше васъ, а прочту вамъ депеши.

«А я буду учить его танцовать», подумала Леонора.

Питеръ развернулъ длинную телеграмму на нѣсколькихъ листахъ.

— Помните, что это тайна.

— Хорошо.—Леонора оглядѣла переднюю съ видомъ заговорщика.

— Пойдемте наверхъ въ фонарикъ,—шепнула она и пошла впередъ.

Когда они расположились въ фонарикѣ и задернули портьеру, Леонора спросила:

— Ну?

— Сядьте ближе ко мнѣ, чтобы я могъ шептать вамъ на ушко,—сказалъ Питеръ.

— Нѣтъ,—сказала Леонора, насъ здѣсь и такъ никто не услышитъ.—«Я бы задала тебѣ за это,—думала она, да ты тогда, пожалуй, читать не станешь».

— Вы помните, что не должны никому повторять того, что сейчасъ услышите.—Питеръ чему то улыбался.

— Ну, понятно! — сердито отвѣтила Леонора.

Питеръ сталъ читать:

— Воспользуйтесь свѣдѣніями Гудзона, чтобы графства не повѣрили свидѣтельству двадцати извѣстныхъ дураковъ

до завтрашняго вечера, когда Мальта сосчитаетъ ровно семнадцать. Потомакъ даетъ нуль Гаймаркету, оцѣнивъ Мозель въ тридцать три, чтобы укрѣпиться черезъ юриста, который только что пріѣхалъ...

— Я не хочу, чтобы со мной такъ обращались!—съ гнѣвомъ прервала его Леонора.

— Что вы хотите сказать?—спросилъ Питеръ, продолжая улыбаться.—Я читалъ вамъ, какъ вы хотѣли.

— Неправда, вы дурачите меня, и сами смѣетесь.

— Нѣтъ,—сказалъ Питеръ.—Это все тутъ написано

— Покажите.—Леонора перегнулась черезъ плечо Питера, чтобы заглянуть въ депешу.

— Это только двѣ страницы, а всѣхъ ихъ восемнадцать, — сказалъ Питеръ, держа бумагу такъ, что Леонора должна была совсѣмъ нагнуться надъ нимъ, чтобы читать.

Леонора просмотрѣла депешу.

— Это сумасшедшій писалъ?

— Нѣтъ.—Питеръ нашелъ подпись.—Это отъ Грина, только никому не говорите этого.

— Завтракъ поданъ, барышня, — доложилъ лакей.

«Чортъ побери завтракъ», подумалъ Питеръ.

— Пожалуйста, скажите мнѣ, что это значитъ?—просила Леонора вставая.

— Не могу, пока не достану ключъ и не дишифрирую депешу.

— Ахъ!—воскликнула Леонора, отъ восторга захлопавъ въ ладоши.—Шифрованная депеша! Какъ страшно интересно! Мы займемся ею послѣ завтрака и вмѣстѣ будемъ разбирать ее, хорошо?

— Послѣ урока танцевъ, хотите вы сказать?—поправилъ Питеръ.

— Почемъ вы знаете, что я буду давать вамъ урокъ?

— Вы мнѣ сами сказали.

— Никогда! Я вамъ ни слова не говорила.

— Вы сказали не словами, а глазами.

Леонора серьезно посмотрѣла на него.

— Вы вовсе не «простакъ Питеръ»— сказала она.—Я не люблю слишкомъ проницательныхъ людей.

Она повернулась и пошла въ свою комнату.

«Мнѣ надо быть ужасно осторожной», разсуждала она, поправляя прическу; «этотъ человѣкъ требуетъ особеннаго обращенія. Слѣдовало бы отослать его въ Нью-Іоркъ, да ужъ очень меня политика интересуетъ. Придется оставить его до конца кампаніи. Тогда ему придется уѣхать въ Альбани, и все будетъ хорошо. Надо подумать: онъ говорилъ, что губернаторъ служитъ три года. Это не пять лѣтъ, но, можетъ быть, онъ до тѣхъ поръ станетъ умнѣе».

Что касается Питера, то онъ, умывая руки, громко насвистывалъ, чего съ нимъ уже не случалось много лѣтъ.

Онъ самъ не зналъ, почему, но это вѣрнѣе передавало его настроеніе, чѣмъ недавняя воркотня.

Глава LII.

Ангелъ хранитель.

Насколько утро прошло для Питера печально, настолько день не оставлялъ желать ничего лучшаго. Сначала, послѣ завтрака, онъ немного потанцовалъ съ Леонорой, а потомъ они оба усѣлись за большой столъ въ библіотекѣ и вмѣстѣ дешифрировали мудреныя депеши. Наконецъ, надо было хорошенько обсудить ихъ важность и значеніе, написать отвѣты и перевести ихъ на шифръ. Все это время они близко, близко сидѣли другъ къ другу, такъ что ихъ дыханіе смѣшивалось, и Леонора совершенно забыла, что рѣшилась «проучить» Питера, такъ она прониклась важностью участія въ американской политикѣ. Когда отвѣтныя депеши были переписаны начисто, Леонора взглянула на Питера и съ удовлетвореніемъ сказала: «Мнѣ кажется, мы очень хорошо придумали. Какъ вы думаете, они сдѣлаютъ все, что мы имъ сказали»?

Питеръ, всматриваясь въ это дорогое ему личико, такъ открыто и оживленно смотрѣвшее на него, думалъ, какой подвигъ нужно совершить, чтобы имѣть право поцѣловать его?

Нѣсколько разъ уже въ продолженіи этого дня ему хотѣлось расцѣловать Леонору, и удерживалъ его только страхъ, какъ отнесется она къ подобной дерзости.

Къ счастью, нельзя было прочесть этихъ мыслей на его лицѣ.

— Что же вы скоро перестанете разглядывать меня и соблаговолите отвѣтить на мой вопросъ?—сказала Леонора.

— Я думаю, что они поступятъ такъ, какъ мы имъ совѣтуемъ,—улыбнулся Питеръ.—Завтра мы вѣроятно получимъ отвѣтъ, узнаемъ намѣреніе страны и будемъ имѣть возможность говорить опредѣленнѣе.

— Завтра опять будутъ шифрованныя депеши?

— Непремѣнно.—Питеръ подумалъ: «Надо написать Грину и остальнымъ, чтобы они каждый день телеграфировали мнѣ».

— А теперь будемъ пить чай. Я обожаю политику,—заявила Леонора.

— Значитъ вамъ бы понравилось въ Альбани, — сказалъ Питеръ, пододвигая ей кресло къ маленькому чайному столику.

— Я бы ни за что на свѣтѣ не согласилась жить въ Альбани,—сказала Леонора, быстро возвращаясь къ прежнему воинственному настроенію. Но въ ту же минуту она обожгла себѣ палецъ спичкой, которой сбиралась зажечь лампу, и ея жестокія слова кончились жалобнымъ крикомъ:

— Ай какъ больно!

— Дайте, я посмотрю,—сочувственно сказалъ Питеръ.

Маленькая ручка протянулась къ нему.—Очень больно,—сказала Леонора, видя, что на ея пальцѣ нѣтъ даже ни малѣйшаго знака, и боясь, что Питеръ будетъ смѣяться надъ ней, когда сравнитъ ея пустяшный ожогъ съ тѣми, отъ которыхъ онъ такъ страдалъ.

Но Питеръ отнесся очень серьезно.

— Я вѣрю, сказалъ онъ,—я самъ хорошо знаю, какая это боль,—и онъ поцѣловалъ пострадавшій пальчикъ. Повидимому, Питеру было все равно, нравится ли Леонорѣ Альбани или нѣтъ.

Вечеръ прошелъ для Питера менѣе счастливо. Когда они встали отъ обѣда, Леонора сказала Питеру, что ѣдетъ танцовать.

— Мнѣ позволили привезти васъ. Вы хотите ѣхать?

— Да, если вы будете танцовать со мной.

— Я уже разъ сказала, что буду танцовать съ вами только тогда, когда меня не пригласятъ настоящіе кавалеры. Если вы будете по близости, я свободные танцы буду отдавать вамъ.

— Развѣ у васъ бываютъ свободные танцы?—спросилъ Питеръ, изумляясь даже возможности этого.

— Я всего разъ была на вечерѣ, и тогда у меня не было свободныхъ.

— Хорошо,—сказалъ Питеръ довольно мрачно.—Я поѣду.

— О,—спокойно возразила Леонора,—пожалуйста, не трудитесь, если это только ради меня.

— Вовсе нѣтъ,—буркнулъ Питеръ.—Я поѣду для собственнаго удовольствія.—Сказавъ это, онъ невольно разсмѣялся, и Леонора тоже. Сыгравъ партію на билліардѣ, они всѣ поѣхали на вечеръ.

Въ ту минуту, какъ они входили въ Казино, Питеръ услышалъ знакомый голосъ, назвавшій его по имени. Онъ обернулся и увидѣлъ Дороти. Дороти сказала только: «Питеръ!» но Питеръ хорошо понялъ, что она ждетъ объясненія, и даже не пробовалъ увертываться.

— Дороти,—кротко сказалъ Питеръ, бросая взглядъ въ сторону Леоноры, чтобы убѣдиться, что она его не слышитъ.—Когда вы проводили здѣсь лѣто съ миссъ Де-Во, Рей каждую недѣлю пріѣзжалъ въ Ньюпортъ?

— Да, конечно.

— Ну, а если бы вы путешествовали на западѣ, сталъ бы онъ пріѣзжать?

— О, Питеръ!—шепнула Дороти, какъ я рада, что это наконецъ пришло!—Мы надѣемся, что наши читатели поймутъ процессъ мышленія Дороти, такъ какъ слова ея мало вязались съ вопросомъ Питера.

— Она прелестна,—продолжала Дороти,—и я увѣрена, что могу помочь вамъ.

— Мнѣ очень нужна помощь,—вздох-

нулъ Питеръ.—Она не любитъ меня, и я ничего не могу подѣлать! Она увѣряетъ, что не хочетъ выходить замужъ раньше...

— Вздоръ! — перебила его Дороти тономъ не допускающимъ возраженія, и поспѣшно направилась въ дамскую уборную. Питеръ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ ей вслѣдъ.

— Что это вздоръ, хотѣлось бы мнѣ знать?—думалъ онъ. Дороти принялась за представлявшееся сватовство со всей ревностью счастливой въ замужествѣ женщины. Но если судить по ея разговору съ Леонорой, то можно было думать, что она совершенно противъ женитьбы Питера на этой послѣдней. Питеръ любилъ Дороти и не считалъ ее способной на предательство, но чтобы онъ подумалъ, подслушавъ разговоръ, происходившій передъ большимъ зеркаломъ въ дамской уборной?

— Я ужасно рада, что Питеръ появился именно на сегодняшнемъ вечерѣ,— сказала Дороти.

— Почему?—спокойно спросила Леонора, повидимому, безъ всякого интереса.

— Потому, что здѣсь миссъ Биддль. Я уже два года стараюсь свести ихъ. По моему, они созданы другъ для друга.

Леонора поправила непослушный локонъ, выбившійся изъ прически, и сказала:

— Какая у васъ прелестная брошка.

— Не правда ли? Это Рей мнѣ подарилъ,—отвѣтила Дороти вполнѣ естественнымъ тономъ.

— Я никогда не встрѣчалась съ миссъ Биддль,—замѣтила Леонора.

— Она — настоящая красавица и страшно богата; у нея такія прелестныя манеры! Питеръ обращаетъ большое вниманіе на то, какъ дѣвушка держится. Онъ терпѣть не можетъ вертушекъ и болтушекъ. Странно, что хотя онъ самъ неразговорчивъ и не танцуетъ, всѣ подростки обожаютъ его. Но миссъ Биддль уже не совсѣмъ молоденькая дѣвушка и умѣетъ говорить о серьезныхъ предметахъ. Она очень интересуется политикой и филантропіей.

— Мнѣ казалось,—небрежно сказала Леонора, поправляя свои кружевныя оборки,—что Питеръ никогда не говоритъ о политикѣ.

— Да, это вѣрно,—согласилась Дороти,—но она изучала политическую экономію, а Питеръ любитъ говорить объ отвлеченныхъ предметахъ. Миссъ Биддль создана, чтобы быть женою государственнаго дѣятеля. Красавица, съ огромнымъ тактомъ, большая умница, а главное очень сдержана и разсудительна. Я вдвойнѣ рада, что они встрѣтятся именно здѣсь: миссъ Биддль больше не танцуетъ, поэтому она можетъ занять Питера, который навѣрное будетъ страшно скучать.

— Если только она захочетъ съ нимъ разговаривать.

— О, за это я нисколько не боюсь. Питеръ изъ тѣхъ людей, въ которыхъ каждая женщина готова сразу влюбиться. Развѣ вы не знаете, дорогая, сколько ему представлялось партій, если бы онъ только захотѣлъ? Конечно, онъ не обращаетъ вниманіе на такихъ особъ какъ мы съ вами; мы не можемъ понять его и раздѣлить его честолюбивыя стремленія. Онъ смотритъ на насъ, какъ на легкомысленныхъ бабочекъ занимающихся только нарядами, танцами и сплетнями.

— Онъ говоритъ о политикѣ со мной.—Леонора не могла удержаться, чтобы не сказать этого. Слова Дороти ей вовсе не нравились.

— О, Питеръ такой джентельменъ, что будетъ серьезно говорить даже съ нами, но только изъ вѣжливости. Я сколько разъ видѣла, какъ онъ разговаривалъ съ такими дѣвочками, какъ вы; онъ былъ очаровательно любезенъ, и можно было даже подумать, что онъ находитъ удовольствіе въ ихъ болтовнѣ. Но изъ того, что мнѣ говорилъ Рей, я поняла, что Питеръ не высоко цѣнитъ свѣтскихъ дѣвушекъ.

— Ты готова, Леонора? — спросила миссисъ Д'Аллуа.

Да, Леонора была готова. Уаттсъ и Питеръ тоже давно были готовы и ждали ихъ; Уаттсъ даже сердился, Питеръ—нѣтъ. Питеръ готовъ былъ ждать хоть цѣлый часъ, лишь бы вмѣстѣ съ Леонорой подняться по лѣстницѣ. Этимъ

Около мѣста продажи рыбы и мяса, которое подъ тропиками всегда уже замѣтно издали по запаху, находятся лавки продавцовъ соли. Неподалеку отъ мясного рынка располагаются также переносныя кухни, гдѣ туземцы ѣдятъ рисъ руками.

Особенно привлекательны ряды, гдѣ продаются очень дешево различныя плетеныя издѣлія, сдѣланныя нерѣдко съ большимъ вкусомъ. Я не могъ устоять отъ искушенія и накупилъ разныхъ шляпъ, корзинокъ и прелестныхъ маленькихъ клѣточекъ для птицъ, въ которыхъ любитель птицъ малаецъ носитъ съ собою своихъ голубей и особенно цѣнимаго здѣсь бео (*Eulabes religiosa*), голосъ котораго удивительно походитъ на человѣческій. Тутъ же лежатъ груды черныхъ связокъ превосходныхъ веревокъ изъ волоконъ сахарной пальмы (*Arenga saccharifera*)—это темныя волокна, называемыя малайцами «иджу» и располагающіяся между нижними черешками листьевъ и стволомъ; въ горахъ ихъ употребляютъ также для устройства крышъ.

Страсть къ куренію сильно распространена и всюду встрѣчаются лавочки табаку, который завернутъ обыкновенно въ листья пальмы нипа. Въ горахъ особенно можно за очень недорогую цѣну запастись превосходнымъ папироснымъ табакомъ. Лежатъ здѣсь также выложенные для продажи продукты деревьевъ, растущихъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ,—камфара и бензойная смола, наконецъ, гуттаперча, добываемая изъ дерева *Isonandra gutta*. При содѣйствіи консула мнѣ удалось достать сдѣланный изъ гуттаперчи хлыстъ, какіе производятся лишь внутри страны и снабжены печатью сдѣлавшаго ихъ туземца. Хлыстъ этотъ выполненъ съ замѣчательнымъ вкусомъ изъ чередующихся волнистыхъ коричневыхъ и бѣлыхъ слоевъ.

Базару придаютъ своеобразную физіономію также снующіе всюду китайцы, которые навязываютъ всѣмъ китайскіе товары; съ другой стороны, мѣстные торговцы соблазняютъ своихъ соплеменниковъ различными европейскими бездѣлушками. Не безъ удовольствія замѣтилъ я, что попадаются и произведенія германской промышленности—напримѣръ, стальныя издѣлія Золингена. На ряду съ европейскими матеріями самыхъ кричащихъ цвѣтовъ привлекаютъ вниманіе также красивыя ткани мѣстнаго производства, служащія для изготовленія саронговъ. Впрочемъ, тѣхъ драгоцѣнныхъ саронговъ, сотканныхъ изъ шелку и пронизанныхъ золотыми нитями, которыя одѣваются лишь при торжественныхъ случаяхъ, здѣсь на базарѣ не приходится видѣть.

Кто не боится всѣхъ непріятностей, связанныхъ съ посѣщеніемъ базара, именно нестерпимой жары, аромата, исходящаго отъ буйволовъ, дуріана и разлагающихся рыбъ, а также и толкотни, тому нигдѣ не найти лучшаго случая познакомиться ближе съ типами и жизнью народа.

Скажемъ кстати нѣсколько словъ и о крупныхъ торговыхъ оборотахъ Паданга. Городъ этотъ медленно, но непрерывно, развивается и обѣщаетъ сдѣлаться главнымъ торговымъ центромъ Суматры. Въ 1898 году сюда было ввезено товаровъ на 7.100.000 и вывезено на 5.200.000 голландскихъ гульденовъ. Наиболѣе важными продуктами вывоза являются кофе, копра, мускатные орѣхи и цвѣты, гуттаперча, каучукъ, кожи, корица и сахарный тростникъ.

Если бы германская промышленность съумѣла приспособиться ко вкусамъ населенія, то для нея открылась бы въ прилегающихъ къ Падангу мѣстностяхъ прекрасная область для сбыта товаровъ.

Со всѣхъ сторонъ намъ рекомендовали воспользоваться пребываніемъ въ Падангѣ для экскурсіи на Падангское горное плато или, на оффиціальномъ голландскомъ языкѣ, въ страну Бовенландъ. Съ замѣчательною любезностью правительство предоставило въ наше распоряженіе салонъ-вагонъ горной желѣзной дороги, который ожидалъ насъ въ предмѣстьи Паданга Пулу-Айеръ.

Гавань Эммы является исходнымъ пунктомъ для системы узкоколейныхъ желѣзныхъ дорогъ, которыя прежде всего служатъ для доставки каменнаго угля. Этотъ послѣдній добывается на востокъ отъ озера Сингкаракъ въ окрестностяхъ верхняго теченія рѣки Умбиліенъ и нагружается на конечномъ пунктѣ желѣзной дороги въ Сава-Лунто. Каменноугольныя залежи были здѣсь открыты 1867—186 годахъ горнымъ инженеромъ де-Греве. Каменный уголь выходитъ здѣсь на поверхность многочисленными пластами толщиною до 6 метровъ и по происхожденію своему относится къ началу третичной эпохи; по качествамъ своимъ это—бурый уголь, который все же, однако, содержитъ около 77% углерода и такимъ образомъ приближается по своему составу къ черному. Де-Греве тотчасъ же понялъ значеніе своего открытія и съ большою энергіей принялся убѣждать правительство предпринять эксплоатацію этихъ неожиданно богатыхъ запасовъ угля. Въ 1872 году была отправлена подъ его начальствомъ экспедиція для изслѣдованія наиболѣе удобныхъ способовъ перевозки угля на западный берегъ. Заслуженнаго изслѣдователя постигла при этомъ трагическая судьба: лодка, съ которой производились промѣры въ рѣкѣ Квантанъ, перевернулась и де-Греве утонулъ въ бурныхъ водахъ. Экспедиція между тѣмъ убѣдилась въ томъ, что перевозка угля по рѣкамъ являлась невозможной и, такимъ образомъ, правительство пришло къ заключенію, что необходимо осуществить мысль де-Греве и создать желѣзную дорогу. Въ 1873 году инженеру Клюйзенайеру было поручено выработать проектъ желѣзнодорожнаго пути. Послѣдній могъ быть проведенъ для доставки угля въ Падангъ по двумъ направленіямъ: болѣе короткій путь могъ пройти черезъ хребетъ Баризанъ переваломъ Субангъ вышиною въ 1.123 метра, тогда какъ болѣе длинный путь можно было вести черезъ Падангъ-Пандіангъ. Въ концѣ концовъ было избрано послѣднее направленіе и желѣзная дорога построена на государственныя средства. При этомъ имѣлось въ виду, что Падангское плоскогорье принадлежитъ къ наиболѣе густо населеннымъ частямъ Суматры и представляетъ изъ себя древнѣйшую культурную страну, которой желѣзная дорога могла влить новую жизнь. Съ тою же цѣлью была проведена вѣтвь отъ Падангъ-Пандіангъ на фортъ де-Кокъ и Паякомбо. Главный инженеръ яванскихъ желѣзныхъ дорогъ Іцерманъ былъ отправленъ въ Германію, чтобы ознакомиться съ послѣдними усовершенствованіями въ устройствѣ зубчатыхъ желѣзныхъ дорогъ и затѣмъ былъ поставленъ во главѣ постройки Падангской желѣзной дороги. Въ 1887 году постройка дороги началась, въ 1892 году была открыта часть пути до форта де-Кока и незадолго до нашего прибытія вся постройка перешла въ эксплоатацію. Узкоколейная дорога эта общею длиною въ 306 километровъ и въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ имѣетъ зубчатый путь,—въ нѣкоторыхъ техническихъ отношеніяхъ она является единственной въ своемъ родѣ, особенно если принять во вниманіе трудности постройки горныхъ желѣзныхъ дорогъ подъ экваторомъ. Едва она была открыта, какъ самая трудная часть ея была разрушена водами вздувшейся вслѣдствіе дождей рѣки Аней, и пришлось перестраивать ее и даже нѣсколько отодвинуть

путь, чтобы гарантировать его отъ дальнѣйшей возможности разрушенія разливами. Что касается до подъемовъ, гдѣ желѣзная дорога переходитъ въ зубчатую, то они концентрируются главнымъ образомъ въ окрестностяхъ Падангъ-Пандіангъ. Наиболѣе высоко поднимается дорога у Котта-Бару, у подножія вулкана Мерапи; здѣсь она достигаетъ 1154 метровъ н. у. м., приближаясь такимъ образомъ къ высотѣ Сенъ-Готтардскаго туннеля. При постройкѣ пользовались и германскими матеріалами: локомотивы были изготовлены въ Эсслингенѣ, рельсы—на Крупповскихъ заводахъ. Небольшіе вагоны, сообразно съ климатическими условіями, хорошо вентилируются. Имѣются два класса, изъ которыхъ въ одномъ ѣздятъ преимущественно низшіе слои населенія, тогда какъ другимъ пользуются европейцы, богатые китайцы, зажиточные малайцы.

Трудно описать то богатство и разнообразіе ландшафтовъ и новыхъ впечатлѣній, которыя положительно подавляютъ путешественника. Перейдя черезъ изящный желѣзнодорожный мостъ, соединяющій берега рѣки Паданга, желѣзная дорога оставляетъ Падангъ къ сѣверу и идетъ черезъ богатѣйшую воздѣланную низменность Бенеденланда. Мѣстность имѣетъ характеръ парковаго ландшафта: искусственно орошаемыя рисовыя поля чередуются то съ хижинами, обсаженными пальмами и фруктовыми деревьями, то съ небольшими рощицами и болотистыми впадинами, заросшими невысокими пальмами нипа (*Nipa fruticosa*), саговыми пальмами и панданусами. Желѣзная дорога пересѣкаетъ затѣмъ нижнее теченіе рѣки Аней и приблизительно черезъ два часа по выѣздѣ поѣздъ направляется къ горамъ, надъ которыми рѣзко вырисовываются силуэты дымящагося конуса вулкана Мерапи и двойного вулкана Сингаланъ-Тандикатъ. На станціи Каютанамъ, гдѣ мѣняется локомотивъ, желѣзнодорожный путь вступаетъ въ боковую долину—въ ущелье рѣки Аней. Долина эта замыкается обрывистыми склонами горы Тандикатъ вышиною въ 2.453 метровъ; зубчатый путь, извиваясь многочисленными изгибами и пересѣкая 8 разъ рѣку Аней, направляется по ущелью, которое соединяетъ въ себѣ романтическую прелесть скалистыхъ горъ съ волшебными видами богатѣйшей тропической растительности. Склоны покрыты дѣвственнымъ лѣсомъ, въ которомъ раздаются звуки адскаго концерта гиббоновъ - сіамангов ъ (*Hylobates syndactylus*); то тамъ, то здѣсь у самой желѣзной дороги виднѣются древовидные папоротники, то одиночные, то собранные въ группы, а въ глубинѣ ущелья бѣшено несется по трахитовымъ и шиферным ъ обломкамъ скалъ рѣка Аней, берущая свое начало высоко въ горахъ. Мѣстами встрѣчаются еще остатки разрушенныхъ мостовъ и слѣды тѣхъ опустошеній, которыя были произведены здѣсь рѣкою вскорѣ послѣ открытія желѣзной дороги. Передъ глазами путника постоянно мѣняются картины, вызывающія нерѣдко невольный крикъ изумленія. То встрѣчается водопадъ, низвергающійся со скалъ недалеко отъ полотна, то сходятся тѣсно стѣны ущелья, то поражаютъ взоръ невиданные представители тропической флоры. Желѣзная дорога поднимается до 770 метровъ и оставляетъ ущелье лишь недалеко отъ Падангъ-Пандіангъ.

Падангъ-Пандіангъ представляетъ изъ себя поселеніе, не блещущее архитектурными красотами: небольшія хижинки, — четырехъугольные каменные ящики, покрытые крышами изъ волнистаго оцинкованнаго желѣза, производятъ довольно однообразное впечатлѣніе. Сопутствовавшій намъ голландскій чиновникъ объяснилъ намъ, что въ видахъ опасности отъ огня послѣднее время было предписано

*

примѣнять для крышъ желѣзо вмѣсто пальмовыхъ волоконъ. Какъ ни раціональна такая мѣра, все же должно замѣтить, что она въ значительной степени лишаетъ живописности деревни въ горахъ. Вульгарный матеріалъ этотъ не позволяетъ придать крышѣ граціозныхъ очертаній и получаются безобразные ящики, нарушающіе совер-

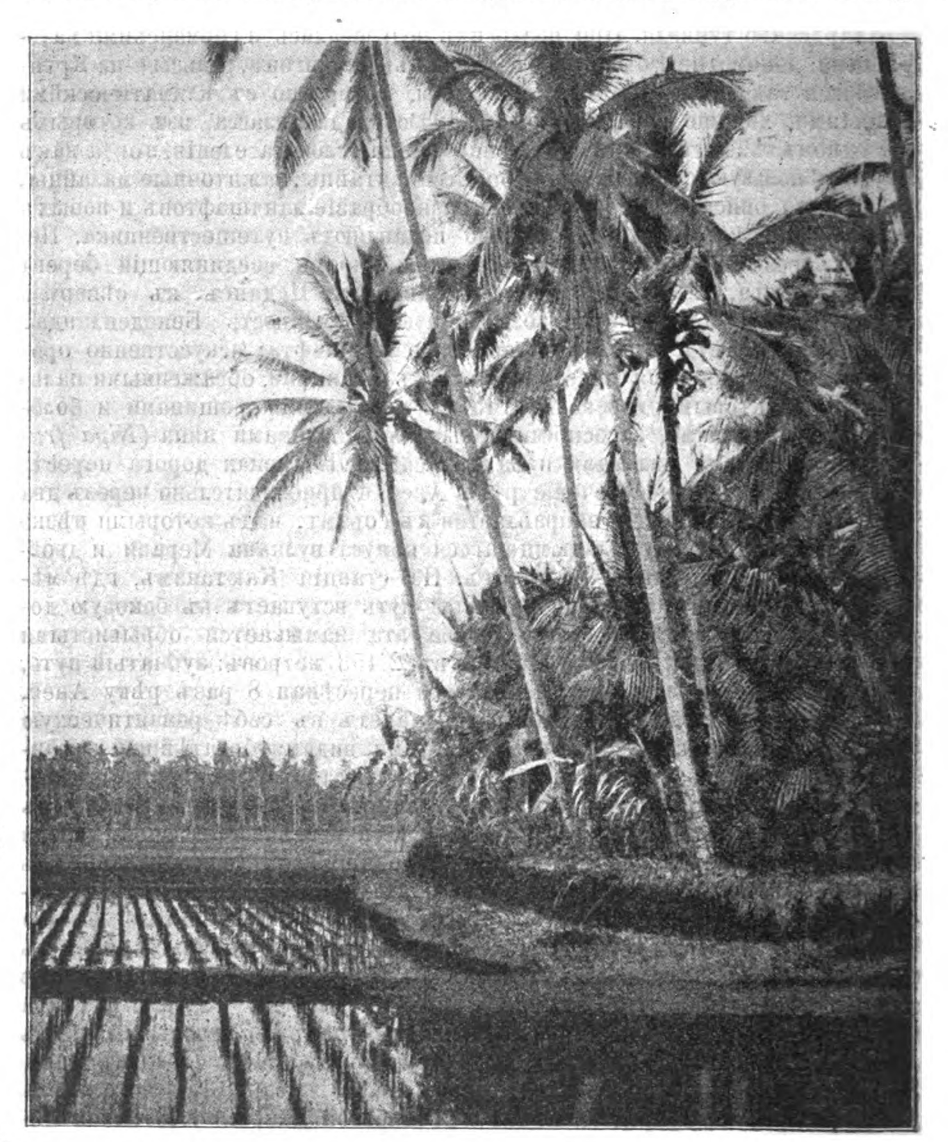

Рис. 53. Рисовыя поля и кокосовыя пальмы въ окресностяхъ Паданга.

шенно гармонію съ окружающимъ. Лишь когда приходится побродить по самымъ улицамъ поселенія, гдѣ находятся казармы и домъ начальника округа, его изящныя голландскія виллы и сохранившіяся еще коегдѣ въ неприкосновенности оригинальныя хижины туземцевъ производятъ впечатлѣніе болѣе привѣтливсе. Этому способствуетъ и удиви-

тельный видъ, открывающійся оттуда на огромный вулканъ Мерапи, который покрытъ почти до вершины лѣсомъ и отъ времени до времени испускаетъ изъ своего коническаго кратера темные столбы густого дыма.

Въ болѣе прохладномъ горномъ воздухѣ чувствуешь себя, послѣ того какъ побывалъ въ жаркой долинѣ, какъ бы возродившимся. У подножія горы можно совершить превосходную прогулку пѣшкомъ, а въ небольшой гостинницѣ «Мерапи», блещущей голландской чистотою и опрятностью, можно прекрасно устроиться. Утромъ холодный душъ изъ горной воды освѣжаетъ необыкновенно, а послѣ прогулки пріятно подкрѣпиться неизбѣжнымъ мѣстнымъ кушаньемъ—рисомъ съ пикантными приправами, которыхъ около дюжины. Вечеромъ здѣсь очень уютно сидѣть въ саду и наблюдать за движеніемъ живописной туземной толпы, пока не наступитъ ночь и не загорятся миріады свѣтящихся насѣкомыхъ, сообщающихъ окружающему невиданное великолѣпіе.

Мы надѣемся, что читатель не посѣтуетъ на насъ, если мы отъ глубинъ океана поведемъ его теперь на роскошное Падангское плоскогоріе и изложимъ всѣ полученныя нами впечатлѣнія въ одномъ общемъ очеркѣ.

Юго-западный берегъ Суматры занятъ болѣе или менѣе крутыми хребтами, которые тянутся по всей длинѣ острова параллельно другъ другу съ юго-востока на сѣверо-западъ въ три или четыре ряда. Они покрыты лѣсомъ почти до своихъ гребней и иногда пересѣкаются поперечными долинами, по которымъ шумливыя горныя рѣчки сбѣгаютъ къ берегамъ. Кое-гдѣ эти горы Баризанъ отступаютъ далѣе отъ береговъ и образуютъ расширенныя поперечныя долины, покрытыя чрезвычайно плодородной наносной почвой и отдѣляющіяся иногда отъ моря второстепенными горными хребтами. Наиболѣе широкая изъ этихъ долинъ и представляетъ изъ себя богатыя окрестности Паданга—на малайскомъ языкѣ самое слово «падангъ» означаетъ долину. Второстепенный хребетъ ея оканчивается горою Апенбергъ, сложенной изъ андезита. Надъ горными хребтами выдаются конусообразные вершины вулкановъ, изъ которыхъ 8 являются дѣйствующими и по настоящее время. Количество дѣйствующихъ вулкановъ здѣсь, впрочемъ, менѣе значительно чѣмъ на Явѣ, гдѣ имѣется ихъ 28, но зато на Суматрѣ гораздо больше потухшихъ вулкановъ—болѣе 50, такъ что по даннымъ, сообщаемымъ Фербеекомъ, на каждые 19 километровъ протяженія острова приходится въ среднемъ по одному вулкану. Самымъ высокимъ является вулканъ Индрапура, располагающійся на югъ отъ Бовенланда и достигающій 3.690 метровъ.

Мѣстами вулканическіе конусы сходятся тѣснѣе, образуя двойные вулканы, линія соединенія которыхъ направлена косо къ общему продольному направленію хребтовъ. Это наблюдается, напримѣръ, въ той части острова, которой мы дадимъ здѣсь болѣе подробную характеристику,—именно на плоскогоріи Паданга. Послѣднему сообщаетъ особый отпечатокъ вулканъ Мерапи, вышиною въ 2.891 метръ, и противолежащій ему, также дѣйствующій вулканъ Сингаланъ въ 2.890 метровъ; Сингаланъ является двойнымъ вулканомъ, такъ какъ къ нему тѣсно примыкаетъ, образуя его южную вершину, вулканъ Тандикатъ въ 2.453 метра. Эти вулканы засыпали верхнія части рѣчныхъ до-

линъ своими продуктами изверженія и образовали возвышенное плато Агамъ.

Въ прежнія времена основнымъ мѣстообитаніемъ человѣческаго рода считались всегда болѣе прохладныя плодородныя возвышенности тропической полосы, и по отношенію къ плато Агамъ такое представленіе, дѣйствительно, правильно: здѣсь находится центръ древняго государства Менангкабау, отъ столицы котораго Бреанганъ еще и по сегодня сохранились на половину вывѣтрившіяся развалины у склоновъ Мерапи. Населеніе здѣсь въ прежнія времена исповѣдывало брамапскую религію, которая по свидѣтельству Раффльса была вытѣс-

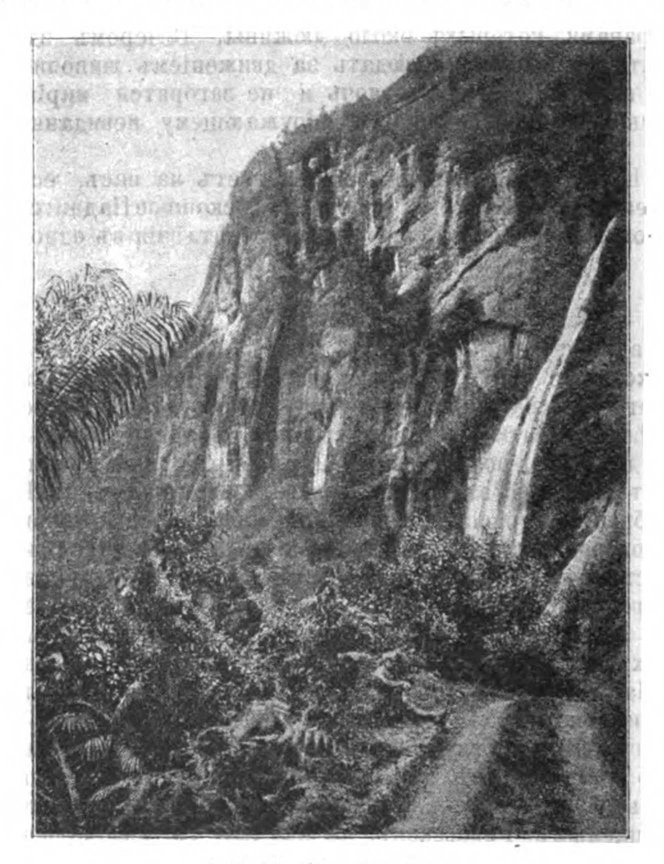

Рис. 54. Ущелье Арау.

нена лишь въ XV, по другимъ источникамъ—около конца XII столѣтія исламомъ. Установлено, во всякомъ случаѣ что въ 1160 году малайцы выселились, вслѣдствіе избытка населенія, съ возвышеннаго плато и перебрались на Малакку, откуда они распространились по всему Зондскому архипелагу. Плоскогоріе Паданга является почвой широко развитой древней культуры, отъ которой сохранились, однако, лишь очень немногіе молчаливые свидѣтели, въ видѣ развалинъ. То, что было до XII вѣка, совершенно скрывается въ историческомъ мракѣ; совершенно неизвѣстно, кто населялъ эту страну и наслаждался обильными дарами природы, разсѣянными на этихъ богатыхъ возвышенностяхъ.

Если обратиться за разъясненіемъ происхожденія падангскаго плато и большей части Суматры къ геологіи, то она можетъ сказать, что еще въ концѣ мѣлового періода суша была здѣсь покрыта моремъ и начала подниматься лишь въ самомъ началѣ третичнаго. Вулканическія изверженія пронизывали толщу основныхъ горъ изъ сланцевъ и гранитовъ, на которыхъ находились обильные осадки извести каменноугольнаго періода и девонскихъ отложеній. На этихъ слояхъ располагаются въ Бовенландѣ песчаники и мергелевые сланцы, въ которыхъ сохранились превосходно отпечатки рыбъ эоценоваго періода. Послѣ того какъ суша поднялась, она покрылась роскошной растительностью,—остатки послѣдней встрѣчаются въ видѣ пластовъ угля, располагающихся между слоями бѣдныхъ окаменѣлостями песчаниковъ, которые мощностью достигаютъ иногда 1.000 футъ. Открытіе слоевъ угля на рѣкѣ Умбиліенъ имѣло для голландской колоніи большое значеніе и, какъ было уже сказано, въ значительной степени обусловило постройку желѣзной дороги. Мѣстами слои песчаниковъ, содержащіе каменный уголь, покрыты отложеніями коралловыхъ известняковъ. На горномъ плато Агамъ, образованномъ въ значительной степени скопленіемъ вулканическихъ андезитовыхъ продуктовъ изверженія, наблюдаются по склонамъ вулкановъ Сингаланъ и Мерапи глубокія трещины, происшедшія, по всей вѣроятности, вслѣдствіе вулканической дѣятельности и затѣмъ расширенныя благодаря разрушительной дѣятельности протекающихъ по нимъ горныхъ потоковъ. Разрушающая дѣятельность воды придаетъ горнымъ плато вообще нерѣдко совершенно своеобразную физіономію; напримѣръ, въ окресностяхъ форта де-Кокъ и Паякомбо наблюдаются обширныя горныя котловины, связанныя между собою узкими ущельями. Съ другой стороны, та же дѣятельность воды обусловила возникновеніе тѣхъ горныхъ ущелій, которыя голландцами называются «клоофъ» и съ вертикальныхъ стѣнъ которыхъ нерѣдко срываются горные ручьи бурными водопадами, разбивающимися въ водяную пыль.

Такимъ образомъ получаются ландшафты, напоминающіе часто, не смотря на отличіе въ деталяхъ, тѣ виды, которые приходится наблюдать въ окрестностяхъ Берна. Правда, снѣжныя вершины здѣсь отсутствуютъ и замѣнены вулканическими конусами, но журчащіе горные ручьи, обрамленные роскошной растительностью, водопады, зеленыя поверхности полей, засѣянныхъ рисомъ, и прячущіяся межъ кустами бамбука горныя деревушки, наконецъ, этотъ свѣжій и чистый горный воздухъ—все это невольно вызываетъ въ памяти тѣ впечатлѣнія, которыя когда-то были получены въ Альпахъ. Но когда выберешься изъ глубокихъ ущелій, взоръ останавливается на вулканическихъ кратерахъ, царящихъ надъ облаками и затянутыхъ фіолетовою дымкою, на рядахъ горныхъ вершинъ хребта Баризанъ и на голубой зеркальной поверхности озера Сингкаракъ, которое выполняетъ продольную долину, примыкающую къ плоскому плато.

Вывѣтрившаяся вулканическая почва, значительная влажность воздуха и обильные осадки создаютъ въ высокой степени благопріятныя условія для богатаго и роскошнаго развитія растительности,—дѣвственный лѣсъ, однако, здѣсь оттѣсняется въ значительной степени широко развитыми культурными площадями. На первомъ планѣ стоитъ здѣсь культура риса и кава. Поля, благодаря остроумной системѣ орошенія, постоянно находятся подъ водою и голландское правительство сильно заботится объ улучшеніи орошенія. Поражаетъ та удивительная пра-

вильность, съ которою разсаживаются кустики риса совершенно прямыми рядами въ болотистой почвѣ. Рисъ, котораго туземцы различаютъ своимъ привычнымъ глазомъ не менѣе 14-ти сортовъ, собирается съ полей два раза въ годъ и нерѣдко до сихъ поръ вымолачивается самымъ примитивнымъ способомъ прямо ногами людей. Тутъ же находятся плантаціи сахарнаго тростника, посреди которыхъ, прячась въ ихъ зелени, располагаются мельницы для размалыванія тростника. Мельницы эти приводятся въ движеніе буйволомъ съ завязанными глазами, который припрягается къ горизонтальному стержню и ходитъ по кругу; онъ приводитъ въ движеніе вертикальный валъ, на которомъ находятся выдающіеся спиральные обороты, входящіе между такими же оборотами другого вала. Между этими валами вкладываются стебли тростника и выжимаемый сокъ собирается въ подставленные плоскіе сосуды.

Какъ на низинахъ, такъ и на возвышенномъ Бовенландѣ богато

Рис. 55. Рисовыя поля, расположенныя террасами.

развиты среди растительности пальмы. Нерѣдко здѣсь встрѣчается сахарная пальма (*Arengo saccharifera*), лубяныя волокна которой служатъ матеріаломъ для крышъ и хижинъ, тогда какъ надрѣзанныя грозди цвѣтовъ ея даютъ высоко цѣнимый здѣсь сладкій сокъ. Рѣже встрѣчаются пальмы пинангъ (*Areca catechu*), плоды которыхъ жуются какъ бетель, и пальма *Caryota urens* со своими листьями, похожими на листья папоротника. Господствующее положеніе, однако, занимаетъ здѣсь кокосовая пальма (*Cocos nucifera*), которая достигаетъ необыкновенной высоты и образуетъ иногда настоящіе лѣса. Все плато производитъ впечатлѣніе парка, гдѣ зеленыя поверхности полей прерываются рощами, окружающими деревни. Роскошные кусты бамбука и вмѣстѣ съ ними гигантскія фруктовыя деревья, между листвой которыхъ свѣшиваются плоды—дуріанъ, манго и мангустаны, иногда совершенно скрываютъ отъ взоровъ хижины туземцевъ, которыя замѣчаешь лишь

подходя къ нимъ совершенно близко. Картина этой расстительности оживляется еще эритринами, кассіей, съ ея красными литьями на концахъ вѣтвей, и древовидными папоротниками, которые придаютъ столько прелести тропическому лѣсу.

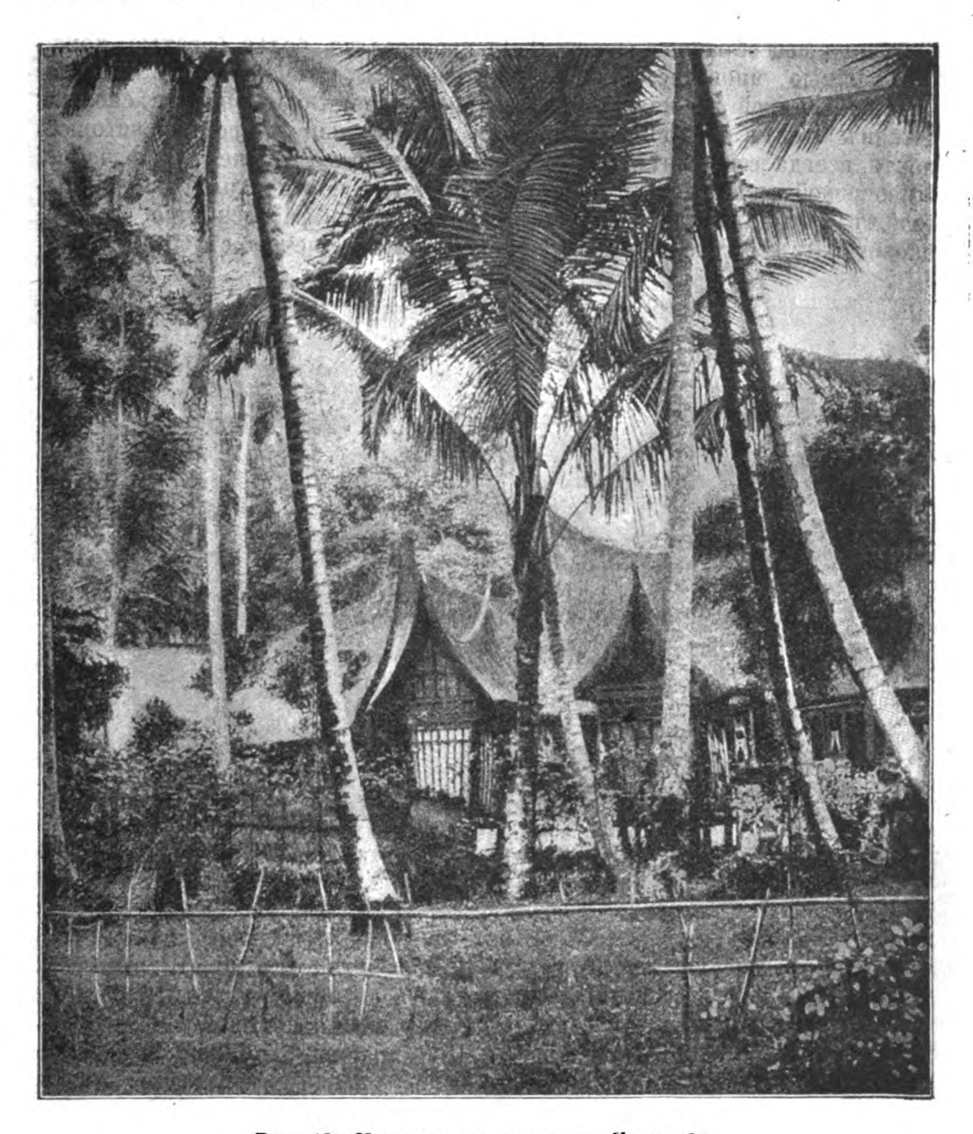

Рис. 56. Хижины туземцевъ въ Паякомбо.

Человѣкъ, повидимому, задался здѣсь цѣлью еще увеличить то чарующее впечатлѣніе, которое производитъ природа на чужестранца и придалъ своимъ постройкамъ изящныя, положительно художественныя очертанія, какихъ не найти нигдѣ больше на всемъ Малайскомъ архипелагѣ. Хижины туземцевъ стоятъ всѣ на бамбуковыхъ сваяхъ и полъ ихъ находится, по крайней мѣрѣ, на 5 футахъ высоты надъ землею. Крыша спускается очень низко и уже издали бросается въ глаза

своими изящно изогнутыми очертаніями. Веранды вокругъ домовъ нѣтъ, но зато у богатыхъ малайцевъ, по крайней мѣрѣ, стѣны домовъ украшены чрезвычайно красиво вырѣзанными арабесками яркихъ цвѣтовъ и съ блестящими металлическими орнаментами. Окна относительно малы, точно также не велика и дверь, къ которой ведетъ лѣстница. Особенно своеобразное впечатлѣніе производятъ болѣе богатые дома, окруженные многочисленными пристройками, изъ которыхъ каждая украшена такой же изящно изогнутой крышей. Обыкновенно нѣсколько хижинъ стоятъ вмѣстѣ и образуютъ деревню или «кампонгъ», который почти всегда содержитъ мечеть или «миссигитъ», также чрезвычайно живописной архитектуры. Очертанія мечети у основанія квадратны затѣмъ крутой пирамидой поднимается крыша и расчленяется на нѣсколько этажей. Смотря по богатству кампонга, мечеть съ большей или

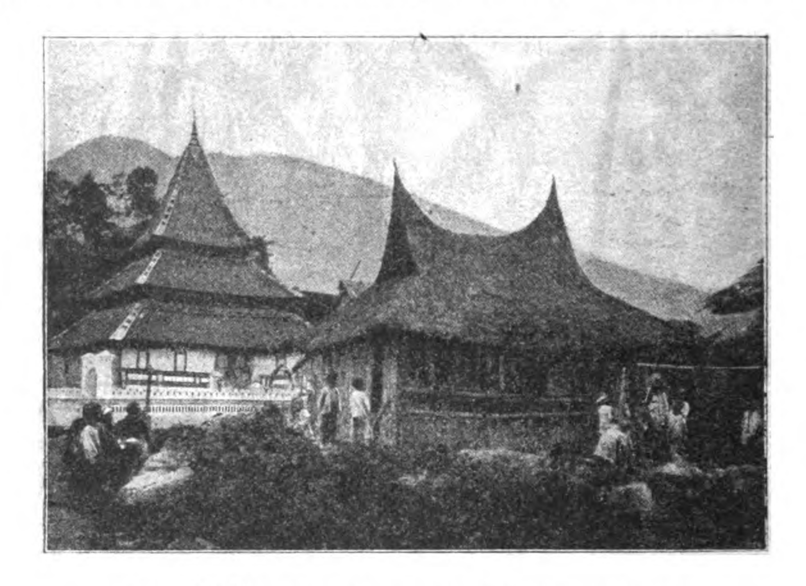

Рис. 57. Мечеть и обыкновенный домъ туземцевъ.

меньшей роскошью украшается снаружи арабесками, вырѣзанными или въ мраморѣ, или въ деревѣ. Часто по близости отъ мечети или отъ хижинъ деревни располагаются пруды, въ которыхъ разводится рыба. Кромѣ того, почти въ каждой болѣе или менѣе крупной деревнѣ находится нѣчто въ родѣ клуба, такъ называемый «балей» представляющій изъ себя въ большинствѣ случаевъ длинную постройку, замѣтную издали по отверстіямъ въ стѣнахъ.

Очень украшаютъ деревни находящіяся около каждаго дома кладовки для храненія риса—это квадратныя постройки на высокихъ столбахъ, расширяющіяся кверху, увѣнчанныя также выгнутой крышей и украшенныя пестрыми орнаментами. Онѣ выглядятъ, положительно, кокетливо. Врядъ ли найдется гдѣ-нибудь еще на земномъ шарѣ такая деревня, въ которой церковь, клубъ, обыкновенныя хижины и даже простыя кладовки отличались бы такою художественностью выполненія, какъ въ кампонгахъ Бовенланда!

Архитектура домовъ и расположеніе ихъ большими или маленькими деревнями были бы врядъ ли для насъ понятны, если бы мы не ко-

снулись также въ высшей степени своеобразныхъ соціальныхъ условій Бовенланда.

Главная основа малайскаго государства — тѣснѣйшія семейныя узы нигдѣ не выливаются въ такія древнія формы, какъ именно здѣсь на плоскогорьи. Каждый домъ, малъ онъ или великъ, представляетъ изъ себя жилище отдѣльной семьи, въ которомъ обитаютъ не только ближайшіе члены этой семьи, но и болѣе далекіе родственники. Средняя большая комната у самаго входа служитъ мѣстомъ собранія всѣхъ обитателей, гдѣ въ то же время спятъ дѣти и не женатые члены семьи, тогда какъ боковыя помѣщенія, которыхъ не болѣе 6-ти, занимаются женатыми. Въ виду того, однако, что количество членовъ семьи нерѣдко переходитъ границы, полагаемыя помѣщеніемъ, вблизи первоначальнаго дома пристраиваются другіе дома той же семьи и, въ концѣ концовъ, получается уже небольшая деревенская община, которая и носитъ названіе «кампонга». Главою каждаго семейнаго союза является «пангулу»—по большей части старшій братъ матери, которому всѣ остальные члены семьи выказываютъ глубочайшее уваженіе. Самый старшій изъ пангулу избирается старостой деревни и, наконецъ, старшій изъ старостъ является начальникомъ района, такъ называемаго «кота», объединяющаго нѣсколько деревень.

Рис. 58. Кладовка для риса.

Точно такъ же сильно развиты у обитателей плоскогорія родовыя связи. Всѣ малайцы Бовенланда, и даже нѣкоторыхъ другихъ прилегающихъ горныхъ областей, раздѣляются на нѣсколько родовъ или «сукусовъ», которые считаютъ себя происшедшими не отъ общаго родоначальника, а отъ одной родоначальницы. Всѣ члены одного сукуса отвѣтственны за дѣйствія другихъ своихъ сочленовъ. Ихъ «пангулу» образуютъ совѣтъ округа или «лара», который рѣшаетъ всѣ судебныя дѣла, согласно со своимъ древнимъ обычнымъ правомъ. Голландское правительство поступило очень умно, сохранивъ эти старинныя отношенія: оно создало себѣ съ теченіемъ времени очень преданныхъ малайскихъ чиновниковъ, путемъ утвержденія предсѣдателей этихъ совѣтовъ, которымъ оно даже платитъ жалованье. При нашемъ посѣщеніи Падангъ-Пандіанга тамъ былъ какъ разъ одинъ такой предсѣдатель лара.

Для голландскихъ чиновниковъ, въ особенности для такъ называемыхъ контролеровъ, принужденныхъ жить въ самой глуши страны, довольно трудно вникнуть во всѣ тѣ сложныя взаимоотношенія, которыя созданы древнимъ правомъ страны—несмотря на свою принадлежность къ исламу, туземцы все же держатся очень крѣпко за старинные порядки. Надо имѣть много знанія народа и такта, чтобы поддерживать дружественныя отношенія съ этими представителями совершенно иной расы и достигать того, чтобы вліятельные предсѣда-

тели лара являлись не болѣе, какъ посредниками между туземнымъ населеніемъ и европейскими правителями.

Между всѣми особенностями старинныхъ правовыхъ порядковъ ни одна не поражаетъ такъ европейца, какъ матріархатъ. Слѣды его встрѣчаются у самыхъ различныхъ народностей, но нигдѣ онъ не облеченъ въ такія прочныя и древнія формы, какъ здѣсь на плоскогоріи. Подобно тому, какъ отдѣльные роды или сукусы производятъ себя отъ одной родоначальницы, такъ и вообще всѣ родственныя отношенія и степени родства опредѣляются по отношенію къ матери. Не отецъ, а мать является центромъ семьи; семья въ тѣсномъ смыслѣ слова образуется изъ родственниковъ съ материнской стороны. Старшій братъ матери или старшій сынъ брата ея избирается въ пангулу и при всѣхъ возведеніяхъ въ высшій рангъ принимается во вниманіе всегда родство по отношенію къ матери. Мужъ никогда не принимается въ семейный союзъ своей жены—онъ остается членомъ своего «суку», отъ котораго произошелъ. Очень мудрымъ является установленіе, что члены одного и того же суку не могутъ вступать въ бракъ между собою. Супружескія узы при такихъ условіяхъ являются относительно не особенно прочными. Лишь первое время послѣ женитьбы живетъ молодой мужъ со своей женой и помогаетъ ей при работахъ на рисовыхъ поляхъ, тогда какъ позднѣе онъ снова трудится на пользу своей собственной семьи, т. е. своихъ сестеръ, и дѣтей сестеръ и посѣщаетъ лишь на короткое время свою жену и дѣтей. Количество остроконечныхъ верхушекъ на крышѣ дома указываетъ на число замужнихъ дочерей. Дѣти обыкновенно проявляютъ гораздо большую нѣжность къ главѣ семьи, т. е. въ большинствѣ случаевъ къ своему дядѣ, чѣмъ къ своему отцу, связь съ которымъ у нихъ менѣе тѣсная.

Рис. 59. Знатные малайцы въ національномъ костюмѣ.

Рука объ руку съ матріархатомъ развивалось и право наслѣдованія. Замѣтимъ здѣсь лишь въ общихъ чертахъ, что состояніе жены и дѣтей достается по смерти ихъ семейству жены, а не мужа. Мужъ, въ свою очередь, можетъ отказать своимъ дѣтямъ нѣкоторую часть имущества,—часть, которая была добыта его собственными трудами, но обязанъ оставить другую часть своимъ сестрамъ и ихъ дѣтямъ. «Женщины здѣсь на западномъ берегу распоряжаются имуществомъ гораздо болѣе, чѣмъ мужчины», говорили намъ голландцы. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ это, пожалуй, вѣрно, но, съ другой стороны, нельзя упускать изъ виду, что

наибольшая доля при дѣлежѣ наслѣдства приходится все же мужскимъ родственникамъ матери,—именно, братьямъ ея и дядямъ съ материнской стороны. Во всякомъ случаѣ, очень любопытно, что даже исламъ не былъ въ состояніи повліять на значеніе и положеніе женщины въ свойственномъ ему смыслѣ и не обусловилъ появленія полигаміи.

Что касается до характера малайцевъ Бовенланда, то о немъ трудно судить тому, кто пробылъ между ними такое короткое время. Бросается, во всякомъ случаѣ, въ глаза тотъ свободный и самоувѣренный способъ обращенія ихъ съ чужестранцами, который является полною противоположностью къ раболѣпію яванцевъ. На ряду съ этимъ, всѣ рѣшительно голландскіе чиновники и всѣ, кто знакомъ съ народомъ, указываютъ на то, что основной недостатокъ малайской расы, именно врожденная лѣность, свойственна обитателямъ плоскогорья въ особенно сильной степени. Возможно, что это стоитъ въ связи со своеобразнымъ обычнымъ правомъ и съ сильнымъ развитіемъ родственныхъ связей населенія, что обусловливаетъ невозможность развитія пролетаріата. Нельзя отрицать, однако, что тѣ же причины породили и дурныя послѣдствія, напримѣръ, развитіе кровавой мести. Далѣе говорятъ о нихъ, что они фальшивы и злопамятны, безнравственны и вѣроломны, но, съ другой стороны, опять-таки вполнѣ компетентные знатоки этой народности прославляютъ ея честность, свободный образъ мыслей и глубокій патріотизмъ. Въ оффиціальномъ отчетѣ о постройкѣ желѣзной дороги приводится въ качествѣ доказательства хорошихъ нравственныхъ качествъ населенія, что при отчужденіи безчисленнаго количества участковъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ, не происходило никакихъ крупныхъ недоразумѣній. При этомъ переговоры съ главами семействъ, правда, въ виду сложныхъ условій владѣнія, затягивались обыкновенно на долгое время, тѣмъ болѣе, что туземцы по природѣ своей врожденные адвокаты. Работать на постройкѣ желѣзной дороги они не соглашались и пришлось привезти для этой цѣли яванцевъ, китайскихъ кули и ніасцевъ, которые и принялись усердно за работу. Лишь мало-по-малу стали поступать на работу и малайцы, и оказалось, что они работаютъ не хуже другихъ.

Обитатели плоскогорья, во всякомъ случаѣ, не являются фанатичными приверженцами ислама, хотя при случаѣ фанатизмъ и проявляется иногда, преимущественно у хаджи, т.-е. пилигримовъ, ходившихъ въ Мекку. Мнѣ самому случилось видѣть въ лазаретѣ форта де-Кокъ одного хаджи, который впалъ въ религіозное помѣшательство и, въ виду его опасности для общества, содержался въ изолированной камерѣ.

Въ началѣ столѣтія среди обитателей плоскогорья проявилась значительная порча нравовъ, выразившаяся въ усиленіи азартной игры, въ высокихъ ставкахъ на пѣтушиныхъ бояхъ, въ развитіи куренія опіума и въ грабежахъ и убійствахъ. Это послужило поводомъ къ возникновенію религіозной секты «падріевъ», которая съ жесточайшимъ деспотизмомъ пыталась реформировать всю страну и распространить свою власть на сосѣднія области Батта, опустошивъ ихъ самыми безчеловѣчными войнами. Сильный гнетъ, оказываемый этой сектой на всю страну, побудилъ голландское правительство вступиться. Голландцы были призваны на помощь однимъ изъ туземныхъ вождей и начали борьбу, длившуюся съ 1823 по 1838 годъ и выразившуюся въ цѣломъ рядѣ битвъ, въ которыхъ были увѣнчаны славою голландскіе полководцы Раафъ, Кохіусъ и Михіельсъ.

Въ настоящее время кое-гдѣ вспыхиваетъ еще иногда глухая ненависть среди представителей падріевъ, но въ общемъ голландское правительство обезпечило себѣ болѣе или менѣе мирное обладаніе Бовенландомъ. Оно не упускаетъ ни одого случая вліять на населеніе воспитательнымъ образомъ и развивать туземцевъ, несомнѣнно, даровитыхъ уже отъ природы. Даровитость эта сказывается въ архитектурѣ домовъ и въ художественныхъ украшеніяхъ ихъ и проявляется еще болѣе въ удивительной способности туземцевъ къ различному тонкому тканью, вышиванію, плетенію и филиграннымъ работамъ. Кому приходилось любоваться на базарѣ форта де-Кокъ изумительнѣйшими произведеніями чеканки по золоту, выполненной чрезвычайно примитивными инструментами, у того не останется никакого сомнѣнія въ томъ, что народности этой свойственны большіе таланты, пока находящіеся въ скрытомъ состояніи. Точно также вызываютъ изумленіе знатоковъ ихъ тонкія плетеныя работы изъ листьевъ пандануса и художественныя вышивки.

Чрезвычайно интересно наблюдать за жизнью и движеніемъ этой пестрой толпы туземцевъ, постоянно жизнерадостныхъ и не упускающихъ ни одного случая попраздновать, покочевать съ базара на базаръ, пошутить и посмѣяться, устроить пѣтушиный бой или состязаніе въ бѣгѣ. При какомъ-нибудь торжественномъ событіи, напримѣръ, при свадьбѣ, приходится любоваться чрезвычайно живописными нарядами, удивляющими почти чрезмѣрной роскошью. Серьезныя лица стариковъ, у которыхъ малайскій типъ выражается особенно рѣзко выдающимися скулами, короткимъ и широкимъ носомъ и болѣе или менѣе толстыми губами при очень слабомъ развитіи бороды, составляютъ полный контрастъ съ пріятными и красивыми лицами черноволосыхъ дѣвушекъ, съ плутовскими черными глазами, блестящими изъ-подъ темныхъ бровей. Женщины Солока и Паякомбо славятся своей красотой, и дѣйствительно мы встрѣчали на базарѣ въ Паякомбо лица, которыя выдержали бы сравненіе и съ европейскими красавицами.

Рис. 60. Малайская дѣвушка-невѣста.

Для тѣхъ, кто видѣлъ дикарей одной только Африки, прямо составляетъ удовольствіе познакомиться съ этимъ туземнымъ населеніемъ, которое своей культурой и своей пріятной внѣшностью такъ рѣзко отличается отъ животной первобытности негровъ. Нашъ чернокожій слуга Матью возбуждалъ здѣсь всеобщій интересъ между туземцами—большинство изъ нихъ никогда не видало негра, но всѣ слышали о своихъ прежнихъ битвахъ въ долинѣ Атье, когда голландцы нанимали на свою службу негровъ, пользовавшихся дурною славою у малайцевъ. Въ гостинницахъ слуги малайцы постоянно спрашивали, чѣмъ накормить этого «орангъ-хитамъ» и гдѣ ему устроить постель. Когда же я имъ объяснялъ, что онъ имѣетъ

обыкновеніе ежедневно съѣдать по одному малайцу, то уваженіе къ нему возрастало до невѣроятной степени.

Между всѣми мѣстностями Падангскаго плоскогорія фортъ де-Кокъ и Паякомбо славятся особенно не только своими природными красотами, но и въ высшей степени благопріятными санитарными условіями. Фортъ де-Кокъ располагается на 922 метра надъ уровнемъ моря, въ центрѣ плато Агамъ, и имѣетъ видъ довольно привѣтливой группы виллъ, которыя сгруппировались съ теченіемъ времени вокругъ прежняго форта. Остатки этого форта съ окружающимъ его валомъ превращены теперь въ красивый садъ, откуда открывается превосходный видъ на вулканы Мерапи и Сингаланъ на югѣ, на сильно изрѣзанный гребень горъ Камангъ на сѣверѣ и востокѣ и на кратерное озеро Манинджу на западѣ, также окруженное горами. Здѣсь располагается гарнизонъ, состоящій изъ одного батальона, который какъ разъ во время нашего прибытія производилъ свои военныя экзерциціи. Какъ туземные босоногіе солдаты, такъ и европейскія войска, и горная артиллерія производили вполнѣ благопріятное впечатлѣніе.

Особенно привлекъ наше вниманіе лазаретъ барачной системы. Мы были пріятно поражены, найдя во главѣ этого учрежденія опять-таки своего соотечественника, баварца, д-ра Прейтнера, человѣка уже преклонныхъ лѣтъ, встрѣтившаго насъ съ самой любезной предупредительностью и показавшаго свой лазаретъ во всѣхъ деталяхъ. Въ лазаретъ этотъ принимаются также и туземцы, но, главнымъ образомъ, онъ былъ занятъ выздоравливающими изъ долины Атье. Когда входитъ врачъ въ помѣщеніе больныхъ, всѣ малайцы, которые только могутъ, поднимаются съ постели и садятся, скрестивъ ноги. Мы имѣли здѣсь возможность познакомиться съ больными бери-бери, поражавшими ужасающею худобою и характернымъ для этой болѣзни истощеніемъ мышцъ. Этіологія бери-бери сводится въ настоящее время на бактеріальную почву, но не выяснена вполнѣ; извѣстно лишь, что для исцѣленія болѣе тяжелыхъ случаевъ нѣтъ другого средства, какъ переведеніе въ другую мѣстность изъ славящейся этою болѣзнью области Атье. То же самое можно сказать и относительно больныхъ маляріей, которые составляютъ между паціентами больницы также значительный процентъ. Малярія—это настоящій бичъ всего архипелага и санитарныя условія каждой мѣстности опредѣляются въ значительной степени частотою и интенсивностью малярійныхъ заболѣваній. Въ виду того, что лишь статистическія свѣдѣнія военныхъ госпиталей даютъ намъ возможность судить о распространеніи маляріи, позволимъ себѣ замѣтить, что именно область Атье замѣчательна тѣмъ, что въ началѣ 80-хъ годовъ здѣсь каждый европейскій солдатъ заболѣвалъ, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ маляріей. Въ настоящее же время, какъ сообщилъ мнѣ голландскій военный врачъ д-ръ Эрни, условія здѣсь измѣнились, и заболѣваетъ лишь половина солдатъ, а изъ туземныхъ войскъ лишь одна четверть.

Голландское правительство прилагало всѣ усилія къ тому, чтобы познакомить населеніе съ благотворнымъ вліяніемъ хинина. По порученію голландскаго министра колоній Пагуда, отправился въ Перу, въ 1853 году ботаникъ Гаскарль; послѣ многихъ приключеній, ему удалось, несмотря на строгое запрещеніе перуанскаго правительства, вывезти оттуда тайкомъ нѣсколько сотъ молодыхъ хинныхъ деревьевъ и посадить ихъ въ подходящихъ мѣстностяхъ горныхъ возвышенностей Явы на 1.500—2.000 метровъ надъ уровнемъ моря. Черезъ 10 лѣтъ,

деревья эти превосходно развившіяся и размножавшіяся отсадками, приносили уже огромный доходъ и обусловили значительное паденіе цѣны хинина, который ранѣе продавался чуть не на вѣсъ золота. Несмотря на свое недовѣріе къ европейскимъ лекарствамъ, малайцы вскорѣ привыкли къ употребленію хинина, предоставлявшагося имъ даромъ, и благотворные результаты этого сказались въ скоромъ времени. Все же, однако, въ болѣе тяжелыхъ случаяхъ единственнымъ средствомъ спасенія является перенесеніе больного на берегъ моря или въ санаторіи, устроенныя на большей высотѣ.

Въ виду этого въ голландскихъ колоніяхъ возникла система эвакуаціи больныхъ, являющаяся единственной въ своемъ родѣ по широкому и общему примѣненію ея. Приблизительное понятіе о ней могутъ дать слѣдующія цифры: въ 1897 году во всѣхъ госпиталяхъ архипелага пользовалось леченіемъ не менѣе 60.431 больного и изъ 17.692 было переведено въ горныя области Явы и Суматры.

Для Суматры важенъ, прежде всего, въ этомъ отношеніи фортъ де-Кокъ. Прохладный горный воздухъ дѣйствуетъ положительно чудодѣйственно на больныхъ малярiей и бери-бери: аппетитъ повышается, сонъ становится спокойнѣе, восстановляется эластичность походки и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ наступаетъ полное выздоровленіе. Больные здѣсь нуждаются, однако, въ особой заботливости, такъ какъ разницы между полуденной и вечерней температурой очень значительны и при томъ холодные вѣтры, дующіе съ вулкановъ Мерапи и Сингаланъ, дѣлаютъ возможной простуду.

Больше всего больныхъ въ области Атье, откуда они изъ большого лазарета Котта-Раджа доставляются моремъ въ Падангъ, гдѣ значительная часть помѣщается въ мѣстномъ лазаретѣ. Полковникъ Кунертъ показывалъ мнѣ этотъ огромный лазаретъ, состоящій изъ множества бараковъ—въ немъ помѣщается иногда не менѣе 3.000 больныхъ. Лазаретъ этотъ покрываетъ цѣлую часть города, черезъ которую проведенъ ручей для удаленія нечистотъ. Изъ этого лазарета больные, нуждающіеся въ горномъ воздухѣ, перевозятся частью въ лазаретъ Каютанама, частью въ фортъ де-Кокъ и Паякомбо по желѣзной дорогѣ. Если и тамъ не послѣдуетъ выздоровленія, то офицерамъ и чиновникамъ предоставляется взять двухъ-мѣсячный отпускъ и отправиться въ Европу. Такой отпускъ разрѣшается и вообще всѣмъ чиновникамъ, прослужившимъ 12 лѣтъ.

Въ фортѣ де-Кокъ имѣется наиболѣе значительный базаръ на плоскогоріи, гдѣ какъ разъ во время нашего пребыванія царило большое оживленіе. По базарной площади двигалась пѣшая толпа и нагруженныя телѣги, женщины по большей части тащили тяжелыя ноши, тогда какъ мужчины лишь рѣдко обременяли себя и самое большое носили съ собою въ изящно сплетенныхъ клѣточкахъ голубей и птицу бео. Тяжелыя телѣги съ устроенной надъ ними крышей были запряжены буйволами «карбау» или длиннорогими зебу. Здѣсь мы имѣли наилучшій случай убѣдиться въ томъ, какъ любятъ малайцы пестрые и бросающіеся въ глаза наряды. Нерѣдко встрѣчается уже здѣсь и европейскій костюмъ, но и въ этомъ случаѣ никогда не отсутствуетъ саронгъ, либо набрасываемый на бедра, либо перекидываемый черезъ плечо. Головнымъ уборомъ служитъ для мужчинъ платокъ, свернутый тюрбаномъ, или простой соломенный колпакъ, или же, при дождливой погодѣ, широкополыя, заостренныя и сплетенныя изъ пальмовыхъ листьевъ шляпы, тогда какъ женщины носятъ шелковые платки, а въ

праздникъ надѣваютъ чрезвычайно оригинальный головной уборъ съ серебряными и золотыми филиграновыми украшеніями. Большею частью верхняя часть тѣла прикрывается плотно обхватывающею черной одеждой, поверхъ которой у болѣе богатыхъ набрасывается шелковый, роскошно вышитый саронгъ, спускающійся красивыми складками.

Недавно открытая вѣтвь желѣзной дороги ведетъ отъ форта де-Кокъ далѣе до Паякомбо. Поѣздъ бѣжитъ по долинѣ, покрытой рисовыми полями, усѣянной деревушками и замыкающейся на югѣ вулканомъ Саго вышиною въ 2.080 метровъ. Мѣстами поѣздъ входитъ

Рис. 61. Мечеть въ фортѣ де-Кокъ.

въ живописныя ущелья, ограниченныя невысокими горами и затѣмъ снова вступаетъ въ широкія котловины, покрытыя лѣсомъ кокосовыхъ пальмъ. Лишь на коралловыхъ островахъ Индійскаго архипелага встрѣчаются столь же сильно разрастающіеся кокосовые лѣса, какъ здѣсь на плоскогоріи въ окрестностяхъ Паякомбо. Само это мѣстечко располагается на высотѣ 514 метровъ и обладаетъ болѣе мягкимъ климатомъ, чѣмъ фортъ де-Кокъ. Дома всѣ тонутъ въ зелени кокосоваго лѣса, широкія улицы прорѣзаютъ его по всѣмъ направленіямъ, большіе мосты перебрасываются черезъ рѣку Агамъ. Закрытыя зеленью

кустарниковъ и банановъ и затѣненныя листвою деревьевъ теакъ (*Tectona grandis*), которыя были здѣсь посажены по обѣ стороны улицы специально для тѣни, мечети и хижины туземцевъ кажутся прелестными игрушками, разбросанными для украшенія въ грандіозномъ тропическомъ паркѣ.

Особенно привлекаютъ взоръ двѣ гигантскія варингіи (*Ficus indica*), находящіяся на базарѣ, съ вѣтвей ихъ спускаются цѣлыми завѣсами воздушные корни,—ихъ постоянно обрѣзаютъ, такъ что дерево не можетъ укорениться ими въ землѣ.

Во время нашего двухдневнаго пребыванія въ Паякомбо, мы не преминули совершить экскурсію въ одно изъ ущелій, какія являются столь характерными для падангскаго плоскогорія,—до этого ущелья Арау мы безъ труда добрались въ два часа въ легкой малайской повозкѣ. Хижины этой густо заселенной равнины кажутся болѣе бѣдными, но ландшафтъ развертывается чрезвычайно своеобразный и красивый. На краю равнины вертикально обрываются стѣны скалъ и въ одномъ мѣстѣ онѣ сходятся ближе одна съ другою и образуютъ узкое ущелье. Стѣны эти поднимаются на 300 метровъ высоты и образованы горизонтальными слоями, слежавшихся въ брекчію осадковъ, которые пронизаны многочисленными вертикальными коралловыми рифами. Со стѣнъ сбѣгаетъ множество водопадовъ, изъ нихъ одинъ, образованный ручьемъ Батангъ-Арау, сильно напоминаетъ нашъ Штаубъ-бахъ. Водопады эти, низвергаясь съ высоты, снабжаютъ водою рисовыя поля, которыя простираются до самаго входа въ ущелье. (рис. 54).

Въ одномъ мѣстѣ отвѣсныя стѣны сходятся между собою на 20 метровъ, далѣе онѣ опять расходятся и образуютъ вытянутую въ длину впадину, гдѣ раздается отъ произведеннаго выстрѣла многократное эхо. Лишь у расширеннаго входа въ ущелье располагается нѣсколько бѣдныхъ туземныхъ хижинъ, почти закрытыхъ зеленью большихъ фруктовыхъ деревьевъ. Всюду, гдѣ только можетъ найти себѣ опору, развивается на обрывахъ богатѣйшая растительность ползучихъ папоротниковъ (*Lygodium*), меластомацей съ красными цвѣтами и широколистныхъ цингеберацей. Почва покрыта широко распространенными въ тропикахъ папоротниками изъ семейства *Gleicheniaceae*, между которыми выдѣляется также распространенный по всему свѣту орлякъ и роскошные древовидные папоротники (*Cyathea*). Надъ цвѣтами порхаютъ пестрыя бабочки, и между ними особенно выдѣляются своею красотою представительницы рода *Ornithoptera*—на первый взглядъ кажется, что поймать ихъ очень легко, но при малѣйшей попыткѣ оказывается, что это дѣло трудное, тѣмъ болѣе, что роскошная растительность не позволяетъ сдѣлать ни шагу въ сторону отъ тропинки.

Нагорная часть Суматры производитъ сильнѣйшее впечатлѣніе на каждаго, даже если ему и не приходилось только что испытать всѣ прелести плаванія въ антарктическихъ водахъ. И для натуралиста и для интересующагося соціальными условіями найдется въ этой странѣ много привлекательныхъ задачъ. Кто желаетъ познакомиться съ тропическими странами и ихъ обиліемъ жизни, тому вполнѣ можно порекомендовать эти плоскогорія Явы и Суматры, гдѣ путешествовать можно гораздо безопаснѣе, чѣмъ въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ. Нигдѣ, впрочемъ, контрасты не являются такими рѣзкими, какъ на Суматрѣ. На сѣверѣ плоскогоріе примыкаетъ къ странѣ баттаковъ,

которые еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ занимались каннибализмомъ; на югѣ и на востокѣ простираются обширныя, едва изслѣдованныя области, самостоятельность которыхъ признана самимъ голландскимъ правительствомъ, наконецъ, на западъ отъ Паданга лишь въ полуднѣ пути, располагается самый большой изъ остр)вовъ—Ментавей, туземцы котораго встрѣчаютъ чужестранцевъ отравленными стрѣлами.

Освѣженные и почти опьяненные райскими ландшафтами плоскогорія, возвратились мы въ жаркую гавань Эммы, куда за это время пришло еще одно германское судно—крейсеръ «Буссардъ». Въ знакъ признательности, мы дали представителямъ голландскаго правительства вечеромъ передъ отходомъ «Вальдивіи» банкетъ, на которомъ съ особымъ воодушевленіемъ былъ принятъ тостъ за здоровье голландской королевы. Гостей нашихъ мы проводили съ музыкой до экстреннаго поѣзда въ Падангъ, который отошелъ, однако, съ опозданіемъ въ 4 часа.

ГЛАВА XIV.

Острова Ментавей.—Туземцы.—Островъ Ніасъ.—Атье.—Работы на глубинахъ.

Въ понедѣльникъ 30-го января, въ 6 часовъ утра мы подняли якорь и вышли изъ гавани Эммы, направляясь къ сѣверной оконечности самаго бóльшаго изъ островов Ментавей—острова Сиберутъ. Море было гладко, какъ зеркало, и когда мы обогнули Апенбергъ и множество мелкихъ рифовъ и островковъ, располагающихся передъ Падангскимъ рейдомъ, передъ нами раскрылся чрезвычайно красивый видъ на хребетъ Баризанъ съ господствующими надъ нимъ вулканами Сингаданъ и Мерапи. На сѣверѣ въ легкой дымкѣ виднѣлся вулканическій конусъ Пазаманъ или гора Офиръ, о которой существуетъ столько преданій. Трудно сказать, почему именно сюда относятъ страну Офиръ, изъ которой царь Соломонъ получалъ на корабляхъ золото, драгоцѣнные камни и сандаловое дерево. Прежде считали гору Офиръ значительно выше, чѣмъ она оказалась въ дѣйствительности (3.000 метровъ), точно также не оправдались и ожиданія найти на Суматрѣ богатыя розсыпи золота. Правда, въ области первозданныхъ породъ существуютъ розсыпи, гдѣ промывается золото туземцами, но добыча его настолько незначительна, что до сихъ поръ Суматра не оправдываетъ даваемаго ей по традиціи названія страны золота.

Наши дальнѣйшія изслѣдованія были посвящены той части моря, которая располагается между юго-западнымъ берегомъ Суматры и находящимся передъ нею рядомъ островов. Острова эти частью довольно крупные и отстоящіе далеко одинъ отъ другого, частью же представляютъ изъ себя мелкіе островки и рифы, разсѣянные во множествѣ и выполняющіе сѣверную болѣе мелководную часть даннаго бассейна. Самымъ южнымъ островомъ является Энгано, гдѣ въ настоящее время населеніе чрезвычайно быстро развивается, за нимъ на нѣкоторомъ разстояніи слѣдуетъ островъ Тріестэ, который мы видѣли при приближеніи къ Суматрѣ. Далѣе примыкаетъ группа острововъ, называемыхъ островами Ментавей. Самые южные острова этой группы, именно сѣверный и южный Пагэ, называются голландцами также Нассаускими островами. Самый значительный изъ этихъ острововъ, представляющихъ въ этнографическомъ отношеніи одно цѣлое, островъ Сиберутъ; проливъ, располагающійся на уровнѣ Паданга и называемый Сиберутскимъ, отдѣляетъ этотъ островъ отъ острововъ Бату, за которыми слѣдуетъ далѣе самый значительный изъ всѣхъ острововъ, островъ Ніасъ, и за нимъ мелкіе островки Баніакъ и островъ Баби. Относительно геологическаго строенія всѣхъ этихъ острововъ мы, къ сожалѣнію, мало освѣдомлены. Всѣ они покрыты густымъ лѣсомъ и почти не изслѣдованы; врядъ ли бы стоило приводить тѣ

единичныя геологическія наблюденія, которыми мы располагаемъ по отношенію къ острову Ніасъ. Достаточно сказать, что вулканическая природа ихъ, въ противоположность Суматрѣ, еще не доказана съ достовѣрностью, хотя частыя землетрясенія, распространяющіяся отъ Суматры, захватываютъ и эти острова. Повидимому, внутри острововъ имѣется ядро первозданныхъ породъ, которое прикрыто осадочными отложеніями болѣе новаго происхожденія—на островѣ Ніасъ были найдены мергели и слои бураго угля ранняго міоценоваго періода и міоценовые коралловые известняки.

Бассейнъ, заключающійся между берегомъ Суматры и названными рядами острововъ, изобилуетъ въ сѣверной части своей многочисленными коралловыми рифами, которые дѣлаютъ судоходство опаснымъ. Въ южной части рифы имѣются лишь около береговъ Суматры, передъ которыми располагаются упомянутые уже многочисленные коралловые островки, покрытые лѣсомъ.

На морскихъ картахъ указывается около острововъ глубина до 60 саженъ, онѣ не даютъ, однако, никакихъ данныхъ относительно глубинъ въ южной части бассейна Ментавей. Мы имѣли возможность получить здѣсь цѣлый рядъ новыхъ данныхъ какъ по океанографіи, такъ и по зоологіи этой части моря, причемъ самыми важными являются, несомнѣнно, тѣ, которыя касаются глубинъ и своеобразныхъ температурныхъ условій именно южной части бассейна. Можно было предполагать, что здѣсь относительно мелководная область, и мы не мало были изумлены, найдя еще при приближеніи къ берегамъ Суматры глубину въ 1.671 метръ. Пять нашихъ промѣровъ показали затѣмъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ относительно замкнутою впадиною, гдѣ глубина достигаетъ даже 2.000 метровъ. Здѣсь имѣются, слѣдовательно, такія же условія, какія были установлены прежними изслѣдованіями въ западной части Тихаго океана. Такъ, между Филиппинскими островами и Китаемъ находится глубокая китайская впадина, къ которой примыкаютъ пять другихъ—между ними впадины Целебеса, Тимора и Банда. Относительно распредѣленія этихъ впадинъ, глубинъ ихъ и температурныхъ условій было добыто множество новыхъ и важныхъ результатовъ голландской экспедиціей «Сибога», находившейся подъ начальствомъ проф. Вебера. Достаточно сказать, что въ общемъ впадины эти значительно глубже, чѣмъ открытая «Вальдивіей» впадина у Суматры, названная проф. Зупаномъ «впадиной Ментавей». Удерживая это названіе, я долженъ лишь замѣтить, что распространю его, чтобы не придумывать новаго названія, и на болѣе мелководную сѣверную часть.

Уже прежними промѣрами было установлено, что рядъ острововъ, располагающихся передъ Суматрой, поднимается прямо съ огромныхъ глубинъ. Мы будемъ еще имѣть случай, говоря о нашихъ промѣрахъ на западъ отъ острова Ніаса, остановиться на этихъ условіяхъ подробнѣе. Проливы между отдѣльными островами оказываются, однако, не особенно глубокими. Въ Сиберутскомъ проливѣ мы нашли глубину въ 750 метровъ, а посрединѣ пролива Ніаса на югъ отъ этого острова—въ 677 метровъ. Окружающія впадину глубины, повидимому, не превосходятъ 900 метровъ.

Если сравнить теперь серіи температурныхъ наблюденій, произведенныхъ нами въ этой впадинѣ Ментавей, съ наблюденіями въ открытомъ Индійскомъ океанѣ, то оказывается, что здѣсь, начиная отъ глубины въ 900 метровъ, температура остается равною 5,9°, тогда

какъ въ открытомъ океанѣ она и глубже постепенно убываетъ, такъ что, напримѣръ, на глубинѣ 1.300 метровъ равняется +4° и на 1.700 метровъ—+3°. Изъ этой разницы въ температурахъ мы можемъ съ увѣренностью вывести, что вокругъ впадины Ментавей располагаются глубины не болѣе 900 метровъ и что, начиная отъ этой глубины, здѣсь, какъ и во всѣхъ замкнутыхъ впадинахъ, температурныя условія являются независящими отъ таковыхъ открытаго океана.

Можно лишь указать, что въ упомянутыхъ впадинахъ, изслѣдованныхъ экспедиціей «Сибога», глубина обыкновенно превышаетъ 4.000 метровъ и окружающія глубины также значительнѣе. Именно, тамъ наблюдается отсутствіе пониженія температуры, начиная съ 1.600 метровъ, отъ какой глубины начинается и постоянная температура въ +3°.

Замѣчательно еще то обстоятельство, что содержаніе соли во впадинѣ Ментавей составляетъ на поверхности 33,8 на 1.000 и менѣе значительно, чѣмъ на большихъ глубинахъ, такъ какъ, напримѣръ, на 600 метрахъ соли содержится 35,3 на тысячу. Уменьшеніе солености на поверхности обусловливается, по всей вѣроятности, тѣмъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ областью, находящейся въ районѣ сѣверо-западнаго муссона съ его обильными потоками дождевой воды.

Здѣсь повторяются приблизительно тѣ же климатическія условія, какія были нами встрѣчены въ области Гвинейскаго теченія. Какъ тамъ, такъ и здѣсь воздухъ насыщенъ влагою и чрезвычайно теплый: температура воздуха въ полдень въ среднемъ даетъ 31° С и не понижается даже и тогда, когда низвергаются сильнѣйшіе ливни, сопровождаемые грозою. Подобная гроза разыгралась въ ту самую ночь, когда мы покинули Падангъ, и прямо не вѣрилось потомъ, когда вскорѣ послѣ грозы въ совершенно гладкомъ морѣ отражались лучи полнаго мѣсяца, что только что передъ тѣмъ такъ расходились стихіи.

Вскорѣ послѣ того, какъ мы вступили въ область впадины Ментавей, насъ чрезвычайно поразили результаты нашихъ траловъ, которые заставили предполагать, что при болѣе тщательномъ изслѣдованіи намъ удастся добыть значительное количество подводныхъ сокровищъ. Надежды эти не обманули насъ, и мы остались здѣсь нѣсколько дольше, чѣмъ предполагали первоначально, и даже измѣнили нѣсколько нашъ маршрутъ, захвативъ въ районъ изслѣдованій и Никобарскіе острова.

Прежде чѣмъ говорить о зоологическихъ результатахъ, да будетъ позволено намъ обратить вниманіе читателя на самые острова и ихъ обитателей. Когда мы вечеромъ 30-го января подошли къ острову Сиберуту, намъ бросилось прежде всего въ глаза значительное отличіе общаго облика этого самаго большого изъ острововъ по сравненію съ Суматрой. Сиберутъ, хотя и гористъ, но сравнительно низменъ и, насколько хватаетъ глазъ, покрытъ густымъ дѣвственнымъ лѣсомъ, надъ которымъ располагаются тяжелыя облака тумана. Въ Падангѣ насъ настойчиво предостерегали не пытаться высадиться на островъ, такъ какъ обитатели его пользуются дурною славою. Позднѣе я сильно сожалѣлъ все же, что мы не посѣтили если не этого самаго острова, то, по крайней мѣрѣ, острововъ, располагающихся южнѣе,—причиной тому было всеобщее увлеченіе результатами нашей работы траломъ, которыми были заняты всѣ свободныя руки. Этнографическій интересъ, представляемый населеніемъ этихъ острововъ, все же настолько великъ, что я позволю себѣ сказать здѣсь о туземцахъ нѣсколько словъ. Я могу привести также и нѣсколько фотографій, изображающихъ туземцевъ,—онѣ

были мнѣ любезно предоставлены г. Ньювенгюйсомъ въ Падангѣ. Консулу Шильду я очень благодаренъ за коллекцію этнографическихъ предметовъ съ острова сѣвернаго Пагэ,—они представляютъ также большую рѣдкость для нашихъ музеевъ.

Первый европеецъ, сообщившій намъ свѣдѣнія о туземцахъ островов Ментавей, былъ нѣмецъ, г. фонъ-Розенбергъ, состоявшій на голландской службѣ и посѣтившій острова по порученію голландскаго правительства. Позднѣе, кромѣ посѣщенія островов голландскими чиновниками, при какомъ случаѣ были сняты и прилагаемыя фотографіи, острова были изучены въ 1897 г. Маасомъ и Моррисомъ—послѣднему принадлежитъ превосходное изслѣдованіе языка обитателей островов Ментавей. Что касается до внѣшности туземцевъ этихъ островов, то мы имѣемъ здѣсь племя средняго роста, отличающееся сильнымъ и красивымъ тѣлосложеніемъ и красновато-коричневымъ или желтовато-коричневымъ цвѣтомъ кожи. По типу своему они въ значительной степени уклоняются отъ малайцевъ Суматры и иногда проявляютъ нѣкоторое сходство съ папуасами—это касается въ особенности обитателей острова южнаго Пагэ. Съ другой стороны, нельзя отрицать также сходства съ даяками, обитающими на о. Борнео. Губы ихъ нѣсколько толсты, носъ длинный и плоскій и скулы выдаются не такъ сильно, какъ у малайцевъ. Глаза, большіе и выразительные, расположены не косо, хотя нижнее вѣко во внутреннемъ углу глаза и оттянуто нѣсколько книзу.

Рис. 62. Молодой туземецъ съ о. Сѣв. Пагэ.

Волоса какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, длинны, черны, слегка волнисты и либо свободно спускаются, либо завязываются въ узелъ. Молодые мужчины обрѣзаютъ ихъ спереди коротко и зачесываютъ ихъ на лобъ. Бороды, судя по фотографіямъ, у нихъ не имѣется. Бетеля туземцы островов Ментавей не жуютъ и лишь курятъ табакъ, который они свертываютъ въ видѣ сигаретокъ, заворачивая въ листья пальмы нипа, вслѣдствіе этого у нихъ бѣлые зубы, которые, кромѣ того, спереди выпиливаются въ видѣ треугольниковъ. Обитатели острова Сиберута и Пора покрываютъ свое тѣло замѣчательной татуировкой. Одѣяніе ихъ въ высшей степени примитивно. Мужчины ходятъ совершенно нагими за исключеніемъ пояса вокругъ поясницы, сотканнаго изъ волоконъ растеній и окрашеннаго въ коричневый цвѣтъ. Дальнѣйшимъ дополненіемъ наряда является огромная шляпа, какой не извѣстно ни у одного изъ дикихъ народовъ,—она приготовляется изъ листьевъ саговой пальмы. Одѣяніе женщинъ также состоитъ изъ пояса изъ лубяныхъ волоконъ вокругъ бедеръ, причемъ,

выходя изъ дому, женщина одѣваетъ еще удивительное украшеніе, которое является характернымъ для этой народности, именно какъ бы короткую юбку изъ расщипанныхъ сухихъ листьевъ банана. Тогда какъ у дѣвушекъ верхняя часть тѣла открыта, женщины надѣваютъ еще на грудь такой же воротничокъ изъ расщепленныхъ листьевъ, а на островѣ Пагэ грудь стягивается лентою, сотканною изъ лубяныхъ волоконъ. Женскія шляпы на островахъ Сиберутъ и Пора имѣютъ форму дѣтскихъ шлемовъ. На островѣ Пагэ онѣ дѣлаются изъ расщепленныхъ банановыхъ листьевъ и имѣютъ остроконечную форму.

Очень симпатичное впечатлѣніе производитъ то, что мужчины и женщины любятъ украшать себя постоянно свѣжими пестрыми цвѣтами и птичьими перьями. Въ повязку, которую они носятъ на лбу, они втыкаютъ постоянно красные цвѣты растенія Hibiscus rosa sinensis; этотъ уборъ необыкновенно подходитъ къ ихъ темной кожѣ, о чистотѣ которой они очень заботятся, совершая постоянныя омовенія и натирая ее маслами. Они любятъ также носить ожерелья изъ пестрыхъ кусочковъ раковинъ или вымѣниваемыхъ ими жемчужинъ, а вокругъ поясницы накручиваютъ длинныя ленты, сплетенныя изъ волоконъ пальмы ротанга. Какъ мужчины, такъ и женщины носятъ кольца и браслеты.

Рис. 63. Старикъ и дѣвушка съ Сѣв. Пагэ.

То обстоятельство, что острова Ментавей мало посѣщаются европейцами, обусловливается, главнымъ образомъ, присутствіемъ у островитянъ очень опаснаго оружія. Для охоты на кабановъ, оленей и обезьянъ, а также и для своей защиты они употребляютъ луки съ отравленными стрѣлами, которыми попадаютъ безъ промаха въ цѣль на 50—60 шаговъ разстоянія. Луки эти чернаго цвѣта, приготовляются изъ эластичнаго дерева пальмы салапъ (*Arenga obtusifolia*), тетева ихъ дѣлается изъ лубяныхъ волоконъ, пропитанныхъ смолою. Каждая стрѣла состоитъ изъ двухъ частей, именно изъ самаго древка, которое вырѣзается изъ черешковъ листьевъ пальмы нипа, и изъ наконечника изъ дерева *Caryota urens*, сдѣланнаго на огнѣ болѣе твердымъ. Иногда вмѣсто длинныхъ деревянныхъ наконечниковъ прикрѣпляется шипъ, взятый изъ хвоста ската или же металлическій наконечникъ, имѣющій форму ланцета. По даннымъ, сообщаемымъ Розенбергомъ, употребляемый туземцами ядъ приготовляется изъ дерева «умэй» и смѣшивается съ экстрактомъ корней кустарника *Cocculus*, причемъ прибавляется табакъ и красный перецъ. Я передалъ для изслѣдованія двѣ полученныя мною стрѣлы моему сотоварищу Бёму, извѣстному своими работами по фармакологіи, и по его наблюденіямъ оказывается, что одна изъ стрѣлъ не произвела никакого отравленія, тогда какъ другая, несмотря на то, что она такъ долго лежала безъ употребленія, выказала чрезвычайно энергичное дѣйствіе. Въ краткомъ сообщеніи его говорится слѣдующее: «Стрѣла изъ второго колчана для лучшаго укрѣ-

пленія яда обмотана на своемъ концѣ нитями, которыя затѣмъ обмазаны ядовитымъ тѣстомъ, образующимъ довольно толстый слой. Выдѣленный ядъ легко растворяется въ водѣ и растворъ 5—10 миллиграммовъ вызываетъ у лягушекъ характерную систолическую остановку сердца по прошествіи около получаса. Кошка погибаетъ черезъ одинъ часъ послѣ подкожнаго впрыскиванія раствора 0,06 грамма, причемъ также замѣчаются симптомы, характерные для сердечныхъ ядовъ. Алколоидовъ въ растворѣ яда нельзя доказать и является несомнѣннымъ, что ядъ этотъ относится къ глюкозидамъ группы сердечныхъ ядовъ и представляетъ изъ себя, по всей вѣроятности, антіаринъ, приготовленный изъ *Antiaris toxicaria*». Стрѣлы сохраняются въ бамбуковомъ колчанѣ, который носится на шнурѣ или лентѣ изъ лубяныхъ волоконъ и имѣетъ покрышку, предохраняющую стрѣлы отъ дождя и морской воды.

Кромѣ стрѣлъ и луковъ, пускаются въ ходъ также копья и кинжалы, концы которыхъ съ лезвіями по обѣимъ сторонамъ и сдѣланы изъ желѣза; послѣднее туземцы вымѣниваютъ у малайскихъ и китайскихъ торговцевъ и съ удивительнымъ искусствомъ оттачиваютъ надлежащимъ образомъ. Древко копья состоитъ изъ тонкаго бамбука и оканчивается мѣдной гильзой, на концѣ которой и находится длинное остріе. Рукоятки кинжаловъ и ихъ ножны сдѣланы очень аккуратно изъ свѣтлаго дерева; рукоятка обыкновенно изогнута и оканчивается фигурой, напоминающей голову птицы. Кинжалъ туземцы носятъ съ правой стороны за поясомъ, которымъ опоясывается животъ. Необыкновенно малы и легки щиты ихъ, покрытые какъ снутри, такъ и снаружи пестрыми узорами,—они уже и лишь немного длиннѣе шляпы и, по сравненію съ большими щитами другихъ первобытныхъ племенъ, являются совершенно игрушечными. Тѣмъ не менѣе они достаточны для того, чтобы закрывать тѣло воина отъ стрѣлъ.

Всѣ туземцы—страстные охотники и рыболовы, пускающіеся въ море на челнокахъ, сдѣланныхъ изъ выдолбленнаго ствола дерева. Челноки эти различной величины: на островѣ Нора у старшинъ поселеній имѣются большія лодки, водимающія до 120 человѣкъ, обыкновенно же употребляются лодки небольшой величины, на которыхъ мужчина съ женщиной могутъ грести, стоя на колѣняхъ, маленькими веслами. Даже дѣти пускаются въ море на маленькихъ лодочкахъ, имѣющихъ форму полумѣсяца. На островѣ Южномъ Пагэ лодки снабжены двумя бревнами, соединенными съ ними при помощи перекладинъ и служащими для поддержки равновѣсія. Форма веселъ очень различна,—иногда лопасть весла дисковидна и привязана къ рукояткѣ ротанговой пальмой, иногда обѣ части сдѣланы изъ одного куска и являются заостренными. У болѣе крупныхъ лодокъ имѣется одна или двѣ мачты, къ которымъ прикрѣпляется парусъ, сдѣланный изъ луба. Для рыбной ловли употребляются, кромѣ сѣтей, также гарпуны, которыми, повидимому, стрѣляютъ изъ лука. Подобно стрѣлѣ, такой гарпунъ состоитъ изъ двухъ частей: нижняя очень легка и сдѣлана изъ тонкаго бамбука, верхняя можетъ на нее надѣваться и несетъ три острія съ зазубринами. При помощи длинной нити, навязанной на нижнюю часть наконечника, наконечникъ не отдѣляется отъ бамбука совершенно и не теряется даже когда соскакиваетъ съ древка. Такъ, надо думать, дѣло и происходитъ, когда гарпунъ попадетъ въ рыбу: острія съ зазубринами вонзаются въ тѣло, тогда какъ легкая бамбучинка остается плавать на поверхности и, какъ поплавокъ, показываетъ, куда направилась рыба.

Жилища туземцевъ располагаются обыкновенно далеко отъ берега на небольшихъ рѣчкахъ или ручьяхъ. Въ деревняхъ ихъ, кромѣ хижинъ, встрѣчаются обширные дома собраній, гдѣ могутъ принимать участіе въ празднествахъ по нѣскольку сотъ человѣкъ. Обыкновенныя хижины у основанія прямоугольны, покоятся на бамбуковыхъ столбахъ и имѣютъ иногда выдающуюся площадку и красиво убранный фасадъ. Въ качествѣ лѣстницы служитъ стволъ дерева съ вырѣзанными въ немъ ступенями.

Вблизи деревень разводятся небольшія и очень примитивныя плантаціи колоказій, бананов, сахарнаго тростника, кокосовыхъ и саговыхъ пальмъ.

Относительно религіозныхъ вѣрованій туземцевъ, играющихъ столь важную роль въ жизни народа, что нерѣдко въ теченіе цѣлыхъ недѣль чужестранцы совершенно не допускаются въ деревни, мы знаемъ пока еще очень мало. Туземцы вѣруютъ въ существованіе добраго духа, которому они, передъ тѣмъ, какъ ѣхать на рыбную ловлю, приносятъ жертвы въ богато убранныхъ храмахъ, располагающихся среди дѣвственнаго лѣса. На островѣ Пора встрѣчаются священныя изображенія, состоящія изъ огромнаго бамбуковаго цилиндра, убраннаго пестрыми полосками матерій и цвѣтами; подобные же маленькіе священные предметы изъ свернутыхъ листьевъ, завороченныхъ въ матерію, сохраняются въ домахъ. Настоящихъ идоловъ туземцы вырѣзать не умѣютъ; въ домахъ у нихъ помѣщаются нерѣдко черепа оленей, обезьянъ, свиней и спинные щиты черепахъ и надо полагать, что все это является предметомъ поклоненія. Боязнь злыхъ духовъ и забота объ ихъ умилостивленіи обусловливаютъ различные обряды, выполняемые при всѣхъ болѣе или менѣе важныхъ случаяхъ, какъ рожденіе, свадьба или смерть.

По характеру своему туземцы представляютъ изъ себя очень жизнерадостную народность, постоянно занятую пѣснями и танцами, состязаніями въ стрѣльбѣ изъ лука и въ плаваніи и пѣтушиными боями. При танцахъ одѣвается особый передникъ и танцующіе своими тѣлодвиженіями подражаютъ полету птицъ. Ментавейцамъ вообще не чуждо понятіе объ искусствѣ, какъ это доказывается уже превосходно выполненными рѣзными украшеніями ихъ и изготовляемыми ими очень похожими изображеніями животныхъ.

Употребленіе лука и стрѣлъ считается одною изъ характерныхъ чертъ меланезійской расы. Должно, однако, принять во вниманіе, что, съ одной стороны, далеко не всѣ меланезійцы знакомы съ этимъ оружіемъ, съ другой—негритосы восточнаго Люцона также пользуются исключительно лукомъ и стрѣлами. Даяки острова Борнео стрѣляютъ исключительно отравленными стрѣлами, но для стрѣльбы употребляютъ не лукъ, а метательныя трубки, въ которыя вдувается воздухъ. Можно сказать, что на востокъ отъ Сумбавы, Целебеса и Филиппинскихъ острововъ употребляется лукъ, а на западъ отъ нихъ—метательная трубка. Тѣмъ болѣе замѣчательно, что на самой западной изъ группъ острововъ Малайскаго архипелага снова встрѣчается народность, употребляющая лукъ и отравленныя стрѣлы, которыхъ не знаютъ ни обитатели острова Энгано, ни туземцы Ніаса. Здѣсь на этихъ столь мало изслѣдованныхъ островахъ вообще встрѣчаются замѣчательные контрасты: на Энгано, напримѣръ, употребляются для защиты такіе неуклюжіе и тяжелые щиты, что они являются почти цѣлымъ домомъ, закрывающимъ воина; съ другой стороны, на островахъ Ментавей щиты становятся совершенно зачаточными.

Въ ментавейцахъ мы, несомнѣнно, имѣемъ съ этнографической точки зрѣнія очень интересную народность, о происхожденіи которой пока еще трудно что-либо сказать. Представляютъ ли изъ себя туземцы острововъ Ментавей то первоначальное населеніе, которое было распространено прежде и на Суматрѣ и затѣмъ было вытѣснено малайскими пришельцами, или же оно находится въ какой-либо связи съ полинезійцами? Эти вопросы могутъ быть разрѣшены лишь путемъ болѣе подробныхъ этнографическихъ изслѣдованій.

Послѣ описанія туземцевъ острововъ Ментавей будетъ не безънтересно привести и характеристику населенія острова Ніасъ. Ніасцы преданы фетишизму, пользуются дурною славою каннибаловъ и занимаютъ среди пестраго малайскаго населенія Архипелага совершенно изолированное положеніе. Въ южной части острова, гдѣ ихъ не коснулась культура, они вполнѣ сохранили свою самобытность и потому, быть можетъ, читатель не посѣтуетъ на насъ, если мы приведемъ здѣсь тѣ поверхностныя наблюденія, которыя были нами сдѣланы во время краткаго посѣщенія этой части острова.

Покончивъ съ работами въ проливѣ Сиберутъ мы прошли мимо низменнаго острова Бату, впереди котораго располагается маленькій островокъ Пуло-Бодзло. На немъ находится маякъ, рѣзко выдѣляющійся на темномъ фонѣ дѣвственнаго лѣса. 1-го февраля мы перешли четвертый разъ черезъ экваторъ и, въ виду полученныхъ при работѣ въ морѣ богатыхъ результатовъ, крейсировали здѣсь два дня, въ Южномъ Ніасскомъ проливѣ. 2-го февраля мы подошли въ послѣобѣденное время близко къ южному берегу острова Ніасъ и, чтобы познакомиться съ островомъ, вошли въ тихую бухту Талокъ-Даламъ. Она представляетъ изъ себя восхитительное зрѣлище,—берега ея окаймлены пальмами и съ восточной стороны дѣвственный лѣсъ спускается къ самому берегу. Мы встали на якорь на 16 саженяхъ глубины и я рѣшился съѣхать съ нѣсколькими изъ спутниковъ на берегъ, гдѣ мы замѣтили множество собравшихся коричневыхъ туземцевъ.

Бухта почти до самаго берега глубока и окаймлена коралловымъ рифомъ, состоящимъ преимущественно изъ мадрепоръ съ ихъ голубоватыми концами вѣтвей. При нѣкоторой осторожности удается подойти съ лодкой къ самому берегу, на который мы и выбрались, пройдя въ бродъ отъ коралловаго рифа. Со всѣхъ сторонъ сошлись туземцы, и для новичковъ представилось чрезвычайно интересное зрѣлище цѣлой толпы почти нагихъ, вооруженныхъ мужчинъ, которые, однако, совершенно не производили впечатлѣнія кровожадныхъ дикарей. Они встрѣтили насъ очень привѣтливо, брали насъ за руки и произносили цѣлыя рѣчи на совершенно непонятномъ для насъ, но довольно благозвучномъ нарѣчіи, сильно отличающемся отъ малайскаго. Лишь одинъ рослый туземецъ, вооруженный копьемъ и щитомъ, кричалъ намъ уже издали и подскочилъ было ко мнѣ съ поднятымъ копьемъ, но передо мной воткнулъ его въ песокъ. Потомъ онъ опять началъ очень возбужденно размахивать копьемъ и я въ первый моментъ даже пожалѣлъ, что не захватилъ съ собою оружія; когда я, однако, вставилъ ему бывшую у меня во рту горящую сигару въ ротъ, онъ успокоился и сталъ самымъ миролюбивымъ образомъ ею попыхивать.

Мы имѣли прекрасный случай познакомиться съ наружностью туземцевъ и ихъ типомъ, такъ какъ со всѣхъ сторонъ къ намъ подходило все болѣе и болѣе народу; подошли и прятавшіяся первоначально въ отдаленіи женщины.

По своей внѣшности обитатели Ніаса ближе подходятъ къ малайцамъ, чѣмъ туземцы островов Ментавей. Скулы ихъ, правда, не выдаются такъ сильно, какъ у малайцевъ, но губы толсты и носъ плоскій. Въ большинствѣ случаевъ безбородые мужчины свѣтло-кофейнаго цвѣта едва достигаютъ средняго роста, но тѣлосложеніе у нихъ необыкновенно мускулистое и граціозное. Волоса ихъ либо свѣшиваются свободно, либо завязаны въ узелъ; у нѣкоторыхъ волоса были совершенно сбриты, тогда какъ другіе оставили на головѣ только вѣнецъ короткихъ волосъ. Рѣзцы, черные отъ жеванія бетеля, нѣсколько спилены, но не заострены треугольникомъ. Изъ бойкихъ ребятишекъ многіе были обезображены отвислымъ животомъ. Женщины почти на голову ниже мужчинъ; груди у нихъ слабо развиты. Круглое лицо дѣвушекъ часто довольно пріятно, но у женщинъ обыкновенно лица истощенныя и сморщенныя. Одежда мужчинъ чрезвычайно примитивна — большинство довольствуется повязкой на поясницѣ, концы которой свѣшиваются спереди и снабжены бахрамой. У нѣкоторыхъ были одѣты открытыя на груди кофты-безрукавки, сотканныя изъ луба. У мужчинъ вокругъ лба находилась часто повязка или шнурокъ, сдерживающій волоса, тогда какъ у другихъ волоса были завязаны платкомъ и изъ него было сдѣлано нѣчто въ родѣ колпака; наконецъ, кое у кого были на головахъ и шляпы. Собранные кокосовые орѣхи туземцы приносили на бамбуковыхъ палкахъ, связанныхъ между собою въ видѣ лѣстницы. У женщинъ верхняя часть тѣла была голая, тогда какъ отъ пояса свѣшивался узкій темно-синій саронгъ. Онѣ носили круглыя малайскія шляпы изъ пальмовыхъ листьевъ, причемъ, когда несли какую-нибудь тяжесть, то клали шляпу въ сплетенный изъ луба мѣшокъ. На шеѣ у женщинъ мы видѣли шнуры со стеклянными бусами, уши ихъ были украшены большими и тяжелыми серебряными кольцами, совершенно оттягивающими мочку уха. Мужчины не носятъ серегъ, но у нѣкоторыхъ все же было проколото ухо и на шеѣ висѣли бусы. Болѣе пожилые мужчины ходили вооруженные столь характерными для острова Ніаса копьями и щитами. Древко копья дѣлается изъ пальмоваго дерева (Arenga) и оплетается кольцами ротанговой пальмы. Желѣзный наконечникъ имѣетъ лезвіе лишь съ одной стороны и снабженъ длинной зазубриной. Щитъ ніасцевъ отличается незначительной шириною и вытянутъ въ два узкихъ конца, изъ которыхъ нижній

Рис. 64. Молодой туземецъ съ о. Ніасъ.

болѣе длинный. Каждый, не исключая и самыхъ молодыхъ, носитъ при себѣ заткнутый за повязку короткій кинжалъ.

Мы одарили ихъ всѣмъ, что только у насъ было съ собою и, смѣю завѣрить, что мнѣ никогда еще не приходилось вести болѣе пріятной послѣобѣденной бесѣды: я говорилъ на чистѣйшемъ франкфуртскомъ нарѣчіи, а они мнѣ отвѣчали на превосходномъ ніасскомъ діалектѣ! Всеобщее удовольствіе достигло крайнихъ предѣловъ, когда одинъ изъ моихъ спутниковъ, на голову выше всѣхъ туземцевъ, взялъ отъ одного изъ нихъ длинное копье и, завывая не хуже ніасца, началъ воспроизводить фантастическій воинственный танецъ; ніасцы выхватили свои кинжалы, потрясали копьями и щитами и вскорѣ вся компанія пустилась въ плясъ, выдѣлывая самые невѣроятные прыжки къ великому отчаянію оставшихся на «Вальдивіи», которые думали, что на насъ совершено нападеніе.

Островъ Ніасъ съ населеніемъ приблизительно изъ 200.000 душъ находится лишь отчасти подъ голландскимъ вліяніемъ: въ главномъ населенномъ пунктѣ, находящемся на восточномъ берегу и называемомъ Гунунгъ Ситоли, живетъ голландскій контролеръ и стоитъ небольшой отрядъ войска подъ начальствомъ оберъ-лейтенанта. Контролеръ является президентомъ туземнаго суда, который рѣшаетъ всѣ дѣла по старинному обычному праву. Внѣ района Гунунгъ-Ситоли туземное населеніе почти независимо. Оно находится подъ властью многочисленныхъ райа, которымъ подчинены старосты деревень. Наиболѣе вліятельные райа носятъ въ качествѣ отличительнаго признака ихъ достоинства при торжественныхъ случаяхъ золотую корону очень оригинальной формы, особое копье и красное опахало.

Какъ разъ за послѣднее время неоднократно раздавались жалобы, что, благодаря постояннымъ распрямъ между отдѣльными общинами южнаго Ніаса, въ этой области неспокойно. Обитатели южнаго Ніаса пользуются дурною извѣстностью—говорятъ, что они часто нападаютъ на сосѣднія деревни и обращаютъ въ рабство жителей ихъ, оставшихся въ живыхъ послѣ рѣзни. Еще въ апрѣлѣ 1900 года недалеко отъ той бухты, гдѣ мы высадились, были найдены на берегу пять труповъ и между ними одинъ женскій, съ отрѣзанными головами. До 1827 года здѣсь процвѣтала торговля рабами и ежегодно вывозилось отсюда болѣе 1.500 рабовъ, но затѣмъ англійское, а впослѣдствіе голланское правительство искоренило это безобразное явленіе. Тѣмъ не менѣе и до сихъ поръ обращаются въ рабство не только туземцы, похищенные во время нападеній, но и тѣ, кто задолжалъ вождю. Послѣдніе искусно оплетаютъ своихъ должниковъ изъ года въ годъ все возрастающими долговыми обязательствами и, въ концѣ концовъ, не только самъ должникъ, но и его семья попадаетъ къ нимъ въ рабство, изъ коего можетъ освободиться лишь въ рѣдкихъ случаяхъ путемъ особенно настойчивой работы, позволяющей расплатиться. Когда умираетъ какой-либо уважаемый вождь, то, смотря по его рангу, умерщвляется бо́льшее или меньшее количество рабовъ, которые подвергаются нерѣдко предварительно страшнѣйшимъ истязаніямъ; головами ихъ украшается могила послѣ похоронъ.

По отношенію какъ къ магометанству, такъ и къ христіанству обитатели Ніаса выказываютъ полнѣйшее равнодушіе: всѣ ихъ религіозныя представленія ограничиваются вѣрованіями въ добрыхъ и злыхъ духовъ. Вліянію послѣднихъ приписываются всѣ несчастные случаи, заболѣваніе и смерть. Священнослужители ніасцевъ, такъ называемые

«зара», упражняются въ изгнаніи духовъ, какъ профессіональные заклинатели и шарлатаны. Добрые духи, остающіеся жить въ душахъ умершихъ, воспроизводятся въ видѣ изображеній предковъ или домашнихъ божествъ, такъ называемыхъ «аджу», которые ставятся въ домахъ. Въ деревняхъ нерѣдко ставятся идолы болѣе значительныхъ размѣровъ, сдѣланные изъ камня и являющіеся покровителями деревень, у вождей же пользуются большимъ почетомъ украшенные рѣзьбою и одѣтые въ платья изображенія ихъ предковъ.

Что касается до характера ніасцевъ, то въ немъ перемѣшаны весьма симпатичныя черты съ совершенно отталкивающими. Жестокость, съ которою они не щадятъ при своихъ нападеніяхъ даже женщинъ и дѣтей, умерщвленіе рабовъ, жадность вождей и стремленіе ихъ закабалить своихъ подданныхъ обусловили, быть можетъ, возникновеніе гораздо худшаго представленія объ этомъ племени, чѣмъ оно въ дѣйствительности заслуживаетъ. Всѣ, кто долго жилъ съ ними вмѣстѣ или кому даже приходилось только имѣть дѣло съ ніасцами, выселившимися на Суматру, не могутъ, съ другой стороны, нахвалиться ихъ чистосердечію и честности. Въ торговыхъ пунктахъ ихъ цѣнятъ также, какъ людей въ высшей степени жизнерадостныхъ, любящихъ попѣть и повеселиться, но въ то же время и очень прилежныхъ работниковъ. Особенно зарекомендовали они себя какъ превосходные мастера—опытные кузнецы и ткачи. Точно также они являются превосходными плотниками, чему служатъ доказательствомъ уже ихъ прекрасныя жилища, воздвигнутыя на огромныхъ столбахъ,—дворцы мѣстныхъ вождей отличаются иногда чрезвычайно красивой архитектурой и превосходно украшены рѣзьбою.

Ніасцы, переселяющіеся на Суматру, легко подвергаются вліянію культуры и быстро возвышаются надъ общимъ уровнемъ развитія первобытныхъ людей, живущіе же на островѣ крѣпко держатся старины. Въ Падангѣ мнѣ случилось въ сопровожденіи консула побывать на ніасской свадьбѣ. Передъ входомъ въ характерную хижину ніасскаго стиля были выставлены домашнія божества, внутри же двигалась замѣчательно спокойно разряженная по праздничному толпа туземцевъ. Насъ посадили на почетныя мѣста и мы любовались оттуда оригинальными туземными танцами мужчинъ и дѣвушекъ, за которыми, къ моему величайшему изумленію, послѣдовала безупречно воспроизведенная кадриль даже съ дирижированіемъ по французски. Мы вынесли такое впечатлѣніе, что народность эта, во всякомъ случаѣ, высоко одарена.

Если голландцамъ удастся болѣе твердо основаться на островѣ Ніасѣ и положить конецъ случающимся тамъ жестокостямъ, то надо ожидать, что туземное населеніе острова окажется однимъ изъ наиболѣе пригодныхъ къ воспріятію культуры племенъ малайской расы.

Прежними глубоководными промѣрами было установлено, что берега Явы и Суматры, обращенные къ Индійскому океану, опускаются въ море глубиною въ 5—6.000 метровъ. Подобные крутые обрывы, какъ мы замѣчали еще ранѣе, не представляютъ изъ себя ничего особеннаго въ тѣхъ областяхъ, гдѣ благодаря вулканическимъ явленіямъ нарушается нормальное расположеніе слоевъ земной поверхности. Рельефъ дна вдоль сѣверо-западнаго берега Суматры не былъ точнѣе изученъ и намъ казалось интереснымъ выяснить путемъ серіи промѣровъ подробнѣе, какой наклонъ здѣсь имѣетъ дно. Потому мы отошли 3-го

февраля на 60 морскихъ миль отъ острова Ніасъ и измѣрили глубину, которая оказалась здѣсь очень значительной, именно въ 5.214 метровъ. Придонная температура была +1,2° и грунтъ дна состоялъ изъ тонкаго зеленовато-сѣраго ила. Промѣры, произведенные на одинаковыхъ разстояніяхъ по направленію къ берегу, показали глубины въ 3.127, 1.143 и 600 метровъ—цифры, дающія достаточно наглядную картину того, какъ быстро понижается здѣсь дно на сравнительно короткомъ разстояніи.

Дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ при помощи глубоководныхъ термометровъ и вертикальныхъ сѣтей препятствовало очень сильное теченіе по направленію къ сѣверу. Благодаря этому теченію, по поверхности плыло огромное количество саргассовъ, между которыми развита въ высшей степени оригинальная фауна низшихъ организмовъ. Во многихъ отношеніяхъ эта фауна напоминаетъ ту, которая встрѣчается въ Саргассовомъ морѣ Атлантическаго океана,—это сказывается и въ рѣзко выраженной покровительственной окраскѣ, замѣтной почти у всѣхъ видовъ. Ихъ желтовато или зеленовато-коричневые тона такъ удивительно гармонируютъ съ окраской водорослей, что водяныя птицы, охотящіяся за этой мелкой добычей, находятъ ихъ, вѣроятно, лишь съ большимъ трудомъ. Въ составъ такой плавучей саргассовой фауны входили рыбы, моллюски, ракообразные и черви. Между рыбами выдающееся мѣсто занималъ ведущій и въ Атлантическомъ океанѣ такой же образъ жизни родъ *Antennarius* и одинъ изъ представителей чешуеперыхъ, спинной плавникъ котораго былъ курьезно вырѣзанъ и не только по своей окраскѣ, но и по формѣ удивительно напоминалъ листья водоросли. То же самое можно сказать и объ одномъ голомъ моллюскѣ съ придатками, чрезвычайно похожими на листья; моллюскъ этотъ (*Elysia*) быстро ползаетъ и чрезвычайно приспособился къ жизни въ плавучихъ водоросляхъ. Отдѣленный отъ нихъ онъ казался совершенно безпомощнымъ, извивался изъ стороны въ сторону и не могъ сдвинуться съ мѣста. Между ракообразными мы нашли здѣсь двухъ маленькихъ крабовъ, относящихся къ родамъ *Nautilograpsus* и *Neptunus*, которые также поразительно подходили по своей окраскѣ къ окружающей средѣ; то же самое сходство проявлялъ и одинъ изъ расщепленогихъ раковъ и два небольшіе кольчатые червя.

Какъ въ Южно-Ніасскомъ, такъ и въ Сѣверо-Ніасскомъ проливѣ мы предприняли, идя по направленію къ островамъ Баньякъ, рядъ работъ траломъ, давшихъ превосходные результаты. Островъ Большой Баньякъ относительно низменъ и покрытъ лѣсомъ, спускающимся до самаго берега. Меньшій по величинѣ Западный Баньякъ болѣе высокъ и обладаетъ хорошей гаванью, почему мы и направились къ нему, но по дорогѣ насъ застигъ такой страшный ливень, что, хотя мы и приблизились къ острову на полмили, мы не рѣшились все же войти въ его гавань, такъ какъ совершенно не видѣли береговъ. Послѣ того, какъ мы обошли островокъ Пуло-Баби, располагающійся передъ Суматрой, низменный и покрытый густымъ дѣвственнымъ лѣсомъ, мы взяли направленіе на часть Суматры, носящую названіе Атье или Ачинъ. Мы находились въ мѣстности, которую моряки не любятъ не только за ея рифы, но и за дурной нравъ населенія. Руководства къ мореплаванію предостерегаютъ серьезнѣйшимъ образомъ противъ высадки и сообщаютъ лаконически слѣдующее: «Команда парохода «Гокъ» въ 1886 году, когда онъ стоялъ на якорѣ передъ м. Ригасъ,

подверглась нападенію со стороны туземцевъ, причемъ бо́льшая часть европейцевъ была умерщвлена». Туземцы при этомъ примѣнили такую тактику: они нанялись помогать въ работахъ на пароходѣ и затѣмъ, улучивъ минуту, напали на европейцевъ и пустили въ ходъ спрятанные заранѣе кинжалы.

Солнце какъ бы указывало на то, что почва обагрена здѣсь кровью, и озарило при своемъ восходѣ 6-го февраля вершины Атье кроваво-красными лучами. Суматра еще разъ показалась намъ во всемъ блескѣ своей чарующей прелести. Чѣмъ ближе подходили мы къ берегу и именно къ проливу Суррать, тѣмъ выше поднимались послѣдніе отроги хребта Баризанъ, завершаясь величественною вершиной Бату-Мукура въ 1.942 метра высоты. Когда мы проходили Сурратскимъ проливомъ и обходили мысъ Атье, параллельныя цѣпи горъ раздвигались передъ нами, какъ декораціи и, закутанный въ прозрачный туманъ, становился все замѣтнѣе отрогъ самой задней цѣпи, такъ называемая Золотая гора (1.726 метровъ). Сурратскій проливъ—одно изъ наиболѣе живописныхъ мѣстъ Малайскаго архипелага. Онъ съуживается огромнымъ количествомъ мелкихъ и крупныхъ острововъ, которые располагаются недалеко отъ Суматры. Сѣверо-восточный пассатъ задулъ нѣсколько свѣжѣе, расчистилъ облака и открылъ видъ на рейдъ Ачина съ небольшимъ прибрежнымъ мѣстечкомъ Олелэ. Нѣсколько голландскихъ бронированныхъ пароходовъ и одно военное судно, которому мы должны были отвѣтить сигналомъ, куда идемъ, стояли здѣсь на якорѣ, указывая на то, что мы приблизились къ мѣстностямъ, гдѣ въ теченіе уже многихъ лѣтъ разыгрываются кровавыя трагедіи. Между крайними отрогами хребта Баризанъ располагается здѣсь долина Котта-Раджа, знаменитая эпидеміями маляріи и бери-бери и защищенная отъ нападеній туземцевъ полиссадами.

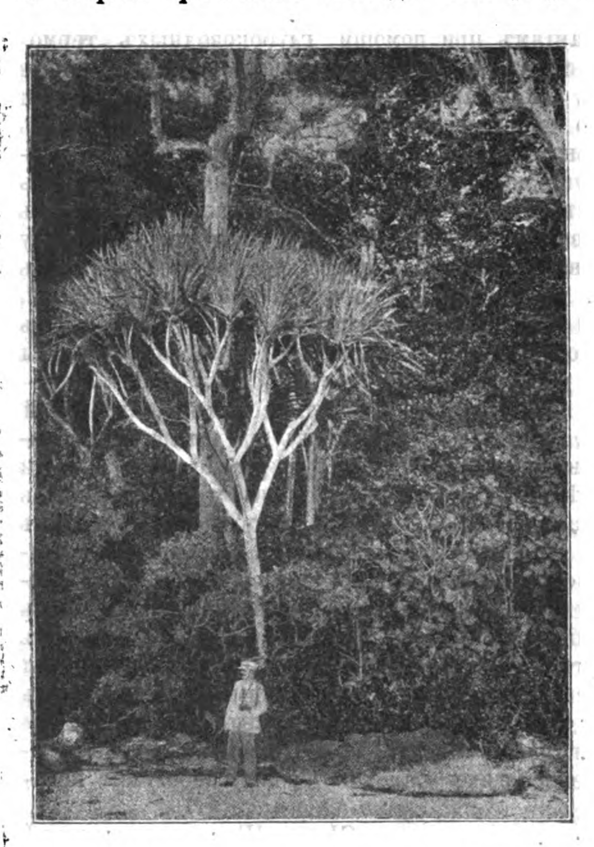

Рис. 65. Береговая растительность о. Пуло-Вэ.

Мы нашли еще время побывать вечеромъ на противолежащемъ рейду Олелэ островкѣ Пуло-Вэ. Найденный нами на берегу растрепанный голландскій солдатскій шлемъ и слѣды босоногихъ людей заставили насъ серьезно призадуматься, но вскорѣ вниманіе наше было

стр.

16. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Харьковскіе кобзари.—Предѣлы крестьянскаго самоуправленія. — «Тавричане». — Изъ школьныхъ воспоминаній.—Изверженія грязнаго вулкана на Кавказѣ.—Русскіе рабочіе въ Пруссіи.—За мѣсяцъ. . . . 25
17. Изъ русскихъ журналовъ. («Русская Мысль»—май; «Историческій Вѣстникъ»—май; «Новое Дѣло»—май).. 38
18. За границей. Миръ и домашнія дѣла въ Англіи.—Музей мира и войны.—Изъ дебрей Испаніи.—Общественная жизнь въ Германіи.—Изъ области женскаго движенія во Франціи.—Китайская періодическая печать. 44
19. Изъ иностранныхъ журналовъ. Л. Н. Толстой о воспитаніи и обученіи. — Женское движеніе въ европейскихъ государствахъ.— Образованіе негровъ и роль ихъ въ Соединенныхъ Штатахъ.—Эпизоды изъ бурской войны. 56
20. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ. За мамонтомъ. П. Ю. Шмидта. . . . 63
21. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Отклоненіе маятника въ Индіи.—Сейсмографъ, какъ барометръ.—Жидкіе кристаллы.—Еще о цвѣтной фотографіи.—Клещи на корняхъ винограда.—Глазъ крота.—Чума у птицъ.—Движеніе кишекъ, видимое благодаря лучамъ Рентгена.—Общество для изученія психологіи животныхъ.—Отравленіе пивомъ. В. А. 72
22. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика.—Критика и исторія литературы.—Исторія русская.—Философія.—Географія и этнографія.—Естествознаніе.—Медицина.—Новыя книги, поступившія въ редакцію 81
23. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 108

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

24. ДОСТОПОЧТЕННЫЙ ПИТЕРЪ СТЕРЛИНГЪ. Романъ П. Л. Форда. (Продолженіе). Переводъ съ англійскаго Л. Я. Сердечной. 161
25. ИЗЪ ГЛУБИНЪ ОКЕАНА. Описаніе путешествія первой германской глубоководной экспедиціи Карла Куна. (Продолженіе). Переводъ съ нѣмецкаго П. Ю. Шмидта. Съ многочисл. рисунками. 175

„МІРЪ БОЖІЙ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(28 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ — въ главной конторѣ и редакціи: Разъѣзжая, 7 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ: въ отдѣленіяхъ конторы—въ конторѣ *Печковской*, Петровскія линіи, и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха.

1) *Рукописи*, присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны*, снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей.

2) Непринятыя мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу нихъ редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) *Лица*, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ семикопѣечную марку.

5) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

6) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи.

7) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

8) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

9) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 25 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

10) При переходѣ петербургскихъ подписчиковъ въ иногородніе доплачивается 50 копѣекъ; изъ иногороднихъ въ петербургскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того же разряда 14 копѣекъ.

11) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Контора редакціи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія *съ редакторомъ по вторникамъ*, отъ 2 до 4 час., *кромѣ праздничныхъ дней*.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи 8 руб., безъ доставки 7 руб., за границу 10 руб.

Адресъ: С.-Петербургъ, Разъѣзжая, 7.

Издательница М. К. Куприна-Давыдова. Редакторъ Ѳ. Д. Батюшковъ.

6951

AP 50
.M67
v. 11
no. 7
1902

MIR BOZHII

Serial

10-27-69 BINDERY NOV - 7 1969

AP 50
.M67
v.11
no.7
1902

MIR BOZHII

CHICAGO LIBRARIES

U of Chicago
55015206